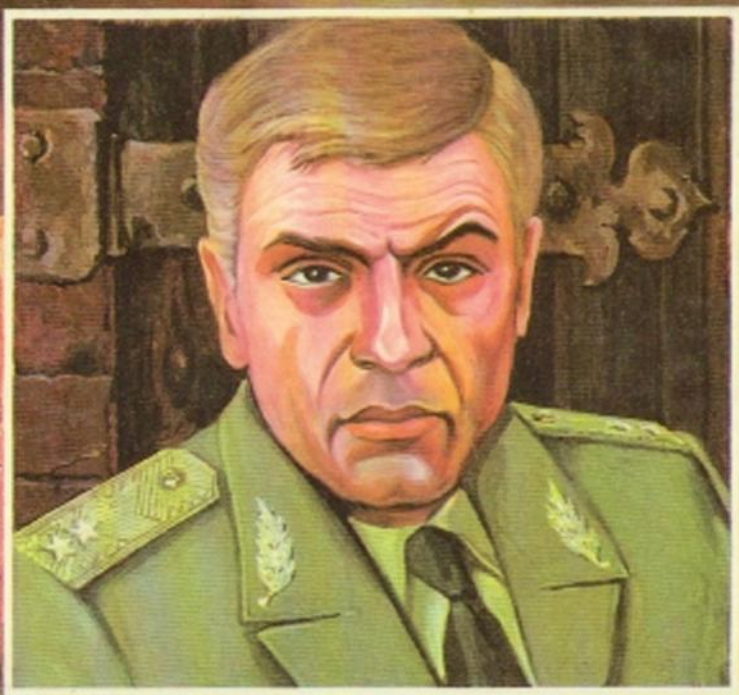

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Александр ГЕРА

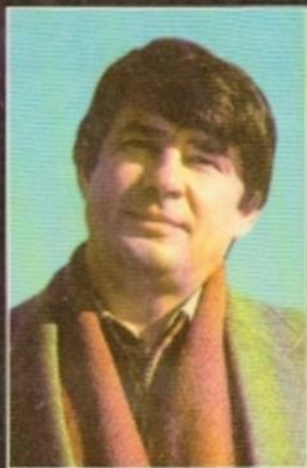
НАБАТ 2

Александр
ГЕРА

НАБАТ 2

Это — роман-предупреждение. Роман о том, как, возможно, и **НЕ БУДЕТ**, но **МОЖЕТ БЫТЬ**. И если так будет — это будет страшно...

Это — невероятная смесь реальности и фантастики, политического триллера и антиутопии, настоящего и будущего, книга, в которой трудно отличить вымысел от истины.

Это — роман о том, как случайная ошибка может привести — и приводит — к ошибкам все более непоправимым, а раз неверно выбранный путь становится гибельным для миллионов людей.

Так **МОЖЕТ БЫТЬ**. Так **БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО**..

Это издание — дань памяти
Александра Ивановича Геры

Посвящается
единственному искренне духовному другу автора
Геннадию Михайловичу Андронову

ISBN 5-237-03409-8

9 785237 034097

Александр ГЕРА

НАБАТ 2

**Москва
1999**

Художник Ю.Д. Федичкин

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Гера А.

Г37 Набат 2: Роман. — М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. — 592 с.

ISBN 5-237-03409-8

Это — роман-предупреждение. Роман о том, как, возможно, и не будет, но может быть. И если так будет — это будет страшно... Это — невероятная смесь реальности и фантастики, политического триллера и антиутопии, настоящего и будущего, книга, в которой трудно отделить вымысел от истины. Это — роман о том, как случайная ошибка может привести — и приводит — к ошибкам все более непоправным, а раз неверно выбранный путь становится гибельным для миллионов людей. Так МОЖЕТ БЫТЬ. Так БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО...

© А. Гера, 1999

© Оформление.

ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

*Роман посвящается моему духовному
другу Андронову Геннадию Михайловичу*

Часть третья
ПОТОП

— Беда, Всевышний! — возопили ангелы, которым Творец велел надзирать за водами. — В России затевают переброску рек с севера на юг!

— Какая глупость! Они накликают потоп, — возмутился Творец. — Найдите человекам более глупых вождей: клин клином вышибать надо...

С вешними водами пленум ЦК КПСС избрал нового Генерального секретаря, отмеченного божьим знаком на челе в виде плевка.

Слава Всевышнему, грандиозные планы переброса сибирских рек положили в долгий ящик. Зато стали перестраивать этот никому не нужный ящик.

*Есть пути, которые кажутся
человеку прямыми, но конец их —
путь к смерти.*

Соломоновы притчи

1—1

Через Туруханск на Ессей: дальше на Хатангу рукой подать, а там и ходке конец. Свобода! И деньги, жить можно...

Из семи лет, отпущенных Сыроватову на перевоспитание в местах отдаленных и славных, где отбывали срок пролетарские вожди, он трубил четвертый год, а три скостили за трудовой пыл, занявшийся в Иване Сыроватове.

— Деньжишки с умом тратить стану, — рассказывал Сыроватов напарнику. — Домишко куплю, яблонь насажу, вишен и обязательно женюсь. Кемарики, пора на себя работать. Вакари масу ка?

— Поняру, — ответил напарник-японец. А понял для себя самое важное: русский грейдерист деньги вложит в хозяйство, а стройку не бросит. С ним хорошо работать, добрый он...

Из плексигласовой кабины грейдера обзор на все стороны. Слева каменный уклон к речушке, справа почти вприценку те же камни вверх к приземистым соснам и редким заполярным березам, а сзади ровнехонькая трасса, четыре катка в ряд проходят...

Японец вежлив с напарником, у него свои проблемы: контракт на пять лет — Хатанга, Жиганск, Верхоянск. Потом еще контракт куда-нибудь, еще... И куда? Живут общиной, никому не нужные, то казаки обижают, то подростки грабят... Президент Гречаный поклялся за десять лет по всей России проложить баны под асфальт и бетон, куда отправил всех японцев. Они, стало быть, очень сознательные и работающие, пусть наших учат. Наши — русские, в большинстве своем отработывают за бунтарство.

— Я теперь не попадусь, ученый, с дерьмом связываться не стану. Все вожди наши — засранцы. Идею нам скармли-

вают, а себе жареную курочку. Меня в Сибирь, а сами ближе к солнышку особняки построили, чтоб им ни дна ни покрывки!

«Чего бы злиться Сыроватову? — думает японец. — Не та Сибирь, третий год подряд оттепель зимой, снега малую горстку выпадает. Что еще надо? Тепло...»

— О, едут христовы воители, — еще больше озлился Сыроватов.

Оками знал, как Иван ненавидит казаков. Поежил.

Впереди маячил казак. Лошадь шла неторопливым шагом, ее хозяин не спешил уступать дорогу грейдеру.

Неинтересная встреча: Сыроватову всего ничего отсидки осталось, и так он боялся сорваться, когда зацепляли казачки. Два раза ему уже мяли бока за вызывающее поведение и пригрозили оставить в тундре на веки вечные. В виде памятника.

Грейдер еле тащился. Всаднику надоело первому, он потянул поводья и развернул лошадь навстречу. Метров за пять от нее Сыроватов остановил машину. Из кабины не вылез. Крепился.

Не спешил и казак. Кто в кабине, он заведомо знал от других охранников и о взрывном характере его знал: Ванька Сыроватов, безбожник, бывший убивец. Да вот расконвоированный... Казак выжидал момента, когда Сыроватов раздухарится, тогда можно вызвать наряд и всыпать возбужающему по первое число за неуважение к воинству христову.

Обещанная казакам сладкая жизнь и воля вольная оборвалась три года назад. Президент Гречаный, избранный ими атаман, велел казакам оставить насиженные места и отправиться в Сибирь — быть государевым оком. Поворчали, но поехали и здесь свое зло вымещали на ссыльных, отбывающих срок за всякие провинности на прокладке трасс. Цеплялись ко всему. И «Боже, царя храни», и «Походную» заставляли петь, и ребра мяли. Японцев не трогали, но повод для нападок находили: они, мол, и чужое небо коптят, и чужой хлеб едят, а христово воинство считало себя полноправным хозяином земли от моря до моря и хлеба от корки до корки. Только вот атаман их шибко высоко сел, земляков забыл. Оттого и пенились.

— Почему зла столько? — спросил Оками Сыроватова, когда того крепко оттузили в первый раз.

Размазывая кровавую юшку из разбитого носа, Иван ответил прямо:

— А набрали в казачество полукровок, чистота казачья и помутилась. Не казак, не хохол, не пеший, не всадник. Кентавры...

— Хо! Смотри! — крикнул японец.

Сзади приближался джип.

— Да уж, — понурился Иван. — Моторизованные всадники...

Тех, кому оставалось чуть дотянуть срок, доставали особенно.

Джип плавно снизил скорость и принял к обочине вровень с казаком. Тот с ухмылкой дождался, сжимая в руках ультракоротковолновую станцию, пагайка в другой руке.

Из джипа вышли трое; держались они осанисто, никого из них казак не признал. Но не интересовался.

— Чего стоишь пень пнем? — спросил один, с квадратной челюстью бывшего бойца.

— Надо, и стою, — сплюнул казак и поправил папаху. Жарковато. — Архангелы, что ль?

На это не обратили внимания, а помахали тем, кто сидел в кабинке грейдера:

— Сыроватов, да ты возьми и пододвинь его с лошадкой, зачем тебе мощную технику вверили?

Сыроватов говорившего не признал, но полярность интересов уразумел верно. Подмигнул японцу и полез с верхотуры на землю.

— Привет, корешок! — встретили его улыбками прибывшие. — Али своих не признал?

— Постой, постой... — сунул пятерню под кепи Сыроватов, заскреб в затылке. — Чухрин из команды Сумарокова? Он! Коля!

— Еще бы! — сгреб Ивана в охапку старый дружок. — А Ленчика не признал? Вот же он! — перепихнул Чухрин Сыроватова в другие объятия под гогот всей команды.

— Рсбята! — посоловел Сыроватов от прилива чувств. — Какими ветрами в наши полутеплые края?

— По твою душу... А ты, казачок, чего zenки тарачишь?

— Ты ехай, ехай, — осмелел Сыроватов. — Поищи другого лоха.

Казак снова сплюнул и тряхнул поводья.

— Ладно, вдругорядь свидимся. Этого Сыроватова пора уже мочить, как Голландию...

— Так чего там, толком говорите? — сжигало любопытство Сыроватова. — Кому я понадобился?

— Про это, Ваня, потом. Перво-наперво указ вышел о твоём помиловании.

— Это вы из Москвы никак? — аж присел Сыроватов от новости.

— Не скажи... Мы тут, почитай, месяц колесим, своих вызволяем и казачкам за старое поминаем. Хватит остальных за негров считать.

— В самую дырочку сказал, — припомнились незаслуженные обиды Сыроватову. — Озверели, будто мы им эту долю справили, — выговаривал он, а волновало другое: законно его вызволяют или кураж? — Указ кто подписал?

— Гречаный. Ввиду надвигающейся угрозы нападения иноверцев с южных границ объявить амнистию всем бойцам спецназа на всякий пожарный случай.

— А что, на своих кентавров не надеется уже?

— Надо понимать, — ухмыльнулся Чухрин. — Он за ведистов ратовал, а казачки от Христа не отказались. Тогда он им опалу придумал, сюда загнал, вот они с Бурмистровым, тезкой твоим, характерами и не сошлись. Тогда Гречаный с Сумароковым стал заигрывать, архангеловцам послабление сделал. Это Момот с Луцевичем ему присоветовали. Только Судских один блаженным остался. Никуда не лезет, живет себе в деревне, репу выращивает и деток плодит.

— Веселая арифметика, — заржал Сыроватов. — А вы теперь при ком почкуетесь?

— Как при ком? Командир прежний, Сумароков. Под знамя архангела Михаила встаешь? — Вопрос без околичностей. Ивану не очень хотелось, только могут не понять.

— Всегда готов, — изобразил он энтузиазм и отсалютовал по-пионерски.

— Тогда полезай в салон-вагон, и поехали.

— Эй, Оками, дружище! — опомнился Сыроватов. — Поживи без меня. Я уехал на свободу!

Японец, наблюдавший всю встречу из кабины, пожал плечами и запустил двигатель. Дорогу строить надо и без напарника, плакаться некому.

Грейдер вздохнул пневматикой, гидравликой и покатил вперед.

— Мори то идзуми ни какомарете, сидзука ни немуру бру, бру, бру счато, — запел он старую песню, какую пел ему отец, когда Оками едва исполнился годик: «Лес и родник в тишине, спит голубой-голубой замок». В двадцать он напевал ее молодой жене, а в двадцать три — дочурке. «Спи, все тихо и голубое-голубое небо...» А потом ничего не осталось и песен петь некому. Не стало Японии. Только три маленьких островка, три горушки...

Пока был жив Тамура, в России к японцам относились снисхо. Год назад он погиб при странных обстоятельствах, и с ними не церемонились.

Трасса делала плавный поворот и выходила к мосту. Его возводили соплеменники Оками. Если дело касалось качества, японцы были незаменимы. Тихие, как муравьи.

«Доделаю профиль и посижу у костра с товарищами. Приятно».

О чем будут говорить? Чаше помалкивать, словно табу лежит на многих темах. Разве что посетуют на безалаберность русских, которые так ничему и не научились...

«Ой, какие, — с испугом отмечает Оками. — Одно не достроят, а уже ломают ради постройки другого. Боги наказывают, — утверждается в мысли Оками. — Бодливой корове Бог рог не дает». Так сами русские говорят...

Когда японцы судачат об этом, они о судьбе самой Японии не поминают, наказанной, по их молчаливому согласию, за легкомыслие и забвение национальных святынь. Хватало в ее истории жестокостей: брат брата искоренял, из подневольных до жмыха соки выдавливали, и двоесарствие было, и монахи ради наживы оружие в руки брали, и лежало на японцах проклятие с тех самых пор, когда завезли они из Китая чужеземную культуру, разбавив японскую кровь. Только легко зажили — и нет Японии...

— Ой-я! — испуганно воскликнул Оками: из-за скалы навстречу грейдеру выехали пятеро конных, прежний казак среди них. Нет напарника, и теперь они отыграются на нем всласть...

Велели остановиться и спуститься на землю.

— Эй, чукча, куда твой напарник делся?

— Увезри какие-то начарники, — простовато ответил

Оками, услужливо улыбаясь.

— Какие такие начальники?

— Моя не знает.

— Номера запомнил?

— Немножко, — быстро кланяется Оками, надеясь, что его услужливость вреда Сыроватову не принесет: — Зеро, зеро и четыре.

— Архангеловцы, — меж собой решают казаки, потеряв интерес к японцу. — Паши дальше, смотри, — погрозил старший нагайкой.

Задевать сторонников общества «Меч архангела Михаила» казаки побаивались. За теми стояла сила — и делить-то нечего, один гонорок разве что, а сходились в одном: прочь иноземцев со святой Руси.

Без приключений закончил Оками участок трассы, вывел грейдер на стоянку и пешком пошел к своим. У костерка на обочине грелась бригада японских монтажников, в котелке булькала вода. Оками присоединился и сразу поведал о происшествии.

— Скоро опять смута будет, — закивали, выслушав, японцы. — Сначала нас изживут, потом меж собой драться станут.

— Сначала евреев.

— Сначала магометан.

Согласились: от этого не легче.

— А тепло, однако, — сменил тему Оками.

— Тепло, тепло, — поддакнули ему. — Льды тают. Радио говорило, море уже пол-Франции съело.

— Так уж и половину?

— Ну что ты споришь? Бискайский залив на тысячу километров вглубь проник, сам слышал, Голландия и Дания под воду ушли.

— Потоп грядет, оттого и тепло стало...

Согласились.

— А вот наши из Тюмени вернулись, говорят, земля просела на скважинах метров до десяти — пятнадцати. Пусто под землей...

— Точно-точно! Как в Эмиратах: нефть выкачали, и провалились дворцы вместе с золотыми унитазами.

— И вода наступает...

— А Гречаный не боится, дороги строит.

Согласились: сюда вода не придет. Высоко.

— Надо нам здесь удержаться.

— Выгонят.

Идти у президента охранную грамоту просить. Наши деньги Гречаному помогли, он Тамуре клялся не обижать нас.

— А что, Оками, ты родственник Тамуры, поезжай в Москву, а?

— Посхать можно, только у меня контракт долгий.

— Мы отработаем, сам понимаешь.

— Посхать можно, если договоритесь. Только не допустят меня к президенту. Казаки изобьют, еще и работы лишусь.

— Обожди, Оками. Ты не сразу к Гречаному пойдешь, сначала к Судских. И мы тебя не просто так посылаем: повезешь Гречаному «меморандум Тамуры».

— Это не поможет. Сейчас каждый мальчишка это знает, — возражал Оками. — Каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

— А вот и нет, — настаивают японцы. — Счетных таблиц никто не видел. Их знает один старик Мориока и немножко Судских. Тамура никому их не доверил, а когда разочаровался в Гречаном, вовсе. Поэтому Мориока-сан передаст тебе ключевую фразу, ты встретишься с Судских, а он поможет тебе в обмен получить охранную грамоту у Гречаного. Это правильно.

— А он согласится, не обманет?

— Это последний остался порядочный человек из русских. Тамура-сан доверял только ему. Судских — божий человек.

Прибежал наконец мальчишка, сын одного из контрактников, принес из передвижного лагеря травяной сбор для чая. Оживились сразу, серьезные разговоры оставили: удовольствие посмаковать настоящий зеленый чай знают только японцы. Они и здесь, в далекой Сибири, наловчились распознавать целебные травы, собирали их, сушили, заваривали. Такой чай поддерживал дух, пился с достоинством самураев, и тогда звонили в душе колокола утонувшей родины через толщу вод...

За мальчишкой увязалась собачонка и принялась радостно носиться среди людей.

Едва разлили отвар по кружкам, принесло троих конных.

— Вот некстати, — проворчал бригадир. Остальные настороженно помалкивали. Будто впервые...

— Что, чукчи, отраву пьете? — спросил один с погончиками подьесаула, куражился.

— Чай мало-мало.

— Сакэ давай.

— Нету сакэ, нельзя, наказывать будут, — отвсчали ему. — Чай, пожаруйста.

— Да пошел ты с чаем! Чай — не водка, много не выпьешь, — цедил слова подьссаул, а внимание переключил на скачущую собачонку. Примерившись, он выщелкнул нагайку, намереваясь ударом захватить ее в петлю.

Собачонка оказалась смышленной. Увернувшись от удара, она припала к земле, выжидая, что последует дальше.

— Ах ты, тля...

Японцы делали вид, будто эти забавы их не касаются, пили чай, причмокивая. Подьссаул снова щелкнул нагайкой, и опять собачонка вывернулась и, будто потешаясь, не убежала прочь. Казак раздухарился:

— Петро, дай твою нагайку. Она со свинчаткой и длинней будет.

Ему дали другую нагайку. Подьссаул зажал ее в руки поухватистее, примерился.

— Держись, псявка...

Перестарался он дюже: замах вышел кособокий, и вместо того, чтобы захватить собачонку в петлю, нагайка обвилась вокруг шеи ближайшего казака. Потяг руки вышел ошутимый, и всадник от неожиданности свалился наземь, захрипел, сиюсь освободиться от петли. Спасибо, товарищи вызволили.

— Ты совсем, Назар, спятил? — сипло спросил обиженный.

Обескураженный подьссаул пришел в себя, рванул карабин из-за спины и повернул коня на собачонку.

— Ну, курва!..

Конь вздыбился, заржав.

— Нечиста сила! — загомонили казаки. — Охолонь, Назар!

А тут еще подьссаул вывалился из седла. Храпел испуганно конь, крутил кровавыми глазами, розовая пена падала хлопьями с губ. Происходили невероятные вещи: Христос отказывал казакам в защите.

— Стос кресс, — пробормотал невпопад подьссаул, закрестился. Сумрачно оглядев японцев, которые будто ничему, кроме живительного чайного запаха, не внимали, он взгромоздился в седло и дернул поводья прочь. За ним —

оставшиеся. Без матюков и угроз. Еще и потрескивало что-то в воздухе, а попробовал задний оглянуться — громыхнуло в небе, он голову втянул в плечи.

А может, и показалось — у страха глаза велики, — только собачонка потявкала вслед.

— Мир вам! — услышали японцы и, оглянувшись на груду камней за спинами, увидели там старичка в колушке и подростка рядом. Как говорится: только в театре. Но отбили дощечки «тён-тён», и новое действие началось. Или не заметили смены картин одного действия? Увлечлись...

А пришедшие только кланялись, глубоко сгибаясь в поясе.

— Комбан ва, — распрямился подросток, подошел к костерку. — О-тя ва ойсии десу ка?*

Собачонка, лапаясь, подползла на брюхе к подростку.

— Да вы не бойтесь нас, — успокоил старик. — Вреда не принесем. Сами вот с внуком жизнь постигаем. Путники мы.

А подросток на японском неторопливо изложил, как они попали сюда, путешествуя, пока старик блаженно вдыхал аромат чая.

Наконец к японцам вернулся дар речи, и старик с подростком получили по кружке горячего чая с благодарностью.

Выслушав через подростка японские обиды на притеснителей, старик крикнул и сказал:

— Не бойтесь супостатов, скоро бич божий на них самих обрушится, а спасутся только те, кто в истинного Бога верит. Раз вам довелось от грехов отцовских на чужбине спастись, Он вас обережет. Станьте лицом к востоку, где ваша родина была, и молитесь: с нами Бог Ори. А лицо своего Бога представляйте...

Кто же это заявился к ним? — размышляли боязненно японцы. Может, сам Господь, недостижимый, странный, но сильный и святой. Собачку — только он! — не дал обидеть. Видели? Все видели.

Довериться Ориу на чужбине?

Ох, боязно...

Оба, старик и подросток, согревшись чаем, поблагодарили и без лишнего суесловия зашагали прочь.

— Оками, — сказал бригадир монтажников. — Это знак тебе был на дороге. Верное дело, говорю.

* Добрый вечер. Вкусный чай? (яп.)

Собачонка сидела неподалеку от костерка и, попеременно поднимая лапы, поскуливала. Она смотрела в сторону ушедших и словно ожидала команды от японцев бежать за ними.

— Так беги, — истолковал ее поведение Оками.

Собачонка подняла голову к Оками и перестала скулить.

Она выдохнула, как делают это собаки, и легла на вытянутые вперед лапы, неотрывно глядя в сторону ушедших. Японцы заговорили разом, обсуждая такой поступок:

— Гляди-ка, не пошла. Трудный путь странникам выпадает...

1—2

Невероятные превращения случаются с каждым главой государства, едва он переступает порог своего сановного кабинета и на отпущенное количество лет становится властелином державы. Куда исчезают его пылкие заверения любить свой народ и пестовать его завоевания, куда исчезают его соратники по прежним боям за власть? Всемирная история обходится пальцами двух рук, чтобы счесть справедливых и достойных взятым обязательствам, самой клятве на Библии или Конституции, остальные пребывают в той грязи, которой их перемазывает свита лакеев, а потом, обваляв в муке, наклеивает казиноным клеем перья, придав образ гордой птицы. Тяжелая от всего этого, она, конечно, лететь не может.

Но если Всевышний изваял недоумков, где же смертным из муки и перьев на казиноной основе заполучить птицу? Забавные потуги: на казиноной основе производят козлов.

Хорошо, если получится козел отпущения.

Из мало-мальски честного человека ничего вылепить нельзя. Он — Человек, и только. Не шулер, не Гитлер, не отказник, не лабазник, не помазанник и даже не казан, где варят казеин, а Казанник. Такой служить будет, прислуживать — никогда.

Что интересно: одним из немногих почитаемых президентов был Рейган. Почему? Обрел-таки аудиторию, правильно следуя режиссуре и продюсерам. Кто платит, тот заказывает

музыку. Чтобы слышать аккомпанемент, надо иметь хороший слух.

Россиянам с избранниками завсегда не везло. Что-то происходит с их слухом, потеряв который, они спешат развесить лапшу на уши избирателям.

У Горбачева был плохой дирижер, и текст он перевибрил знатно.

У Ельцина дирижеров хватало, но дружбы с пернатыми не вышло. Вместо орлов и лебедей окружил себя ястржембской породой попугаев. Они ему всю партитуру переврали. Уж на что был хорош Гречаный! Скурвился. Народ, как тот прибор — курвиметр, кривизну его полета сразу вычислил. А ведь орел был, казачина, честный, как Казанник.

Что, казалось бы, надо человеку для счастья? Как орлу, козь орел, — свежатинки для дыхания, слуха и зрения. Если червь, дерьмеца погуще. Но удивительное дело: вершины доступны только орлам и пресмыкающимся, а пока разберешься, кто там наверху восседает, крылышки-то и подрезали, лететь неохота.

Гречаный вступал в президентство окрыленный, с острым слухом и зрением. Казначейский карман пух от зарубежных поступлений, держава обрела прежнее величие, долги выплачены, сами Христа ради даем на поддержку штанов — и вдруг...

Гречаный хорошо помнил этот Судный день.

Доложили о прибытии атамана по внутренним проблемам с конфиденциальным сообщением. Он велел впустить немедленно.

Пока сапоги атамана глухо бухали по ковру кабинета, настроение Гречаного менялось от мажорного к минорному ключу. Во-первых, Новокшонов, не соблюдая этикета, принципиально обут в тяжелые яловые обутки, а не хромачи, во-вторых, не доложил в приемной, по какому вопросу конфиденциальность.

У самого парадного кресла Гречаного буханье оборвалось.

— Семен Артемович, на нефтяных промыслах повсеместно проседает грунт. Кое-где до двадцати метров. Едва успеваем людей эвакуировать, на демонтаж времени нет, — доложил Новокшонов.

— Какие меры приняты? — спрашивал, выгадывая время, чтобы скрыть растерянность, Гречаный.

— Панику пресекаю, а грунты не вернуть, — честно отвечал Новокшенов.

— А наладить добычу из-под воды не догадался?

— Пока никто не догадался пальцем скважины бурить, — заносчиво ответил Новокшенов. — Год назад предупреждал, что надо готовить дубляжи, год назад сообщал, что плывет грунт. Никто пальцем не шевельнул. Окружил ты себя, Артемыч, сучьим лакейским племенем.

— Не зарывайся! — проснулось раздражение у Гречаного.

— А ты не забывайся, — не испугался независимый Новокшенов, его избирал казацкий круг, а ему президентский указ — не указ. — Забыл девяносто восьмой? Напомнить, куда сволота Россию завела? Не балуй, Артемыч, казаки злы, перья тебе враз выщипают, шибко высоко взлетел, чтобы конского пота не нюхать.

В тот день Гречаный заново спустился с небес на землю. Он красиво выстоял раунд с Гуртовым по очкам, нокаутом свалил Воливача, воздел к небу пояс победителя, как вдруг под ним сам ринг провалился. Можно править африканским племенем одним постукиванием черепков, можно потрясти ядерными черепками над головами цивилизованных дикарей, боязливых от практицизма ума, но лишиться нефти — означает быть правителем дикарей в ожидании перестука чужой дубины по своим черепкам...

— Чревато последствиями? — не выказал неуверенности Гречаный, превозмог ее.

— Крахом, — не позолотил пилюлю Новокшенов. Бывший буйна голова из команды «морских витязей», Новокшенов ни себя, ни других не щадил. Высказался предельно ясно и принялся разглядывать грязь на каблуках яловых тяжело-весов. Осмотрел их внимательно и добавил: — Мое дело правду высказать, а тебе — в царском кресле распорядиться с головой, с головой и командуй. Ты вот дороги выше Тюмени стал ладить — умно, там у нас много чего закопано, и мы верим тебе. Найдется и нефть.

— Сам знаю. Подскажи лучше, чем ближнюю дыру затыкать? Запасов у нас не так много.

— Я так простецки мыслю, — взялся развивать идею Новокшенов. — Господь пока Расею берег. Прочие державы под воду или под зноем иссыхают, нам боженька новые моря создает и солнышком балует ровно. Там соленая водичка

наступает, а у нас пресная выступает. Почему негры в Америке взбунтовались? Пресной воды не хватало, а у нас — залейся. Ездить будет не на чем? А кони на что? А установки обогащенной смеси купили у немцев? Налаживай серийный выпуск. Им не до них, а нам кстати. И скажи мне, Артемыч, почему у нас изобретений не стало? Мозги жиром заплыли?

Гречаный старался отвечать на подковырки спокойно:

— Эти установки изобрели наши эмигранты.

— Изобрели здесь, продали там, — не лез за словом в карман Новокшенов. — А теперь сюда просят. Так ты им премию посули: кто хочет гражданство получить, пусть мозгами раскинут. Пусть промышленные установки создают.

— Пусть создают, — согласился Гречаный. — А скажи честно, большая лужа образуется на месте нефтяных разработок?

— Пол-Сибири. Больше Черного моря с глубинами до пятнадцати метров. Судоходный бассейн с выходом в Арктику. И столицу давно пора за Урал переносить. Город построил, чего медлишь?

— Кто бы мог подумать, — занятый своими мыслями, говорил Гречаный, — что Россия станет океанской державой подлинно.

— А ты не торопись в Нептуны рядиться. Ты сначала пересели народ с затопляемых мест, всех приюти и обогрей. Денег куры не клюют, а твои столожопые начальники прежним образом взятки дерут, а дела тормозят. Найди ты на них управу, молодежь двигай, гони заевшихся! Атаман ты или нет?

Гречаный расстался с Новокшеновым в приподнятом настроении. Не так страшен, оказывается, черт. Судьба по-прежнему сулила удачу.

Но с того памятного дня разладились ходики этой судьбы.

Писаки вовсю нахваливали золотой век России, а ржавчина уже разъедала механизм созидания. Едва Россия отправилась в плавание по чистой воде, обозначился крен от избытка чиновничьей знати. В матросы не шли из-за панства, в матросы не брали из-за чванства.

А старая гвардия? Где она, чтобы подобно Новокшенову резать правду-матку? Нету! Не торопятся к нему...

Милый Ванечка Бурмистров, надежда Гречаного, явился следом за Новокшеновым и на правах любимца плюхнулся в кресло: любимца наглежащего.

— А не пора ли, Семен Артемович, за старую гвардию взяться?

Прежний сценарий: молодежь дорогу расчищает.

— Зачем это ты? — сразу решил показать характер Гречаный. — Не рано ли нос задрал?

— По ветру держу. А коль я круто аккорд взял, на то и поставлен музыку рекомендовать.

— Ваня, — отечески произнес Гречаный, — семь шлепков из коровьего зада — это не музыка, а ты всего лишь пастух.

— Ладно, Семен Артемович, обижать. Говорю, значит, не зря.

— Выкладывай, — раздраженно промолвил Гречаный. Не получалось отеческого разговора.

— Момот причастен к убийству семьи банкира Либкина.

Что ответить? Момот утвердился в позиции генерального прокурора, и стоило уговоров уговорить его, смягчить жесткие меры. Момот настоял на возврате системы лагерей и поселений с принудительным трудом. Он превратил казаков в церберов и вертухаев. Кое-кому нравилось подавление казацкой вольницы и ужесточение законов, но обиженных большинство. Не помогли дружеские беседы, и Гречаный созвал Высший Совет. Удивился ли президент, когда его члены с доводами Генерального прокурора согласились? Нет, было обидно. Не надо, мол, торопиться с либерализмом, сначала надо искоренять уголовщину самым жестоким образом. В Высшем Совете заседали состоятельные персоны, им не хотелось ломать голову над проблемами. Есть герой — Момот, вот и чудненько, ему и флаг в руки. Вся держава нынче живет сыто, чего еще надо? Обуздав несогласие с Высшим Советом, президент подписал рескрипт «Об ужесточении мер к нарушителям законности».

Некогда веселивший публику процессами над лжезнахарками, Момот показал свои коготки позже. Получалось, не президент говорит последнее слово, а Генеральный прокурор, любимый всеми и уважаемый авторитет. А он — вроде болванчика, хоть и президент.

«Сукин сын! Но свой. Помог стать президентом. Каждый знает. И что теперь с ним делать, если отчетливо видно, как Момот прибирает власть к рукам?» — размышлял и отмалчивался Гречаный.

Бурмистров напомнил о себе:

— Решаете, Семен Артемович, как поступить? Закрывать глаза или смотреть сквозь пальцы?

— Какие доказательства? Давно ли появились?

— Почти сразу. На квартире Либкина было отслежено на камерах практически все от начала до конца. Сразу я не стал докладывать, питал надежду, что Момот в тень уйдет и не понадобится вашего соратника за хобот прищучивать, а он уже президента подмял...

— А ты скромно и тихо стал за меня думать? Чем лучше? — высказал обиду Гречаный.

Вместо того чтобы взорваться, Гречаный подумал с грустью: «Каково было Воливачу разочароваться в сподвижниках?» «Мне жаль господина Воливача», — припомнились и пророческие слова Тамуры.

Собираясь с ответом, Гречаный пришел к выводу, что пениться ему нечего. И Бурмистрову, и Момоту он сам позволил по-хозяйски распоряжаться в своих ведомствах. Совет оба восприняли буквально, и теперь их интересы столкнулись, двум медведям стало тесно в одной берлоге. Но хозяин-то он! Значит, надо жертвовать одним из них... Так поступали все владыки.

Тогда прощай Республика, да здравствует Империя!

Кем именно жертвовать, Гречаный оставил на потом. Был и другой резон, чисто русский: а вдруг само рассосется. Есть такой чисто бабский вариант надежды: если ребенок сам начинает ходить, вдруг он в чреве сам по себе рассосется?

— Тогда, если ты такой думающий, подскажи, как поступить?

— Прижать Момоту хвост и убрать из прокуратуры. Можно полюбовно, учитывая старые заслуги.

— Без крови, стало быть?

— А я крови и не требовал, — возразил Бурмистров. — Мне главное, чтобы никто не высовывался поперед бабки.

«А Ванечка еще в бабки не помышляет», — подумал Гречаный и отвел глаза в сторону. Улыбался Ванька нахально, с пониманием.

— А с Сумароковым как поступить? Он в любовники не гош, — намекал Бурмистров на другую индульгенцию для развязывания рук.

И в этом случае Гречаный не нашелся с ответом сразу. Общество «Меч архангела Михаила» переросло в угрожающую силу. Утверждая славянскую мораль, оно некоторое время обходилось без конфликтов с властями, но участились случаи вспышек ненависти среди населения к инородцам. Подстрекали архангеловцы. Сначала они выпихнули из России нелегалов китайцев, корейцев, вьетнамцев, потом взялись за японцев, а тем и податься некуда, из-за чего Тамура грозился покарать всю Россию. С прочими, русскоговорящими иноверцами архангеловцы расправились руками Момота. Серией показательных процессов он поставил их перед выбором: либо выезжать из России, либо на стройки великой Сибири. Вестимо, перелетные птицы потянулись к теплу. Потом наступил черед казачества. Стычки участились. Свою опору Гречаный не мог давать в обиду.

— Дай мне, Ваня, время подумать. Сумарокова так просто не возьмешь. Это политика.

— Только не долго, Семен Артемович, наши жалуются, а опору свою выбивать нельзя, — сошлись во мнении Гречаный и Бурмистров. — Я своими силами могу им крылышки подрезать.

— Только не воспитывай меня, Ваня, в своем духе, — назидал Гречаный. — То, что ты знаешь и можешь, я давно прошел. Другие методы нужны, чтобы сделать державу сильной и доброй.

— А такого не бывает, Семен Артемович, — возразил Бурмистров, и довольно напористо. — Держава — женского рода. Будучи доброй, она рано или поздно заразу в дом принесет. Сначала евреи пользовали ее во все места, теперь того гляди негры начнут домогаться. Баба и есть баба. А нам клан нужен, чтоб дырок поменьше, а руки посильнее. Подержавнее, так сказать.

— Красиво у тебя получается, песня прямо: в седло прыгнул, шашкой взмахнул — и покой наступил. Что ж тогда казачество опорой духовной не стало, что ж не вышло?

— Вышло как надо. Только у вас другие советчики появились, подсказывали вам казаков по дальним границам разогнать, архангеловцы и расплодились.

— А я не собирался делать из казачества правящую касту. И Сумарокову не дам других притеснять. Но суть-то в другом: мы создавали сильное и подлинно справедливое госу-

дарство на духовной основе. Условия прекрасные, от долгов избавились, а духовности как не было, так и нет. И молодежь нас ни во что не ставит.

— Это к Игорю Петровичу. Он у нас главный поп, а мое дело заразе духовной и физической заслон ставить.

— Валяй, — выдохся противиться Гречаный.

К разговору с Момотом он готовился долго. То общие интересы переплетались, то не с руки затевать пристрастный разговор. Ваня Бурмистров ситуацию расплетал со своей колокольни, ему с Момотом детей не крестить, как говаривали раньше, а они добрый пуд соли съели, как и сейчас говорится. Выручил Гречаного сам Момот — аудиенции попросил.

— Замечаю, Семен Артемович, как-то вы на меня косо глядеть стали. Есть резон? — удобно разместившись в кресле, начал разговор Момот.

— Есть, — не стал кривить душой Гречаный. — Бурмистров раскопал вашу причастность к делу Либкина, — также на вы отвечал Гречаный, сохраняя дистанцию ружейного огня.

Момот к откровенности Гречаного отнесся спокойно.

— Как собираетесь поступить?

— Хотел бы вас послушать для начала. Вы для меня и России сделали много и даже слишком, уподобляться неблагодарным правителям не хотелось бы, но и в прежней ипостаси вам оставаться нельзя. Излишков много. Понимаете, как трудно мне принимать решение?

— Очень понимаю. Если понимать сугубо вашу позицию. А грех ли это — задавить клопа-кровососа? Думаю, не грех и вы со мной солидарны. Однако травить клопов следует со всеми предосторожностями: скрытно и тщательно. А что ж милейший Ванечка в те дни и ночи глазки закрыл? Ванечка по моей просьбе не посылал тогда казацкие разъезды на ту улицу, позволил Сумарокову спокойно жить дальше. Пока Момот громил клоповник, всем нравилось, а теперь, видите ли, дворяне с преступником ничего общего иметь не желают. Я, Семен Артемович, может быть, ради одной той ночи вернулся в Россию и стал под ваши знамена. Я все отдал, чтобы эти знамена опять не стали красными, чтобы вам же править было легче, а теперь не осталось у меня желания кого-то карать еще. Я удовлетворен. Ваш справедливый суд приму, а ради тщеславия Ванечки не сдамся.

— Он не тщеславен, он не искушен.

— В целочках после сорока пяти ходить опасно, обмен веществ нарушается, — с усмешкой сказал Момот.

— Что? — не понял Гречаный.

— Когда Ванечка потеряет девственность, незапятнанную свою принципиальность, — пояснил Момот, — это будет ваша, Семен Артемович, трагедия. Сломается он на таком посту, ибо он сродни ассенизаторской участи. Нужно вовремя уходить со сцены. Мне пора. Позвольте, Семен Артемович, уйти в отставку и помогать вам в другом месте и в другой ипостаси, — встал и склонил голову Момот. Пошучивал.

— Где же? — не хотел фиглярничать Гречаный.

— Мы с Игорем затеяли продолжить исследования Тамуры. Уже началась активная сейсмическая подвижка поверхности планеты, и хорошо бы загодя к ней подготовиться. Если господин президент проникнется нашими заботами, надеемся на помощь.

Он говорил полуофициально о таких вещах, от которых у Гречаного мурашки бежали по коже. Сведения о таянии ледников Арктики, затоплении Европы и засухе в Америке он получал регулярно, да и в России неподвластная никому божья длань перекраивала границы морей и суши, но как-то воспринималось это обыденно, а тут Момот будничным тоном упомянул о тонущем корабле и увязал с ним погибшего Тамуру. Перст напоминающий. Мол, все в порядке, капитан, только мы собираемся шлюпочку оснастить и отчалить, а вы уж сами грэбите дальше.

Он почувствовал себя безмерно одиноким, как любой капитан, имеющий возможность выбросить за борт кого угодно и не имеющий только одной возможности — оставить вот так запросто корабль. И ничего не поделаешь, остается ждать и надеяться, что его поступки правильно поймут, пробоину заделают или сообщат вовремя о беде, чтобы последним, но сойти с корабля.

«Вот так, Ваня, — мысленно обратился он к Бурмистрову с укоризной, — еще издается самая лживая газета «Правда», а провидение велит возвращаться в пещерный век».

— Какая помощь нужна? — остался капитаном Гречаный.

— Прежняя. Денежки и место для создания лаборатории. Момот не упомянул ничего из арсенала намеков, и Гречаный поспешно ответил:

— Будет все необходимое. Ручаюсь.

Рук не пожимали. На том и разошлись.

Отставку Момота Бурмистров принял без злорадства. Ушел и ушел. Освободилось место для своего человека, можно служить казачеству дальше и, само собой, очищать Россию от чужеродных элементов. Для казаков в первую очередь необходимо пространство, пусть молодежь заменит их в Сибири, а то никто им не указ: плеер на уши, глаза в компьютер, а как папа с мамой холодильник пополняют — это чужие проблемы. Так пусть казачки помашут нагайками над прыщавыми задницами, привьют детишкам духовность...

Прежний Ванечка, отзывчивый паренек, давно заматерел, и перемены в нем окружающие увидели. Он не перенял манеры Судских в работе, зато властная натура Воливача пробудилась в нем сразу. Манеры обходных действий он четко перенял, умение помалкивать до поры, а потом напомнить и оставаться незапятнанным. После Момота Бурмистров решил разобраться с прежним наставником.

Судских занимал пост главы комитета прогнозирования — ввели такой по его просьбе, — и с ним Иван решил не миндальничать, не испрашивать президентского разрешения: вызвал к себе на Лубянку на первый случай.

— Игорь Петрович, что это вы последнее время Сумарокова нахваливаете? — спросил он, едва Судских степенно вошел в кабинет. Прихлебнул чай с лимоном, не поздоровался, не потрудился встать навстречу.

Судских властные повадки бывшего подчиненного воспринял с грустной усмешкой, ответил ему независимо:

— Никогда ни его общество, ни самого Сумарокова я не хвалил. Даже наоборот, предупреждал президента, когда был вхож к нему, поблажек не делать. Антисемитизм, антагонизм — изнанка одна — вред обществу, его раскол.

— Про это не надо, — выставил обе руки вперед Бурмистров. — Хвалили ведь Сумарокова?

— Повторяю: никогда и нигде.

— А у меня другие сведения, — перебил Бурмистров. — Вы давеча выступали перед студентами прикладной математики и микросенсорике и сказали, что «Меч архангела Михаила» следует беречь и пользоваться им в крайних случаях. Как это понимать?

— Ах вот оно что, — опять грустно усмехнулся Судских. — Без кавычек надо понимать. Термин такой в микросенсорике.

Только чего вдруг не Сумароков дает ответы Бурмистрову, а Судских? — развлекался он, разглядывая важного Ванечку за председательским столом. Пододвинул стул и сел удобнее, не раздеваясь, нога на ногу.

— Работа у нас такая, — не без издевки ответил Бурмистров. — Чтобы кое-кто не заблудился в дебрях.

— Не заблудится, — успокоил Судских. — Поскольку я объяснил непричастность к обществу архангела Михаила, могу идти?

— Когда скажу, пойдете, — перешел на жесткий тон Бурмистров. — С завтрашнего дня прошу составлять для меня детальный отчет о проведенных экспериментах. Я должен быть в курсе.

✓ — Чего не выучил Гансик, того не выучит Ганс.

— Игорь Петрович, не надо риторики. Я вас уважаю, но хочу предупредить: вольнодумства не потерплю ради безопасности страны.

— Эх, Ваня, Ваня, — хмыкнул Судских, прикрывшись ладонью. — Не тем боком подрумянился ты в нашей духовке.

Иван выпучил глаза, а Судских перешел на жесткий тон:

— Шашкой махать, когда она под рукой, всяк умеет. А не боязно поскользнуться на ровном месте, пугая учителей?

— Так это вы меня пугать надумали? — упер руки в стол Иван.

— Сиди! — осадил Судских. — Ты мне даже стул не предложил, чаек попиваешь, засранец эдакий, недоучка хренов, а замахиваешься на неподвластное! До тебя здесь не один начальник скovyрнулся только потому, что считал себя властителем тайн!

Таким Иван никогда не видел Судских. И вряд ли кто видел. Бывший шеф постарел, стал суше фигурой, и сухость его слов вспыхнула от нечаянной искры Ванечки.

— Запомни, Ванятка, меня раньше мало интересовали посты, а теперь вовсе. Место мало красит человека. Как был ты для меня Ваняткой, так и остался. Поэтому с пустяками не беспокой, никаких отчетов я составлять не буду.

«А не пугнуть ли его на самом деле?» — загорелся Судских.

Не прощаясь, он встал, зыркнул глазами и покинул кабинет, а Бурмистров никак не мог сообразить, как из стакана переместился на бумаги кружок лимона? Не мог он задеть стакан — чай на месте...

Горячность никогда не была в характере Ивана Бурмистрова, и возмущение Судских он воспринял как факт и только с простеньким выводом: на него обиделся старый человек. А в чем, собственно, дело? Когда-то он повиновался ему беспрекословно, теперь он желает видеть все винтики закрученными — только и всего.

Ладно, Судских он на время оставит в покое, а за Момота возьмется основательно и неторопливо.

Походив по просторному кабинету, он прикинул, как именно следует бороться с крамолой, чтобы не вмешался президент, не заступался за старых товарищей. Скрип хромачей убеждал его в силе и правильности действий.

Для начала он вежливо пригласил Момота на Лубянку: следует, так сказать, определить политику двух всемогущих ведомств.

Момот появился, если так можно выразиться о шестидесятилетнем человеке, с ясным взором младенца. Ванечка немного робел перед ним, памятуя прежние давние встречи, но именно преодоление робости в себе казалось ему наиболее важным для успеха.

Возможно, тактика Ванечки принесла бы свои плоды в будущем, но Момот до Лубянки общался с Судских и был с ним согласен: если Бурмистрова не осадить сразу, он натворит дел. Президент вожжи отпустил — ни шпионов вокруг, ни оппозиции внутри, а междоусобной грызней пусть Ванечка занимается самостоятельно.

Момот с послушным видом и Ванечка с открытым лицом.

Бурмистров усадил гостя не к столу, а в кресло в уголке отдыха, сам сел напротив, и беседа потекла. Зачем рядить долго, если факт причастности Момота к убийству Либкина установлен?

— А я пока не слышал, что существует уголовное дело по этому факту. Во всяком случае, в генпрокуратуре его закрыли сразу за отсутствием улик. Президент не имел претензий.

— Разумеется, — согласился Иван. — Докладывал президенту Генеральный прокурор. По-товарищески.

— Будем откровенны, Иван Петрович, вам нужен компромат?

— Компроматов хватает. Я хочу разобраться по справедливости. Я вообще за справедливость.

«Мельчает народец, — посетовал про себя Момот с ухмылкой. — Теперь уже от сытости главному жандарму страны мерещится революционная ситуация. Логика рассуждений забылась, а рефлексy остались — гавкать надо, а то кормить не будут».

— Георгий Георгиевич, ваши услуги неоценимы, однако наше государство именно благодаря справедливой политике возродилось.

— Которую я повсеместно насаждаю, — за Бурмистрова продолжил Момот с изрядной толикой дурашливости в голосе. — Справедливость, знаете ли, с какой стороны баррикады смотреть. Помните, в прошлом веке диваны в кучу сваливали, пролетки, двери трактиров выламывали — это хорошие люди делали ради справедливости, а плохие со своей справедливостью стреляли в хороших, а потом новые двери ставили и новые диваны покупали.

Бурмистров нахмурился, и Момот поспешил стать серьезным:

— Дорогой Иван Петрович, мне в жизни хватает всего. И любви, и денег, и справедливости. Даже безо всяких постов и привилегий. Только одна моя книга по микросенсорике приносит ежегодный доход в десять крат больший, чем ваша годовичная зарплата. За глаза хватает. Старушкам раздаю. Я не жадный. Тем не менее я оставил тихий уголок, где мог бы написать еще одну дорогостоящую книгу, и, еще раз поверив в торжество справедливости, примчался в Россию. Вы не станете отрицать, что президентом Гречаный стал благодаря усилиям Момота. Я верил. И меня в очередной раз обманули. Президент стал президентом, казаки остались казаками, а россияне — холопами. Я взял на себя миссию, и весьма ответственную — привлечь к ответу тех, кто разворовывал и распродал Россию в пору безумного Бориски. Все орали взахлеб: «Справедливо! К стенке!» Едва процессы закончились под улюлюканье толпы, меня называли жестоким, а рыжую команду жалели.

— Не много надо ума стариков судить, — заметил Бурмистров.

— Да? Почему же не отказались от возвращенных наворованных рыжих миллиардов?

— Это деньги России.

— А рыжая команда — шалуны, которых несправедливо приговорил к высшей мере злодей Момот. А кровососная система коммерческих банков? Момот сломал, но зачем же он малых деток угробил? Зачем он без суда и следствия прекрасных людей покарал? Так думает Иван Петрович Бурмистров, борец за справедливость?

— Я думаю так, как положено, и вы за красивые слова не прячьтесь. Прямо сейчас я арестую вас, — осердился Бурмистров. Одно дело — вежливая беседа, другое — кабинет, где вершили суд Дзержинский, Берия, Андропов, теперь он, Иван Бурмистров.

— Не торопись, Иван Петрович, — насмешливо урезонил Момот. И Бурмистров не спешил вызывать конвой. — Поговорим, а там видно будет. Глядишь, ваше дурное мнение обо мне рассосется.

— Посмотрим, — поджал губы Иван.

— Не казни я Либкина, по сей день быть бы России спеленатой путами зависимости. Никто не посмел бы судить его. Он был прав правойтой прожорливого зверя. Вся рыжая команда была всего лишь лакеями Либкина, а за лакеев князь ломаного гроша не дают. Попался — сдохни. А Либкин подчиняется только суду масонов. И неподсуден суду холопскому, каким он считал наш гражданский суд.

— А масонского суда не боитесь? — ехидно спросил Бурмистров.

— Боюсь. Потому что те, кому я служил верой и правдой, оказались примитивными и предпочитают управлять холопами. Делить ответственность не хотят, им удобнее находить крайнего. Никогда у нас не возродится духовность. Христианство похерили, новой вере не помогли, детей взрастили в бездуховности. Крышка нам.

— Заносит вас, Георгий Георгиевич, — без насмешки сказал Бурмистров. — Не надо нас хоронить. Я пока на посту. Могу и не выпустить из этого здания.

— Не разойтись ли нам полюбовно? — спросил Момот. — Мне дела нет до проступков старого знакомого.

— Не разойдемся.

— Тогда на совести господина Бурмистрова будет истребление казачества.

— Хватит! — перекосило от бешенства лицо Бурмистрова.

— Нет уж, друг мой, позвольте закончить, — настаивал Момот. — Другого такого случая не представится, и если вам судьбы России небезразличны, свершите над собой суд сами. Угроз ваших я не боюсь, поэтому слушайте.

Момот свел кончики пальцев вместе и неторопливо продолжил:

— Смольников сумел просчитать неодолимые центробежные силы, способные разрушить Россию руками казаков. Суть его расчетов такова: казаки архаичны в своих воззрениях на веру и новой, то бишь забытой старой, не примут лет двести. Гречаный ставил на возрождение ведизма и мирился с упрямым казачеством, поскольку, кроме как на казачество, ему опереться не на кого. Придя к власти, он забыл о детище, им же порожденном. Казаки же посчитали, что укрепились в России навсегда, значит, можно перекроить ее по образу своему и подобию. Так получилось сейчас, а тогда Воливач искал противовес казачеству. Его нашел Смольников. Подросший Ваня Бурмистров взял грех на душу ради спасения братьев-казаков, тем самым породив антипод — архангеловцев.

Только теперь Иван нашел себя сидящим в литовском доме Момота. Он слаб, ему учиться еще и учиться, а сукно казацкого чекменя не вызывает желания потрогать его и ощутить добротность. До смерти надоел рассевшийся тут Момот...

— Как жить дальше будем, Иван Петрович? — вернул его из раздумий Момот.

— Как? — переспросил Бурмистров и опять погрузился в себя. Ни страха, ни боли — протрация.

— Давайте так, — подсказал Момот. — Я за свои грехи пред Богом сам отвечу, а вы сами.

— Торг?

— Не стоит. Больно товар у нас обоих с душком.

Иван превозмог раздавленность и заговорил через силу:

— Хорошо, Георгий Георгиевич, но как мне жить дальше? Я ж не о себе пекусь, я ж к России сторожем приставлен. Когда ж нам суждено стать сильными и справедливыми?

— Невозможно, друг мой. Добро с кулаками бывает только в поэзии, а в прозе нерифмованная гадость. Ах, Ванечка, кто ж вас так изуродовал? Впрочем, служение клану всегда уродует, нивелирует естество, и новое поколение безжалост-

но считает породивших его уродов. Таков закон отрицания отрицаний. Ну что? — без перехода спросил Момот. — Разойдемся полюбовно?

Однако Бурмистров не спешил отпускать гостя:

— Георгий Георгиевич, почему вы перестали верить в возрождение России?

— Я прагматик и верю только числам. А расчеты показывают, что без духовности России не бывать. Это не религия, Ванечка, не христианство, не ислам либо другое какое поветрие. Религия — ярмо, а духовность — крылья. Пегас в хомуте летать не может. А вырастить крылья требуется не одна сотня лет. А времени опять впритык. Не вписались мы в божий график.

— Так что же такое духовность? — перемешалось все в голове Бурмистрова, он перестал соображать.

— Отказ от поедания друг друга и себе подобных. Я вот, Ванечка, тебе добра желал, помогал в лабиринтах зла разбираться, а ты меня пожрать надумал. Ладно я, а наставника своего, мудрого старика Судских, зачем? Орлом возомнил себя? Ну лети. А куда вернешься? Гнездо сам и рушишь безвозвратно. Бездуховно. Помню карикатурку: пилоты сбросили мощнейшую бомбу, все развалили, и один другого спрашивает: а куда садиться будем?

— Но ведь убили вы человека! — вымучивал слова Бурмистров. Было нестерпимо противно оправдываться. Отвык.

— Нет, Ваня, я казнил его по приговору моей совести. Будь суд, он бы выкрутился по законам своей совести. Моя оказалась ближе к Лобному месту. Помнишь Мавроди? Мерзавец обобрал тысячи людей и самым бессовестным образом мылился в депутаты. А партийцев не забыл? Они Россию в распыл пустили и ни капельки не раскаялись. Как вспомню чужиную морду преступника Лукьянова, который рассуждает в парламенте о справедливой миссии коммунистов, блевать тянет. За три года я разыскал всех и устроил над ними справедливый суд. Ах, зачем над стариками измываться! — трубили газеты. А у них дети, Ваня, выросшие на безнаказанности. Я потребовал для них высшей меры. Со мной не согласились: их осудили условно. Так вот, Ваня, я тебе еще один компромат на себя даю: я, именем Всевышнего, приговорил их к мучительной смерти. Проверь, как нынче эти старички, их дети и внуки маются. Кто заснуть не может от кошмаров,

кто с грыжей килограмм на пять мается, кого метастазы грызут. И это справедливый суд. Высший. За попрание духовности. За подмену совести.

— То есть как приговорили?

— Очень просто, Иван Петрович. Судских бросил тебе на бумаги кружок лимона, чтоб ты задумался и пакостей никому не чинил, а я ведь лимонами не разбрасываюсь, я полеты и траектории меняю. И не переживай за медленно убиенных. Не были они идейными, они, Ваня, всего лишь кучковались возле своего корыта, уничтожая чужаков. Такова главная справедливость сущего на земле. И ты определился сразу, куда лететь, раз орлом себя чувствуешь.

— Вы злой гений, Георгий Георгиевич, — через силу выдавил Бурмистров. — Очень злой.

— Не спорю, — кивнул Момот. — Только русские и чеченские матери безвинно погибших ребят видят во мне справедливого Георгия Победоносца. Заметь, святого. Я добился, как знаешь, смертной казни для зачинщиков чеченской войны, я привлек к суду знавших и молчавших. Я потребовал вернуть деньги потомкам, которые заработали их отцы на безумной бойне. Мне никто не посмел возразить: за моей спиной стоял Всевышний. Я горд за эти казни и никогда не раскаюсь. Потому что я справедлив, а не ты и они.

— Но вы обозлены и на Россию.

— Зол, Ваня. Я не знаю другой такой страны, где по крупницам собирают драгоценности и таланты всем миром, а потом разрешают проходимцам типа Ульянова и Горбачева разбазаривать их. Какие еще обвинения выставит Иван Петрович Бурмистров, первый сторож земли русской? — вполне спокойно и без вызова спросил Момот.

Ивану стоило больших усилий ответить. Его придавили. Не словами и огнем глаз, а жестоким выговором этих слов:

— Не имею права судить вас. Пусть Господь судит.

— И на том спасибо. Хочу видеть вас разумным по-прежнему и справедливость вашу хочу видеть в трех «не»:

Не мешать людям верить в избранного ими Бога.

Не искать врагов среди друзей.

Не убивать зря.

«Как же он меня так раскатал, словно рулончик туалетной бумаги? — недоумевал Бурмистров. — Ничего не понимаю... Или он в самом деле колдун?»

Он был вполне доволен, когда Момот оставил Генеральную прокуратуру и покинул столицу вообще вместе с семьей Судских. Захотелось даже выйти и прогуляться просто так, без охраны, без машины, однако помощник отсоветовал:

— Зачем эти глупости, Иван Петрович? Шпана бузит — надо вам искать приключения? В кутузку их таскать не за что, а нервишки попортят своими шуточками крепко. А не пора ли вам развеяться от забот праведных? На даче недельку отдохнуть или в пансионат наш смотаться?

Секретарь говорил дельные вещи. Давненько он не отдыхал, не бродил бесцельно по лесу, как любил в молодости... По лицу секретаря, свежему, орошенному лосьоном и упитанному, читалось, что хозяин вполне доволен жизнью и спокойствия не ощущает от служебной круговерти — все должно быть в норме, без переборов и зауми. Бурмистров прислушался к совету.

— Да, пожалуй. Надо паузу сделать. И подальше забраться. Заехать подальше не удалось. Заладили дожди, купания отпали сами собой, а в лесу бродить — мало удовольствия месить ногами влажную листву и не ощущать хвойных запахов.

Он ограничился прогулками среди сосен у загородного коттеджа. Кружил, кружил бесцельно, и мысли кружили заколдованным кругом, одни и те же: вот вернется он на службу, перестроит отношения с сотрудниками, заведет четкую систему; вот вернется он на службу, перестроит систему; вот...

Ни хрена он ничего не перестроит. Система живуча, а он слаб, и до того постыло от всего этого!

С месяц промучившись, Бурмистров попросил Гречаного об отставке.

— Не сдюжил? — прищурился Гречаный. — Подумай еще.

— Достаточно думал. Не по мне это. На Кавказ хочу, там жарко, но понятно. Воевать мне сподручнее, и мой опыт там нужнее.

— А кого на свое место прочишь? — не стал уговаривать Гречаный. Ванька не тянул, и молодец, что не заигрался.

— Святослава Павловича, кого ж еще.

— Нет, брат. Его передвигать нельзя. Он не ферзь, но на своем месте. Без него аналитическая контора — не контора. Выбор твой разделяю, но не одобряю. В общем, подумаю...

У Гречаного своих проблем хватало, которые ели его поедом. Прежде казалось, станет он у руля, верную команду по

местам расставит — и поехал пароход, куда капитан укажет. Одну проблему побоку, другую объехали, третью форштевнем подмяли, оказалось — крепко стесняет движения капитанский мундир, не на его фигуру сшит. Велик, что ли? Нет, фасон другой. А перелицовывать условности не дают. Пришлось лицевать свою натуру.

Многих он недосчитывался за последнее время в команде, путался в новых лицах. Вроде назначения и перемещения подписывал сам, а люди окружали незнакомые. Вот и Ванька тикает...

Он без сожаления и боязни отпустил Пармена с юнцом постранствовать и забыл об их существовании, благо не напоминают о себе, зато остальные, имеющие к нему доступ, терпят его и требуют, жалуются и требуют, даже пугают, но требуют.

Одним словом, жизнь двигалась дальше по естественным рельсам, не им проложенным, а он оказался обычным пассажиром, хотя и всенародно избранным в купе-люкс.

«Как это Момот на Ваньку повлиял? — пытался вычислить ход Гречаный. — Может, у Момота и про замену распросить?»

Но особого желания встречаться с Момотом Гречаный не испытывал. Как-то подразошлись они на курсе. Дело свое Момот вел правильно, хотя где-то и жестко, но с пользой стране, только вот раздражала его манера не ставить в известность президента.

О кампании против бывших сановных воришек — как их окрестили репортеры, «рыжая команда» — Гречаный узнал из газет. Неприятное положение. Некоторых он пригласил в своем аппарате, детишки других пробились к солидным и хлебным постам и на этих местах уже наладили тихую и одновременно бурную деятельность по набиванию собственных карманов. Яблоко от яблони... Как ни давили на президента, как ни требовали дать задний ход, рубить концы, Момот имел неопровержимые доказательства вины и красиво опирался на гласность кампании. Народ, как обычно, ликовал, получив к хлебу увлекательное зрелище. Момота не поддерживали только родственники обвиняемых. Границы и ухищрения не помогли. Как кот мышек, Момот выцарапал их из норок. И никто не искал сходства со сталинскими процессами прошлого века. Избиралась конкре-

тика: вот этот обворовал страну на тридцать пять миллионов условных единиц, а тот — на тридцать. Наказания условными не были, от миллиона зеленых начиналась вышка с конфискацией добра у наследников и родственников. Согласно законодательству, которое Момот искусно закрепил в новом Уголовном кодексе. Умные проходимцы посмеивались — не достанет. Достал... Конфискацию за рубежом Момот проводил с помощью тех, кто нуждался в России остро. Всех выпотрошил Момот до задних стенок гардеробов и сейфов. Один этот процесс принес в казну триллион долларов. Умели воровать в советские времена, и в смутные тем более.

«Слов нет, порадел Момот крепко», — усмехнулся в ус Гречаный.

Теперь хотелось, чтоб тихо и гладко забыли Момота.

«А посоветуюсь я с Бехтеренко насчет кандидатуры», — разумно рассудил Гречаный.

Только разум еще служил ему трезво и безвозмездно в стране, где опять набирала силу смута.

Как и предполагал Гречаный, занять пост Бурмистрова Бехтеренко отказался напрочь.

— Но кандидатуру подскажу, — успокоил он.

— Кто? — спросил Гречаный, заведомо сожалея о грядущих перемещениях. Стоящих работников он знал наперечет, другим чего-то не хватало в качествах или было их с перебором.

— Сумароков Сергей Лукич.

— Ушам не верю! Повтори?

— Сумароков Сергей Лукич, — уверенно повторил Бехтеренко.

— Уголовник и убийца? — ужаснулся Гречаный.

— А кто знает об этом? Уважаемый человек, состоятельный, его за святого принимают, — с легкой усмешкой говорил Бехтеренко и, стерев ее, добавил: — Победителей не судят, и я знаю его по прежней службе как толкового кадровика, исполнительного офицера, честного и неподкупного.

— Шеф архангеловцев!

— Ну и что? Наследство получит, шалости забросит. Ему сейчас это общество в одном месте зудит, шалаш на время, а политический сыск — вечен. А для вас противовес будет для ваших забуревших казачков. А в противовес Сумарокову есть две кандидатуры в заместители: по внутренним делам годен

атаман Новокшенов, а по внешним работы мало, справится молодой и ершистый атаман Дронов. Устойчивый трехлесник получится.

Гречаный принялся в задумчивости постукивать карандашом по столу. Бехтеренко терпеливо ждал.

— Устойчивый — верно, — подал наконец голос президент, — но больно смахивает на детский.

— Плиний Старший учил: чем выше пост, тем проще игры.

— Это ты и меня туда же записал? — с вызовом глянул на Бехтеренко Гречаный.

— Семен Артемович, я ведь запросто в отставку уйду, если мои слова неприятны. Я ведь служака, не шаркун паркетный, мне корки хлеба всегда хватит.

— Мог бы иначе высказаться, — пробурчал Гречаный. — Согласен. И с тобой, и с Плинием.

— Со Старшим, — ухмыльнулся Бехтеренко.

— Язва. Но своя, родная, — оттаял Гречаный.

— А опереться можно лишь на то, что жестко, прочно и сопротивляется. Старая истина. А кандидатуру в премьеры хотите? — разохотился Бехтеренко.

— Давай, — разохотился и Гречаный. Давненько они так приятно не общались. Мудр старый карась...

— Цыглеева.

Гречаный пожевал ус. Сначала Бехтеренко ему уголовного подсунил, теперь мальчишку сватает. Да кто ж ему поверит? Спору нет, парнишка хваткий умом, Министерство образования на должную высоту вывел. Только в России молодежь не увлекалась наркотиками, не заикливалась на сексе. Наполеон юнцов в маршалы безбоязненно двигал за хватку. Может, есть смысл в преддверии глобальных перемен загодя молодежь вывести на простор? Боязно...

— А я, Семен Артемович, так думаю, — заговорил Бехтеренко. — Нам с вами трудно перемещаться в виртуальном мире, где молодежь как у себя дома. Рискнем? Ничего мы не придумали нового, толкаем планету к гибели и толкаем. Вдруг они безопасный курс вычислят?

— Неуютно как-то, — оглаживал усы Гречаный. Не спешил. — Это ж корабль, а не дансинг.

— А я не боюсь, — спокойно возразил Бехтеренко, с какой-то даже лихостью. — Переучиваться мы не хотим, вот за временем и не поспеваем. Безболезненно рокировка эта не

пройдет, обиженных будет масса, но когда-то собой жертвовать надо. Я готов.

Опять призадумался президент, крепко перетряс сегодня ему нервишки рациональный Бехтеренко, такого напредлагал...

— Слава, хочешь притчу? — задумчиво спросил Гречаный.

— Можно и притчу послушать, — согласился Бехтеренко.

— В некотором царстве-государстве обозленный на жестокого отца юноша-принц поднял восстание, захватил отцовский трон и повелел казнить стариков или выгнать их за пределы страны. Только один из визирей спрятал своего отца и, когда султан требовал решать сложные дела, обращался за советом к своему мудрому папаше. В конце концов султан вызнал, откуда у визиря мудрые мысли, хотел казнить обоих, но визирь рассказал ему перед казнью, кому он обязан за правильные решения. Султан прослезился, велел стариков вернуть, и стали они жить-поживать и добра наживать. Так вот, не боишься быть изгнанным из царства-государства без выходного пособия?

— Я же сразу сказал, — усмехнулся Бехтеренко. — Не боюсь. Советчики грамотные всегда понадобятся, а прохиндеев я не жалею.

Дверь давно закрылась за Бехтеренко, а Гречаного мучила абсолютно дурацкая вещь: как правильно говорить — встретимся у входа или у выхода?

1—4

Через ущелье Бактунг Пармен вывел Кронида в верховье Котуя и остановился, зачарованный видом дремлющей природы. Горы теснились к горам, к ним жались пихты и ели, словно чья-то рука сжала пространство в этом месте, ожидая часа, когда можно будет развернуть его, подобно мехам звонкоголосой гармонии, и польются звуки пробуждения.

— Вот, Кронидушка, — сказал Пармен, жестом руки окидывая окрестность, — здесь в древнейшие времена поселились первые прародители наши арии. Отсюда и разошлись по белу свету. А тогда земля здесь была иной, равнинной, поля были, а реки широкие. Вишь, как сморщило время лик Земли? Давно это было...

Кронид впитывал слова Пармена вместе с чистым запахом гор. Почти ручной Котуй обкатывал гальку на дне, пробовав зубы на валунах и злился на обломки скал, мешающих развлекаться. Ельник подступал вплотную к воде, и угрюмые тени пеленали поток.

— Скажи-ка ты, — дивился Пармен, — в мои времена здесь куда как холодно было в октябре, земляца наковальной гудела, а сейчас снежком и не пахнет. Прельно как-то...

— Дедушка Пармен, а ты находил следы ариев? — спросил Кронид. Его перемены погоды не трогали.

— Я-то нет, а дядя мой показывал такое место, туда путь держим. Я ведь когда в монахи подался, родичи мои укрывались от супостатов в этих местах еще два года, а потом сгинули без следа. Где прежде наша артель размещалась, вроде как лагерь устроили для особых заключенных, политических.

— Мы туда идем? — пытал Кронид. — Ты хочешь вознести хвалу Орию на месте их поселения?

— Я, Кронидушка, хотел бы найти древние книги, которые родичи мои сберегали свято. Есть там такое место потаенное, его по приметам найдем.

Пармен рисковал, уходя от обжитых уже мест вдоль трасс, проложенных на север и юг. Обнадежило тепло, непривычное для этих мест и времени года. И все приметы подсказывали, что холодов не случится раньше декабря. Он торопился. Скоро трассу погонят на Туру, и Пармен спешил побывать там, где человек не успел еще переворочить святыне места своим упорством перекраивать все на свете без оглядки на будущее.

— Вот, внучек, ты спрашивал, почему Орий не посылал своих поверенных на землю, дабы оберечь ариев, — заговорил Пармен, дождавшись, когда Кронид зашагает плечо в плечо. — Посылал. Был корабль из космоса, и направлялся он к древней столице ариев. Только не судьба ему вышла. Видно, беда приключилась, и он погиб. А может, посланцы сами уничтожили корабль, испугались причинить зло планете. Найдем книги, найдем ответ загадке.

— Ты про Тунгусский метеорит думаешь? — спросил Кронид, заглядывая в лицо Пармена.

— Не только. Еще в патриаршей библиотеке вычитал я в древних ведических книгах, что быть божьему посланнику обязательно, и место его появления обозначалось как раз там,

где Котуй на север поворачивает, и сроки указаны те, когда метеорит свалился на землю. Но до этого еще одно место в книге сообщало, что ранее Ариман вмешался в божьи помыслы, и посланник Ория принял удар на себя, после чего наступила Калиюга. Земля сморщилась, спрятала многие тайны ариев, и Ариман не смог воспользоваться космическими маяками, чтобы захватить гнездо Ория. Я так думаю, звездолет, который принимали за Тунгусский метеорит, без этих маяков вовремя скорость не сбросил, и посланцы решили взорвать его, чтобы не принести нашей планете еще больше вреда, — сказал Пармен, примериваясь, как ловчее обойти валун на тропе. Обошли его у воды, и он продолжил: — Ничего от корабля там не осталось. Зато эвенки сказывали моим родичам, что метеорит видел охотник и что в момент падения от яркой точки в небе отделилась другая, поменьше, и полетела к северу, как раз туда, где охотник ночевку устроил. Потом охотник услышал страшный грохот, испугался и залез под упавшее дерево, где лежище оборудовал. Ничего он не видел более — метеорит-то далеко от этого места упал, — но отчетливо услышал, как бог эвенков Макунка сказал ему на ухо: не бойся и никому не говори, если встретишь меня. Охотник так никому и не поведал, была ли встреча с Макункой, или нет. Только стал он удачлив в охоте. А однажды не вернулся из тайги. Его соплеменники рассказывали, что лук и стрелы охотника они нашли, одежду и лыжи, а его самого нет. Макунка к себе забрал, не иначе, и все новое обмундирование выдал и оружие, — пошутил напоследок Пармен, а Кронида это не рассмешило.

Он спросил:

— Дедушка Пармен, ты говорил, что тунгусский язык самый древний. Так это?

— Истинно, — подтвердил Пармен. — Вначале был ведический язык, от него пошел древнерусский и тогда же тунгусский. Ведь не все ушли, когда холода наступили, некоторые прижились, в шкуры обрядились, привыкли мясо зверей есть, чтобы выжить, и от них произошли эвенки, сохранили древний язык ариев. Язык этот как роза был, любой оттенок мог передать, одних падежей около семисот, а сегодняшний русский и третьей части мыслей говорящего не передает. Подсунули нам Кирилл с Мефодием забаву, чтобы их писания легче читались. Вообще поглупел человек с тех пор. Не мо-

жешь высказаться полно — кто поймет? Тут тебе и раздоры от непонимания, тупики развития и вообще сплошные глупости человеческие. Ни строгость человека не держит, ни заветы, ни религия...

Тропа сузилась, и Кронид занял свое место за Парменом. Вынужденное молчание Кронид употреблял на обдумывание услышанного. Ему нравилось это, даже втайне он не сетовал на трудности пути и жесткие условия похода.

Второй год они расхаживают по стране. Исходили саму Русь, побывали в Зоне, ушли за Урал, теперь вот сибирские ели машут над ними опахалами.

Что заставляло Пармена избирать такие маршруты, Кронид не выспрашивал, повинаясь старшему по привычке. Ему одинаково нравилось в Мещере и в верховьях Пелыма, у горы Пайхой, и здесь, в верховьях Котуя. Кругом неповторимые картины, а дух всюду единый. Так ощущал Кронид, и Пармен с ним соглашался.

— Запоминай, — наставлял Пармен.

Едва они покидали места посещения, там обязательно случалась беда: затопило мещерские луговины, Пелым стал заливом, Пайхой превратился в остров. Будто спешили они расставить вешки к приходу большой воды. Прощаясь с такими местами, Пармен вздыхал часто, и Кронид мог расслышать сквозь вздохи: «Ох, негоже, негоже, рано как...»

Однажды он не выдержал и спросил:

— Дедушка Пармен, ты чего-то боишься?

— Нет, внучек, не боюсь, нельзя мне бояться, однако же поторапливаться надо.

И стал замечать Кронид, что на привалах старик кривится от горячей пищи. Научившийся у Пармена различать целебные травы, отыскивать съедобные и лечебные корни, он делал отвар Пармену, и тот пил его молча, прятал глаза и боль гнетущую прятал. На Пелыме они застряли дней на пять без движения: смотритель маяка отпаивал старика козьим молоком. Пять дней излечения — маловато, но Пармен велел собираться в путь.

Их не трогал лесной хищный зверь — почти не водилось такого, не обижали встречные люди — развелось путешественников, казакам было достаточно показать документ, подписанный Гречаным, где говорилось: податели сего по

личному распоряжению президента обследуют территории, пригодные для поселений. Печать, подпись.

Был такой разговор у Пармена с Гречаным. Только не о поселениях, а о критических зонах, где как раз людей отселять придется. Три года назад первым заговорил об этом Судских, его поддержал Момот: потепление началось вместе с таянием арктических льдов, затопление европейских низин последует сразу. Что примечательно: затопило Голландию, дочерна выжгло Австралию, провалилась Тюменская область, на той стороне над Америкой нависла засуха, будто стекала вода на одну сторону, в Европу и Азию. В Китае из-за недостатка земель разразилась гражданская война, еще и мор непонятного происхождения, выкосило три четверти населения. Жалели бедных китайцев, вчерашних непримиримых врагов. Один Жирик, как всегда безжалостный в оценках, высказался: «Что вы там сюсюкаете, что бормочете о жалости? Тогда дайте им денег, хлеба, пустите жить в Россию. Зачем эти розовые пузыри? Скажите честно: не было бы счастья, да несчастье помогло. Скоро и мы все утопнем, так лучше о себе позаботиться!»

Давнее желание Пармена посетить святые места совпало с решением президента определить годные для жилья районы Сибири. Он не особенно следил за маршрутом ходяков, не удивлялся его переменам. Пусть ходят во здравие. Совесть он, что забыл о своих прежних побуждениях вернуть истинно славянскую веру. Не в то время затеял он пересмотр духовных позиций, у Всевышнего свои планы и виды на живущих. Он сам ставит опыты, сам ошибается и букашкам его божьим в серьезные дела влазить не след.

Перед ночевкой и последним переходом сделали маленький привал. Пармен достал термосок, мелкими глотками похватал пахучий отвар из горлышка и привалился к камню, отдыхая. Кронид спустился к самой воде и наблюдал с интересом за игрой водных струй. Он загляделся в поток чересчур, и Пармен обеспокоенно окликнул отрока.

— Дедушка Пармен, выше по реке человек, и он ранен! — крикнул он от реки.

Пармен подхватился, как ни хотелось отдыха.

— Как ты узнал?

— Видишь розовый оттенок между струй?

— Нет, внучек, — протер глаза Пармен. — Слаб глазами стал, а такого нормальный зрячий не увидит.

— Я вижу и чувствую. Он спускается сюда, он шел за нами. Он ранен, но не враг нам. Оставайтесь здесь, отдыхайте, а я вернусь, — попросил Кронид.

Пармен не боялся за него. Был Кронид хорошо и не по годам развит, чуток и силен, обходился малой пищей, как приучил его сам. Он развел костерок и приготовился ждать, прислушиваясь к звукам вокруг.

Был жирующий год, четвертый, как водится, для созревания еловых семян, и сосняк с ельником шумел весело с легким потрескиванием падающих шишек. Мелкое зверье шебаршилось в листве, запасаясь провиантом, и Пармен слушал эти звуки жизни с тоскливой нотой: кому-то жить дальше, а ему скоро собираться в последний путь. Себя не обманешь. Внутри тела отключались какие-то датчики, контрольные приборчики, и оно хуже повиновалось ясной еще голове, которой приходилось исполнять работу за отключенные датчики и приборчики. Оттого и труднее двигаться.

Много ли он успел и успеет ли сделать завещанное ему дело? Растет Кронид, укрепляет в человеках веру в Бога единого, и это радовало, несло облегчение Пармену, такие необходимые на пути к последнему пристанищу силы...

Кажется, он различил голоса.

Кронид перепрыгнул валун и, разгибаясь, встретил взгляд человека, сидящего у реки.

По всем приметам это был эвенк, белкующий в тайге. Только Кронид не заметил ружья и прочих охотничьих прищипалов. Взгляд его, пронизывающий одежду, не наткнулся на силки и петли из струны. Только обычный складничок в кармане.

Нет, это не охотник.

— Мир вам, — сказал он человеку.

Тот сделал глотающее движение и поклонился сидя. Кронид застал его врасплох: человек перематывал обмотки. Поза его мало напоминала манеру сидеть местных жителей. Приглядевшись лучше, Кронид обнаружил виденные некогда черты. Где он мог видеть его? Внутренний голос подсказал ответ, и он спросил человека:

— Баси ни цуйте, анато о митан десита ка?*

* Не вас ли я видел возле моста? (яп.)

— Хонто! Со десу!* — совсем испугался человек.

— Не бойтесь, — успокоил его Кронид. — Я помогу вам. Как вас зовут? — учтиво спросил он.

— Оками, — поднялся человек на ноги и глубоко поклонился, руки по швам. — Я говорю по-русски. Я контрактник.

— А меня зовут Кронид, — перешел на русский отрок. — Что с вами случилось?

Оказалось, Оками ранил руку. Упал и напоролся ладонью на сучок. Он как раз промывал рану, пытался перевязать ее.

— Дайте я посмотрю...

Несколько пассов руки Кронида — и скоро изумленный Оками увидел, как исчезла кровь из рваной раны и сама рана затянулась. Только легкое шипение, какое издает капля воды на раскаленной сковородке, сопровождало врачевание.

— Вот и все, — улыбнулся Кронид. — Рана свежая, это не трудно заживлять.

— Колдун? — испуганно и подобострастно спросил Оками, снизу вверх заглядывая в глаза Крониду.

— Нет. Дедушка Пармен научил врачевать, — пояснил Кронид. — Это не сложно. Необходимо только передать свое тепло болящему. Пойдемте? Нас дедушка Пармен ждет.

Пармен, как Кронид прежде, принял Оками за эвенка. Лишь рассказ отрока развеял заблуждение.

— А что? Японцы, как говорят древние книги, спустились на острова из Сибири. Предание гласит: целый род не внял предостережениям праотца Ория и ушел особняком. Несколько столетий род пытался прижиться на чужбине и только в последние тридцать тысяч лет обосновался на Японских островах. Тогда еще это был сплошной материк. Род догоняли враги, и тогда Акицу, предводитель, взмолился Орию, просил оборонить сынов его. Орий просьбу выполнил, наслал воду и отделил Японию от прочей земли. «Жить вам в заточении, — сказал он, — и печать тоски всегда будет лежать на всех коленах рода твоего». Так ведь, Оками?

— Было так, — с грустью согласился японец. — Все народы стараются привязать начало жизни к своим богам, но японцы — это так — всегда носили знак фатума. Может, вы и правы...

* Точно! Именно! (яп.)

Оками не стал противиться вопросу Пармена и поведал, как очутился в неприветливых местах.

— Мне поручили тайно добраться в Москву. Сходство с эвенками вначале выручало меня, но в аэропорту меня опознал казак из охраны, и меня принудили вернуться на стройку. Улететь не пришлось. Тогда я решил обходным путем выбраться в другой населенный пункт и попытать счастья там. Только вот заблудился. Извините...

— Я вспомнил тебя! — разулыбался Пармен. — Мы у вас чай пили! Собачонку помнишь?

— Да! Помню! Весело это было!

— Это Кронид немного развлекался, помогал собачонке смелой быть, — пояснил Пармен. — А чего ты хмуришься?

— Я виноват перед вами, — повесил голову японец.

— В чем же, божий человек? — удивился Пармен.

— Я обманул вас только что и тем вас обидел.

Оками согнулся в поклоне, постоял так и только потом продолжил исповедь:

— Товарищи велели сначала найти старейшину японской общины. Он передал мне секрет. Потом я заблудился. Простите, меня казаки не обижали в аэропорту. Я там не был. Теперь я обязан, чтобы загладить свою вину, повеждать вам тайну...

— Вон как, — понял японца Пармен: Оками неспроста делал крюк по тайге и бездорожью. Нужда заставила на чужбине тайком пробираться в столицу. Чего там непонятного: притесняют бедных сирот все кому не лень. Про миллиарды забыли, про военную помощь не помнят, а древнего родства — тем более.

— Эх, свинское мы все же племя! — вздохнул Пармен. — Знаешь что, мил человек? Храни свою тайну при себе. Мы с внуком люди нелюбопытные. А помочь тебе сможем.

— Я очень вам доверяю, — будто оттаял в тепле японец.

— Чудненько. А Кронид пусть в языке наловчится.

— Японский язык — мертвый язык, — опечалился Оками.

— Бабушка надвое сказала, — чтобы не выдать теплых чувств к обездоленному японцу, проворчал Пармен. — В древних книгах сказано: пока человек истинно своей веры держится, быть чудесам превращения. От разомкнутого круга проистекает жизнь. Однажды всплывут твои острова и наш град Китеж всплывет...

— Дедушка Пармен хочет сказать, что земная жизнь — это спираль развития, — пояснил Кронид. — В четвертом измерении временные смещения возможны. У вас есть образование? — поспешил он спросить Оками — не напрасно ли он объясняет сложные вещи?

— Я окончил факультет прикладной математики университета Васэда и химический Тохоку, — гордо ответил Оками и погрузился сразу. — Это было в другой жизни. В Японии.

— Это хорошо, — успокоил Пармен. Оками посветлел.

— Я не случайно спросил вас про образование, — продолжил Кронид. — Вам знакомо явление петля Гистерезиса?

— Разумеется! — заявил японец. — Но как вы увязываете его и возможность увидеть Японию снова?

— Пока я только уверен, что такое возможно. Смещение времени происходит часто, только мы этого не замечаем. А тут нужны особые усилия. Я пока только учусь, а дедушка Пармен часто повторяет, что надо обязательно учитывать обратный эффект, чтобы не причинить вреда живущим.

— Вот разговорился! — вмешался Пармен. — Такое малое, а уже рассуждает о делах божьих! — Он явно серчал. — Из-за молодых да ранних к нам раньше срока пришла большая вода, и никто не был готов. Вот тебе и все объяснение. Давайте-ка собираться. Нам до ночлега путь неблизкий.

Не пришлось по сердцу Пармену словоохотливость Крониды, и он ответил пристыженно:

— Простите, дедушка Пармен. Я не хотел вас обидеть, мне Оками жалко.

— Что ты, внучек, какие обиды? — явно пошучивал наставник. — Ты учишься, я тебя обучаю, за невыученный урок наказываю, считай, малую порку ты получил. Как бы тебе ни было жалко обиженного, никогда не бери на себя больше положенного, ибо надежда — это резерв души, уверенность же — результат сомнений.

Уловив момент, Оками сказал Крониду:

— Строгий дедушка, но очень справедливый.

— Он очень добрый, — ответил Кронид.

До ночлега они добивались почти не переговариваясь. Лишь когда горячая похлебка размягчила натруженные мышцы, а свеженарубленный лапник принял на отдых усталые тела, Пармен спросил лежащего рядом Крониды:

— Скажи-ка мне, Кронидушка, можно ли повернуть течение реки?

Кронид раздумывал перед ответом, и Пармен поторопил:

— Ничего не выдумывай, ответь, как сердце велит.

— Можно, — решил Кронид, — с божьей помощью.

— И как это получается?

— Я не пробовал, — простодушно отвечал Кронид. — Я думаю, нужно иметь особые причины, чтобы просить Все-вышнего.

— И какие такие особые причины?

— Помнишь, дедушка, когда ты в Зоне замерз? — для начала спросил Кронид.

— А это тут зачем? — не уловил его мысль Пармен.

— Мне тебя жалко стало, и я просил Ория о тепле. И замечаю с тех пор, как зимы стали мягче, тепла больше.

Старик ойкнул от неожиданности, и Оками передался неприятный страх от близости рока.

— Много ты на себя берешь, — проворчал Пармен. — Любимчик божий... Не смей больше беспокоить Ория, полагайся на себя. У меня рук-ног нету, что ли? Спи вот...

Какое-то время он молчал, сопел, понимая, что Кронид обижен. Сегодня он с ним чересчур строг. Исправляя положение, Пармен спросил, будто ничего не случилось:

— Ты заснул, внучек?

— Засыпаю, дедушка. Ты велел.

— Про реку я вот почему спросил. Котуй — необычная река. По некоторым причинам она когда-то изменила свое течение, не в пример прочим сибирским рекам. Мой дядя рассказывал: когда Котуй вернется в прежнее русло, быть тропикам в Сибири. Президент наш не случайно дороги и города готовит. Это его Судских настропалил, знает что-то... — зевнул он. — А повернул Котуй в другую сторону вот почему... Арии готовили место для посадки братьев из космоса. В этих краях очень сподручно, счисления позволяют, сюда впервые прилетели арии. Только вмешался Ариман — сотворил смещение времени, и опоздал звездолет на тридцать тысяч лет. А может, и правильно так получилось, на все божья воля. Понял?

Ответом были глубокие и чистые вздохи с обеих сторон.

Ну и ладно — не обиделся Пармен: дорога берет свое.

«А вообще-то моя миссия кончается, надо парня людям возвращать, пора ему точным наукам обучаться, чтобы не

только на божью помощь полагался... Не бросай его одного, великий Орий, помоги, скоро мне представать перед тобой, а он пока еще такой несмышлениш, а дороги его длинные и долгие. Оборони в пути», — сотворил молитву Пармен и отключился.

Дотлевал костерок, сверху, подбоченясь, смотрел на уснувших красавец Орион.

Он повернулся на другой бок, чтобы унять свербящую язву, и в сон его проник маленький цветок на скале. Розовые лепестки вздрагивали от холодного ветра, стебель клонился к каменному ложу. Не выживет. Помрет. Холода грядут долгие...

«Дедушка, спаси меня, — услышал Пармен дрожащий шепоток. — Я так жить хочу!»

«Эх, милый! Отдал бы тебе душу, у самого больная, отдал бы тебе сердце — износилось, отдал бы разум — не по тебе ноша».

«Что же делать мне, умру я...»

«Возьми все же разум. Осилишь ношу, выживешь».

Проснулась язва, мешая уснуть.

1—5

Гораздо проще верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели простому смертному миновать кордон держиморд и клерков и попасть к вельможе, даже если сам вельможа хотел бы видеть такого человека.

Судских упрямо относил себя к простым смертным и не менее упрямо искал возможности попасть к Гречаному.

По непонятным причинам по прямому телефону стал отвечать не сам президент, а его помощник с противно-вежливым голосом, который всякий раз заученно повторял: «Семен Артемович помнит о вас и непременно перезвонит».

Вот те раз! Семен Артемович еще помнит его! Надо же, какая честь для простого смертного!

Никто не звонил.

Вот она, несокрушимая броня, хранящая Россию от потрясений!

Устроив президенту спокойную жизнь, сглаживая тревожные сообщения, лакеи разных рангов прежде всего ох-

раняли свой покой и достаток. А там — хоть трава не расти. Хоть потоп, хоть землетрясение. Они смыться успеют, не растряся запасов. Сучье племя приспособленцев и приживалок выжило и распространилось подобно говенным червям, и говорить о здоровой среде в таких случаях не принято. Даже зарубежное образование, которое спроворили своим выблядкам папаши в пору повального обворовывания России, они использовали талончиками, пропуском к сытой лакейской жизни. Зарабатывали в нынешней России единицы, проматывали скопом. Совсем немного, и придется ехать на подсосе...

Судских перепробовал все возможные варианты связаться с Гречаным, не вышло, он плюнул и позвонил Момоту, жалуясь на беспредел правящих лакеев. Оба, кстати, стали негосударственными лицами и выпали из списка гласных.

— Зачем ты так домогаешься его любви? — выслушав Судских, спросил Момот.

— Но кому еще говорить о делах экстраординарных? Климат катастрофически меняется, продуктов питания не хватает, молодежь поглощают разврат и отчуждение!

— Брось ты кликушествовать, Игорь! Жила Россия в медвежьей берлоге и будет жить, посасывая лапу. Так проще. Был у нас с тобой светлый период, и, как любое счастье, он кончился вдруг. Поэтому, если хочешь продлить счастье, давай под мое крыло, и займемся поиском рецепта долголетия, — предложил Момот.

— Какое еще долголетие? — почти возмутился Судских.

— Самое обычное, — простенько, как о пошиве штанов, ответил Момот. — Нормальное. Которое все называют счастьем.

Договорились встретиться завтра.

Дома Судских долго раздумывал, а надо ли ему под старость впрягаться в воз, который окажется для него явно неподъемным, и надо ли это России, когда президенту абсолютно безразлично? И надо ли это ему, не лучше ли отгородиться от всего и жить тихо в отдалении? Никто ведь не мешает...

Лайма рассудила по-женски мудро:

— В окружении президента друзей не бывает. Есть нужные люди и обязательные. Георгий правильно говорит: есть смысл сбиться нам в кучку. И поверь мне, дело, которое он

затеял, будет и приятным, и полезным для всех. Дядя никогда на корзину не работает и продаст его с максимальной выгодой.

«Что ж такого он задумал? — попытался вычислить Судских. — Ладно, все равно заниматься нечем».

Они встретились с Момотом, и разговор состоялся. Но такого Судских не ожидал.

Начало его было вполне прозаическим: Гречаный выделил средства и все необходимое для уникальной климатологической лаборатории.

— Какова моя роль? — поинтересовался Судских.

— Примерно то же самое, что ты делал в УСИ, — ответил Момот. — Собирать и обобщать данные.

— Староват я для этого, — усмехнулся Судских.

— Твоему старшему семь лет, второму четвертый, а Лайма что-то о третьем намекала. И какой ты старый?

— Это разные вещи, — смутился Судских.

— Старые как мир, — парировал Момот. — Заводят детей для жизни. Стало быть, двадцать лет тебе еще обеспечено. А эту двадцатку, Игорь, лучше всего разменять спокойно, с чувством, с расстановкой. Мне Бог не дал детей, так хоть на племянников наглядеться. И у меня цель.

— Не понимаю, Георгий, ты меня будто в ссылку отправляешь?

— Зачем в ссылку? Выселки! Подальше от грязи и суеты, — почти вкрадчиво промолвил Момот последние слова.

— Вот оно что, — стал понимать Судских. — Явно какие-то недоступные места.

— Доступные. Но не для всех. Экологический, так сказать, статус для чистоты эксперимента.

— Ладно, выкладывай, — сказал Судских, решив заранее никуда не ехать, на посулы не поддаваться.

— Ладно, слушай, — решил преодолеть скептицизм друга Момот. — В Тихом океане, почти на равном удалении от материков, есть маленький островок. Практически недоступный кораблям, окружен кольцом рифов. Самолеты в тех краях не пролетают, рекомендованных маршрутов нет. Своеобразное такое местечко. Как говорят, Богом забытое. Однако во Вторую мировую войну японцы держали там в сугубо строгой секретности целую эскадрилью. Готовились заранее и тщательно: подземные ангары, боезапас, топливо, провизия

на три войны. Обстановка радиомолчания. По сигналу наводки эскадрилья неожиданно появлялась на пути конвоев и неизвестно куда исчезала. После рескрипта императора пилоты пожелали стать камикадзе, но не сдаваться. Так, вернее, решил их командир. Идеологическая обработка тоже была с запасом. Погибли все. Отец Тамуры служил в разведке и по долгу службы об этом острове знал досконально. После войны он купил этот островок и постепенно превратил в райское прибежище. Тамура поведал о нем, и мы даже побывали там однажды. Разумеется, по завещанию он перешел к Хироси, как и все состояние отца, и при жизни он собирался устроить на острове именно лабораторию прогнозов.

— Не это ли стало причиной смерти Тамуры? — спросил Судских. — Может, не сама лаборатория, а уединенный райский уголок?

Момот помедлил с ответом, а Судских перестала волновать дилемма «ехать — не ехать». Загадочная смерть Тамуры как-то увязывалась с этим островом. Причин гибели Тамуры выяснить не удалось, расследование шло из рук вон плохо. И это человек, завещавший России громадное состояние.

— Не люблю говорить о смерти друзей, — весьма лаконично ответил Момот и закончил: — Одним словом, остров принадлежит России.

— А Гречаный? — заинтересовавшись, спросил Судских.

— Нет, Игорь, — понял насмешку Момот. — Он довольно слабо представляет, где этот остров и что превратился он в подлинно драгоценный камень в короне Российской империи. Я не особо нахваливал его. Остров и остров.

— И под эту марку ты решил уединиться там?

— Именно так. Мне до чертиков надоела вся эта российская свистопляска, глупое прожирание жизни. Помогая Семену, мы надеялись сделать Россию счастливой, а получили от него кукиш с маслом и забвение, а страна от его беззубой политики — неверие. И ради чего была нужна такая жизнь, полная лишений? Мы почти одnogодки, Игорь, а так и не жили для себя и детей.

— Ты-то пожил, — прозрачно намекнул Судских.

— Да, в Литве я пожил для себя и людей. Это мой неукоснительный метод. Не люблю утруждаться напрасно и себя забывать не хочу. Я создал абсолютно принципиальное на-

правление в науке, неплохо заработал, помог племяннице обрести свое счастье.

— И тут ты, — усмехнулся Судских. — Не без пользы.

— А ты разве не счастлив? Зачем пытаешься укорить меня?

— Только в одном. Сейчас ты будешь шантажировать меня этим счастьем. Ты всюду рационален.

— Плохо ты обо мне думаешь, Игорь. Рационален, но не сквалыга. Я создавал свою семью из умных, красивых и добрых. Чего ж ты не женился на уродине? Почему с пилой не ужился?

— Оставь, — нахмурился Судских.

— Оставляю, — сразу согласился Момот. — Не собираюсь, как ты выразился, шантажировать тебя. Решай сам. И Лайма, уверяю, на мозги тебе капать не станет. У меня единственный весомый довод в пользу острова: мы сможем работать для людей, и нам не будут мешать корыстолюбцы.

— А я хочу остаться! — упрямо воскликнул Судских. — Есть еще ответственность, которую я обязан делить с людьми. На моей совести лежит клеймо за искаженный вариант этого поступательного движения. Мы оба повинны!

— Боже! — дурашливо вскинул руки Момот. — Ты громил путчиков без зазрения совести, я — банкиров и лжегадалок, мы оба выводили страну из мрака и мракобесия, так не повеситься ли нам от избытка патриотических чувств?

— Мы не имеем права удаляться от России! — был тверд Судских. — Я согласен работать в твоей лаборатории, но здесь!

— А здесь нам не дадут работать, — спокойно возражал Момот. — Сначала нам будут мешать на правительственном уровне, потом натравят толпу, дескать, мы дьяволисты и сжечь нас самое правильное. С кем ты хочешь остаться, Игорь? Со стадом? Тогда обзаведись ищейками и волкодавами. Одного урока тебе мало? Ты спроси еще: тогда зачем нужны все эти эксперименты? А я тебе отвечу: ограниченные и тупые могут уметь или оставаться прежними по собственному усмотрению, а умный человек не имеет права опускаться до полудурков.

— Но зачем покидать Россию! — негодовал Судских. — В Сибири, где города растут как грибы, трассы проложены с двойным покрытием, разве трудно расположить лабораторию там, засекретить, если уж без этого нельзя?

— Нет, ты определенно чокнутый, — всплеснул руками Момот. — Я ему про Фому, а он про Ерему! Да не дадут нам

У
работать! Сник наш атаман Гречаный, не сегодня-завтра убьют его и разгонят нас к чертовой бабушке из-за элементарной зависти, не сообразуясь с элементарной безопасностью. Так вот, слушай самое главное: на острове создается установка, аналогичная уничтоженной в Зоне. Это задание Гречаного, его условие и необходимость. С безымянного островка легче осуществлять контроль за планетой.

Судских кольнула ревность. Выходит, его побоку, на порог не пускают, а Момоту вверены ключики и тайны.

— Перестань лапшу на уши вешать! — разозлился Судских. — Зазнался Гречаный, а ты про секретность мелешь. В стране опять бардак, а он царя-батюшку изображает!

— Я откровенен с тобой, — урезонил Момот. — Я бескорыстно предложил тебе участие, а ты брыкаешься. Я-то помню о тебе и твоих уникальных способностях.

— Сумбур, — ответил Судских и действительно не понимал: верить Момоту или нет, что он всего лишь прикрывает красивыми словами простое желание сбить компашку из своих и красиво исчезнуть. Не поеду — решил Судских.

И получил удар под дых:

— Со мной Луцевич Алька, — промолвил Момот. — И еще кое-кто.

Опять ревность.

— Кто?

— Пока не скажу. На острове увидишь сам, — посулил Момот таинственно. — И будешь очень рад встрече. Давай приводи мысли и вещи в порядок, и в путь.

Любой рефери скажет: Судских встречу по очкам проиграл. Дома у Лаймы был такой прозаический вид, словно весь разговор состоялся при ней.

«Уж дядя Жора поработал тут заранее», — отметил он не без досады. Доводы Момота основательны.

Отказавшись от ужина, Судских поднялся к себе в кабинет. Лайма — ни слова, зато старший, Петька, притащил за собой младшего, Карлушку. Они без церемоний забрались с ногами на диван, наблюдая за отцом. В доме Судских не принято было ругать детей или срывать на них плохое настроение.

Стали играть в гляделки, но по-взрослому. У пацанов мамкины зыркалки, темные и настойчивые. В четыре глаза они быстро справились с папаней.

— А что, чеграши, — спросил он, проиграв этот поединок. — Вы бы не прочь уехать на маленький остров и пожить там в свое удовольствие?

— Я согласен, — по-взрослому ответил старший. — А Карлушку я уговорю. Он согласен.

Судских рассмеялся. Железная логика сильного.

— А мама?

— Мама ждет третьего братика, — вставил младший. — Ей надо на курорт. В Москве очень сыро.

Судских развел руками.

— В этом доме все знают раньше папани. Тогда уж скажите мне, куда мы собираемся схать?

— А это знаешь только ты, — ответил Петька.

Маленький дипломат развеял сомнения отца окончательно.

— Принимается, — кивнул Судских. — А день отъезда мы с маманей согласуем.

«Но почему друг Алька помалкивает?» — вспомнил Судских про Луцевича. Пошалив с малышами вволю, он отправил их вниз и позвонил ему.

— А Олега Викентьевича нет, — ответил знакомый и непривычный для холостяцкой квартиры женский голос. — Это вы, Игорь Петрович?

— Я, — недоуменно подтвердил Судских.

— А это Женя Сичкина! — радостно сообщила она. — Сестричку свою помните?

— Как не помнить! — обрадовался Судских.

— Скоро стану Луцевич, — с гордостью сообщила она.

«Так, — отметил Судских. — Старые блудливые козлы образумились в конце концов и спешно обзаводятся потомством».

— И когда намечается сей важный день? — осведомился он.

— Олег Викентьевич вернется из Хатанги послезавтра. Это будет в четверг, а в субботу свадьба. Вы не думайте, Игорь Петрович, Олег Викентьевич вам первому подписал приглашение, вы получите его с нарочным. Вы его дружка.

Судских не успел умилиться, его удивило другое:

— А зачем он поехал в Хатангу? Если, конечно, это не секрет. — Как Судских и Момот, Луцевич оказался вне игр окружения Гречаного, занимался сугубо хирургической практикой, да и то редко. Собственную клинику Луцевич открывать не стал, а в прочие его не допускал нынешний министр

здравоохранения Толмачев. Примитивный сюжет, как в советском кино.

— Это не секрет, — ответила Женя. — Он поехал разыскивать Пармена и Кронида. Их все забыли. Вот и поехал.

Легкий укольчик напомнил Судских о Крониде. Как-то он совсем потерялся во взрослых играх, безразличен всем. И он сам забыл божьего человека, сына погибшей Марьи. Со всем еще ребенок с поводырем бродит по России...

«Что ж это происходит со всеми нами? — с укоризной размышлял Судских. — Строили-строили светлый храм, а божества внутри не оказалось. Вправе ли я сам был, помогая разрушать христианство? Но Бог велел мне. Или это произошло в моих сумбурных видениях и все абсолютно не так?»

Сказано в Библии: «...ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом, как написано: «Уловят мудрых в лукавстве их».

Но кем? «...истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких холмах и горах, и всяким ветвистым деревом».

Всевышний и сказал:

«...блажен, кто разобьет младенцев твоих о камни».

Кто сказал? Кто услышал божий глас. Кто свершил? Тот же князь Владимир. Прежняя религия сама утверждалась на веки вечные. Отрицание отрицанием.

«И это жизнь? — пришел к жалкому заключению Судских. — Ну не так все, не так!»

Но как?

Еще с год назад они с Лаймой любили прогуливаться по ночным улицам Москвы. Все спокойно, никто не безобразит. Приятно... Зашли в ночное кафе выпить по чашечке капучино. В кафе музыка, веселье и сплошь молодежь развлекается. Упитанные, при деньгах, откровенные в чувствах.

В кофе им отказали. «Это молодежное кафе, поищите себе другое, стариковское», — сказал кельнер. «Почему я не могу выпить кофе здесь?» — возмутился Судских. Подошли два симпатичных парня. «Дядя, — сказал один, — забирай тетю и уходи». «И желательно прыжками», — добавил второй. Судских разозлился. Сжал кулаки, набычился. Оборвалась музыка, отшатнулись смельчаки. Молодежь насторожилась, полукругом окружив Судских и Лайму.

«Вот за это мы вас и не любим. Вы все можете и в любой момент готовы помешать нам жить так, как нам хочется», —

выразил общее мнение подросток в очках. «Живите, — ответил Судских. — Только на подобную жизнь зарабатывайте сами». Заулюлюкали разом, засвистели. Подросток в очках остановил всех: «А зачем вы нас рожали? Кто просил? Нас не спрашивали, поэтому не загоняйте в клетки сейчас. Кстати, наши развлечения безвинны, с презервативами и контрацептивами, а от ваших — мы». Заржали, заулюлюкали, и под злорадные насмешки Судских и Лайма покинули кафе.

— Наши не вырастут такими, — уверенно сказала она, сглаживая неприятное впечатление.

— Не уверен, — зло возразил он. — Мы их учим ходить, а куда идти, они сами выбирают и в обход наших наставлений. Можно подумать, мы очень слушали своих родителей.

— Ты за себя скажи, — возражала и Лайма, но мягче. — Ты волю своей матери выполнил, и ей за тебя краснеть нечего.

— Нечего, — согласился он. — Она случайно не заходила в кафе, где мы развлекались с одноклассниками. Первую рюмку вина я не за семейным столом выпил...

— Но хамить взрослому человеку ты бы не стал.

— В наше время дружинников хватало останавливать музыку, брюки распарывать, стричь наголо. И нам всегда грозили партийные дядьки выгнать, лишить, заставить. Они во все вмешивались, как мы сейчас в кафе.

— Выходит, не ходить?

— Так, я думаю, умнее, — согласился Судских. — Где же оно, стариковское кафе? Поищем?

Обыскались. Нашли клуб ветеранов Афгана. Вход по пропускам. Подсказали ехать на Бронную. Там платный вход, чашечек эдак двадцать кофе эквивалент. В развлекательный центр не пошли, шумно, в ночной ресторан — дорого. С тем и домой вернулись.

— Видишь как? — резюмировал Судских. — Старшее поколение любит запреты, окружает жизнь знаменитым «не пущать!», а молодые за это не пускают их в свою жизнь. Логика поколений.

А жизнь показывала не лучшие свои места. Год назад исчез под водой шпиль Петропавловки. Город оставили заходя, вывезли мало-мальски ценное, только что они без Исакия, без петровских перспектив? Дьявольская неукротимость Петра повелевать наперекор природе и выйти к морю свер-

шилась. Море послушным псом само приползло к Москве. Радуйся, Государыня рыбка.

Гречаный повелел отстроить в Сибири столицу, точную копию Петрограда. Может, оно и разумно: денег хватает, рабочих рук — с избытком, полмира кормится у разбогатевшей тетки России. Полмира и осталось. Австралия выпарилась, Америка запарилась, утопла Европа, Азию потрясывает, как с глубокого похмелья, одна Россия, не торопясь, перебирается в Сибирь. Откуда вышли, туда и пришли. Церковь растерянна, кликушествует, а никто не слышит, сплошная свобода нравов и атеизм. Вот такие чудеса отвалил Господь Руси, подарочек. А вокруг то слезы обездоленных, то угрозы обделенных, то угри прокаженных. А в России — ничего. Крутят комедии по телику, кушают шашлык, детишки в школах учатся, на переменках трахаются, взрослые в течение рабочего дня занимаются обучением и траханьем одновременно, а над всем этим царит двуглавый орел, прилетевший из Византии, и никому дела нет, что двуглавость — не державность, а дебильность и вырождение.

Отсидевшись в утомительных размышлениях, Судских спустился вниз пошарить съестного. Время позднее, все улеглись. Разжился кое-чем, и вполне вкусным, пивком запил. Теперь и спать можно.

«Умный я из себя весь такой, пожрать и выпить тоже не дурак», — снисходительно подумал о себе Судских.

— Вот и рыцарь мой явился, — встретила его мягкой улыбкой Лайма. — Постель согрета, ваше величество, — откинула она одеяло.

— И кто же нас собирается посетить? — дольше скромного задержал взгляд он на рубашке Лаймы.

— Богатырь, конечно, третий по счету, — в тон ему ответила жена, потянувшись к нему. — Чего не сделаешь ради царя-батюшки.

— Точно сын, уверена?

— Точно, точно, — засмеялась она. — Мне на роду написано иметь троицу богатырей.

Судских подумал и спросил:

— Как ты смотришь на переезд в другое место, где теплей?

— И куда же? Мальчишки что-то про остров говорили...

— Разве дядя Жора не посвятил в свои планы племянницу для обработки родственника?

— Нет, Игорек, — беспечно ответила она, и Судских понял: правдиво.

— Георгий предложил перебраться на чудесный островок среди Тихого океана. Там он Центр климатологии достраивает.

— Мимо острова Буяна в царство славного Салтана, — процитировала она.

— Папа, решай сам. Надо, поеду.

— А не жалко от России отрываться?

— Жалко. Только мы с тобой давно на россиян не похожи. Не копаем картошку, сено не косим, яблоки не рвем. Сели на самолет — тут тебе и Канары, сели на другой — у черта на куличках. Так какая разница, где жить? Командировка. Вот если ты скажешь в деревню ехать, тогда меня от земли не оторвешь, на остров не заманишь. Без деревни все мы какие-то командированные в жизни.

— Так поехали в деревню!

— Поехали. Да ты не усидишь. А потому решай сам. Я тебе жена, а не Катька-депутатша. Жить хочу, а не глупостями заниматься. Ну, хватит разговоров? — глянула она на мужа снисходительно. — Ты бы лучше притомил меня, пока можно... Облюлюкал. Так оно доходчивей...

Ночью пришел Тишка-ангел. Давно не виделись, и Судских обрадовался ему:

— Здорово, Тишка!

— Здрав буде, княже. В дорогу собрался?

— Раздумываю.

— Негоже тебе, Игорь свет Петрович. Ты здесь нужен и сирым, и сильным. Всевышний сердится.

Сразу стало жаль, что не увидит он райского островка. Теплое море, фрукты, интересное дело, семья рядом, детишки здоровы. Сплошные удовольствия и покой.

— А если поехать, поработать и потом вернуться? Я ведь не ради одних удовольствий еду.

— Тебе решать.

— Говорят все так. А Всевышний что? Я и Кронида заберу.

— Этого Всевышний тебе не позволит. Сам можешь. Без благословения. Только...

— Что только? — не успел Судских остановить Тишку. Он вдруг растворился во сне.

— Тишка! Куда ты?

Нет ответа.

2—6

Пить отвар Пармен отказался.

— Незачем это, внучек. Душа не принимает снадобий, отлетать собирается, — сказал он Крониду и закрыл глаза.

Кронид постоял возле ложа с кружкой пахучего настоя, да так и присел на краешек у ног Пармена.

Старик угасал. Юноше казалось, сам ужас, бесплотный, но властный, терзает тело поводыря, стремясь овладеть его душой. Кронид стискивал зубы, опасаясь не совладать с рыданиями. Оками сидел в углу вагончика на корточках и переживал не меньше Кронид. Как ни худосочен и стар был их поводырь, но до этого дня, когда он отказался вставать, от него исходила уверенность, передаваясь им, и предчувствие осиротелости уже царапало сердце.

«Отказаться от жизни добровольно может лишь тот, кто не видит больше смысла в ней», — по-взрослому думал Кронид.

Столько пережить испытаний и разочароваться у самой цели. Сколько примеров из жизни ожесточали сердца и души или опустошали их, давая отрицательный пример тем, кто пытался обрести крылья и взлететь.

Для Пармена жизнь кончилась. Он не разыскал книг. Труден был путь к месту, куда стремился Пармен. Одних перевалов не счесть, речушек, заломов на тропах, но путь этот радовал. Пармен приближался к родным местам.

Весь запас пищи из сухарей, муки, соли и чая на привалах чудесным образом превращался в скатерть-самобранку.

Для Крониды не составляло труда испечь на раскаленном камне лепешку, из таежных злаков найти замену луку, чесноку, наловить шустрых хариусов на самодельный крючок с искусственной мушкой. Он подучил Оками выискивать съедобные корешки, собирать орехи, тем и питались, чем одаривала природа, ни разу не подняв руки на земную живность. Так учил Пармен, так они поступали.

На привале всякий раз, готовясь к ночлегу, Пармен повторял, как молитву: вот придем на место, я вам чудо из чудес покажу. Они верили, не спрашивая заранее.

Чем ближе они подходили к этим местам, тем больше печалился Пармен, распознавая дурные приметы. Все реже попадались хариус и ленок, реже пересвистывались птицы, воздух приобретал чуждые тайге запахи, все чаще встречались следы постоянного присутствия человека. «Ничего, — сам себя успокаивал Пармен. — Вот доберемся, и конец нашим испытаниям. По цивилизации соскучился, внучек?» Кронид всегда отвечал: «Нет, дедушка, мне с вами здесь лучше». Пармен спрашивал и Оками, не пал ли тот духом, и он уверял односложно: «Дай дзебу» — сойдет, мол, нормально.

К последнему ночлегу они вышли затемно. Развели костер, попили чаю с сухарями, раскатали спальные мешки и уснули сразу, приученные дорогой не экономить на сне.

Кронид проснулся от бормотаний Пармена. Едва рассвело, моросило. Старик смотрел на восток и приговаривал что-то, прикрывая ладонью рот.

— Что там, дедушка Пармен? — насторожился Кронид.

Он выполз из спальника и взглянул туда же.

От места их ночлега лучом расходилась низина, и в дальней ее стороне слоился сиреневый туман.

— Чему вы напугались, дедушка Пармен? — снова спросил Кронид.

— Пока ничему, — ответил старик, но по голосу Кронид понял: случилось.

Выбрался из спальника Оками, подошел к ним. Они с Парменом ночевали вместе, третьего спальника не было, и Пармен вставал первым.

— Оками, — обратился к японцу старик, — скажи, почему такой туман? Цвет такой необычный...

— О-о!.. — не то насторожился японец, не то удивился вопросу. — Раньше в Токио перед наступлением смога появлялся такой. А еще, еще...

Ему страшно хотелось высказаться, разрешиться от тайны, какую нес он от самой встречи со старейшиной японского землячества. Одними губами Оками промолвил:

— Он готов лететь.

— Куда ему лететь? — по-своему истолковал Пармен.

— Большая вода будет, — пояснил свои слова Оками.

— Большая беда будет, — ответил Пармен и велел собираться.

Он повел их не к низине, а верхом к перевалу. Путь занял полдня. Было теплее обычного. Даже морось сыпала теплая. И это в середине февраля. Вообще в этом году они не встретили снега, и Пармен решил вести Кронида без зимовки. Когда присоединился Оками, старик поспешал: без них японец в Москве никто — и все равно двигались они медленно, делая изрядный крюк. Оками помалкивал.

Перевал открылся безлесной площадкой. Пармен, идущий первым, сразу поспешил к ее краю и застыл с разведенными в стороны руками. Переглянувшись, к нему подошли Оками и Кронид.

Увиденное их не испугало. Красиво отстроенный город ровным прямоугольником, расчерченным на клетки широкими улицами, лежал под ними. Его красота могла только угадываться, как в детской книжке «Раскрась сам». Именно таким его увидели Кронид и Оками, мысленно добавив яркие цвета.

— Дедушка Пармен, что же вы? — успокаивал Кронид. — Это новая столица России, ее отстроили по распоряжению президента. Вы разве не знали?

— Не знал я, не знал! — сокрушался, чуть не плача, Пармен. — Там гнездовье было родовое, там все мое богатство осталось! Где его искать теперь?

Кронид и Оками не спрашивали огорченного старика и, когда он заспешил вниз, без слов заспешили за ним.

На окраине города Пармен умерил шаги, стал оглядываться по сторонам, что-то выискивая.

— Так... Нет, правее... Нет, вот так...

Город казался вымершим. Стояли они то ли у начала города, то ли у его конца. Собираются оживлять его люди или уже бросили на произвол судьбы? Не горел свет в окнах, не раздавался привычный шум толчеи в городских улицах, даже мощные ветряки энергостанций на окрестных высотах едва крутили пропеллерами, как бы экономя усилия до лучших времен. Нежилой угрюмый массив, похожий больше на кладбище. Серый, бесцветный и безгласый.

— Здесь располагалось наше гнездовье, — промолвил наконец Пармен, указав пальцем на угол десятиэтажки.

Как обычно, после строителей остались кучи невывезенного мусора. Одна, громадная, из битого кирпича, обрывков оберточной бумаги, обломков строительного дерева, пустых полиэтиленовых бочонков, возвышалась как раз на указанном месте. Скорее всего бульдозер подрыл землю, куда свалили мусор.

— Надо поискать, — тяжело переведя дух, сказал Пармен. — Вдруг повезет...

— А что искать-то, дедушка? — недоумевал Кронид. Он был готов перевернуть всю кучу, лишь бы не кручинился наставник.

— Книги, внучек, — ответил Пармен. — Тут лабаз стоял, где запасы хранились, чтобы зверье таежное не растаскивало, а под лабазом потаенная молельня была со священными знаками прародителя Ория и книги священные там хранились. Их из рода в род передавали. Случалась беда, первым делом спасали книги, не считаясь ни с чем. Им столько лет! Дохристовы книги. И письма дохристовы. От них пошла истина по белу свету о Боге едином.

— Их могли унести с собой, — возразил Оками, поняв, о чем идет речь. — Ушли ведь люди.

— Если бы так, — сокрушенно отвечал Пармен. — Только всех выгнали из дому среди ночи и подожгли его. Увели неведомо куда. Наш род всегда крамольным считался, крепко держался он за древнее благочестие. При киевском Владимире началось гонение, при царе Алексее продолжалось, Петр, тот вообще издевался над староверами, а уж нехристи-коммуняки измывались больше других. Посмотри, Кронидушка, вдруг отыщется что...

— Обязательно, дедушка Пармен, — кивнули одновременно Кронид и Оками, направляясь к самой куче.

— Здесь искать?

— Левее примите, — направлял старик, и оба отошли левее. — Точно. Тут лабаз стоял.

— Как вы так точно запомнили? — участливо спросил Оками.

— Точно запомнил, — подтвердил старик. — С порога лабаза можно было видеть щель меж крутых сопок. Пять шагов в любую сторону — и щель исчезала. Обожди, Оками, пусть Кронид...

Пармен с надеждой наблюдал, как отрок его, вытянув перед собой руки с растопыренными пальцами, медленно ходил по кругу, расхаживая его в спираль. Потом он вернулся в центр и замер, чуть шевеля кончиками пальцев.

— Нету, дедушка, — промолвил наконец Кронид и опустил голову. В потухшее лицо старика он боялся смотреть.

Пармен близоруко огляделся. Неподалеку от крайней к ним десятиэтажки стоял вагончик, в каком обитали обычно строительные рабочие. Пармен дотащился кое-как до приставного крылечка и сел. Все вокруг потеряло для него смысл.

— Нету, детушки, сил никаких...

Заночевали в вагончике, еле уговорив старика перебраться внутрь. От строителей остались лежаки, стол и «буржуйка».

И вот третий день Пармен лежал недвижимо. Кронид и Оками поочередно дежурили подле старика, дожидаясь его решения.

В дежурство Кронид, пока напарник промышлял съестное, старик заговорил:

— Кронидушка, я отойду сейчас. Упокойте меня на верховине. Нехорошо получилось. Намаял тебя, японцу наобещал — и не сбылось.

— Дедушка Пармен, не говорите так, — сжалось сердце Крониды. — Я найду книги, обязательно найду!

— Дай Бог, — выдохнул Пармен. — На-ка вот, прими заступу, — снял он с шеи ладанку и передал Крониду. — Носи не снимая. Упокоишь меня, возвращаясь к Судских. Наклонись. Я завещаю тебе святая святых...

Пармен прошептал в ухо отроку три слова, хранимых им по завещанию последнего патриарха. Каждое состояло из шести букв, и Кронид повторил их одними губами.

Имеющий ум да сочтет их.

Пармен коснулся руки отрока, широко открытыми глазами глянул в его лицо и медленно опустил веки. Так же медленно рука опустилась на грудь. Последним был выдох.

Аминь.

Слеза юноши упала под ноги и с тихим звоном разбилась.

Аминь.

Кронид опустился на колени у ложа усопшего и не стал сдерживать рыданий. Он навсегда расставался в этом мире с единственным любимым человеком, впервые горько плакал.

Он родился в грустный день смерти своей матери, грустные годы сопровождали его в этом мире недомолвок и больших тайн, трагедий и катастроф, но рядом оставались искренние люди, передавая его с рук на руки. Одного из них, может быть, самого лучшего поводыря, сейчас не стало.

Отрочество закончилось, оборвалась мелодия мечтаний.

Снаружи слышались возбужденные голоса. Тщательно вытерев слезы, Кронид вышел из вагончика.

Двое конных казаков, громко переговариваясь и матерясь, направлялись к вагончику, поочередно подталкивая рукоятками нагаск между лошадиными крупами перепуганного Оками.

— Мир вам, — поклонился Кронид с крылечка вагончика.

— Ишо один! — казаки соскочили с лошадей. — Щас покажем и тебе мир. Какого хрена ошиваетесь тут?

— Мы путники, у нас есть разрешение, — спокойно, не выразив беспокойства, ответил Кронид.

— Како тако разрешение? — ощерился один со смоляными усами и подтолкнул Оками ближе к вагончику.

— С нами дедушка Пармен, оно у него.

— А кто имущество разрешил трогать? — продолжал возмущаться казак и, отодвинув Кронид в сторону, вошел в вагончик. Крикнул оттуда: — Захар, покойник здесь...

Второй казак зыркнул глазами на Кронид и заспешил внутрь.

— Стоять мне!

— Что случилось, Оками? — спросил Кронид. В его присутствии японец немного успокоился и ответил:

— Я хотел наловить рыбы, а казаки на обратном пути поймали меня, обозвали поганым тунгусом и требовали указать шайку сообщников. Ругались, будто бы мы били стекла в домах...

Один за другим появились казаки, не тая злорадства в глазах.

— Шо, мозгляки, замочили старика?

— Это дедушка Пармен, — насупился Кронид. — Его сам президент знает. Не смейте говорить плохое.

— Глядь, Захар, он еще права качает! А ну топайте на пост, там будет вам президент по полной мерке!

— Сначала надо упокоить дедушку, — с трудом выговорил Кронид.

— Щас я тебе упокою! — ответил казак и замахнулся нагайкой. Рука зависла без удара. Казак удивился. — А никак ведуны, а? Христа признаешь? Отвечай!

— Мы уважаем всех, но признаем праотца Ория, — без страха ответил Кронид.

— Христопродавцы! — прошипел казак, но ударить не решился. — Шкуру живьем сыму!

Кронид молчал. Лицо Оками съезжилось от страха.

Казаки взобрались на лошадей и погнали обоих скитальцев меж лошадиных крупов.

Откуда-то издалека раздался выстрел, следом целая очередь.

Казаки без удали переглянулись:

— Не иначе архангелы?

— Твою мать! — ругнулся другой. — Поспешаем на пост!

— А этих куда?

Казак достал наручники.

— Прицепи их, Захар, к поручню, пусть пока поскучают, — скомандовал он.

Захар подтолкнул обоих к металлической ограде у многоэтажки, приковал одной парой наручников и крикнул на прощание:

— Не рыпаться мне!

Ускакали они быстро. Едва конский топ смолк, Кронид без особых усилий высвободился из своего стального кольца. Оками выпучил глаза, настолько чудесным казалось ему освобождение товарища: ладонь Крониды свернулась в трубочку и выскользнула из металла. Обеими руками он захватил ладонь Оками, сжал запястье, и вот уже рука его на свободе.

— Ой, какой... — сглотнул от возбуждения слюну Оками. — Как это получилось? Нет, ты колдун...

— Да просто это. Если с детства приучать тело повиноваться, тогда можно заставить и предметы слушать тебя, и живые существа.

— Почему же ты разрешил казакам обижать нас?

— Дедушка Пармен запретил использовать силу против людей.

— И убивать станут — нельзя?

— Только защищаться. Нужно загодя предупреждать нападение. Казаки собрались побить нас, я не дал. А когда бьют, уже поздно, значит, я не упредил удар и все мои

способности уйдут на их отражение. Нельзя подпускать зло предельно близко. Давай, Оками, поторопимся, — кратко закончил Кронид. Он не любил говорить о своих необычных способностях.

Молча они уложили сухонькое тело Пармена поверх спального мешка и понесли его вверх по склону.

— Дедушка Пармен говорил, что несколько тысячелетий назад сюда пришли сторонники ведической веры, чтобы дожидаться собратьев из космоса. Это они заложили городок Ессей в память о единоверцах, которые не хотели подмены истинного Бога на Христа, — решился высказаться Кронид.

— Ессей? — переспросил Оками. — Туда уже трассу ведут.

— Есσει были единственными среди иудеев, которые не приняли Пятикнижия Моисеева, а десять заповедей он взял из «Тишайшего свода». Иудеи истребляли их, тогда они ушли за Балканы и осели на Руси. На беду хазары приняли иудаизм и стали истреблять ессеев. Русины не могли их защитить, своих бед хватало, тогда есσει ушли за Урал в Сибирь. Дедушка Пармен говорил, что в священных книгах, которые они унесли с собой, сказано, куда и когда прилетят собратья из космоса.

— Тунгусский метеорит, — понимающе кивнул Оками. — Скажи, Кронид, ты такой сильный, умный и совсем молодой, но почему ты так просто живешь? Ты бы мог прямо сейчас добиться успеха. Построить дом, заняться наукой, бизнесом, везде тебе будет сопутствовать успех, а ты избрал жизнь паломника, — не спеша подбирая слова Оками, путая русские с японскими. Поступки Кронида часто сбивали его с толку. — Зачем тебе напрасно тратить молодые годы на утопические идеи?

Кронид улыбнулся, прежде чем ответить:

— А смогли бы жить люди без веры? Возможно, ты веришь в богиню солнца, свою Аматерасу или Каммон, может, нет, но память твоя сохраняет ее образ и ты не позволишь осквернять ее.

— Как осквернять? — не понял Оками.

— Допустим, кто-то плюнул на статую богини, вошел в ее храм, не снимая обуви?

— Но это просто некрасиво! Я, конечно, буду возмущен.

— Вот видишь, духовное начало живет в тебе. Свинья выразит неудовольствие, если у нее отнять корыто, а кто туда

плюет, ей безразлично. Сейчас идет смена воззрений, чтобы люди объединились перед грядущими испытаниями. Кому-то надо идти к ним, помочь понять сущность объединительной веры. А такой может быть только та вера, которая не запятнала себя.

— Никому это не надо, — с тоской промолвил Оками. — Вы стали жить богато, а зла прибавилось, люди стали сыты, а дети не уважают старших, по телевидению с утра до вечера показывают непристойности, и никого это не волнует. Почему так?

— Были не готовы к сытости. Объелись. Президент Гречаный допустил большую ошибку, и дедушка Пармен говорил ему об этом, предостерегал: нельзя укреплять новую веру, одновременно уничтожая коренную. Получится разброд. Так и получилось. Так было и с реформаторами в конце прошлого века. Смешали в кучу политику, веру, экономику и сознание, решили одним махом перестроить все. В мудрой Библии, заимствованной из ведических книг, хорошо сказано: «Не паши на воле и осле вместе. Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе».

— Это так, — согласился Оками. — Помню, студентами в Васэда, мы посмеивались над Горбачевым и Ельциным, столько глупостей они творили с самым умным видом. Однажды перед нами выступал известный политик, расписывал прелести перестройки, с помощью которой Россия быстро преодолеет трудности и обгонит Японию. Мы были молодыми скептиками и на веру его слова не принимали. Кто-то из наших умников спросил: а хватит ли у русских умных политиков? «Ну как же! — возмутился русский. — У нас сплошь и рядом умники!» Тогда другой студент, знавший русский и, возможно, очень хорошо Библию, процитировал: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне», — смущаясь, произнес Оками. — Ты понял?

— Нет, это нехорошо он сказал, — смутился и Кронид.

— А никто сразу не понял, приняли за бестактность. Мы его потом спросили, что он имел в виду. Он ответил: у русских нет и пока не предвидится умных политиков, они бездуховные импотенты. Поэтому Япония может не бояться русской экспансии. Несмотря на трагедию японцев, Россия по-прежнему не готова поучать других. И ты готовишься вра-

зумлять тех, кто почти забыл таблицу умножения и — с другой стороны — ушел в мир виртуальных величин?

— Я хочу сделать это, — упрямо сказал Кронид.

Впервые Оками нападад, затрагивая основу его воззрений.

— Мне жаль тебя. Не так это делается. Мы сложные существа и живем по сложным законам бытия. Тебе одному не под силу такая задача. Даже Христос сначала оброс учениками, создал, так сказать, апостольский штаб. Позже создавался пантеон героев и мучеников христовой веры. Россия немыслима без Андреевского флага и двуглавого орла, а ты пытаешься посягать на святыни.

— Ошибаешься, Оками, — неспреклонно возразил Кронид. — Ты прав, что Андрей Первозванный христов ученик, но флаг-то ведический и означает он посадочные линии космодрома. Орел действительно византийский, но и он заимствован из ведических книг — так обозначали Орион до того, как погибли две звезды в его изголовье. Основатели христианства были достаточно мудры и хитры, заимствуя символы. Проще всего смешать старое и новое, чтобы попать хулящего. Вот так, на ровном месте, появляются сложные и усложненные правила, которые удобны правителям. Я не могу жить прежними законами, мои позволяют заглянуть дальше. Будут и у меня ученики, мы с дедушкой не зря прошли всю Россию, встречая верующих и неверующих. И я не уговариваю тебя стать ведистом — это избирает твоя совесть. Но ты ел со мной хлеб, слушал мои слова, видел мой образ жизни, тебе и сравнивать с другими, — закончил он, подымаясь. — Пойдем дальше, Оками, упокоим дедушку Пармена и станем ждать встречи с другом.

— С каким другом? — был доволен сменой темы Оками.

— Раз дедушки Пармена не стало, нас должны хватиться.

— Ты так думаешь или знаешь? — не поверил Оками. — Кому мы нужны...

— Нужны, — упрямо ответил Кронид. — Я знаю.

Последние шаги привели их на перевал. Кронид присмотрел место с краю площадки, где деревья закрывали город внизу и открывался вид на горный массив. Пусть дедушка Пармен смотрит на чистые места, где человек еще не похозяйничал.

— Как же мы схороним его? — недоумевал Оками. — Почва каменистая, а у нас ни лома, ни лопаты.

— Прощаемся, Оками, остальное Всевышний сделает...

Они перенесли Пармена к валуну, неведь каким ветром занесенному сюда. Тело осталось лежать на спальном мешке.

— Оставим так. Прощайся и отойди. Не смотри сюда...

Когда Кронид позвал Оками, ничего не изменилось, лишь спальный мешок лежал поодаль, свернутый в трубочку. Оками смотрел на Крониду с ужасом.

— Не бойся. Я упокоил дедушку, как он научил меня. Ты можешь не верить, но в искусстве проходить сквозь препятствие ничего таинственного нет. Надо сосредоточиться, тогда твердь расступится — обычная проходимость одной среды через другую, более слабую. Я просил Всевышнего, и он упокоил дедушку в твердь. Его душа еще с нами, не отлетела ввысь, и он помогал мне.

Страх Оками стал благоговейным. За таким идти можно.

— Что ты делаешь? — спросил он, приметив, как Кронид что-то делает с землей, где отчетливо проступали контуры человека.

— Я посадил здесь три сосновых семечка, — ответил Кронид и поднял глаза. В них стояли обычные земные слезы.

Стало накрапывать.

2—7

Новое причастие Сыроватов принимал без сучка и задоринки. Едва он повстречался с братвой и сел в джип, отвязалось от него желание мирно купить домик и жить тихо. Особенно овладела жажда посчитаться с казаками за обиды и унижения.

— Садись за руль, — предложили ему. — Как лошадного увидишь, делай из него безголового.

Сыроватов прыгнул на сиденье и по-орлиному стал выглядывать конного. Попались сразу двое. Один из них благо-разумно убрался на обочину, другой внаглянку ехал посредине широченной трассы.

— Ты его под зад не пихай, — посоветовали, — а поровняйся и сбоку лошадке по передним ножкам. Толково получается: лошадка жива, а казачок головкой на бетонку падает. Давай, Ваня?

Иван не подкачал и выполнил маневр лихо. Не снижая скорости, джип покатыл дальше, лошадь поднялась, а казак сучил ногами по бетону, пока не подскочил напарник и, видать, бесполезно.

— Орел! — одобрительно заржали в джипе. — Прими на грудь, — поднесли ему стаканчик. — Соскучился, поди? — Водкой на стройке не баловали и баловать запрещали.

— Ох, святое причастие, — облизал губы Сыроватов и приложился к стаканчику. Руль бросил: одной рукой сжимал стаканчик, другой дирижировал симфонией единения пищевода и водки. Джип шел ровно.

— Оживаю, мужики! — выдохнул Сыроватов.

Схема жизни архангеловцев была проста.

В безыдейной сфере обретались бывшие воры, налетчики — рецидивисты всех мастей, которые отработывали вольное свое житье под крышей архангела Михаила подвигами во имя идеи очищать Россию от иноверцев, изгонять их с насиженных мест.

Куда?

А это рыцарей святой Руси не касаемо. К себе на родину. Россия для русских. А если смешанные браки? А какая разница? Полукровки вызывали большую ненависть.

Казаки на новоявленных чистильщиков смотрели до поры до времени спокойно: Россия принадлежала им. Пока архангеловцы не объявили себя истинными спасителями святой Руси и древлего благочестия. И началось. И захороводили разборки. Вновь ввели милицию, и ведомство Бехтеренко разводило враждующие стороны. Органы безопасности ничью сторону не принимали. В городах постреливали, в селах пускали красного петуха.

Куда бы завела вражда, не последуй Гречаный мудрому совету Бехтеренко назначить Сумарокова командовать органами с двумя казацкими атаманами в замах. Казакам вменялось вести себя степенно, как и положено оплоту отечества, архангеловцам — самораспуститься.

— Вот так, Ваня, подставил нас Сумароков, — жаловалась братва. — Сам карманы набил, за наш счет в люди выбился, а теперь опору свою разгоняет.

Иван сник: а не рано ли в нем голос прорезался, не вернуться ли на родной грейдер и тихо-мирно доехать на нем к садику-огородику? Не поздно еще...

— Да ты, Ваня, шибко не печалься, — успокаивала братва, понимая его состояние. — Во-первых, амнистию объявили и мы тебя вывезли законно, чтобы зря пуп мазутом не тер. А во-вторых, ты волен определяться по своему усмотрению. Только вот поведай нам кое-чего.

— Чего? — наострил уши Иван.

— Правда ли, что пацан, которого мессией кличут, где-то здесь болтается?

— А я как знать могу? — скорчил мину Сыроватов.

— Ну как же! — поочередно подбрасывала вопросы братва. — А кто тебя над землей приподнял?

— Ах этот... — вспомнил Иван.

— Он самый! В самом деле он обладает необычной силой? Не кунг-фу, айкидо, а фокусы хитрые знает?

— Истинно, — подтвердил Сыроватов. — Я тогда на этом погорел. Перемолотил бы казачков за милую душу, а малец этот надо мной злую шутку сыграл. Только я так понимаю, он сейчас здоровенным вымахал, узнать не смогу. А на что он вам? — прорезалась корысть в Сыроватове.

— Есть интерес, — подтвердила братва. — Хотим его в наши пастыри определить вместо Сумарокова.

— Тю! — разулыбался захмелевший Сыроватов. — Надо оно вам?

— Надо, Ваня, — уверенно подтвердила братва. — Знамя завсегда нужно. Иначе нас гэбисты с казаками в салазки загнут. А потом, мозгами пораскинь: на этом хлопчике и бизнес делать можно. Молитвенники издавать, свечки крутить.

— А я при чем? — сделал на лице недоумение Сыроватов. — Я в такие игры уже наигрался.

— И не тянем. Ты только опознай мессию. Он со стариком своим, монахом Парменом путешествует. Его ведь узнаешь? Мы им вот-вот на хвост сядем. Люди говорят: вот только что видели.

— Старика, пожалуй, узнаю, — сказал Иван.

— Больше ничего не требуется! — обрадовалась братва хором.

Поколесить с товарищами прежней удали Иван Сыроватов согласие дал.

Но встреча с будущим пророком складывалась не так скоро, как хотелось бы. Получалось, будто братва ловила синюю призрачную птицу. Буквально только что Пармена с отро-

ком видели здесь, и через сутки — совсем в другом месте. Даже непонятно, какими они маршрутами двигаются, с какой целью. Позже казаки сообщили ради мирной встречи: старик преставился, а отрок с каким-то эскимосом бродит. Вот те крест, только что повстречали на другом конце города! Рванули туда и застали одни пустые наручники. При встрече оказалась и милиция, отчего она вышла мирной. А стреляли ради куражу по пустым банкам.

Пустые наручники произвели впечатление: нужный человек.

— Далеско не уйдут, — подбадривал подельщиков Сыроватов.

Прикинули маршрут.

— На Ессей двинутся, — уверенно сказал тот самый казак, который лично пленял Крониду с Оками. Говорил уверенно вовсе не из осведомленности: хотелось быстрее избавиться от нагловатых архангеловцев.

Обсудив вероятность, братва совсем было отправилась в путь, как вдруг внимание всех привлек звук.

— Никак козевое летит, а, Митяй? — прислушался Сыроватов, расслышав шмелиное шуршание лопастей в тихом небе, откуда в последние времена ничего, кроме мороси, не сыпалось. — Богатые, видать, клиенты летят, на бензин де иежки водятся.

Братва переглянулась: вертолет им подошел бы сейчас в самую пору. Казаки поняли перегляд, но не спешили выказывать свое отношение. Кому клиент, кому пациент, а кому и документ везут на переезд к нормальной жизни: атамана Новокшонова ждали давно.

Услышали стрекот лопастей и Кронид с Оками.

— За нами, — утвердительно сказал Кронид. — Друг прилетел.

— Так пойдем же быстрее! — потянул его Оками. Кронид медлил. Желания возвращаться не появилось.

— Чего ж ты? — торопил Оками.

— Не успеем, — высказался Кронид.

— Тогда костер разведем, нас заметят.

На костер Кронид согласился.

Тем временем вертолет сел на центральной площади города, куда прискакали на джипах, «газиках» и, разумеется, лоша-

дах все заинтересованные лица. Первым из вертолета вышел профессор Луцевич. Его первым узнали сидящие в джипе:

— Важная птица прилетела. Луцевич.

— Была важной, — поправил Чухрин. — Но мудрой осталась.

Все спешили и подошли к вертолету ближе.

Луцевич стоял у открытой дверцы подбоченившись и оглядывал разноманное окружение. Архангеловцы его заинтересовали больше остальных. Не робел. И чего вдруг? Далековато он забрался, слов нет, туда, где в горячих головах блуждают беспредельные понятия. Так не один же... За спиной тянули воздух мощными легкими два охранника, крупные телом. И не в этом счастье. Главное, правильно определить вводные при столь заинтересованной встрече: он мало кому нужен из дикарских побуждений, не бусы, чай, а вертолет в тайге — вещь блестящая. Польститься можно.

— Здравствуйте, Олег Викентьевич, — вежливо приветствовал Луцевича первым Сыроватов. — С прибытием!

— О, Ваня Сыроватов! — искренне обрадовался Луцевич. — Ты-то как здесь очутился? Какими ветрами?

— Перестроечными, — потупился Иван. — Я-то вас знаю, а вы меня откуда? — явно смущался он популярности.

— Из телевизионной, — улыбался Луцевич. — Из «Дорожного патруля».

— Да уж, — не поверил Иван.

— Своими глазами, клянусь! Фото показали и биографию озвучили: примерный грейдерист Иван Сыроватов бросил вверенную технику и ударился в бег за три месяца до полной отсидки.

— Так амнистия! — засомневался Иван в информации, полученной от братвы. Те пока напряженно отмалчивались, следя внимательно за ходом встречи.

— Амнистия, — подтвердил Луцевич. — Но утек ты раньше срока и попал в розыск. И компания у тебя яркая, — оглядел он нахмуренных архангеловцев. — Только возвращаться надо обязательно к родному грейдеру.

— Можно подумать, вы меня исповедовать приехали, — враз погрузился Иван, переминаясь с ноги на ногу. — А вы ведь не поп, а врач, как известно.

— Именно, Ваня, — ласково улыбался профессор. — Антропология — мать криминалистики. Поэтому без долгих прощаний садись и поехали. Нужен ты нам.

— А если он и нам нужен? — подал голос Чухрин, выступая вперед. — Чего вдруг маститый ученый интересуется терпигорцами? Вам кесарево, нам слесарево. Пусть власть его вызывает.

— Я подойду для такой чести? — В проеме двери показался атаман Новокшенов.

— Анатолий Матвеевич! — сдернул папаху с кудрей старший казачьего патруля.

— Надень, — посоветовал Новокшенов. — Головку дождичек посечет. — Крупный и плотный телом, он придавал значимость свосму среднему росту умением степенно передвигаться и модулировать голосом, чем завоевывал уважение и доверие окружающих.

— Здорово, братва! — приветствовал он архангеловцев голосом пахана и вполне достоверным.

— Привет, — нестройно ответили они. Его назначение замом к Сумарокову тасовало все карты, ссориться расхотелось, и вертолет потускнел вместе с надеждами быстро ехать, хорошо отдыхать.

— Так заберу я бывшего убийцу, а ныне передового грейдериста Ваню Сыроватова? — спросил он и обратился к Ивану: — Не хлюзди, Ваня. Ты свое отмотал, приварка к сроку не будет. Зуб даю. Но Олегу Викентьевичу поможешь. И вы тоже, — вернулся он взглядом к братве. — Косточки, говорят, раскопали интересные?

— Какие еще косточки? — глядя искоса, спросил Чухрин.

— Сам хочу видеть, — ответил Новокшенов. — Искали ценное, рассказывают, нашли бесценное?

Он знал, о чем спрашивал. Года два назад, когда взялись рыть Сибирь, стали попадаться в этой глухомани занятные вещи. От костей мамонта до предметов неизвестного назначения и цивилизации. Как во времена Клондайка, в Сибирь рванули искатели приключений и богатства. Архангеловцы сориентировались первыми, объявив территорию зоной своего криминального промысла. Но два года назад археологические и прочие ценности сбывались за рубежом с хорошим наваром, а теперь банка тушенки российского производства весила больше бивня мамонта. Щи из бивня не сварить, не топор, а Европа ощутимо стала голодать, Америка засыхала и просила воды, поэтому цивилизованные граждане переста-

ли ходить в музеи и на выставки, тратя день на очереди за бесплатным супом.

— Хотите купить? — поинтересовался на всякий случай Чухрин. — За ценой не постоим.

— Хочу в дар получить, — с иронией подчеркнул Новошконов. — Как тот ослиный хвостик. Безвозмездно. И спорить не будем, Чухрин, вези сразу в закрома. Пора и нам историю полюбить, музеи налаживать. Летите без меня, Олег Викентьевич, за мной транспортный прилетит, груза, надо полагать, много будет.

Была у него надежда обнаружить в этих самых закромах кое-что поинтереснее косточек. Книги, например. За этим и прилетел...

Он посмотрел в небо и промолвил:

— Ну и денек сегодня выдался. Давай, Чухрин, сейчас закрома в опись внесем, а завтра, помолясь, приступим.

Он попрощался с Луцевичем, винты побежали в раскрутку, как вдруг к вертолету поспешил один из архангеловцев.

— Олег Викентьевич! Господин профессор!

Луцевич на убедительное обращение оглянулся и увидел спешащего к нему человека. Не сказать, что он был мелкий ростом, тщедушен или ущербен, он был неприметен — вот что отличало его даже от Сыроватова.

— Возьмите меня до Хатанги, я почки застудил. Пожалуйста. Я ни в чем плохом не замешан, все подтвердят.

Как показалось Луцевичу, просьба оказалась неожиданной и для его подельщиков. Он внимательно посмотрел на мешки под глазами просителя, заглянул и в глаза. Действительно, почки у парня хандрили. Не подошел климат.

— Возьми, — разрешил Новошконов. — Это Подгорецкий. В списках без вести пропавших не значится, мокрого и грязного за ним не водится.

— Полежай, — разрешил Луцевич и первым скрылся в салоне. За стрекотом винтов он бы не услышал, как прошипел громко Чухрин: «Ну и масть ты, Подгорецкий!»

Вертолет улетел, и собравшиеся рассосались по своим интересам. Улетевшие занялись своими. Луцевич взялся за Ивана Сыроватова.

— Скажи-ка, Ваня, только честь по чести, чтобы нам подружиться, кто из твоей компании больше других мальчонкой интересовался, который тебя в воздух поднял?

Ивана вопрос не обескуражил:

— Все помаленьку.

— А ты не спеши, — говорил Луцевич, стараясь не перекрывать голосом шум двигателя. — Чем точнее твои наблюдения, тем быстрее расстанешься с грейдером. Я позабочусь.

Иван осознал свою значимость. Получается, без него что-то не клеится у сильных мира сего.

— Вот бы не подумал, что хирург мирового класса в менты подастся, — высказался он, столкнулся со всепонимающим взглядом Луцевича и спохватился, реабилитировал себя: — Чухрин, конечно, в первую очередь, а жужжал ему о пацане... — Он стрельнул глазами в сторону охраны и сидящего там Подгорецкого. — А вот если у меня свои выводы есть, зачтется?

— Безусловно, — уверил Луцевич.

— Так вот, верховодил братвой, и Чухрин его слушался, этот самый Подгорецкий, который напросился лететь с вами.

— Даже так? — не скрыл удивления Луцевич.

— Истинно! Сам слышал, — перешел на низкий голос Иван, — как Подгорецкий настаивал на маршрутах. Чухрин в одну сторону хочет, а Подгорецкий бубнит про другую.

— А кто он такой?

— Мутный какой-то, не пойму его. Будто бы из воров, три ходки делал, а по фене не ботает, терпигорцы его не признают. Мутный и скользкий. Чухрин побаивается Подгорецкого.

— А как ты думаешь, Ваня, зачем он от компании отмежеввался?

— Сложный вопрос. Так все неожиданно получилось. Я думаю, Новокшенов начнет перышки братве чистить, и основательно, а Подгорецкий загодя слинял.

— Верно мыслишь, — одобрил Луцевич. — А что именно он у Чухрина выводывал?

— Это он у меня выведывал, — самодовольно подчеркнул Иван. — Подгорецкий аккуратно, однако часто расспрашивал меня, вроде бы невзначай. А я-то мальчика этого всего раз и видел...

Беседуя с Сыроватовым, Луцевич исподволь наблюдал за Подгорецким. Тому хотелось бы слышать, о чем толкуют попутчики от начала до конца, да шея не позволяла. Луцевич

чу хотелось созорничать: парень, шейные позвонки сместишь! Вместо этого он говорил негромко и придерживал Ивана.

«Где я видел эту морду? — нет-нет и озадачивался вопросом Луцевич. — А видел ведь, точно видел...»

Он слушал и не слушал бубнежку Сыроватова о превратностях судьбы, что он чист и мараться заново не желает, а сам перебирал в памяти места, где бы довелось встретиться с Подгорецким. Ничего на ум не шло, кроме расплывчатых картинок: он в Швейцарии, в госпитале сестер-кармелиток делает операцию и никак не может вспомнить по-французски термин «продольное рассечение», чтобы операционная сестра подготовила платиновые скобы, а та смотрит на него с осуждением... Да, и разговор припомнился в ординаторской, одна фраза: «Господин профессор, вы так талантливы, что можете даже черту, прости меня Господи, ангельские крылья пришить» — так съязвила операционная сестра.

«Какого рожна сестра на меня взъелась?» — никак не мог вспомнить Луцевич.

— Олег Викентьевич! — крикнули из кабины, и Луцевич переключился на день сегодняшний. — Есть контакт!

— Извини, Ваня, — сказал Луцевич и прошел к пилотам.

— Поет! — радостно доложил радист и снял наушники. — Слушайте!

Одну розетку наушников Луцевич приставил к уху и сразу различил прерывистый писк условного сигнала.

— Где он? — спросил Луцевич радиста. За него ответил командир:

— Двигается на северо-восток. Засекли сразу.

Когда Гречаный отпускал Кронида под присмотром Пармена, было велено старику не снимать с шеи ладанку со встроенным туда радиомаячком. Пармену об этом сказали. Контакт прослушивался регулярно. Подзаряжаясь теплом человеческого тела, он посылал сигналы, которые раз в неделю прослушивались одной из станций слежения. Так было с год назад, пока не посчитали занятие бесполезным, и лишь Луцевич велел установить на вертолете пеленгатор.

— Летим мимо! — дал наконец команду Луцевич. Суть ясна: живы, в пределах досягаемости, а Пармен сквозь огонь и воду пройдет...

— Визуально не засекли? — спросил он для полного успокоения.

— Едва! Прошли двое в сторону бывшего спецлагеря, сейчас к часовенке подходят! — сообщил командир и указал пальцем вниз на еловый массив. — Видно?

Луцевич разглядел в просвете между высокими соснами бревенчатый сруб с крутой крышей на возвышении.

— Вижу!

— Это страдальцам ГУЛАГа бывшие зеки построили!

Луцевич кивнул молча и подумал, что Пармен специально повел Кронида к этой часовенке...

Как было уговорено, в Ессее конец их путешествию, после чего Луцевич берет на себя обязанности тиуна.

Совершенно случайно маршрут Кронида совпал с направлением на Есsey: в этом направлении его вела неодолимая тяга. Он знал причину — это душа Пармена велит разыскать книги и указывает правильный путь, она незримо витает рядом и не успокоится до тех пор, пока Кронид не исполнит повеление души старца.

«Но почему, почему? — пытался сообразить Кронид. — Почему дедушка Пармен на пути к новой столице не почувствовал, где эти книги? Или душа, только попав на тот свет, может знать точно?»

Другая проблема волновала его не меньше: он переживал за Оками, которому волей-неволей пришлось идти за Кронидом.

«Я не имею права задерживать его и не выполнить повеления дедушки», — мучился Кронид.

— Оками, — решил он, — что мне делать?

Японец выслушал объяснение Кронида и не сразу нашел нужный ответ. С одной стороны — он подчиняется Крониду, с другой — сердце болит за соплеменников.

— Ты принял решение, значит, оно важнее моего. Ты спас меня, и я обязан отплатить тебе добром.

— Мы идем на Есsey, Оками, — поспешил объяснить Кронид. — Там конец пути и там знают обо мне и дедушке Пармене.

Послышался сверлящий звук, словно невидимый бур точил ход сквозь сопку. Они подняли головы в направлении нарастающего звука, и тут из-за гряды сопки взмыл вертолет.

Проводив его глазами, они двинулись дальше, а в каждом осталось убеждение: вот вертолетом бы лучше и быст-

рее. Осталась и недоговоренность, когда кончается обыденность и начинается поступок.

Хоженная тропа вывела их на увал, и одновременно они увидели бревенчатый сруб с конусообразной крышей.

— Часовня, — уверенно определил Кронид. — Маленькая обитель христианского Бога.

Непонятные мысли посещали Кронида, когда он бывал в церкви. Мальчиком Пармен водил его на службы и послушать певчих, и, хотя он мало разбирался тогда в канонах православной церкви и богослужения, всякий раз ему хотелось быстрее наружу от воздуха, пропахшего ладаном. «Что так, внучек?» — спрашивал Пармен. «Христианский Бог только требует и ничего не дает», — по-взрослому отвечал Кронид. Внутри храма ему чудились угрожающие шепотки, осуждающие перешептывания невидимых святых, лики их с укором смотрели с икон и фресок, будто пришедшие собирались украсть что-то, их одергивали: «Не укради», «Не пожелай», «Не замысли». Эти нашептывания мешали ему сосредоточиться. Служба шла, пришедшие терпеливо ждали конца.

— Дедушка, а как выглядит жилище Ория? — как-то спросил он.

— Чистым, внучек, — ответил Пармен, определив состояние Кронида. — В нем обитает один праотец Орий. Раньше христовы храмы были бедны и просторны, девственная сила царила там. Позже их захлामीли утварью, поселили сподвижников Иисуса, украсили сусальным золотом, словно как разбогатевший купчишка похвается достатком и сановными заступниками. Стало тесно людям общаться напрямую с Богом, их побудили передавать свои просьбы Христу и прочим святым. Измельчали и сама вера, и помыслы. Кто денежку просит, кто исцеления от болезни, кто соседа покарать, а единения с Богом — никто...

— Боже! — воскликнул Кронид, едва переступив порог часовни.

Загаженный пол, головешки от изрубленной и сожженной двери, пустые бутылки и банки предстали перед ним. И ничего не сохранилось от святости. Ни иконы, ни лампадки. А они были... Доску с прописанным ликом Николы Угодника приспособили под сиденье, Божья Мать заменяла стол. Доски были широкими, таких еще поискать надо, широчен-

ные кедровые стволы пошли на распилку. А в красном углу часовни сажей прописано: « Это мы боги! Рудик Писарев, 17 лет; Таня Смашная, 15 лет; Офелия Гулько, 14 лет».

Слезы навернулись на глаза Кронида.

— Не входи, — заслонил он проход перед Оками. — Дурной знак, не смотри...

Оба остались снаружи, и Кронид никак не мог выразить свои чувства. Пристыженным выглядел и Оками: краем глаза он разглядел, что там внутри.

— Давай уберем? — предложил он.

— Спасибо, Оками! — умилился Кронид, будто именно этих слов и ждал он. — Я стеснялся предложить это, я и без того задерживаю тебя, но мне так стыдно, так обидно!..

— Это будет добрый знак, — мудро рассудил Оками.

До поздней ночи они провозились с уборкой, не успев даже вскипятить чаю, и на ночьлег расположились под навесом с обратной стороны часовенки.

— Вот лампадку бы затеплить, — почти мечтательно произнес Кронид, понимая безуспешность предложения.

— У меня есть немножко масла, раны смазывать. Товарищи в дорогу снабдили, — откликнулся Оками. — Пойдет?

— Боюсь, Оками, — не решился Кронид. — Но у меня от дедушки Пармена осталось кедровое масло.

— Давай попробуем? — совсем оживился Оками. — Как русские говорят: не жили хорошо, и начинать не стоит.

Лампадка возгорелась ровным теплым светом, аромат благовоний наполнил часовенку. Были добры к ним и Божья Мать, и Никола Угодник, и сами отмытые стены излучали тепло.

Они так и не уснули. Скоротали время за разговорами и, едва забрезжил сырой рассвет, поспешили прочь, словно старания их были ничтожно малы и не смыть грех святотатства.

Впервые христово жилище не породило в Крониде смутных видений. За его спиной осталась чистота.

— Добрый знак, — повторил Оками.

К полудню они вышли к низине, удивительно зеленой среди желтой листвы и пожухлой травы. Низина притягивала взгляд и одновременно настораживала вызывающим цветом среди сырой однообразности. Кронид, приглядевшись, различил пологие холмики. Ближний от них оказался старой-престарой землянкой.

— Люди никак жили? — высказал предположение Оками.

— Кажется, жили, — согласился Кронид, раздумывая, что перед ними. — Не здесь ли артель дедушки Пармена располагалась?..

Радоваться он не спешил.

— Знаешь что, Оками, — решил предложить он. — С последнего перевала я видел озеро неподалеку. Как ты считаешь, если мы наловим рыбы и запасемся в дальний путь, подвядлив ее? А заодно и к месту присмотримся?

— Я согласен, — не колебался Оками. — Расчистим землянку, будет где спать и подсушиться, обувь починим...

Про себя Кронид подумал, что именно к этому месту он стремился, и сейчас не осталось желания идти дальше, пока он не убедится в своем предположении.

2—8

Трудно ли заблудиться в трех соснах? Да проще просто-го. Сначала для куражу забираются в дебри, а дальше подыскиваются любые три сосны. Иваны Сусанины перевелись, остались в самом деле не ведающие верных путей.

Не сказать, что президенту прискучило заниматься государством или он выдохся — просто в один прекрасный день он нашел себя в странном положении: он был, его именем вершились дела, он подписывал указы и рескрипты, давал задания и обращался к гражданам, но жизнь упрямым потоком обтекала его по сторонам. Поток напирал, заставляя смещаться шаг за шагом к берегу, и все больше хотелось выйти на желанный бережок.

Оглядевшись, он не увидел рядом ближайших друзей, искренних помощников и соратников. Кто, как и он, вышел на берег и отсиживался, кого-то унес поток и никто не изменил течение вспять. А ведь он обещал... кисельные берега, молочные реки. Оказалось — болото, подслащенное какой-то пакостью, от которой начиналась изжога.

Страна жила безбедно. Ее не тревожили катаклизмы на чужих берегах, ей не угрожали стихийные бедствия, не стесняло пространство, благо его немерено и климат значительно потеплел, а кулики упоенно пели: «Я другой такой

страны не знаю». Пусть подтопило часть территории, зато вокруг московских холмов образовались пять новых морей, и держава спешно скупала заморские флоты, которые за ненадобностью и почти задаром отдавали владельцы и владычицы. Сибирь расцветала розами и освещалась яблоневым цветом, как грибы поднимались города без тесноты и обид, а прочнейшие широкие дороги разбегались полнокровными артериями.

И только дураки остались в России неизменно. Они, как родные клопы и тараканы, переселялись с утварью из старой жизни в новую, утверждались там с вечной уверенностью в своей незаменимости.

Не в силах перебороть традиционную рутину, Гречаный решил на очередных выборах свою кандидатуру снять.

Едва он проговорился об этом, окружение ожесточилось, напористо подталкивая президента и дальше служить отечеству верой и правдой. Нет якобы альтернативы. Заговорили о монархии. Гречаный стал чаще отсиживаться в загородной резиденции, меланхолический настрой усугублял затяжной противный дождь.

В один из таких унылых дней явилась с уговорами депутация из первого эшелона власти. Премьер Цыглеев, глава органов Сумароков и прочие и прочие. Скромно отсутствовал Бехтеренко, и, разумеется, не было старых друзей: Судских, Луцевича, Момота, Бурмистрова.

Президент с тоской во взоре слушал доводы до тех пор, пока его молчание не стало раздражать депутацию.

— Я подумаю, — всего лишь ответил он на часовую аудиенцию.

Задержался один премьер Цыглеев, сославшись на необходимость срочно обсудить важное дельце.

Двадцатилетний Цыглеев, несмотря на ранний возраст, довольно умело руководил своим кабинетом. Начинал он министром просвещения, и Гречаный как будто не ошибся в нем. Пугала лишь его тяга все и вся компьютеризировать. Мыслил он другими категориями, отличными от устоявшихся правил. Если сравнить его с самым знаменитым плутом последних лет Черномырдиным, сразу бросалась разница в подходе к проблеме. Цыглеев решал ее как обычный мясник. Членил на составляющие, пластал и разделявал с юношеской легкостью до последней косточки. Получалось грамотно

и без отходов. Зато Черномырдин, с лицом завязтого мясника, премьера только изображал. Был у него и мясницкий фартук, и блистающий топор, и лицо он делал стальное, а все видели сразу, что никакой он не специалист и копия Леонова из «Полосатого рейса». Цыглеев не оглядывался на зрителей и просителей кусочка понежнее, был молод, не боялся за репутацию и будущее, а Черномырдину было что терять, и прежде всего старые связи, опутавшие его крепко-накрепко. Оттого и не было у него действий, а была игра в поддавки, из-за чего довели страну до ручки, по-коммунистически бездарной и карающей. Жизнь превратилась в мерзкий спектакль, где премьеры грозились премьерами, театральные трупы сменялись трупами политическими.

Ради изменения правил игры восстал Гречаный, но финальная сцена развивалась не по сценарию. Требовались молодые силы, способные спасти державу от сытой мягкотелости.

Цыглеев усиленно продвигал молодых с молчаливого согласия Гречаного. Они выгодно отличались от поколения деляг умением мыслить компьютерными величинами, чего не могли освоить старые пердуны, опоздавшие в развитии. Пока Цыглеев проникал в виртуальный мир, поверял доводы программным решениям и тратил юные годы на точные науки, Черномырдин с младых лет постигал условности и, когда вышел в премьеры, оказался всего лишь на пирамиде из чужих и собственных ошибок, нежели из достижений.

Это и есть опыт — учеба на ошибках. Оттого старички боятся подпускать к власти молодежь, боятся, что засмеют и обхамят за глупые действия и неразумные поступки. Ах, как не хочется позора на старости лет! Куда выгоднее таскать свое немощное тело с заседания на заседание, лишь бы никто не заметил, что в их отсутствие дело движется проще и ровнее. Старики всегда призывали к осторожности и мягкости, иначе не угнаться им за быстрой жизнью.

Наверное, Гречаный со времен своего президентства сделал единственно мудрый шаг, назначив Цыглеева премьером. И ничего не прогадал. Страна богатели, отстраивалась разумно и загодя, долгов не делала и Христа ради не давала. Радоваться бы президенту, только его душа, пораженная меланхолией, желала ностальгических песен, шерстяных носков и возможности посачковать от надоев-

ших условностей. Цыглеев же был по-солдатски неуступчив и пугал неизвестностью, когда раздавал маршальские жезлы своим одногодкам, оттесняя осторожных и чаще всего ненужных делегатов в возрасте. «Что там еще надумали его компьютерные мозги?» — думал всякий раз с опаской президент, оставаясь наедине со своим премьером. И всякий раз он шел на уступки Цыглееву.

— Семен Артемович, — начал Цыглеев, едва депутация исчезла. — Не пора ли перебираться в новую столицу?

Еще полгода назад объявили готовность, а Гречаный медлил. Он тянул время, запрашивая ведомства: а связь, а коммуникации, а продовольствие? Готовы, готовы, готовы — отвечали президенту. А он все медлил. Три года назад, в пору строительства, он сам подгонял сроки, а нынче на него рисуют карикатуры: что ж ты, дядя, грозился в Землю Обетованную вывести, а самому через дорогу перейти лень?

— Как ты себе это мыслишь? — опять тянул время Гречаный.

— Обыкновенно, — будто ожидал подобного вопроса Цыглеев. — Готовьте указ, а я сделаю соответствующие распоряжения министрам для поэтапного переезда. За неделю управимся.

— За неделю?! — скорее ужаснулся, чем удивился Гречаный.

— И того меньше, — добил его прямою Цыглеев.

Вот так. Для Гречаного вместе с переездом умирала не просто эпоха, а весь патриархальный уклад жизни, а для Цыглеева — нет проблем. Ни Кремль не держит, ни святыни.

— Давай еще раз проверим коммуникации и снабжение, — собрался выгадать паузу Гречаный, чтобы прийти в себя.

— В Москву поставки намного сложнее стали. Из той же Сибири везем, с Дальнего Востока и из Азии, — не миндальничал премьер. — Давно все проверено и упиралось только в название столицы. По результатам опросов населения, люди предлагают назвать ее Ориана.

— Ориана? Почему? Уже без меня названия выбирают...

— По старому названию той деревни, которая была на месте новой столицы.

— А ты не задумывался, какой смысл вкладывается в это название? — зацепился Гречаный. — Это не так просто, другие конфессии могут обидеться.

— Семен Артемович, мне абсолютно безразлично, как будет называться столица, я о другом думаю.

— Вот она, юная поспешность! — всплеснул руками Гречаный. — А последствия? А мировая общественность?

— Какая общественность! — раздельно спросил Цыглеев. — Может, следует мировой референдум провести?

— Без шуток, Владимир Андреевич, — решил стоять до конца Гречаный, но переезд оттянуть. — Решастся важный вопрос.

— Давайте поступим проще, поскольку синоптики обещают сезон ливней: вы пока оставайтесь со своей администрацией здесь, а правительство переедет. К вашему прибытию все будет готово. Встретим с музыкой и цветами.

— Может, мне вообще здесь остаться? — послышалась обида в голосе Гречаного.

Цыглеев не обращал внимания:

— И этот вариант мы обсудили. Именно так и следует поступить для плавности смены столиц.

Вот так. На все вопросы готовы ответы. Компьютер подсчитал, Цыглеев запрограммировал.

— Но почему именно так? — росло возмущение в президенте. — И кто это — мы?

— Как кто? — буквально не понял вопроса Цыглеев. — Те, кому вы доверили решать судьбы России. А почему так — очень просто, Семен Артемович. К Москве привязана вся архаика нашей жизни, груз ненужных ментальностей. Из-за этой архаики прозевали время строить высокоэтажные дома, чтобы купола церквей не закрывали. Именно эту причину приводили бывшие коммуняки-аппаратчики, лишь бы не загружать себя заботами по разгрузке столицы. Церковь, к примеру. Мы сами даем повод цепляться за отжившую догматику.

Гречаный никогда не слыл приверженцем христианства, но сейчас его больно укололи бездушные слова Цыглеева. Сопливый юнец с маху ставит крест на вековых традициях. Больно. А в самом деле: не отправить ли этих заумных юнцов к черту на кулички, и пусть себе там корчат из себя провидцев новой жизни?

— И кто еще так считает? — сдержался Гречаный.

— Молодежь. поголовно. — Глаза Цыглеева смотрели бесстрастно.

И еще один шелчок:

— Ленин взрастил мичуринцев. Сталин — стахановцев, Хрущев дал дорогу комсомолу, Брежнев — пионерам, Ельцин выпустил октябрят, которые успешно извели дедов-мичуринцев и отцов с комсомольскими мозгами. Спасибо всем. Страна помолодела. Впервые в России рождаемость выше смертности. Если, разумеется, не учитывать, что благодаря комсомольским играм стариков население сократилось на треть, а на земном шаре благодаря мичуринским опытам с ядерной энергией и экологией — в десять раз. И за это вам, старшим, спасибо. Хотите опыты продолжить или дать молодым пожить нормально?

Нет, это не шелчок, это статистика. А Цыглесв продолжал:

— Вся послеоктябрьская эпоха была сплошным обманом и декларацией обмана выживших из ума негодяев. Молодежь бросили на произвол судьбы. А судьбы у нее не было...

«Взросло племя бездушных и бездуховных, — продолжил про себя Гречаный. — А может, у них своя духовность, которую мы не разглядели? Компьютерная? Виртуальная? Нам ведь тоже нравились «Битлы», которых осуждали старшие. Нам хотелось жить весело, а старики корили нас за безнравственность. Так наказание это для нас или непонятое поколение?»

Не задумываясь над последствиями, Гречаный решил: уж если суждено ему оставить след в истории, так пусть это будет реформа сознания. В насаждении новой веры он не преуспел, новое мышление развилось само по себе, хотя, и это очевиднее, именно он взрыхлил для новых ростков почву.

«Господи, помоги им», — взмолился он, берясь за ручку.

— Давай указ. Подпишу...

Из папки Цыглеева появился предусмотрительно заготовленный указ о названии новой столицы.

— Ориана так Ориана, — промолвил он, разглядывая перо. Нет ли соринки или волосинки на кончике... Исторический все же момент.

На лице юного премьера ничего не отразилось. Возможно, он подумал: слава Богу, наконец-то старый пенек раскинул мозгами.

А то, чего стоили президенту предпосылки, — не в счет? Жизни? Чужая жизнь — статистика, своя — факт.

— А что станет с Москвой? — спросил он напоследок, подразумевая статус города, культурный центр, сохранность

памятников истории, искусства и прочие реалии, связанные с этим.

Цыглеев толковал вопрос в ином ключе:

— Москва уйдет под воду максимум за год. Низины уже подтопило изрядно. Кстати, старый Шереметьевский аэропорт давно не принимает дальние рейсы, дренажи полосы не держат, сток воды не обеспечивают. Радиусы метро сократились втрое.

«Вот и Китеж...» — задрожали руки у Гречаного. Цыглеев сосредоточенно перебирал бумаги в папке и не заметил.

О грядущем наступлении воды знали давно и готовились без паники. Перенос столицы был обусловлен. Одна из причин.

Других было множество. Старушку Европу, где некогда бродил призрак коммунизма, бросили умирать. Появились деньги, призрак материализовался. Подкармливали Индию, чтобы Китай не напирал сзади, а Турция с Ираном спереди; кавказский каганат в гордом одиночестве доседает кукурузу, а «гарни хлопцы с Львовщины» самостоятельно качают нефть — ведро до полудня — и меняют у чехов на хмель и горох, добрая, сказывают, горилка получается, даже «фелиции» на ней работают. Ездить не ездят, но заводятся. Все уравнилось. С севера наступают тропики, а в Америке негры извели белых: отлупцевали их до посинения, теперь все одинаковые; а в Белом доме восседает Муран Сейфур Мулюков Первый, выходец из башкирской деревни Сучмеизы, и требует от России пива и харчей к пиву в обмен на ударные авианосцы. А куда их девать? «Фош» там, «Джон Кеннеди», там и новейший «Британик» уже с полгода наш.

Вот тебе и царица, правящая из-за морей...

А вдруг именно такой смысл заложен в библейском пророчестве? Только не сбылось пока от размягчения в умах и непрерывной мороси. Хлеб сеяли не густо — там сыро, а там одни бананы произрастают, — а ели в основном шампиньоны из подземных бункеров, пустующих за ненадобностью. Шампиньоны настоящие, жирные. Говядина искусственная надоела, собачатина — деликатес. Зато рыбы всяческой завалились, икры — море. «Опять икра!» — проклятие века. Вот как оно все обернулось. Не велел Господь поедать теплокровных, не послушали, он взял и плюнул на это дело, а плевок растекся в громадную лужу, которой ни дна, ни фарватера.

Такие вот дела накануне переселения в новую столицу.

«Что ж, — подвел невеселые итоги Гречаный, — берем каждой твари по паре — и в Ориану».

И до того ему стало наплевать на все на свете, что не обратил особого внимания на сообщение секретаря:

— Семен Артемович, вылетов по-прежнему нет, Сибирь не принимает. Есть другой вариант: теплоходом по Лужковскому морю до пристани великомученика Ельцина, а там автопоездом до самой Орианы. Устраивает?

— Вполне, — машинально ответил Гречаный. — Только я пока в Москве побуду.

— На какой срок откладываем переезд? — столь же машинально уточнил секретарь, занятый подсчетом, какие гостиные и комнаты в Кремле он займет со своей семьей и родственниками, как только уберется цыглевская челядь.

— На какой? — переспросил Гречаный. — А пока Кремль стоит!

«Ясно, — пометил для себя в блокноте секретарь. — На год спокойно можно заселяться в кремлевские палаты. Голубая — моя, Зеленая — зятю. Красную — сватам, а в Георгиевском теннисный корт неплохо соорудить... Так, а этого куда? — Секретарь многозначительно посмотрел на президента. — Ага: уговорю его занять боковой флигель у кремлевских казарм. Там тихо, сухо, пусть себе живет в свое удовольствие...»

— Свяжите меня с Судских, — неожиданно попросил Гречаный.

— А Игорь Петрович давно уехал, — удивился секретарь такой просьбе.

— Куда уехал? И связи нет, что ли? — рассердился Гречаный.

— Есть связь, — проявил осведомленность секретарь. — Он сейчас в Центре климатологии.

— Где это? — нахмурился Гречаный, не соображая.

— На острове Безымянном в Тихом океане, — ответил секретарь, лелея мечту перебраться на этот райский островок. — Кстати, территория России... А вам бы неплохо подлечить здоровье в тропическом климате, — намекнул он, выжидая реакции.

— Соедините, — кратко сказал президент.

Пока секретарь делал спутниковый набор абонента, Гречаный дожидался с чувством неловкости: года, пожалуй, как

три не общались, а тут — здравствуйте, я ваша тетя... Впрочем, президент он, можно с таких позиций говорить, если не очень обрадуется Судских неожиданному звонку.

Связь была на удивление чистой.

— Здравствуй, Сеня, — услышал Гречаный в ответ знакомый голос. И выжидательная пауза.

— Ну, как там дела, Игорек?

— Над нами не каплет, — насмешливо ответил Судских. — Даже пшеницу затеяли сеять. А у вас?

— А у нас закончен газ. Топлива в обрез, держимся на ветряках. Ничего, — бодрился Гречаный, — зато экология в норме. Как прогнозы, когда у нас солнышко появится?

— Пока без перемен. В Сибири, возможно, со следующей весны, а в Европе шторма и антициклоны.

— Пересезжаем в новую столицу, — нашел чем похвастаться Гречаный. Было неловко. В ответ молчание.

— А как там Кронид? — поинтересовался Гречаный, устраняя неловкую паузу.

— Где-то в Сибири блуждает с Парменом. Сюда не спешит...

Опять понимающее молчание. Осуждающее. Выручил всезнающий секретарь:

— Поздравьте его с рождением третьего ребенка!

— Тебя можно поздравить с третьим отпрыском? — рискнул Гречаный.

— А Луцевича с первым.

— И Луцевич с вами? — удивился президент, даже не спросив, на ком женился Луцевич. — Поздравляю...

— Здесь, здесь, — подтвердил Судских. — Обязательно передам.

«Черт возьми! — вспомнил Гречаный. — А я так и не женился... Подсунул этот... — он неодобрительно глянул на секретаря, — свою сестру в наложницы, тем и пробавляемся. А мне уже пятьдесят шестой. Пожалуй, поздно, укатила молодость».

Попрощались с Судских легко, как корабли на приличном расстоянии в море, каждый на своем курсе, хоть и параллельном.

— Пойду-ка я прогуляюсь, — сам себе сказал Гречаный, и секретарь не удивился его желанию.

— С какой охраной? — осведомился он для проформы.

— Без охраны.

— Запрещено, Семен Артемович.
— Тогда пару человек, не больше, — попросил президент.
— Я утрясу вопрос, — ответил секретарь таким тоном, будто делал президенту величайшую услугу. Допустим, брался выменять воблу на банку сгущенки.

Президент неторопливо вышел через Спасские ворота в сопровождении двоих охранников, которые держались на расстоянии, как велел секретарь. Направился он наискосок к бывшему ГУМу, где нынче разместился один из многочисленных цехов культуры и здоровья молодежи. Зданий в Москве пустовало много, и практичный Цыглев, ни на кого не оглядываясь, велел переоборудовать их в молодежные центры. Болтаться по мокрым улицам желающих почти не было, а там тепло, светло, лампы дневного света, зелень в оранжереях и нет соблазнов употреблять спиртное или наркотики — все на виду. За это Гречаный хвалил премьера, но своими глазами еще не видел — что оно такое, оздоровительный центр.

На первых этажах девчушки в прозрачных трико учились танцевать что-то вычурное и замысловатое — под руководством молоденьких преподавательниц, может быть, чуть крупнее учениц. Их прозрачные трико были откровеннее. Гречаный испытывал неловкость, но на него не обращали внимания, зато охранники постреливали глазами, держась за его спиной. Плечистые и молодые по-прежнему в цене, смекнул Гречаный, когда наставницы задвигались вольнее, выбирая позы и па пооткровеннее. Запахов президент не ощущал, вытяжная вентиляция работала прекрасно.

«И слава Богу...»

На галереях размещались секции по интересам. Качки прежним способом наращивали мышцы. И если, разглядывая танцовщиц, охранники делились мнениями вполголоса, здесь они не стеснялись говорить громко. По их мнению выходило, что все это чухня, метода устарела, рельефный фасон дает, а настоящей мускулатуры не прибавляет плюс импотенция.

— Почему импотенция? — не согласился президент. — Ребята ладные, сильные, ничем не хуже вас.

— Да уж, Семен Артемович, — ухмыльнулись оба. — Нас гоняли на свежем воздухе да на рубке дров и гречневой каше, а это — показушники, обычные качки. Перед девками фор-

сят, а палку не могут поставить с толком, — откровенничали они, не стесняясь президента. — Да тут и девицы все сплошь лесбиянки. Честное слово!

Президент покраснел, будто обвинили его самого в импотенции.

— Пошли дальше, — сказал он, пряча глаза.

В компьютерном зале царило оживление. Здесь проверяли сноровку и совсем еще мальчишки лет семи — десяти, и юноши постарше. Компьютер-жокей отрывисто произносил непонятные команды, и в зале тут и там отвечали ему столь же непонятно.

— О чем они переговариваются? — спросил Гречаный.

— Кто на файле микроб поймал, кто запустил свой вирус, — охотно пояснили охранники, и один другому сказал с большим интересом: — А тот шибздик в прыщах на крайней панели ничего так шерстит в пятом уровне, да?

— Ум-м, — уважительно промычал другой.

И здесь президента не замечали, и здесь он был чужой. Даже в секции полового воспитания, где Гречаный задержался у остекленной перегородки, на него не обратили внимания. Юнец лет пятнадцати втолковывал что-то полетке, жестикулируя руками, и она послушно выполняла позы.

«Хоть не голые», — вздохнул Гречаный, хотя прозрачное трико ничего не скрывало, но заниматься прилюдно сексом запрещал закон.

— Чухня, — не удостоил похвалы один охранник учителя. — Индийская школа, ничего интересного.

И здесь его знаний не хватает...

В следующей галерее его заинтересовали молодые люди в тогах, лицом к лицу попарно.

— А это что? — спросил он, остановившись.

— Центр ораторского искусства и дикции, — пояснил охранник. — Правнучка безнадеги Горбачева предложила, а Владимир Андреевич учредил, — хмыкнули оба.

— Кто? — не понял Гречаный.

— Цыглеев, — удивленно повторил охранник. — Владимир Андреевич. А Горбачев — губошлеп такой был в прошлом веке.

— Жена, говорят, его сковородкой по губам била, — охотно подключился другой, — когда он неправильно ударения ставил.

— Ладно, посмотрим, как эти шлепают губами, — произнес Гречаный и подошел к ближайшей паре.

— Чего тебе, дед? — отвлекся один из ораторов с острым длинным носом. — Пахлявку ищешь? Так топай в малый ГУМ, там клевый выбор.

— Какую пахлявку? Я президент, — оскорбился Гречаный. Оратор с минуту созерцал его беспристрастно, потом сказал партнеру:

— Продолжим.

«Так тебе и надо, — попенял себе Гречаный. — Корми, пои и под ноги не суйся».

— Куда еще хотите? — приблизились охранники.

— Пошли в оранжерею. Там хоть понятно, — сказал президент. — А что такое пахлявка?

Охранники прыснули. Один из них ответил:

— Извините, Семен Артемович, но вы так быстро ботать учитесь. Пахлявка — это когда люди старшего возраста девочек снимают.

— Я им поснимаю! — разозлился президент. — Ну и заведеннице!

В оранжерее их встретила вежливо юная особа в юбочке клеш.

— Прошу вас, Семен Артемович, — сделала она книксен, приподнимая и без того коротенький подол. — Я вас узнала. Вас по телевизору показывали. Вы что-то там изобрели в космосе. Вы Гречанский.

— Изобрел, изобрел, — снисходительно усмехнулся Гречаный. — А мамзель что изобрела?

— Пойдемте покажу, — гордо ответила она и повела между стеллажей с бушующей зеленью.

Гречаному стало веселее. Он подмигнул охранникам с усмешкой.

— Вот, смотрите, — остановилась юнатка у крайнего стеллажа. — Это принципиус бесталанус. Он получился от скрещивания томата с парниковыми огурцами. Вам нравится?

Гречаный оглядел растение с мясистыми листьями и спросил:

— А как на вкус?

— Плодов еще нет. Думаю, со следующим отбором появяться. Но листья и стебли уже можно употреблять в пищу, — пояснила она.

— Употребляете? — не скрывая иронии, спросил Гречаный.

— На фиг? — не смутилась она. — Это экспортный продукт. Дешево и практично, аборигены подчистую сметут в обмен на минералы.

Охранники, укрывшись за стеллажами, потешались откровенно. Повеселел и президент.

— Давай-давай, — погладил он по головке юннатку. — Знатный из тебя таланус выйдет. Экспортный!

Юннатка зарделась от похвалы, подолом прикрыв личико, к общему веселью. Гречаный поспешил вон.

— Все! — сказал он охранникам. — Насмотрелся, нанюхался, опыта огреб на всю оставшуюся жизнь. Пошли...

На следующее утро Гречаный выехал в загородную резиденцию и первым делом велел соорудить обычный парник.

— Никак беспринципиус таланус собираетесь выводить? — весело спросил охранник, с которым Гречаный обозревал молодежный центр.

— Обычную капусту, — кратко изрек Гречаный. — Дедовским методом.

Посещение центра напомнило ему фильм о «Титанике», его первый и последний рейс. Лайнер тонет с ужасной раной в борту, а в ярко освещенных салонах играет веселая музыка, танцуют беспечно пассажиры, не замечая крена.

Пассажиры?

Вот именно.

2—9

Как неожиданно немочь накатила на Оками, так удивительным образом и исчезла.

В день прихода на зеленую поляну они экономно распределили обязанности, чтобы заночевать в тепле и сухости: Кронид отправился поймать рыбы на ужин, Оками расчищал землянку под ночлег. Развели костер, перекусили наскоро и вместе взялись за убежище. Внутри находилась печурка, к ней пробивались они с энтузиазмом. В очередной раз вынося землю и всяческий хлам, Оками почувствовал недомогание. Мышцы тела набухли в одночасье, неимовер-

ных усилий стоило двинуть рукой, ногой, и что там конечно-сти — ворочать языком было мучительно, веки глаз поднять неумоготу.

Кронид растерянности не проявил. Первым делом он приготовил постель для Оками, заботливо уложил ее в спальник, каждые двадцать минут отпаивая целебным отваром, как учил Пармен. Что за болезнь навалилась на товарища, он знать не знал, однако именно такой сбор трав, снимающий воспаление мышечных тканей, готовил для отвара Пармен.

Ни разу не потревожив Оками, без треска и шума он освободил землянку от завала и торжественно затопил печурку. Кронид вышел поднести собранных заранее дров, а вернувшись вскоре, застал товарища в странной позе китайского болванчика.

— Ты почему поднялся, Оками? — взволнованно спросил он. — Тебе ни в коем случае нельзя вставать!

— Не могу, — с трудом ответил Оками. — Хочу наружу. Совсем.

Кронид перенес товарища из землянки, соорудил нехитрый навес, чтобы уберечь от мороси, и до утра не отходил от него, потчuya травяным отваром, как ни хотелось внутрь к живительному теплу, в уютное жилище.

С утра Кронид натаскал в землянку лапника, и от хвойного запаха стало еще уютнее.

— Перенести тебя в землянку? — участливо спросил он Оками.

— Попробую сам, — ответил тот и вылез из спальника. С помощью Крониды он вошел внутрь и только произнес очарованно: — О-о...

— Тебе нравится? Ты уже не хочешь наружу? — заглядывал ему в глаза Кронид.

— Нет, — отдышался Оками, — очень хорошо.

Он с вождением вдыхал хвойный запах. Сырость и затхлость исчезли. Кронид заботливо уложил его на ложе из лапника.

Кронид не стал докучать разговорами и выбрался наружу. В темноте под морозящим дождем было тоскливо и одиноко. Он машинально потрогал ладанку на груди, едва вспомнил Пармена. Без него сейчас он совсем расклеился после напряженной и неудобной ночи с больным товарищем. Только эта ладанка и маленький фонарик остались в память

о старике, ничего больше он не взял. Сжималось сердце, а глаза хотели различить сквозь плотный и влажный полог ночи милый сердцу Орион.

«Сейчас бы мы пили чай и слушали удивительные истории дедушки», — размышлял он под шорох мороси и гнетущую тишину.

Постепенно он отключился от окружающего, вспоминая Пармена. Интересно: он никогда не повторялся, и каждая история была рецептом врачевания. В дальнейшем Кронид научился без подсказок расшифровывать притчи Пармена, но он всегда помогал ему находить главное. Как раз такая припомнилась ему:

«Молодая женщина страстно хотела ребенка, однако год замужества не принес ей желанного. Однажды во сне к ней явился Будда и сказал: «Завтра в полдень ты пойдешь вдоль реки Хуанхэ босиком до пагоды Хэ Ши и вознесешь мне благодарение. В дороге ты найдешь драгоценность, которая украсит твою жизнь». Она проснулась радостная — еще бы, сам Будда привиделся ей! — и едва дождалась полдня, чтобы исполнить повеление божества. На полпути к пагоде что-то блеснуло в пыли. Она радостно вскрикнула, резко нагнулась и... подняла осколок стекла, который приняла за драгоценность. Её охватило разочарование, но она добралась до пагоды и вознесла благодарение Будде. Через девять месяцев она, как положено, родила ребенка, приятного мальчика со светлым, как у Будды, лицом».

— А теперь, внучек, попробуй расшифровать притчу, чтобы найти рецепт лечения.

— Я не смогу, — откровенно ответил Кронид.

— И правильно, — похвалил его Пармен. — Это лжецы, выдающие себя за чародеев, приписывают себе сверхъестественные качества, а ты должен знать элементарные законы, которые позволят тебе управлять своим и чужим телом. В притче про Будду нет ничего сверхъестественного, надо только знать особенности. А они таковы: Будда велел идти женщине в полдень, когда солнце в зените, то есть очень жарко, босиком вдоль реки Хуанхэ. Это река, которая выносит на берег при разливе много лёсса, и лежит он высотой до полуметра. Вот тебе первое условие задачи: бесплодным женщинам делают грязевые ванны и прогревают в первую очередь ноги

для восстановления подачи крови. Дальше: женщина проснулась радостная?

— Я думаю, да, — кивнул Кронид. — Увидеть во сне божество — очень приятно.

— Верно. А радостное ощущение — это приток адреналина в кровь?

— Так, дедушка Пармен, вы учили. А холестерин от плохого настроения, — прилежно ответил Кронид.

— Умница, внучек. Таким образом, женщина шла, принимая грязевые ванны, притом сухие, в радостном расположении духа и...

— Нашла кусочек стекла, — подсказал Кронид.

— Это так, но резко нагилась она за драгоценным камнем и, только подняв его, обнаружила стекло. Что произошло? Вспомни, как надо обработать позвоночник для притока крови в ноги?

— Нужно распушить четвертый и пятый позвонки, промассажировать их и поставить на место. Я понял, дедушка! — воскликнул Кронид.

— Когда она резко нагнулась, позвонки разошлись, а когда выпрямилась, они встали на место.

— Правильно, Кронидушка! Но не упустил ли ты чего?

Кронид задумался и стал вслух восстанавливать притчу:

— Она была радостной, пока не наткнулась на осколок стекла... — Его лицо озарилось. — Дедушка, когда женщина нагнулась, к позвоночнику пришла обогащенная кровь, а когда выпрямилась, к нему не попала кровь с холестерином.

— Вот и весь рецепт, — удовлетворенно развел руки Пармен. — Функция деторождения восстановилась! Ноги прогрели, кровь обогатили, позвоночник поправили...

Так просто и понятно трактовался древний рецепт китайского целителя. Пармен знал их великое множество, почерпнув из древних книг. Знал секреты массажа, трав, гимнастики. Он передавал их Крониду ежедневно и всегда заставлял думать, убирать мистику, оставляя, как облупленное яйцо, только суть рецепта.

— Дедушка, — спросил как-то Кронид, — а зачем нужно облекать рецепт в притчу?

— Кронидушка, это сделано для того, чтобы не все подряд владели ими. Злые люди могут использовать способы врачевания в корыстных целях, а врачеванием должны зани-

маться добрые руки. Основное правило помнишь? — спросил Пармен.

— Конечно, дедушка, — ответил Кронид и процитировал его слова: — Мы лечим людей своим теплом, передавая его руками болящим. Остальное — вторично.

— Вот и весь рецепт...

«Чем же заболел Оками? — разволновался Кронид, перебирая в уме возможные способы врачевания. Ничего подобного он не встречал. — И дедушку не спросить...»

Использовать сверхъестественные силы Пармен Крониду запрещал. Только в крайних случаях.

«Может, это крайний случай?» — спрашивал себя Кронид, жалея товарища, и что-то подсказывало: нет, ищи земное снадобье.

На следующий день он разыскал в тайге корешки любочвета и стал подмешивать в отвар для Оками. Лучше ему не становилось, а кризис не наступал. Он стоически принимал снадобье и наотрез отказывался от ухи. Крониду стоило больших трудов накормить Оками, весь свой таежный опыт он использовал для сбора съедобных корней, злаков и орехов. Он чуть не плакал, когда кормил угасающего товарища. Себе варил уху, не понимая, почему Оками отказывается от наваристой похлебки. В найденном озере он ловил здоровенных карасей и белорыбицу, неизвестно как попавшую в непроточное озеро. Форель и пеструшка ловились просто, как голяны, утратив в озере резвость не в пример речным собратьям. Всякий раз, когда Кронид уходил на рыбалку и возвращался домой, его что-то терзало, и дорога давалась ему с трудом, словно душа Пармена корила его за промашки, но рыба была жирной и вкусной. Другого питания у них не водилось. Даже остатки сухарей, сахара и соли Кронид сберегал для Оками.

После кормления Оками засыпал, а Кронид в это время обследовал низину, ближние кряжи или ловил рыбу. Трава по-прежнему оставалась зеленой, холода не наступали, и тягучая морось одолевала. Сучья для топки мокли и разбухали, требовалась сноровка найти дрова посуше или сделать их пригодными для горения. Это Кронид умел, не зря Пармен тратил время, обсказывая науку выживания.

— Внучек, — поучал он, — люди должны жить в природе, а не на природе. Они обленились и утратили данные им Богом качества.

— Как это, дедушка? — не понимал Кронид. — Разве Всевышний сделал их не обычными людьми?

— По образу и подобию своему, — поднял указательный палец Пармен. — Он дал им все, а люди захотели беспечной жизни, обленились, ели что ни попадя. Выживание — это не скудное житье, это умение богов раствориться среди природы, ничем ее не обижая.

В поисках сушняка Кронид набрел однажды на завалившееся строение, поодаль зеленой низины. Видимо, здесь, в стороне от землянок, стояла просторная пятистенка, сложенная из сосновых бревен. Расщепляя стволы топориком, Кронид обрел отличную растопку. Кругляк был выстоек, сохранился сухим и нетрухлявым.

Неделя провожала неделю. Оками хворал, почти не говорил, и Кронид постепенно углубил проход в завалившееся строение, где попадались сухие доски и предметы обстановки: он вытянул из завала пару табуреток и разбитый стол. То-то радости для их скромного жилища! Жаль, Оками безразличен к окружающему...

Кусок кумача, торчащий из трухлявого завала, Кронид приметил сразу. Бесценная находка: тут и скатерть, и простыня для Оками!

Осторожно выволакивая кумач, Кронид отступал к выходу, а материя никак не кончалась, к радости юноши. Наконец она кончилась — больше трех метров широкого полотнища!

Выбравшись из завала, Кронид расстелил его на траве. Проступили буквы, не замеченные в полумраке.

Кумачовое полотнище оказалось лозунгом: «Сталин — наше знамя боевое!»

Вот, значит, куда они забрели...

Никакой артели здесь не было, как не было и мирного труда. Лагерь здесь обосновался, страшный приют обездоленных.

От Пармена Кронид слышал о Сталине, о тех лагерях, которые располагались в этих местах лет около ста назад. «Человек этот, — поучал Пармен, — был жесток, веру свою воздвигал на крови и людском страдании, но возвеличил Русь, как никто другой. Только это была уже не Русь, а империя зла и коварства. Всевышний Сталина не покарал, но империю разрушил, ибо перевертыш страшен желани-

ем своим пребывать в человеческом обличье, улавливая некрепкие души...»

Кронид спросил, усомнившись: «Так Сталин был дьяволом?» Пармен отрицательно покачал головой: «Нет, внучек. Он хотел быть властелином и стал им. Добрые и недобрые деяния перемешались в его жизни. Божьей кары он не получил и прощения тоже. Такими были царь Иван Грозный и Петр Великий, а мало ли других русских царей, изводивших мирян притеснениями? А много ли живших благодеяниями? Таков закон: вождь должен быть строг, ему вверен Богом народ, и спрос с него особенный: силен твой улей — вот тебе и возможность оправдаться перед Всевышним. В Священном писании сказано: «Всякая неправда есть грех, но есть грех не к смерти».

Кронид призадумался: как же тогда быть добрым правителем?

«Таких не бывает, — ответил Пармен. — Единовластие жестоко в любом проявлении, а сообщая люди разучились управлять. Измельчали, нарушив божьи заветы. Поэтому Всевышний карает не вождей, творящих дьявольские дела, а потакающих таким». Опять непонятно Крониду: «Тогда замученные Сталиным — виноваты больше?» — «Нет, внучек, но Сталин знал, за что ему придется держать ответ, а приниженные им так своей вины и не осознали, а вина единственная — дали в себе прорасти дьявольское семя. Во всех русичах проросло оно, только страх перед Богом сдерживал его рост, отчего святость истощилась в них, иссосало ее дьявольское семя. Поэтому к власти после Сталина приходили трухлявые вожди, они-то и были слугами дьявола, им прощения нет». — «А дядя Гречаный?» — «Он справедлив, но не искушен во власти. Адреналином он кровь людскую взбодрил, а как пользоваться холестерином, не знает. Жалко мне его...»

Неожиданно Кронид вспомнил одну из притч Пармена и догадался с радостью, как ему вылечить Оками. Ему хотелось еще покопаться в завале, откуда вытянул он кумач, но долг перед товарищем был выше. Прихватив кумач, он напрямик отправился на озеро. Кумач простирнул и наловил пиявок.

— Оками, вот эти кровопийцы спасут тебя! — заявил он радостно с порога и не мешкая принялся за врачевание. Что-

бы товарищу не было постыло, он пробавлял лечение рассказом о находке: — Кумач высохнет, будут нам простыни и скатерть. Жаль только, соль на исходе, я корешков драконицы накопал, все какая-то замена... И есть у меня надежда, что в завале я найду соль. Я почти добрался до задней двери, там, наверное, кладовка была или подсобка. Оками, нам повезет, как ты думаешь? — спрашивал он товарища, продолжая возиться с пиявками. Насытившихся снял и терпеливо промакивал выступающую из ранок кровь. Терпел и Оками. Молчал. Когда все пиявки отвалились, Кронид остановил кровь и заботливо укрыл Оками:

— Поспи теперь, а я приготовлю покушать...

Ноги немедленно увлекли его к завалу. Замок на двери кладовки поддался сразу: из истлевшего бруса, как гнилой зуб, пробой выпал сам собой. Кронид включил фонарик.

Вдоль стен расположились полки, в сухом воздухе пахло тленом. На полках плотно стояли толстенные книги: Сталин, Сталин, Сталин — читалось на корешках. Соль, да не та... Стоял там и бронзовый бюст вождя, и лежала самая настоящая кумачовая скатерть. Все.

С пустыми руками, разочарованный, Кронид вернулся в землянку. И, к своему восторгу, он застал Оками сидящим на постели.

— Ты выздоровел!

Оками озирался недоуменно.

— А мне кажется, я спал тяжелым сном. Ничего не помню, совсем ничего. Сколько же времени я валялся? День, неделю?

— Э, Оками, — засмеялся Кронид, — два месяца!

Он помог товарищу выйти на свежий воздух. Вместе с ним иначе вдыхал запахи прелой листвы и сырости.

— Еще теплей стало, будто весна...

— Весна и есть, — улыбался ему Кронид. — А я лозу лимонника нашел. Вот чай вкусный будет!

Вместе они сходили на рыбалку, и ужин удался на славу. Оками долго не хотел есть запеченную рыбу, как ни привлекательно она выглядела. Кронид настоял:

— Тебе надо набираться сил.

— Только ради тебя, — ответил со вздохом Оками. — Ты знаешь, японцы привередливы к рыбе, и если отказываются от нее — неспроста это, душа противится.

— Ну хоть маленький кусочек, — настаивал Кронид. Кое-как Оками поел рыбы. Потом пили чай с лимонником, и он наслаждался ароматным чаем. Дотлевали угольки в печурке, духовито разливалось тепло в землянке.

Повинуясь внутреннему желанию, Оками из благородства решил поведать Крониду то, с чем направлялся в Москву.

— Ты знаешь, Кронид, в каком порядке идут цвета радуги?

— Знаю, — кивнул Кронид. — Мы говорили об этом.

— А про обратную радугу знаешь?

— Дедушка Пармен рассказывал, что иногда появляется другая радуга — трехцветка, предвестница беды.

— Это так, — подтвердил Оками. — Завтра я покажу тебе, как находить место, откуда приходит трехцветка. Достопочтенный Тамура открыл эту тайну, но спасти Японию не успел...

Ночью Оками спал плохо, и Кронид прислушивался к товарищу. Он напоил его отваром с лозой лимонника, и Оками успокоился. Лишь под утро сам Кронид провалился в сон, как в яму. Было зябко и не по себе, что-то мучило его.

Проснулся он внезапно: кто-то сказал в ухо: «Не уходи».

— Эй, Оками, — позвал он. — Как ты там?

Он быстро встал и подошел к ложу товарища. Из спального торчал заострившийся нос, глаза были открыты и не видели его.

— Оками... Как же это?

За ночь лицо сделалось восковым. Кронид открыл дверь, ворвался свет, сомнений не осталось.

Пошатываясь от внезапного горя, Кронид вышел наружу. Он виновен в смерти товарища. Но почему, за что ему такая кара?

Три дня он не находил себе места, высох, не прикасаясь к пище, почернел от горя и необъяснимого чувства вины. На четвертый он соборовал Оками. Для захоронения праха избрал отдаленную землянку, приготовил дрова для сожжения.

Пламя будто взорвалось одновременно со всех сторон, необычно яркое и яростное. Стоя на коленях, Кронид просил Ория заступиться за Оками. Среди мороси прошелестел ответ: упокой его на возвышенном месте, ближе к погибшей родине и небу.

Еще трое суток Кронид без сна бесцельно сидел в землянке, не разводя огня, поминая товарища молчанием и отрешенностью. Великий грех возлег на него неведомо почему.

«Грехи наши в деяниях отцов наших. Аминь...»

Привыкший свободно носить свое тело, не обремененное печалью, он чутко откликнулся на томление внутри или взгоряченную кровь, а теперь вдруг перестал ощущать зов плоти, саму жизнь вокруг, не слышал своего сердца. «Во мне все перевернулось, я стал другим», — понял он свое состояние.

Впервые он нес бремя.

Голод растормошил его. К озеру он не пошел, не поднялся и в сопки, а отправился к завалу.

Снова внимательно Кронид обследовал все углы и в этот раз обнаружил нечто новое: за кладовкой была еще одна дверца с простой щесколдой, ведущая в каморку-запасник. Оттуда он извлек тяжеленный мешок и следом два легких дощатых ящика.

Нет, не зря пленил он себя в поганом месте!

В ящиках покоились жестянки, на каждой посередине узкая полоска металла, которая скручивалась посредством ключика с прорезью. Скрутив одну, он, к своей радости, увидел внутри галеты, те самые ленд-лизовские хлебцы, о которых рассказывал Пармен. Не удержавшись, он съел сразу штук десять. Сразу захотелось пить. Взяв мешок на спину, а открытый ящик прихватив под руку, он вернулся в землянку. Чай с лимонником и галеты были настоящей наградой.

Потом он взялся за мешок. На ощупь — книги.

Кронид развязал мешок без особого волнения, из любопытства вынул конверт плотной бумаги, лежащий поверх книг. На конверте категоричная надпись: «Заместителю начальника УСВИТЛА* товарищу Сухову лично в его руки». Внутри конверта записка на тетрадном листке в линейку: «Тов. Сухов! Срочно переправь эти книги в Москву лично полковнику Воливачу Вилору Степановичу. Их изъяли у староверов в Семучином ските. Очень важно! Дата: 2 марта 1953 года. Подпись: начальник спецлагеря 1/2 Кремнев».

Книги до адресата не дошли: через три дня связи нарушились.

У Кронида затряслись руки. Очень осторожно он погрузил их в мешок, еще более осторожно он вынимал книги.

* УСВИТЛ — Управление Северо-восточных исправительно-трудовых лагерей.

«Спасибо тебе, Всевышний, — шевелил он губами, — что не отвратил свой взор от меня и привел к святым святым. Спасибо тебе, дедушка Пармен, что не дал мне уйти незаслуженно прочь. И упокой, Всевышний, душу товарища моего по несчастью Оками, нет воздаяния без греха, а грех мой без умысла».

Пять фолиантов в переплетах эбенового дерева с золотыми застежками он выложил на кумачовую скатерть. Шестым лег свиток в оплетке из проволочных тростниковых палочек. На красном покрытии казались они Крониду святыми неопалимыми дарами.

Первым он открыл свиток, памятуя наставление Пармена, в какой последовательности следует читать священные книги. «Тишайший свод».

«Сын мой, куда ты идешь? — читал он древнеславянскую вязь, запрещенную киевским князем Владимиром, губителем веры. — Истина перед тобой, и ты единственный, кто располагает ею. И любой другой и каждый следующий потому, что истина у каждого своя и непонятна другому, если он того не желает».

Сын мой, остановись, не трать времени даром, не блуждай по кругу: откуда вышли мы, туда вернемся; чем были, тем останемся. Не возвышайся над прочими, пока Творец не возвеличит тебя, а знак Его ты отыщешь сразу, овладев мудростью, дарованной Им.

Будь терпим к прочим потому, что они читают свой свиток истины, а мудрый не кичится знаниями.

Не доверяй вождям, они не соль земли, но подчиняйся им с достоинством, не унижая себя.

Возлюби врага своего, он зеркало твоих ошибок. Разбив его, ты станешь слеп на пути к истине. Если тебя одолел враг, то ты не дал ему заглянуть в зеркало твоих помыслов.

Не поучай без надобности, это глупость. Открытость твоя есть учение другим, и лишь святая святых принадлежит тебе одному и целостно. Ее не открывай никому. Аре!»

«Аре — Будь здрав — приветствие посвященных, — вспомнил Кронид. — Так вот он какой, знаменитый «Тишайший свод», утерянный и обретенный ради спасения человечества...»

Кончиками пальцев Кронид бережно оглаживал буквы свитка, впитывая их молчаливую силу.

«Отсюда Моисей взял десять заповедей...»

Следующим лежал фолиант с зелеными уголками неведомого металла.

«Книга Света»: «Суета сует, все суета, если мир поглупел от всеядности и не видит движения светил...»

«Вот и Экклесиаст нашелся...»

Кронид прислушался. Отвлекали звуки снаружи. Он закрыл фолиант и вышел из землянки. Где-то лаяла собака и слышался женский голос. Кронид вернулся, бережно переложил все книги обратно в мешок и задумался. Мало ли какие визитеры могут зайти к нему. Не раздумывая больше, он завязал мешок и понес его к леску у края низины, где из старой железной бочки соорудил тайничок и хранил там целебные травы, корешки и кое-какие мелочи, не столь необходимые в повседневности, но милые сердцу.

«Про другой ящик галет забыл!» — вспомнил Кронид и отправился к завалу. Звуки с сопки мало его беспокоили. Кто бы это ни был, он встретит гостя чем Бог послал, не обидит, худа не сделает, а ему никто худа не причинит. Теперь у него есть «Тишайший свод»...

Он почти взялся за скобу двери, как вдруг она распахнулась сама и оттуда выскочила внушительных размеров мохнатая собака, стала перед ним как вкопанная, не взлаяла, словно вопрошала: «Я здесь поселилась, а ты кто?» Собака втянула его запахи, зажмурилась и сунула голову прямо под руку Крониде.

— Познакомились, значит. Ну пошли...

Для приличия он постучался в землянку и только потом вошел. На его ложе, застеленном кумачом, восседала девушка лет двадцати. Она как раз распустила свои пышные волосы и застыла с наклоненной головой.

— Мир вам, — поклонился Кронид.

— Здравсьте, — тряхнула она головой и безбоязненно спросила: — Ты кто такой? — Волосы разлетелись по плечам.

— Я-то? — умилился Кронид. — Я живу здесь...

— А я заблудилась, — выпрямила стан сидящая девушка. — Ты не переживай, не задержусь, меня скоро найдут. Я Вика Цыглеева.

Кронид улыбался. Улыбка приклеилась к нему нелепым образом.

— Ну, чего стоишь? Развлекай меня, корми... А ты красивый, божок прямо лесной...

Проворный Цыглеев Гречаного не обманул и за неделю перевез в новую столицу весь кабинет со вспомогательными службами, обслуживающим персоналом, собаками и кошечками. Город ожил мгновенно, засветился электрическими огнями, неомом, зашумел деловым и праздничным гулом. Компактный город занимал не более двух квадратных километров, без промышленных зон и строительных объектов. Топливный кризис уже давал себя знать, и в новой столице почти не водилось автомобилей. Соляр и бензин весь уходил на строительство дорог и других городов Сибири, а в Ориане разезжали фиакры и ландо, покрикивали кучеры, требуя проезда.

Сразу бросалось в глаза отсутствие детей и людей пожилого возраста. Всего одна школа, один детский садик, забить козла не находилось компании, зато пять колледжей высшей ступени трудились с утра до позднего вечера. За Цыглеевым молодежь ринулась в Сибирь, и, пока старшие неторопливо примеривались, что выторговать из льгот у премьера, что взять с собой из утвари, не осталось мест в служебных квартирах и самой службы. Поколению очковитателей предлагали остаться на прежнем месте, ехать туда или туда, но не сюда. Оскорбленные ветераны канцелярских скрепок и дыроколов кочевряжились недолго: вода подступала быстро, возвышенности превращались в острова, хлеб насущный заменяла рыба плавающая. Ее фосфор хорошо усваивался мозгом, и умственные люди спешно осваивали рабочие профессии, отхожий промысел и забытые ремесла. Новыми красками засияли гжель, палех, напольные и настенные часы играли марши, а подкованные блохи гарцевали в ожидании покупателей.

Только вот покупали сухую безделицу, и брошенные на островах пенсионеры умирали тихо, без проклятий. Расцвет пришел, но слишком поздно, рассветы приходили в туманной мороси, а где-то там за туманами играла музыка, веселились их выросшие дети и не спешили заводить для них внуков. В прежние времена взрослые лишали их школьных завтраков и учителей или наоборот — пичкали сникерсами и престижными колледжами, нынешняя молодежь отплатила родителям тем же — забвением и денежными переводами.

Да, нерадостно было коротать дождливый вечерок за обильно накрытым столом в одиночку, а новые города без автомобильного воя и смрада выхлопов, без стариковских каталок и брюзжания, без множества проблем, создаваемых пенсионерами, весело светились огнями в поздний час, напоминая пустыри, поросшие жизнерадостным репьем и чертополохом с яркими цветочками, которые выдирать с корнем невозможно, и остаются корни в земле для новой поросли.

У детей не было родителей, у родителей не было детей. На глупый вопрос: «Где твои детки?» — отвечали: «А Бог их знает». На другой глупый: «Где твои предки?» — отвечали: «А черт их знает».

Одним словом, в новой столице и окрестностях бурлил молодой организм без рудиментов и комплексов.

В аппарате Бехтеренко, как и везде, трудился молодежь. Его самого подпирали молодые замы, энергичные и неглупые. Сам министр несколько раз намекал премьеру об отставке, но Цыглеев не спешил отпускать на заслуженный отдых Святослава Павловича, одного из немногих ветеранов в кабинете министров. Бехтеренко не боялся потерять место: компьютерные программы Цыглеева ладно вписывались в системные проработки министра внутренних дел, а Цыглеев уважал владеющих базой данных. Это лет двадцать назад Черномырдин или Гайдар могли дурачить публику скудоумием или заумью, а молодежь быстро раскалывала старых пердунов их же огрехами. Годы духовного сиротства молодежь наверстывала безжалостно. Зато подобных Бехтеренко, имеющих свой склад ума, уважали, как уважают умную независимую машину.

Кого не взял Цыглеев в новую столицу, так это органы безопасности и казаков. По уложению от прошлого года им вменялось селиться где угодно, но не далее пятисот километров от границы. Сумароков ликовал, наслаждаясь в Москве властью, пока не хватился, что наслаждается он собственной наготой. Цыглеев уговорил Гречаного подписать указ о закрытии громоздкой конторы, некогда грозной и всесильной, которая осталась без работы. Нет, конечно, работу органам можно найти всегда, если сами органы пожелают этого, но Гречаный, памятуя, сколько раз гэбисты вставляли ему палки в колеса и мешали, указ подписал, а Цыглеев, любивший движение без помех и

ровное, контору распустил, создав при министерстве Бехтеренко всего лишь внешний отдел. Сумароков, отметаив искры гнева, завел себе парник наподобие президентского, Новокшенов с превеликим удовольствием отбыл в свой родовой курень, а хитромудрый Дронов перебрался в новую столицу под крыло Бехтеренко заведовать тем самым внешним отделом. Остальные — кто куда.

В переездах как-то забыли об очередных президентских выборах, и тогда Цыглеев издал указ, закрепивший за Гречаниным пожизненный титул почетного президента. Никто и ухом не повел. Фракционеры перевелись от обилия фосфора в головах, коммунистическое движение сохранилось только на африканском роге под видом обрезания половых губ. Дикари — они и есть дикари.

В новой столице не было ни одного православного храма, ни одного молельного дома или мечети, и московские колокола звонили с глухой тоской по светлым временам, и тягучий звон плыл над широкими водами, как собачий вой к покойнику.

Молодых вера не заботила — как можно верить в Бога, если программные исчисления выводили на мониторы компьютеров безликие цифры? Они грамотно рассуждали о стратегических ошибках Православной церкви, упущенной тактике от нежелания смотреть на вещи реально, отчего вера изветшала, а ведизм слишком молод, невразумителен при отсутствии основополагающих документов и прельстить не может. Они дружно соглашались, что в прежние времена ломали дурочку все кому не лень, лишь бы сколотить собственную компашку, как это делает сейчас бродячая шпана, не способная даже освоить элементарный «виндоуз», отчего сподручнее крестик на шее или ведический знак, а в руке цепь со свинчаткой или «калашников» и уверение вожака, что он-де знает великую тайну Второзакония и никому ее не откроет, только самым преданным и послушным. И где эта тайна? В пустых головах. Где эти головы? На компьютерных кольях в министерстве Святослава Павловича. Он их отслеживает, отловив, загружает программами на строительство новых дорог, а им недосуг: после сидения перед экранами компьютеров лучше расслабиться коктейлем «Поповская жопа» или поболтать за рюмочкой «Сумасшедшего генерала»

о преимуществе анального секса или вертикальном схождении религий. Хорошо быть молодым и умным!..

Когда-то век и другой назад писатели и художники живописали приход дьявола: в отблесках багряного пламени скачут черти с вилами и черными мордами, а парадом командует главный черт с бородкой дядюшки Хо и козлиными рогами. Впечатляюще, грех не заглянуть в церковь и попросить отсрочки дьявольского пришествия, чтобы успеть обзавестись новой тачкой или дачкой да сбегать с рук глупую дочку замуж и пожить наконец по-людски. Ан нет, его приход тих и скромн, как улыбчивая гайдаровская речь, он не козыряет сльцинской статью и не отмсчен божьим плевком порока на лысом челе. Он по-березовски мудр и властен, как Господь, он по-чубайсовски пронырлив, как сам дьявол. Он и есть дьявол. Он — действие. Он верфь для ковчега и омовение лона Земли пред новой беременностью. Он — семья. Кому повезет, тот сядет в ковчег парной тварью, вооруженный компьютерной грамотой, а на файле уже сидит вирус: «Частица черта в нас заключена подчас». Господь — это преславно, а электричество по проводам — это бесовская сила. И никуда без дьявола потому, что запретный бифштекс — сила.

Понимал все это Владимир Андреевич Цыглеев и просчитал свой век досконально. Десяти лет от роду он в одиночку раскрутил текст Священного писания на простой 486-й модели, не возвеличился до Бога, не опустил до дьявола. Кому нужна ветхозаветность, если в двенадцать он слыл непревзойденным хакером и развалил по просьбе Министерства обороны штатовскую систему превентивного ракетного удара, в пятнадцать сам стал министром, а в двадцать премьером. Его познания были холодны и вгоняли в жар людей вдвое, втрое старше, высказывания казались кощунственными, а взгляды убийственными потому, что ни один экран компьютера не пожалсет о жестком приговоре, не извинится за методичную гадость.

Премьер Цыглеев создал систему жесткую и гибкую одновременно, как стальная проволока. Ее не взять на излом, не порвать рывком, в ней не осталось мягкости сантиментов. К примеру: рабочий день начинался с 10.00, а девочка, с которой он занимался сексом до 09.00, опоздала минут на пять, а точнее — на четыре минуты двадцать восемь секунд.

«Ой!» — не принимается, «Ох!» — он не скажет, и при чем тут секс, если счетчик отметил опоздание и уже высчитал штраф из зарплаты? А деньги он пока оставил деньгами, они вихрили по белу свету и вымывались из карманов, и вопрос: «Если ты такой умный, почему такой бедный?» — надежд на поблажки не сулил.

Итак, обсуждался бюджет на следующий год. Министры, как водится, приготовили жала, чтобы вонзить их в питательную среду.

Во главе стола он выглядел почти игрушечным. Головастый, но статью не вышел из-за бдений у светящихся экранов. Он крутил педали тренажера и качал пресс, однако упущенного не воротишь. Круглое его личико с острым носиком улыбалось программно в нужных местах, как заварник на самоваре, он сам отменно шутил, зная множество анекдотов, был речист и умел слушать. Бехтеренко, присутствующий на заседании кабинета, единственный седовласый здесь и не менее умный, всегда с умилением внимал речам премьера, только частенько и невпопад возникала мысль: не ушибается ли он, как любой смертный, а если ушибается, кривится от боли?

— Итак, делим бюджет, — встал Цыглеев, оперся обеими руками о стол. — Сначала дела зарубежные. Ближнее зарубежье. На следующий год никому ничего давать в долг не будем. Ни под какие проценты. По расчетам, наших собственных припасов хватит на пять лет, по прогнозам, три четверти земной поверхности максимум за год уйдет под воду. Смысла нет спасать тонущих. Мы не бедные, но гордые.

— Украина обещает в этом году поставку двадцати новейших силовых установок для ветряков и просит предоплату в размере десяти миллионов золотников, — напомнил министр энергохозяйства.

— Хохловские балачки. На Украине осталось два заводика и десятая часть территории от прежней. Какие ветряки? — спокойно и едко отводил довод министра премьер.

— Но планируется перевод производства в Прикарпатье, — не уступал министр. — И даже в Закарпатье.

— Западеныцы всегда были бедными, но гордыми и расчетливыми. Они не позволят загадить Карпаты хохлацкой непринужденной глупостью. Лучше пригласить их ансамбль песни и пляски Григория Вережки и заплатить им повышен-

ную плату за серию концертов. Это разумно. Пусть попляшут, попоют, заодно заработают. А вот Львову кредит дать на поставку древесины твердых пород и на развитие нефтяной отрасли. И не скупиться.

— А кавказскому каганату? — напомнил министр продовольствия.

— Только на бартерной основе. Будет виноград, дадим ткани, — влет решал проблемы премьер.

— А среднеазиатскому ханству?

— Отмолчимся пока. В прошлом году эмир отверг наше предложение поставлять нефть только в Россию на весьма выгодных условиях, а теперь сел в лужу: скважины гонят голый парафин. Эффект капли начинает действовать. Еще года три назад я предупреждал всех, сообразуясь с изменением мантии планеты.

Возразил министр легкой промышленности:

— У самих запасы кончаются. Сырья нет.

— Как это — сырья нет? — без возмущения спросил Цыглеев. — А порубки в зоне прокладки дорог? А топки?

— А топливо? — парировал вопрос министр энергохозяйства.

— Вчера министр обороны получил распоряжение законсервировать весь военно-морской флот и подвижную бронетехнику. Воевать не с кем, будет вам топливо.

— Это радует, — отстал министр.

— Шельф Северного Ледовитого океана, — перешел к другой теме премьер. — Тофик Сеймурович, рапортуйте, — обратился он к министру топливной энергетики, пятому по счету, если не сказать первому среди топливных и энергетических министерств.

— Десять новых платформ установлены, пять в сборке. Готовят по графику без осложнений.

— Укладывается? — мягко спрашивал Цыглеев. Этого министра он уважал. Разбитной чернявенький Тофик нес на своих плечах будущее благо.

— Вполне. Хотим дальше к Аляске продвигаться.

— И правильно. С Сейфуль Мулюком договорились. Покупаем Аляску обратно и за ту же цену. Нефть — это жизнь.

— Аккумуляторы из Армении? — обратился он к министру энергоемкостей. — Как там наши братья во Христе? Не подводят?

— Соглашение состоялось. Президент Армении просит кратчайшим путем решить вопрос возврата ее прежних территорий у Арабата.

— Это не вопрос. Атаманы Бурмистров и Новокшенов получили распоряжение сегодня в полночь войти в Прикавказский коридор. Резервный казачий корпус к отправке готов. Пусть богатеют братья-армяне. Воевать — не строить. Кто еще?

— Владимир Андреевич, — вклинился в паузу председатель комитета культов и оккультных наук. Оставили такой смеха ради. — Церковь настоятельно просит выделить средства на постройку храмов взамен затопленных.

Председатель комитета культов и оккультных наук Кавдейкин Антон Прокопович был единственным, по возрасту догонявшим Бехтеренко. Он пришел к выводу, что держали их по одной простой причине: и там и здесь требовались навыки, которых у Цыглеева не было, оба ведомства он считал рудиментом общества.

— Вы... опять? — Цыглеев повернулся к Кавдейкину. — Я уже отвечал вам, на глупости денег нет.

— Но это вера, Владимир Андреевич, — настаивал проситель.

— Я неверующий, Антон Прокопович, — отсек Цыглеев.

— Другие веруют.

— Пусть другие и дают. Церковь более других повинна в развале. Православная церковь кланится, при том что отцы Церкви и сейчас живут безбедно и автономно. Пусть паства помогает им, если осталась. Сейчас бедных нет. Остались ленивые и дураки. Кстати, вас на заседание не приглашали.

— Я пришел по просьбе министра просвещения.

— А где Виктория Андреевна? — оглядел присутствующих Цыглеев.

Все промолчали. Если брат не знает, где его сестра, что говорить остальным?

— С какой просьбой? — затушевал неловкое молчание Цыглеев, обратившись к Кавдейкину.

— Виктория Андреевна просила меня точнее сформулировать причину необходимости возрождения Церкви.

— Вот как... — со скрытой издевкой произнес Цыглеев. — Мы тут все глупые, а господин Кавдейкин решил нас про-светить.

Бехтеренко, внимательно следивший за ходом диалога, представил, как это было. Кавдейкин достал Викторию, а она перепихнула его к брату, прямо на заседание кабинета, чтобы впредь отвязаться от просителя.

— Не надо конфликтовать с Церковью, — отвечал Кавдейкин. — Лучше пойти ей навстречу.

— А то она проклянет нас, — насмешливо закончил за Кавдейкина Цыглеев.

— И проклянет, — уверенно сказал Кавдейкин.

— Пошлет кары небесные, да? Землетрясения, потоп?

— И найдет.

— Милейший и занудный Антон Прокопович, ваши милейшие и занудные попы неплохо спекулируют знаниями, которые сохранились до наших времен, а я с помощью вычислительной машины еще пять лет назад просчитал цикличность катастроф. Так что мне надо было делать? Юродствовать, подобно Иеремии, Исае, или вообще выдать себя за мессию? Честное слово, мне жаль вас. Скажите, вы умеете обращаться с компьютером?

— Я гуманитарий, — вско произнес Кавдейкин.

— И этим все сказано. Значит, не умеете?

— Не обучен.

— Наверное, в коммунистах числились в свое время?

— Не довелось.

— Оказывается, вас даже туда не взяли, — откровенно издевался Цыглеев. — Ладно. Бисер метать нечего. Поступим следующим образом: если глава Церкви докажет мне справедливость его просьбы и убедит в укреплении православной веры, я готов раскошелиться.

Кавдейкин удалился с надменным видом. Конечно, он понимал, что Цыглеев над ним издевался, но победил-то он, добился встречи иерарха с премьером. Не умели молодые работать и никогда не научатся без опыта старших, а он, Кавдейкин, и Цыглеева переживет, и катаклизмы, как пережил смуты, и бунты, и партийные съезды. И не забудет Цыглееву позора. И свидетелем его посрамления станет.

— Вот упорство! — искал понимания у кабинета Цыглеев, а глядел на Бехтеренко. Его сподвижники-одногодки никак не отнеслись к перепалке. Где-то усмехались, где-то переговаривались друг с другом и ждали окончания. А Бехтеренко слушал внимательно. — Как вы считаете, Святослав

Павлович, у иерарха будут убедительные доводы? — обратился он к Бехтеренко.

— Еще какие, — усмехнулся Бехтеренко. — Не берусь судить, какие именно, однако, давши палец, вы рискуете крупно: иерарх постарается оттяпать всю руку. Два тысячелетия противостояния обществу о чем-то говорят.

— Вот как? — удивился Цыглеев. — Я считал, Церковь помогает обществу. По-своему она его союзник.

— В этом и кроется глубочайшее заблуждение человечества, Владимир Андреевич, — снова усмехнулся Бехтеренко. — Траву без пастыря овцы найдут, от волков бараны защиту отработают, а стрижку никогда не освоят.

— Так ли это нужно баранам?

— Привыкшим к стрижке — да. Надо помучиться им, чтобы следующая популяция стала короткошерстной.

Вернулись к прерванным делам. Бюджет разложился ладно. Его обесчитали прежде, с запасом прочности и до последнего винтика, и каждый министр свою долю знал точно, на чужую не претендовал. Когда есть из чего шить кафтан и закройщик надежен, о пуговицах не спорят. Бюджет не растащили по крохам, как в прежние времена, его разложили по полочкам.

«Хорошо быть молодым и денсным», — блуждала улыбка на лице Бехтеренко. Он не осуждал их. Ему нравилась их легкость в подходе к сложным делам и просчитанная уверенность, как чувствует себя подготовленный студент на экзамене. Опыт пожившего человека подсказывал, что все это ненадолго, утопическое счастье скоро закончится, а затишье обернется бурей. Все они не старше тридцати лет, беспечны, несмотря на эрудицию, и в бурю сломаются, как никогда не встречавшие бури. Когда со всех сторон льет и швыряет вверх и вниз, тут на точных расчетах не выплыть, тут прочная постройка нужна и дядька боцман...

Он слишком глубоко ушел в себя и очнулся, когда Цыглеев назвал его по имени-отчеству:

— Святослав Павлович, задержитесь. Сядьте ближе.

Бехтеренко пересел и приготовился слушать. Его министерство нареканий не имело, значит, разговор будет о делах интимных.

Интуитивно Бехтеренко догадывался, что пойдет он о сестре Цыглевой. Девушка была своенравной, неуравновешен-

ной, пост свой занимала благодаря брату и делами занималась из рук вон плохо. Спасали заместители, а Вика чаще появлялась в дансингах, в ночных клубах, чем в своем министерстве. Ей все сходило с рук. Будь это в старорежимном обществе, братца доконали бы не Викины дела, а сплетни о делах Вики. Приписалось бы все, еще бы назвали братца Калигулой, подробно живописуя о кровосмесительных делишках, а в новой столице никому это не интересно. Чем занимать умы, сверстники Цыглеева знают, досуга хватает, ну разве что похихикают: как это Вовчик Вику трахает. Вот невидаль! Голубое разрешено, лесбийское — без проблем, бисексуальное — да ради Бога! Брат с сестрой сожительствуют... Это старичков занимает, чей хинкал давно увял, осталось только в святоши записаться. А старичков оставили переживать о нравственности в прежней жизни.

— Святослав Павлович, что там за увлечение у моей сестры? Знаете небось? — подступил Цыглеев с первым вопросом.

— Да мне кажется, вы знаете об этом лучше меня, — уклонился на первый случай Бехтеренко. — Мы слезкой не занимаемся.

— Она говорила мне, что старается понять рассуждения какого-то мальчишки, чтобы применить полученные знания в учебной практике. Кто это? Вы знакомы с ним?

— Слышать слышал, — снова осторожничал Бехтеренко. — Парень помешан на ведической вере. Кстати, он лично известен Гречаному, его знали Момот и Судских. Он был единственным, кто пережил Зону, поэтому его опекали на высоком уровне.

— Вот как? А я даже не слышал об этом.

— Ничего удивительного. Он много странствовал со своим пастырем, сейчас живет тихо за Ульдыкским перевалом.

— С пастырем?

— По-мосму, нет. Как будто пастырь скончался. Сейчас он один.

— Может, ему помочь, сюда переселить?

— Вряд ли он захочет. Хотел бы, давно перебрался, имея высоких покровителей. Затворничество, знаете ли, удел высокоорганизованных натур, делает ее цельной, в будущем не подверженной соблазнам бытия, чего простым смертным не дано.

Цыглеев воспринимал эти слова Бехтеренко камешком в свой огород. Вот-де как надо выходить в правители. Однако

обижаться не в его правилах: пускай одни, отшельничая, выходят в мудрые мира сего, он вполне доволен положением сильного. Было бы интересно пообщаться с этим затворником — так ли он мудр, как считает Бехтеренко.

— Над чем же он корпит? — спросил Цыглеев в прежней спокойной манере общения.

— Не в курсе. Краем уха слышал от Новокшенова, будто читает древние книги и, вероятно, размышляет над ними.

— Если так, то я подобное затворничество прошел. Только не над книгами корпел, а над программами. И разумеется, в одиночку, — уравнил намек Бехтеренко Цыглеев, давая понять, что помудрил и он для будущего восхождения.

— Не спорю, Владимир Андреевич, — мягко согласился Бехтеренко.

— Кто по старинке привык, кто другие методы освоил. В старину, к примеру, когда корпуса пароходов клепали, им давали год оржаветь, потом до чистого металла сдирали ржавчину и только потом красили и дотраивали. Износу не было.

— Прекрасное сравнение, — пропустил мимо ушей намек Цыглеев, готовый отразить его своим. — Корпуса в самом деле не изнашивались лет по тридцать — пятьдесят, а двигатели за это время морально устаревали. Так есть ли смысл отшельничать и возвращаться в общество морально устаревшим?

«Уел», — про себя усмехнулся Бехтеренко и ответил:

— Старое — это надежно забытое новое.

— Ой ли? Может, наоборот?

— Именно так, Владимир Андреевич. Но не будем спорить. Я в идеологии не силен, — ушел от спора Бехтеренко. — Вернемся к нашим баранам.

— Разумно, — засчитал себе очко Цыглеев. — Понимаете, Святослав Павлович, до развлечений сестры мне особого интереса нет, но это моя сестра, ее жизнь мне небезразлична. Я не ханжа, не святоша, но здоровье блюду свято. Хотелось бы знать, не болен ли этот молодой человек?

Бехтеренко тактично промолчал.

— Не подумайте слишком плохо, — пришлось Цыглееву откровенничать дальше. — Но я заметил на ее руках неприятную сыпь. Будьте добры, разберитесь с этим молодым человеком. Обследуйте его, что ли... Это моя личная просьба, Святослав Павлович.

— Займусь, — утвердительно кивнул Бехтеренко, хотя ему до чертиков не хотелось заниматься подобным поручением.

— Так, говорите, старое — это надежно забытое новое? — неожиданно напомнил Цыглеев.

— Так получается, — улыбнулся Бехтеренко.

— Я понял вас.

Сам того не ведая, Бехтеренко помог Цыглееву открыть новый закон микросенсорики. Не житейская мудрость, не Соломонова притча, а закон поступательного движения материи, которым владели жители Зоны, сумевшие держать под контролем всю планету...

2—11

Вика обещала вернуться через неделю, и Кронид томился ожиданием новой встречи. Он ждал ее и боялся одновременно ее прихода. Она раздражала его, ссеяла сомнения и влекла.

За годы общения с Парменом у них никогда не возникала тема отношений мужчины и женщины. Врачевание — в порядке вещей от самых сокровенных областей тела до обычных грибковых поражений. Он осваивал естественные и физические науки, постигал философию и не задумывался над природой естества, а Пармен часто повторял: подрастешь, станешь крепок душой и телом, тогда тебе откроется иной мир. И Кронид послушно ждал. Он верил наставнику свято. Скажи ему Пармен, что дети заводятся в капусте, он бы принял это за аксиому, врачуя тем не менее беременную женщину.

Развитие Крониды опережало возраст. В четырнадцать лет он выглядел хорошо сложенным юношей. Умным, воспитанным и наивным. Именно о таких мечтают все родители и удивляются, когда детишки дают им советы в области секса и деторождения.

Давным-давно в Зоне Крониды опекали все женщины. Он жил в отдельной сухой и теплой пещере, тепло было снаружи, и взрослые ходили в купальниках, плавках, шортах, часто без маек. Был какой-то праздник, и Крониды оставили без присмотра. Он терпеливо дожидался, когда ему расска-

жут поучительную историю на сон грядущий, не дождался и вышел поискать очередную няньку.

Он вошел в большую пещеру, где время от времени собирались жители Зоны, если начинался дождь. Играла приятная музыка, мужские тела сплетались с женскими, и Кронид наблюдал, силясь понять детским умом, почему взрослые танцуют, лежа на подстилках. И голые. Его заметили. Одна из женщин спохватилась и, как была нагишом, вскочила, уводя его прочь. Она спешила, и в такт шагам колыхалась ее грудь.

— Это от болезни? — спросил он, указывая на возвышенности женского тела.

— От болезни, — с готовностью подтвердила она.

— А это? — указал он пальцем на другое непонятное место. У него было не так.

— И это от болезни, — спешила женщина уложить Кронида и вернуться к прерванному празднику.

— Так вы лечились в большой пещере... — догадался мальчик.

— Лечились, — выдохнула женщина, не зная, плакать или смеяться. — Только ты больше туда не входи, когда взрослые лечатся. Процесс излечения можно нарушить...

Вот и все познания на первый случай. Пармен обходил запретную тему, а Кронида она не волновала совсем.

Едва они познакомились, Вика стала освобождаться от одежды. В землянке тепло, и сам Кронид стянул промокшие куртку и комбинезон. Управившись первым, он дожидался Вику, чтобы взять ее одежды и развесить для просушки.

Его терпеливое ожидание она истолковывала по-своему и раздевалась неторопливо, изгибаясь, улыбаясь зазывающе, как опытная стриптизерша. Хозяин землянки приглянулся ей, и Вика, живущая без комплексов, сразу смекнула, что с этим славным мальчиком она развлечется всласть. Не хватало только приятной музыки, способной землянку превратить во дворец, а скромного паренька в страстного мужчину, рыцаря женских просьб и слабостей. Она уж постарается, ей он ни в чем не откажет...

Снят комбинезон, майка, колготки, остались лишь узкие плапочки. Маленькие груди торчали вызывающе и хищно.

— А у тебя резинки есть? — деловито осведомилась она. — Я не захватила. — И, взяв пальцами плавки, приготовилась демонстративно снять их.

— Какие резинки? — не понял Кронид, во все глаза разглядывая девушку. Он ощущал внутреннюю тревогу, а инстинкт подсказывал, что ей надо помочь: гостя, несомненно, больна, пришла излечиться. Кто-то подсказал ей... у кого-то вызнала, что он умеет врачевать любые болезни...

— Эй, — управилась с плавками Вика, начиная по-своему соображать, что юноша этот сам нуждается в помощи и явно не имел до этого женщин. Догадка усилила ее азарт — в кои-то веки заполучить девственный цветочек! — Ты никак лопушок? Никогда голой бабы не видел?

— Почему же, — сглотнул слюну Кронид. — В детстве видел. А еще когда дедушка Пармен учил врачевать женские болезни...

Вику одолел нервный смех. Она вольно расселась на ложе, хохотала до колик, падала ниц, поднималась, без слов тыча пальцем в Крониду, и вновь заходила в смехе, утирая слезы.

— Дедушка... Бабушка... Ой, кончусь!..

Кронид недоумевал. Лезла в голову только притча о бесплодной, которой привиделся Будда...

— Вы хотите ребенка? — участливо спросил Кронид.

Недоуменная пауза — и Вика взвыла от восторга. Смех чуть не задушил ее. Кое-как справившись с кашлем, она жестом попросила воды. Опорожнив кружку до дна, спросила:

— Ты откуда такой взялся? С Луны?

— Нет, — серьезно ответил Кронид. — Из созвездия Орион.

— Да-а-а? — протянула Вика. С шизиком она еще не трахалась. — И зачем ты здесь? Сделать мне ребенка? А ты умеешь?

— Я многое умею, — с достоинством сказал Кронид. Он обуздал себя, и прелести Вики его больше не мучили.

— А как насчет ребенка? — вела свою игру дотошная Вика. — Пообещал и не приступил. Тело остывает, давай!

— Я сразу вспомнил, — степенно говорил Кронид, — что именно нужно сделать от бесплодия.

— Так ты врачеватель, — растягивая слоги, догадалась наконец Вика, и новая игра открылась ей.

— Да, я могу врачевать любые болезни, — подтвердил Кронид. — Необходимо найти уязвимые точки на теле больного человека и повлиять на них.

— Любые не надо, — соображала Вика. До сих пор ни один мужчина не мог так долго сопротивляться ей. Ну, поигрались и будет. Или ее умно дурачат? Не может же этот красивый и взрослый парень в самом деле оказаться девственником. Сейчас такие профуры вокруг, ей не чета, так изловчатся, что ухо подставят не моргнув глазом.

Она решила подыграть ему:

— Вылечи меня от бесплодия. Мне говорили о тебе, вот я и пришла за помощью.

— Хорошо, — вежливо согласился Кронид. Слава Богу, и для него все прояснилось. — Ложитесь удобнее.

— Ну наконец-то! — обрадовалась Вика и, удобно расположившись на ложе, прикрыла глаза. Ей повезло. Этот милый лопушок знает только «пирожок», но это приятнее приевшихся фигурных поз и технических наскоков ее обильных партнеров.

— Ну, что же ты медлишь? — прошептала Вика, сгибая ноги в коленках. — Иди же, иди...

— Надо бы вам лечь на живот, — попросил Кронид, и Вика приоткрыла один глаз: не так прост этот оголец. А она-то думала... Э, да он извращенец! Вот так лопушок... Ну что ж, прививка от СПИДа у нее есть, на случай изощренности она разбирается в приемчиках рукопашного боя. — Ну давай, — разрешила она, перевернулась, а глаз следил за ним неотступно.

Он плотно припечатал ее тело к ложу и от плеч к копчику стал массировать его. Пальцы были настолько приятными, что глаза сами закрылись, и она отдалась блаженной дреме. Вот так мальчик, вот так лопушок, да он форменный дамский угодник, и какой секс может быть приятнее мужского угодничества?

Казалось, еще миг, и она взорвется от страстного желания, а он продолжал разогревать ее одними пальцами. Может быть, язычком коснется? Ах, как приятно...

— Ниже, милый, ниже...

— Достаточно, — издали пришел его голос. — Я уверен. Теперь полежите и давайте пить чай.

Она выгнулась подобно гусенице. Очарование исчезло.

— И это — все?

— Для первого раза достаточно.

«Ну садист! — прикусила она губу, а женское естество подсказывало: клянчи, он добрый. — И вежливый садист!»

— Доктор, так нельзя, — захныкала она. — Неужели у вас никакая жилочка не дернулась?

— Это так, — согласился Кронид. — Мне с вами было трудно работать. Что-то мешало мне сосредоточиться. Но я справился.

— Ой, как вы не правы! — перевернулась на спину Вика, приняла позу аппетитнее. — Вам надо раздеться! Это мешало вам, — нажала она на «это». — А мне сказали, вы опытный...

Кронид почувствовал угрызения совести: Пармен учил находить нужные точки, но чего-то он не учел, врачуя Вику.

— Как будто я ничего не упустил, — понурил голову Кронид.

«Он определенно шизик», — вернулась к прежнему мнению Вика, в упор разглядывая Кронида.

— Давайте я вам подскажу, как сейчас лечат от бесплодия, — решила еще на одно средство Вика. — Я сама немножко врачу. Раздевайтесь.

Кронид покорился. Учиться он был готов всегда. Опытным глазом Вика оценила его мускулистую фигуру. Особенно фронтальный мускул. Что ни говори — это подарок.

— Ближе, доктор, — опять залихорадило ее от желания.

Кронид не скрывал смущения от касания рук Вики, особенно в тех местах, где он сам касался нехотя.

— Сейчас, доктор, сейчас, — подбадривала она скорее себя, чем его. — Ну что же такое...

Ничего не получалось. Вика оставила попытки. Села, оглядела его с сожалением.

— Паренек, это тебя лечить надо, я-то здорова.

— Я вполне здоров, — выдавил он.

— Кто тебе сказал? — принялась она одеваться. — Ты самый обычный импотент.

Кронид не знал такого определения, но притчу о врачевании импотенции припомнил сразу, восстанавливая в памяти точки и позвонки для массажа.

— Нет, я здоров, — упрямо подтвердил Кронид.

— А что такое импотент, не знаешь, — настаивала Вика. — Хочешь, я вылечу тебя?

— Спасибо вам, — ответил он тихо. — Я не знал, что болен этим. А сам я не смогу. Я просто не знаю, что это.

— Болен, болен, — добивала она его. — С такой штукой... За это убивают. У наших пресытившихся умников в два раза меньше эта штука, но сколько техники! Ты ведь богом стать можешь, тебя любая красавица с руками оторвет!

— Простите, — совсем запутался Кронид. Его беспомощность совсем лишила Вику желания соблазнять его.

— Ладно, обольститесь, давай лучше чай пить. Ты, собственно говоря, как сюда попал?

Они мирно ели уху, пили чай, сидя друг против друга на разных ложах, мирно разговаривали о самых разных вещах, и Вика тактично ни разу не коснулась животрепещущей темы. В разговоре Кронид обрел уверенность, теперь Вика смущалась от незнания многих вещей, от его осведомленности и разумных выводов. Спать они легли также друг против друга, а утром Вика ушла, кликнув собаку, обещав заняться его лечением через неделю. Непонятный юноша запал ей в душу. Непонятный и непохожий на тех, кого она знала. Вообще ни на кого.

Она появилась ровно через неделю. Томление Кронида ушло, появилось неизвестное доселе чувство. Вика сразу взялась за его лечение, и он поддался немедленно, лишь направлял ее руки, объяснял значение точек на теле. Она не раздевалась донага, как в первый раз, и Кронид не чувствовал неловкости.

— Как теперь? — спросил он Вику, когда она выполнила все манипуляции под его руководством и попросила Кронида встать.

— Пока никак, — кратко ответила она.

— А как ты определяешь это? — спрашивал Кронид. — Я просто улавливаю ток крови, слышу движение излеченных клеток. Ведь все болезни от смятенности души и переживаний. Так учил меня дедушка Пармен, и он прав.

— Я не чувствую, я вижу, — вздохнула Вика, занятая мысленно не душой, а телом. — Ладно, попробуем еще через неделю. Обидно просто, такое добро зря пропадет...

— Разреши я помогу тебе?

— В чем? — пробудилась ее надежда. Сейчас он станет искренним, расскажет ей, что с ним приключилось, и вместе они как-нибудь наладят то, ради чего она мотается сюда через перевал, забывая о многих интересных развлечениях.

Упрямая, она старалась довести любое дело до конца. — Так в чем состоит помощь?

Он указал на ее обнаженные руки. Мелкая сыпь разбросалась до самых локтей.

— А, это, — отмахнулась она. — Я была у терапевта. Ничего опасного. Видно, кислого съела, надо имедрольчику попить. А вообще давай попробуй, уйми мои муки хотя бы так.

Кронид точными движениями кончиков пальцев дотронулся до обеих сторон позвоночника, нажал, потом опустил их в углубление ключиц и после слегка помассировал руки.

— Вот и все.

Сыпь исчезла.

— Скажи-ка ты...

Она глубже взгляделась в его лицо. Что можно увидеть, если ничего не скрывается? Чистый лист бумаги вызывает желание что-то изобразить на нем, но иногда такого желания не возникает, приходит сомнение — а так ли хорош будет рисунок, как девственная чистота и сама невинность?

Они опять мирно беседовали и пили чай с лимонником. От ухи Вика отказалась.

В этот приход она захватила с собой множество вкусных вещей и потчевала Крониду. Он радовался им как ребенок, но не проявил зависти к тем, кто мог есть их каждый день. Даж днесь нам хлеб наш насущный — только и всего. Пармен приучил его радоваться тому, что есть, и обходиться малым. «Сытость, — говорил он, — будит лень, а лень — глупость».

От гусяного паштета он отказался:

— Всевышний не велел кушать мяса животных. Дедушка Пармен никогда его не пробовал.

— Гос-поди, — ответила она, уплетая паштет за обе щеки. — А нам, смертным, не повредит.

Он промолчал. Они уже спорили на эту тему, вернее, Кронид объяснял, почему нельзя есть мясо теплокровных, это она спорила, упрямо и обижающе, просто потому, что хотелось есть, а он, как тот долдон с амвона, нахвтался библейских запретов и лишает себя радости.

— Вот поэтому у тебя твоя роскошная штукавина и бездействует, — уколола она, и Кронид почувствовал жгучий стыд.

— Ну съешь, а? — испытывала Вика. — А потом в теплую постельку рядышком, и ка-ак свершится чудо!

— Чудес не бывает, — прятал глаза Кронид. Они уже укладывались вместе, оба голые, она прижималась к нему, общеловывала с головы до ног, восхищаясь его телом и запахом младенца. «И ты меня целуй, куда хочешь целуй», — страстно шептала она, но губы его были сухими, он тыкался как шенок во все места, смущался, и она сама прекращала эти опыты.

— Ты хоть что-нибудь чувствуешь? — спрашивала она, вскакивая, как всегда в таких случаях, возбужденная и взвинченная.

Честный Кронид отвечал, как думал:

— Я тебя не понимаю. Не знаю, чего тебе надо. Дедушка Пармен говорил, что...

— Заладил! — обрывала она. — Положить бы твоего деда рядом с тобой, чтобы подсказывал, что бабе надо.

И все же она не решалась сказать напрямую, грубым определяющим словом убить в Крониде то, что особенно прельщало ее в нем. Старая, как бабушкин капор, наивность, утраченная ныне совсем. Вечно юная и недостижимая. Старое — это надежно забытое новое...

Попытки продолжались. Всю ночь она теребила Крониду, вскакивала взвинченная и уходила в туманную морось с мешками под глазами, злющая и решительная.

Третьей встречи Кронид дожидался по-особенному. Всю неделю он прожил в неизъяснимой тоске, даже любимые книги читал рассеянно. О своей находке в завале он ничего не сказал, к ее приходу уносил в тайник очередной фолиант, зато терпеливо объяснял ей ведические заповеди, дающие человеку раскрепощение и естество, тогда как другие религии накладывали запреты, сковывая волю человека, откуда появились ложь, стыд, лицемерие.

— Чепуха, — не верила она. — Обычный виртуальный расклад. Просто ты умеешь созерцать предметы, раздвигаешь границы их сущности. Когда я заберу тебя в город, покажу, что можно сделать с твоим воображением с помощью сенсорной установки. Будет тебе и Бог, и сам ты во всех измерениях и пространствах. Все религии придуманы для дурачков. Когда человеку не хватает знаний, он цепляется за таинства, в которых, кстати, ничего не смыслит и проповедует другим, как попка-попугай. Ты и сам это знаешь. Надо

победить пространственный барьер, только и всего. Давай лучше о другом...

Другое упрямо сближалось с этим самым барьером, который Кронид никак не мог переступить. Он рад бы выполнить ее желание, она исподволь вплотную взялась за него, но Вика оставалась разочарованной со своими трудолюбивыми ручками и упрямым желанием.

— А я, кажется, влюбилась в тебя, — сказала она задумчиво. Они прощались до следующего раза. — Поцелуй меня...

С этого поцелуя у него стали подрагивать мышцы живота, нарушился их привычный разумный ритм. Был май — месяц, когда природа оживала, и хотя дождь лил с утра до вечера, жизнь брала свое: разрасталась листва, мокрые птицы дрались за сухие дупла, Кронид с нетерпением дожидался Вику.

— Привет, — простецки бросила она, появившись в дверях землянки. Смотрела непривычно, и, застигнутый врасплох, Кронид испытал тревогу. Он ждал ее только завтра.

— Почему ты так смотришь? — забыл он поздороваться.

— Потому что, милый мой, живешь ты в скверном месте. В очень поганом, — подчеркнула она. — Собирайся, пошли в город.

— Я не готов, — стал заикаться Кронид от волнения.

— Готовься, — как приговор. — Я говорила со Святославом Павловичем, он знает о тебе, и он рассказал об этом месте еще те штучки. Собирайся, — напомнила она и села у стола, не раздеваясь, лишь нервно стянула перчатки.

— Но мне хорошо здесь, вольно. И место хорошее, зеленое. Почему надо уходить?

— Потому что ты придурок. Все на свете знаешь, а элементарной гадости не различил, — диктовала Вика. — А знаешь ли ты, что здесь было раньше?

— Я догадался, — уверил он спокойно. — Лагерь заключенных. Потом его закрыли, когда Сталин умер. Не стало ведь лагеря?

— Не стало! — передразнила она. — Ты где рыбу ловишь? В озере? В круглом таком, да?

— Там, — не понимал раздражения Вики Кронид.

— Да оно Кровавым называется!

— Нехорошее название, — пробормотал Кронид. — Но рыба...

— Кретин! Законченный кретин!

— Обожди. Зачем ты ругаешься? Я ничего плохого не сделал, и ты раньше ничего не знала об озере, не возмущалась...

— Другие сделали! — вскочила она и снова села в волнении, собираясь с мыслями. — Это был самый ужасный лагерь в округе, наверное, во всем ГУЛАГе такого не было. Когда Сталин умер, сюда согнали более тридцати тысяч человек, потому что озеро это не замерзало в самый лютый холод. Их расстреливали этапами и трупы сбрасывали в озеро. А рыба твоя до сих пор питается мертвечиной, как из холодильника. Понял?

— Боже! — ужаснулся Кронид, схватившись за виски, а она добивала его жутким рассказом:

— А земля в лагере пропитана людской кровью, отчего трава вокруг такая зеленая. И сам ты импотент потому, что жрешь эту гадкую рыбу!

Бедный Кронид беззвучно рыдал, упав лицом на свое ложе. Она подошла к нему, стала оглаживать его голову.

— Успокойся, Кронид. Слезами горю не поможешь, но все поправимо. Будешь жить в городе, учиться пойдешь...

Он не отвечал, но по прекратившимся рыданиям Вика поняла, что он слушает ее.

— Ты согласен со мной? — спросила она, заглядывая сбоку в лицо Крониду, которое он усиленно прятал руками. — Ответь мне: ты согласен вернуться к людям?

Кронид приподнял голову и промолвил:

— Сейчас я не имею права уходить из этих мест.

— А кто тебе может запретить?

— Никто. Но есть долг перед умершими. Я обязан молиться по безвинно убиенным, и здесь упокоен мой друг Ока-ми. В его смерти я виновен, — ответил Кронид.

— Сколько времени займет твоя панихида? — подумав, спросила Вика. Она твердо решила для себя забрать Крониду.

— Это не панихида. Это необходимость, чтобы люди прошли к Орию, иначе здесь будут жить болезнь и скверна.

— Кронид, кончай эти глупости! — наморщила лицо Вика. — Ты взрослый и умный человек, отлично разбираешься во многих вещах, зачем тебе забивать голову пустяками?

С минуту он не откликнулся, а когда повернул к ней голову, Вика ужаснулась. Его лицо изуродовал гнев, перемешанный с болью, как снег с грязью.

— Пустяки? Ты сказала, пустяки? Только что ты рассказала мне страшные вещи. Души этих людей витают здесь, им зябко и одиноко, а ты говоришь — пустяки!

— Завел панихиду! Да кому какое дело до того, что было и былшем поросло? Слава Богу, заразу не подхватил.

— Как же может человек без боли и ужаса говорить о безвинно убиенных? Как можно поминать имя Бога, не убоявшись?

— Да успокойся ты! — храбрилась она, хотя лицо Крониды внушало подлинный страх. — Успокойся. Я люблю тебя, глупого, ради тебя я здесь.

— Что ты знаешь об этом? — Теперь горечь сковала его лицо. — Любовь — это дух, но не оружие. Вооружаясь, человек ожесточается и попирает святость, разбивает зеркало души своей. Я не вижу тебя, уходи, — выдохся Кронид. — Мне надо побыть одному.

— Так ты идешь со мной или нет? — поднялась Вика.

— Нет, — твердо ответил Кронид.

— Придурок, — покрутила она пальцем у виска. — Скажу Бехтеренко, пусть ментов за тобой пришлет.

Взяла перчатки и вышла, хлопнув дверью.

— Импотент чертов, — донеслось снаружи.

2—12

Чисто рассчитавшись с законом, Сыроватов вознамерился отбыть на Камчатку, где, по слухам, начинали строить ветряную электростанцию и вообще там сулили райскую жизнь и не какую-то вшивую красную икру, а самый настоящий хлеб.

Его новый напарник Подгорецкий оказался сносным парнем. Вперед не забегал, на пятки не жал, почитал его за старшего и заглядывал в рот. Однако порой Сыроватову чудилось, что напарник вроде бы примеривается, какой зуб выбить первым.

Дорога на свободу пролегла опять через новую столицу, и Подгорецкий увязался следом.

— Ты, случайно, не того? — намекнул Сыроватов на голубизну. — Смотри, я не люблю этого. Головку сразу откручу.

— Что ты, брат? — бил себя в грудь Подгорецкий. — Ни-ни! Ты ж больного не оставишь? Я тебе пригожусь, оба сироты по жизни, друг за дружку будем держаться.

В новой столице вменялось получать паспорт, как в старые добрые времена. Дежурный по отделению милиции принял его бумаги и попросил обождать. Сыроватов воспринял милицейскую рутину спокойно, а Подгорецкий нетерпеливо заерзал.

— Чего ты? — повернулся к нему Иван. — Не бойсь, не обидят. Меня сам Новокшенов уверил.

— А где он сейчас? Тю-тю, — ответил напарник и прислушался, о чем говорил по телефону дежурный. Речь шла о Сыроватове. — Понял, да? Что-то не понравилось...

— Да ладно тебе, — окрысился Иван. — Я за собой греха не знаю, вчистую отмазан.

Как раз дежурный поманил к себе:

— Слушай, Сыроватов, топай в министерство, тут вот за углом, там тебя видеть хотят.

— Гражданин начальник, — плаксиво скривил губы Сыроватов. — Я же вчистую.

— Товарищ я тебе уже. Понял? Вежливо просили тебя показаться. Пропуск заказан. Было бы за что, спрашивать не стали бы, — ответил дежурный и забыл о существовании Сыроватова.

— Ничего себе уха, — озадачился он на улице. — Кому это опять понадобился грейдерист Ваня Сыроватов?

— Может, ноги сделаем? — предложил Подгорецкий.

— Спасибо, — тоном, каким говорят «нет», ответил Иван. — Однажды согласился на свою голову. Пошли, что ль?

— Давай так сделаем, — не спешил напарник. — Ты иди в это министерство, а я пока в гостинице устроюсь.

— Дело, — согласился Иван. — Бутылочку прикупи. С дороги за хорошее или плохое выпить повод будет.

В министерстве его ждали и проводили не куда-нибудь, а к самому министру Бехтеренко Святославу Павловичу, а тот даже навстречу ему поднялся, чем напрочь удивил Сыроватова.

— Здравствуй, Иван Алексеевич, садись, поговорим маленько. Все равно сегодня ехать некуда, поезд ушел на Хатангу, а гостиницу тебе с напарником заказали.

Вот так так... Едва с грейдера слез, большим людям понадобился.

— Ты один из немногих, кто знал в лицо Пармена и отрока его Кронида, — начал Бехтеренко.

— Так то когда было? — приуныл Сыроватов. До того ему не хотелось говорить на эту тему: постыдное висение в воздухе, арест, пять лет подневольного труда, казацкие кулаки — все огорчения последних лет напрямую связаны с этими именами. — Рассказывал я уже об товарищах этих...

— Было и было, — отечески успокоил Бехтеренко. — Только хочу просить тебя о помощи, а меня самого большие люди просили.

— Ну вот, — развел руками Сыроватов. — Началось...

— Не спеши, — нажал голосом Бехтеренко. — Поможешь, прямо на Камчатку самолетом улетишь.

— А билетик за месячную получку?

— Бесплатно, — отсек купе поезда Бехтеренко. — И давай к делу. Кронид живет мирно за Ульдыкским перевалом и ни в какую не хочет возвращаться в город. Наведайся к нему, скажи, Луцевич и Судских просят вернуться. И только-то. А я тебе опытного напарника дам в провожатые.

— Есть напарник, — буркнул Иван, — и дорогу знаю.

— Подгорецкий, что ль? — прищурился Бехтеренко.

— А чем он плох?

— Я этого не сказал. Ты бы лучше отшил его, не компания тебе Подгорецкий.

— Нет, вы уж скажите, чем он вам не приглянулся? — настаивал Сыроватов. — Не плох, а компанию не води.

— Вернешься, расскажу. Лады? До перевала доставим, а дальше ножками. Сам понимаешь, с бензином напряженка.

В гостинице он рассказал Подгорецкому, который сгорал от нетерпения, о просьбе министра, заведомо зная, что напарнику лишние хождения не понравятся.

— А чего не сходить? — услышал он, к своему удивлению. — Ваня, оленем — хорошо, поездом — хорошо, а самолетом лучше! Большим людям надо помогать, в зачет идет.

— И ты согласен топать по слякоти?

— За милую душу! — подтвердил Подгорецкий.

— А министр на тебя что-то имеет, — решил проверить напарника Сыроватов. Ехидинка высунулась.

— Не понял? — сделал удивленный вид Подгорецкий. — Чем это я насолил власти? Расскажи уж, брат...

— Пока нечего. По возвращении, сказал.

— А, знаю, — будто потерял интерес к этому Подгорецкий. — Припрятал я кое-какие цацки, вот он и трясти меня собрался. Не тужи, брат Ваня, а за наводку спасибо, — хлопнул его по спине Подгорецкий. — Сочтемся.

«Мерси, — подумал Иван. — Раз этот балбес согласен идти, мне сам Бог велел».

Тому и быть, что начертано.

От Ульдыкского перевала тропа уходила вниз в долину. Вполне утоптанная, она говорила о том, что упорные ноги находили ее не единожды, и вела тропа точь-в-точь по указанному маршруту.

— А скажи мне, Ваня, зачем этот пацан понадобился большим людям? — в очередной раз надоедал Подгорецкий.

— А я знаю? При нынешней власти вообще никто никому не нужен, а тут — нате вам — попросите мальчишку вернуться, — старался ничего не выбалтывать Сыроватов.

— Не скажи, — держал тему Подгорецкий. — Я вот слышал от братвы, будто книги у него какие-то. Ценные...

— Ты чего? Кому сегодня книги нужны? — оттянул капюшон на голове Сыроватов, чтобы высказать накопившуюся горечь. — Где ты книги видел в последний раз? Этот Цыглеев только компьютеры признает, и вся шайка его, молодых да ранних, ничего другого знать не желает, кроме экрана. Я, дурак, в младости книжек не читал, а сейчас за томик Пушкина тысячу золотников отдам. Так нету, все на дискеты загнали. А что хорошего? Пялишься в дурацкий экран, а он холодный, смака нет. Компьютеризация, мать ее... — сплюнул Сыроватов и вытер ладонью рот.

— Ну, не скажи, — возвращал его к прежней теме напарник. — Начальство пацана вернуть решило с книгами, значит, понадобились книжки эти.

— А ты почему знаешь? — остановился на тропе Сыроватов. Он о книгах ни сном ни духом, хотя руководит операцией, а напарничек талдычит о книжках уверенно. Как-то все непонятно... И не потому ли Бехтеренко оборонял от него?

— Да я так, — не встретился с ним глазами Подгорецкий. — За что купил, за то продаю.

— А ты, парень, обскажи мне яснее, за болванчика не держи, — насторожился Сыроватов. — Какая тебе корысть от меня?

— Да что ты, брат, взъерепенился?! — изобразил возмущение Подгорецкий. — Мы на Камчатку решили податься, а

этот мент нагородил про меня, и ты готов горло товарищу подрать. Чего ты возбух? Ты спросил, я ответил.

— Это ты спросил. И не в первый раз. И криво спросил.

— Ладно тебе, брат! Пошли. Скорей сделаем, скорей вернемся. Нечего мокнуть зря. Долго еще топать?

— Почти пришли, — нехотя буркнул Иван, так и не разобравшись, где правда, где кривда в словах напарника. — Тут он где-то обретається, — указал Сыроватов на зеленую низину у подножия кряжа.

— Дымок вижу, — радостно сообщил Подгорецкий.

— Вижу, — подтвердил Сыроватов, среди унылых мокрых небес разглядев упрямую струйку дыма. — Только ты со мной туда не ходи. Я один с ним побалакаю.

— Как скажешь, брат, — разулыбался Подгорецкий. — Я и без тебя могу с ним побалакать.

Сыроватов недоуменно повернулся к Подгорецкому, и в тот же момент острая боль вонзилась в нижнюю часть живота. Недоуменный взгляд сместился вниз и наткнулся на рукоять финки. Затежливо и пестрыми полосами набранная, она казалась большой пчелой, ужалившей смертельно.

Оседающего Сыроватова с затуманенным взглядом Подгорецкий аккуратно подхватил и аккуратно уложил рядом с тропой. Финку вынул и неторопливо обтер о траву лезвие.

— А ты, братан, огород городил, — говорил он, заваливая тело листвой. — Говорили тебе, не отбивайся от братвы, а ты про Пушкина размечтался. Негоже, брат...

Управившись, он двинулся в низину прямо к землянке, из которой шел дымок. Наконец-то долгий путь привел его к цели и проводник больше не понадобится.

Он даже постучал в дощатую дверь.

— Гостей ждем? — вежливо осведомился Подгорецкий.

Кронид посмотрел на гостя пытливо. Сердце подсказало ему: непрошенный гость явился не просто так.

— Мир вам, — ответил он, поднимаясь из-за стола, перехватив его взгляд, брошенный на фолиант, который читал до вторжения Подгорецкого.

— И вам тоже, — изучал Крониду Подгорецкий, подгоняя его фигуру под себя: на голову почти выше, поплечистее и безо всякого сильнее; и фокусы с подвешиванием в воздухе умеет показывать, и от пуль защиту ведаёт, и не рад совсем его приходу...

— Обогрейтесь, — предложил Кронид, уступая место гостю ближе к печуре. — Какая нужда привела вас в мою обитель?

— Нужды нет, а просьба есть, — присел на табурет Подгорецкий. — Господин Луцевич и господин Бехтеренко просили вас прибыть в столицу, — говорил Подгорецкий, а глаза против его воли косили на стол, где лежал раскрытый фолиант. Сердце тикало радостно, разгоняя по венам адреналин. — Собирайтесь, мой юный друг, берите ваши древние книги, все необходимое — и в путь.

Сказав так, он сообразил сразу по виду Крониды, что ляпнул абсолютно ненужное, чем настроил хозяина против себя: теперь пацан станет караулить его цепко.

Пришлось действовать на ура, выкладывать то, что ведомо от других:

— Вижу, нашли вы книжки. Это похвально, молодой человек. Родина вас не забудет, — корчил из себя важное лицо Подгорецкий.

— А откуда вам это ведомо? — спросил Кронид, полно осознав, что гость недобрый и пришел со злым умыслом.

— Да не бойтесь вы! — весело успокаивал гость. — Сейчас я вам все понятно объясню. Сумароков Сергей Лукич, став председателем Комитета госбезопасности, разбирал архивы и наткнулся на письмо-запрос. Я его повторю слово в слово: «Сухов! Отправь человека в Ульдыкский лагерь и под надежной охраной привези оттуда мешок с книгами, который разыскал полковник Воливач. Отвечаешь головой!» А подпись знаете чья? Берии! — радостно закончил он.

— «И он нарек его Берия, потому что несчастье постигло дом его», — печально произнес Кронид.

— Не понял? — приготовился выслушать объяснение гость. Кронид пояснил с грустным видом:

— Это Ветхий завет. Первая книга Паралипомемнон.

Добралась и до него, одинокого, беда. Как же быть ему?

— Собирайтесь, собирайтесь! — торопил гость. — Быстрее начнем, быстрее закончим.

— Я не могу идти с вами, — холодно ответил Кронид.

— Почему, друг мой?

— Я вас не знаю совсем, и вы человек недобрый.

— Но почему? Видите меня в первый раз и утверждаете, что я плохой человек. Нельзя так обижать людей, — изобразил обиду Подгорецкий. — Я за ним к черту на кулички по-

дался, а он... Может быть, просьба Луцевича и Бехтеренко — пустой звук?

— Если от вас, тогда пустой звук.

Подгорецкий зашел в тупик. Можно еще долго уговаривать этого мальчишку, результат будет один.

«А как он применит свои фокусы?» — засомневался Подгорецкий. В их силу он верил и сам кое-что мог.

— Тогда поступим проще, — решил разрядить напряженную обстановку Подгорецкий. — Сам оставайся, а книжечки отдай.

— Это исключено совсем. Уходите отсюда. Я поверю только дяде Луцевичу или Судских.

— Пацан, не напрягай меня, — сменил ориентировку Подгорецкий. — Будь благоразумен, меня послали за книгами. Они нужны тем людям, кто хочет спасти мир от катастрофы.

— Кто эти люди? — настаивал Кронид. Гостю он не верил.

— Эти люди отвергают христианство, как и ты.

— Неправда. Я ничего не отвергаю. Каждый волен иметь своего Бога или поводыря к Богу.

— Так ты ведист? А христианство попало ведическую веру.

— Вера — не оковы. Потому христианство и впало в разруху.

— Прекрасно. Мы поняли друг друга.

— Ошибаетесь. Мы никогда не поймем друг друга, я знаю, кто вас послал. Вы сатанист. Масон.

— Милый ты мой, — с ласковой усмешкой произнес Подгорецкий. — Только масоны желают добра людям. Больше ведистов. Не спорю, у нас строжайшая дисциплина, мы убиваем предателей, но именно масоны знают, как вывести людей из тупика.

— Поэтому вам нужны книги, написанные пророками ведической веры? Выходит, не все так хорошо у вас?

— А почему нет? У вас лоция, у нас ковчег, — съехидничал гость.

— Вы не прочтете потаенный смысл этих книг. Только когда примите нашу веру, сердце ваше просветится и откроется смысл.

— Как-нибудь разберемся, — ухмыльнулся Подгорецкий.

— Как-нибудь? Человеки натворили бед, живя как-нибудь. Имя Ория предано забвению, другие боги смутили умы.

— Иисусе Христе! Скажи, ради чего ты исповедуешь эту бодягу?

— Вы помянули имя Христа, не веруя. Как вы можете?

— Это присловье. Въелось, как сажа в кожу. Он ближе вашего Ория.

— Поэтому ваша злость. Все верите, все зло творите. Кто ваш Бог?

— Тайна, мой друг.

— Вы приобщены?

— Добуду книги, приобщусь.

— Никогда. Я сам буду нести слово божье людям.

— О Господи! Сколько носителей, столько и зла. Глупый! Любая вера — путы. Глупые верят, а умные делят церковную кружку.

— Уходите, — неуступчиво сказал Кронид. — Говорить не о чем. Вы мне чужой и злобный человек.

Подгорецкий еще раньше уяснил, что Кронид ни за какие блага книги не отдаст. А книги где-то здесь...

— Ладно, — согласился Подгорецкий. — Докажи мне, что твой Орий всемогущ, и я уйду. Вот простой пример, — полез он в карман и достал газовый баллончик. — Видишь?

Кронид доверчиво приблизился, пытаясь разглядеть незнакомый предмет, наклонил голову, и тотчас струя отравы прыснула ему в лицо, ослепила и лишила чувств.

— Купился, голубчик, — живо подхватил падающего Кронида Подгорецкий, осадил на ложе. — А то Орий, Орий...

Путы нашлись, он связал Кронида по рукам и ногам, подтащил к столбу в середине землянки и прикрутил к нему.

— Действовать надо! А то разговоры одни, — приговаривал он, дожидаясь, когда Кронид оклемается.

Он приходил в себя тяжело. Не понимал происшедшего, тряс головой и пытался выбраться из ямы. Ему казалось, будто привалило его в подсобке, где нашлись книги.

— Как дела, дружище? — бодро спросил Подгорецкий и вполне дружелюбно. — Водички не желаете?

До Кронида стал доходить смысл происшедшего. От пришельца исходила подавляющая энергия, она плотнее веревки удерживала его у столба, даже мыслить мешала.

Подгорецкий присел к столу, заглянул в раскрытую книгу. Это была знаменитая «Славная книга», утерянная и обретенная. Подгорецкий не мог прочесть древнеславянского

текста, но плотные листы вощенной бумаги, где светила каждая буквица, внушали уважение.

— Многого стоит... Секреты богов... Веков триста назад писалась, — уважительно бормотал Подгорецкий и вдруг воскликнул: — Я нашел ее! Я сделал это!

— Вам не познать ее, — с трудом промолвил Кронид.

— Ты уже говорил, — отмахнулся Подгорецкий беспечно. — Говори, где остальные? Особенно эта — «Мать зеркал»?

Кронид молчал, с трудом обдумывая затуманенной головой, как победить гадкого пришельца.

Подгорецкий внимательно обследовал землянку и ничего не обнаружил: Кронид брал из тайника только по одному фолианту. Разбирал текст, обдумывал и приносил другую.

Ситуация перестала нравиться Подгорецкому. Он пленил Кронида, но что это даст? Этот упрямый мальчишка, на куски его режь, книг не отдаст. С фанатами веры он знаком. Так было с мусульманским муллой, который умер в муках, но тайника не назвал, где хранилось «Священное толкование Корана» Аль-Юби. Так случилось с раби Хецином: он не отдал «Хеш Сефирот». Теперь этот юнец спокойно готовился к смерти, а наказ магистра категоричен: книги должны быть. Иначе многому не быть.

«Сказать, что сохранилась только одна? — размышлял Подгорецкий. — Последует приказ искать другие, и никогда не выбраться из этих треклятых мест. Хитрить смысла нет...»

Мир зашел в тупик — рассуждал Подгорецкий. Выбраться из него наудачу — не получится. Наступает потоп, население планеты стремительно сокращается от голода и непонятных заболеваний, выживут только избранные, а Россия вцепилась в Сибирь и чувствует свою исключительность. Здесь климат милостив и возвышенная территория, здесь Гречаный заранее отстроил города и провел дороги, создал запасы еды и топлива, но все это — иллюзия выживаемости. Спасутся только избранные.

«Те, кто обладает знаниями древних, которые описали потоп и места выживания. Циклы повторяются...»

«Что ж, — размышлял и Кронид над своей участью, — гадкий человек станет мучить меня. Муки не страшны, я не боюсь пыток, но он унесет эту книгу. Книга, где непознанный мудрец пишет в заглавии: «Ты познаешь суть вещей, но

бойся, если книга попадет к слугам дьявола. Они истолкуют святая святых, и никогда больше человекам не дано будет возродиться, навсегда Землю поглотит мрак, звезды упадут в колодцы тьмы.

Что есть вера? Это путь к *самопознанию* истин.

Что есть истина? Это гармония мира, где человек *насиленно самоутвердился* и борется сам с собой, истрачивая тепло земли.

Третьего омовения она не переживет».

— Долго размышлять собираешься? — оборвал мысли Кронида Подгорецкий. Он искал глазами подсобный подходящий предмет и увидел кочергу возле печурки: — Это подойдет для вразумления.

От подброшенных в топку сучьев огонь занялся. В пламя Подгорецкий сунул кочергу.

Неновы пытки. Устрашение — вот на чем держится власть. Религия — один из способов устрашения.

Кронид воздел глаза к потолку.

«Всевышний, что делать мне?»

Насилие применять запретил дедушка Пармен.

Он обнаружил, как непрочен свод над ним, как подгнили бревна и сам опорный столб шаток.

«Где же ты, Отец мой Небесный?»

Знаком дьявола приблизилась к его лицу кочерга. Сначала Подгорецкий решил заклеить Кронида раскаленным металлом, оставить знак власти Аримана. Он разорвал рубашку на груди Кронида и увидел ладанку. Закон Ордена запрещал разведчику брать что-либо из вещей казнимого, но так был сладок час мести, так кружила голову минута обладания. Ладанка на тонком шнурочке мешала клеймению. Он сорвал ее и машинально сунул в карман.

— Готовься, друг мой, причащаться...

Собрав силы, Кронид напряг мышцы и, едва злая усмешка отпечаталась на лице его мучителя, дернулся в сторону. Ствол повело, и следом обрушился свод.

Плотный лежалый слой земли просел на месте землянки, сровнял купол с зеленым покровом низины. Сильнее полил дождь, смывая следы, как слезы смывают печаль.

Кронид дышал слабо, экономя силы, взывая к Вике:

«Приди, помоги мне, только ты знаешь, где я. Спаси меня! Я сделаю все, что ты пожелаешь. Спаси...»

Вика много раздумывала о Крониде. Он необычен. Назвать его талантливым — ничего не сказать. Красив, молод... Только зачем он такой? Такой уже есть. Некрасивый, но умный. За ним как за каменной стеной.

«Черт с ним, с исусиком этим», — решила она. Лило нещадно, и выбираться куда-то не хотелось.

Когда обнаружили труп Сыроватова, Бехтеренко стал додумывать картину происшедшего. Что могло произойти? Скорее всего Подгорецкий убил Сыроватова, а Кронид убежал...

Развиднеется, можно поиск наладить.

Лило нещадно, с ветвей сбивало молоденькие листочки.

2—13

Надо выполнять обещания, и Цыглеев назначил день и час встречи с главой конфессий России.

За последние годы Церковь потеряла почти все нажитое за тысячелетие. Ушли под воду храмы, многие подворья и монастыри, земли, дарованные и нажитые. На возвышенностях бесприютно торчали колокольни, вода заливала каменные ступени папертей, сырость точила стены разграбленных церквей, слизь поедала лики святых. И кому придет в голову творить молитву в храме, если дорога к нему исчезла под водой? Растеклась паства, вымерла. Господь отвернул свой лик от живущих в сраме.

Слаб был младенец ведической веры, не разродился даже криком, но вера жила, цепляясь за мир, такой манящий сквозь завесу дождей огнями новой столицы Орианы, куда не позвали. Мусульманский мир иссыхал в злобе, буддийский прозябал, иудейский растекался, пытаясь, как всегда в худые времена, сплавиться с чужеродной средой. Православная церковь боялась гласа своего, чтобы не захлебнуться от собственного крика, — и без того видно, что вымирает все живое и Творец безжалостен к отступникам.

Непонятно почему, вместо иерарха прибыл настоятель церкви Симеона-столпника.

— Это что за посол Его святейшества? — спросил Цыглеев, принимая верительные грамоты, где значилось, что податель сего является полномочным представителем Православной церкви для переговоров с властями, за подписью иерарха Филимона.

— Простудился Филимон на пароходе, добираясь в Ориану, и слег, — пояснил ему секретарь. — А этот, как его, — заглянул он в папку, — отец Потап возведен Филимоном в ранг архиепископа.

— Измельчала поповская рать, — язвительно выговаривал Цыглеев. — К премьеру отправляют заштатного попа.

Язвил Цыглеев по другому поводу: Штаты выменяли у России пять авианосцев на два парохода соевых бобов, а в Хатангу прибыли только два. Трое утопи в жесточайших штормах на переходе.

— А попик, говорят, — подсказал секретарь, — убеждать умест.

XV — Плут, как вся поповская рать, но подобно покойному Ануфрию сведущ в мирских и своих делах.

— Поглядим, — не торопился Цыглеев. — Если тощ, без разговоров дам деньги.

— Полноват, — прояснил портрет секретарь.

Навстречу Потапу Цыглеев не встал. Отец Потап остановился перед премьером, сделал поклон. Цыглеев демонстративно выложил ноги на стол и скрестил пальцы рук на животе, уставившись на отца Потапа.

— Слушаю.

Поп выбрал место напротив и двинулся к креслу. По пути он нечаянно зацепил провод плеера секретаря и выдернул наушник из его уха. Извинился, поклонился и добрался наконец до кресла. Ноги взгромоздил на каминную плиту. Высоковато, но держался отец Потап с достоинством. Его не смутили розовые носочки, высунувшиеся из-под неимоверного фасона полосатых брюк, разбитые полусапожки и сама ряса, заляпанная грязью. Цыглеев поморщился, а попик обратил к нему лицо с живейшим участием.

Секретарь от изумления оставил плеер. Раз есть повод смотреть, есть смысл послушать.

— Так о чем поговорим, сын мой? — обратился к премьеру отец Потап, неторопливо скрестив руки на объемистом животе.

Нахалы умиляли Цыглеева. Если точнее, они превращали его в охотника за наглым хряком.

— Так о вере, ваше архиепископство, — отвечал Цыглеев. — Только стыдновато мне брать в отцы неразумно раздутого батюшку, — толкнул первый шар Цыглеев, и собеседник тотчас перепихнул его обратно вполне мастерски:

— Плохое питание, сын мой. Тело вздулось от гнилой картошки и попкорна из гуманитарной помощи десятилетней давности. Вы сказывали, о вере имеется предмет разговора? В каком ракурсе желательно повести его? Сами знаете предмет?

— Понятис имсю, — снисходительно отвечал Цыглеев. — Это когда битый небитого везет. И хотелось бы послушать, ради чего его подкармливать?

— Кормить надо служителей, сын мой, а подкармливать надо прикормленных, — без стеснения огладил животик отец Потап.

Возраста он был неопределенного. Что-то за тридцать, но никак не сорок. Узкоплеч, не в пример накачанному Цыглееву, зато брюшко Потапово было накачано отменно, несмотря на бескормицу.

— Судя по мозолю вашему, — кивнул на живот священника Цыглеев, — ваше архиепископство и кормится, и подкармливается регулярно. Держу пари, вы себя постом не утруждаете, чего требуете от других. По рукам? — предложил Цыглеев.

— Гнилое дело, сын мой, проиграете. По Бреггу питаемся, но список продуктов оставляет желание быть лучше. — Нахальный поп в расставленный капкан не шел.

— Занятно, — после замешательства ответил Цыглеев. Чего доброго, батюшка сошлется на отсутствие денег. — А пока ответьте: на какие цели Церковь хочет получить дотации?

— На укрепление веры в людях. Сейчас, когда диавол укрепился в людском обществе, цель одна, и благая.

— А бесплатно крепить можно?

— Можно. Позже мы вернемся к этому, а пока лучше за деньги, — уколол Цыглеева святой отец его же отговоркой.

— А что сделала Церковь для смертных?

— Ничего, — разумно согласился отец Потап. — А почему она должна давать что-то? Иллюзии, сын мой, они приятней гнилой картошки.

— Ни гроша не дам, — надоело ерничать Цыглееву.

— А зря. Сейчас иллюзии нужнее денег. Народишко взбунтоваться может, вам же дороже станет.

— Бросьте, падре! Бунты вершат посуху, в воде по уши не до бунтов, вы это не хуже меня знаете.

— А казаки?

— Над ними не каплет. Нужных мы кормим. Овсом и пшеницей они богаты, за здорово живешь лошадей в столицу не погонят. Свергать правительство? У них своя республика. Вообще нет другой силы, способной оспаривать власть у ныне существующей. Паралич. Я, падре, сдуру выменял на горох авианосцы, а моряков для них нет. Боженька роги мои отнял.

— Так верите же в провидение Господне?

— Ни капельки. Закономерность. Испокон всков россияне бились за свободу, пока одна свобода не осталась, а россиян нет. Денег полно, а купить нечего, земли полно, а сеять некому. Нонсенс?

— Есть такое понятие, — мудро кивнул отец Потап. — Только вы не отклоняйтесь. Про обилие денег лучше повествуйте.

Цыглеев взгляделся в Потапа. Иерарх беззубого не пошлет, простуду выдумал, а для важной встречи избрал самого нахалюстого, не лучше ли поторговаться с ним за тот товар, который он предложить может?

«У догматиков всегда есть слабое место: самое красивое впереди, всякие венчики из роз, а зад голый».

— Ладно, падре, — согласился Цыглеев. — Дам я денег. Но на что они Церкви, хотелось бы знать.

— Были бы деньги, — торжествовал внутренне отец Потап, а отвечал смиренно.

— Просто так не дам.

— Отмолим, отстоим, власти ныне сущей хвалу воздадим! — не отпуская златую веревочку отец Потап.

— Это само собой. А нет ли более существенного для меня? — прицелился Цыглеев. — Отец Потап, остановите потоп, — впервые за беспредметный разговор оживился премьер.

— Сколько дадите? — оживился и батюшка.

— Сколько надо?

— Все.

Цыглеев присвистнул.

— А кто народ кормить будет?

— Церковь прокормит, — снял ноги с каминной плиты отец Потап, приготовившись ко второму раунду.

— Ишь ты, — смотрел на него Цыглеев и размышлял: только ли наглость движет попом, или Церковь обладает неведомым?

Цыглеев повернулся в сторону секретаря:

— Максим, сколько в казне?

— Триста миллиардов золотников, восемьсот миллиардов долларов и еще пятьсот в разных валютах. Чистого золота четыре тыщи тонн, — заученно ответил секретарь.

— Слышите, святой отец? И это все за иллюзию?

— Не торгуйтесь, Владимир Андреевич, — перешел на светский тон батюшка. Встал и подошел к стене. — Вон уже и кабинетик ваш прекрасный потек...

— Где потек? — по-мальчишески оскорбился Цыглеев.

— С люстры капает. Вода ведь и камень точит.

В самом деле, ковер под люстрой напитался водой.

— Но зачем вам столько? Хотите власть поставить на колени? — старался понять хитрую поповскую арифметику Цыглеев.

— Уничтожить, — хладнокровно отвечал отец Потап. — Загрузим дьявольские дензнаки на ваши авианосцы и затопим подале от берега, а золотишко на образа пойдет.

— Не верю.

— Святой крест целую!

— Нет, — отрицательно покачал головой Цыглеев. — В затопление денег верю, а в чистое небо не верю.

— От безверья, сын мой. А вера чудеса рождает, — настаивательно произнес отец Потап.

Цыглеев с надеждой посмотрел на секретаря. Тот поднял руки: я — пас, в такие игры не играю.

— Ладно, падре. Завтра собираю кабинет и послезавтра порешаем передачу денег.

— Поздно. Завтра, не позже полудня.

Выпроводив отца Потапа, Цыглеев обратился к секретарю:

— Что скажешь?

— Балдю. Дурит поп, а как, не пойму.

— О'кей, — согласился Цыглеев. — Давай-ка просчитаем.

Они перешли в другую комнату, где размещалась компьютерная техника, и сели к экранам мониторов.

— Давай вводную, — велел Цыглесв, уставившись в экран.

— Линейная зависимость: поп просит денег, чтобы уничтожить их, — набрал комбинацию секретарь.

— Искривление, — подтвердил Цыглесв. — Давай вторую вводную.

Поп вел себя независимо, будто родственник...

— Погоди! Крути-ка магнитопись до слов, где про дьявола.

Секретарь послушно открутил пленку до указанного места.

«Сейчас, когда диавол укрепился, цель одна, и благая.

— А бесплатно можно?

— Позже... А пока лучше за деньги».

— Второе искривление, — отместил секретарь.

— Вот оно! — хлопнул в ладоши Цыглесв. — Вводи ключ, Максик, сейчас мы попика на составляющие разложим!

Щелканье клавиш напоминало конкурс машинисток по скорописи. Наконец оба устали в экраны.

— Есть?

— Есть, Максик!

— Выводи на модем.

Взгляды сместились на общий экран. Пополз текст:

«Предложение исходит от объекта, владеющего ключом «святая святых». Информация о нем заложена неверно. По логике его суждений, он должен обладать базой крупных данных и разрешающей способностью использовать ее в иерархии какого-либо закрытого общества: а) Церкви; б) масонской ложи; в) иудейской камалы. Церковь менее доступна к ключу: последний патриарх передал его Пармену. В Церковь ключ не вернулся. Возможна утечка информации».

— Гребаный Потап! — воскликнул Максим. — Не масон ли этот попик? Не поповский стиль беседы он продемонстрировал.

— Мне что черт, что масон, лишь бы дождь прекратился, — не позволил себе восклицать Цыглесв. — Вызывай Бехтеренко и фото батюшки выведи на дисплей.

Бехтеренко появился десять минут спустя. Мокрые капли на лбу говорили о ливне, хотя плащ и ботфорты он оставил в приемной.

— Святослав Павлович, персона отца Потапа вам знакома? — с места в карьер погнал Цыглсев.

— Не припомню, — поколебался Бехтеренко.

— Припомните, если можете, — протянул фотографию Цыглсеев.

— Такой знаком, — взгляделся в фото Бехтеренко. — Это Подгорецкий: в масонской ложе значимое лицо. В Сибири промышляет давно.

— Весело! — вспыхнул Цыглсеев. — Православные с масонами стакнулись! А вы куда смотрите?

— Совсем не стакнулись, — степенно держался Бехтеренко. — Его принадлежность обнаружилась недавно в связи с убийством Сыроватова. Информацию получили от Момота при розыске Пармена и его подопечного Кронида.

— Нашли?

— Не нашли, — без угрызений совести отвечал Бехтеренко. — Возьмем Подгорецкого, узнаем многое.

Цыглсеев и секретарь переглянулись недоуменно.

— А зачем искать? Он сам явился под видом отца Потапа, — сказал Цыглсев. — В обмен на госказну грозился дождь остановить.

Бехтеренко выслушал, но ошарашенности известием не выказал.

— Почему молчите, Святослав Павлович? Промашечка вышла? В отставку пора?

— Промашки не вижу, — не изменил степенству Бехтеренко, — а в отставку хоть сейчас. Я свое отрубил сполна.

— Пенсионеры сняты со всех видов довольствия, — жестко напомнил Цыглсеев. — Не накладно будет?

— За меня не переживайте, Владимир Андреевич, — снисходительно говорил Бехтеренко. — Я пуганый. Что надо, спрашивайте.

— Для начала разыщите Кронида. Давно обещали. Из-за ваших промашек я не собираюсь расставаться с казной.

— Вы верите в поповские или масонские глупости? — спросил Бехтеренко. — Дождь без денег кончится.

Бехтеренко не утомился от многих лет службы, не пресытился жизнью. Он просто никогда не вмешивался в процессы, которые не прельщали его. Он пережил многих реформаторов и не знал ни одного, достойного памяти. Авантюристы, недоучки, спесивцы. За всеми стояли масоны. Сей-

час он наблюдал за предстоящим крахом Цыглеева. Не им был нужен Бехтеренко, а силам, стоящим за ними. Он с ними не сталкивался, идя параллельным курсом, не подходя к опасной черте, за которой начинается присяга на верность и сама жизнь уже не твоя. Сама идея масонства — «Свобода, равенство, братство» — не расходилась с лозунгами реформ, а все революции начинались под этими флагами. Позже выяснилось, что все это провозглашается для узкого круга лиц. Пастыри оставались пастырями, бараны — баранами, но жить лучше хотели все, а Бехтеренко обходился малым. За это его ценили, как солдата, который ест гороховый концентрат, без промаха стреляет. И не высовывается из окопа.

Вернувшись к себе, он велел разыскать отца Потапа. Это не оказалось утомительным: Подгорецкий дожидался решения премьера в гостинице.

— Здравствуйте, Подгорецкий, — приветствовал он его спокойно. — Отец Потап ноне? Что это вы так раздобрели?

— Удивлены?

— В цирк не хожу и ничему не удивляюсь. Маскарад зачем?

— К случаю, Святослав Павлович. Подушечку вместо животика для вящей убедительности подложил. Не стану же я упускать случай?

— Где Кронид? — напрямую спросил Бехтеренко.

— Как на духу, Святослав Павлович. Познакомился с отроком в его землянке, имел беседу о вере, только он обиделся на мое неприятие ведической веры, от злости выбил подпорку, и нас обоих задавило. С божьей помощью я выбрался.

— Может, с дьявольской? — намекнул Бехтеренко.

— Не важно, — ушел Подгорецкий от прямого ответа. — Я вор, но не убийца.

— А мальчик? Остался заваленный?

— Увы. Тем, кто замышляет меня убить, я руки не протягиваю. Фанатик он, натворит еще дел.

— Придется проехаться на место преступления. Из гостиницы не выходить, — распорядился Бехтеренко. — После завтра поедем.

— Согласен, — ответил Подгорецкий. — Тут и дождь кончится. Легче определить мою невиновность.

— Из гостиницы никуда, — напомнил Бехтеренко.

— Ни боже мой! — обрадовался Подгорецкий, а Бехтеренко сделал вид, что больше его этот хлюст не интересует.

«Хватит быть лохом», — сказал он сам себе и соединился с далеким островком в Тихом океане.

— Игорь Петрович, приветствую! Бехтеренко.

— Святослав Павлович! — пришел голос с дальних широт. — Здравствуй, родной! Как ты там? Жаберки выросли? Стало легче от близкого голоса, пришедшего издалека.

— Проявился Подгорецкий, предлагает остановить дожди в обмен на казну, — экономно говорил Бехтеренко.

— И ты поверил масонам? — с сожалением сказал Судских.

— Я нет, а Цыглеев готов.

— Святослав Павлович, — вмешался другой знакомый голос. — Передай Цыглесву, пусть не клюет на мякину. Мы сделали расчеты, дожди прекратятся со дня на день. Теперь слушай внимательно: у нас побывал магистр логи и глава Ордена Бьяченце Молли. Есть предположение, что Подгорецкий выкрал священные книги пророчеств. Срочно разыщи Пармена и Кронида.

— Нет их, — решился Бехтеренко. — Как бы Подгорецкий не порешил обоих. Послезавтра еду лично туда, где жил Кронид.

Восстановилось молчание, и казалось, будто рядом плещется океанская волна.

— Порадей, Святослав Павлович, — попросил Момот. — Сделай это важное дело и перебирайся к нам. Будь осторожен с Подгорецким, не давай ему брать в руки любые предметы.

Исполнительный Бехтеренко сразу позвонил Цыглееву и сообщил о дождях.

— А мы и сами с усами, — самодовольно ответил премьер. — На то есть умные машины и сговорчивые люди. А вы завтра с утра уходите в отставку.

— Спасибо, благодетель, — сказал Бехтеренко, положив трубку. Подгорецкий, стало быть, оговорил его уход с Цыглеевым. — Ну и сука! Мать родную продаст, жаль, имени ее не знает.

Надевая походный наряд спецназа, он знал, что за чем следует. Главное, одежда пока не жмет, тело не растолстело.

В гостинице министра пропустили беспрепятственно, знали в лицо и наряду не удивились.

У номера Подгорецкого он нажал ручку. Заперто. Открыть — не вопрос. Сразу за дверью лежала мокрая верх-

няя одежда Подгорецкого, а из ванны доносился шум воды и его веселый поющий голос.

«Пой, пой», — разрешил Бехтеренко и осторожно запер дверь ванной. Можно приступать к осмотру.

Долго искать не пришлось. Не зная, как выглядит искомая книга, он безошибочно определил: эта. Лежащая на столе в эбеновом переплете, с тускло мерцающими застежками, и другой такой просто не может быть.

Других и не было. Среди мелочей на столе он первым выбрал датчик, который носил Пармен и оказался у Подгорецкого. Взял пульт с мигающим зеленым индикатором.

«Нормально экипирован, — оценил назначение пульта. — Многоканальная связь с экстренным вызовом».

Пульт переключался в карман Бехтеренко. Пожалуй, все.

«Момент!» — остановил себя Бехтеренко и не пожалел, взяв в руки авторучку. Взял ручку, получил энергопистолет. С ног валит с десяти метров. Маленькая записная электронная книжка.

«На потом».

Несколько золотников.

Один от других незаметно отличался. Бехтеренко пригляделся: тоньше, самую малость, и легче по весу. Знакомый с такими штучками, он нажал золотник с поворотом влево. Верхняя часть поддалась и открылась. Бехтеренко замер. Внутри, как на пульте связи, мерцал зеленый индикатор и рядом ждал своей очереди красный. У него взмокли руки. «Мал золотник, да дорог...» Карманная атомная бомба. Почти хиросимской. Аккуратно вернув крышку на место, он погрузил монету в самый дальний карман. перевел дух и послушал у двери в ванной. Там пели и купались и, судя по настрою, завтра к нему не собирались.

Бехтеренко отпер дверь ванной и вернулся в номер. Сел в кресло, а фолиант спрятал за него. Приготовился ждать.

«На всякого мудреца довольно простоты».

Ероша волосы полотенцем, в номере появился Подгорецкий. Бехтеренко он сначала не заметил, но почувствовал сразу. Скользкие, как бы нехотя, шаги к столу, чтобы оценить катастрофу вблизи, один взгляд. Замер.

— Правильно, — кашлянул Бехтеренко. — Хрен в нос и танки наши быстры.

— Знаете ли вы, любезный Святослав Павлович, на кого подняли руку? — медленно повернулся на голос Подгорецкий.

— Не знал бы, не поднял бы.

— Переведем разговор из сослагательного наклонения в прямой, — предложил Подгорецкий, поворошив мелочи на столе.

— Дельно, — согласился Бехтеренко. — Мои вопросы, ваши ответы.

— Исключено.

— Тогда прощаемся, — с облегчением встал Бехтеренко. — Мне-то и не много требовалось.

Сунув пакет с увесистым фолиантом под мышку, он направился к выходу. Потап движение, рассчитанное на поддержку, воспринял спокойно. Подгорецкий — нет. В отчаянном прыжке — нога, обращенная в меч, — он метнулся к Бехтеренко. Красиво прыгнул. Его ждали. Увесистым фолиантом в лоб — отличная награда за мастерство в восточных единоборствах. Как-то юморно все получилось, словно никакой нейтронной бомбочки в кармане, стреляющей авто-ручки, фолианта, который невозможно оценить.

«Что за жизнь такая, — защелкивая наручники, прозаично размышлял Бехтеренко. — За элементарным воришкой гоняться надо, с перестрелкой, с матами отчаяния, а тут букварем по башке, и князь тьмы лежит поверженный. В ванной красиво пел».

Подгорецкий пришел в себя.

— Очухался?

— Будь ты проклят.

— Когда ливень кончится? Молчишь? Тогда возьму миссию Бога на себя: завтра или послезавтра.

Заскрежетав зубами, Подгорецкий выдал стон.

— Я умею читать такие книги, — насмехался Бехтеренко. Он хотел еще поиздеваться над Подгорецким, но скорее почувствовал во внутреннем кармане, чем услышал зуммер пульта.

Подгорецкий насторожился.

— Лежи, — по-приятельски успокоил Бехтеренко. — Сам поговорю. — Достал пульт и нажал на кнопку приема, предвзительно отойдя на расстояние от Подгорецкого. — Да? — подделался он под тембр его голоса: была не была.

— Мне сообщили о ваших успехах. Не задерживайтесь. Используйте нейтронный вариант и возвращайтесь через

Хатангу «Саламандрой» немедленно. Капитан в курсе, он ждет вас.

— Он знает меня в лицо? — рискнул Бехтеренко и услышал смех:

— Ваш дядя. До встречи на ковчеге.

Убрав пульт в карман, Бехтеренко подошел к Подгорецкому:

— Что делать-то с тобой?

— Убей.

— Не так воспитан. Подняться помогу, — сказал он сдержанно и усадил Подгорецкого в кресло. Руки за спиной в наручниках. Мысли не появилось, чтобы освободить его. Не тот зверь. «Не грех бы поговорить», — решил Бехтеренко, направляясь к дивану напротив.

Подгорецкий медленно поднялся за его спиной и резко метнулся к окну, опередив Бехтеренко. Звон и треск разбитого стекла, а в зияющую дыру ворвался ливень.

— Ну вот, — с досадой произнес Бехтеренко. Не хотел он такого исхода, но несчастье развязало руки.

Запиликал телефон в номере. Он взял трубку.

— Отец Потап, вы согласны принять пост и сменить вериги? — услышал он голос Цыглеева. — Свято место пусто не бывает и, как обещал, завтра с утра Бехтеренко отправляется в отставку. Надюсь, вопрос разрешим по-джентльменски?

— А это кто как понимает джентльменство, — ответил Бехтеренко.

— Кто это?

— Министр до утра. А Подгорецкий в окно ласточку сделал.

— Знаете, что я с вами сделаю? — повысил голос до фальцета премьер.

Бехтеренко положил трубку. С этим ясно.

«Сучонок, родства не помнящий, — почему-то досадовал Бехтеренко. — Для меня в России места не осталось».

3—14

С лазурным пологом неба соперничало изумрудное покрывало воды, безмятежная идиллия царила в природе, солнце не плавило кожу, а щедро поливало ее ласковым теплом: перво-

зданная тишина дополняла гармонию мира. И райская благодать была бы воочию райской, не торчи чертовыми рожками из глади вод пять рубок подлодок, не лежи крокодилами три эсминца и штабной корабль «Кронид». Флот маленький, но реальный и кусачий.

Эскадра принадлежала Момоту и охраняла остров, где находился Центр исследований Момота.

Остров окружало кольцо рифов, и новичку он казался издали миражом в пустыне с его тремя лесистыми горами и желтизной широких песчаных пляжей, всего лишь оптическим обманом в пустыне оксана — до того он был хорош в своей райской первозданности.

Три горы симметричным треугольником скрывали от глаз внутреннюю долину, зеленую и просторную, с посадками ржи и пшеницы, овощами и фруктовыми деревьями. Там же располагались комплексы Центра. Все скроено компактно и прочно, сообразно характеру Георгия Момота, с двойным дном: подземные кладовые напичканы едой и топливом, водой и оружием. Антенны разнообразных форм говорили о связи со всем миром и перехвате связей всего мира. Здесь готовились к уединенной жизни и даже к потоку был готов хозяин острова, мог спокойно дожидаться голубя с оливковой ветвью в клюве на прекрасном непотопляемом ковчеге из лучших сталеи, с современной навигационным оборудованием. ✓

Это и был самый настоящий ковчег, отстроенный ко второму пришествию воды.

Деньги России очень удачно поработали здесь по созданию коммунизма на отдельно взятой территории, еще и вернулись к Момоту с прибылью. Впрочем, ничего удивительного: такие райские островки создавали все российские вожди исключительно для себя, с надежной охраной, устойчивым климатом и запасом самых необходимых вещей. Вот только растраченные на это средства не вернулись. К Ленину — произведения искусства и церковная утварь, к Сталину — люди, легшие костями под Норильском и на Колыме, к Брежневу — нефть, утекающая на чужие войны, к Ельцину — сама российская земля. Вождей вечных нет, как нет и земли вечной: от материков остались острова и островки, от людей — каннибалы и импотенты. Никто больше не хотел строить, а ломать было нечего — люди со страхом ждали потопа, ежедневно помечая

на мерных рейках приближение воды, думая при этом: повеситься или побарахтаться еще?

Не так мрачно. Та же Канада не сгинела, Сибирь, Индия и деревенька Неелово. И княжество Монако уцелело. Островок Георгия Момота, который принадлежал только ему: отделившись от России, считался независимым государством. Хоть Момотянисей назови, хоть как, только завоевать его чужим было неспособно.

Когда Цыглесв прозрачно намекнул Момоту, что не грех было бы наладить на островке отдых для изнуренных сплошными ливнями трудящихся, то бишь самого Цыглеева и ближайшего окружения, Момот ответил: нет, батенька, Центр закрытый и посторонним здесь делать нечего. Какой же я посторонний? — возмутился Цыглесв. Я премьер-министр великой державы! Захочу и совсем заберу остров под свою юрисдикцию. Это составная часть России! Так уж и заберете, уважасмый премьер непонятно чего? А хотелки хватит? Да я вас туда-сюда! — обозлился Цыглесв, а Момот спокойно обозначил позиции: сюда у вас солянки не хватит доехать. Здесь тепло и яблоки, и про дым отечества не надо говорить, вы нас сами выперли. А будете еще употреблять обидные слова по космической связи, отключим ее совсем. Для правдивости слов Момот на час блокировал спутники связи, и Цыглесв уgomонился. Хотел перехватить Бехтеренко, чтобы шантажировать Момота, но прозевал бывшего спецназовца и министра, а тот в Хатанге сел на подводную лодку и был таков. Как в воду канул. Именно так все и было. Святая правда.

Итак, с лазурным пологом неба соперничало изумрудное покрывало воды, безмятежная идиллия царила в природе, а вблизи острова всплывал шестой атомоход и на самом острове готовились торжественно встречать генерала Бехтеренко, доставившего островитянам бесценный дар, «Славную книгу».

— Нашего ареопага прибыло! — обнимал его Момот. — С долгожданным прибытием, Святослав Павлович.

— Слава, дорогой, как я рад тебя видеть! — вторым обнимал Бехтеренко Судских, а следом развел руки для объятий Луцевич:

— Я счастлив!

— Тамура-сан? — застыл он перед очередным желающим обняться. — Вот уж чего не ожидал, так не ожидал. Здрав-

ствуй!.. — Обнялись, отстранились для лучшего обзора. — Но было же сообщение о вашей гибели!

— Ход, дорогой друг. Всего лишь ход. Зато не искали. Тут много неожиданностей, — скромно посулил японец.

Вагончик подвесной дороги увез островных вождей в долину и замер у красивого белоснежного здания. Оно сегментом занимало одну сторону долины, с другой размещалось абсолютно похожее, как две половинки сливы.

— Тут мы живем и трудимся, — указал на него Момот. — Твои апартаменты на двадцатом этаже.

— А там, — указал Луцевич на противоположное здание, — учатся те, кому надо учиться.

— И что там? — поинтересовался Бехтеренко.

— О, Слава, там главная цитадель будущего мира, — счастливо ответил Судских.

— Лаборатории?

— В какой-то мере, — пояснил Луцевич. — Школа, детский сад, колледжи. Кстати, ты не женат?

— Времени не хватало, Олег Викентьевич, — застеснялся вопроса Бехтеренко.

— Это, брат, ты зря. Каждой твари по паре, прости прямоу библейского наказа.

— Женим безо всякого, — вмешался Момот. — По законам нашей республики каждый гражданин обязан быть женатым.

— И Тамура-сан женился? — не поверил Бехтеренко.

Тамура развел руками: увы.

— Мы ему такую японочку нашли! — подхватил Луцевич. — Персик! Так что выбирай себе невесту.

— Староват я, — совсем застыдился Бехтеренко.

— Лишь бы не импотент, — подчеркнул Судских, и Бехтеренко обиделся:

— Понял. Не подведу.

Меняя тему, он спросил:

— Здесь только русские?

— Все, Слава, — отвечал Судских. — Въезд никому не запрещен, однако отбор тщательный. Проверка способностей на детекторе.

— И главная, — вмешался Момот, — на исключительность. Любой кандидат обязан доказать свою состоятельность в знаниях, в физическом развитии, способности создать для потомков полезное.

— Я вам не подойду, — погрузился Бехтеренко.

— Кто это сказал? — подошел ближе Тамура. — Ты привез величайшую книгу, свою миссию перед потомками ты выполнил сполна.

— И ты из нашей команды, — подчеркнул Момот. — Автоматическиходишь в Совет старейшин острова.

— Когда женится, — ухмыльнулся Луцевич. — Как, думаешь, гормональную профилактику надо проводить?

— Да ну вас, — покраснел Бехтеренко.

Испытывая к друзьям теплые чувства, он не мог избавиться от впечатления, что на острове существуют жесткие правила и похож он больше на инкубатор. Прекрасный фасад, прекрасные условия, как для кроликов. Грусть по залитой дождями России пробивалась с самого доньшка на поверхность.

«Чего это я раскис? — одернул себя Бехтеренко. — Меня приняли чуть ли не с королевскими почестями, а я сопли распустил. Давай, солдат, становись в строй и меньше о себе думай».

Он постарался отогнать от себя меланхолию.

— На всей планете отыскался уголок, где можно подсушить и согреть косточки, — с веселостью сказал Бехтеренко.

— Еще один есть, — ответил Момот, и по интонации голоса Бехтеренко понял, что еще один остров Момота не устраивает. — В Атлантике масоны обосновались, проявились-таки воочию. Негде прятаться, голову морочить некому. Живут по законам монашеского братства, воспитание в духе аскетизма и непримиримости к проявлению дружеских чувств к остальным живущим. Сатанисты, одним словом. Орден, подобно нам, создал на острове средства защиты и нападения. Схватку за обладание «Славной книгой» мы у них выиграли, но это не победа.

— Основное боище пока впереди, — подсказал Судских. — Так просто не разойтись, миром не поладим. Наши эсминцы и атомные субмарины лет пять протянут, самолеты и вертолеты того меньше, поэтому долго ждать не придется. Топлива не хватает, — пояснил он. — А подводные атомоходы, их и наши, попадая в зону защиты, выходят из строя. Понял, Слава, куда нас дядя Триф завлек? Помнишь, с чего началось? С невинных забав — был Христос или нет?.. Раньше бы знать, куда забредем.

— Не пора ли к столу? — прервал Судских Момот. — Соловья баснями не кормят

— А поят хорошим вином, — подсказал Луцевич, и Бехтеренко, взглянув на него, отметил сизые подпалины на щеках.

«Эге, — закралась мысль, — а не запивает ли наш славный профессор? Этого еще не хватало».

Луцевич перехватил взгляд и шепнул на ухо:

— Слава, не так все мрачно.

За столом разговор невольно соскользнул на прежнюю тему. Поднимая тост за Бехтеренко, Момот первым напомнил о ней:

— Благодаря тебе, дорогой Святослав Павлович, мы получили нужнейшую лоцию жизни. Вместе с расшифровками Библии, моим скромным вкладом, заслугами Игоря Судских, Олега Луцевича и Хисао Тамуры мы получили возможность справиться с будущим. Но не с настоящим. Орден присутствия соперников не потерпит. Надо быть начеку, чтобы уничтожить масонство раз и навсегда.

— А такое у них есть? — задал вопрос Бехтеренко и под взглядом присутствующих выложил перед собой золотник. — Маленькая нейтронная бомба, — обвел он всех торжествующим взглядом. — У Подгорецкого изъяс.

К монете не прикасались, но осмотрели внимательно.

— Наверняка, Слава, — обескуражил Судских. — Если диверсанта снабдили такой, в арсеналах Ордена есть штучки похлеще.

Бехтеренко приуныл. Будто рассказал непристойный анекдот.

— Понимаешь, Святослав, у них и у нас подобные штучки водятся, но есть и средства подавления. Здесь создана точная копия установки из Арзамаса-2. У них не хуже. Между нами воинствующий нейтралитет. Пока, — уточнил Момот. — Кто вырвется вперед, тому и ставить точку.

Выпили наконец за здоровье пятого члена Совета старейшин, и Луцевич попробовал сменить тему:

— Слава, что нового о Пармене и Крониде?

— Ничего, — опустил голову Бехтеренко. — Пармен умер, это точно, казаки видели, а Кронид исчез. Ради поиска Крониды я задержался с отъездом. Всю низину просветили, землянку нашли, а там никого. Выполз. И как сквозь землю.

— Как сквозь землю, — эхом откликнулся Судских. — А следы книг? Их должно быть шесть. Пять книг и шестой свиток «Тишайший свод». Опись делал отец Воливача, как значилось по архивной документации. Названий никто не знал — кто мог знать в ГУЛАГе древнеславянский? — но описание книг было. Из-за смерти Сталина о них забыли, а позже лет пятьдесят все разведки мира пытались разыскать эти книги. Помнишь Мойзеса Дейла? — Бехтеренко кивнул. — Мойзес Дейл каким-то путем вычислил нахождение книг в Сибири и отправился туда инкогнито. Его нашли мертвым в тайге, неподалеку от нынешней Орианы. Замерз. А направление держал верное. Я думаю, Кронид унес их с собой.

— Но куда? — спросил Бехтеренко. — Подгорецкий забрал у него датчик, и следы оборвались.

— Дай Бог ему выжить, — вздохнул Судских. Его вина за исчезновение Кронида была самой ощутимой. — Это на нашей совести.

«Где ж вы раньше были? — вертелся на кончике языка вопрос у Бехтеренко. — Убежище отгрохали, а о людях забыли».

Опередил Луцевич. А может быть, избавил от вопроса:

— Гречаный сюда не собирается?

— Не желает, — отчетливо произнес Бехтеренко. Обидный вопрос вылился в откровенный ответ. — Поделил с Новокшоновым границу и круто разбирается со всеми налетчиками на казацкие станицы. Никого не щадит. За одного обиженного станичника сжигает все поселение обидчиков. Всех.

— Вот и конец идиллии о духовном возрождении России, — огорченно промолвил Судских.

— Еще нет, — возразил Момот. — Придется начинать с нуля.

— Жора, — повернул к нему голову Судских. — Сколько можно начинать с нуля? Всякий раз мы надеемся, что новая жизнь будет идеальной, дети умны, а жены верны.

— Не по мне такие вопросы, Игорь, — холодно ответил Момот. — Я свою миссию выполнил. У русских издревле самоистязание выше ответственности. Хоть сейчас не развод мокроту. Ты ничего не придумал и ничего не сделал, так не мешай мне делать.

— Друзья, — остановил назревающую перепалку Луцевич, — все мы одинаково виноваты в происходящем. По-

меньше слез за праздничным столом и побольше отваги в бранный час.

— За это стоит выпить по полной, — поддержал Бехтеренко. Луцевич ему подмигнул.

— Верно, — присоединился молчавший до этого Тамура. — Не будем рвать постромки на прямой дороге.

«А Тамура преуспел в русском, — отметил Бехтеренко. — Человек со стороны видит больше и лучше. Вот бы кому ввериться».

На другой день, отославшись велье, Бехтеренко отправился побродить по острову. Судских принес ему ворох легкой одежды и визитку, которую прищепил на клапан карманчика рубашки апаш, а в карманчик вложил миниатюрный радиотелефон.

— Проход разрешен везде, Слава. Тут твой дом, где ты старший, — напутствовал он.

В белых шортах и рубашке с короткими рукавами Бехтеренко первое время чувствовал себя неловко, стесненно, словно голый. После российских непрерывных ливней, когда одежда мгновенно набухла от влаги, было непривычно даже прикасаться к своему телу: а вдруг обжечься можно?

Он по прямой направился к противоположному зданию, где слышались детские голоса. Это не был гомон, привычный для игровых площадок, а стройное пение без аккомпанемента.

Первая встречная девчушка поздоровалась с ним и независимо отправилась дальше.

— Как тебя зовут? — окликнул ее Бехтеренко.

Она развернулась и подошла к нему.

— Меня зовут Джуди, я дочь командера Эндрю Полетта и Сары Берстайн. Мой папа старший офицер атомохода «Ариец», а мама оператор внешней защиты, — очень обстоятельно ответила она, и Бехтеренко умилился.

«Да ей от силы три годика! — поразился он. — Ну и воспитание!»

А Джуди продолжала отвечать:

— Мне три с половиной года, я учусь в подготовительном классе первой ступени.

— И чему же ты обучаешься? — спросил Бехтеренко с улыбкой, которая стерлась, едва девочка заговорила:

— Я обучаюсь дыхательной гимнастике, логическому мышлению и языкам. Сейчас я свободно говорю на испанском, английском, русском, а к моменту поступления в первый класс должна освоить китайский и хинди.

«Ни хрена себе! — чуть не произнес вслух от возбуждения Бехтеренко. — Да у них одни вундеркинды здесь собраны?»

— К школе второй ступени я должна говорить на десяти языках, — добила его девчушка.

— Зачем так много? — нашелся с вопросом Бехтеренко.

— Это не много. Норма к совершеннолетию — двадцать языков. Семь основных и тринадцать по выбору. Они понадобятся тогда, когда мы вернемся на родину.

— Где ж ты родилась?

— Здесь. А папа с мамой из Соединенных Штатов. Папа англосакс, а мама еврейка.

— А в какого Бога ты веруешь?

W В Бога не веруют. Он во мне. Если я умница, мой Бог добр и справедлив. Религии не существует вообще.

Дитенок в самом деле был толковым.

— Ты умница! — похвалил он, и девочка просияла от удовольствия, присела в книксене.

— Я так благодарна вам, Святослав Павлович! Я могу занести вашу похвалу в свой послужной дневник?

— Да заноси куда хочешь, но откуда ты знаешь мое имя?

— О вашем прибытии сообщила вчера служба оповещения острова, а на вашей пластиковой карточке указаны все данные.

«Мы чужие в этом молодом лесу, — вспомнил чьи-то стихи Бехтеренко. — Это что ж с ними будет лет эдак через двадцать?»

— Если у вас нет ко мне больше вопросов и просьб, я могу идти играть в мяч? — угадала Джуди его замешательство.

— Конечно, деточка!

— Я Джуди Полетт и взрослый человек, — поклонилась девчушка с серьезным видом и пошла своим путем.

Смотрел ей вслед Бехтеренко с открытым ртом. Он закрыл его, когда увидел идущих навстречу двух юношей лет по пятнадцати. Ловить ворон члену Совета старейшин как-то неловко.

— Подскажите, как пройти к школе первой ступени? — спросил он первое пришедшее на ум.

Один из них, постарше, мельком глянул на визитку Бехтеренко и, кивнув, ответил:

— Охотно, Святослав Павлович. Это просто. Школа первой ступени располагается на втором этаже, у каждого учебного зала портреты выдающихся представителей данной науки, которую здесь изучают. Отвечал вам Сергей Стахов, ученик школы второй ступени. Мне двенадцать лет.

«Господи, как же я найду выдающихся деятелей? Дай бог Ломоносова узнать или Джоуля-Ленца!» — ужаснулся Бехтеренко, пропустив мимо ушей, кто родители Сергея.

— А Ломоносов у какого класса? — спросил он.

— У зала, — вежливо поправил юноша. — Это энциклопедист и мыслитель. Его портрет висит у зала философии. Готов сопровождать вас, — четко кивнул Сергей.

— А тебе никуда не надо?

— Надо. Но я обязан выполнить любое поручение старшего, потом отработать потраченное время.

— Спасибо, дружок! — решительно запротестовал Бехтеренко. — И блеснул осведомленностью: — Можешь занести благодарность в свой послужной дневник.

— Благодарю вас, Святослав Павлович. Нам баллы выставляют за дело, а младшим за воспитанность.

«Такие дела, дядя Слава, — почесал затылок Бехтеренко. В школу идти как-то расхотелось. — Еще за дурака примут. Осталось только невесту подыскать: не хочу учиться, а хочу жениться».

Он свернул на боковую дорожку влево и вышел к спортивной площадке, где девушки парами играли в бадминтон. При его появлении они игры не прервали, но трое наблюдающих поклонились ему учтиво.

«Хороши девки, — оценил стройные ноги и высокие груди Бехтеренко. — Но не мои».

— Почему вы так считаете? — ответила одна из наблюдающих остолбеневшему Бехтеренко. — Каждая из нас готова составить вам компанию для отдыха или пару на всю жизнь.

«Подбери челюсти!» — сам себе приказал Бехтеренко.

— Если вы читаете мои мысли, — собрался он с духом, — что остается мне?

— Быть мужчиной, — без рисовки ответила она. — Меня зовут Хелена Кажешкова, я чешка, мне двадцать лет, я не замужем. Здесь я тружусь преподавателем сенсорики в колледже.

— Вы мне лучше вот что объясните, — попросил Бехтеренко, и девушка наклонила к нему голову. — Дети отвечают как по писаному, а почему взрослые так не могут?

— Святослав Павлович, — с улыбкой отвечала Хелена, — нормы языка должны быть одинаковы для всех. Это организует мыслительный процесс в нужном направлении. Вы пока не знакомы с моторикой нашего обучения, но привыкнете. Вы готовы сделать меня избранницей? — спросила она неожиданно, и Бехтеренко опешил:

— Это как?

— Очень просто. Я помогу вам быстрее привыкнуть к укладу нашей жизни, и мне пора рожать детей.

У Бехтеренко шарики зашли за ролики. Подобной откровенности он не ожидал. Как во сне он попрощался с Хеленой.

«И кажется, пообещал ей встретиться с ней вечером. Мама моя, куда я попал? — пытался разобраться в себе Бехтеренко. — Бардак не бардак, ГУЛАГ не ГУЛАГ. Ничего не понимаю! А может, откровенность лучше условностей? Ничего не соображу!»

Его размышления прервал мышинный писк радиотелефона:

— Слава, — узнал он голос Судских, — подойди в башню. Это тридцатый этаж, тебя встретят.

— Иду, — по-солдатски ответил Бехтеренко. Это понятно.

На тридцатом этаже в обе стороны открывались безбрежные оксанские дали, овесал свежий восток. Хотелось постоять, но провожатый вел его в стеклянную башню торопливым шагом. Внутри Бехтеренко ожидал весь ареопаг.

— Святослав, — обратился к нему Момот. — Тут зачатые друзья наши хотят с тобой перемолвиться. Магистр Ордена Бьяченце Молли.

— На какой предмет? — уточнил Бехтеренко.

— Магистр хотел бы удостовериться, что ты жив, здоров и букварь жизни привез. Нам не верят.

3—15

Бьяченце Молли порядком разгневала телефонная беседа с соперниками. Книга, которая была уже в руках, попала к чужим, и еще горше — бесславно погиб верный рыцарь Ордена.

Прежде масонство, покрытое плащом тайнства, с кинжалом под полой, с атомной ракетой под плоскостью, везде распростерло свою власть, и каждый, облеченный доверием логи, мог не опасаться за свое настоящее, будущее и прошлое. Одному было что прятать в прошлом, и ложа укрывала эти прегрешения, другой рвался в будущее, и ему предоставляли белого коня под царским чепраком, третьи прозорливо угадывали будущее, тогда их вели по коридору тайны сильных мира сего, проверяя суровостью и неприхотливостью, — первая примета мудрого.

Таким был Подгорецкий, рыцарь Ордена Черной Печали.

Глупые, глупые людишки, понапридумывали историй о мистических обрядах масонов, о жестоких казнях и тайных убийствах. От зависти все, от невозможности умерить чрево и пройти коридором мудрых, дабы попасть в среду избранных. Как братъ туда из толпы умствующих, если он ни талантом, ни умом не блещет? Зачем Ордену балласт? Здесь каждый на своем месте, движение шестеренок поднимает избранных по ступеням, и остановить механизм никому не дано. Здесь обязательства низших перед старшими и круговая порука: один за всех, и все за одного. И никаких тайн, одна посвященность.

Подгорецкий пожертвовал молодыми годами, отдал их на восхождение по ступеням Ордена, презирая здоровье и уют, но подошло время утвердиться на верхней площадке храма Вечных, как вдруг случай унес его жизнь, сдул с последней ступени.

И горше было, и пуще разливалась желчь оттого, что утрачена, и пожалуй, навсегда, «Книга Судеб», желанная и недостижимая. А «Славная книга»? А «Книга Жизни»? «Мать зеркал»? «Елимох»? «Тишайший свод»?

Вооруженные самой современной техникой, программисты Ордена могли обсчитать любую, самую запутанную ситуацию, правильно расположить силы, чтобы не перевернуть земной шар. Орден имел точку опоры и никогда ею не пользовался. И мегабайты памяти не могли дать того наслаждения, какое открывалось строчкой из «Матери зеркал».

Кто сказал, что масоны — дьяволисты? Кем был Христос, если появился Антихрист? Глупые людишки: разве дать им возможность жить по велению сердца и освободиться от пут — дьяволизм?

«Как быть, как быть?»

Почти одновременно с соперниками они высчитали срок окончания ливневых дождей.

«Что же дальше, что дальше?»

В ближайшие дни ему на стол положат график изменения уровней мировых вод, но как же теперь не в его пользу изменится скорость принятия решений!

«Что же делать, что же делать?»

Бьячснцс Молли вышел на террасу верхнего этажа громадной обители Ордена. Похожая на корабль, она и была кораблем, ковчегом участи, готовым в любую минуту всплыть над бездной и устремиться туда, где явится голубка с оливковой ветвью прощения, знаком окончания гнева Творца. В этом он перехитрил Момота. С вершины площадки он часто любовался, как слуги Ордена взращивали на полях острова сочные плоды и тучную пшеницу, пасли скот и стригли овец, — идиллическая картина братства и взаимопонимания. А вечерами магистр любил слушать песнопения братии, которые добивались до потаенных уголков его души.

Краем глаза он отметил появление на террасе своего верного помощника отца Игнасио. В горькую минуту своей жизни, когда разрослась в его груди жаба, он не оставил своего предназначения — быть тенью магистра. Бьячснцс Молли усыновил его в младенчестве, едва темечко новорожденного указало на выдающиеся способности.

— Игнасио! — позвал магистр, и помощник приблизился за спиной. — Как бы ты поступил, Игнасио? — просил совета магистр у посвященного помощника.

— Я думаю, великий магистр, следует возобновить поиски юнца, отмеченного знаком Всевышнего. Он жив. Наш рыцарь допустил промашку, понадеявшись на тяжесть сырой земли. Для выученика великосхимника Пармена труда не составило выбраться наружу. Жив он. И тайну познал. Книга была раскрыта на середине, а святая святых располагается в первой части древних книг таинства. Найдем Кроноида, узнаем искомое.

— Узнать тайну от ученика Пармена? — спросил магистр. — Сомневаюсь, Игнасио.

— Надо найти мальчика, — терпеливо повторил Игнасио. — Полагаю, он ищет тех, кому можно доверить ведическое таинство.

— Не пора ли Дронову действовать? — просил совета магистр.

— Он вступил на последний пролет и готов принять рыцарский сан. Однако сыроват. Сложен для рыцарских доспехов.

— Нет там других, Игнасио! Ах, зачем Подгорецкий снял датчик у мальчика!

— За это и поплатился.

— Не жалеешь? — искоса поглядел на помощника Бяченце Молли: Игнасио был дядей Подгорецкого.

— Нет, великий магистр. Я вычеркнул его из памяти. Одна ошибка порождает другую. Не ошибись он с ладанкой, к нему не подкрался бы коварный Бехтеренко.

— Ты прав, — удовлетворенно кивнул магистр. — Передайте Дронову нашу волю, пусть действует.

Дронов получил известие под утро. Привыкший часов до трех ночи заниматься делами, он как раз собирался улечься в постель. От Бехтеренко он знал, что Кронид не погиб и блуждает нынче по водам и весям России неприкаянно. Искать его на просторах — что иголку в стогу сена. Однако вместе с ним блуждают по нскогда могучей державе другие нищие и обездоленные, толпой и в одиночку. Везде им вода и бескормица, они умирают в пути, их убивают банды молодчиков. От них можно узнать о Крониде.

«Вокруг столицы ему блуждать нет смысла, — размышлял Дронов, вырабатывая план. — Тут он никому не нужен, заступники далеко, и единственным приютом Крониду могут быть сподвижники по ведической вере, старообрядцы».

Разложив на столе карту, Дронов нарисовал окружность вокруг Орианы с радиусом километров двести. Дальше Кронид не дошел.

«Куда он двинется? На север? Нет смысла. На юг? Нечего там делать. На восток? На восток... Не пойдет он туда. Пойдет он в общину ведистов. Где у нас ведисты? — подсел он к компьютеру. — Ясно: ближайшая к нему крупная община поклонников Ория была в Беломорье. При затоплении ушла за Северные Увалы к горе Денежкин Камень. Нелюдимы, чужих в общину не пускают, единоверцев определяют по тайным знакам», — припомнил Дронов по прежним сводкам.

«Если я прав с маршрутом, быть мне под солнцем. Ошибусь, и здесь мне не бывать. Жизнь маетная».

Ливни кончились, но в воздухе держалась водная взвесь. От сырости обрушились сразу два здания. Обещанное просветление не наступало. Цыглеев рвал и метал, и до того он был смешон без власти, без верных друзей, молодых, как он, глупых, каждый по-своему. Многие забросили службу, кололись по-черному, сходили с ума, оголодавши. Кто похитрее, разворовывали провиант.

Дронов подумывал дать деру к казакам, но Орден держал его здесь, и он мок вместе со всеми, разглядывая изъеденные грибком ступни.

Когда-то он опрометчиво поверил в могущество Ордена. Хотелось быстрее к вершинам власти. Его не обманули. Но до чего тяжела шапка Мономаха!

Путешествие за Урал улыбалось ему кисло, но уму отчаянно хотелось в рыцари Ордена, и через день он вышел из города к Ульдыкскому перевалу. Сухая и плотная одежда вселяла уверенность, сверхпрочные сапожки, запасы-припасы составляли одну компанию, идущую к лучшей доле. Оно и лучше в пути, чем мокнуть на месте. Человеки приспособились и к хлябям небесным: у несчастых новорожденных не зарастали жаберки. Впрочем, у молодых хозяев России, изнуренных наркотиками и гнусным питанием, пора рождаться дракончикам. Эволюция вела к земноводным. Дронов к земноводным и рептилиям не хотел.

С вершины перевала он попрощался с новой столицей, на которую возлагал большие надежды последний президент Гречаный. Молодым всегда хотелось порулить самостоятельно, быстрее вырваться на простор. Вырвались. Но поздновато.

«А кто бы их выпустил, — размышлял идущий Дронов, — будь в сиськах России-матери молочко? Прощайте, товарищи, с Богом».

И так был велик гнев Господень, что стал он одну сторону планеты поджаривать, а другую топить. Гнев этот копился со времен расщепления ядра, до расщепления единой тайны в Армагеддоне-2. Доигрался, человечек.

«Права Церковь, по жопе надо каждому давать, кто выше крыши нашей бани забирается. А розги надо брать фасонные, чтобы после каждого хлопка заповедь на заднице проявлялась: не убий, не укради. Что там еще? В

тайны ядра не лезь, на самолетах не летай. Вот, забыл: не пидай против ветра!»

Сыро в точиле Господнем и пакостно.

Отрешившись от грустных мыслей, Дронов кинул взгляд на город-неудачник и успел поймать момент, когда осела и расползлась резиденция премьер-министра, последнего правительства России.

«Наверное, с обитателями», — беспристрастно подумал он. И будет удивительно дальним потомкам найти останки предков целехонькими и невредимыми и гадать долго, что же произошло во времена доисторические, какая сила запечатала для них посылку?

Никакая. Элементарная глупость и наглая самоуверенность, что нам нет преград ни в море... а суши практически нет. Есть преграды, еще какие. Ибо на винтовой лестнице ДНК есть запретная двадцать четвертая ступень.

Аминь.

«Вовремя я смылся», — похвалил себя Дронов и начал спускаться с перевала.

Занятый скользкой тропой, он сразу не сообразил, почему легче дышится, а ноги увереннее находят прочное место.

Ливень прекратился! Дождя нет, и морось исчезла!

Он поднял голову к низкому небу. Ветер рвал облака в клочья, они стремительно разлетались, словно чья-то остервенелая рука спешила добраться до глубин небес. Наконец стали проявляться просветы голубого, и ликующая радуга навела мост на пути Дронова. Он обернулся, боясь, что его лишат долгожданной радости, и, как только что, успев увидеть оседающее здание резиденции премьера, глаза ухватили в последний момент узенькую радужку-змейку, оранжевую с голубовато-лиловым.

«Это еще к чему? — недоумевал он, протирая глаза. Змейка не появилась больше, чистое небо искрилось светом, и солнце съедало посторонние цвета. — Почудилось?»

Пусть будет — почудилось. Да здравствует солнце!

Из необходимых в пути предметов Дронов взял основной для нынешних времен — складной подвесной моторчик и резиновую лодку. Моторчик работал на сухом газе. Передвигаясь подобным образом, он перехватит Кронида в середине пути. Кронид не экипирован соответственно премудростям цивилизации.

В пути ему мало попадалось живности. Редкие птицы, отвыкшие радоваться солнцу. Истосковавшимися голосами они выкликали свою пару и долго прислушивались, отчего симфония жизни звучала слабо, отдельными инструментами. На земле в обилии прыгали лягушки, ползали ящерицы. Редкий случай, когда пробегала мышь. Ей Дронов радовался как родной.

Речками, протоками, каналами и морями он двигался на запад и с удовольствием ступал на просохшую землю для ночлега. Костер вспыхивал яркий, потрескивал, не чадил, изжаренная рыба не отдавала сыростью. Спать на лапнике было приятно, и, просыпаясь поутру, он ощущал приток сил в теле и готов был идти дальше.

На второй месяц пути он обратил внимание, что становится по ночам теплее, а днем жарко, и солнце царило в небе непрестанно, хотя был ноябрь и хотелось осеннего дождика. Изредка ночами доносился до него приглушенный грохот, будто бы отдаленные грозы ярились где-то, но молний не появлялось, лишь во сне его укачивало вдруг. Он просыпался, прислушивался. Ничего. Опять почудилось.

— Что происходит? — спросил он, связавшись в очередной раз со штаб-квартирой Ордена.

— Ничего особенного, — ответили ему. — Налаживается причинная связь вещей. Продолжайте поиск.

Тогда, от одиночества и желания слушать человеческий голос, Дронов поведал о радуге-змейке. Вместо привычного голоса Игнасио с ним заговорил сам великий магистр.

— Вы точно видели это?

— Абсолютно точно. Только посчитал, что мне почудилось.

— Когда это случилось?

Дронов высчитал день, когда прекратился дождь. Последовала пауза, и он подул в микрофончик.

— Брат Геннадий, подберите ровную площадку для приема самолета, сообщите нам и выставляйте радиомаяк. Задание отменяется. Скоростной перехватчик будет за вами через шесть часов. Постарайтесь уложиться.

Он не спросил, ради чего такая спешка: не принято переспрашивать великого магистра, только пожал плечами недоуменно.

Дронов взобрался на пологий склон, с его верхней точки обозрел окрестность. Километра за два налево ему пригляну-

лась ровная полянка почти прямоугольной формы. Судя по всему, за ним выслали перехватчик с вертикальным взлетом. Посадочная площадка вполне подойдет. А вправо от полянки он сразу увидел озеро и что-то похожее на жилище у самого берега. Он даже фигурку разглядел, и — разрази меня гром, если это была не женщина! Его неудержимо влекло вправо, но послушаться он не посмел: время отмерено, овцы посчитаны, и — разрази меня гром! — на женщин времени не оставалось. Если в такую даль отправили за ним перехватчик, значит, есть дела, где женщинам места не остается. Раньше было нельзя, теперь поздно.

Спустившись со склона, он зашагал к поляне, насвистывая маршевый мотивчик. Рюкзак за спиной и выкладка не тянули, шагать было весело и не страшно. За него думали.

Мотивчик пришлось оборвать, едва он отшагал по равнине метров сто, не более. Плотная растущая трава, какой-то вымахавший до трех метров осокорь мешал двигаться, а почва под ногами проседала, мешая двигаться ходко, зачавкала жадно.

«Болотина!» — отпрянул назад Дронов. Напрямую к полянке хода нет. А дорога в обход по топкому месту займет часа два. Быстро он продвигался к этой точке, отмахал играючи до тысячи километров, а тут продвижение замедлилось до черепашьего и ничего придумать нельзя: руки и ноги остаются человеческими.

На обход болота ушло полных три часа. По высоким кочкам и буйным зарослям травы. Рюкзак и выкладка стали обременительны, а он всю теплую непромокаемую одежду уложил в рюкзак, двигаясь в шортах и майке-безрукавке, изрядно порезался, и тело саднило от глубоких порезов, так он спешил. Пришлось облачаться, как в скафандр, в защитный комбинезон, надеть сапожки и перчатки. Сразу стала донимать духота, и на край полянки он выбрался почти обессиленным и свалился на траву бездыханным.

Контрольная стрелка хронометра показывала, что до прибытия самолета оставалось чуть более двадцати минут. В штабквартире считали с предельной точностью, на этом строилась любая тактика — точность и беспрекословное исполнение.

Дронов извлек из карманчика рюкзака радиомаяк и запустил его. Пора осмотреться и доложить о себе.

Поляна оказалась искусственным прямоугольником, крышей какого-то подземного хранилища. Она поросла мелкой травой очень ядовитого цвета. Кое-где торчали грибки вытяжных вентиляторов, лючки и люки. Ступая осторожно, Дронов прошел в глубь полянки, и с каждым шагом его одолевало беспокойство. Покрытие оказалось крайне ущербным, частично куски бтона провалились, обнажив арматуру. Из таких дырок тянуло неприятным горчичным запахом. Случайно Дронов обратил внимание на свои сапожки: черный полиэтилен облез до белизны.

— Мать моя женщина, черт бы меня побрал! — ужаснулся Дронов и, не разбирая пути, побегал прочь. — Бинары!

Он попал на заброшенный склад отравляющих веществ, сам того не желая. Он не ошибся. Черт сидел в подземелье.

Когда-то в России засыпали в хранилища больше отравляющих веществ, чем пшеницы. Покупное зерно съедалось быстро, адская морилка хранилась десятилетиями и устойчиво прибавлялась. Одних рук не хватало для уборки урожаев, другие забывали отрывать за подобную осмотрительность. Одни сгорали в битве за урожай, другие к битвам готовились, не дождавшись, уходили на пенсию и получали ее исправно.

Когда-то Россия пол-Европы кормила своим зерном, ее уважали.

Звук реактивных турбин Дронов услышал издалека, но самолет появился неожиданно, как чертик, опередив свой звук и попытки Дронова связаться с Орденом. Перехватчик завис над площадкой с изумрудной зеленью. Пилот развернул клюв перехватчика в сторону Дронова, который отчаянно махал руками, и показал ему большой палец. Дронов замер в ужасе. Свист турбин стихал, амортизаторы шасси оседали, секунды сжимались в томительную паузу, и, как только никелированные амортизаторы убрались в стаканы шасси, перехватчик, словно подстреленный ястреб, рухнул оземь и почти следом исчез под кровлей.

— Господи, помоги! — пришел в себя, завопил Дронов. Вместе с рухнувшим в преисподнюю самолетом рушились его честолобивые планы, рушилась лестница восхождения, по которой уже не взойти. Он чувствовал это всеми фибрами души, и в тяжелый час душа обратилась к последнему прибежищу: — Господи!..

Истошным голосом орал снизу пилот и проклинал его неистово и страшно, а тут еще из дыры взметнулось оранжевое пламя.

Сейчас взорвется! — понял Дронов и представил ядовитый сполох. Ноги сами повлекли прочь, и он бежал, не разбирая пути, но не споткнувшись ни разу, до самого склона.

Больше часа, прячась за деревьями, он дожидался взрыва. Его не случилось. Видимо, Всевышний услышал его отчаянный крик, хотя мог оборонить заранее. Не хотел? Не посчитал нужным.

С еще большей осторожностью он добрался до края площадки и только оттуда рискнул крикнуть. Добираться до дыры не рискнул.

— Эй! — позвал он. И сильнее: — Эй!..

Молчание. Значит, бесполезно.

Теперь он вспомнил о мобильной связи и набрал код.

— Перехватчик погиб.

— Мы знаем, — ответил сам магистр. — Ты поступил гадко. Правило погибать и выручать товарища записано нами. Пилот держал с нами связь целых полчаса. Знаешь ли ты, каково это — полчаса?

— Он сел на подземное хранилище, я хотел предупредить его, — пытался оправдаться Дронов.

— Кайся! — услышал он последнее слово, и связь прервалась.

Он неразумно потоптался на месте, посмотрел на небо, на полянку, на дальний склон и вспомнил о том озере, где привиделась ему женщина.

— Да пропади оно все в чертово гузно! — выругался он, посмотрел на безнадежный теперь мобильник в руке и зашвырнул его в болото.

3—16

Ноги отказались идти, и Кронид со слезами разглядывал своих неустанных помощников. Истертые в кровь, с ужасными трофическими язвами, они представляли жалкое зрелище. Один, под проливным дождем, не имея возможности отдохнуть по-человечески, он шел и шел, влекомый внутренним голосом.

Куда иду? — вопрошал он, и голос отвечал: ты идешь правильно, туда, где нужен ты и эти бесценные книги.

Если бы не книги... Плотно завернутые в спальный мешок, они весили изрядно. Без них идти было бы легко и отдыхать спокойно, но другого выхода он не видел. На привалах он первым делом заботливо устраивал книги, потом брался за ноги, как мог обихаживал их и только потом думал о желудке. Он понимал: надо отлежаться, хоть чуточку дать ногам передых, подлечить раны, бессмысленно двигаться черпающим шагом, добывая себя.

Но где найти приют, если на многие километры ни огонька, ни домашнего звука, хотя бы сухое место найти, лечь и расслабить мускулы. Только о сухом уголке молил он Всевышнего.

Ему повезло. Среди унылого мелколесья он разглядел кряжистый дуб. Патриарх среди жалких осинок, он стоял гордо, как единственный из оставшихся, хранитель древнего наказа.

Ему повезло еще больше, когда он приблизился к дубу. В корнях он разглядел лаз, обследовал его и убедился, что нора глубока и внутри сухо. Не раздумывая он затащил в нору книги и влез сам, блаженно закрыв глаза.

Ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, лежать бы вот так в сухости и подремывать, слушая, как в ином мире падают капли и моросит уютный дождь, идти никуда не надо.

Но надо идти. Месить разбитыми опорками грязь, сдерживая нестерпимую боль в ногах, никого не проклиная, смиренно двигаться к цели.

Кронид ощутил в норе присутствие другого существа. Когда глаза привыкли к темноте, он обнаружил у своих ног собаку, которая не зарычала при его появлении, но дружелюбия не проявила, и вторжение Крониде всего лишь насто- рожило ее.

— Не бойся, — сказал Кронид. — Трудная пора, всем плохо. Чай, поместимся. Еще бы ноги мне восстановить.

Собака поняла его дружелюбный тон и положила голову на лапы, успокоившись.

Целебное масло Кронид использовал еще на лампадку. Пришлось выползть из норы, рвать листья. Нажевав их, он добавил в жвачку подорожник и целебной травки, обложил ею раны. Из рюкзака он добыл последние шерстяные носки

и натянул на ноги. Стало совсем хорошо, оставалось просить Всевышнего дать ему покой до утра, чтобы ноги зажили и можно было двигаться дальше.

— Давай поспим, — обратился он к собаке, и та шумно вдохнула воздух, выражая понимание.

Обычно в пути Кронид обматывал ноги портянками, а носки берег для ночлега. Шерстяные носки остались последние, а портянки превратились в истлевшие лохмотья, которые не только надевать, а в руки брать противно.

В норе оказался лежалый мох, видно, уже кто-то ночевал здесь или прятался от непогоды. Устроившись удобнее, Кронид велел себе спать. Спать до тех пор, пока не устанет от сна.

— Слышишь, дружок? — обратился он к собаке. — Утро вечера мудренее.

Пес приподнял голову, будто переваривал слова, потом зевнул и прилег прямо на ноги Кронида, предварительно обнюхав шерстяные носки. Вроде бы запах понравился ему.

Проснулся Кронид от непонятного раздражающего фактора. Не открывая глаз, он думал, что именно мешает ему. Было спокойно, ничто не настораживало, только собаки на ногах не оказалось.

В норе стало чересчур светло.

Выглянув наружу, он зажмурился от неожиданности. Светило яркое солнце, небо очистилось от сырого низкого полога. Сколько он проспал, трудно высчитать сразу, но то, что не лило и светило солнце, это яснее ясного и прекраснее прекрасного.

Не болели ноги, тело просило движений. Стянув шерстяные носки, он не увидел язв.

— Солнце! Солнце! — ликовал он, воздев руки к небу, ощущая босыми ногами тепло земли.

Откуда ни возьмись появилась собака, запрыгала с лаем вокруг него, радуясь вместе с ним.

— Видишь, как оно? — погладил собаку Кронид. — Вернулось солнышко, теперь жить легче будет!

В ярком свете дня отчетливо проступали контуры предметов, видно было далеко и понятно глазу: с возвышения он обнаружил почти рядом озеро и маленький лесок возле и какое-то строение на берегу, а в другой стороне луговину с

необычно яркой травой. Глаза упрямо поворачивались к озеру. Там была жизнь.

Наученный горьким опытом, к луговине он не пошел, а сразу устремился к воде. Там пища, там топливо и можно спокойно передохнуть перед броском через горы. Их очертания проступали теперь далеко на западе. Когда они направлялись на север, Пармен сказывал, что большая община старообрядцев и сторонников ведической веры обосновалась в Предуралье, их всегда примут там уважительно.

Оставались четыре галеты. Кронид с легким сердцем разделил нехитрый рацион надвое. Собака одним махом съела свою половину и вожаденно уставилась на оставшиеся две галеты.

— Вот ведь как, — засмеялся Кронид. — Это не по-мирски, надо бы и мне подкормить свою плоть, иначе кто же о пропитании будет заботиться? Уважай хозяина.

Собака от этих слов пристыженно отвернулась. Дышала часто, высунув язык, лишь бы не поддаться соблазну.

— Держи, — кинул ей галету Кронид со вздохом. — И пора в путь. Засиделись, солнце высоко. Пошли, друг. — И собака ответила радостным лаем, припадая лапами к земле.

Животина в одиночестве, видно, настрадалась не меньше Крониды и была счастлива встрече с ним. Где ж обретаться ей, если не рядом с человеком? Называется другом, считается сторожем, спит на улице, питается объедками, а вот, поди ж ты, счастлива иметь хозяина. По-людски, за подобную дискредитацию морды бьют, так человек две свободные конечности для кнута и палки употребил, а у собаки все четыре лапы заняты служебными обязанностями, ответить нечем, она смирилась с перекосами в понятиях. Она преданно служит за объедки.

Собака была непонятной масти, крупная, но не злая, что-то от меланхоличного сенбернара и безотказной дворовой сучки. Морда умная и главное — безмерно счастлива от обретения хозяина.

Еще со склона Кронид приметил людское жилище. Вблизи оно оказалось наспех сколоченной хижинкой, куда пошли самые неописуемые в стыковке строительные материалы от железнодорожных шпал, пропитанных креозотом, до древесных плит. Навесы вокруг из проржавевшей жести составляли двор, а под ними поленья, доски, сучковатый хворост.

— Посиди здесь, — велел собаке Кронид и ступил во двор. Собака послушно села, сразу вывалив язык.

— Стой! — услышал Кронид откуда-то из-под навеса. — Ни шагу! Стрелять буду!

— Зачем? — спросил Кронид, поворачивая голову на голос. — Я без оружия...

— Ничего, я с оружием!

Голос принадлежал женщине, небольшого роста и крепкой, в рыбацких бахилах, в огромном, до колен, водолазном свитере. В правой руке она сжимала «калашников».

Кронид понятился на шаг из двора. Собака посмотрела на него участливо, видать, довелось сюда навесываться и быть изгнанной.

Женщина подошла с нацеленным прямо в живот Крониды автоматом. Недоверчивые глаза смотрели пристально. На вид ей было около сорока, а то и все пятьдесят — так уродуют женщину мужская одежда и работа.

— Выкладывай, что надо? Откуда двигаешь?

Голос был уверенный и властный. Кронид мало встречал женщин и не мог определить, какому типу людей принадлежит подобный голос, но видел он, что женщина говорит без робости, привыкла к нелегкой године и одиночеству, а уж дрова и навесы укладывала явно сама, без мужской помощи.

— Кронид я, путник. Вот, собака за мной увязалась, — смиренно ответил он, держа руки над головой.

— Вижу, что путник. А в рюкзаке что?

— Книги.

— Книги?

Она расхохоталась.

— Ты придурок, не иначе. Сейчас с динамитом шастают!

— Нет, я нормальный, — возразил Кронид. — Так вышло. А еду я в дороге нахожу.

— Вона... — уяснила она, разглядывая Крониду внимательнее, как вещь на продаже.

— Рыбу промышлять можешь?

— Конечно. Даже без снастей могу.

— А зверя?

— Нет. Нельзя это.

— Вона... — опять что-то про себя отметила тетенька. — Почему нельзя? Моралист, что ли? В такое время все можно.

— Никогда нельзя. Особенно теперь, — стоял на своем Кронид, не решаясь заглянуть ей в глаза, а она, наоборот, буквально выковыривала его взгляд. Автомат уже не целился в живот Крониду, а висел палкой, к неудовольствию пса, который следил за кончиком ствола. Видимо, опыт был: в России последнее время собачье дружеское мясо считалось деликатесом.

— Кушать хочешь? — спросила женщина.

— Хочу, тетенька.

— Я тебе не тетенька. Руки опусти. Я Клавдия Васильевна Махова, бывший депутат Государственной Думы. Понял?

— Да, — ответил Кронид, опустив руки. — А как же вы очутились в такой глуши? — не поверил своим ушам Кронид.

— А ты как со своими книжками? Можно подумать, здесь глушь, а вокруг «мерседесы». Да, была депутатшей. И умной была, и красивой... А года два как приемничек кручу, и ни одной станции, ни одного сигнала нет. Да и батарейки сели, некого кричать, — махнула она рукой. — Постой тут, — без многих слов распорядилась она и вошла в хижину.

— Вот какие дела, Друг, — посмотрел на собаку Кронид, а она подняла морду к нему и будто бы улыбнулась: ничего, хозяин, пока не прогнали и как будто поест дадут. Глядишь, и мне корочка перепадет. Жизнь налаживается, хозяин...

Клавдия Васильевна появилась стремительно, как и вошла в хижину. Вышла без автомата. Руки были заняты сухарями и глиняным жбаном. Шла к нему размашисто.

— На-ка вот, подкрепишься перед работой. Квас, сухари, чем богаты, тем и рады.

— Сухарики! — навернулись слезы на глаза Кронида, так близко оказался дед Пармен, любивший баловаться ржаными сухарями. Давно он не видел хлеба.

Видя такую искренность и почти детскую умильность гостя, она разрешила снисходительно:

— Ладно уж, заходи в дом. А ты охраняй, — собаке. — Дармоедов нет. Сейчас и тебе что-нибудь найдем.

Собака послушно уселась, переминая передними лапами. Видать, сообразила: мужчина и женщина — это стабильное питание.

— А ты где ее откопал? — спросила Клавдия Васильевна.

— Возле вас. На склоне познакомились.

— То-то я гляжу, интерьер знакомый! С год назад при-
блудилась, я ее кормлю, а тут вдруг обиделась — харчи вы-
несла несвежие — и ушла. Здорово, Найда.

— Это Друг, — учтиво поправил Кронид.

— Только дырочка вокруг, — возразила она. — Разве не видишь, сучка это. Пошли, Найда. Где место? Правильно, тут твое место, — взглядом проводила она собаку, которая покорно устремилась под навес, обнюхала угол и легла.

Внутри хижины было вполне опрятно, чувствовалась жен-
ская рука, и только несовместимость вещей сбивала с толку. Книги на стеллажах и полках, прялка в углу, бахилы у порога и модельные туфельки на видном месте, на приступке печи, два хрустальных фужера среди глиняной посуды. Будто с пожараща натаскано все подряд, нужное и ненужное.

Не мешкая Кронид вгрызся в сухарь, запивая его квасом из крынки. Пока она выносила миску похлебки собаке, Кронид управился с квасом и сухарями. Голодный взгляд потеп-
лел, потеплел взгляд женщины, гость оказался совсем ручным.

— На-ка вот, — выставила она на стол банку сгущенки.

— Мо-ло-ко! — озарился Кронид.

— Тут раньше запретная зона была, — походя рассказы-
вала Клавдия Васильевна, — склады остались. И понима-
ешь, — разохотилась она благодарному слушателю, —
набралась я смелости и пошла взглянуть, что там запретного
под черепом и костями. В самом деле, столько наворочено
всякой химии, ужас берет. Километра три в квадрате одни
подземные склады! А поодаль провиант всякий, воинские
вещички. И никто, кроме меня, до этого богатства не доб-
рался! — довольно воскликнула она. — Увидят черепушку,
травку изумрудную увидят — и назад. А я, недоучившийся,
но химик, пошла, перекрестившись, глянула, вот склады с
довольствием и выглядела. Одежда есть, питание есть, толь-
ко мужиков там не хранят, — расхохоталась она, вполне до-
вольная собой, и персела стрелки на другой разговор: — Не
бойся, миленький, сегодня в тепле и ласке спать будешь.
Заканчивай обедать и выходи во двор, — распорядилась Клав-
дия Васильевна, вставая из-за стола.

Кронид оглядел жилище. За раздвинутой цветастой занавеской, перегораживающей хижину на две половины, стоял топчан. Другого места для ночлега не было. Привыкший не стеснять людей, Кронид засуетился:

— Я засветло подыщу чего, у меня спальник есть.
— Зачем?
— Ночевку приготовлю.
— Напрочь ты дикий, — увсеренно констатировала Клавдия Васильевна. — Зачем спальник? Ко мне под бочок, и вся недолга.

Поднялась, не обсказывая тему дальше, и уже со двора раздался ее непрерскаемый голос:

— Найда, ко мне! Что разлеглась, как хозяйка?

Кронид встал из-за стола, так и не разобравшись, почему ударила в лицо тягучая волна стыда от последних слов хозяйки. Всплыли жадные глаза Вики, ее обнаженное тело, похотливые руки, смешная фигурка недоразвитого мальчишки с пупырышками грудей. Там были притязания, здесь — распоряжение властной хозяйки, заставляющее подчиняться.

Он вышел из хижины, зажмурился от солнца и сразу открыл глаза под окриком:

— Хватит нежиться, красавчик! Пора харчи отрабатывать. Пошли, дощаник покажу.

Найда переминалась передними лапами и за Кронидом не пошла. Прости, хозяин, говорила ее пристыженная морда, тут кормят, тут службу надо править.

Из-под стрехи навеса хозяйка вытащила удилица и вручила Крониду.

— Лови на красную тряпицу. Рыба совсем одурела, зажралась, на экзотику клюет, как мы, бывало. Ты как к экзотике относишься, э? — спросила она, пытливо заглядывая в его глаза.

— Никак, — ответил Кронид и опустил глаза; что-то провокационное было в вопросе, чем-то пугала его прямота.

— Научим, — насмешливо пообещала она. — А к излишества?

Кронид густо покраснел.

— Ладно, — разрешила она. — Мужик работает, баба его за это любить должна. Понял, живчик?

Ничего он не понял, а злиться условия не позволяли. Хоть беги прочь, а незачем. Книги, упакованные в спальник, он предусмотрительно засунул под топчан: не они нужны этой женщине, книг не отберет, а остальное не жалко.

Рыбачилось славно. Разнорыбица перла на крючок с красной тряпицей как умалишенная. Насадил червя — тишина.

Хотел рыбачить сразу с трех удочек, не успевал с одной справляться. Солнце не успело до горизонта дойти, а весь дощаник завален рыбой, а рыба-то, поросята, а не рыба!

— С уловом! — встретила Кронида Клавдия Васильевна.

Кронид вывалил рыбу в эмалированную ванну, невеста почему стоящую здесь, и она принялась сортировать ее.

— Так, милый мой рыбачок. Почти весь улов на удобрение, а кое-что можно в пищу.

— Как — на удобрение? — не поверил Кронид.

— Молча. Вот эта, с синими жабрами, поражена химией, это — карась-перерожденец, пестицидов нажрался в донной гадости, кишит глистами, а вот плотвичка подойдет на жареху.

Заученными движениями она отобрала с десятков плотвичек. Подтолкнула его в бок игриво:

— Не расстраивайся, с хищником не пропадешь. Отдыхай до ужина.

Кронид ушел к озеру, сел на причал и снял сапоги. Ноги отошли, раны затянулись, но от сапог дух шел тяжелый. Умывшись, перебив все подряд, он босиком отправился во двор, где примостился на корточках, втягивая ноздрями нестерпимый аромат горячего масла.

Стремительно вышла из хижинки хозяйка.

— О, чего это ты разулся?

— Ноги отдыхают.

— Иди за мной, — скомандовала она.

В хижине подошла к сундуку, извлекла груды вещей.

— На-ка вот, примерь. С воинского склада вещи. — Прошла к другому сундуку и добыла высокие сапоги со шнуровкой. — Воевать не с кем, в миру сойдет. — Стремительно прошла к топчану и задернула цветастую занавеску. — Готовься к ужину.

Он отобрал из груды комбинезон на широких подтяжках, куртку, майку, носки, все защитного цвета — вылитый боец. В таком наряде полмира прошагать можно.

— Готов? — появилась она из-за шторы. Кронид остолбенел. В летнем платьишке, в модельных туфельках, хозяйка превратилась в юную даму. Жаль, манеры оставались вровень с рыбацкими бахилами: — Ну чё, приход солнца отметим?

Из высокой бутылки разлила по хрустальным фужерам чего-то терпко пахнущего, один пододвинула Кронида:

— Со свиданьем, хозяин? До дна!

Кронид покорился и опрокинул в себя жидкость. Перехватило в горле, запершило, глаза налились слезами.

— Вот так мужчина! — подскочила она, постучала по спине ладошкой. — Чистейший спирт! — И засмеялась. — Закусывай!

Собравшись с духом, Кронид потянулся к рыбе, но она протянула ему консервированный помидор.

— Это лучше.

Действительно, стало лучше. Потом в хороводе видений, в хмельной отваге мешались закуски и подливания.

— Можно я не буду больше пить? — попросил он. — Я никогда не пил спиртного.

— А службу не нарушишь? — спросила она, прищурившись.

— Ни за что! — храбро ответил он, не различив подвоха.

После этого кособочилось вокруг и было весело, и спирт пился и запивался чем-то отрезвляющим, и не пугал впивающийся в него хозяйкин взгляд. В конце концов она командовала:

— Прогуляйся перед сном, и спать.

Сказано — сделано. Под звездным небом стало легко и неудержимо отважно. Теплые звезды шептались весело, на боку лежал Орион.

— Орионушка! Все нормально! Сейчас отдыхать будем. Прости.

Он вернулся в хижину. Посуда со стола исчезла, пропала и хозяйка. Керосиновая «летучая мышь» горела в полсвета.

— Где ты там? — донеслось из-за шторы. — Укладывайся.

Кронид примерился к лавке, сел, блуждающими движениями снял одежду и пошел к топчану. Она откинула одеяло, и Кронид покорно забрался на топчан, будто получил шпаргалку на экзамене. Только какой предмет сдавать?

— Ты не бойся меня, — прошептала она, вжимаясь в него всем телом. — Если вина не пил, значит, и женщин не было?

— Не было, — подтвердил Кронид и вздрогнул от властного прикосновения к промежности.

— Сколько тебе?

— Шишнадцать, — разумно ответил Кронид.

— Вот и хорошо. Учиться будем, да? Я тебя всему научу, только не спеши. И расслабься, расслабься. Я все сама, токшоу такое было, бабы мужиков уму-разуму учат. Ой какой ты сладкий, ой какой...

«Вот она, какая жалость, — валясь на бок, думал Кронид. — Так, видно, отпущено Всевышним, чтобы человек искричался, изгоняя болезнь. Пятый раз лечилась, а дьявол глубоко сидит. Но ведь получается? Помогло?»

В хижине светало, огонь лампы стал белесым, глаза Кронида закрывались непроизвольно.

— Давай полечимся еще? — шепнула она.

Добрый Кронид не мог отказать.

3—17

Держась дальше от болотины, Дронов направился к жилию у озера. Постоянно дрожали ноги. Происшедшее не замкнулось на гибели самолета, сама жизнь пошла прахом. Сделай он невозможное, его не простят: закон Ордена суров, а посвященного в рыцари ждет смерть.

Он остановился, примериваясь, как лучше обойти бочажок с водой. По-прежнему дрожали ноги.

Нет, не ноги, осознал он. Вибрировала земля под ним. Вибрация усилилась, Дронова охватил жуткий страх, увязанный каким-то образом с упавшим в хранилище перехватчиком, — душа погибшего пилота рвалась наружу с проклятиями. Хотелось стать птицей и улететь прочь от поганого места.

«Стой же, стой! — уговаривал он себя. — Уймись, землетрясение это, настоящее, никакой мистики!»

Он огляделся. Колыхалось марево над болотиной, дрожали на деревьях листья. Осторожно он пробирался по вибрирующей земле, готовый в любой момент отпрянуть от опасного места.

Вибрация унялась, жизнь продолжалась. Словно пробежал ветерок по воде, распугал стрекоз, посмеялся над зябким озером, над его обитателями.

Издали у жилища он приметил женщину, а за спиной увальня. Они тревожно дожидались пришельца.

«Не бойся, бабонька! — мыслил успокоенный Дронов. — Усыновлю твоего балбеса! Сами в постель, а его по дрова».

За пять шагов Дронов остановился.

— Здравствуйте, люди добрые!

— Мир вам, — откликнулся парень.

Женщина смолчала, пытливо оглядывая пришельца.

— Дайте водички напиться, — искал завязку разговора Дронов.

Женщина хмыкнула и ответила:

— Бабушка, дай яичко, а то соль доест не с чем. Говори прямо, что надо?

Теперь не ответил Дронов. В увальне он признал того, из-за которого весь сыр-бор разгорелся, а на него свалились немыслимые беды. Недаром говорят, боженька надежду отберет, глубоко спрячет и ма-а-аленький кончик потом показывает отчаявшемуся.

— Вот так встреча... Кронид?

— Тут я. Только не знаю вас.

Женщина оглянулась на Крониду и подозрительно уставилась на пришельца.

— Откуда вы знаете моего мужа?

Дронов рассмеялся. Страхи последних часов отпустили.

— Муж? Красавица, ему от силы шестнадцать!

— Не ваше дело! — одернула она. — Пейте и топайте прочь.

— Не хочу, — отрицательно замотал головой Дронов. — Эх, юноша прекрасный, столько я вас искал, столько из-за вас шпэг переломано, а теперь ничегошеньки мне от тебя не надо.

Он сел на колодину и стянул через голову майку.

— Работенки нет, харчи отработать?

— Сейчас, будет тебе работа, — буркнула женщина и ушла в хибару. В ее отсутствие Дронов скептически разглядывал Крониду.

— Муж, значит? — улыбался Дронов.

Кронид различил подвох в этих словах, нелепицу своего существования и полный стыд. Гость смотрел иронично. Выручила Клавдия Васильевна, когда появилась снова. Не одна, с арбитром, пожилым красавцем «калашниковым»:

— Ну как, сам пойдешь прочь или с допингом?

— Уважаю красивых и смелых, — ничуть не испугался Дронов. — Мне бы топор, колун лучше, дровец бы нарубил, — вставая, сказал он. Ничего агрессивного в нем не прояви-

лось, а женщина не спускала с него глаз, понимающе сравнивая его, крепко сбитого и пахнувшего крепким мужским потом, с Кронидом.

— Опустите ствол, Клавдия Васильевна.

Женщина опешила. Зло зыркнула на Крониду.

— Успокойтесь, я вас еще по Москве помню, по светлым временам, когда вы блистали красотой и ярким словом в парламенте, затмевая и помаду, и Хакамаду. И вы меня должны помнить. Генчик я! Репортер с телевидения!

— Вот мерзавец! — обрадовалась она такому простому выходу из разборки. Вспомнила мигом этого шустрого репортера, когда ради популярности направо и налево раздавала свое тело.

— Если мы и спали, это не повод для знакомства.

— Еще успеем повторить, — весело отвечал Дронов, совсем не считаясь с Кронидом. — Давайте дружить. Пользы с меня много. А сыночка в школу пошлем, пока папа с мамой делом займется.

— Ну ты, полегче! — весело отругивалась она. — Расселся... Кому ты нужен...

— Нужен, Клава, нужен, — нажимал Дронов.

Кронид понимал, что идет постыдный торг, а его всерьез не берут. Хотелось провалиться сквозь землю.

— В технике разбираешься? — спросила она, обращаясь к Дронову.

— Во всем, — лаконично ответил он.

— Тогда так, мужики. Посмотри, Генчик, бензопилу, малой не разбирается. Нарезьте дров, а я пока с ужином разберусь.

Она вынесла бензопилу во двор и ушла, будто ничего не случилось, так и жили всегда втроем.

Дронов копался с пилой, Кронид был на подхвате.

— Книги с тобой? — между прочим спросил Дронов.

— Со мной, — не стал лгать Кронид. Незнакомец не внушал опасений, и пора бы ему показать мужскую силу. — А что?

Дронов помолчал, возясь с топливным шлангом. Не просто он спрашивал, сложную задачу решал.

— Оставь себе, — неожиданно молвил он и рванул пускач.

Застрекотала бензопила, на этот стрекот вышла хозяйка. Она понаблюдала, как управляется с ней Дронов, и, втягивая разогретый запах машинного масла и бензина, сказала:

— Мужиком запахло.

Они не расслышали, занятые работой. Тогда она сказала погромче:

— Генчик, сначала топчан малому сколоти!

К закату свежесколоченный топчан стоял под навесом.

На ужин была тушенка с рожками, холодная жареная рыба с утра.

— Я не буду тушенку, — понурился Кронид. — Я рыбу доем.

— Как хочешь, — кратко ответила хозяйка. Ее занимало другое и, пожалуй, насовсем.

Кронид переживал самые свои постыдные часы. Он выпил спирта со всеми, пытаясь устранить неловкость, но его не слушали, говорили недомолвками, и жгучая обида ребенка жгла до слез.

— Кронид, — надосло ей первой, — сегодня будешь спать на топчане, а дальше видно будет, — распорядилась она, и разрядка оказалась всем по вкусу.

Было обидно Крониду или нет, только решение появилось сразу: пора в путь, хватит заниматься дурацким лечением здорового человека. И никакое это не лечение, она обманывает его самым постыдным образом. Блуд это!

«Догадался наконец!» — про себя подумала она, изредка поглядывая на разобиженного Крониду.

Он встал еще до рассвета. Надо наловить и навялить рыбы в дорогу, приготовиться.

Он сразу выгреб к тому месту, где водилась какая-то крупная рыба. Поймать ее хотелось давно, только хилые снасти могли не выдержать ее веса, а тут он уперся: поймаю, и никаких! Сплел несколько лесок в одну, выбрал крючок покрупнее, насадил живца и забросил в прогалину у осоки. Поплавок притоп, мелочь не досаждала, и Кронид приготовился ждать.

Из-за склона показалось солнце, обещая очень жаркий день.

— Ловись! — напутствовал рыбину Кронид.

Все произошло как по расписанию, без обходных хитростей и увиливаний. Поплавок, как рубка подводной лодки, пошел в сторону, постепенно уходя под воду. Кронид подсек, но сопротивления не было: леска пружинила, удище сгибалось, но что-то волоклось, тяжелое и несуразное, как бревно.

На поверхности показалась замшелая морда, будто недоуменно разглядывая озеро. Она послушно следовала за леской. Сердце Кронида екнуло: голова рыбины оказалась раза в три больше его собственной. Он тянул рыбину, не представляя, что делать дальше. У самого борта дощаника на Кронида уставились холодные, по-свински умные глазки: вот она я, дальше что?

Дальше рыбина поволокла леску в сторону и, не дожидаясь ловца, повлекла на глубину. Кронид воспротивился, тогда рыбина показала характер: взметнулся хвостище и мощно обрушился на дощаник.

Через мгновение Кронид плавал среди обломков. Несколько раз его ног касалось что-то, он отпихивался, потом явно стало засасывать тело на глубину. Из шалости слепился страх. Когда же за ногу его ощутимо поволокло, отвердел ужас.

— Мама! — захлебываясь, крикнул он. — Ма-а!

Кронид ушел под воду, инстинкт заставил бороться. Он отпихивал рыбину обеими руками. Тот же инстинкт подсказал надавить ей на глазные яблоки. Рыбина отпустила ноги, и он поплавав вылетел на поверхность. Рыбья морда всплыла навстречу. Мерзкая пасть раскрылась, и тот же инстинкт подсказал ему: такие не жрут человеческое мясо, такие осмеивают человеческие поступки. Пасть закрылась, и ошеломляющий удар хвостом-лопатыцей по воде завершил встречу.

Она славно отомстила ему за беспокойство.

Выбравшись из воды, Кронид негодовал. Будет ему за разбитый дощаник, а самое обидное — безмозглое существо измывалось над ним. И такое ли оно безмозглое, коли разобралось с его слабостями и достойно наказало за нахальство, и надо ли было ловить то, что вытянуть не под силу и съесть нельзя?

Он сел на корточки, собрал энергию в пучок и заставил рыбину появиться. Она всплыла на середине озера и поплыла к нему.

«Влево! — стиснув челюсти, командовал Кронид. — Вправо! А еще хотелось по-другому: лечь-встать! лечь-встать! лечь-встать! Не сможет так рыбина, не человек. — А ну, вверх! — И здоровенная, больше дощаника, рыбина взметнулась из воды. Ей было очень трудно, от таких прыжков разбивается сердце, пусть и холоднокровное. Не считаясь с командами,

рыбина подплыла к нему с немим укором: что ж ты, в честном бою победить не смог, а теперь измываешься? Отпусти, я победила...

— То-то же, — промолвил Кронид, но вместо удовлетворения почувствовал неловкость. Ему переданся укор рыбины, вчера он сам побывал в подобном положении. — Плыви.

Он вернулся во двор. Довольно рано, и хозяйка с Дроновым еще спали в хижине. Кронид присел на свой топчан под навесом.

Задумавшись, он сразу не заметил входящих во двор. Он сидел вполоборота к ним и скорее почувствовал чужаков спиной. Найда подняла голову, не двинулась.

Во двор входили пятеро парней. Рослых, с набыченными шеями, одетых в колеты и кожаные куртки без рукавов, по коже врассыпную разбегались металлические клепки непонятного назначения. В руках они держали столь же непонятные железки и цепи.

— Мир вам, — поднялся навстречу Кронид.

Они направились прямо к нему, и вместо приветствия ближний к Крониду спросил:

— Жрачка есть?

— Надо хозяйку спросить, — ответил Кронид, не решаясь оставить пришельцев одних во дворе.

— О, баба! — воскликнул другой и направился прямо к хибаре.

Он взялся за ручку, как вдруг она открылась навстречу, и на пороге возник Дронов в одних плавках. От неожиданности оба вздрогнули, но компьютер житейской мудрости Дронова считал быстрее и быстрее составил программу: пожаловали бесприютные малолетки-беспредельщики, беспощадные от голода; на Кронида и собаку надежды мало, придется выворачиваться самому; беспредельщики вооружены и применяют оружие сразу для удлинения заграбастых рук; за автоматом он вернуться не успеет, не позволят ему, и разговор будет безжалостным.

— О, привет, заходи, земля, лет сто не видел родных лиц, — приветливо произнес Дронов, протянул руку, и пришелец по инерции сделал шаг в хибару, налетев шеей на жестокое ребро ладони Дронова. Приятели так и не поняли, что произошло. Товарищ направился к бабе, а неизвестный голяк уступил ему место. Дверь закрылась. Пока товарищи

соображали, Дронов проделал пять бесценных шагов и занял в центре двора удобную позицию.

— Какие заморочки? — приветливо спросил он.

Кронид слушал его слова у хибары и понял, что пришли какие-то его знакомые, не вмешивался.

— Зубы заговариваешь? — не поверил ему ближний. — Мочи лоха!

Повторений приказа банда не ждала, и увесистое железо замелькало в воздухе. Обомлевший Кронид только стриг глазами прыжки и кувырки тел. Найда лучше его восприняла происходящее, кинулась в гущу тел и сразу же откатилась с жалобным воем. Дронов казался червяком, уползающим от крючка, он неистово защищался, и по вскрикам Кронид не мог определить, Дронов кричит от боли или нападающие, но Дронов чудом уворачивался, наносил ответные удары, пытаясь вырваться из ощеренного металлом кольца, а его умело удерживали внутри, нещадно молотили по чем попадая, и перемазанный кровью Дронов крутился волчком в середине.

Уклоняясь от очередного удара, он умело перехватил руку нападающего и втянул его в кольцо. Через образовавшуюся щель кувырком он выскользнул наружу, еще кувырок — и он у поленницы.

— Чего стоишь?! — успел он крикнуть Крониду, больше ни слов, ни действий на него не хватило: он вырвал из-под стрехи кол, двумя руками перехватил его и пошел на прищельцев. Кронид еще больше испугал его окровавленный вид.

— Генчик, держи! — послышался крик Клавдии, сама она появилась в проеме двери с «калашниковым» в руке.

Кол в сторону, автомат пойман.

— Спрячься, Клава! — крикнул Дронов и передернул автомат, прочно утвердив его в ладонях.

Чужаки замешкались. Грохнул выстрел, повалив крайнего. Трое оставшихся остолбенели.

— Стоять! — резко окрикнул Дронов, едва чужаки попытались исчезнуть со двора.

Грохнул второй выстрел, и следом повелительный окрик: «Стоять!» Оставшийся в живых бросил наземь стальной прут.

— Отпусти, братан, погорячились, довольно крови! — запросил он пощады.

— А что я буду иметь за это? — прохрипел разгоряченный Дронов.

— Договоримся, только отпусти.

Кошачьей поступью Дронов подошел к нему, этот шаг пощады не предвещал, и последний чужак рухнул на колени.

— Чунь катаный, жить захотел? — прошипел Дронов и резким ударом приклада раскровенил ему лицо.

— Дядь Гена, не надо! — попросил Кронид, и Дронов так на него оглянулся, что Кронид потерял дар речи.

— Сопляк! — проговорила Клавдия. Она не сдвинулась с места и с ненавистью дожидалась конца экзекуции.

— Нехорошо тебе? — почти участливо спросил Дронов, а пришелец понял сразу:

— Убей, козел.

— Так я козел? — переспросил Дронов и наотмашь ударил прикладом по ребрам чужака.

Истошный вой, похожий на волчий. Потом приклад взлетал над головой Дронова, но Кронид закрыл лицо руками, чтобы не видеть ужасной сцены. У Клавдии раздувались ноздри.

— Хватит, Генчик, он сдох, — промолвила Клавдия.

— Пожалуй, — откликнулся Дронов так, будто сообщил спокойно о проделанной работе.

Следом Кронид почувствовал на своих волосах властную руку.

— Открой личико, детка, — прозвучал издевательски голос Дронова. — Смотри и запомни: здесь должны были лежать мы. — Рука сжалась, и волосам стало больно. — А ты, исусик сраный, даже не шевельнулся помочь мне.

— Я не могу так, не могу! — скривился от боли Кронид.

— А что ты можешь? — милостиво спросил Дронов и ослабил нажим на волосы. — Не можешь бойцом, попробуй уборщиком. — Он совсем убрал руку с головы Кронид.

— Что мне делать? — почти молил Кронид.

Дронов отошел в сторону.

— Давай скирдуй это дерьмо. Не хочешь руками таскать, напрягись, яви волю и, не прикладывая рук, перетаскай эти трупы за ворота.

— Хорошо, — поддался Кронид. Собрав энергетику в кулак, он по одному перетаскал четыре трупа из двора.

— Я сделал, — сказал он, понурившись.

— А пятого?

Кронид собрался снова. Усилием воли открыл настежь дверь хибары, выволок наружу пятый труп.

— Смог?

— Смог...

Дронов внутренне восхищался манипуляциями Кронида и не хотел сознаться в этом. Яростная борьба только что стоила ему закипевшей ярости, и остудить себя мгновенно он не хотел.

— Кто ж тебя воспитал таким засранцем? Ты же подлинно русский: сколько же надо сил, чтобы ты взъярился? Монах Пармен велел терпеть?

— Дедушка Пармен был добрым, он не убивал и запретил применять силу, — упрятав лицо в землю, отвечал Кронид.

— Не убивал, верю. И тебя убивать не просили. А напугать не мог, что ли? Чтобы эти засранцы бежали отсюда без задних ног? Учил он тебя защищаться силой?

— Учил...

— Генчик, оставь полудурка, — подала голос Клавдия. — Малахольный он.

— Эх ты, Кроня, — с укоризной сказал Дронов, не обратив внимания на слова Клавдии. — Вот из-за таких тихонь умельцев мы просрали Россию, да и всю планету. Судских Игорь мог, но пальцем не шевельнул, а как русичи ждали его команды! Я бы пошел за ним в огонь и в воду — не позвал. Я боготворил его, молодого, красивого, единственного человека, на плечах которого генеральские погоны светились в полную мощь. Я верил ему, а он, как последняя сука, сбежал. Это из-за него я в масоны подался, чтобы хоть какой-то силе служить, а эта сила превратила меня в червя. Из-за него, Момота, Луцевича, из-за умствующих пердунов погибло все, будь они прокляты! И ты хотел, чтобы я к этим червям проявил жалость? Да никогда!

Дронов закипал все больше и больше, и Кронид боялся его ярости, как боялся машину, вышедшую из повиновения.

«Всевышний, останови его!» — взмолился он.

— И как ты дальше жить собрался? — спросил Дронов вполне миролюбиво.

— Так же, — твердо ответил Кронид и впервые без страха взглянул на Дронова.

— Амеба, — сплюнул Дронов. — Цирковая, дрессированная, но амеба. Клянусь, не желаю тебе лишиться самого свя-

того, но было бы в жилу, чтобы ты собственного ребенка потерял. Вот тогда ты бы научился мерзавцам за версту зубы без пассатижиков выдергивать. А пока ты живешь по-русски: пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Вот так-то, чунь...

Все перегорело. У обоих.

Из-под стрехи навеса Кронид достал свою старую одежку. Решил идти к озеру и там пересодеться, но Клавдия забрала ее из рук Крониды и дала армейский набор.

— Пошли, Генчик, помою тебя.

— Бери, — настоял Дронов. — Мужчина должен быть похож на мужчину.

Укладывая в рюкзак книги, Кронид обнаружил там пшено, гречку, соль, сахар, несколько банок сгущенки и сухари.

— Может, остановим? — спросила Клавдия у Дронова. — Мальчишка еще, твоя помощь ему нужна.

— Под себя не надо было укладывать мальчика, матушка, — наставительно сказал он. — Два самца — дом без отца.

— Ладно тебе, — потупилась Клавдия. — А ты не сбежишь?

— Набегался, — кратко ответил Дронов. — А ты ведь еврейка, — щелкнул он ее по носу. — Я все про тебя знаю.

— Какая тебе разница? — стерла застенчивую улыбку Клавдия. — Я обычная теплая баба, хочу жить, давать и рожать...

Они сошлись в середине двора. Постояли молча. Кронид сделал глубокий поклон, ему ответили поклоном.

— Моторку мою возьми, — напомнил Дронов и вынес упакованный агрегат. — Сгодится, путь дальний. В скиты?

Кронид кивнул.

— Давай, расти потомство для щитов на воротах цареградских. В обиду не давай, обиженным не поддавай, — сказал Дронов, и Кронид вышел со двора.

Первым долгом Кронид направился к озеру. Вызвал рыбу. Та приплыла и уставилась на него утомленным взором.

— Прощай, голубушка, я не желаю тебе зла.

Вздых был ответом, и со спокойным сердцем Кронид зашагал к дальним горам.

Он удивился, увидев за собой Найду.

— А ты куда? — спросил он.

Ну что может ответить собака? Иду и иду...

— Знаешь, красавица, возвращайся обратно. Хватит тебе искать лучшей доли. Дом ты нашла, тут тебя не обидят.

Найда подняла лапу: попрощаемся, хозяин...

Он потряс ее поднятую лапу, пошел, а шагов через сто оглянулся. Найда, как хорошая хозяйка, смотрела вслед.

3—18

Бьяченце Молли вызывал Дронова долго и безуспешно. Сначала сигнал шел, потом линия постепенно затихла. Это не погрешность связи — такого никогда не случалось и случиться не может, — это погрешность системы, если в ответственный момент вмешивается случай. Случай вмешаться не может, он программируется свыше, и человеческий поступок никогда не случаен, он определен связями причин и следствий.

Единственный скоростной перехватчик он отправил за Дроновым и потерял обоих. Спрашивается: ради чего он разжалобился и не доверился причинности связей?

Но кому он доверит Орден, где много званных и мало избранных? Измельчало воинство, как и все на земле, а мелким петухам нет смысла оставлять жемчужину тайнства. Всегда были солдаты и генералы, и всегда был вопрос, почему один доходит до полковника, а другой становится маршалом? Нет у него маршалов.

Случись как задумано, его солдаты расползутся по планете князьками по своим уделам, заведут воинства и жен, и прежним чередом станет раскручиваться спираль с заведомым искажением. Сначала отойдут условности, человек начнет дичать, забывая слова, дальше человек научится забивать мамонтов, нажрется досыта и захочет поэзии и излишеств, а там и о тайнах вспомнит, и желание владеть ими проснется — так будет, ничего другого не получится, потому что в его, Бьяченце Молли, дела вмешался случай.

«Как это мудро сказано, — наморщил лоб магистр. — Чтобы спасти народ, надо уничтожить вождей? Да, именно. Все беды от вождей. Выходят плоть от плоти, становятся мудрее мудрых. С чего? Знают тайнства? Много ли я знаю их? Прожить можно без них».

Бьяченце Молли вышел на верхнюю террасу и прошел ее из конца в конец. Было темно, без огней океан казался бездонной ямой. Внизу пели братья, послушно высиживая отпущенный час песнопений. Хор был ладным.

«Кому же теперь передать накопленные знания? — доказывала его одна мысль, и Бьяченце Молли пересбирал в памяти достойных. Таких хватало, но не выделялись они главной чертой: быть винтиками в сложном механизме он сам приучил их, а сами создать подобный они уже не успеют. Они могут создать только упрощенный, как сами, механизм.

На Дронова затрачено много усилий — вот что бесит его.

Беззубым журналистом он попал на заметку Ордена умением выделить в материале мишень, правду-матку, не затрагивая болезненных придатков. А без придатков дитя не родится... А он умел. С его помощью отстреливали неудобных, мешающих Ордену творить свою дорогу. Он благополучно выполнял задания и нигде не засветился. Слава ему не застила глаза, жил он незаметно, оставаясь за спинами сильных, но никогда не прибегая к их заступничеству. Исчезли Воливач, Гречаный, Сумароков, не удержались на покато́й плоскости Момот, Судских, и Бьяченце Молли всерьез подумывал о кандидатуре Дронова, и вдруг сместились полюса, нечего стало делить и переделывать. Счет пошел на минуты.

«Если это провидение Господне, почему оно такое нелепое? Почему не поощаил он правых и виноватых, почему не выделил избранных?» — не мог найти причинную связь магистр.

Когда-то юным послушником Ордена Иисуса Христа Бьяченце попробовал наркотики и открыл в себе возможность перевоплощения. Так, самая малость «травки» ради интереса, но сколь нов мир за границей реального! Позже, без помощи наркотиков, он научился двигать предметы, подавлять чужую волю и толкать людей на поступки. Это было удивительным: он становился в простенок меж окон, выглядывал на площадь внизу и наблюдал, как незнакомый человек падал, рассыпал апельсины из кулька, гадко ругался на проходящих мимо, точь-в-точь повторяя слова, которые нашептывал юный Бьяченце. Он открыл этот дар в себе благодаря наркотику. Не каждый обладает такими, но каждый может проверить, на что он способен. Можно и не вернуться из виртуальных миров, часто именно так случается. Настав-

ник Бьяченце распознал возможности послушника и сурово осудил его: «Ты не имеешь права уходить в мир иной, не обрета в этом тверди. Сладчайший Иисус наш Христос никогда не даст тебе власти без познания святая святых. Иначе ты опередишь развитие причин и конец будет ужасным. Наш враг — Православная церковь сильна терпением, готов ли ты положить жизнь свою ради этого познания?» Он выслушал наставника и в следующую ночь бежал из обители Ордена, чтобы никогда не вернуться под сень иезуитского креста. Никакого: ни креста Алькантары зеленого, ни красного Калатравы. Его не манили больше таинства, из-за которых надо пожертвовать жизнью и получить ненужную власть в конце жизни. Тонзура быстро заросла, и Бьяченце стал обычным коммивояжером.

Его нашли. Массонская ложа лучше церковных орденов разбирается в людях. Пригодились его исключительные качества и не требовалось монашеское послушание. Это подходило Бьяченце Молли. Он стал монсеньором, купался в роскоши, ничем не нарушая законов ложи. Причинные связи масонов были легче и прочнее церковных.

Теперь связь оборвалась, а его корабль остался без компаса.

Из неприятных новостей последних дней положительной было сообщение Дронова о змейке-радуге: грядет невиданное землетрясение, оно охватит всю планету. А почему именно Дронов увидел вещий знак, тому были веские причины: Момот верно выбрал свой полюс, он, Бьяченце Молли, верно расположил противовес. Но природа — не весы, а магический треугольник, и в вершине его по воле Творца оказался Дронов.

Если кто и ломал когда голову над необычной судьбой ариев и самой России, то не познал того, что доступно ему, магистру Ордена. В этом он сильнее прочих.

А не это ли святая святых? — поразила его догадка.

Он прошел к компьютеру и набрал необходимые параметры.

Три раза по шесть величин.

Три слова, из шести букв каждое.

Равнобедренный треугольник.

6 6 6.

Даже голову заломило от проявившейся тайны. Хвала Творцу! Проход в иные миры нашелся!

Бьяченце Молли откинулся на пружинящую спинку кресла и блаженно закрыл глаза.

Теперь он властелин мира...

Он навсегда запомнил, как метался в наркотическом опьянении в свой первый опыт по коридорам и переходам, везде натываясь на тупики. Но он был упорен и заставил себя остановиться в бесплодных попытках. А выхода все не было. Тогда он заставил себя пройти сквозь стену... И вышел из мрачного подземелья прямо на светлую площадь, где его не замечали. Он зашел в ювелирную лавку и выбрал себе прекрасное распятие. Его не остановили. Потом он попробовал мечту всех лет, мальвазию трехсотлетней выдержки. Вернулся через стену в лабиринты и заставил себя очнуться. Все получилось.

Был ли это сон или наркотическое опьянение? Нет, вот оно, прекрасное распятие с изложенными драгоценными камнями. Оно всегда с ним. Как это получилось?

Он приказал себе стать раздвоенным. Он видел себя со стороны.

Чудесные видения нарушил вошедший Игнасио. Он подошел неслышной мышью и остановился за спиной.

— Что тебе? — уловил его присутствие магистр.

— Великий магистр велел предупредить его без пяти минут полночь.

— Хорошо, Игнасио, иди, я помню.

С минуту он еще блаженствовал, но обстоятельства требовали его действий. Иначе открытие не пригодится вновь.

— Братие, настал час. Займите свои места.

Еще через три минуты само здание-корабль завибрировало, в чреве громадины закрутились генераторы, готовые дать мощь кораблю для спокойного плавания среди стихии.

Небо налилось полной луной, водная гладь не морщилась, пальмы у побережий не махали своими лапами, не хватало только струящейся тихо благолепной музыки.

Божья благодать — обратная сторона божьего гнева. Обе стороны неотличимы для смертных.

Посвященным был один Бьяченце Молли. В другом океане, на другом острове с пальмами и безмятежностью готовились к урочному часу. Час предстоял неровный, к нему готовились тщательно. Над Тихим океаном только что появилось солнце. Было утро понедельника, на завтрак ели

картошку в мундире и селедку с луком, уксусом и подсолнечным маслом.

В рубке, с обзором во все стороны, собрались старшие. Момот проследил последний круг секундной стрелки и сказал в микрофон:

— Внимание... Начинаем. Все по местам, согласно расписанию. Дежурным проверить наличие детей на палубах.

— Жаль кораблики, — смотрел на рейд Судских. Без экипажей вся мощь надводных кораблей ни к чему.

— Надо будет, новые построим, — кратко бросил Момот и поднял никслированный колпачок перед собой, который выделялся особо среди приборов, лампочек, мерцающих глазков. Под колпачком оказалась кнопка оранжевого цвета.

— Старшой, не держи дизеля, — пошутил Луцевич, хотя внутренне волновался не меньше остальных.

Момот повернулся к нему неодобрительно.

— Ехай, ехай, — махнул ему безбоязненный Луцевич, и Момот улыбнулся. Все же лучше, когда тебя не боятся.

Кнопка нажата, и, к удивлению Бехтеренко, внутренняя поляна между сегментовидными зданиями стала преображаться. Ровно вычерченные тропинки между ними взрыхлились, обнажились мощные тросы, они стали набиваться и зависли над землей метрах в двух. Потом, к удивлению Бехтеренко, здания стали съезжаться.

— Ничего техничка, да? — подмигнул ему Луцевич.

Бехтеренко догадался, что произойдет вскоре: две половинки стянутся, и получится единый плод, очень напоминающий продолговатую сливу. Ковчег. Закрытый от невзгод.

Здания съехались. В выдвинутые штанги упрятались тросы. Внутри половинок стемнело, и зажглись лампы дневного света. Чуть вибрировал корпус, пахло чем-то специфическим, что отличает корабль от обычного строения: разогретые оплетки электропроводов, кембрика и крутящихся механизмов.

— Готово, — за всех произнес Тамура.

— Видишь, Игорь Петрович, — развернул кресло от пульта в сторону Судских Момот, — куда завело тебя знакомство с Георгием Момотом? Не жалеешь?

— Ничуть. Но думаю, плавание предстоит долгое.

— Ждем полной воды, — сказал Момот. — Жаль. Сейчас бы детишки резвились на лужайках, но береженного бог бере-

жет. Хироси, — обратился он к японцу, — расчеты подтвердились?

— Почти полностью, — кивнул Тамура.

— Почему почти? Почему не с точностью?

— Каплевидный эффект. Водный покров смещается в зону Тихого океана. Сам Господь Бог не знает точных масштабов своей затеи. Полагаю, и орбита сместится.

— Вряд ли, — отрицал Момот. — Нигде нет фиксации.

— Случаи бывают всякие, — шутливо, но веско вставил Луцевич.

— Вот именно, — поддержал Тамура. — Луна сместит приливную зону, она увеличится, капля потяжелеет.

— Что-нибудь придумаем, — успокоил Момот так, будто его не интересовало дальнейшее. Ковчег он построил? Построил. Запасы и все необходимое взял? Взял. Условия прекрасные? Прекрасные. Что надо кроме? — Почему молчишь, Святослав Павлович? — явно искал поддержки Момот у Бехтеренко. Тот смотрел себе и смотрел на остров, не вслушиваясь в разговоры.

— А я вот прикидываю: пройдет наш ковчег между трех гор, когда вода подыметься?

— Не сомневайся, — уверил Судских. — Всплываем до нужной отметки и попрощаемся с горами. Взрывчатка заложена.

— А посуху не лучше их дернуть?

— Слава, дай полюбоваться напоследок, — отвечал Момот. — Когда еще на нашем веку доведется? Мы ведь пристанем к необитаемой земле, где ничего не будет...

Пока такое не представлялось.

Видевший погружение Японии в океан, Тамура вздрогнул. Неприятное воспоминание о возмущенной воде, когда он чудом спасся, жило с ним подобно родинке, которую нельзя трогать. Сковырнешь — рак обеспечен.

Он появился на острове, когда сооружение ковчега шло полным ходом. Тамура обнаружил упущения в проекте и настоял на доделках. Антиштормовые кили ставили по его настоянию. Он помнил, как бушевала возмущенная вода в хаотичных плясках, а ураганный ветер менял направление каждые полчаса.

— Слава, ты доволен? — спросил Момот Бехтеренко.

— Вполне, — отвечал Бехтеренко. — Тут другое. Я ведь сугубо сухопутный, а меня мореходом делают.

— Переделывают, — поправил Луцевич. — Все мы были земноводными и вышли из океана. Так что не печалься, приходи, я тебе первому жаберки поставлю.

— О! — поднял палец Момот, призывая к вниманию: поползла диаграмма из сейсмографа, и он повернулся к прибору. — Рановато жаберками занялись...

Он проглядел диаграмму.

— Спутниковые станции слежения дают усиление активности вулканов и активную подвижку земной мантии. Везде, — дополнил он свое сообщение. — Святослав Павлович, установи связь с Гречаным и Новокшоновым. Пусть уходят с приграничных территорий в верховья Урала. Там относительно спокойно. Пусть уходят все. С пожитками и бабами. Нечего там делать.

— Наконец и для меня работа нашлась, — удовлетворенно сказал Бехтеренко.

— Истомился молодоежен, — обронил Луцевич.

Бехтеренко не обиделся. Семейная жизнь много чего отнимала. Во всяком случае, перекроила сутки на лично свои и общественно полезные.

— Друзья, — зацепил тему Луцевич, — вы думаете, потоп начался из-за каких-то глобальных происшествий? Ошибаетесь. Господь внял мужским мольбам защитить их от женского посягательства на мужские свободы и решил наказать сразу всех. Мужиков, чтобы не очень доверялись женским обещаниям, а женщин, чтобы, шепча на ухо, не выдували у мужчин последние мозги.

Ему жизнь всегда была со смешинкой. Он бы и в самоволку махнул — бежать некуда.

— Внимание, — вернул всех в рубку голос Момота. — Поступление воды началось...

В мире как будто ничего не изменилось, только исчезли белые бурунчики в барьерных рифах вокруг острова. Вчера их плюмажи украшали океанский пейзаж, сегодня поверхность стала мертвенно однообразной.

— Это что такое? — никто не понял в первый момент, откуда появилась темная туча, стремительно приближаясь к ним. Радары не засекли опасности, и на тучу это нечто по-

ходило мало. Момот чуть было не нажал кнопку аварийной тревоги. Остановил Бехтеренко:

— Птицы...

В самом деле, громадная стая пичуг с гомоном стала устраиваться на всех выступах зданий, билась в остеклённые стены рубки, густо покрывая палубы белым поместом.

— Воробьи, — узнал Судских. — Сермяжные российские воробьи.

Птицы принесли хлопот больше, чем печали. В России они селились везде. Бились за скворечники, за чердаки высоток, за голубиный корм в скверах. Их нещадно убивали на плантациях подсолнухов, гречихи, гоняли с вишневых садов и за настоящих птиц воробьев никто не принимал. Жидята. А ведь если извести их, исчезнет еще один волосок на скрипичном смычке, погибнет, приближая симфонию жизни к какофонии звуков.

— Да это бедствие! — возмутился Момот, показывая на стекло. Переборки зданий, переходы и выступления стали устойчиво серыми.

— Пусть живут, потеснимся, — сказал добродушный Бехтеренко.

— Святослав, ты первым взвоешь через день, когда эти птички-невелички загадят и забудут все. Вот первый результат, — указал он на сетку локатора дальнего кругового обзора. — А теперь взгляни на индикатор, — позвал он Бехтеренко к экрану локатора. Крупинки плотно вспыхивали по всему экрану, точки кораблей на рейде словно запорошило снегом. — Немедленно травить, изгонять нещадно, чтобы к утру ни одной не осталось!

— Это жестоко, Георгий, — сказал Тамура. — Им некуда податься, и дети нас не поймут.

— Не поймут? — начал злиться Момот. — А когда семь лет назад в Китае воробьи сожрали весь урожай и великая держава стала нищенкой и вымерла — тогда ты жалел птичек или детей? А в Библии четко сказано, какую напасть послал на Землю Господь с пятым ангелом. Это воробьи-мутанты, они для нас опаснее сейчас, чем тридцатибалльный шторм, будь такой. Эти твари проникают во все вентиляционные системы, во все шахты, мы все задохнемся и ослепнем, и первыми дети. А каково детям ходить по палубам и давить птиц? На детскую психику это не повлияет?

— Что ж, будем думать, — вздохнул Судских.

— Немедленно уничтожать! — задохнулся от гнева Момот. Отойдя несколько от приступа злости, он добавил: — Детей на это время с палуб увести в закрытые зоны. Всю программу продумать до пяти вечера и с восьми приступить к уничтожению. И запомните, друзья мои, самое основное: мы на корабле, я ваш капитан, подчинение беспрекословное. В демократию поиграем на берегу.

Только теперь до всех дошло, какая предстоит жизнь и какая работа для начала. А с каким сердцем уничтожить ищущих приюта?

— Не надо уничтожать, — сказал в напряженной тишине Тамура. — Есть другой способ.

— Какой? — хмуро спросил Момот.

— Ультразвук. К утру установка начнет работать, и птицы улетят...

— Вот ведь, господин капитан, дело какое, — не удержался, чтобы не съязвить, Луцевич. — Есть три способа ведения капитанских дел: правильный, неправильный и военный. За Хироси остался способ правильный...

— Веселый ты парсень, Олег, — медленно отходил Момот. — Диктатуру шьешь?

— Нет, это я к слову, — дурачился Луцевич. — Я судовой медик, мое дело — сторона. Но в лазарете я капитан. Велю задницу оголить, эполеты не помогут капитанские. Ваши то есть...

— Намек понял, — заставил себя согласиться Момот.

Утром, по мановению ультразвуковой палочки, стая взмыла с ужасающим тревожным гомоном и стала носиться темным крылом тревоги над островом. Корабли на рейде, сам остров ее не привлекали, им хотелось только на белые утесы зданий. Единоборство продолжалось до заката солнца, и почти все жители ковчега с болью в сердце следили за битвой бездушного ультразвука и отчаянием птиц. Бездушные победило.

Финал был неожиданным. Едва солнце коснулось горизонта, стая взмыла высоко вверх и спикировала темным хвостом кометы беды прямо в океан за рифами. Раненые не смогли улететь с утра и остались на палубах. Двоих, еще тепленьких, Бехтеренко принес к Хелене. Она молча открыла дверцу кухонного шкафчика. Там сидели два нахохленных воробышка.

— Божье повеление о всякой твари по паре мы исполнили, — грустно улыбнулся Бехтеренко.

Со всем необходимым обозом, с домашней скотиной и скарбом, со стариками и бабами, с пожитками и детишками казаки перебирались на новые земли. Никогда еще они не забирались так высоко. Хаживали по Сибири, приумножая державы земли, а казне прибыль, добрались до восточных границ, оседая там в рубежных дозорах, где в великих сечах окропили землю кровушкой и не отдали уже никому. Теперь вот довелось подниматься в Предуралье, где лошадей-то не видели коренные жители. Дон и Кубань давно поглотили моря, не удержались на суше забайкальские, уссурийские, терские и единой ватагой двинулись на север, к устью Печоры. Там, после затяжных и безрезультатных стычек с кавказцами, решено создать казацкую республику и жить, как повелось исстари, своим умом и казацким кругом.

Властей как таковых не было. Держава источилась до островов, а руководить островами из центра даже чукчи не умели. В Ориане правил удельным князьком Цыглеев, удел ему не подчинялся, гуляли все, пили, кололись и, прости Господи, где мочились, там и спать ложились с напрочь непотребными девками, что для казака хуже змеюки в шароварах.

Верхом, где на плотах, где телегами, шла и шла казацкая вольница в неутомимом стремлении к оседлой жизни. Казаки выбор сделали, теперь им на пути не становись. Они покорно принимали наказ по охране державных границ, заботились вместо милиции, заменяли вертухаев на строительстве дорог и городов, ложились костями, изживая архангеловцев, и вдруг стали не нужными никому: пора создавать свою собственную, независимую казацкую державу.

Они бы ни за что не покинули Кавказ и предгорья, отвовав себе там земли ровно столько, сколько необходимо для жилья, но старики упорно говорили, что затрясет очень скоро Кавказ и лучше не испытывать природу, а уйти к старым камням, обкатанным ветрами и временем. На том присягнули атаманам и вслед за разведчиками потянулись вверх.

Походом руководили Новокшенов и Бурмистров, проведенные казацким степенством атаманы. Один в авангарде десятиметровой колонны, другой в арьергарде. В голове би-

лись летучие отряды с супостатами, мешающими двигаться вперед, в хвосте отбивались от шашек и бродячих банд из цыглевского охвостья. Умные, коварные — молодым везде у нас дорога. Почет им оказывали казацкими шашками, невзирая на сопливость и наркотическое упорство. Случались встречи серьезнее, с националами, которым выжить хотелось не меньше, а поживиться у казаков было чем. Как-то в середине похода навалились басурманы, и трое суток бились с ними за два чугунных котла, каждый литров на сто. Одних перебьют, другие насаждают с окрестных земель. Тогда Новокшенов рассвирепел, велел расчехлить «свириели» да как дал-дал по ближайшим селениям залп... Котлы, кстати, в суматохе ночных стычек раскололи. Там и бросили.

На условия похода не сетовали, детвора не орала, бабы не жаловались. Зато казаки отыгрывались нещадно на попавших под горячую руку чужаках за хмурую свою терпеливость. В плен не брали. Атаманы не перечили. Отступ.

Гречаный давно недужил, его везли на телеге. Верховным он давно не считался, но казаки — не иваны, родства не помнящие, везли с собой и свадебные фотографии в рамочках, и прадедовы шашки с георгиями, и прапрабабкины ухваты с прялками. Везли и Гречаного, хотя молчаливо приписывали ему все казацкие беды. В походе его навещали Новокшенов с Бурмистровым поочередно. Не слезая с коней, интересовались здоровьем и, хлестнув плетью коня, скакали прочь, будто животное провинилась перед ними за Гречаного и за весь этот вселенский переезд в неизвестные места.

За Волгой налетели татары, еще и горстка башкир напросилась. Под Бурмистровым сразили коня. В отместку повелел он сжечь все поселения на двадцать верст по берегу. И две «свириели» кинул в огонь. Вдоль обоза проходил на свое место зло, выискивая, на ком бы еще отыграться за боевого друга-коня.

— Что там? — окликнул его с телеги Гречаный.

— Что? Это, дорогой ты наш атаман Семен Артемович, последствия твоей примиренческой политики, — жестко выговаривал Бурмистров. — Гаечки и болтики ослабли, а я их веревочками подвязывать не стану. Некогда. Ты лежи, лежи, — закончил он и двинулся было дальше, а Гречаный

от слабости не распознал в голосе Ивана динамит и громче ответил:

— Спасибо!

Бурмистров вернулся, посеревший от дыма изнутри организма:

— Это тебе спасибо за то, что Россию просрал и нам заступиться не дал. А нам теперь твои грехи отмаливать, твои дыры заштопывать долго. Было бы где голову приклонить. В отступ идем — понял ты?

— Зачем же коришь меня за стихию? — как мог, приподнялся на локте Гречаный.

— Нет, Артемыч, это не стихия, это божий гнев. А кто с Богом шуточки затевал? Кто ведические начала исповедовал? Вот на тебя божья кара и пала. А с тебя — на всех нас.

— Не можешь ты гнобить меня, — из последних сил защищался Гречаный. Закашлялся, посинел, и не дал ему договорить Бурмистров:

— Еще как могу, Семен Артемыч. Ты крайний. А попадись мне твои дружки-островитяне, другой бы промеж нас разговор состоялся. А то уведомляют они: поостерегись, брат Ваня, землетрясения грянут. Да я без их науки сучьей доподлинно знаю по дедовским рецептам, где какая погода вертеться будет, где земля потрескается от встряски. Учат они меня, учат! Наставники сраные!..

— Не обижайся на него, батюшка, — пожалела с соседней телеги старуха. — Коня у него забили. Великое это дело, конь родной в походе. Тебе что? Лежи и лежи. А у него подлинное горе.

Не смог пережить прилюдного позора Гречаный, инфаркт приключился с ним немедленно. Засуетились бабы над ним, заохали. Сразу вернулся Бурмистров, подскакал Новокшионов, зычно вызвал войскового медика. Колонна встала, а к телеге Гречаного подогнали санитарную повозку. Переложили туда, запустили аварийный генератор, и медики колдовали над Гречаным часов пять, а колонна стояла. Заночевали там же, не расположившись толком лагерем, но сообщения о здоровье Гречаного ждали обязательно.

Уже небо вызвездило, когда старший медик сообщил: Гречаный оклемался. Бурмистров лично влез в санитарную повозку и удостоверился, что двигаться дальше Гречаный сможет.

— Я ж, Артемыч, говорил: лежи, не напрягайся. Мы на тебя зла не держим, а клятую жизнь свою возненавидели. За что нам такая напасть? Царям служили верой-правдой, евреи стали нас изводить, справились, сохранили заслуги свои и род казацкий. Тебя вывели на верха, подчинялись, как отцу родному, а теперь только этот стан на колесах и остался...

Он бы и слезой глаз промочил, не иссохни его последние слезы под Саранском, где потерял он сразу и жену, и малолетнего сына. После того и озверел к инородцам...

— Превозмогай, в общем. Выздоровливай. Дух в нас жив, быть потому казацкому роду-племени.

На четвертый месяц пути от Волги казацкий стан вышел к Северным увалам, где настоящий на травах воздух манил казака на лирику, а лошадей к играшкам.

Разведчики доложили, что в трех днях пути расположилась крупная община староверов, обстроилась прочно, скот, луговины и пашни имеются. Это уже будущие соседи, с которыми лучше сразу договориться жить мирно.

Через два перехода повстречали заслон. Спешились, ожидая, всем видом давая понять, что воевать не намерены.

Из-за добротного уложенного завала на тропу вышли трое справных мужиков и одетые именно в армейскую походную робу. Казаки позавидовали, но вида не подали. Оружия у охранников не видно, и казаки приободрились. Место угрюмое, теснина, кряжистые низкорослые деревья в расщелинах. Казаков было пять, шестым с ними выехал Новокшонов, не дай Бог, поскандалят казаки, долго потом улаживать спор...

— Мир вам, — первыми поздоровались наблюдатели.

— Да пребудет и с вами Господь наш, — ответил Новокшонов. — Потолковать приехали за нужду, за землю.

— А Господь ваш, надо полагать, Христос? — спросил один, видимо, за старшего.

— Истинно, — подтвердил Новокшонов и перекрестился. — Мы сами христово воинство.

— Тогда вам не след ступать на эти земли, — сурово резюмировал мужик.

— Зачем же сразу так, Сергей Алексеевич? — подошел ближе Новокшонов. — Чай, разберемся.

— Откуда ведомо вам мое мирское имя? — глядя исподлобья, спросил мужик.

— В миру и встречались. Новокшенов я, Анатолий Матвеевич, а вы — Толмачев. Правильно?

Толмачеву разговор не нравился.

— Что ж вы сами выехали к нам, едва дозоры засекли движение? — легонько напирал Новокшенов и даже лещика подпустил: — Чай, не в малых чинах и здесь обретаетесь? Видимо, хотелось потолковать непременно?

— Хотелось не хотелось, а разговор не состоится. Поворачивайте на запад, там ищите свободной земли.

— Чем не угодили? — сдержался Новокшенов. — На ваши земли ступать не собираемся, не посягаем, а по соседству хотелось бы осесть. Всегда договориться можно, и не вороги мы вам, а братья-славяне, наоборот, от посягательств обороним, оружие имеется. Казаки ведь мы, чего там!..

Толмачев раздумывал, двое других угрюмо молчали. Новокшенов казацким чутьем своим отмстил эту нерешительность Толмачева, который и прежде быстрым умом не славился:

— Надо, одним словом, со старшиной вашим потолковать. За ним последнее слово. Как скажет, так и поступим.

— Пусть с нами пойдет один, — решил наконец задачу Толмачев. Пыжился, конечно, изображая фигуру. — Только без оружия.

— Я и пойду, — согласился Новокшенов. Отдал им свою шашку, карабин-автомат, нагайку сунул за голенище сапога.

Его повели часто хоженной тропой через долгий увал, а когда тропа зазмеилась вниз, Новокшенову открылось большое поселение в тихой долине. Большая часть его располагалась на противоположном склоне, а низина отдана посадкам. С позиции военного, строилось оно грамотно. С той стороны гладких подходов не было, а с этой нападавших могли обнаружить загодя и подготовиться. Про себя Новокшенов усмехнулся: зачем вести лазутчика в стан, да еще старшего воителя?

Едва подумал, как споткнулся, и, не поддержи его за руку один из сопровождавших, катился бы он вниз по склону, оставляя красные лампасы на камушках и кусточках. Новокшенов поблагодарил и столкнулся взглядом с выручившим мужиком. Глаз у того был лукавый, лицо молодое, а борода плохо скрывала живость натуры.

«А местечко это особенное», — насторожился Новокшенов и хохмы ради спросил:

— Не ты ль пособил?

— Какая разница? — ответил мужик, ухмыляясь. — Не упал ведь?

Слышал Новокшенов раньше о штучках ведистов, как двигают они по воздуху предметы, как чужую волю сковывают, не прикасаясь к человеку. Слышать слышал, слухом земля полнится, теперь довелось прочувствовать, ничего постороннего не увидеть, разве что на физиономии провожатого разглядеть. И в мыслях, оказывается, нельзя подвох прятать...

— Правильно, брат, — кивнул провожатый без ухмылки.

Его привели к бревенчатому дому на противоположной стороне долины с обширной верандой. Посредине стояло полукресло. Из двери в дом вышел юноша и сел в него, сказав перед этим:

— Мир вам.

— И вам того же, — поостерегся Новокшенов, разглядывая юношу без вызова.

У юноши были спокойные глаза, но глаза взрослого человека, повидавшего много. Хорошее телосложение и уверенная поступь. Новокшенову он понравился сразу, осталось подружиться.

— Не Кронид ли? — спросил он.

— Кронид, — улыбнулся юноша. — Назовитесь и вы?

— Новокшенов, атаман, Анатолий Матвеевич.

— Казаки хотели бы поселиться рядом?

— Хотели бы, — ответно улыбнулся Новокшенов. — Мира хотим и отстоять поможем.

— Нет ли среди вас Семена Артемовича Гречаного? — спросил Кронид, и Новокшенов опешил:

— Как же... С нами он. Наслышаны?

— Более чем. Как его здоровье?

Новокшенов ответил смущенно. Стыдновато было:

— Хворает.

— Хочу видеть его. И помочь.

— Так в чем дело? Поехали.

Юноша позвал кого-то и попросил подготовить коня.

До перевала шли пеше, юноша вел коня в поводу. Конь был хорош, с прекрасной сбруей, какую подают княжеским

особам. Когда поравнялись с казацким разъездом, юноша взялся за луку седла. Новокшенов нарочно помедлил, чтобы понаблюдать, как он управится с ездкой. Казаку достаточно увидеть начало, сразу понятно, кто перед ним. Юноша вскочил в седло умело, по осанке его Новокшенов определил: учили его потомственные казацки, норов у всадника донской. Поладят они...

— Где это вы обучились езде? — поинтересовался Новокшенов. — Такому сызмальства учат.

— Сызмальства и приучили, — ответил Кронид, стараясь ехать вровень с Новокшеновым. — Я ведь мальчонкой с матерью Семена Артемовича жил, у казаков многому научился.

Вот так удача! — возликовал про себя Новокшенов. Казацкий выученик едет с ним. Поладят они!

— Только вот у меня маленький вопрос имеется, — перебив себя, спросил Новокшенов. — Я вот повстречал в дозоре вашем знакомого человека. Толмачев такой. Как это он к вам попал? Верует, не иначе?

— Не нравится? — угадал вопрос юноша. — И нам не нравится. Но детей наших учить надо грамоте, а других пока нет. Он и вызвался. Приняли в общину.

— Вот те раз, — опешил Новокшенов. — Он ведь у Цыглеева Минздравом командовал! Пока не сбежал.

— Мы приняли его в беде и выгнать не можем. Хлеб он отработывает, ведет себя достойно.

— Так любой затесаться может, — разочарованно сказал Новокшенов. — Еще предаст...

— Может, — согласился юноша. — Только у нас от глупины проступка и наказание. Пусть живет.

— Воля ваша, — пришлось согласиться Новокшенову. — А нам позволение селиться рядом будет?

— А разве есть Россия без казаков? — посмотрел на него Кронид. — Нам такие соседи очень нужны.

— Дай Бог вам здоровья! — заломил папаху Новокшенов. — Камень с души упал!

Юноша только усмехнулся.

Едва прибыли, Новокшенов ничего не сказал на призывно-вопросительный взгляд Бурмистрова, а прямоком направился к телеге Гречаного. Юношу подвели к самому изголовью.

— Здравствуйте, дядя Сеня.

— Кронидушка, мальчик мой! — брызнули слезы из глаз Гречаного. Ничего не спросил, откуда он здесь, как появился, просто смотрел на него и радовался. Ладонь свою положил на руку Крониды и молча улыбался. — Вот мне и легче стало...

— Я его сразу признал, — прошептал Новокшонову Бурмистров.

— Цыц! — прошипел Новокшонов и толкнул его в бок. — Тут жизнь наша решается.

— Дядя Сень, казаки хотели бы поселиться рядом с нашей общиной. Если хотят жить обособленно — быть тому, если душа в душу с нами, надо ведическую веру принимать.

— Пусть кругом решают, — устало отвстил Гречаный. — Мне уже безразлично, какой вере принадлежать.

Весть тотчас облетела стан от телеги к телеге, от казака к казаку и, как откатная волна, вернулась обратно.

— Надо ли так ставить вопрос? — выпрашивал Новокшонов. — Нельзя ли веру иметь каждый свою, а жить дружно?

— Надо, — выпрямился Кронид. — Наступают времена очень трудных испытаний, и разобщенность усугубит страдания.

— Вступайте в христову веру, и дело с концом! — вставил Бурмистров.

Кронид ответил твердо:

— Здесь мы живем. Великий Орий охраняет нас. Если чтимый Иисус способен на подобное, первым приму христианство. Готовы ли доказать силу своего Господа?

Казаки — народ горячий. Спор, единоборство, к теще не ходи, дай размяться. Но как?

— Кто знает силу казацкого спаса? — спросил Кронид.

Из толпы выступил один, средних лет, с лицом пытливым.

— А еще?

— Многих недостает, паря, издалече идем, — ответил вышедший казак. — Давай потягаемся. На пулю аль на шашку?

— Вам выбирать. Как хотите, — предложил Кронид.

— На пулю! — рубанул воздух рукой отчаянно.

Бурмистров перезарядил карабин.

— Штаны свежие, Епифан?

— Ожидай, — не обиделся казак. — Под пупок бери.

Грохнул выстрел. Казак переломился, но устоял под одобрителный гул зрителей. Через ворот рубахи казак добыл пулю.

— Тепленькая ишо, — предъявил он ее зрителям. — Становись ты, — кивнул он Крониду.

— Только сбоку пали, чтоб в сторону не ушла.

— А прямо? Слабо? — торжествовал казак.

— Прямо пуля вернется, — тихо ответил Кронид. — Вреда не хочу никому. Целься с того места, пуля пойдет в одинокое дерево.

Грохнул второй выстрел. Пуля вжикнула о кору дерева, сколов щепку. Казак кинулся к нему.

— Да вжс... — оценил он фокус.

— А пуля у меня, — сказал Кронид и раскрыл ладонь. — У нас из десяти девять обученных. Казацкий спас от ариев, и сами они издревле поклонялись ведическим богам.

— А долго учиться-то? — обступили его со всех сторон.

— Быстро. Если в сердце прародитель Орий.

— Общежитие прямо! — загомонили вокруг. — Один входи, другой выходи. Как молиться? Истуканам, что ль?

— Мы творим молитву только в благодарение. Никогда ничего не просим. Он всегда с нами.

— Ты все же скажи, мил человек, — протиснулся к нему старик. — Чем тебе не мил Христос? Сиволапов я, бывший писарь Войска Донского, верующий. Каково мне под старость лет обличье менять?

— Не надо, дедушка. Верьте в Христа, только помните, что над ним отец его небесный Орий. Он заступник.

Загомонили вокруг не осуждающе, не радостно, будто торговались в базарный день.

— Люди! — перекричал всех Кронид и в наступившей тишине обратился ко всем обычным голосом: — Мы никого не принуждаем, не заставляем приносить себя в жертву культу. Вас так долго вели по ложному пути, заставляя чтить чужих богов и кормить ненасытных служителей. Не будь их, ваша вера в Иисуса Христа могла быть чистой. Наша община сильна не оружием и стращанием, а от знания святая святых, которую прятали патриархи. Мы отдали тайну общине. Решайте.

— А вот как мусульманин захочет секрет познать, в стан проникнет? — истомился кто-то в сомнениях.

— Верующий мусульманин не посмеет, неверующий не познает. Это не секрет. Это познание истины.

— На зомбирование похоже, — тихо буркнул Бурмистров Новокшонову и получил от него чувствительный тычок под ребро, но Кронид услышал. Ответил не таясь:

— Зомби служат корыстным целям одного человека или группы. Нами исполняется только приказ свыше. От прародителя Ория.

— А почто попы таились, если приказ только свыше?

— А кто их тогда кормить станет! — под общий хохот ответил Новокшенов. — И чего ты, Ваня, таким стойким христианином стал? Помню, по куреням разъезжал, ведическую веру нахваливал.

— Я знания возил, а не опиум народный, — насупился Бурмистров.

— Верно, — заступился за него Кронид. — Религия — подавление знаний, вера — познание истины знаний. Думайте, казаки. Селитесь где нравится, об остальном думайте, — закончил он, вышел из круга к телеге Гречаного. — Дядя Сеня? — позвал он.

Гречаный лежал с закрытыми глазами и умиротворенным лицом. Хоть один камень с души снят. Умирать легче.

— Дядь Сеня, — повторил Кронид тревожно.

— Не бойся, — открыл глаза Гречаный. — Я живучий. Теперь совсем живучий. Хорошо ты сказал. Не торопись теперь. Казаки — народ благодарный...

— А вы за себя не волнуйтесь, — с теплом молвил Кронид. — Я всегда рядом буду.

Попрощались, и Кронид пошел к своему коню. Прямо в ноги ему выскочил шустрый мальчонка лет пяти.

— Кто будешь, ретивый такой? — придержал его Кронид.

— Пересвет я, праправнучек сиволаповский. А назвали меня в честь казака такого, он иго татарское побивал.

Вокруг засмеялись. Правильно: если смелый, значит, казак...

— Мир вам! — поднял руки над собой Кронид. — Селитесь!

4—20

Никогда в своей жизни Цыглеев не огорчался, как тот умник из шкодливого студенческого анекдота про два выхода.

Дело было так. В ночь перед экзаменом сидит студент, весь обложившись книгами и конспектами, а учить сил никаких нет. Он и думает: сдам или не сдам? Сдам — хорошо,

не сдам — есть два выхода: выгонят или не выгонят? Не выгонят — хорошо, выгонят — есть два выхода: заберут в армию или не заберут? Не заберут — хорошо, заберут — есть два выхода: пошлют в Чечню или нет? Не пошлют — хорошо, пошлют — есть два выхода: убьют или нет? Не убьют — хорошо, убьют — есть два выхода: попаду в ад или в рай? Попаду в рай — хорошо, в ад — есть два выхода: будут черти на сковородках жарить или нет? Не будут — хорошо, будут жарить — есть два выхода: съедят или нет? Не съедят — хорошо, а если съедят — выход один — через задний проход...

Играючи он стал министром в пятнадцать лет, шутя руководил обучением детишек и, что удивительно, не ошибался, внедрив самую современную систему обучения, и дело пошло, Россия стонала, но училась. В двадцать он стал премьер-министром и там не опарафинился, дай Бог Рыжкову или там Черномырдину так руководить с блеском, как делал это юный Вовочка, а все потому, что язык цифр и символов был для него живым и самым родным, команда единомышленников понимала его — все были умные, а в казне водились немалые деньги. С деньгами, как говорится, и дурак сможет. Вот без денег морочить голову — это искусство, тут надо Черномырдину быть. А весь из себя умный Вова Цыглеев был всего-навсего обычным дилетантом; пока есть два выхода — хорошо.

Сущность дилетанта — незнание меры опасности. За Вовой долгое время стоял охотник с настоящим ружьем.

К той поре, когда основные перемещения по стране свершились, кончились дожди и началась активная подвижка земли, для Вовы все еще оставались два выхода. На рейде Хатанги ржавели два ударных авианосца, в потайных складах водились тушенка и сгущенка, поредели, но оставались ряды сподвижников, крутились ветряки, и в барах играла музыка. Это хорошо. Надзирать за ними было некому, молодняк чуть ли не дефицитным бензином кололся, девочки напрочь перестали носить плавки, но никто уже там ничего не искал — это плохо. Нет, без плавок и лифчиков — это нормально, другое плохо — задницы драть некому.

Непьющий, некурящий Цыглеев приближение одного входа осознал. Способствовала этому сестра Вика. Соберись кто написать историческую биографию последнего российского владыки, ей бы отвели немало страниц. Охотником с

настоящим ружьем она не числилась, но за спиной Вовы стояла всегда. Вова делал все, лишь бы не слышать ее резкий голос из-за спины — чего расселся? куда пошел? зачем тебе это надо? Это ладно, хуже, когда он получал чувствительный подзатыльник исподтишка. Было больно и обидно. Без папы и мамы Вика стала для него царем небесным, а позже, когда сама приобщилась к сексу, научила Вову, других из ревности не подпускала. Отдушиной стало окно в иной мир — компьютер, там Вова был подлинным царем.

Почуввав неладное, Вика потребовала от него любыми путями выбираться из этой дыры под названием Ориана. А куда бежать? Пока есть два выхода... С одной стороны корячился подзатыльник, с другой — он стал деятельно создавать аварийную команду для новых подвигов. Новое государство создадим, в иную галактику улетим, в общем, есть выход.

— Какая, к чертям собачьим, галактика! — раскричалась Вика. — У тебя совсем крыша поехала? Мысли реально! Корабль надо, и бежать к чертовой бабушке отсюда!

Корабль? — задумался Вова. Рационально он мыслил всегда. Полоса землетрясений породит крупные волны и шторма, далеко не убежишь, а посуху опоздали. Оба выхода перекрыты...

Третий, как всегда, находят женщины. Это авианосец зарядеет, а у них не зарядеет, если надо.

— Чего расселся? — злилась Вика. — Связывайся с этими козлами на острове, они тебя подставили, пусть теперь и вытаскивают! Требуй подводную лодку!

Подводную лодку? Это идея! Есть выход: он свяжется с Момотом и потребует подводный атомоход. Если откажет, он им испортит коммуникации. Тут он ас, без подсказок обойдется: блокирует спутниковую связь, и на острове райская жизнь кончится, адская начнется. Гарантировано.

— Вова, у нас нет экипажей, — нашел свой выход Момот. — Лодку даем, забирай когда хочешь, а экипажа нет.

— Думай, думай! — подталкивала за спиной Вика.

Есть два выхода, мудро рассудил Вова, и выбрал нужный, чтобы не получить подзатыльник:

— Оснастите атомоход автопилотом и всей чухней для компьютерной проводки, остальное — наши проблемы.

Он назвал коды и частоты, Момот согласился:

— Через месяц оснастим.

— Какой месяц?! — сделала квадратные глаза Вика.

— Через неделю, — жестко назначил сроки Цыглеев.

Момот вздохнул и подтвердил: через неделю. Жалко было глупых детишек, и он попробовал пересудить Цыглева:

— Вовчик, на кой тебе атомоход? Куда проще добраться до Урала и переждать встряску у казаков в спокойном месте.

— Да пошел он! — секла переговоры Вика. — Оно мне надо, ноги по камням бить? Да сосет он двадцать первый палец!

— Благодарю, Георгий Георгиевич, — перевел гнев сестры на человеческий язык Цыглеев. — Я предпочитаю добираться морем, в подводном состоянии.

— И куда же? — вкрадчиво поинтересовался Момот.

— Успокойтесь, не к вам. Прежде всего ваш проект ковчега отстал от жизни и не выдержит практических перегрузок.

— Выдержит, — уверил Момот, хотя и засомневался: при всей житейской непрактичности Цыглеев ушел дальше учителя.

— Ваши проблемы, — не спорил Цыглеев. Вика ушла пить кофе со сгущенкой, и говорить стало спокойнее. — Вторых, до Урала я уже не успею добраться. И здесь ваши счисления неверны.

— Готов спорить.

— Проиграете, — сухо ответил Цыглеев.

— Уверен? — еще больше засомневался Момот. Вполне возможно, он чего-то недоучел.

— Более чем.

— Докажешь?

— Охотно, — согласился Вова не торгуясь. — Будем джентльменами. Святослав Павлович доставил вам «Славную книгу», это стоящее руководство, я же нашел другое. Большие числа.

— Допустим, я поверил тебе, но какая разница?

— А, Георгий Георгиевич, — стал вкрадчивым голос Цыглева, — умные головы не случайно оснастили Библию вертикальными рядами, делая, таким образом, приближенные исчисления точными. Это еще в работах Трифа помечено, жаль, он на компьютере не мог просчитать это, — откровенно насмехался Цыглеев.

— Ну, для нас это не велика погрешность, — храбрился Момот, хотя осознавал упущение, которое повлекло за собой другие.

И ученик Цыглеев не упустил случая добить Момота:

— Амплитуду колебания водной поверхности вы сняли приближенно. А новый ковчег строить поздновато.

— Какую гадость еще скажешь? — хмуро согласился с наставлениями Цыглеева Момот.

Ученик ушел много дальше.

— Никогда, Георгий Георгиевич! Я вас уважаю, почему и откровенен. Надюсь, субмарину не отберете?

— Нст, — с трудом выговорил Момот, как ни трудно было расставаться с неожиданно выросшим в цене товаром. — Даю слово. Только скажи, как ты познакомился с ключами? Ты общался с Кронидом?

— Общался, — слышался смешок Цыглеева. — Посредством техники. Моя сестра с заданием справилась отлично. Посетила этого полоумного юношу и установила две микрокамеры. Каждый день шла изумительно познавательная программа «Очевиднос — невероятное». Помните Капицу? Все тексты переписал.

— Но это же древнеславянский! — не скрыл изумления Момот.

— Можно подумать, вы знаете его, — знал наперед Цыглеев. — Запустили в машину, алголы сняли, в символы перевели, получили открытый текст на новом русском. Хотите копию? Могу сделать, я не жадный, факсом перегоню.

— Что ж ты Кронида не спас? Не понял разве, не от мира сего мальчишка?

— Что ж вы нас бросили? Разве не поняли, что мы от мира сего, дети ваши? — последовал встречный вопрос. Жестокый, но правильный. — Не будем ссориться. Последняя ставка, шарик бежит по рулетке, я всем желаю выиграть. Если упрекнете, стариков с довольствия снял, это не ко мне. Детей все плодили, пусть кормят. Старики нас с долгами оставили, о нас не думали.

— Вова, а где твои родители? — спросил Момот, явно желая выглядеть лучше, и налетел на крепкий удар.

— Интересный вопрос, Георгий Георгиевич, — оживился Цыглеев. — Мы с Викой детдомовские. Дед с бабкой по зову партии бросились в Чернобыль эвакуаторов спасать, врача-

ми были. Долго не мучились на нищенское пособие, маме тогда едва шестнадцать исполнилось...

— Я Чернобыль не строил, — грустно сказал Момот.

— Все вы его строили на нашу голову, все вы суки. Только я не о том, вы о родителях моих спрашивали. Так они за Ельцина пошли к телецентру в девяносто третьем. Никто не отозвался, а нас в детдом забрали.

— Да пошли ты его в жопу! — появилась, посввши, Вика. — Еще спрашивать будет, козел несчастный!

— Дай договорить, — стал неуступчивым Цыглеев. — Ельцина помните, Георгий Георгиевич? Сейчас его основательно забыли, дерьмо мужик. А я очень его помню. В девяносто седьмом он моду взял по радио выступать. В тот раз говорил он о детской беспризорности. Нас, малолеток, собирали в красной комнате послушать, как отец родной о нас печется. А на следующий день, в лютый мороз, нас на улицу вытряхнули, сильные такие в вязаных шапочках. Отдали детдом под коммерческую структуру — публичный дом открыли. И знаете, как мы с Викой выжили? Это интересно...

Он не успел рассказать, а Момот спросить — подскочила Вика, вырвала микрофон у Цыглеева:

— Сама расскажу! Слушай, козел. Меня, десятилетнюю, на трех вокзалах пузатый один снял и на хату повез. А тут жена его! Козла пристрелила, а меня пожалела. Стали мы втроем поживать и добра наживать. Святочный рассказик, да? Да не так вышло: кормилицу нашу раскрутили и дали пятнашку по справедливости, нас с Вовкой тоже по справедливости опять в детдом. Только Вовчик уже грамотный стал. Расхерачил защиту американских ракет. Надо было и нашу заодно. Тогда его Гуртовой присмотрел, царство ему небесное, и министром сделал. И чтоб вы все там сдохли!

Она бросила микрофон и ушла. Цыглеев поднял его:

— Вы слушаете, Георгий Георгиевич?

— Все слышали, — промолвил Момот. — Будет вам лодка с экипажем, давайте к нам.

— Какие мы хорошие стали! И экипаж сразу нашелся! А вы не думали, что по России таких историй через одну? Поэтому не совеститесь. Мы уж как-нибудь сами.

— Жди, — сухо ответил Момот и прервал связь.

Из тех, к кому относился укор полностью, в рубке находился Судских. Был важным чином в те времена и мог мно-

гое сделать. Мог же отстоять беженцев? Отстоял, не убоявшись. Сейчас, с высоты прожитых лет, стало понятным, как поступать. Даже не от возмущения вопить, а за автомат браться, силой отстранять от власти кучку мерзавцев. Да, может быть, только что это дало бы? Ничего ровным счетом. Подмога не подошла. Загубили молодежь на корню, чего же теперь спрашивать с них...

Из прежней жизни вспомнился один эпизод: мокрая и снежная осень девяносто седьмого, матч «Спартак» со швейцарцами. Те проиграли, но придрались к размерам ворот, заставили платить контрибуцию, отлучали «Спартак» от участия в турнире, но переигровка состоялась. Показали им козу по российской слякоти...

Эх, с каким упоением болела за «Спартак» вся Россия! Это был прорыв в забытое измерение к величию России. Вот где надо было сплотить русичей, надавать козлам по рогам... А милиция после матча изрядно помолотила дубинками по разгоряченным головам. У одних — праздник, у других — приказ: не допустить массового ликования. Выпустили пар в свисток, паровоз остановился. А потом и вспоминать не хочется. До того мерзко от лжи и бессилия!

— Брось, Игорь, — понял его состояние Луцевич.

Ему успокаивать проще, к верхушке не относился, клятву Гиппократу отработывал честно, а стали давить за исключительность, взял и уехал. И Момот уехал по соображениям безопасности, ему рот зажали в пору Чернобыля. Один он — был, знал, мог. А послушно выпытывал у непослушных скабрезности, вынюхивал непотребство одних по заданию других да хилого монашка ловил. Спас, как же... Только монашек жить по лжи не захотел, на асфальт бросился. Мило он прожил жизнь, мило.

— Черт бы побрал! — по-своему сокрушался Момот. — Когда молод — крыльев нет, стар — лететь некуда. Что это за блядская теория у нашей жизни?

— Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься, — вставил свое слово и Бехтеренко. — Я считаю, следует на дрейф переходить. Опасно дальше.

Вполне отрезвляющий довод. Все повернулись к стеклам рубки не сговариваясь. Вода уже затопила весь остров, верхушки трех гор торчали кучками земли на поверхности океана. Разговор с Цыглеевым остался далеко за ними. У них

самих теперь до тысячи детей, маленьких человек, перед ними хоть не осрамиться.

— Не хотелось дрейфовать, но пора, — сказал Момот. Неприятный осадок от разговора все еще мешал, но сейчас исчезнет последняя твердь, за которой неведомое.

Момот присел к пульту и нажал нужную клавишу. Остекленная рубка стала медленно опускаться под палубу, прозрачные стены превратились в окна-бойницы, и сама рубка превратилась в прозаичный командный пункт, не радовала уже простором и светом, сигнальные лампочки и глазки расцветили пульт предупреждающе. Земная жизнь кончилась.

— Начали, — сказал Момот в микрофон. Потом вынул дистанционник и нажал красную кнопку.

Глухо ухнуло под водой, торкнуло ударной волной в корпус, и вода поглотила все три горки. Безбрежный океан предстал перед ними во всей своей величавости. Один на один с ним скорлупка, в ней цыплята с инкубатора Господня.

— По-моему, наш капитан разбудил царя морского, — промолвил немногословный Тамура, и сразу все ощутили подрагивание палубы под ногами. — Началось...

— Вот это номер! — покрутил головой Момот. — А ведь уложились тютелька в тютельку. Спасибо Цыглееву.

— Это Бехтеренко спасибо, — поправил Судских. Момот согласился кивком. Приложил руку к сердцу: спасибо, Слава.

— Внимание, друзья мои, — не торопясь говорил он в микрофон. — Смещение поверхности началось. Отнеситесь к этому спокойно. Наш дом-корабль прочен, запасов хватает, и, едва стихия войдет в норму, нам предстоит вернуться на землю. Счастливого плавания, братья и сестры...

Момот встал и микрофон в гнездо и спросил присутствующих:

— Я правильно напутствовал?

— Вполне, — за всех ответил Луцевич. — Как Сталин.

— Спускаюсь к себе, — сказал Судских. После разговора Момота с Цыглеевым все еще не отпускало. Хотелось побыть в одиночестве или там, где тебе не помешают.

— Давай, Игорь, — кивнул Момот. — Твоя командирская вахта только с утра.

— И я, пожалуй, — присоединился Луцевич.

— Давайте все, — предложил Момот.

Чуть задержался Бехтеренко.

— Командир, ты не забыл отправить Цыглееву атомоход?

— Святослав Павлович, будь спокоен, — с некоторым раздражением заверил Момот. — Сказал — сделаю.

Ушел и Бехтеренко. Момот остался один в рубке, но казалось ему, остались все, еще и Цыглеев незримо присутствует.

— Как будто Момот во всем виноват, — пробурчал он глухо. — Момот вовремя о Чернобыле предупредил. Момот о путче в России загодя узнал, Момот заранее ковчег построил, а все едино — Момот виноват...

Ковчег почти не двигался на глади оксана.

В просторной каюте Судских встретил вопрошающий взгляд Лаймы. Не тревожный, но участливый.

— Что ты на меня так смотришь?

— Началось?

— Об этом мы сто раз до этого говорили, — с неохотой ответил Судских.

— Да, конечно, — согласилась она. — Самый первый разговор состоялся еще в аэропорту Тюмени. Я спросила тогда, что будет с нашим сыном? Теперь их трое, Игорь, вопрос тот же. Я переживаю, какая-то тревожная обстановка.

— Не тревожная, — отвернулся к иллюминаторам Судских. — Обычная обстановка, корабль в походе, и никто не задает лишних вопросов, все на своих местах.

— Мужики-мужики, — вздохнула она. — Усложняете вы жизнь, свою и чужую. И чужую особенно.

Судских смотрел в большое окно их каюты. К нему так и не привился морской термин «иллюминатор». Все окна на прочих палубах выходили внутрь. С другой стороны был гладкий, как яичная скорлупа, борт.

Он увидел в других окнах женские лица, мужские, детские мордашки, всех волновало событие, но ничего, кроме неба над головой и других окон, они не видели. Можно пользоваться внутренними лифтами и совсем не выходить на палубы. А сколько отсиживаться взаперти? Пока этого никто не знал.

— А когда купаться? — спросил младший. Двое старших приучены вопросов не задавать.

Ах да... Последнее земное развлечение осталось. На нижней палубе находился большой бассейн. Пока он не заполнялся водой, на то будет распоряжение Момота.

— Накупаемся еще, — нехотя ответил отец.

— Идите к себе, — скомандовала мать. — Посмотрите кино, поиграйте все вместе.

Дети послушно удалились, и Лайма взялась за мужа:

— Что-то не так, Игорь?

— Все нормально, — заставил он себя улыбнуться и, более того, посмотреть ей в глаза. — Абсолютно нормально.

Они не держали тайн друг от друга, не лукавили, так повелось с первого дня знакомства, но ему до смерти не хотелось сейчас перебирать подробности разговора Момота и Цыглеева, снова ощутить стыд. Беспокоила и угроза Цыглеева нарушить космическую связь — мало ли что придет в голову обиженному мальчишке?

— Черт! — вспомнил он. — Мы же не взялись готовить лодку к переходу!

4—21

Покойно думается в полутьме ходовой рубки. Истина, знакомая всем штурманам. Открытое море не штормит, судно идет на гироруде по прокладке, не надо выверять курс по маякам, бегая на открытый мостик к пеленгатору, а лунная дорожка на воде будит меланхолические мысли.

Момот не был моряком, но именно ночные вахты были ему в радость. Нет никого, глазки приборов и датчиков сообщают о полной исправности механизмов, тихо и полумрак, самое время предаться спокойным размышлениям.

Перед собой он никогда не отчитывался, хорошо он поступил или плохо. Каждый человек имеет право думать таким образом и поступать по собственному разумению, только не каждый был Момотом, который мог заявить: я необычен, я — бог. Закончится эта встряска, люди вернутся на землю и возблагодарят своего спасителя. И никаких богов, достаточно одного Момота, Георгия Победоносца.

Послушание, повиновение, понимание.

Двое суток назад неприятно задело упорство Судских. В кои-то времена он проявил характер: пока субмарина для Цыглеева не будет оснащена путевой автоматикой, он отказывается повиноваться и следовать капитанским приказам.

Бунт на корабле хуже пожара.

Пришлось идти на попятный. И не потому, что Судских член Совета старейшин, а его жена — племянница Момота: снова вышел на связь Цыглеев и на этот раз угрожал откровенно.

В голове Момота зашевелились планы мести, однако, привыкший глубоко прятать свое подлинное естество, он дал слово Цыглееву в трехдневный срок отправить субмарину. Он и раньше не собирался саботировать отправку — что же сам Вова не подсказал сразу о начале подвижки земли с опережением?

— За двое суток! — нажал Цыглеев. — Это не каприз, Георгий Георгиевич. Учитывая переход вашей субмарины в Хатангу, мы успеваем спастись без спешки.

— Где же вы раньше были? — раздражала Момота напоистость бывшего премьера страны.

— Георгий Георгиевич, если разбираться по совести, в бедах России следует винить вас в первую очередь.

В Хатанге был день, в оксане ночь, в ходовой рубке никого, и Момот сделал для себя послабление, решил позубатиться с Цыглеевым на всю катушку.

— Опрометчиво! — угрожающе прозвучал голос Момота.

— Не горячитесь, Георгий Георгиевич, — осадил Цыглеев. — Я не ваш нукер и никогда таковым не стану. В будущей жизни места нам двоим разойтись хватит, а ваша цивилизация не подходит для меня. Вы злой гений.

— И в каком зле вы меня обвиняете? — стал холодно-вежливым Момот. — Я бы хотел услышать.

— Пожалуйста. Факты не в вашу пользу. Георгий Момот подтолкнул Илью Трифа развенчать христианство, лишив тем самым основ духовности Россию. Георгий Момот возвысил до ясновидящих обычную дурочку Нину Мотвийчук, а она подтолкнула Ельцина пойти на рискованный шаг, обстрелять танками Белый дом. Это погубило зачатки демократии в стране и дало возможность коммунистам опять прийти к власти. Само собой, Россия безнадежно откатывалась в каменный век. Дальше: Георгий Момот, отец микросенсорики, подсунул свое новорожденное чадо людям, не предупредив их, что оно прожорливо, дебильно и сожрет их с потрохами. И последнее: Георгий Момот развалил мировую финансовую систему, ничего не дав взамен. Это явилось последним

шагом к глобальной катастрофе. Все эти шаги были тщательно анализированы потому, что Георгий Момот вынашивал планы стать единственным и неповторимым. То есть прижизненным Богом. Он первым узнал о грядущей катастрофе, подготовился, и даже масоны ему неровня. Зато его способный ученик Вова Цыглесв напихает Момоту палки в колеса. Так как, Георгий Георгиевич, поедem в рай разными телегами?

Момот выслушал Цыглесва без признаков злости, наоборот, восхитился его прозорливости. Мало кто знал настоящего Момота, а много — только умненький Вовчик. Догадываться одно, а знать — другое. Прозорливость ученика начинается с познания натуры учителя, тогда станет понятным учение.

Везет же дуракам! С его прозорливостью просить всего лишь подводную лодку!

— Я восхищен тобою, — ответил Момот. — Клянусь, атомоход уйдет к тебе через двое суток. Если не секрет, куда намерен двигаться?

— В колыбель всех цивилизаций, Георгий Георгиевич!

— В Африку? — насторожился Момот: Африку он планировал для себя. Этот материк просохнет первым.

— Нет, учитель! — засмеялся Цыглесв. — Евреи считают только себя ариями. Поэтому им так не повезло в прежней жизни. Там будет сухо, не спорю, как в памперсах, только младенец опять не успеет найти большую ложку.

— Ты нашел?

— Нам не надо. Мы сразу начнем со второго этапа цивилизации. Минуя каменный век и железный. Тогда не попадем в тупики атомного века. Согласны?

Он хорошо понял Цыглесва. А ему и в Африке будет хорошо. В разных измерениях им не столкнуться...

Справа по борту видны отличительные огни атомохода «Ариец». Там кипит работа. Руководит Судских. К утру, заверяет он, атомоход будет готов к переходу.

Как можно доверительнее Момот спрашивает Судских:

— Управитесь, Игорек?

— Все нормально, — почти сразу отвечает Судских. — Основную работу закончили, и я тут со своими мэнэсами кое-что от себя монтирую мальчишкам. Блок коррекции памяти.

Момот сдержал негодование.

— Хвалю...

Что надо человеку от жизни? Одному свеколки под майонезом хватает, другая личность только на прислужницу золотую рыбку согласна. Одному раз подбитый глаз служит хорошим предупреждающим сигналом впредь кулаками не размахивать, другой личную обиду превращает в глобальную политику, становится мерзавцем для всех времен и народов. Если такой выходит в фюреры — это фарс, если в серые кардиналы — это трагедия.

Георгий Момот был человеком обидчивым.

— Послушай, Игнасио, — обратился Бьяченце Молли к своему верному помощнику, прослушав радиоперехват разговора Момота и Цыглеева. — Нас меньше всего интересует, получит свою консервную банку Цыглеев или нет. Зато очень настораживает его пренебрежение к Ордену. «И даже масоны ему неровня». Как это понимать?

Игнасио поклоном поблагодарил за приглашение порассуждать и начал издалека:

— Более светлого ума, чем у Цыглеева, мы пока не встречали, и нам следует подумать о его привлечении к заботам Ордена и нашей славной миссии. Он не тщеславен, как Момот, и заполучить Цыглеева для Ордена просто.

Вступительная часть весьма понравилась магистру. Мир повис на волоске, а Игнасио рассуждает о будущем.

— Цыглеев не хуже нас и Момота знал о критических точках, спасительных местах и мог не хуже нашего построить ковчег, но ограничился вначале авианосцем, заменив его позже на обычную подводную лодку.

— Продолжай, Игнасио, — похвалил магистр. И здесь он не усмотрел разногласий с помощником: критические точки катаклизмов сравнимы с подобными в напряженном стекле. Можно бить молотком, молотом, кувалдой такое и не разбить, а легкий удар молоточка часовщика в нужное место превращает сверхпрочное стекло в осколки. Вот это место — Око беды — спасительно в такую пору.

— Все мы по отдельности эти точки нашли. И только Цыглеев изыскал погрешность в наших расчетах. В чем ошибка? Я полагаю, искать ошибку надо в вершине магического треугольника, где пребывает сейчас Кронид. Видимо, он из-

менил что-то в своих планах, и произошло смещение. Данные он почерпнул из священных книг. У нас их нет. Узнав точку смещения, мы обезопасим себя, — закончил Игнасио и поклонился.

Магистр чуть наклонил голову, будто провожал отголосок умного слова, ждал, когда оно совсем затихнет.

— Ты прав, Игнасио, — промолвил наконец магистр. — Вели подготовить связь. Я буду говорить с синьором Цыглеевым. Только не открытой связью, сканируй.

— Как можно, — выпучил глаза помощник. — Это синьору Момоту уже все нипочем!

О чем будет говорить с Цыглеевым, Бьяченце Молли еще не решил. Он всегда надеялся на экспромт. Едва цветовая гамма голоса становилась понятной, он сразу подстраивался к ней.

Вернулся Игнасио и жестом руки указал на аппарат связи. Магистр неторопливо снял телефонную трубку.

— Синьор Цыглеев?

— О, это знаменитый магистр Ордена масонов господин Бьяченце Молли? — с нескрываемым восхищением спросил Цыглеев. — Хотя вы и бес, но уважаю вас очень.

— Что вы, синьор Цыглеев, это вы бес, это я преклоняюсь перед вами, — скромно отдал пальму первенства Бьяченце Молли. — О масонах говорят столько плохого, а мы всего лишь боремся с уродливой системой бытия, стараемся вернуть заслуженные привилегии простым людям. В будущем вас ждет титул магистра Ордена, и я лично вручу вам регалии магистра.

— Зачем столько жемчужного бисера, синьор Молли? — со смешком в голосе ответил Цыглеев. — Говорите проще, для чего вам понадобился школяр Вова Цыглеев?

— Это вам крайне надо, — вкрадчиво произнес магистр. — А у меня есть. Я могу сейчас же послать к вам свой атомоход, полностью снаряженный, который на трое суток раньше будет у вас в Хатанге, чем обещанный Момотом.

— Это занято, — понял Цыглеев предмет беседы. — Только мне чужие не нужны.

— Команда приведет субмарину, а дальше воля Всевышнего и синьора Цыглеева.

— Понял вас, — с малой задержкой ответил Цыглеев. Многим казалось, что он беспечен, неэкономен и не умеет торговаться. — И сколько это стоит?

— Совсем ничего, синьор Цыглеев. Назовите всего лишь вектор смещения Ока беды в вершине треугольника. Планета велика, и мы больше никогда не встретимся, если вы не пожелаете прийти к нам, где вас всегда будут ждать почести.

— Кто вам сказал, монсеньор, что оно сместится?

— Нам кажется, что оно сместится, — сказал и затаил дыхание великий магистр.

— Вектор тут ни при чем. Каплевидный эффект. Верхняя точка осталась в прежнем положении, а нижние сместились, — убил напрочь магистра Цыглеев.

— Так помогите нам! — взмокли руки у магистра. Вот куда завела оплошность Подгорецкого и глупость Дронова.

— Зачем? Ради консервной банки? К тому же вы не убедили меня в добрых началах масонства. Вы уж, монсеньор, найдите что-нибудь аппетитное и положите в эту консервную банку. Тогда наш торг станет привлекательным для меня.

— Что вы хотите? — передохнул Бьяченце Молли. Он правильно подстроился к цветовой гамме голоса Цыглеева.

— А всего ничего, — беспечно ответил Цыглеев. — Символические размеры масонского мастерка, наугольника, циркуля и молотка. Только и всего. Тогда наша сделка получится.

— Но это тайна тайн! — ужаснулся Бьяченце Молли. — Боюсь, это невозможно, — сказал магистр. Выдать священную тайну братства — все равно что разрушить его фундамент.

— Как хотите, — не очень переживал Цыглеев не в пример Бьяченце Молли. — Я ведь сам докопаюсь...

После разговора магистр некоторое время находился в оцепенении, и помощник терпеливо ждал. Когда он заговорил, в его голосе потухли все краски.

— Игнасио, мы не можем платить такую цену, не можем поставить братство в положение рабов. Какое время понадобится для полного и детального уточнения расчетов?

Игнасио понял ход его мыслей.

— Великий магистр, за неделю мы составим сводные данные, другая неделя потребуется на составление таблиц...

— Не успеваем, — оборвал его магистр. — У нас только один выход: сделать господина Цыглеева сговорчивым. Пойти на любые затраты и жертвы, но опередить Момота.

— Вы правы, великий магистр. Нужно немедленно помешать выходу субмарины к Цыглееву.

— Я думал об этом. Ее можно перехватить на пути?

— Рискованно. Притом неизвестно, чем станет защищаться подводная лодка. Но остановить ее можно, — сказал Игнасио и поклонился, давая понять, что лишь величие ума великого магистра дает возможность остальным думать в унисон, не опережая хода его великой мысли.

— Говори, — разрешил магистр.

Игнасио поклонился и начал:

— Защитный пояс охватывает только ковчег Момота и не спасает прочис корабли в надводном положении.

— Именно! — подхватил идею Бьяченце Молли и превратил в свою. — Кто сейчас патрулирует ковчег Момота?

— Ударный атомоход коммодора Тиммсона.

— Связь!

Через пять секунд Бьяченце Молли держал микрофон в руках:

— Коммодор, примите задание.

— Великий магистр, я готов.

— Самонаводящей торпедой уничтожьте субмарину «Ариец». Не дайте ей уйти под воду.

— Будет исполнено, великий магистр!

Коммодору не дадут шанса уйти живым, понимал Бьяченце Молли, но цель оправдывает средства, и Тиммсон знает это. Во имя благой цели каждый член Ордена готов отдать свою жизнь.

Теперь он станет хозяином положения, и Цыглесеву предстоит поступиться принципами.

— Ах, Игнасио! — вернулось хорошее настроение к магистру. — Побеждает все же человек, а не бездушный электронный разум. В наши дни были упоительные часы, когда яблоки пахли яблоками, запах женщины пробуждал в мужчине силу. Мы добивались и добиваемся естества вещей, а Церковь требует смирения. Мы хотим для всех без исключения свободы, равенства, братства, а Церковь — рабства, лицемерно называя его божьим. Мы победим, Игнасио, ибо нет для человека лучшей доли!

Еще бы Игнасио вступил с ним в спор... Хотя очень хорошо сознавал, каким образом свобода и равенство сочетаются в братстве Ордена. Связующий цемент крепок, стена, отстроенная каменщиками, прочна...

В Атлантике наступали сумерки, в Тихом океане пробуждалась жизнь. Старший команды электронщиков доложил Суд-

ских об окончании монтажных работ, свертка произведена, и можно запускать реактор.

— Георгий, — вышел на связь с ковчегом Судских, — высылай за нами катер. Мы уложились даже чуть раньше.

— Прекрасно, Игорек! Возвращайтесь...

В центральном посту, куда поднялся Судских, командер Полетт кивнул ему: автоматическая система вошла в режим, реактор запущен, пятиминутная готовность.

— Дальше, сэр, лодка все будет производить автоматически, система неумолима до самой Хатанги. Выбираемся, сэр?

— Выбираемся, Эндрю. Счастливого плавания, «Ариец»!

Команда вслед за Судских выбралась на палубу. Солнце поднялось над горизонтом, и он зажмурился от яркого света после умеренных ламп внутри субмарины. Верилось очень, что ничего страшного никогда не случится, как вечна сама жизнь.

В пяти кабельтовых от субмарины возвышалась громада ковчега, похожая на яйцо, из которого выйдет новая жизнь. Смышленные дети, умные взрослые... Дай им Бог не повторить прежних ошибок.

У самой кромки воды в борту ковчега открылся лацпорт, и в сторону субмарины заспешил катер, таща за собой вспененные усы. Он обошел субмарину, пилот выключил моторы, и по инерции катер достиг трапа. Команда быстро сошла в него, замыкал всех Судских, поторапливал. Пять минут прошло, и система «Арийца» включилась, задышала автономная жизнь подлодки.

Судских взялся за скобы трапа и ощутил приближающийся шум инверсионного двигателя.

— Спускайтесь, сэр! — позвал его командер Полетт. — Сейчас начнется погружение!

Судских отмахнулся. Звук нарастал, он исходил из глубин. Напрягая воображение, он обрисовал в толще воды корпус подводной лодки типа «Огайо». Такие были у Ордена. Палуба и корпус «Арийца» завибрировали, началось погружение, и в тот же самый миг от «Огайо» отделилась торпеда. Она сделала поворот вправо и помчалась к «Арийцу».

«Самонаводка! — похолодел Судских. — «Ариец» не успевает...»

— Эндрю, все за борт! — крикнул он и прыгнул в катер.

— Не понял, сэр?

— За борт все! — заорал Судских и стал просто вышвыривать команду прочь. Таким его не видели.

С сумасшедшим не спорят. Ходили такие слухи.

В полном одиночестве Судских запустил моторы, дал форсаж. Катер сразу выскочил на редан, как взнузданный конь, и помчался в открытый океан.

Только теперь Судских сбросил капли пота со лба и сел в водительское кресло. Время есть, пора сосредоточиться.

Бурунчик от торпедного винта показался на поверхности, и Судских заложил вираж на пересечку. Сблизился, сколько можно, и торпеда, как живая, нехотя сменила направление.

— Слава Богу!

«Ариец» набирал ход, одновременно погружаясь.

Торпеда медленно сокращала расстояние, пристроившись в кильватерную струю катера. Судских выбрал всю мощь моторов до самой заслонки. Расстояние сокращалось. «Ариец» скрылся, и Судских овладели торжество и подлинно охотничий азарт. Дело сделано, можно и развлечься с умным животным. Как некогда на трассе с трейлером и гаишными штучками.

— Давай, голубушка, посмотрим, кто кого!

«Голубушка» неумолимо сокращала расстояние. Вот уже менее тридцати метров, различимо хищное рыло...

— Ничего, — успокаивал себя Судских. — Ты тупица...

Катер летел, едва касаясь реданом поверхности, уводя торпеду прочь от ковчега. «Арийца» ей уже не достать.

— Поиграемся!

Двадцать метров.

— Давай, давай, тетя Клепа...

Десять метров.

— Тетя Клепа, вам письма! Ах, какая радость!..

Пять метров.

— Развернула, там... оно. Фу, какая гадость!..

Пора!

Судских заложил левый вираж, и катер лег на борт, взревев моторами от натуги.

Три метра.

Торпеда чутко уловила задержку. Рыльце едва сместилось за катером. Только метр между ними. Открылся весь борт. И в следующий момент столб огня и воды рванулся вверх.

Нуль.

Легко промчавшись сквозь ослепительный свет и брызги по никелированному желобу, Судских вылетел прямо под ноги архангелу Михаилу. Было неловко подниматься с четверенек под осуждающим взглядом воителя.

— Наигрался? — усмешливо спросил архангел и сам себе ответил утвердительно: — Наигрался. Теперь тебя сам Господь не спасет. Иди определяйся в ярус матросовых.

— Зачем? — недоумевал Судских. — Зачем к матросовым?

— Особый ярус. Ты же у нас герой, — улавливал Судских насмешку в его голосе. — Не бойся, туда попадают хорошие люди. Неспьющие, добрые и доверчивые. Ты ведь из таких? Сознайся, Судских? Из доверчивых?

— Я из нормальных, — обиделся он.

— Очень нормальный, — остановил архангел. — Потому и дурак. Ты бы лучше на амбразуру сразу кидался, когда ты господин положения, а не когда тебя величают «братья и сестры». Поздно. За одного умного всегда десять полудурков дают, добрых и доверчивых, а дураков вообще бесчисленно, чтобы своими шкурами безумно устилали путь наверх тем, кто знает, что там — наверху. А там тепло и сладко, можно дурочку ломать над дураками с помощью полудурков.

Архангел явно насмеялся, а Судских, набычившись, слушал. Неординарный поступок был нужен, и обида жгла его насмешками — какую-то секунду он не рассчитал.

— А про меч забыл? А про щит, даденный тебе? Вся учеба насмарку. Ушел и забылся.

Судских хорошо помнил эпизод в самолете и летящую пулю. Тогда обошлось, он был на чеку, а тут только что видел тупое рыло торпеды, насмеялся над ней, а торпеда тупо устремилась за ним, и теперь он не может утверждать, что он — умный, человечество спас. А торпеда тупая.

— Тупая, тупая! — подтвердил архангел. — А ты умный. Почему опять встретились. Сколько стараний на тебя ухлопано! — вживую сердился архангел Михаил. — Ты бы хоть с Луцевича пример брал, чтит его за ремесло. Всевышний залюбовался, как он тебя оба раза штопал. Вторично когда вернули тебя к жизни, думали, мужик все осознал, может и миссию свою выполнить. А он? Я такой же, как все, босы ноги в росе...

— Я старался жить в ладах со своей совестью, — стал защищаться Судских, неумоготу было слушать упреки. — Я спас детей!

— Довел до лоханки и спас? Чтобы они на опустевшей планете погибли от голода и холода? Ты где раньше был?

— Я отвечу перед Всевышним.

— А Он тебя видеть не хочет. Ясно тебе? Самая страшная кара. Будь ты простым смертным, спрос невелик, а тебя отместил Всевышний, и ты пренебрег Его волей.

— Да что же я такого сделал и не сделал? — сжал кулаки Судских и форменным образом подступился к архангелу.

— Посмотрите на него! — подбоченился архангел Михаил. — Был несмел в овчарне и слаб на псарне! А сейчас передо мною несправедливо обиженного изображаешь. Покопайся в себе, ты ведь ни одного доброго дела до конца не довел. Нет тебя, — холодно сказал архангел Михаил. — Но какой ты есть, я знаю. Видишь меня? Перед тобой архангел Михаил, да? А будь здесь мусульманин, перед ним стоял бы Мохаммед, доверенный Аллаха, перед иудеем — Моисей. Кто в кого верует, тот своего пророка и увидит. Ты — атеист, никого не должен видеть, а встретил меня. Это и есть твое естество. От христиан откололся, а живешь их мерками. Ты раздвоен. И как ты собирался поводырем стать?

— Я не собирался, — отрицал Судских.

— Смотрите на него! — закрутил головой архангел. — Вызывал, что хотел, клялся не допустить повторения, от мерзавцев нос воротил, бывая в нижних ярусах, а вернулся, опять знался с мерзавцами. А может, ты имя Бога единого не повторял?

— Кто мерзавцы? — опять сжал кулаки Судских. — Гречаный? Луцевич? Бехтеренко?

— Не хитри! — топнул ногой архангел так, что звякнули бляшки его панциря. — Два последних тобою названных малы в помыслах, но велики делами, а первому в нижнем ярусе быть! — снова топнул ногой Михаил. — Замахнулся — бей!

— Тогда надо бить своих! — не сдержался Судских.

— А кто не дает? — сощурил глаза архангел. — Такому народ вверяется, по старым понятиям это помазанник божий, понимаешь? А народ весь божий, и губить его Всевышний не прощает. Первое законоуложение помазанника —

беречь и преумножать народ, а не царя из себя корчить! Вот поэтому твой Гречаный никогда не заслужит прощения. И вообще у вас там на Земле последнее время одна мелкота в правители выбирается. Хилые, лживые, коварные!

— Уже не выбирается, — понуро отвечал Судских.

— А, poznали, да? До тупика дошли? Каков поп, таков и приход. Хватит тебя наставлять. Давай жди. Нечего мне с лукавыми лясы точить. Будет тебе суд Божий!

Архангел Михаил развернулся и пошел вверх. Только теперь Судских огляделся, не понимая, где он находится. Под ногами струился лиловый дым, голубеющий выше, и где-то в самом верху оранжево проглядывал свет. Судских попытался подняться следом за Михаилом, и ничего не получилось. Ноги попадали в вату и возвращались в прежнее положение.

— Тишка! — позвал он своего ангела.

— Княже! — откликнулся тот. Судских поискал его глазами и не нашел. Непонятно даже, откуда исходил голос.

— Где ты?

— Здесь я. Только ты меня не видишь и никогда больше не увидишь. Ты в гелах, в преисподней по-вашему. Это еще хуже, чем нижние ярусы, отсюда выхода нет.

— За что же меня так! — завыл от жути Судских. — За что? За что? За что? — вертелся он на одном месте.

— За непослушание, княже, — горевал вместе с ним Тишка. — Ты сейчас вроде самоубийцы.

— Кто заступится за меня? Кто? Не виноват я! Не виновен!

— Не знаю, княже, кто заступится. Ты был не простым смертным, за это большой спрос.

— А ты — ангел мой? Ты ведь всегда неотступно за мной следовал. В чем грех мой? Заступись! Не хочу я оставаться в самоубийцах, не заслужил я! Заступись!

— Боюсь, княже. Гнева божьего боюсь. Слаб я.

— А говоришь, смелым князем был. Я хоть детей спас. Судских долго не слышал ответа.

— Не спас ты их, Игорь свет Петрович. Все погибли. Творец начинает с чистого листа. Остаются только внесенные в «Книгу Жизни». А с этими детьми ты оставался.

— Совсем, совсем никого нет? — растерялся Судских.

— С Кронидом остались. Он веление Всевышнего выполнил.

Судских почувствовал, как расплзается его оболочка и его неужержимо тянет в лиловую жижу.

— Держись, княже! Только не падай, стой! Иначе нет тебя. Держись, еще не все потеряно!

Превозмогая дикую тяжесть, Судских воздел руки над головой и закричал:

— Не виновен! Не виновен!

Не пришло ответа. Он заставил себя двигаться, как делают это, чтобы согреться на холоде. Лилово-фиолетовый туман обволакивал его, и только голубизна выше оставляла надежду, за которой виднелся оранжевый свет.

Тысячу лет, десять или долю секунды длилось его безостановочное движение, он не знал, только смертельная усталость сжимала подобно панцирю стужи. Он пробовал бежать вперед — безрезультатно, вправо, влево, вверх, вниз — все те же цвета, ничего не менялось, он колотился на месте, и нелепость существования добивала. Но остановиться — значит пропасть совсем, и Судских двигал и двигал ногами.

Лишь однажды в сутолоке мыслей промелькнула одна: любая неестественная смерть глупа и нелепа, но он давно уже за гранью жизни, и все же хотелось жить, и он двигался без остановки, как та упорная лягушка, сбивающая лапками молоко в масло. Тогда внизу появится твердь и надежда на спасение.

В какой-то момент нижние цвета поблекли, а голубизна усилилась. Чисто машинально он сделал шаг наверх и ощутил подобие ступени. Шаг, другой — и он среди голубизны. Дышать стало легче. Движение в пустоте прекратилось.

— Тишка! — с надеждой в голосе позвал Судских.

— Нет его, — раздался голос, и Судских узнал, кому он принадлежит. — Ты остался вместо ангела.

Судских поднял голову и ждал, ничего не спрашивая.

— Ты понял?

— Прости. Не понял.

— Быть тебе ангелом-искусителем, — раздался голос, и Судских принял этот приказ, лишь бы не оставаться здесь.

— Есть! Согласен!

— Тебя не спрашивают, — оборвал его голос. — Ты живешь вне времени и пространства, ты — судный ангел и жить будешь теперь моими помыслами — был ответ, и следом он провалился опять в лилово-фиолетовую жижу, она облапила

его, спеленала и выбросила на кафельный пол, заляпанный слякотью следов с улицы. Из-под двери тянуло холодом.

Он приподнялся, потер ушибленную коленку и осмотрел свой белый халат — не измазался ли он, когда поскользнулся? Нет, обошлось. И поспешил за стойку. Звякнул колокольчик над дверью, в аптеку входил покупатель, и ему не стоит видеть оплошность ручниста. Уборщица не вышла на работу, и ему приходилось самому подтирать пол. И заведующей нет, и кассирши нет. Что говорить: мы в Советском Союзе.

— Здравствуйте, — надменно приветствовала его осанистая брюнетка. — Лекарство моего мужа готово?

— Доброго здоровьица! Разумеется, готово, — откликнулся он, лихорадочно вспоминая, какое именно лекарство требует дама. Рука сама потянулась к стеклянному цилиндру, крунула его и остановила в понятном ей месте. Достала пузырек с длинным галуном рецепта. — Вот ваше лекарство. Пожалуйста, двадцать четыре копейки в кассу, — сообщил он и побежал в кабинку кассира.

— Так дорого? — возмутилась дама.

— Каломель, гражданочка, — учтиво ответил ручнист, — а без него препарат неэффективен. Препарат сделан в точности по назначению врача.

— Этот безмозглый профессор Саворский! Я говорила мужу, Блюменталь лечит дешевле и с большей пользой, Андре не согласился. Стоит человеку почувствовать легкое недомогание, медицина готова нажиться на этом, — ворчала она, добывая из кошелька копейки.

Ручнист дожидался ее, протягивая из окошечка кассы пузырек, от которого исходило лилово-фиолетовое свечение, и он волновался, что надменная дама заметит свечение и устроит скандал.

— А почему никого нет сегодня? — обвела она брезгливым взглядом помещение.

— Болеют-с все, — учтиво ответил он. — Грипп-с...

— Безобразие какое-то! Я буду жаловаться в аптекоуправление!

Ручнист только заискивающе улыбнулся, из кассы поспешил открыть перед надменной дамой дверь и, как был в халате, вышел за нею и пристроился сзади.

Она шла, отдуваясь, не замечая ручниста за спиной, а он, вжившись в образ, взял и прыгнул ей на плечи, уселся удобнее.

— Проклятый совок. Скорей бы прочь отсюда! — бормотала она, а ручнист мало того что дал ей везти себя, еще и храбро разговаривался:

— То ли еще будет! Еще в Горький, где ясные зорьки, поедешь, походишь за продуктами сама!

Дама не возмутилась на эти речи, будто не слышала.

Они вошли в просторный вестибюль высотки, и возле лифта ручнист спрыгнул на пол. Дождались оба, пока грудастая домработница открыла по звонку дверь. Ручнист ущипнул домработницу за грудь, и та недоуменно уставилась на хозяйку, не замечая его. Без видимых причин дама разразилась бранью:

— Живешь на чужих харчах, получаешь деньги и вечно недовольна, вечно недовольна!

— О! Чего ж за сиську щипать?

— Какие глупости ты говоришь? Слушать противно! Сходи-ка лучше за свежим хлебом.

— Утром брали!

— Иди сейчас, — властно приказала дама, домохозяйка ойкнула, обиделась, а ручнист не стал слушать их перепалку и, мурлыкая под нос: «Ландыши, ландыши, светлого мая приве-е-т», — устремился по широкому коридору внутрь квартиры.

Он свободно ориентировался здесь, будто жил всегда. В кабинете он сел на кожаный диван с высокой спинкой и промолвил, разглядывая хозяина за широким письменным столом:

— Иди и быстренько выпей лекарство.

Хозяин с массивным костистым черепом встал и крикнул в коридор:

— Елена! Ты принесла мое лекарство?

Принесла, Андрюша, сейчас, — появилась она с пузырьком и столовой ложкой в руках.

Прямо у двери он выпил из ее рук столовую ложку микстуры, поморщился и тоном избалованного ребенка сказал:

— Представляешь, как меня обидел Черников? Он сказал, что моя релятивистская теория в корне противоречит

марксистско-ленинскому учению. Видите ли, Илья Франк прав, а я нет. Как тебе это нравится?

— Релятивизм, — наставительно произнесла дама, — как таковой меня интересует мало. Ты мне скажи, когда у нас будет не относительный, а настоящий «ЗИМ»?

— Леночка, скоро. — Он виновато опустил глаза. — Я такое придумал, такое... — Он зажмурился, будто съел что-то очень вкусное.

— Чертям тошно покажется! Новейший вход в невидимое, нейтронное облучение реагирует только на человеческое тепло! Представляешь, бомба, в сто тысяч раз сильнее хиросимской! Ты только взгляни, — направился он к своему столу.

— Андре, оставь эти забавы себе, я устала, — остановилась она.

— Жаль, — огорчился он. — Это величайшее открытие, я — бог, понимаешь? Это невероятно, буду пробиваться прямо к Хрущеву.

Ручнист усмехнулся, слез с дивана и, подойдя к столу, взял несколько листов бумаги, густо исписанных формулами. В конце приписка: «Я всех заткнул за пояс!» Он снова усмехнулся и положил листки на стол.

— Академик, — позвал он, — иди сюда, ознакомься...

Формулы исчезли. Только приписка в конце сохранилась.

Академик взял листки в руки и долго разглядывал их.

— Что же я этим хотел сказать? — рассеянно пробормотал он. — Ах да!.. Я решил бороться с рутинной...

Он сел к столу, отодвинув книги и рукописи в сторону, взял авторучку и начал писать, проговаривая текст вслух:

— Первому секретарю ЦК компартии большевиков товарищу Хрущеву Никите Сергеевичу. Уважаемый Никита Сергеевич! В то время как весь советский народ свершает трудовые подвиги на строительстве советской родины...

— Правильно, — похвалил за спиной ручнист. — Пиши кляузы, а про бомбу забудь. Ты уже изрядно напакостил с атомной бомбой. Всевышний гневается, себя с ним сравнил! Пиши, не отвлекайся! А за твою неординарность Он решил превратить тебя из черта в ангела. Будешь ты каяться до конца лет своих и станешь великим миролюбом!

Академик рассеянно кивнул, продолжая подбирать самые емкие слова для выражения обид на непонимание, что не

дают работать великому советскому ученому, а он может сделать переворот в науке и сделать Советский Союз недостижимым благодаря новейшей бомбе.

Ручнист вышел, с удовольствием покатался на лифте между этажами, потом запустил домохозяйку с сумками в лифт и доехал с ней до квартиры, наставительно сказав даме:

— Микстуру академику давать регулярно три раза в день. Не дай Бог соединиться черту с ангелом. Когда черт стукнет башмаком по трибуне, академик превратится в ангела.

Ручнист вышел на разогретый асфальт. С тех пор как он покинул аптеку, зима сменилась жарким летом. Хотелось пить. Он подлетел к павильону «Соки-воды», предвкушая, с каким удовольствием выпьет стаканчик-другой газировки с малиновым сиропом, но откуда ни возмись появился лилово-фиолетовый вихрь, скрутил его в кокон и увлек в голубое небо с оранжевой подпалиной.

— Газировочки бы, — жалобно попросил ручнист.

— Нет там газировочки, — произнес голос. — Не изобрели еще. Зато Зоны теперь не случится. Тебе зачтется. Справишься с новым заданием. Я подумаю, не вернуть ли тебе оболочку...

5—23

Прокуратор Пилат не любил выбираться из прохладной Кесарии и наезжал в Иерусалим только тогда, когда требовали этого самые неотложные дела и обязательные празднества. Приезжая в столицу Иудеи, он по обыкновению останавливался во дворце Монобаза, где его привычки знали прекрасно и любые пожелания исполнялись с полуслова. Сюда, к Понтию Пилату, совершенно скрытно доставляли самых очаровательных и малолетних иудеек, до которых он был очень охоч, и никто в городе не подозревал, сколь откровенные оргии велись под покровом темноты во дворце, где ни один светильник не вызывал любопытства и не в чем было обвинить строгого прокуратора.

В этот раз он велел приготовить для себя дворец Асмоне-ев и перенести туда из ристалища судейское кресло.

Поставщики малолетних проституток от обиды могли закусить косточку указательного пальца и оплакать потерю дохода, но коль скоро наместник Рима изменил постоянной привычке, нужно искать причину этому куда более существенную.

Неплохо познавший Иудею, Понтий Пилат с большим умыслом сменил привычный дворец на этот, расположенный на окраине верхнего города, который буквально просматривался насквозь любопытным взглядом, пронизывающим его, как камень пущенной пращи. Дворец Асмонеев возвышался над обширной площадью, а та, в свою очередь, соединялась мостом с Иерусалимским храмом. Сюда проще всего собрать практически все население города и окрестностей и в случае необходимости быстро перекрыть его войсками. Пусть огорчаются сутенеры, но для Понтия Пилата в столь ответственный момент проще забыть любимые излишества, не дать пищи досужим перетолкам.

Дело, из-за которого он оставил свое прохладное жилище на побережье, было нешуточное: возмущенный Синедрион требовал утвердить казнь некоего самозванца Иисуса Назаретянина, объявившего себя царем иудейским. Протекторат и без того лихорадили частые возмущения, недовольства, бунты следовали один за другим, притом генералы иудейской церкви искусно разжигали конфликты: они срабатывали религиозные группы друг с другом, чем создавали еще больший хаос. Приход самозванца мог вылиться в подлинное восстание, а римский гарнизон повинуется плохо из-за частых стычек с мирными жителями и готов крушить все вокруг в этой взбудораженной провинции.

На прокуратора сыпались доносы в Рим, будто бы он специально сеял раздоры, и свирепый Тиверий мог в конце концов отозвать его и предать казни. В вину император мог поставить ему только одно — подрыв авторитета. А что может сплотить их против захватчиков лучше, чем появление отпрыска Давидова?

Жестокий для римлян, Тиверий не любил волнений в провинциях. Направляя Пилата в Иудею, он наставлял его: «Разумный пастух стрижет своих овец, но не сдирает кожи». А Пилат уже раздражил иудеев тем, что использовал священный еврейский клад Корбан на постройку акведука, подающего воду в иссохший от жажды Иерусалим. Появилась

вода в достатке — обвинили в нарушении клятвы Цезаря никогда не прикасаться к тайнствам еврейской церкви. Еще одно серьезное обвинение — клятвопреступник...

«Подленький народец! — раздраженно думал он, вынужденный ехать в духоту перенаселенного города. — Что ни сделаешь для них, все плохо, еще и потомок Давида на мою голову!»

— Тертоний, — обратился он к своему писарю, — что слышал об этом Назаретянине?

— Многое: проходимец почище Агриппы, — ответил Тертоний. Агриппа был на слуху и здесь, и в Риме. Промотав свое состояние, сделался нравственником. — А Назаретянин сделался нравственником, чтобы сколотить состояние. Собирает толпы голодранцев и вещает, что он истинный потомок Давида, пришедший освободить иудеев из римского плена.

— Казнить немедленно! — возмутили Пилата последние слова.

— И это правильно, — поддержал Тертоний. — Садуккеи будут довольны. Но возмутится другая часть евреев, ведомая фарисеями. Садуккеи зажрались, а фарисеи зарятся на их роскошь, спят и видят, когда явится с небес потомок Давидов и вернет Израилю прежнее величие.

— А что, этот Назаретянин в самом деле еврей и соблюдает нравственные нормы? — спросил Пилат.

— Как все, — усмехнулся Тертоний. — Не так давно блудница из нижнего квартала, всем известная Мария, раскричалась на весь город, что он спал с ней и не заплатил. Народ собрался, хотели волоочь Назаретянина мытарям, а он простер над ней руку и говорит: ты святая женщина, дала приют сыну божьему, зачтется тебе — и ты станешь святой. Ушлая бабенка сообразила и кинулась ему в ноги: сын божий, сын божий! Там был по случаю соглядатай из самаритян, слышал, как эта блудница говорит ему тихо: ладно, прощаю тебе долг. Не знаю, какой ты там сын божий, но трахаешься как бог. Проходимец по всем приметам.

— Откуда он взялся на мою голову! — воскликнул Пилат недовольно, понимая, сколь сложно будет выносить ему приговор на этот раз. Так запутал нынешнее дело Назаретянин, что проще было отправить его в Рим и казнить там... Только Тиверий в любой момент может отойти к праотцам, и как

посмотрит пресмник на фокусы Пилата? Доносчики постараются.

— А ты удивишься, славный Пилат, — напомнил о себе Тертоний. — Когда б узнал, что самозванец-самнит из Перуджи...

Будучи самнитом, потомком славного племени, Понтий Пилат не любил, когда поминали его происхождение и родство с покоренным племенем. Но сейчас упоминание пришлось по сердцу.

— Самнит? — переспросил он.

— Болсе того, — продолжал велеречивый и хитроумный Тертоний, по матери он восходит к этрускам, которые поклонялись богу Арию и до сих пор считаются знатоками тайнств.

— Пожалуй, велю его выпороть и выгнать из Иудеи, — сделал выбор Пилат.

— И это было бы правильно, — согласился Тертоний, — если бы Назаретянин оказался тем самым Иисусом из Перуджи.

— Что ты хочешь сказать?

— Славный Пилат, настоящего Иисуса иудеи забили камнями года два назад. Первосвященникам иудейской церкви не понравились его проповеди о боге Арии, которого исповедуют ессеи, самая таинственная еврейская секта, не отрицают и фарисеи бога Ария, лишь садуккеи, сплошь из правящей знати, проклинают Ария и поклоняющихся ему. Это садуккеи разожгли толпу и настроили забить Иисуса камнями. Но свято место пусто не бывает. Явился новый Иисус, иудей от рождения, стал приметен садуккеям, и решили они использовать его в своих интересах. Каиф-первосвященник был уверен, что лже-Иисус отвратит толпу от неповиновения, а он втерся к церкви в доверие и хитро обманул их, стал выдавать себя за истинного потомка царей иудейских. Как поступит теперь славный Пилат? — изложив все рассказы, поинтересовался Тертоний. Ему надоела Иудея, и любой повод мог пригодиться для отъезда в Рим.

— Прежде всего, Тертоний, когда будешь готовить мой отчет императору, первого называй Иисус, а проходимца — Иисус.

Произнес Пилат и надолго задумался. Сами боги давали ему случай укрепиться. Тиверий стар, очень скоро его место займет Гай, прозванный в народе Сапожком, и тогда

многое изменится в жизни самого Понтия Пилата. Тиверий жесток, Калигула еще и сумасброден. Тиверий заключил в тюрьму Агриппу, правнука Ирода, за то, что он принародно обещал поздравить Калигулу с восшествием на трон. Агриппа, подобно Калигуле, сожительствоет со своей сестрой. Родство душ...

— Он освободит Агриппу и сделает его царем иудейским, — в раздумье произнес Пилат.

— Ни за что, славный Пилат! — возразил Тертоний. — Тиверий ненавидит Агриппу.

— Постой, — поднял руку Пилат. — Я думаю. Сейчас мы имеем двух иудейских царей: одного в заточении в Риме, другого здесь, — рассуждал он вслух. Тертоний кивнул, но Пилат свой монолог продолжал без слушателей, больно опасно: «Агриппа хитрец, по воцарении он усилит Иудею и создаст множество неприятностей Риму. Значит, мне лично. А если пойти наперекор иудейским первосвященникам и садуккеям — сделать Назаретянина царем? Тогда надо действовать немедленно, послать отчет Тиверии, где обвинить Агриппу в подготовке заговора: это разброд внутренний, но не внешний. Это надо мне и Риму».

— Как считаешь, Тертоний, если подтвердить происхождение самозванца и сделать его царем? — спросил Пилат.

— Это мудро, — согласился Тертоний. Он понял прокуратора: Понтий Пилат получил союзника в лице Назаретянина и одновременно его руками уничтожает еврейскую знать, возненавидевшую Назаретянина и Пилата. Первого за поборы внутренние, второго за поборы явственные.

— Вели привести сюда этого самозванца и оставить нас наедине, — распорядился Пилат.

Тертоний попятился, и вскоре из глубины зала раздался его повелительный голос, прежде мягкий в присутствии прокуратора и такой жесткий без него.

Два центуриона ввели Назаретянина и оставили его перед Пилатом. Одетый в простую домотканину, он не выглядел иудейским царем или наследником еврейских вотчин.

Пилат взгляделся в него пристальнее и сразу понял, что видит человека особых качеств, способного долго сносить лишения ради большой цели. Таким может быть истинный наследник царских кровей и авантюрист высокого пошиба.

— Ты называешь себя потомком Давида? — спросил Пилат, принимая строгое выражение лица.

— Люди называли меня потомком Давида, — ответил Назаретянин без страха и подобострастия. — Меня же не прельщает царство земное, но только божье.

— Так-так, — произнес Пилат, сообразуясь с ответом. Он не ошибся в смутьяне. — А если я велю тебя отпустить и буду просить Тиверия сделать тебя царем иудейским?

— Все в руках божьих, — смиренно отвечал Назаретянин, но Пилат обратил внимание, как это было сказано. Назаретянин не прочь поторговаться.

— Так да или нет? — настаивал прокуратор. — Будешь ли ты разумным правителем?

— Отец мой, Царь небесный, обязал меня быть справедливым.

— Я уже слышал это, — выразил раздражение Пилат. Трудно сговориться с таким. Цели открывать не хочет. Хорошо... — Я оставлю тебе жизнь, — произнес прокуратор, изучая лицо Назаретянина. Оно не выражало благодарности, но интуитивно Пилат догадывался, что пленник удовлетворен.

— Только не выдавай себя за сына божьего, — неожиданно закончил Пилат.

— Если нога скажет: «Я не принадлежу телу, потому что я не рука», то неужели она потому не принадлежит телу? — ответил ему Назаретянин.

— Ты говоришь выпендренно и попросту морочишь голову простолюдинам, — не поддался на диспут Пилат.

— Я говорю языком божьим, — продолжал держаться независимо Назаретянин.

— Я понял тебя, — с иронией ответил прокуратор. — По-моему, Синедрион прав, ты проходимец, и я велю казнить тебя.

— Ты не можешь сделать этого, я не в твоей власти.

— Еще как сделаю! — возмутился Пилат. — Завтра и на кресте! И посмотрю, как твой отец небесный спасает тебя.

Пилат вызвал стражу и велел увести Назаретянина.

Бесспорно, вжившийся в роль иудей держался красиво.

Пилат испытывал двойственность. Ему очень хотелось казнить Назаретянина, позлорадствовать над его скоморо-

шьей уверенностью, но дела земные не давали сделать этого. Куда удобнее создать видимость казни и сохранить ему жизнь.

Утвердившись в решении, он вызвал сотника.

— Ты лично со своими легионерами из моей охраны будешь стеречь этого узника. Чтоб муха к нему не пролетела.

Сотник поднял руку и собирался уйти, когда прокуратор окликнул его:

— Послушай, по силам тебе сыскать человека, похожего на этого Назаретянина?

— С подобной рожей разбойника — не составит труда, — уверенно ответил сотник. — Есть несколько на примете.

— Тогда будет так, — распорядился Пилат. — Казнь я перенесу на послезавтра. А завтра ты покажешь мне замену. Ты отведешь его в узилище, а настоящего тайно перевезешь ко мне в Кесарию. Получишь когорту.

— Я понял тебя, славный Пилат, — поклонился сотник и ушел.

«Если бы ты понял меня до конца, командовать бы тебе легионом», — усмехнулся Пилат и отправился готовиться к ужину.

Он ужинал в одиночестве. Задуманное требовало спокойного отстоя, из-за чего он не пригласил разделить трапезу Бара. Тот с незапамятных времен юности был его спутником в проказах. Лихой вояка и бабник, первый участник попоек и оргий Понтия Пилата. К тому же Бар с двумя когортами расположился у Аримафеи, и посылать гонца долгое дело.

Зато в плотских утехах отказать себе было трудно.

— Тертоний, — сказал он помощнику. — Тебе не хочется сделать приятное для своего господина?

— Славный Пилат, — с готовностью отвечал Тертоний, — здесь есть уже желающая сделать тебе приятное.

— И кто же?

— Вероника, сестра заточенного Агриппы.

— Вот как? — оживился Пилат. — Как тебе удалось?

— Она сама просила о встрече.

— Веди... — согласился Пилат, хорошо понимая, что Вероника станет просить за брата.

Тертоний ввел закутанную до бровей Веронику в опочивальню прокуратора и удалился, едва притушив лишние светильники.

В полумраке она походила на статую грека Праксителя, дышала тайной и красотой непознанного, и Пилату захотелось немедленно узнать, так ли уж хороша она без одежды и правы ли те, кто считает Веронику писаной красавицей. Сестра безумно любила своего несчастного проказника братца, это еще больше разжигало любопытство прокуратора.

— Сбрось покрывало, — приказал он.

— Я не понравлюсь господину, — сказала она.

— Зачем же пришла?

— Просить о милости.

— Сразу догадался. Раздевайся.

Она развела руки в стороны, и тяжелое покрывало соскользнуло с ее плеч и свалилось к ногам.

— Великие боги! — воскликнул Пилат и привстал на ложе: прекрасное тело иудейки заканчивалось густой черной порослью на ногах, которая подымалась до пупка. Он хохотал до упаду.

— Как же ты ублажаешь своего братца? — сквозь смех спросил Пилат, рассматривая Веронику с зоологическим интересом.

— Я девственница, господин, — совсем потупилась она.

— И все, что говорят о тебе, — неправда?

— Мой брат мною доволен. Господин может убедиться в этом, я доставляю ему высшее наслаждение, как тому обучены настоящие иудейки.

— И что ты хочешь взамен? — развлекался Пилат. — Освободить братца из заточения? Не смогу этого сделать, сразу говорю.

— Нет, господин. Прошу только свершить казнь над Иисусом Назаретянином.

— А тебе что до этого? — нахмурился Понтий Пилат. — Братец тебя научил или Синедрион послал?

— Нет, господин. Мы цадики, иудейская секта праведников. Назаретянин предал наше учение и подлежит казни. Сделай так, и я доставлю тебе райское наслаждение.

— Не надо, — поморщился Пилат. — Тертоний, уведи...

Тертоний увел рыдающую Веронику, еще больше убедив Пилата оставить Назаретянина в живых.

Заснувшего Пилата что-то коснулось, он вздрогнул и открыл глаза. Фигура, закутанная в накидку до глаз, стояла перед ним. Опять Вероника? Нет, это не женщина...

— Кто ты? — вглядывался во тьму Пилат.

— Не вздумай звать стражу. Я судный ангел и прислан свыше. Не бойся. Я выскажу тебе поручение и удалюсь. У тебя нет выхода. Тиверий только что умер. Калигула зол на тебя и выпустил Агриппу. И ты еще оскорбил Веронику. Ты понимаешь теперь, как усложнилась твоя жизнь?

Пилат лихорадочно соображал, верить ли словам пришельца или считать его приход дурным сном?

— Я не верю твоим словам, — проговорил он.

— Сейчас поверишь, — усмехнулся пришелец.

Неведомая сила приподняла прокуратора над ложем и бросила его тело с высоты двух локтей обратно.

— Убедился?

— Великие боги, — прошептал Пилат.

— Ты готов выслушать распоряжение Всевышнего?

— Да! — не спускал глаз с незнакомца Пилат.

— Ты поступишь разумно. За это Всевышний дарует тебе вечную жизнь. Лишь раз в год ты обязан появляться в окрестностях перевала Сен-Готард и свершать омовение рук в память истинного Иисуса, там он родился. Ты записан в «Книгу Жизни». Ты вечен. А теперь слушай, как поступить. Казнь перенеси на сегодня с утра. В полдень произойдет солнечное затмение. А когда тьма накроет всех, пусть сотник снимет Назаретянина с креста и заменит на разбойника.

— А дальше что делать с ним? — верил и не верил Пилат, но просьба удивительно совпадала с его решением.

— Легионеры уведут его подальше от Иерусалима и отпустят на все четыре стороны. Слушай дальше. Твои доверенные иудейки уложат казненного в гроб, а через некоторое время легионеры выкрадут его из пещеры.

— Но как сделать это? Допустим, подмены не обнаружат, но у пещеры будет множество последователей Назаретянина день и ночь? — сомневался Пилат. — Да простят меня боги...

— Одного хватит, — успокоил незнакомец. — В саду близ Голгофы есть пещера с двумя выходами. Один тайный. Через него солдаты вынесут тело. Выполняй.

Едва дышащие светильники всколыхнулись и погасли. Пилат так и не понял, привиделось ему или случилось на самом деле...

Кромешная тьма стеснила Иерусалим. Сквозь тюремную стену, не отличимую от мрака, в узилище Назаретянина проник кто-то и стал напротив.

— Кто ты? — испугался он. — Ты посланник отца моего небесного или дьявола?

— Перестань молоть чепуху. У Всевышнего не может быть детей. Но за упорство твое Он дает тебе жизнь. Я ангел-искуситель, иди за мной... — Он взял Назаретянина за руку и провел мимо спящей и бодрствующей стражи на улицу, где сказал ему: — Иди отсюда и никогда больше не выдавай себя за сына Всевышнего.

Пробуждение Пилата было еще непонятнее, чем ночь.

Несожиданно явился центурион:

— Славный Пилат, твой человек выпустил Назаретянина, даже мы не заметили, а он снова явился в тюрьму.

— Вот упертый! — досадовал прокуратор. — Спрячь его, пока все уляжется.

— Невозможно. Евреи не спускают с него глаз.

— Тогда веди! — махнул рукой Пилат. — Я умываю руки. Сделай подмену в полдень, — решил он следовать знакомому сценарию. Из Рима не было вестей о смерти Тиверия.

Все произошло как по писаному. Назаретянин понес свой крест на Голгофу с растерянным лицом, там его под гомон и улюлюканье толпы прибили гвоздями к кресту и вздыбили.

— Почему я не послушал Тебя? — прошептал он и испустил дух.

Прокуратор Пилат наблюдал за казнью Назаретянина, но больше выискивал в толпе кого-то.

Ему повезло. За минуту до затмения он отыскал таинственного посланника по горящему взору. Они обменялись понимающими взглядами, и Пилат опустил виновато голову, а когда поднял, не увидел уже посланника. Лишь лиловый с фиолетовой подпалиной смерч несясь прочь от Голгофы.

— Я умываю руки, — прошептал Понтий Пилат.

— А ты заслужил мой благодарности, — услышал голос Судских.

— Я виноват, — винулся Судских. — Свершилось все против моей воли. Ты опять отправишь меня в небытие.

— Свершилось все по моей воле. Это главное. Проси что хочешь, — умиротворенно ответил голос, но Судских был скромен:

— Газировочки бы...

— Кто ты? — вглядывался во тьму Пилат.

— Не вздумай звать стражу. Я судный ангел и прислан свыше. Не бойся. Я выскажу тебе поручение и удалюсь. У тебя нет выхода. Тиверий только что умер. Калигула зол на тебя и выпустил Агриппу. И ты еще оскорбил Веронику. Ты понимаешь теперь, как усложнилась твоя жизнь?

Пилат лихорадочно соображал, верить ли словам пришельца или считать его приход дурным сном?

— Я не верю твоим словам, — проговорил он.

— Сейчас поверишь, — усмехнулся пришелец.

Неведомая сила приподняла прокуратора над ложем и бросила его тело с высоты двух локтей обратно.

— Убедился?

— Великие боги, — прошептал Пилат.

— Ты готов выслушать распоряжение Всевышнего?

— Да! — не спускал глаз с незнакомца Пилат.

— Ты поступишь разумно. За это Всевышний дарует тебе вечную жизнь. Лишь раз в год ты обязан появляться в окрестностях перевала Сен-Готард и свершать омовение рук в память истинного Иисуса, там он родился. Ты записан в «Книгу Жизни». Ты вечен. А теперь слушай, как поступить. Казнь перенеси на сегодня с утра. В полдень произойдет солнечное затмение. А когда тьма накроет всех, пусть сотник снимет Назаретянина с креста и заменит на разбойника.

— А дальше что делать с ним? — верил и не верил Пилат, но просьба удивительно совпадала с его решением.

— Легионеры уведут его подальше от Иерусалима и отпустят на все четыре стороны. Слушай дальше. Твои доверенные иудейки уложат казненного в гроб, а через некоторое время легионеры выкрадут его из пещеры.

— Но как сделать это? Допустим, подмены не обнаружат, но у пещеры будет множество последователей Назаретянина день и ночь? — сомневался Пилат. — Да простят меня боги...

— Одного хватит, — успокоил незнакомец. — В саду близ Голгофы есть пещера с двумя выходами. Один тайный. Через него солдаты вынесут тело. Выполняй.

Едва дышащие светильники всколыхнулись и погасли. Пилат так и не понял, привиделось ему или случилось на самом деле...

Кромешная тьма стеснила Иерусалим. Сквозь тюремную стену, не отличимую от мрака, в узилище Назаретянина проник кто-то и стал напротив.

— Кто ты? — испугался он. — Ты посланник отца моего небесного или дьявола?

— Перестань молоть чепуху. У Всевышнего не может быть детей. Но за упорство твое Он дает тебе жизнь. Я ангел-искуситель, иди за мной... — Он взял Назаретянина за руку и провел мимо спящей и бодрствующей стражи на улицу, где сказал ему: — Иди отсюда и никогда больше не выдавай себя за сына Всевышнего.

Пробуждение Пилата было еще непонятнее, чем ночь.

Несожиданно явился центурион:

— Славный Пилат, твой человек выпустил Назаретянина, даже мы не заметили, а он снова явился в тюрьму.

— Вот упертый! — досадовал прокуратор. — Спрячь его, пока все уляжется.

— Невозможно. Евреи не спускают с него глаз.

— Тогда веди! — махнул рукой Пилат. — Я умываю руки. Сделай подмену в полдень, — решил он следовать знакомому сценарию. Из Рима не было вестей о смерти Тиверия.

Все произошло как по писаному. Назаретянин понес свой крест на Голгофу с растерянным лицом, там его под гомон и улюлюканье толпы прибили гвоздями к кресту и вздыбили.

— Почему я не послушал Тебя? — прошептал он и испустил дух.

Прокуратор Пилат наблюдал за казнью Назаретянина, но больше выискивал в толпе кого-то.

Ему повезло. За минуту до затмения он отыскал таинственного посланника по горящему взору. Они обменялись понимающими взглядами, и Пилат опустил виновато голову, а когда поднял, не увидел уже посланника. Лишь лиловый с фиолетовой подпалиной смерч неся прочь от Голгофы.

— Я умываю руки, — прошептал Понтий Пилат.

— А ты заслужил моей благодарности, — услышал голос Судских.

— Я виноват, — винулся Судских. — Свершилось все против моей воли. Ты опять отправишь меня в небытие.

— Свершилось все по моей воле. Это главное. Проси что хочешь, — умиротворенно ответил голос, но Судских был скромен:

— Газировочки бы...

Вторую неделю чужие сапоги оскверняли славянские земли. А он не мог заставить себя сказать согражданам о чудовищной неадекватности, которую породила его самонадеянность. Его, прозорливого тактика, обвел вокруг пальца пройдоха ефрейтор.

Впрочем, он сам «академический» не кончал и все таланты свои мог смело приписывать божьему провидению.

Выходит, Всевышний отвернулся от него, а этот спесивец имеет полное право писать на пряжках ремней своих солдат «С нами Бог»?

Отчаяние было невыносимым, и те сообщения, которые путано поступали с западных границ, говорили о том, что могучая империя, созданная им, трещит и разваливается подобно карточному сооружению и на всей земле не найдется уголка, готового спрятать его от им же порожденной бури.

Но не это мучило так сильно, как тот гнев, который теперь неминуемо обрушится на него. Тысячи обиженных, десятки тысяч несправедливо замордованных, сотни тысяч лишенных элементарного права говорить от своего «я».

Двадцать лет он туго закручивал гайки, безжалостно выламывал нестандартные винтики, сжимал пружину людского терпения, и вот теперь эта пружина, стремительно раскручиваясь, так ударит по нему, что о другом и говорить не стоит. Страх, жуткий страх сковывал его.

Несколько дней он никуда не выезжал с ближней дачи и безучастно наблюдал, как его соратники по-мышинному появляются, докладывают бодренько невразумительные сообщения, а он не может плеснуть им в лица капельку своего гнева, чтобы заставить их сохранять достоинство и самообладание, ибо сам не сохранял их и капли яда ему не выдавить сейчас.

С безвольно опущенными руками между колен он сидел на диване, уставившись на толстые шерстяные носки, надевшие от озноба, хотя конец июня был теплым, без дождей. Знобило душу, и он безуспешно пытался согреться, кутаясь в душегрейку.

Что делать? Что делать! Выслушивать советы ближайших соратников ему не хотелось. Что могут сказать они, если ду-

мали с отставанием, лишь бы не противоречить ему? Картонные фигурки и промокашки, он сам сделал их такими, сильных удалил. Чтобы не раздражали. А эти способны только заглядывать в рот, где, по их разумению, сидел бес, которого нельзя беспокоить.

Дядюшка Датико давным-давно, совсем в другой жизни, поучал его: «Сосо, в тебе живет бес. Он всегда будет мешать тебе и гадить внутри. Лучше выпускай его наружу, пусть оправляется на свободе. Тебе же станет лучше».

Он понял его дословно. И не жалел. И жалеть о содеянном никогда нельзя.

Мимо окна, пригибаясь, прокрался Власик. Красн глаза он ловил его в сетчатку и понимал: ходит, чтобы показать, как он старается, пока хозяин переживает...

А почему он переживает? Подлинно ли велик его грех, чтобы казнить себя до срока? Если машина отлажена и смазана, она будет по инерции крутиться долго.

Вошла добродушная Галя-подавальщица. Странно, рассеянно подумал он, в такое время она не входит... И вспомнил: просил чаю с лимоном.

— Испейте, Иосиф Виссарионович.

— Зачем? — невпопад спросил он.

— Как зачем? Просили. Душу согреть, — рискнула она.

— Душу? Да, надо, — рассеянно ответил он.

Согреть душу можно простой беседой, но станет ли эта женщина искренней, сможет ли преодолеть чудовищное расстояние между ними?

Не сможет. Зачем ей это? Незачем.

И все же без слов оставаться нельзя. В словах лекарство для души. Он первым переборол себя.

— Товарища Сталина еще помнят?

— Как можно, Иосиф Виссарионович! — чуть не заплакала она, и он верил — эта заплачет искренне. — Только на вас надежда. Люди считают, что вы объезжаете границы и подымаете бойцов в атаку на супостата.

— Чем же тогда занимаются мои начдивы и командиры? — прищурился он, проверяя, сможет ли простая женщина не испугаться и решить непосильную задачу. — Неужели товарищ Сталин лично должен подымать дух красноармейцев?

— Все на своих местах, — стоило трудов отвечать ей. — А ваше присутствие всегда вселяло дух. Я вот чай принесла...

— Правильно, — одобрил он. — Спасибо за чай. Очень хороший чай, душистый.

По сводкам он знал, что войска беспорядочно катятся от границы. И не их вина в этом: железным рыцарям не под силу остановить опьяненного успехом противника. А опьянил его успешный обман. Сам он поверил шулеру в его честную игру. Потеряна Прибалтика, вот-вот сдадут Минск, парашютисты Штудента замечены в тылах войск, нигде нет упорядоченной обороны.

Какой же дух надо вселять в бойцов, сделать их железными? Дух — живой, а железо — предмет неодушевленный. Он сам делал их бездуховными.

— Позови ко мне Жукова, — попросил он подавальщицу, зная наперед, что Жуков ожидает его вызова уже несколько часов.

Способности этого человека Сталин знал прескрасно. Он из тех, кто умеет собираться до предела и на пределе возможностей выигрывает. До гения войны ему далеко, но его талант, рабочая лошадка искусства, вывезет хозяина из любых передраг. Гением был Тухачевский, любитель погарцевать. А мы не в цирке...

— Скажите, товарищ Жуков, — без приветствий обратился он к вошедшему, — каков должен быть дух, способный сделать невозможное?

Жуков явно не ожидал подобного вопроса влет. Но именно это и любил Сталин, испытывая своих сподвижников, как они умеют собираться с мыслями.

— Русский, товарищ Сталин. Тот дух, который вселился в ратников Дмитрия Донского, окрылил суворовских орлов в Альпах, кутузовских — под Бородино.

— А можете не общими словами? Вы говорите хорошо, но можете своими словами? — спросил он, раскуривая трубку. Впервые за неделю он набил ее и раскурил.

— Когда терять больше нечего, товарищ Сталин, — сказал, набравшись храбрости, Жуков.

— А жизнь? Разве это нечего терять? — смотрел Сталин на него рыжим глазом, в котором зарождался кошачий интерес: вырвется мышка или нет?

— Или пан, или пропал, — нашелся Жуков и спешно добавил: — Живой то есть.

— А вы правы, товарищ Жуков. Русский дух — в бесшабашности.

Жуков незаметно перевел дыхание. Сталин оживал.

— А кто хранитель этого духа? Вы не задумывались? — спросил он, и ободренный Жуков выпалил:

— Партия, товарищ Сталин!

Сталин больше чем внимательно посмотрел на него, и с Жукова махом слетела бодрость: поди угадай...

— Вы правы, товарищ Жуков. Беломорканал тоже нужен. Но есть истинно русский дух. Его хранитель — православие.

Жуков вытянулся в струнку. Он молчал и молил самому вождю продолжить тему. Она могла и тенькнуть на высокой ноте. И оборваться. Пан или пропал.

— Идите, товарищ Жуков. Мы встретимся чуть позже, — неожиданно закончил Сталин, к недоумению Жукова. Кто пан — известно, а кто пропал — еще нет...

Сталина боялись и восхищались им одновременно. Он был умен и осторожен, не нажил себе тайных проклятий, какие навлекли на себя соратники Ильича, бесшабашно расстрелявшие многих церковнослужителей, сославшие на Соловки верующих, ограбившие и промотавшие по пустякам храмовую утварь. В духовной семинарии, где он в отрочестве учился, был приобретен первый урок благоразумия: Церковь выживает всегда потому, что умеет выжидать.

Не он ли исповедовал это правило всю жизнь? В будущем многие попытаются очернить его, но кто докажет, что он самолично распоряжался расстрелами, гнал на Колыму или в подвалы Лубянки? Он выслушивал мнения и говорил им: делайте так, если считаете нужным. Или: мне это не нравится, но делайте. Они занимались самоедством, и он внимательно, как опытный овчар, следил, чтобы не упало поголовье стада, чтобы оставалось оно здоровым, способным преодолеть не один перевал. Он сам нагонял на них волков, чтоб те убрали хилых и больных, заразных, а потом убивал волков. Он боялся переборщить, и эта боязнь мешала ему спать, зато утром он слышал хвалу себе и заново сортировал стадо на больных и здоровых.

Не так ли Всевышний распоряжался своим стадом?

Сохнувшая рука поначалу мерещилась ему карой божьей, но он убедил себя в обратном: слишком часто он сжи-

мал в этой руке плеть и палку ради благих целей; а замахнулся — бей.

Он не случайно вспомнил о Церкви. Никогда не притеснял служителей и зорко оберегал ее владения, не допуская сектантской поросли, и Патриархия платила ему молчаливым послушанием.

Единственный храм он велел разрушить опять-таки при молчаливом согласии патриарха: при всей красоте и легкости своей, он нес масонские символы.

Ни один священник не пострадал от него. А кто попал в общую мясорубку — в семье не без урода.

В этот трудный для него час, когда картонные болванчики писают и раскисают от страха, он твердо рассчитывал на понимание. В неровный час идут к сильному соседу.

«Я первым покажу пример коммунистам, что самый лучший друг тот, кто сопротивляется молчаливо», — решил он. Гитлер коварно обманул его, предал. Пусть это послужит ему уроком — не связываться с дьяволистами.

Сталин велел вызвать на дачу своего личного секретаря Поскребышева. Он напоминал ему сурового духовника. Он сам сделал его таковым для собственной отдушины.

— Товарищ Поскребышев, — обратился он к секретарю, прервав долгое хождение по гостиной, — а не встретиться ли нам с владыкой в сей неурочный час?

— Очень правильно, Иосиф Виссарионович, — с готовностью ответил тот, будто именно он битый час уговаривал вождя вызвать патриарха и поговорить с ним по душам.

— Тогда передайте Власику, что товарищ Сталин поедет к владыке в самое ближайшее время.

Поскребышев изумился до глубины души, сделал все возможное, чтобы не открылось его изумление вождю — чего он только не перевидел и не слышал, а такое впервые, — но рыжий глаз уже подкрасился зеленкой.

— Да, товарищ Поскребышев, — нажал голосом вождь, — товарищ Сталин может позволить себе хворать, не покидать этой комнаты, но не уважать божьего кесаря прав у него нету...

Со всеми мерами предосторожности кортеж выехал из ворот ближней дачи и на умеренной скорости двинулся к патриаршей резиденции. И как бы онемели в эту минуту его

ближайшие сподвижники, будь они здесь, что первый выезд после отсидки он делал к владыке, минуя Кремль.

Владыка того боле изумился, когда ему сообщили о неурочном визите главы государства.

— Как быть будем? — спросил патриарх у своего духовника при сем сообщении.

— Владыко, не вем, — честно ответил духовник.

— Вот и я не вем, — призадумался патриарх.

— А если святотатство надумал? — спросил духовник.

— Не поехал бы, — разумно рассудил патриарх. — За отпущением грехов, вот как... Как быть будем? — повторил он.

— Так мыслю, владыко, — говорил духовник, сметливый и пытливый книгочей, за что держал его патриарх в непосредственной близости. — Заручиться хочет поддержкой Православной церкви. Боле идти ему не к кому. Грешен зело, гневен, но понятлив. За нами, почитай, Русь-матушка, не за ним.

— Ладно, оставь меня, дай с мыслию собраться. Неловко как, час поздний, и не всякий день такой гость...

Духовник исчез юрко, несмотря на преклонный возраст. Но в гостевые покои не направился, выжидал, заслонившись пилоном.

— Ты чего здесь? — прошипел он при виде послушника, бредущего с ендовой в руках мимо покоев владыки.

— За брусничной водицей послан, — отвечивал послушник без страха, намереваясь идти дальше.

— Что-то не припомню тебя, — нахмурился духовник.

— Отрок Пармен я, из Чудова монастыря прислан и к трапезной приставлен, к отцу Паисию.

— Скройся! — цыкнул на монашка духовник, заслышав чужие шаги в пустом переходе от трапезной до покоев владыки, и сам порхнул скоро и дальше. Цокающие подковки сапог охраны выбили из него желание узреть гостя, которого втайне считал сатанюю.

Послушник, наоборот, остановился бесстрашно и ждал приближения свиты.

В сопровождении митрополита Никодима первыми поднимались двое важных чинов в темных гимнастерках с эмблемой щита и меча на рукавах. Никодим при виде монашка напугался больше, чем самой миссии провожатого.

— Подь сюда! — скомандовал один из чинов негромко, но для Никодима голос прогрехотал в палатах и переходах, больно ударив по голове. — Кто таков?

— Послушник Пармен, за брусничной водицей послан, — почтительно склонил голову монашеск.

Митрополит обмер.

Вопросов больше не последовало: главный посетитель входил в переход в белой форменной одежде и воснной фуражке. Гость поднимался по ступеням не спеша, как бы раздумывая, остановиться со всеми или увлечь их к покоям владыки.

Монашек оказался совсем не трусливого десятка. Он не замечал ни озабоченности важных чинов, ни обмершего от страха митрополита, спокойно разглядывал пришельца прямо на пути его движения.

Гость остановился. Нсобычно добрыми стали его глаза.

Сегодня под утро он забылся недолгим беспокойным сном и увидел неожиданно приятеля своего детства Судико. Ему очень редко снились сны, таких за всю жизнь было два, и каждый из них стал вещим. В третьем его посетил Судико. Сосо пробирался сквозь заросли кизила, палкой раздвигая колючие кусты. Судико налетел сбоку и выхватил палку. «Отдай!» — крикнул Сосо, а приятель со смехом убежал куда-то вверх к развалинам крепостушки и, невидимый, крикнул оттуда: «С палкой и дурак сможет, а ты без палки найди меня!»

Монашек удивительно был похож на Судико. Чистые синие глаза монашка породили улыбку гостя.

— Испейте вот, — протянул он ендову гостю, и тот, как принимают хлеб-соль, принял посудину и сразу обмакнул свои усы в напиток. — Все мы братья и сестры.

— Как ты сказал? — с улыбкой переспросил гость.

— Братья и сестры, — улыбнулся в ответ монашек.

— Правильно, — кивнул гость и повернулся к важным чинам сзади, к митрополиту, умирающему со страха ежесекундно. — Наверное, поздно тревожить владыку, если понесли ему брусничную воду? Не стесняйтесь. Все мы люди.

Митрополит изогнулся в поклоне, забыв приличные по такому случаю слова, а гость и не собирался выслушивать их.

— Передайте извинения владыке и скажите, что товарищ Сталин желает ему спокойной ночи, желает добра и упор-

ства всему русскому народу вместе с духовной владычицей его Православной церковью.

Он вернул ендову монашку, подмигнул и развернулся прочь. Сопровождающие важные чины сразу заспешили вперед, а митрополит долго сглатывал слюну и держался за сердце.

Придя в себя, он не обнаружил монашка рядом, а так хотелось глотнуть брусничной водицы в такой момент.

Не нашли монашка ни сегодня, ни завтра, не верили, был ли он вообще, и крестились часто при упоминании о грозном госте. Истинно вещают некие: там, где подступает дьявол, Господь оком своим доглядывает.

На следующий день под репродукторами собирались москвичи, с нетерпением ожидая объявленного выступления товарища Сталина. Его ждали так долго, словно самого окончания войны, едва прозвучит его голос.

Ожидаящие недовольно поглядывали на юношу у сатуратора, который беспечно пил стакан за стаканом газировку с малиновым сиропом. Милиционер с нахмуренным лицом направился к нему, и тут из репродуктора отчетливо прозвучали слова:

— Братья и сестры!

Юноша допил стакан, удовлетворенно кивнул и пошел своей дорогой, рассеянно улыбаясь.

Милиционер забыл о нем сразу.

— Ну как? — услышал голос юноша. — Не страшен черт?

— Не знаю, — беспечно ответил юноша. — Не видел его.

— Тогда от милиции сам спасайся. Скоро верну тебе оболочку, тогда снова станешь себе хозяином.

5—25

Две очень воспитанные леди однажды вечером вели неторопливую беседу за чашкой чаю у камина о вещах и приятных, и важных для обеих. Одна получила всеобъемлющее воспитание, чтобы стать леди, другая стала таковой в силу сложившихся обстоятельств. Первая, старше и мудрее, была просто леди, и этим все сказано, другая стала первой леди. И этим все сказано.

Между ними незримо присутствовал Арлекин в красном колпачке, о чем воспитанные леди знали и тактично помалкивали, поскольку об этом не принято говорить вообще, а в светском разговоре особенно. Мало ли какие циклы совпадают, а орбиты пересекаются.

Именно про орбиты страстно хотелось поговорить обеим.

По-хорошему, надо бы им отлежаться и войти в норму, прежде чем начинать очень тонкий разговор, имеющий далеко идущие последствия — присутствие Арлекина так всегда раздражает женщин, — но одну справедливо величали железной, за умение ковать железо горячим, а другая торопилась получать удовольствия при любых обстоятельствах.

Первая была англичанкой и жила по принципу: мой дом — моя крепость. Другая первая становилась неистовой и руководилась принципом: мой муж — моя крепость.

Обе были замужем.

Англичанка имела воспитанного мужа, члена многих престижных клубов и обществ. Она владела им, как подобает леди; у русской супруг тоже был членом и умудрился стать большим, так и не научившись говорить правильно. Как принято в России, где много извозчиков и не знают географиев.

Англичанка догадывалась, что именно здесь находится лазейка к загадочному русскому характеру. Именно поэтому она, пренебрегая здоровьем, устроила эту интимную встречу, разумно полагая, что на тайной вечере ей будет проще выковать нужное железо с этой маленькой напористой женщиной, которая изо всех сил старалась удержаться первой. Что у мужа в голове, то у жены на языке. На голове ее мужа стояла отметина божья: «Осторожно — полудурок!», но его напористо подталкивали выше и выше, называли счастливымчиком.

Кто называл, кто подталкивал? Те, кому на Руси жить хорошо. Рэкетно-шмекетный пул под названием Коммунистическая Партия Совковых Самодуров. Увы, страна, из которой прибыла первая леди, считалась атеистической. Священного писания там отродясь не читали. Где черным по белому сказано: счастливыми бывают только дураки. Ну, в какой-то мере полудурки.

Для полноты счастья русской не доставало самой малости: чтобы ее мужа признавали равным себе леди и джентль-

мены, члены закрытых клубов, — а не просто членом, как принято в России.

Закрытый клуб — вертеп дьявола. Господь встревожился. Дело в возлюбленной России, где наполовину народ состоял из народа избранного, зашло так далеко по части несуразностей, что порешил Он вмешаться, для чего послал присутствовать при интимном разговоре своего судного ангела и не дать в нужный момент свершить дьяволу козни.

А точило гнева Господня переполнилось ранее, и гневался Он не на меченого полудурка, а на форменного мерзавца, повелевшего вырубать виноградную лозу, которую даже самые отупевшие тупые прозывают божьей. Этот же мерзавец был настолько туп, что и в компании типов, подобных ему, не нашлось другой работы, кроме как возглавить идеологию.

Случай посчитаться с дьяволом выпал отменный. В туманный Лондон, где из-за обилия каменных труб дьявол любил развлекаться по-черному, Всевышний послал своего соглядата с чрезвычайными полномочиями и велел незримо присутствовать в разговоре двух дам, которые запросто влезали в мужские дела и по причине обычного женского характера могли сорваться в любой момент и нагородить глупостей. На Арлекина они не обращали внимания, поскольку сунули ему «оби» и мило обихаживали друг друга с полным взаимопониманием. Дело того стоило.

Итак, в фешенебельной гостиной лондонского дома две первые леди вели интимный разговор, запивая прекрасным «пиквиком» вкусные бисквиты.

Разговор шел на английском без переводчика. Русская изъяснялась на английском так же плохо, как ее супруг на русском. Англичанка морщилась, но терпеливо улыбалась — дело интима стоило. Арлекин веселости не скрывал, потешался над косноязычием русской, зная, где ему вступить и заняться делом. Он даже симпатизировал русской: шутка ли, дюймовочка, не зная английских мер, собирается поставить своего недотепу вровень с рослыми каменщиками в обмен на Берлинскую стену.

Наоборот, англичанка ему не нравилась: от нее исходил запах серы. Он ограничился малой вежливостью к ней — плюнул в чай — и сосредоточился на русской.

Для начала он сунул руку ей за пазуху, расстегнул бюстгальтер и покрутил соски. Англичанка недоуменно сообра-

жала, почему вдруг стала нервно похохатывать русская. Он пощекотал ей под мышками, и русская пролила чай себе на платье. Воспитанная англичанка сделала вид, что не заметила, но русская по-русски ойкнула и на английском по-русски загладила неловкость:

— Ну знаете эта брошь что я есть подарить вам ну уникальная есть потому что ну из Алмазного фонда есть и теперь нет потому что есть дарить вам что дело серьезное есть ну. Давайте обсудим потому как. Ну.

Англичанка заставила быть себя железной, хотя ей хотелось сказать просто: милочка, нельзя ли проще? Помогите ввести моего мужа в особый круг лиц, где он будет равным и защищен от всех мыслимых и немыслимых невзгод. Все!

Но больше ее бесило частое «велл», отчего хотелось выказаться по-английски с русской лаконичностью: не понукай, дура, здесь я запрягаю. Она сдержалась. Славу Богу, что эта маленькая обезьянка понимает ее правильно.

— Разумеется. Но такие дела за чашкой чаю не решаются. Нужны поступки. Уместно ли вашему супругу, к примеру, насаждать демократию по европейскому образцу?

— Ну! Процесс пошел! Он есть Петр Великий! Он будет прорубать новое окно в Европу! Ну!

— О да! — подхватила англичанка и очень тонко намекнула. Так тонко, что Арлекину пришлось дернуть русскую за ухо, чтобы она не проворонила сути. — Петр Первый рубил окно топором, а вашему мужу надлежит пользоваться мастерком.

Русская ни хрена не поняла. Тогда Арлекин дернул и ее за ухо, после чего отчетливо сказал:

— Повтори ей!

Для верности он покрутил соски русской, как делают это для лучшей настройки приемника.

— Мастерок, наугольник и циркуль! — четко выговорила англичанка и внимательно уставилась на русскую, с которой стали происходить непонятные вещи: она томно закатила глаза и задышала страстно:

— Я так тебя люблю, то есть готова на все. Ну, ты понимаешь сейчас?

«По-моему, она извращенка, — выпрямила стан английская леди, чтобы отстраниться от русской. Мало ли что взбредет ей в голову. — Определенно пьяна или наркоманка».

«Отлично! — прочитал ее мысли Арлекин. — Недостает малой пакости, чтобы англичанка возненавидела русскую».

Коварный Арлекин легонько толкнул русскую в плечо. Чашка с чаем выпала из ее рук. Содержимое вылилось на оба подола. Обе всплеснули руками. Руки маленькой русской были проворнее. Она толкнула англичанку. Англичанка свалила фарфоровый чайник. Чайник и чашки были очень дорогими. Она вскочила и елеяно произнесла:

— Аудиенция ну есть закончена быть. Ну!

И вышла прочь.

Как бы там ни было, Всевышний прав: не женское это дело — политика. Она грязнее самой немытой проститутки с трех вокзалов.

— Джордж, — выговаривала следующим утром английская леди своему рыцарю, — мы неправильно делаем выбор. Если человек не посетил Хайгетское кладбище, это еще ни о чем не говорит. Нам нужно заново обсудить кандидатуру.

— Не понимаю почему, — ответил Джордж, одетый в кашемировую тройку с расцветкой Итонского колледжа. — Проведена огромная предварительная работа, кандидатура одобрена магистром Восточной ложи, и сейчас попросту нет ему альтернативы.

«Скажи главное!» — дернул леди за ухо и шепнул в него Арлекин.

— У нашего избранника жена дура. Понятно? Дура! И это надолго, — поджав губы, произнесла леди.

— Увы, мы просмотрели это. Но перестройка началась, обстановка благоприятствует.

— Зато не придется разваливать перестроенное, — жестко ответила она. — Нужен другой человек. Пусть дурак, но не полудурок. Надо выбирать их жен. Это умнее, Джордж. У меня есть на примете симпатичный русский пьяница... — Она недоуменно огляделась, массируя мочку уха. Арлекин перестарался. — Так вот, по-моему, это идеальная замена. Это «Solemn fool»*, зато жена тиха и умна. Сыграем в подкидного, Джордж.

— Хочу послушать, — учтиво согласился джентльмен.

— Коммунисты спешно уходят в подполье и строят свою тактику умных уголовников: взять на себя свежий маленький

* Дурак с умным видом (англ.).

проступок и сесть в тюрьму, чтобы скрыть громкое дело. Они поставили на этого пьянчужку, который наделает глупостей, благодаря чему власть снова окажется у коммунистов. Надо помочь именно ему, Джордж.

— Но он из их среды, — учтиво возразил джентльмен. — Есть опасения, что мы опять вложим средства, а получим по русской пословице: «Сколько волка ни корми, он хочет убежать в лес».

— Никаких средств в него, Джордж, только в создание среды, — поучающе сказала леди. — Ему только нужен такой поступок, который отвратит его от красных. Тогда он попадет в ситуацию между молотом и наковальней: красные отвергают, новые русские не принимают.

— Мне нравится это — «новые русские», — заметил джентльмен. — Пусть Би-би-си возьмет на вооружение это определение, — польстил он и продолжил тему: — Через подкидного можно предложить партию в бридж Православной церкви. Первыми в бизнес окунутся новые русские. Частью из отпрысков партийцев. Частью из уголовной среды. Уголовники набожны, партийные отпрыски беспринципны. Волей-неволей последние потянутся в храмы, чтобы не выделяться среди уголовников, порождая тем самым возрожденный культ Христа, не вдаваясь в каноны православия. Церковь получит воинствующих хамов и, падкая на подношения, примет в лоно свое семена плевел, а из них вырастут роскошные сорняки! Молодые вырастут еще безбожней. Развалят Православную церковь, мы убиваем двух зайцев. Если не больше.

— Гениально, Джордж! Стратегия подлинного мастера. Тактику мы продумаем отдельно. Гениально, Джордж, — повторила она. — Соединить Христа с антихристом — это гениально!

Она осеклась вдруг. Ей померещилось лилово-фиолетовое свечение. Странно, в этой гостиной не было хрусталя, мебель выдержана в цветах пурпура... Странно.

Об этом позже, решила она мудро: есть сомнения, поддайся им, если нет возможности избавиться.

«Будет о чем поломать голову Всевышнему», — размышлял ангел, улетаая прочь от туманного Альбиона. Туманного — это не от погоды, а от двусмысленной политики,

всегда выручающей страну, лишенную кладовых, но с хорошим аппетитом.

— Это ты ломай голову, — услышал он голос. — Ты судный ангел, именем Моим тебе дано право казнить и мловать. Меч давно даден. Как решишь поступить, так и будет.

— И куда мне теперь?

— Куда считаешь нужным. Волен решать, где тебе быть на пути дьявола. Крылья у тебя есть, оболочку возвращаю — счастливого пути! — напутствовал голос.

— Лечу! — ликующе воскликнул ангел и, завернувшись в лилово-фиолетовый смерч, закрутился среди звезд, затанцевал, рванувшись к Ориону.

— Легче! — насмешливо осадил голос. — Крылышки береги, других не положено ангелу...

Первым делом он унесся в Подмоскovie, разыскал не приметный «жигуленок» и подсел к крупному мужчине на заднем сиденье. Тот пьяновато глянул на него и принял за друга, а друг, соответственно, принял пьяноватый вид.

— Слышь, друг, тут у меня неподалеку клевые телки живут, давай засдем? — потормошил он соседа.

— Давай, — согласился крупный и пьяноватый.

— Только давай сначала побрызгаем, а то не дотянем.

— Давай, — пьяно согласился крупный, велел остановить на мосту и вышел. Он двинулся к перилам, и ангел про себя подсказывал: давай, давай, давай... Крупный дядя перевалился через перила и грохнулся в воду с приличной высоты.

— Готов! — сообщил водителю ангел.

— Поспешил, — услышал он голос. — Разве неведомо, что дерьмо не тонет?

— Вот ведь! — расстроился ангел ненадолго. — Сейчас я помогу ему исчезнуть...

— Стой! — приказал голос. — Не смей. Ты использовал свое право. Но из-за своей поспешности ты усугубил возможность наказания. Теперь вместо одного мерзавца тебе придется уничтожить десяток. Не спеши. Меч опускается легко, а подымается очень трудно. Не торопись.

Он внял ему, и молодой человек опустился в другом времени на скамью в сквере Большого театра.

Рядом сидел скучный паренек в очках, который уныло читал «Комсомольскую правду».

«Курские аномалии», — заглянул в раскрытую газету Судских. Паренек сердито посмотрел на любопытного соседа. Был он постарше Игоря и явно из разряда студийзовумников.

— Привет, — беспечно улыбнулся Игорь. — Где-то мы уже встречались. На веранде в Кусково?

— На поточной лекции, — снисходительно ответил паренек, как умеют делать это старшекурсники: вроде не обидел, но смачно унизил. — На лекции по атеизму. Так и быть, — оттаял он, — меня Ильей зовут. Илья Триф.

— Игорь, — пожал протянутую руку Судских.

— Почитаешь вот, — указал он на разгромную статью в газете, — как наши комсомольцы жить спешат, и до того противно, что хоть в монахи уходи.

— Так иди, — разрешил Игорь.

— Нельзя мне, — вздохнул Илья. — Пятая графа. Еврей я.

— Еврей и еврей, — не придал этому значения Судских. — Человек и человек. Доучись. Там видно будет.

— Надоело, не по мне этот факультет. Какой из меня гуманитарий, если я в уме такие комбинации обсматриваю — тебе и не снилось, в теории больших чисел самостоятельно разобрался! Дернул же черт на психа пойти, думал, там проскочу.

— Хочешь, подскажу вот такой вариант? — показал большой палец Игорь.

— Давай...

— В Плешку переводись!

— На колбасника меня не возьмут. Престижная профессия.

— Зачем тебе в колбасники? Читай, — щелкнул он ногтем по газете: — «...приглашают всех желающих, умеющих производить в уме точные математические и алгебраические вычисления». Новая кафедра открылась — прикладной экономики!

— Вот это правильно! — одобрил голос. — Теперь желающих развенчивать Христа нет.

— Зато появится блестящий экономист, — возразил Судских.

— Пусть появится. Будет на ком гайдарам и чубайсам учиться. Я возлюбил этот народ за умение перехитрить даже самих себя.

Судских остолбенел от неожиданности. По коридору Лубянки прямо на него шел он сам, Судских Игорь Петрович, в новеньких подполковничьих погонах. Пуст коридор на этаже Воливача, и он сам, подполковник органов, навстречу.

«Господи, я же непьющий! — протер глаза Судских, а двойник кивнул на ходу и прошел мимо. — Нет, так не пойдет...»

— Игорь Петрович! — окликнул он подполковника. Тот оглянулся, поискал глазами зовущего, не нашел и зашагал дальше. Судских он не заметил.

«Так, присхали... Галлюциноз».

Последнее время он замечал в себе странности. Работы неувпорядоченности в связи с созданием нового Управления стратегических исследований, которое Воливач поручил ему, а его вдруг стали обуревать непонятные видения прямо среди бела дня. То отчетливо представляется, как он бродит по незнакомому древнему городу, то попадает в Москву в начале сороковых и хлещет газировку стаканами, которую сроду не пьет, и как одет? В рясе и клобуке! А то еще Сталина поучал, как воевать...

На первый случай он пошел за советом к умненькому Грише Лаптеву, которому по части чудес доверял полностью. Гриша руками пассы не делал, а расчехлял чудеса на компьютере.

— Слушай, Гриша, что это за город? — спросил он и описал картину, виденную им.

— Иерусалим, Игорь Петрович! И вы там не были?

— Никогда, — отрицательно закачал головой Судских.

— А я два года назад в турпоездке побывал. Вы так верно описали нижний и верхний город. Слов нет! — восхитился Лаптев. — В кино видели?

— Какое кино! Из башки, черт бы се побрал!

— Черта не надо, Игорь Петрович. Это от Бога. Я бы радовался.

— Радоваться будем позже. А сейчас что делать?

— Да психиатру показаться на всякий пожарный случай, — запросто разобрался с проблемой Лаптев.

— Ага, — мрачно согласился Судских, — а мне пришьют метку сумасшедшего — и в отставку? И куда? В стране раз-

брод, работы не найти. В охранники? Так я оружия толком не знаю... Черт, голова идет кругом. Сегодня самого себя видел...

— Чепуха, — не удивился Лаптев. — Раздвоение личности. Давайте я со своим знакомым нейрохирургом посоветуюсь, а там видно будет. Восходящее светило Олег Луцевич. Лады?

— А куда я денусь? — вздохнул Судских.

В конце недели он устроил обещанную встречу, и Судских отправился к профессору Луцевичу.

Восходящее светило оказалось крепким плечистым мужчиной с теплыми глазами и улыбчивой физиономией. В таком тепле бабы размякают и тонут голяком. В другом месте Судских принял бы его за тренера качков или бывшего зэмэса, а то и за коллегу по службе в органах, но дело происходило в престижном медицинском учреждении, и стереотипно напрашивался вопрос: «Ну-с, батенька, с чем пожаловали?»

— С головой нелады, — прямо ответил Судских.

— Голова — не жопа, — по-приятельски констатировал Луцевич, отчего Судских повеселел. В кабинете одни, глядишь, мирно головка исправится. — Чай, кофе, коньяк, шампанское?

— Даже так? — поддержал его веселость Судских. — Тогда отправимся в ближайший кабачок, на том лечение и закончим. Возражения есть?

— Никаких, — принял игру Луцевич. — Кофе с коньячком — милейшее дело при нервных перегрузках.

Они перешучивались, но Судских внутренне догадывался, что Луцевич изучает его, за игривостью беседы идет пытливая работа и диагноз выстраивается.

Выпили по чашечке кофе, притерлись друг к другу и, кажется, понравились. Парочка вполне составлялась для похода в кабачок.

— Так что у меня? — желал знать диагноз Судских.

— Ничего, — вплеп диагноз прямо в нить разговора Луцевич. — Мне Гришутка объяснил, какие проблемы вас мучают, но отклонений я не нашел. Встрясочка была при вашей работе, Игорь Петрович, — перешел на вежливый тон профессор.

— Давай на ты? — предложил Судских.

— Согласен, — кивнул Луцевич. — Скажи, Игорь, у тебя родинки есть?

— Кажется, есть одна, с год, как появилась. На бедре.

— Снимай штаны. — Судских посмотрел на него: шутит? — Я серьезно. Глянуть надо, тогда обскажу, в чем дело.

Внимательно осмотрев бедро Судских, он другими глазами посмотрел на него. Будто Судских профессор...

— Дружище, а ты божьей печатью отмечен. Такие стрелочки Его Высочество ставит на любимцах.

— Скажешь тоже, — засмутился Судских.

— Так и сказал. Одевайся. С такой штучкой можно не работать. С год назад, говоришь? Вот. С год зря на службу ходишь.

Расхохотались оба, и Судских опять не уяснил: шутит Луцевич или серьезен? И с головой все в порядке, еще и в боженьки вышел.

— Не шучу, — серьезно подтвердил Луцевич. — Понимаешь, природа родинок своеобразна. Если объяснить упрощенно, путем такой пигментации организм освобождается от определенного вида шлаков, предохраняясь от болезни. Вариант твердого пота. При исследовании пробы из родинки там обнаруживаются перерожденные клетки. Будто тебя провидение спасло от чего-то и предупредило: не балуй больше, накажу. Содрать родинку нельзя, иначе канцерок обеспечен. Дал бог, носи. Из-за этих родинок я напрочь рассорился с онкологами. Устоялось мнение: рак — заболевание. Как появляется — не знают. Как вылечить — не ведают, только облучать и резать. А я говорю — нет. Рак — особое заболевание нервной системы и эндокринных желез. Не хочет организм сопротивляться, устал, понервничал, к примеру, или заклинило на чем-то. Будь я онкологом, я бы такой переворот устроил!

— В чем дело? — поддержал Судских. — Тогда онкоцентр не Блохинвальдом назовут, а Луцевальдом. Светлее станет.

— Это для нас светлее и для пациентов надежда, а онкология — дело темное. Методы наработаны, специалистов подготовили для определенного режима работы: облучение, химиотерапия, операция. В любом из случаев больной протягивает годик-другой. Другого онкологи не признают и знать не хотят.

— А есть они, другие методы?

— Есть, — утвердительно мотнул головой Луцевич. — Народные медики наработали, знахари, экстрасенсы. Натуральные, заметь, но светила онкологии никогда их методы не примут.

— Почему?

— А на кой им это надо? Хлеб, батенька. А переучиваться желания нет. Врачевание как таковое на поток не поставишь, это строго индивидуальный подход к каждому пациенту, а онкология сродни религии. Терпите. Бог терпел и нам велел.

— А ты бы свою теорию выдвинул.

— Выдвинул. Более того, доказал, что онкологию надо лечить с головы, где собраны центры управления.

— Приняли?

— Нет, меня задвинули. Весь темный онкологический мир, как инквизиция, на меня ополчился. Нет, и все! Подключили телефонное право и начали показывать, как старших не слушать. Сначала с кафедры изжили, отобрали преподавание, сто штук потерял, потом оперблок урезали — еще триста. Представь, я — профессор, специалист, получаю вровень с уборщицей. Вот где онкология. Все общество пронизано метастазами, проститутки в норковых шубах на чай двести баксов дают!

— Сочувствую, — сказал Судских. Нового друга было жалко.

— А я не жалею. Меня в Швейцарию пригласили, возглавить частный центр, годовой оклад полторы сотни тысяч баксов, не считая операций. И те же проститутки приедут лечиться ко мне в Швейцарию. В нашем совке одни полудурки остались. Гадят здесь, лечатся там. Я не для протокола, — спохватился Луцевич.

— Не говори глупостей, — нахмурился Судских. — Я тебя понимаю, а то, что умные ребята разбегаются, до слез жалко. Когда-то назад собирать их придется?

— Когда-то. Но на четыреста штук я жить не умею. Живи со мной на такие деньги премьер с командой, президент, Дума — согласен. Мозги не продаются, бесплатно не работают. Суки идейные, — ругнулся он. — Безмозглые и вороватые. Ни одного приличного лица в руководстве! Ладно, будет для них и великий пост. А ты за свою родинку не переживай. И с нервишками у тебя тип-топ. Надо полагать, тебе бо-

женька сообщить что-то важное хочет. Может, звездочку на погоны, может, на молочишко подбросит, всякое бывает.

— Верю тебе, — расслабился шуткам Судских.

— Тогда временно прощаемся, а часа через три созвонимся. После операции заведем горе веревочкой?

— Я приглашаю, — предупредительно заявил Судских.

— Не откажусь, — улыбнулся Луцевич. — В органах еще платят?

— Пока еще платят.

Пожали руки, и тут Луцевича осенило:

— Слушай, Игорь, идея возникла. Хочешь глянуть, как я онкологического на ноги поставлю своим методом?

— Это интересно, — задумался на секунду-другую Судских. В Ясенево сегодня возвращаться не надо, прочие дела закончил, Воливач искать не станет. — Согласен. Так ты ведь нейрохирург?

— В этом весь фокус. Слушай. Как-то познакомился я с уникальной личностью. Человек разбирается в Каббале и во всех эзотерических штучках лучше, чем я в своем гардеробе. Такие вещи знает, закачаешься. Года два назад от бедности научил свою половину гадать. Что ты думаешь? Стала бабенка загребать в месячишко миллионов до десяти. Народ к ней валом валит, за предсказания платят не скупясь. И все точно.

— Дар открылся? — заинтересованно спросил Судских.

— Нет, — с иронией махнул Луцевич. — Муж ее, Георгий Момот, в соседней комнате направлял. Через год она оперилась, глупости стала выделывать. Георгий велел ей бросить дурачить людей. А она заявляет: я потомственная гадалка, и можешь топать вообще на три буквы или на все четыре стороны.

— В самом деле потомственная?

— Какая чушь... — поморщился Луцевич. — Бывшая партийная сучка! Осталась без работы, стала потомственной ясновидящей. Не в том суть, слушай дальше. Георгий плюнул на все это и укатил в Литву, где ему наследство было завещано, дом, наукой занялся. А на днях позвонил. Что ты думаешь? Рак второй степени, опухоль в правом полушарии мозга. Практически не жилец. А мне жалуется: я этой сучке некоторые тайны открыл, вот меня Всевышний и на-

казал. Денег нет, что делать, не знает. Тогда я ему свою методу предложил, обещая бесплатную операцию и полное здоровье. Минут через пять начнется операция. Хочешь взглянуть? В обморок не грохнешься?

— Нет, не грохнусь, но неловко. Там все ваши делом заняты, а я кем буду? — постеснялся Судских.

— Рядом стоять, — убежденно ответил Луцевич. — Пока еще я в оперблоке начальник.

— Уговорил! — махнул рукой в знак согласия Судских.

— Олег Викентьевич, все готово, — сообщила по интересному медсестра.

— Женечка, еще один комплект спецодежды, — попросил он. — А Толмачеву скажи, референт из органов будет присутствовать. Шучу, — успокоил он Судских. — Не волнуйся.

В зеленом хирургическом наряде Судских не почувствовал неловкости, занимали мысли о другом. Он не сказал, что знаком с женой Момота Ниной Мотвийчук. Эта аферистка выросла довольно крупно при всем честном народе. Втерлась в доверие к президенту, вошла в окружение и теперь чуть ли не главный ясновидящий страны. Такую глупость морозит, а старый козел совсем из ума выжил: решения принимает, когда с ясновидящей посоветуется, а та с умной физиономией — да, вижу расцвет державы, если Немцова в правительство перевести, вижу вас властелином всего мира... Пришлось органам вмешаться. Воливач дал задание компромат собрать и посоветовать ретивой дамочке исчезнуть. Копнули, залежи компры нашли.

Судских почему-то сразу поверил словам Момота о наказании божьем. Дуракам и аферистам верить непознанное опасно. Знаешь — помалкивай, а учеников бери по божьей отметке. Не на лысине, разумеется: на видном месте клеймо ставят.

В операционной царил стерильная белизна стен, матово отсвечивали всевозможные хирургические инструменты, приборы вытикали положенное им. Центр не был бедным, но хозяин жадничал на оплату искусства.

— Стой здесь, — велел Луцевич стоять одесную Судских.

— Но, Олег Викентьевич! — возмутился второй хирург. — Здесь мое место! — Маска прикрывала ему рот, но не возмущение.

— Уймись, Толмачев. С завтрашнего дня будешь командовать. Распоряжение премьера. Это же муж самой ясновидящей Нины! — поднял он руку, как просит оркестр дирижер вытягивать заключительный аккорд. Толмачев заткнулся. — Наркоз больному! Толмачеву кляп, мне соленьицкий огурчик сразу после операции, можно вместо, — шутовал Луцевич, будто не было серьезного случая и Момот пришел на экскурсию.

Перед тем как медсестра Женя прижала маску ко рту Момота, Судских заглянул в его глаза. Там не было страха, абсолютная уверенность в Луцевиче.

Предстояло начинать с трепанации.

«Не стоит, — почему-то подумал Судских. — Незачем вскрывать черепушку полностью...»

— Трепанация отменяется, незачем вскрывать черепушку полностью, — эхом откликнулся Луцевич, а Судских не обратил даже внимания.

— Олег Викентьевич, я вас не понимаю, — обратился Толмачев.

— Отстань, следи за пульсом, — как от мухи, отмахнулся Луцевич.

«Нужно точнехонько выйти на гипоталамус...»

— Женечка, выбрей Георгию тонзурку на макушке.

«Верно, лучше входить сверлом», — про себя подсказывал Судских и не удивлялся, что ровным счетом ни бельмеса не смыслит в хирургии.

— Длинное сверло-пятерку и датчик к самому темечку. Отсос сразу, — кратко распорядился Луцевич.

Хорошенькая медсестра даже в операционном наряде не потеряла свои прелести, шустро исполняла его приказы.

«Нравится ей Алька, пожалуй, влюблена по уши, — догадался Судских. — Тогда бы ей надо в ногах стоять...»

— Роднулька, стань в ногах и наблюдай за его лицом. Откроет глаза, скажи, — велел Луцевич.

Едва слышно зажужжал моторчик, и сверкающее сверло зашпешило во вращении. Луцевич примеривался к темечку.

«И не думай даже, целься в пятнышко...»

Луцевич весьма странно посмотрел на Судских, чего тот не заметил, поглощенный кручением сверла.

Шмель буравил кору, подбираясь к личинке. Длинный хоботок нащупал ее. Она не понравилась. Искалось дру-

гое: хотелось живицы, какая скапливается возле спящей личинки.

— Отсос!

По тонкому прозрачному капилляру побежала в отстойник бурая жидкость. Луцевич контролировал:

— Достаточно.

— Смотрит! — воскликнула медсестра. — Он глаза открыл.

— На то и глаза, — спокойно встретил сообщение Луцевич. — Женечка, йодовидон и пластырь. Все, Жора, слезьте со стола и готовьте стол по случаю. Как самочувствие?

— Нормально, — сел на операционном столе Момот. — Звон исчез, тяжести в голове не стало. Можно? — показал он на голову.

— Хоть сто порций щупайте.

— Так трепанации не было? — с удивлением ощупывал черепушку Момот. — А что было?

— Ничего и не было, — оттянул маску со рта Луцевич.

— Олег Викентьевич, понимаете, у меня такое ощущение, будто ваш коллега вошел в меня и оттуда сверлышко направлял.

Луцевич опять странно взглянул на Судских. Тот улыбнулся.

— Олег Викентьевич, вы гений! — воскликнула медсестра.

— Полнейшее нарушение всех норм, — пробурчал Толмачев.

— Коллега, — повернулся к нему Луцевич. — Пи и по отсюда.

— Я буду жаловаться!

— Пожалуйста. В швейцарский парламент. А пациент на моей совести...

— Вот и чудно, — услышал голос Судских. — Теперь отец микросенсорики займется другим делом.

— Жалко, — ответил Судских. — Прекрасная наука.

— Не жалей. Время не подошло, — успокоил голос. — Пусть он пока с теорией относительности разберется. Не все там гладко. Пусть создает теорию обязательных величин, чтобы дьявола усадить на цепь.

— Это возможно?

— Ты сам убедился. Ничего невозможного нет. С божьей помощью, разумеется...

Тайное письмо пришло с нарочным, и, прочитав его, патриарх оказался в полном смятении. Кто бы мог подумать, что пекущиеся о славе христовой оказались оборотнями, как были полны глумливых намерений, такими и остались? Не гнев переполнял владыку, а полная удрученность от содеянного единоверцами.

«...А еще отвечаю, владыко, что овцы ваши суть есть волки, которые пришли в овчарню, дабы переждать холода, а едва растеплится, загрызть овец и самого пастыря».

Как можно, недоумевал патриарх, творить дьявольские дела и умильно целовать крест православный?

«...Негоже православному клиру обольщаться, принимая дары данайские, не заботясь о чистоте помыслов дарящих, ибо сказано в Писании: «Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них».

И это в те дни, когда сам он уверовал в искренность и справедливость намерений вновь обращенных в христову веру собратьев своих, решив способствовать укреплению славянских позиций в державе.

«Нет, Отче, не пребудут они в праведном послушании и отплатили уже черной неблагодарностью».

Патриарх перечитывал письмо, выхватывая наиболее укоряющие куски тут и там, но в каждом из них сквозила горестная суть: передоверился ты, пастырь, грех твой велик и отмолению не подлежит, ты сам помог выжить подлому врагу.

А случилось следующее.

С немецкого подворья Православной церкви сообщал тайный осведомитель, проверенный многожды в верности своей, что в Берлине встречался с высшими представителями неонацистской партии не менее важный русский правительственный чин и беседа их носила сугубо секретный характер.

«...Еще ранее, в марте прошлого года, встречались они в аргентинском городе Кордова в присутствии скрывающегося от правосудия Мартина Бормана, где принято было слить подпольные капиталы обеих партий для организа-

ции легального нацистского движения в Германии и России одновременно. Причина такого слияния была одобрена Борманом, который открыто заявил на встрече, что два арийских народа обязаны возродить чистую веру подлинно арийской расы».

«Мыслимо ли это, откормленные волки из прежних лет нашли друг друга и, несмотря на преклонный возраст свой, растят стаю для новых дьявольских гонений на христианский мир?» — в смятении размышлял патриарх.

Но может ли он владычествовать, если самолично потворствовал вчерашним обидчикам христианской церкви, антихристам-коммунистам, и как же тогда не прогневался Господь, если именем божьим благословлялись на разбой немецкие солдаты?

«А потому, владыка, коль сокрытых денег у нацистов и коммунистов суммы немалые, грядет в ближайшие годы беда большая, и надобно не медля бить в набат и объявлять повсеместный поход против волков в овечьих шкурах, окаянных коммуняк, ушедших от справедливого наказания тогда и несущих великую скверну сейчас.

И мы, немцы, и вы, русские, знаете, сколь мерзостен нацизм и какие беды принесли коммунисты, а если дать им объединиться, от одной мысли становится страшно, какой безжалостный урод появится от этого грешного соития».

Не укладывалось в голове. И раньше были подобные послания, что заигрались молодчики в русский порядок, присягая на кресте, а бесстыжие вчерашние правители прибрали в свои грязные руки их вместе с благими помыслами. А его патриарший грех в том, что дал себя убаюкать и приход чумы просмотрел.

Почти сутки патриарх не покидал своих покоев, перечитывал послание, молился и места не находил от полного смятения души. В пятом часу утра он по-прежнему не ощущал голода и усталости от долгих бдений. Он не нашел решения, как поступить ему, и это угнетало больше, чем само послание.

Куда ни кинь, всюду клин. Не может он отринуть одних ради защиты других, ибо не виноваты те, кто ради спасения земли русской по недомыслию младому стал под бесовские знамена, поклялся исполнять основной завет беспрекословно. На кого же кликать ему гнев божий, на чью сторону стать?

— Грешен! — упал он на лицо свое и долго пребывал в таком положении, а когда снова воздел руки к образам, испрашивая божьей помощи, пламя лампад и лампадок всколебалось, и лилово-фиолетовый дым коснулся его.

Он восстал с колен и увидел перед собой молодого мужчину, одетого по причине сырости в плащ.

— Господи, спаси! Кто вы и как сюда попали? — задрожал голос владыки, и не хватило сил протянуть руку к колокольцу и вызвать службу. — Что вам здесь надобно?

— Прошел я сквозь стену, и я посланец божий. Вы молили о помощи, и я здесь, — ответил пришелец спокойным голосом.

Патриарх закрестился, оберегая себя от дьявольских помыслов и происков. Пришелец не исчез.

— Но кто вы именно? Плоть ваша настоящая, а имя ваше?

— Имеет ли это значение? Допустим, в миру я работник органов безопасности, — без рисовки отвечал пришелец.

— Разве может посланец божий работать в столь безбожном месте? — выгадывал патриарх время, чтобы не выказать своего замешательства.

— Владыка, в вашем клире безбожников развелось больше, чем в органах. Вам ли не знать?

— Не верю вам.

— Могу доказать. Мне известна каждая строчка послания, — кивнул он на письмо. — Из-за него я послан. Вы находитесь в затруднительном положении.

— О, это просто сказано! — помимо воли воскликнул патриарх. — Вы христианин? Крещеный?

— Нет, владыка.

— Как можно! — ужаснулся патриарх. — Брать на себя труд посланника божьего и не быть крещеным?

— Служение Богу не есть ношение креста на груди, а помещение Его в сердце, а православие не есть право на славу и волю человек. Не будем устраивать диспут на богословские темы, — примиряюще сказал пришелец, видя, как готов возмутиться патриарх. — Повторяю: вы в трудном положении и без знака Творца принять решение не способны. Укрепите сердце свое и примите наказ Всевышнего.

— Не могу я верить вам! — взмолился патриарх. — Знаков не вижу сильных. Уйдите!

— Фокусов показывать не стану, — усмехнулся пришелец, — но доказать докажу.

Он приблизился к патриарху и шепнул ему три слова.

— Вам ведомо святая святых? — чуть не лишился чувств патриарх, и пришелец кивнул. Патриарх снова перекрестился: — Тогда реките, — склонил он голову в согласии.

— Всевышний уповает, что силою своей духовной власти вы убедите президента уйти в отставку.

— Но это светская власть! Как я могу вмешиваться в мирские дела, не имея на то благословения божьего!

— Как? Вы обрушились на фильм Скорцезе «Последнее искушение Христа», хотя он в доступной форме говорил людям, что служение Богу выше мирских утех и самой жизни. Вы духовник Всея Руси!

— Не примет он меня, а примет — не станет слушать.

— Тогда повесьте свои священные вериги на гвоздь и удалитесь в монастырь. Я наказ вам даю и не обсуждаю частности. Это глас божий. Он необсуждаем.

С патриархом в подобном тоне никто и никогда не разговаривал, и трудно было представить, что вот так просто явится к нему пришелец и прикажет отработать сан свой именем божьим.

— Глас народа — глас божий, — заметил пришелец. — А народ русский взывает к справедливости, к суду над теми, кто узурпировал их плоть и душу. Удачи вам, владыка. Я буду рядом в час вашего испытания, — сказал пришелец и растворился в стене.

Можно верить, не верить, принять за обманные видения, но попробуй он не исполни воли Творца, если его посланник назвал священное таинство?

Дождавшись в молениях утра, патриарх распорядился договориться с аппаратом президента об аудиенции.

Проще пройти через игольное ушко, чем встретиться с президентом. С нынешним. То он болеет, то отдыхает, то лечится, то занят. Неизвестно чем. Ничем не занят. Врет — это следствие служения лживым коммунычым догмам, а президентское окружение со смешками и ухмылками, с тазами и кошелками растаскивает воровски последнее народное добро.

Таких мерзавцев вокруг себя даже сам дьявол не сподобился собрать. Ибо дьявол цель имеет, умен и хваток, а этот даже мозгов не имел, отбитых алкоголем.

Распаленный долгими и пустыми согласованиями аудиенции, владыка совсем убедился, что ему не привиделся посланец и давно бы пора надрать уши клятвопреступнику, а буде он в справии телесном, и пинка дать.

В конце концов за два месяца визит патриарха утрясли.

И не было бы трудностей, когда бы не пожелал владыка говорить с президентом с глазу на глаз без посторонних, — как могли допустить сановные прихлебаи святотатство протокола? Но владыка исхитрился, целей просьбы не выдал, а всего лишь намекнул, что надобно донести главе государства благую весть. Но без свидетелей.

Президент принимал патриарха в уютном кабинетике, нашпигованном подслушивающими и записывающими устройствами. Минимум пять разных тайных служб пожелали видеть и слышать беседу. Самодовольным жестом президент предложил патриарху сесть, но к ручке не приложился из соображений: ты титан — и я титан.

Патриарх решил высказаться стоя.

Незаметный для обоих, судный ангел отключил видеокамеры и нарушил микрофонное хозяйство, а после чего шепнул владыке:

— В полемику не втягивайся, врежь ему от души и уходи.

Президент ждал, какую именно благую весть принес ему патриарх, а раз не садится, не иначе просить будет его принять корону империи. Президент слегка развалился в кресле.

— Встань! — властно приказал патриарх.

— Что за фокусы, владыка? — чуть не засмеялся президент. — Я у себя дома, а вы не хотите присесть — воля ваша.

— Подними задницу, — приказал судный ангел. — А то на коленях будешь стоять!

Это уже серьезно — насторожился президент, услышав глас незримого. Вот так благая весть!

Он поднялся. И патриарх приступил к миссии.

— Я принес вам письмо, которое доподлинно доказывает, сколь далеко зашло беспутство вашего окружения при вашем полном попустительстве. Терпеть дальше нельзя.

— Давайте, — высокомерно и раздраженно произнес президент и протянул руку за папкой в руке патриарха.

— А посему надлежит вам сложить с себя полномочия главы страны и удалиться от власти вообще.

Гнев ударил в голову президенту.

— С каких это пор, — говорил он, — попы диктуют условия и вмешиваются в мои дела? Не шибко ли распоясались?

— С тех самых пор, когда президент поклялся на Конституции заботиться о народе! — гневно ответил патриарх, и судный ангел похвалил:

— Правильно, владыка. Много о себе мыслит этот червь. — А президенту посоветовал: — Не вздумай оскорбить божьего слугу. Язык с корнем вырву!

И для начала превратил он любимые тапочки президента в труху вместе с носками.

И стоял глава босиком, стыдливо поджимая пальцы ног...

— Я обдумаю ваше предложение, — хоть и в полном замешательстве, но внял он голосу разума. Может, божьему гласу, может, народному, а скорее всего своему собственному: никто на помощь не идет, а в ушах свербит от оскорблений.

— Не обдумаю, — настаивал патриарх. — А немедленно. Завтра чтобы в Кремле и духу твоего не осталось.

Патриарх стукнул державным посохом в пол и величаво удалился.

— Доигрался? — спросил судный ангел президента. — Так тебе и надо. И не жалко. С кривыми помыслами на державу не замахивайся. Ты столько раз обманывал народ, что нет тебе прощения!

Когда недоумевающая челядь всежала в кабинет, она застала президента сидящим на диване в полной отрешенности, босиком, и только лилово-фиолетовый дымок расплывался под потолком. Челядь принюхалась. Потом присмотрелась. Президент явно надышался какой-то гадости. А вообще-то он стар и глуп... Только где теперь брать другого такого?..

В канун Рождества Христова, двухтысячного по счету, новый президент России получил уведомление о желании патриарха встретиться с ним ненадолго и без посторонних.

— Зачем? — спросил президент у помощника, принесшего эту просьбу. — Я человек неверующий, играть в глупости не хочу. Верующих уважаю, и этого достаточно.

— Настоятельная просьба, — подчеркнул помощник.

Президент подумал и сказал:

— Судских пригласи.

Молодой генерал-майор, старый товарищ президента, явился незамедлительно. Президент спросил его:

— Как ты думаешь, зачем? Просить что-то станет?

— Я думаю, как раз наоборот. Передаст нечто.

— А что? Как считаешь?

— Аудиенция с глазу на глаз... Я думаю, передаст святая святых, — уверенно ответил Судских.

— И что это?

— Завет. Всегда беречь Родину.

Часть четвертая
СУДНЫЙ АНГЕЛ

Так вот, в одной старой легенде говорится, что византийский орел поднялся очень высоко и просил Творца о великой милости:

— Больше не хочу быть исключительным, сделай меня нормальным!

Всевышний пребывал в веселом настроении:

— А что Я тебе говорил? Одна голова — хорошо, а двух главис — признак дебильности...

*Если ты в день бедствия оказался
слабым, то бедна сила твоя.*

Соломоновы притчи

1—1

Расслабившись, Судских подремывал в дежурном помещении за президентским кабинетом. Оставались считанные минуты покоя, затем надо бриться, взбадриваться, включаться в дневные часы бытия. Президент, хотя и благоволил к нему, вида второй свежести не терпел, был требовательным, оставляя на дружбу мгновения, а на службу все двадцать четыре часа.

Как любой человек, Судских испытывал слабости и теперь настойчиво высвобождался из теплых объятий дремы. Он почти уговорил ее уйти, когда ощутил на себе пристальный взгляд. Глаза открылись, а палец замер на пульте вызова охраны.

Перед ним стоял юноша с волевыми и приятными чертами лица, одетый просто и неприметно.

— Не пугайся, Игорь свет Петрович, — опередил он вопрос. — Кронид я, сын Марьи.

— Кронид? — включился механизм мозга Судских. — Но ты ведь не родился еще и родишься ли вообще? — успокоился он внешне, а удивление торило тропку в отаве разума.

— Вот он я! — ответил Кронид улыбочиво. — Сдвижка времен произошла с твоей помощью. И мне суждено появиться ранее. Божий посланец я. Хорошо, плохо ли, но обстоятельства искривились, жизнь пошла по иному развитию, и Всевышний велел известить тебя. Ты ведь судным ангелом назначен?

Судских кивнул, внимая Крониду. Приход его несвоевременный и спешность обоснована вмешательством сил

небесных в земные дела. Случай не частый, но первостепенный и не чистый.

— Всевышний предупреждает, что Ариман собирается взять реванш за поражение в прошлом году. Ты помешал его планам свершиться полностью — Церковь не поддержала коммунистов, вняла голосу разума, и к власти пришел разумный человек. Он не пичкал россиян сказками и волю свою утверждал открыто. Где надо, хитер, расчетлив, слов и денег на востер не бросает, но у сильных людей есть маленькая слабость, которая приводит их к большим потерям, — они слишком твердо стоят на земле, чтобы ощутить вибрацию малых сил, предвестниц землетрясения. Нет у них дара мгновенно распознать перерождение птички в дьявола...

Судских молча согласился. Допустим, встреча с патриархом. Президент встретил его учтиво и достойно, а о чем говорить с духовным правителем, слов не нашел, кроме обязательных. Ну и зря. Владыка не за посулами пришел, не за оплатой помощи, а хотел услышать обычные теплые слова понимания, путь и живут они в разных слоях величия. Маленькая заноза могла в будущем породить чирей, а там и до гангрены, не дай Господи, рядом. Столько бед пережито, сколько душ загублено, лишь бы не дать дракону птичкой впорхнуть в кремлевские палаты! Опять склеивать разбитое время и зыбкое пространство? Такое и в сказке-то один раз случается, чтобы дети к чудесам не привыкли...

— Поэтому ты рядом с ним. Дорого обошлась нам его победа, — продолжал Кронид. — Всевышний дал тебе волю судить его поступки, если они несут вред. Не жди напоминаний: без замаха бей.

«Каков стал? — частью корябали слова Кронида, частью удивляли жестокостью. — Мутанты непредсказуемы. Впрочем, Иисус был не подарок тоже».

— Пока ничего опасного не нахожу, — высказал он свою точку зрения. — Президент властной рукой наводит порядок в разграбленной стране. Посул не дает, поблажек не дает...

— И с твоего молчаливого согласия уверится в собственной непогрешимости, не заметит прихода дьявола. Еще и поможет.

— Так я и позволил! — вспыхнул Судских.

— Княже, сделка с Ариманом никогда не бывает обременительной вначале и не удручает никогда — смена убеждений, и только. Его служители подобны плесени, они не появляются извне, возникают на месте, тихо и незаметно проникая во все поры общества. Там буква затерялась в алфавите, там стекла перестали мыть, там забыли поздороваться, там старика выгнали из дома — так эта поросль вживляется и окрепшей культурой заполняет пространство. Масонство, княже. Его породил Соломон и отвел три тысячи лет для полного воцарения новой культуры. А это новое рабство. Масоны везде, но окончательной победы к двухтысячному году не добьются. С божьей помощью ты нарушил их текущие планы, а это время, которое не вернуть. Сроки сдвинулись, и прислужники Аримана проявляют нервозность, делают ошибки. Воспользуйся. Смело добивайся до их корней, проникай в глубь времен до основы причин, тут они тебе помешать не смогут. Ты будешь подобен пулеметчику перед строем лучников, рази смело!

— С чего мне начинать? — осознал необычность задачи Судских.

— Тебе виднее, — почти удивленно ответил Кронид. — На то ты и судный ангел Всевышнего, с той лишь разницей, что караешь не следствия, а причины, разишь не вершки, а корни. Дерзай, княже! Поступательное движение необратимо...

Как он явился в последнюю секунду сна, так и растворился в нем, легким дуновением колыхнув складки штор на окне.

Судских сел прямо, упершись обеими руками в упругий диван. Ведомо ему все сказанное Кронидом, но как искоренять пыль, если сама она суть вещей, часть естества? Все ветшает, приходит в упадок и разрушение, на месте прежней жизни возникает другая...

Тогда стань прахом и смиренно жди под ступнями чужих ног, когда придет возрождение, которое может и не наступить.

В шесть часов утра взбодренный холодной водой Судских дождался рапортов о готовности к рабочему дню структур охраны и передвижений президента. По заведенному порядку в это время он вставал, мог и раньше.

— Игорь Петрович, — включилась дипольная связь. — Президент вызвал машину, едет в Кремль, — доложил дежурный офицер.

Судских был координирующим центром. Должность, которую ввел новый президент. Что бы ни случилось в стране чрезвычайного среди ночи, решения принимал один из главных офицеров безопасности. Он требовал, он и отвечал. Прержняя королевская рать себя ответственностью не обременяла, а кавардаки в стране, как правило, начинались с ночи. Утром кавардак брались разгребать, перекладывая обломки со своей здоровой головы на больную, еще не совсем отмороженную голову. Хорошо получалось. Рыжие мальчики надували щеки перед черными, те подключали лысеющих, и все они вместе устраивали здоровый одесский шум. Президент, согласно сценарию, стучал кулаком, наступала тишина, и появлялся герой. Он исполнял долг и пропадал со сцены, а мальчики из команды затесали новый хоровод, баюкая выжившего из ума президента.

Новый глава страны расписал за каждым место и ответственность. Мальчики обзавелись справками о недержании мочи, о дистрофии и умственной отсталости, тогда наконец появились мужи, способные стать мужчинами, о чем во времена Ельцина забыли начисто.

Российские цари подвигать любили и задвигали потом, чтобы не оплачивать подвиг сполна и не остаться в тени героя. Герои предеззко плевались, отчего царям суждено было спотыкаться на скользком. Именно скользкий пол привел Романовых к революции, а большевики не посчитали за честь подтирать за венценосными особами. Честь — понятие крылатое, которое вытравили невежеством из русских душ. Что-бы тело не летало, а душа не помышляла.

Приняв сводки ночных происшествий и оперативные доклады, Судских встретил президента. Поздоровались обыкновенно: за ночь авральных ситуаций не случилось. Однако наметанный глаз его отметил некоторую тщательность в поведении дежурного генерала, как будто припасен не то вкусный пирожок, не то гадость замедленного действия.

— Почему такой блестящий вид? — спросил он.

— Обычный, — оглядел себя Судских.

Еще один быстрый взгляд, и президент молвил:

— Тогда пошли. С тебя и начнем.

Пробежав глазами сводки, он поставил две птички напротив двух сообщений.

— Ночным рейсом из Чарльстона прилетел в Москву, — зачитывал он вслух, — президент межнациональной финансовой корпорации «Брад» Мойзес Дейл по приглашению банка «Интерглобал». Зачем именно мне это знать?

— Чарльстон — столица мирового масонства, а Мойзес Дейл — кадровый разведчик израильской Шин Бет и никакой не коммерсант, — лаконично пояснил Судских, и президент такую расшифровку принял. О подпольной суете вокруг России он велел докладывать немедленно ему, тщательно отсортировав информацию.

— Воливач в курсе?

— Разумеется. Оперативка из госбезопасности.

— А это зачем? — постучал он кончиком карандаша возле другой птички: — Борис Китайцев уехал из особняка Ильи Трифа в пятом часу утра. Гуртовой остался.

Оперативки для президента составлял один из четырех старших дежурных офицеров, и Судских вменялось объяснять их назначение:

— Илья Триф — президент коммерческого банка «Интерглобал». Через этот банк происходит утечка валютных средств за рубеж, чем обеспокоен Центробанк. Мойзес Дейл — старый знакомый Бориса Китайцева. Благодаря его протекции в международных финансовых кругах Китайцев добился высокого положения в свите и правительстве экс-президента.

— Кому он нужен теперь, балбес и выскочка? — брезгливо поморщился президент. — Я снимал его со всех видов довольствия, рычагов власти он лишен.

— Не скажите, — возражал Судских. — Китайцев сохранил посты во многих сырьедобывающих корпорациях, по-прежнему имеет вес в международных сферах бизнеса. Что касается его умственных способностей, умному дяде за спиной Китайцева умственные изыски не нужны, требуется исполнитель воли без страха и упрека, чему как раз соответствует Китайцев.

— Проведем национализацию, посмотрим, кому будут нужны эти арапчата, — пробурчал президент.

— Это и есть главная причина пожарного приезда Мойзеса Дейла, — подытожил Судских. — Поэтому спешно собрались три бывших кита под патронажем израильской разведки.

— Выдворить? — советовался президент.
— Можно понаблюдать. Выдворить всегда успеется.
— Теперь причины вашего румянца на щеках понятны, Игорь Петрович, — заключил президент. — В какие тайны собрались меня посвящать на этот раз? Читайте лекцию.
— Именно, — усмехнулся Судских.

Знания этого генерала президент отличал среди прочих. Те относились к самой не изученной им полочке знаний. Мистика, оккультизм, эзотерические науки, Церковь и даже всеобщая история, которую он знал неплохо, особенно ее военную часть, но подоплеку и корни событий прояснял Судских. Часто президент поражался, когда общеизвестный исторический факт в интерпретации Судских обретал новые краски и трактовался иначе.

— Тема сегодняшней лекции — масонство, — полушутливо сказал он. — Его устремления на стыке тысячелетий. Вчера, провожая владыку, я имел с ним короткий, но содержательный разговор. Он поведал о сусе, какая началась в мире в связи с усилением поисков библиотеки Ивана Грозного. А в знак дружбы светской и церковной власти не грех бы помочь в розыске части наиболее ценных для Церкви книг.

— Да нет проблем, — согласно взмахнул руками президент. — Только где она, эта библиотека? Ее лет двести ищут, а найти пока даже следов не могут. Вашему ведомству и карты в руки.

— Смотря какие. Не всякие игральные здесь подойдут. Дейл прикатил согласовать правила игры.

— Книги, карты, израильская разведка, масоны — не много ли накручено в один присест? — не понимал президент.

— Говорю, значит, знаю, — веско ответил Судских. Эти его недомолвки и сухие ответы настораживали президента. Глава государства и — тайны. По каким таким правилам генерал Судских считает нужным одно объяснять, а по поводу другого — вроде как мальчишке назидают: ты еще мал знать такие вещи. Возмущение проходило, а интуиция подсказывала, что от таких недомолвок часто зависит безопасность его и государства в целом. Много знать — ничего хорошего, спится плохо.

— Речь идет о пяти конкретных книгах, якобы побывавших в коллекции книг Ивана Грозного. Когда-то они были в

моих руках... — задумчиво прервал свой рассказ Судских и, спохватившись, продолжил без лирических отступлений: — Книги представляют уникальную ценность. В них ответы на все вопросы будущего, вроде штабных карт противника. Кто хозяин карт, тот спокоен.

— Любите вы, Игорь Петрович, мифические штучки, — недовольно молвил президент. — Какая чепуха! В каких книгах написано, как из ярма международных кредитов вырваться, как авгиево дерьмо от прежних управителей российских вывезти? Покажите мне!

— Зачем шуметь? — остановил всплеск негодования Судских. — Давайте сначала найдем книги, а потом будем решать, нужны они людям или нет. Церкви они понадобились не ради каприза. Падение морали в обществе очень ее беспокоит. И не скудость церковных кружков тому причиной, не падение авторитета — разрушаются моральные устои, разрушается государство. Хорошо хоть божьи слуги первыми забрили набат. Как ни далеки они от современных излишеств, а первоочередные задачи власти осознают верно.

— Берите да ищите, — остыл президент. И вовсе обретая разумный тон, спросил: — Помощь нужна?

— Нужна, — подтвердил Судских. — Требуется ваш указ, чтобы УСИ обладало приоритетным правом поиска книг, имело доступ всюду, а другие службы и органы хотя бы не мешали нам в этом. Дело того стоит.

— Делайте, — поднял на него глаза президент, будто он уговаривал Судских спешно заниматься поиском и наконец уговорил. — Долго ли продлится поиск?

«Быстро соображает!» — похвалил про себя Судских. Когда-то президента любили выказать эдаким сапогом противники, начисто забывая, что сапог бывает мягким, но о-чч-ень сильно бьет по чужой заднице, надетый на сильную ногу. Да и в сапогах легче топтать по грязи последних лет.

— Месяца за три думаем уложиться. Кое-какие наметки есть, — уверил его Судских.

— Так уж и за три? — не поверил президент. — Столько лет искали и следов не нашли, а бравый генерал Судских берется посрамить научный поиск, детективный и все разведки мира.

— А я не стану искать, где светло, а где лежат в темном месте, — подчеркнул Судских. — Люди у меня опытные.

— В добрый путь, — кивнул президент.

Как раз последнее он понимал хорошо. У него среди последних правителей России было главное — команда сподвижников, не один год проверенных единым строем. Вроде бы у каждого претендента на власть была команда единомышленников. Была у Ленина, но шайка авантюристов, была у Сталина, но опричники, остальных и в вожди записывать стыдно — временщики. Вожди нужны дикарям. А нынешний к походу готовился тщательно, гороховый концентрат в рацион не брал, маршальских жезлов не сулил и обозом не обременял движение. От теоретиков и практиков, проще говоря, от алхимиков, предлагающих свой способ получения золота из ничего, он не отмахивался, а предлагал получить такой самородок в каждом отдельно взятом мешке, который и вручал соискателю. По мешку получили Абалкин, Явлинский, Гайдар целых два. Мешок на двоих получили Зюганов с Николаем Рыжковым, но без дна. Слова президента: «Хватит опытов с Россией» — стали крылатыми. Желающих работать оказалось много больше, чем объясняющих, как надо работать. Призадумались и думские. Выяснилось, что красивых глаз ни у кого не оказалось. Напрашивался жуткий для них вывод. Хуже не бывает...

Из Кремля Судских покатило к себе в Ясенево. Дежурство кончилось, а работа — работой. За ночь он принял несколько важных сообщений, сделал необходимые распоряжения, поломав голову над ними, но подчиненные видели перед собой подтянутого, щеголеватого генерала, несколько ироничного, готового взбодрить шуткой, шуткой и наказать.

Управление Судских работало по раз заведенному порядку, авралы его не колотили, ритм не сбивался. Многие считали шефа УСИ любимчиком всех президентов, какие приходили к рулю страны, Воливач благоволил к нему неизменно, и все же успех Судских крылся в другом — в его научной лаборатории, которую возглавлял Григорий Лаптев. Странник пифагорейцев, он подвергал любое задание математическому анализу и вообще жил под лозунгом: где появляется математика, там начинается наука. Поэтому любое задание для УСИ не начиналось с нуля, оно предвосхищалось на компьютерах лаптевской лаборатории.

О библиотеке Ивана Грозного рассуждали много и давно, ее искали на уровне любителей, и лишь один Лаптев за-

метил больше года назад: на стыке тысячелетий о библиотеке вспомнят основательно, она потребуетсь многим, и без научного подхода к поиску не обойтись. Прежде всего — почему она остро потребуетсь, и сразу всем? На это у Лаптева был готовый ответ: новое — это хорошо забытое старое. Кому-то очень потребовалось забыть или затушевать прошлое, а на стыке веков, тем более тысячелетий, всегда есть соблазн покопаться в минувшем, скорректировать, так сказать, настоящее. Среди книг Ивана Грозного хранились уникальные издания, которым лет было побольше, чем самому времени от Рождества Христова: арианские заповеди, писания древних христиан, хронологии, которые в угоду себе изменяли могущественные правители. Времена владычества ветшают, тогда одним требуется подновить фасад возведенного здания, а другим — развалить его до основания. Учение Христа порядком износилось за две тысячи лет, перелицовке оно не поддается, выбрасывать грешно, так не лучше ли отыскать забытое лекало?

К древним книгам, твердил Лаптев, приложили гадкие ручонки еще в Византии, к библиотеке Грозного — Романовы. И тем и другим было крайне выгодно уничтожить опасного конкурента в виде древних знаний. Константинополь — второй Рим, Москва взялась быть третьим и торжественно провозгласила: четвертому не бывать. Чего это вдруг? А вот, мол, мы какие — древние и великие, Романовы на века с христовою верою заедино, земли российские нам от Бога принадлежат, и путь нашей 18-й гвардейской армии у нас никто не отберет!

Есть у Романовых конкуренты, твердил Гриша, масоны. Эти запросто докажут: четвертый Рим — это мы.

В дьявольском 1998 году он нашел точку отсчета поиска древних книг: Константинополь, 666 год. Тогда христианство перестало убеждать словом и взялось за меч, огонь и веревку. Блаженный Иисус благословил погромы и разбой, иначе не выжить его последователям. Хватит убеждать непонятливых, того и гляди пророк Мохаммед возвестит иную благую весть: правоверные! бей жидов, спасай планету!

Судских ниже и ниже опускался по ступеням истории, слои времени расступались перед ним, мрачней с каждым шагом. Менялись одежды встречаемых, язык говоривших терял эластичность, становясь гортанным, отрывистым, будто

сплошь состоял из воинских команд: встань! принеси! пади! Чужое время, неприятное...

Он двигался среди возбужденной толпы, его толкали со всех сторон, и толчки эти направляли Судских в одну сторону — к нижнему городу. Он не рискнул спрашивать, чем разгневаны эти люди. Вопрос мог оказаться опасным, на него уже косились окружающие: не так одет, смотрит не так... Задние стали напирать на передних, движение прескратилось.

— Бей солдат Зенона! — взвился истошный вопль, и толпа подхватила братоубийственный клич. Сжатый со всех сторон, Судских пытался разглядеть, на какую преграду натолкнулась толпа, увлекая его в опасное плавание, но только ряд копий с долгими жалами видел он шагах в десяти поверх голов.

«Зачем я именно здесь очутился?» — стучало в голове, и он злился на себя за неразумное решение скакнуть сразу сквозь время в желаемый отрезок. Да, именно так он пожелал: хочу к истокам, мне надо идти от истока... И попал к истокам вражды. Дьявольский трехшестерочный год и Византия с ее пурпурными цветами изощренности Древнего Рима. Изощренность в роскоши, изощренность в убийствах, где казни выдаются за праздники при многолюдном стечении масс, а пышные праздники венчают массовые убийства по случаю. Достойный пресмник Рима, новая вера не изменила сущности поступков вождей...

— Пропустите нас к ариям! — завопил сосед слева, а толпа подхватила вопль. Сосед покосился на Судских, что-то шепнул другому, и толчок выбросил Судских вперед, прямо под копыта и копыта лошадей. Плотный строй конной гвардии Зенона, управителя Константинополя, спокойно дождался пика беснования толпы.

Копья с долгими жалами частоколом опустились перед Судских. Толпа отодвинулась прочь, оставив его один на один перед хмурыми гвардейцами с неминуемой расправой.

Подъехал сотник и, свесившись с седла пониже, к уху Судских, сказал негромко:

— А теперь уходи, Лисимах, свое дело ты сделал. Зенон останется доволен.

«Весело, — мельком подумал Судских. — Я попал в гапоны...»

Не выясняя, чего вдруг он записан в Лисимахи, Судских заспешил меж троерядным заслоном конных гвардейцев и только за строем пеших копьеносцев перевел дух. Тут пулеметов не водится, дистанция коротка, много не разговаривают... Крайний десятник, пожилой воин, смотрел на него неуважительно, явно собираясь словом выразить к нему презрение.

— А что поделаешь, брат? — нашелся Судских, лишь бы миновать быстрее горячий пятачок событий.

— Кому брат, а кому и гад, — ответил воин ворчливо. — Доволен? Эту веру ты проповедуешь? Сейчас поклонников Иисуса раздражат сильнее и всю свору пустят на арисв. Мало вражды?

— А ты арий? — спросил Судских.

— Я служу базилевсу, — нехотя буркнул пожилой воин. — Вот и хлебаю дерьмо...

Судских оставил дальнейшие расспросы и заспешил прочь через поле конских игрищ к хибарам нижнего города. Его провожали неодобрительные взгляды пехотинцев. Выходцы из простолюдинов, они не жаловали фанатиков Иисусовой веры. Они не защищали арисв и не побивали христиан, а в сложных интригах патриарха и базилевса выполняли роль плотины, чтобы, сломавшись в определенный момент перед напирющими фанатиками, пропустить их к поселению ариев и бить потом тех и других. Так распорядился управитель Зенон, так подсказал ему Мелесхис, последователь учения Максима Исповедника. Этот последний давно призывал бить и правых, и левых, чтобы не замутнять чистой веры христовой...

На дороге путь ему преградил небольшой заслон хмурых людей. Они настороженно выставили перед ним скудное вооружение свое из кольев и цепов.

— Лисимах! — ахнули в толпе.

— Я не Лисимах. Я судный ангел, посланник Всевышнего, — храбро ответил Судских. — Вглядитесь.

— И вправду не Лисимах, — с разочарованием и недоумением заговорили люди. — Но кто ты?

— Уже ответил, — кратко молвил Судских. — Ведите к старейшине и поспешайте, вот-вот христиане будут здесь.

Двое настороженных мужчин повели его узкой кривой улочкой меж глинобитных мазанок, сведенных вместе одной

стеной без единого оконца. Изредка в стене попадались глухие калитки, одна на две мазанки, как принято было у константинопольских ариев.

Проводники остановились у очередной калитки и стукнули условным стуком. Маленькая дверца распахнулась сразу. Старец с длинными седыми космами посторонился, пропуская всех внутрь темного жилища.

Низкий свод, полумрак, скудость утвари, молодая женщина с грудничком на руках, большие глаза наполнены испугом и тревогой. В маленькой плошке с маслом едва живой фитилек.

— Мир вам, — приветствовал Судских. — Времени нет. Лисимах ведет сюда разъяренную толпу. Берите самое ценное и уходите.

— Что у нас ценного? — уныло развел руками старец. — Дитя малое, не ведающее пока мук за веру? А если и был золотой браслет у внуки, его отняли год назад по указу патриарха на христианский храм...

Он явно не понимал, зачем здесь этот чужеземец с лицом подстрекателя фанатиков Лисимаха.

— Ты знаешь, отче, о каких ценностях я говорю. Заберите немедленно и следуйте за мной, — сказал, взяв старца за руки, Судских. Сейчас взгляд стоил больше слов.

— Это посланец Всевышнего, — тихо подсказал старцу один из вошедших с Судских.

Старец поднес плошку светильника ближе к его лицу. В выцветших от времени глазах старца он прочитал сосредоточенность, шевелились губы...

— Признал, — сказал он. — Ты сможешь нам выбраться из города?

— Идите за мной без тревоги, — уверенно ответил Судских. — Я послан помочь вам спасти древние книги...

Пришедшие и старец не заставили себя ждать дольше. Из-под ларей они добыли что-то, завернутое в домотканину, пропустили Судских вперед и вышли следом. Женщина с ребенком прикрыла дверцу, поцеловав наскоро ее косяк, по ведическим законам выставив ладонь, она убыстрила шаг за остальными.

Судских спешил, влекомый вперед неведомой уверенностью. Кривая улочка вывела его к мощенной камнем широкой дороге под уклон, ведущей прямо к прибрежным строениям в

гавани. Только теперь путники почувствовали себя увереннее. Дважды их пытались остановить солдаты, но признавали в нем Лисимаха и отпускали, глумливо улыбаясь.

— А кто он, этот Лисимах? — спросил на ходу у старца Судских, стараясь идти рядом.

— Как тебе сказать, добрый проводник, — не сразу ответил старец. — Перебежчик. Лисимах был арием, жил в аркадской общине. Однажды украл общинные деньги, за что обязан был понести наказание по собственному выбору: прыгнуть со скалы в море или отрубить себе кисть правой руки. Лисимах отказался от веры, убежал к христианам и стал ярым приверженцем веры христовой, подстрекая людей убивать арисв. До этого мы ладили... Савл ведь тоже не по доброте своей принял христианство, как убеждают в том апостолы новой церкви. Ему посулили большие деньги, если он уведет общину из Вифании, спасет от притеснений. Савл хорошо знал окрестности, знал, где расположены римские караулы. Он согласился. На привале его очаровала молоденькая иудейка лет тринадцати от роду. Савл был с нею, и поутру отец соблазнительницы сказал ему: оставайся с нами, тебе будет лучше. Савл согласился, принял по крещению имя Павла и быстро выдвинулся в первоапостольные. Так и наш Лисимах...

За рассказом пришли в порт. Еще издали Судских различил косую рею среди мачт других кораблей и безошибочно признал славянскую ладью. Не сбавляя шага, он направился к ней.

На ладье готовились отплывать.

— Эй! — крикнул Судских. — Ждите!

Крик услышали, с удивлением разглядывая идущих.

Приблизились вплотную. Подбоченившись, их встречал у сходни остроглазый дядька с окладистой бородой. Кожаный перехват с крупными бляхами указывал на его старшинство среди остальных на ладье, а обруч на льняных волосах выдавал славянина. Да он и не скрывал этого, выглядел увереннее других купцов на рядом стоящих посудинах. Год назад побывал в Константинополе Ратислав с дружиной, болгарский князь, сжег склады византийских менял за унижения, которым подверглись славянские купцы, и наказал базилевсу Констансу Второму: хоть один волос слетит с головы любого славянина, обреет базилевса

наголо вместе с его наложницами, а не поможет бриться — и головы посымают.

Судских хотел было спросить, куда путь держит собрат, но старец опередил его:

— Будь славен, брат. Ты болгарин?

— Будь славен, — откликнулся остроглазый кормчий. — Знамо, болгарин. Нужда есть?

— Возьми их, — вмешался Судских.

— Арии, — понимающе кивнул кормчий. — Возьму.

— И переправь дале к русичам, там им нужное место, пусть поведают люду тамошнему, как измываются христиане над истинной верой, как Бога гnevят. Смута здесь.

— Сделаю как просишь, — ответил кормчий Судских и махнул приглашающе взбираться на борт лады.

Услужливые руки с борта потянулись к ариям, и Судских отодвинулся назад.

— А ты не с нами? — спросил старец. Слезились водянистые глаза, натываясь на прощальный взгляд.

— Отправляйтесь с миром и сберегите книги ариев для потомства: это важнее жизни, — пожелал Судских.

Старец молча поклонился ему в пояс и снова глядел на своего спасителя, не решаясь на вопрос. Остроглазый с лады торопил, уже рею натянули доверху, и парусину заполнял ветер, и отцепить чалку исторопливо дожидался юнец.

— Как величать тебя? — решился старец. — Как Богу хвалу вознести?

— Игорь Петрович!

Судских открыл глаза. Смольников напоминал о своем присутствии в кабинете: Судских приглашал его на десять утра.

— Извини, Леонид Матвеевич, размечтался и задремал. — Судских поднялся из-за стола и пожал руку Смольникову. — Звал я тебя вот по какому вопросу. Ты византийскую историю знаешь? Не в объеме, разумеется, школьной программы.

— Да, Игорь Петрович, — уверенно ответил Смольников. — Реферат писал по древней византийской культуре. Беднейшие в культурном отношении времена, скажу я вам. Период становления христианства был сопряжен с падением светской культуры, живопись, литература — все хулилось Церковью...

— Прекрасно, — остановил говорливого Смольникова Судских. — А ответь мне, почему нигде в исторических

книгах нет сведений о бунтах в Византии на религиозной почве?

— Почему нет? — сиделся на своего конька Смольников. — Есть. Но покрашено, лакировано и с ног на голову поставлено. Сигнал к агрессивным выступлениям против ариев подал епископ Кесарии Василий в середине четвертого века вместе с братом своим Григорием Нисским. Василий в книге «Шестоднев» изложил принцип христианской морали. Нечто вроде «Манифеста коммунистической партии». И более трех веков христианские проповедники правдами и неправдами насаждали свою веру, на что византийские базилевсы смотрели сквозь пальцы, считая чудачеством. Но низшим слоям византийского общества такие забавы пришлось по сердцу: что бы ни делать, лишь бы не работать. Чудачества переросли в политику, стали грозной силой противления власти. Прибавилось пророков и бесноватых. Более других упражнялся в этом Максим Исповедник. Он договорился до того, что причислил Иисуса к богам. Уже не посланец божий, а Бог. Родом из богатой семьи, он служил секретарем у императора Гераклия и наследство семьи раздавал на поддержание смут против ариев. Гераклий не потерпел рядом с собой провокатора и удалил Максима Исповедника от двора, запретив тому вести разговоры о божественном происхождении Христа, но, к сожалению, джинна выпустили из бутылки, религия стала заботой византийских императоров. Смуты набирали мощь, ряды агрессивно настроенных христиан ширились. В 641 году престол унаследовал император Констанс Второй одиннадцати лет от роду. К внутренним волнениям прибавились опасения извне, в любой момент Византия могла развалиться под ударами арабов, которым христианство было подобно красной тряпке для быка. Внутренние раздоры были арабам на руку, и под давлением внешней опасности Констанс Второй провозгласил указ об одной воле Христа. Указ запрещал утверждения о принадлежности Иисуса к богам, а Максима Исповедника велел тайно удавить. Указ еще больше раздражил христиан, они открыто выражали недовольство, оказывали вооруженное сопротивление войскам, устраивали резню ариев. Из-за постоянных вооруженных бунтов Констанс Второй перебрался в Сиракузы, где был убит по приказу христианских проповедников. А за два года до его смерти в 668 году в Константинополе произошла са-

13 V мая кровавая разборка христиан и ариев. Войска не вмешивались, и за сутки христианские орды вырезали почти всю общину ариев, более десяти тысяч человек. Вот так, Игорь Петрович, миротворец Иисус прокладывал себе путь к величию. Более грязного становления не испытывала ни одна религия, которую нынче величают светлой.

— Это точно, — поддакнул Судских. — Слава Богу, теперь Церковь собирается тайное сделать явным.

— Собираться — еще не сделать, — уточнил Смольников.

— Поможем, — сказал Судских. — Я включил тебя в группу поиска библиотеки Ивана Грозного. Не против?

— Спасибо, Игорь Петрович, — разулыбался Смольников. — Это по мне, живота не пощажу!

— Вперед, литератор, — без язвительности напутствовал его Судских. — А имя Лисимаха тебе ведомо?

— О, Игорь Петрович, ваши познания вызывают почтение, — уважительно посмотрел Смольников. — Этого человека даже из книжечеев мало кто знает. Я случайно откопал его в «Хрониках». Это сподвижник хазарского кагана, его тайный осведомитель в Византии. Золотом подкупал правителей, им же разжигал вражду между христианами и ариями. В 667 году его молния убила на глазах многих людей, когда он бесновался с проповедью в дождь. А вы откуда о нем прознали?

— Случайно, — отвел глаза Судских. — Чисто случайно...

1—2

Вольно раскатившись по зеленой степи, конные и пешие, возы и волоки двигались на запад к Днепру. Тепло и пахуче струились запахи, перед закатом сама земля не могла надышаться, источая умиротворение, словно не было дальней дороги и разгромленного ненавистного хазарского кагана за спиной, а все эти люди, конные и пешие, — всего лишь переселенцы от устья реки Итиль к славному Днепру.

Святослав ехал в середине многотысячной вольницы, подремывал, покачиваясь в седле, без шелома и тяжелых доспехов, в одной посконной рубахе: отряды доезжачих разведчиков рыскают по степи во все стороны в поисках

незадачливых противников, мышь не проскользнет незамеченной, и меч Святослава приторочен одесную без дела. Тишь и покой.

Озадаченным взяться неоткуда. Еще на пути в каганат Святослав отрядил воеводу Палицу Сужного с крепкой дружиной, который растрепал печенегов по дальним оврагам, побил и пожег начисто за прежние прегрешения и в назидание на будущее пригрозил кочующим князькам не соваться под ноги, и теперь тут и там среди высокой отавы торчали шесты с отбеленными черепами печенежских ханов, имени-тых князьков и тысяцких. Поделом: много славян и русичей полегло зазря от коварных набегов на мирные поселения хлебопашцев, да скольких увели в полон с малыми детьми и девками, которых продавали хазарам, а те отправляли полоненных дальше южным путем в Константинополь на вечное рабство и чужбинные муки.

Сколько ни побивай печенегов и половцев, они, подобно степной траве, восстают из пепла, и, расчистив дорогу дружиной Палицы Сужного, Святослав ударил хлестко по корням зла, по хазарскому каганату. Никто из хазар-воинов не ушел, обезлюдел очаг работоторговли и зачинщик коварных смут, а печенеги и половцы разом припали к властной длани киевского князя.

Святослав беспечно потянулся, разбросав мускулистые руки по сторонам. Хвала Сварогу и Перуну слава, оберегли русичей в кровавых сечах, на стороне справедливых стали, и путь назад открыт вольной степью.

— Эй, Игорь! — зычно позвал Святослав. — Подь сюда!..

Игорь, младший сынок воеводы Сужного, изрядно веселил князя в беспечное время пути, бессменно прислуживал на стоянках. Малому всего пятнадцать от роду, а смыслён и смел, умом и телом в батяню пошел. Когда громили былую столицу каганата Семендер, Игорь возглавил три десятка конных и в решительный момент сечи лютым наскоком выбил брата кагана из игры. На шсю Ссюглы-младшему накинуд удавку, сволок с коня, так и приволок в стан русичей куском вяленого мяса...

Игорь подъехал, красуясь, смешливый и статный, и конь под ним веселился.

— Здеся, княже!

— Не здеся, а тута. Чему скалишься?

— Да вот иудей развеселил притчей, который ведун-врачеватель, что с нами изъявил желание через Киев на Любеч добираться. Добран, который с девкой.

— Скажи, чего он там, повесели, а то стан разбивать скоро, — милостиво разрешил Святослав. В походе только Игорю и разрешалось позабавиться, шуткой растормошить строгого князя.

Игорь пристроился стремя в стремя и заговорил псвучим речитативом, как делают это гусяры. Подсмеивался, но подметил верно у сказителей, далеко пойдет...

— Хитрый и мудрый царь иудейский Соломон до девок и мужних баб охоч был постоянно и хотел побаловать с женой своего военачальника. Его в дальний поход отослал подале от Иерусалима-столицы, а сам к молодухе его шастанул. Военачальник Соломона сам-ухарь, повадки своего царя знал верно, взял и жепке своей на срамные места пояс надел железный. Ключик увез. Вызвал молодуху царь и предложил: давай побалуемся. У них там это запросто: где сгрёб, там и... В общем, не отказала она. Рада бы, говорит, соком исхожу от желания, вся тшусь и такие чудеса могу тебе устроить, что зашлешь муженька мово в края запредельные, только муж на меня железный пояс надел, а ключик увез. А как ты всякое-такое делаешь? — спросил Соломон. Дырочки оставлены, отвечает она. Вот и хорошо, обрадовался царь. Была бы дырочка, то просочится и пырочка!

Игорь приготовился расхохотаться следом за князем, а тот нахмурился и сказал сердито:

— Тьфу, непотребство! Мал ты ишо! Не то что срамить чисто женское, а думать о том гадко. Это ты срам такой до дома везешь? Или в жизни походной вольной о святости женского начала забыл? О чем талдычит...

— Прости, княже, — потупился, поутих Игорь. — Тятка вот грозитя окрутить с походу, знать ить надо...

— Нехитрое дело, само сладится, была б любовь и уважение. Надо светлое помнить, а не гадкое запоминать. Дажьбог сурово карает за непотребство, али забыл? Велю жиди этого увезти подале в степь и бросить воронью на съеденье, больно речист и похаблив, неча отравлять глупых словесным зельем. Ехай от меня, нечестивец! — напутствовал он сурово молодого ратника. Потом жаль стало закручинившегося Игорешу, и крикнул вослед: — Эй, горе-

хаяльник, отцу передай стан разбивать у Ирпени, а плен-ных менял подале от славянского стана размещать, чтобы и духу их поганого не слышать!

— Будь спокоен, княже, — поклонился Игорь и спешно отъехал исполнить наказ, оставив Святослава помрачневшим.

Его самого пятнадцати годов дед, великий князь киевский Олег, брал в поход на Царьград. Изрядно полупцевал византийцев и принудил беспрекословно соблюдать договор со славянами, иначе в следующий поход приведет с собой болгар, македонян и западных русичей, тогда от Царьграда пыль останется, а от Византии — прах. Очередной щит прибил на городских воротах и убыл гордо. Правил в то время Византийским царством Константин по кличке Болгаробойца, которого отец называл Поганейшим за жестокость, способность к предательству и коварство. Не зря Олег пригрозил брать в поход болгар, есть им за что посчитаться с поганым императором, обид не простили... А развратен был ужасно, от человеческого обличья ничего не осталось. Пригласил отца танцы посмотреть на званом пиру, а Святослав в щелочку занавеси подглядел. Раз только глянул, а ужас остался навсегда: голые девки кругом писали, изображая фонтан. Не привелось такому на Руси прижиться, изыдет тогда срам на русичей, и быть ей поглощенной похотью, а за ней стыда и чести не сберечь. Уж на что крепка и хороша телом жена, сколь желанна и горяча в постелях, а преступить святость, сдернуть рубаху с налитого тела Святослав не отважился. Грудь крепки для младенца, руки горячи для него, а действо само по велению Сварога, чтобы род жил вечно.

Отец, князь Игорь, в жены себе брал сильную и крепкую и сыну подыскал надежную пару. Мать Святослава, княгиня Ольга, кровей была не княжеских, воеводских, просто перевозчицей служила на реке Великой под Псковом. Взглядом пришила отца к себе и в Киев въехала полноправной княгиней, статью и говором. Не от напыщенности княжение, от веры в вечных славянских богов, от правоты за русичей, и всяк тот князь, кто делом прав.

До Киева рукой подать. Последний стан разбили с первой звездой у Ирпени. Она слабо заискрилась в темнеющем зоревом закате, разгоралась, предвещая погожий день на завтра, а князю — славную встречу. Быть тому... А с византийского юга наползал крадучись темный полог. В походе отец

поучал Святослава: в такие поры усиль ночные дозоры, не к добру южная темень. Своим же опытом пренебрег, доверился тишине, так его и убили печенеги на днепровских порогах три года спустя. Натравил их Константин Болгаробойца, сообщив печенегам маршрут и время отъезда князя Олега. Спасшийся чудом Палица Сужной сказывал: звезда светилась высоко, а темная туча ползла с юга...

Задымилась костры на кизяках, схватывались пламенем от жгута сухой травы, запахло варевом, жареной дичью, сайгачиной, стан вечерял перед сном. Дозоры разъехались по степи дальше, похватав наскоро похлебки, и Святослав ослабился, разминая руками больные ноги. Всегда от наползающей темени с юга их крутило нещадно в память о ледяных бродах. Самое время кликнуть воевод, омочить бороды в византийских винах, захваченных у хазар. Хороша древняя мальвазия, питье богов, прирастал к ней Святослав, баловал себя приятным напитком. В предвкушении Святослав почмокал губами. Можно и распустить тугой пояс, послезавтра утром Киеву быть, а ноне покуражиться можно.

— А ну, Костыма, — крикнул он посыльного дружку. — Кличь товарищей ближних, раззудиться охота...

Слетелись по первому зову, будто за шатром высиживали приглашения. Появились конусные ко дну греческие пифоны, где хранилась мальвазия, заморские яства, диковинные фрукты и пахучие горные травы, весело пилось-елось под темным пологом неба, со смехом и гоготом вспоминались случаи битвы и долгого пути в обе стороны.

Гулевание шло к полночи, когда ближняя стража приволокла человека, схваченного за княжеским станом.

— Кто такой? — нахмурился Святослав, оборвав веселье резким жестом руки. Брошенный оземь лазутчик растекся немо на ковре княжеского шатра.

Сотник ближней стражи с поклоном ответил, не робясь:

— Меняла из стана пришлых, иудей Добран. К тебе, княже великий, просился, с вестью, глаголет, важной.

— Подымись! — велел Святослав. — Кто будешь?

— Не меняла я, Добран-врачеватель, — на четвереньках бил поклоны лазутчик.

— Вон кто пакости малому Игорешке сказывал! — понял князь. — За наказаньем явился?

— Только за наказаньем! — бил поклоны Добран. — Высшая милость это для меня, а то, что я восводе твоему Палице помог к городским воротам пробиться, так это пусть, невелика подмога, а Игорю, сыну его, библейские притчи рассказывал, но путь прежде указал к ставке брата кагана у Семендера. И это пусть! Лицезреть князя и умереть после — не жалко! — протараторил шустро и затих, изогнув спину по-кошачьи в низком поклоне.

— Какой прыткий! — подбоченясь, качал головой Святослав. — Так обсказывает или пощаду вымаливает по-жидовски?

— Так, княже, вестимо речет, — поддакнули восводы, а Галицкий князь Мирослав добавил:

— Он и броды в обход показал, шибко старался.

— Шкуру, знать, спасал, иудей? Соплеменников предавал? — насмешливо свел брови Святослав.

— Невозможно услышать такое из уст великого князя! — распластался снова по ковру Добран и опять заговорил быстро, извернув голову кверху: — Арийской веры я, с острова западных русичей Рюгена, Сварогу сызмальства поклоняюсь, а очутился у хазар по делу весьма важному, за снадобьем обретался, жемчугом тертым и травой-акун, а к тебе направлялся, чтобы настой дать от почек, застудился ты в дальней дороге, великий князь, рискнул позаботиться!

— Прыткий и заботливый! — от сердца расхохотался Святослав. Осек разом смех и спросил: — Не из жидов, кланешься?

— Трибогом клянусь! — бухнул лбом в ковер Добран.

— А скажи, Хохлуша, — обратился к ближнему воеводе князь Святослав, — как иудея от русича отличить?

— Можно, — обтер губы Хохлуша. — Исподни прочь, оружие к догляду готовь!

— Не можно! — дико взвыл, жутко Добран. — В невинном возрасте обрезали помимо воли отца! Казначеем он был у княжны Рогнеды в Старогороде! Истый я! Не вели казнить, вели правду испытать! Тебе я верный слуга, доказал я!

— Оставь, Хохлуша, — поморщился Святослав. Вопли надоели хуже ножа, и в почках тянуло после возлияния. Вдруг не лжет иудей про снадобья? А иудей — точно, кто, как червь, так извивается? — Где твоё снадобье целебное?

— Вот! — мигом преобразился Добран. Из-за пазухи тряпицу добыл, скляницу развернул. — Испей, великий княже, сразу сымет боль, и никогда о ней не вспомнишь.

— Пей половину, — рассудил Святослав. — А мы пока с воеводами по ковшичку мальвазии пропустим, самое наше лекарство. Верно грю? — оглядел он под хохот воевод. Ковшики и сндовы взметнулись навстречу изукрашенному драгоценными камнями кубку Святослава.

— Будь здоров, княже!

Добран охотно отпил половину скляницы и сидел, счастливо улыбаясь, — вот ведь повезло, на княжеском пиру усы промочил...

— Как, Хохлуша, поверить? — спросил Святослав.

— Тебе видней, великий княже, — пожал плечами воевода. — Киев рядом, банька рядом, банька да березовый квас — самое лекарство.

— Верно говорит твой смелый воин, — ввернул Добран, не забыв отвесить поклон. — Русичу от мальвазий да от заморских яств хвороба немалая. Что мать-земля родная дает, то и лекарство, только застужен, великий князь, много, разом надо хворь истреблять.

— Цыц! — окрикнул Святослав. — Разговорился... Ладно, — решил он. — Негоже пред иудеем трусость выказывать. Давай скляницу! — И выпил одним махом. Прислушался к себе, вращая глазами, потер бок. Исчезла боль, как и не водилась. — А прав жид! — воскликнул он, повеселев, под общий вздох облегчения. — Так и быть: прощаю тебя. Отправляйся назад и можешь дале в Любеч ехать. Таково мое княжеское слово.

Добран по-собачьи преданно глядел от пола, не решаясь подняться с четверенек.

— Ходи! — напомнил Хохлуша.

— Не вели сразу распрощаться, — забухал поклоны Добран. — Вот у тебя другая немочь, в ногах твоих жилы перевиты, ходить тебе тяжело, а в седле сидеть того хуже, кровь в пояснице застаивается!

— И то верно, — согласился Святослав добродушно. Не успел слова добавить, врачеватель разохотился:

— Клянусь Сварогом, до утра исчезнет немочь! Останется — колесуй, четвертуй, шкуру мою заживо сдирай!

— Да ты никак волхв? — изумился Святослав.

— Не посягну близко стоять с волхвами, а сестра моя Малуша искусна врачевать хвори, хоть и годками еще не вышла, брал ее с собой травы и снадобья на зуб выверять! Дозволь, великий княже, кликнуть ее, о здоровье твоём пекусь!

— Замолкни! — прикрыл уши Святослав. — Ещё слуха лишусь от тебя, новая хвороба! Когда позову, приведешь, — уже спокойно велел он. Что говорить: от добра добра не ищут, пусть и странно попался на его пути иудей этот Добран... В долгих походах, право слово, ноги износились, похожи стали на кургузые стволы южного дерева карагач, почернели, пухли часто в перекруте вен, одно спасенье в седле, так поясицу ломит нещадно...

— Топай пока. Передохнуть от тебя надобно...

После этих слов Добран убрался наконец из шатра. Ненавидящим взглядом провожал его сын воеводы Сужного Игорь. Чем откровеннее старался Добран, тем меньше доверял ему Игорь. В хазарских землях он наблюдал, как долго и осторожно подкрадываются враги, порой дня не жалуют, лишь бы не обнаружить себя, а дозору того терпеливее быть надо, еще тише в засаде сидеть. Кто кого пересидит, тому живым и отъезжать после стычки, тогда и похвалиться удалью, сестрой терпения...

Скоротать неусыпную ночь он решил за княжеским шатром. Темный полог с юга надвинулся плотно, тугие капли срывались, и беспокоила глухая темнота. А перед этой ночью сон привиделся странный, растолковать пока некому: будто даст он князю спелое яблочко, а едва тот взял плод, кожура сползла, обнажая червивую мякоть. Взялся Игорь отбирать яблоко, а Святослав хохочет — вкусно, очень вкусно...

Не сам ли великий князь поучал его в походе — не доверяй усердствующим, служить надобно достойно и скромно, усердие в схватке любо? Сварог и Перун любят достойных, не принято потому у русичей часто поклоны бить и каяться. Лъстец труслив, темные планы вынашивает и предает сразу, едва выгода обозначится, а достойный, не сгибаясь, принимает гнев и милость. Живущие в чести с честью уходят в иной мир.

Размазался великий князь, быть беде.

Послышались осторожные шаги. Игорь схоронился за шатром, не замеченный стражей. Тикнет сердце, предвещая

опасность, он ворвется в шатер — княжья жизнь дороже своей головы...

Двое стреманных провели в шатер кого-то, плотно закутанного в попону. Острым ножом Игорь проковырял дырочку в холстине шатра и приник глазом к отверстию. Тонкие руки высунулись из попоны и освободились от нее. Игорь увидел длинноволосую смуглянку, почти ребенка, в прозрачном хитоне, изящную станом, и только развитая грудь не обманывала: перед Святославом предстала женщина. Долгий хитон пропускал сквозь себя свет и не скрывал от Игоря обнаженного тела. Отрок прикусил язык. Не ведая пока взрослых женщин, он инстинктивно чувствовал, что неспроста она здесь, не с тем врачеванием пришла, и заняло сердце от неминуемой беды.

— Ты и будешь искусница? — ословело спросил князь, разглядывая девушку. Разглядывал с прищуром, как будто кобылу выбирал для дальнего похода и не хотел ошибиться. И тело различал под прозрачным хитоном, и зачем пришла понимал...

— Малка я, великий князь, — поклонилась в пояс смуглянка. — Хворь выводить умею и усладу мужскому телу несую. К утру здоров будешь, как никогда в жизни. Отдай мне свое тело без одежд, иначе руки мои не смогут творить добро, врачую тебя...

Святослав стягивал холщовую рубаху неохотно, не привык доверяться почти детям, но взгляд Малки из кроткого стал властным. Такое произошло с ним однажды, когда испрашивал судьбу у волхва перед дальним походом. Встретил его старец участливо, голову держал склоненной, а кости бросил, изменился: взгляд стал требовательным, суровым, будто не великого князя принимал, а простого смертного, не он властвовал над другими, а час старца назначен повелевать судьбами.

И нагадал-то ему волхв великую победу, славу и почести. И усмехнулся Святослав: сам, мол, знаю. И усмехнулся старец: не можешь ты знать больше меня...

— Не волнуйся, княже, — вывел из забытья Святослава голос Малки, нежный и просящий. — Не причиню тебе вреда. Ты окружен храбрыми воинами, сам храбр, а я — беззащитная былинка перед тобой. Захочешь — сломаешь...

А просвечивающий хитон привораживает взгляд...

— Только попроси воинов удалиться, иначе мое врачевание не сладится полно.

— Кто тут? — разозленный, внезапно крикнул князь, и замер Игорь за тонкой полотниной, отстранился от шатра. — Всем прочь!

— Там, — указала Малка тонким пальцем точно в Игоря за полотниной.

Закусив в отчаянии губу, отошел Игорь на три шага и остановился в нерешительности.

— Пошли, воеводич, — потянул его за рукав сотник. — Негоже, заругается князь...

Дождь лил нещадно всю ночь, а поутру хмурые облака неслись к югу, словно спешили исправить еще что-то и не могли ничего исправить, поздно.

Развиднелось с восходом солнышка. Святослав появился весел и слегка пьян. Немой вопрос повис на губах Игоря, глаза не скрывали непонятной тревоги.

С усмешкой Святослав присел на скрученную кошму, задрал штанину и показал ему порозовевшую ногу:

— Дивись, отрок!

Ни единого бугра, ни выпяченной жилки.

— Так-то...

В Киев престольный въезжал Святослав гордо и молодецкато соскочил с коня у терема своей матери, княгини Ольги, которая всему была голова и догляд в отсутствие сына. Обняла его, прижала к груди, ощущая прилив бодрости от сыновних рук. Отец не видит, как он хорош, не увечен и здоров. Славен именем и честью рода, богами обласкан...

— Я и вам, матушка, исцеление привез, — тихо наушничал Святослав, зная о немощи матери по женской части. — Будет тебе целительница теперь и ключница справная, добрая помощница, не смотри, что млада годами, умна много...

Кольнуло материнское сердце — чего так разусердствовал сын? Не замечалось раньше заботы о простой девахе, еще и чуждых кровей. Но Малку приняла, ключи вверила от кладовых с домашней утварью, большего отдавать не пожелала. Нашлась и Добрану служба на княжеском дворе. Приглядывалась к Малке княгиня, сенным девкам велела стеречь Малкину светелку неусыпно, только час княжеского врачевания был безгласным и безглядным.

И доврачевались...

Вспучило девку к осени. За власы выволокла княгиня Малку на подворье и принялась молча и гневно стегать утиральником Малкины раздобревшие мяса. А брюхатая Малка валялась на земле и молила о пощаде: князь сам снасильничал безгласую и обрехотил нсвинную.

— А тебе и надобно княжью волю исполнять безгласно! — гневно выговаривала княгиня Ольга. — А то не знаешь, как сснным девкам поступать? Удумала что, тварь чужеродная, дитя княжеского рода пестовать схотелось! В темницу с глаз моих!

Святослава не случилось в Киеве тогда, уехал крепость на Ирпени ставить, к седьмому месяцу беременности Малки только и появился. Прознал о конфузе, смущался перед матерью. А Малушу княгиня выслала на Псковщину в село Бутудино, чтобы ей первой укором не было раздутое чрево. Сына встречала неласково, говорить о наболевшем отказывалась.

— Что ж ты гневаешься так? — смущенно оправдывался князь, бережил ее и подталкивал на отповедь. — Было сглупу, спяну, что ж теперь — топиться?

— А Бог наш? Ты запаматовал блюсти себя в чистоте, не смешивать крови своей с иноверцами? Своих девок мало? Попрал заветы роду-племени, отступник!

— Нечестивой рабыней держишь, вот и гонишь прочь, — бурчал в оправдание Святослав, а ушлая мать и тут не дала сыну спуску, не принимала оправдания:

— А забыл, чай, дед твой Олег сказывал, когда Любеч вывобождал из данников хазарского кагана? Переиначили там иудеи русскую речь, и раввин теперь от слова «робити» стал. Не рабыня она, а дочь раввина, и приволок ты в киевский стан гадину русичам на беду, чистую веру осквернил. Кем теперь сыну твоему прозываться?

Вот так. Переспал, значит, великий князь по пьянке и последыша приволок за собой. Древние боги русичей по сую пору бледнеют от подобного кровосмешения — еврейские-то боги не жалуют полукровок, заказаны пути к святой свя-
W тых, хоть тресни. До Святослава русичи напрямую с космосом связывались, а после только с засранцами. И чего тут тако-
го-сякого? На первый взгляд ничего страшного.

Было у Святослава три сына. Отбывая в Болгарию, Ярополку отдал он княжение в Кисве, Олегу — древлянские зем-

ли, а незаконнорожденному Владимиру от Малки ничего не дал. Выпросили себе князя новгородцы. У всех есть князья, а у нас посадник. Хотим, значит, как все, как у людей чтоб было. Выпросили на свою голову. Святослав недолго любил новгородцев за спесь, а пашенка своего — за склонность к пакостям и наущничанье. Дал новгородцам Владимира: «По вас и князь!» С ним отбыл с княжеского двора в Киеве дядя Добран и правил в Новгороде вместо малолетнего племянника. А подрастать Владимира отправили в Западную Русь, где арийская вера шла на убыль и новоявленные христиане теснили ее всеми способами, кроме справедливых. Сытые старогородцы не очень пеклись о богах, не видели разницы, с кем спать их князьям, кому поклоны бить. И вернулся домой Владимир другим, охристианенным, с нанятой дружиной иноверцев-варягов. С их подмогой убил Ярополка и воцарился в Киеве, а чтобы возврата не случилось к ненавистным славянским богам, восемь лет истреблял капища русичей и на девятый насильно крестил их. Припомнил новгородцам былые унижения и дядя Добран. С тысяцким Путятой жестоко распорядился чужой верой, спалил дотла город Новгород, перевешал, зарубил тысяч до пяти непокорных. Как поминали позже свободолюбивые новгородцы: Добран крестил огнем, а Путята — мечом. И кто говорит, что от худого семени не жди доброго племени? Боги, не иначе; забытые которые.

Не дало христианство покоя Руси. Насильно мил не будешь. Потеряна прочность, размежевано единство. Более трехсот лет пришлось выбираться из трясины междуусобиц до самой Московской Руси. Но другое семя укоренилось прочно — вражда. Религиозная разобщенность повлекла братоубийственные войны. При Святославе имя арийского Триглава служило печатью договора, с приходом Владимира одни русичи били других с именем Христа, другие хватались за мечи во славу Перуна. Южные степняки осмелели, дерзко вредили русичам, с востока предъявляла требования Орда, на западе открыто хамили шведы и немцы. Только русский Север сохранял в чистоте древнее благочестие, врагов встречали дружно и провожали с назиданием впредь не соваться, пока не окреп Тевтонский орден, захватывая одни земли за другими, не польстился на суровые края.

Складывалось для масонского Ордена удачное стечение обстоятельств. Молодой ислам побивал византийцев регулярно и не на шутку взялся стирать с земли христианскую Византию. Второй Рим шатался. На Руси вели нескончаемые кровавые тяжбы друг с другом удельные князья и с Севера, в самый раз братья перекраивать беззащитные уделы — все забирать в Орден!

Такие вот последствия принесла ночь с молоденькой аидкой. Ноги князь Святослав вылчил, а ходить далеко не пришлось: убили князя коварно по пути в Болгарию. Сильный всегда берedit душу слабого, нет ей покоя.

Остался разобщенный арийский мир без защитников. Остальной как-то приспособился к христовой вере, неудобств не ощущает, молится, псалмы распевает, кто в иудеи подался, кто в мусульмане, кто вообще к козьей морде рыбий хвост присобачил и говорит, что это есть бог истинный и правый, только Россия до сих пор так и не разобралась, где истинная святость.

Будто бы имя Христа славится на Руси, золотом горят купола православных храмов, а нет-нет и погромы хивает над ними Перун, и сама Православная церковь побаивается истины, отчего ей приходится сидеть в ортодоксах. Чего-то не знают попы, что-то подзабылось, да надо стоять накрепко на ветхозаветных догмах. Как в том анекдоте, когда захваченный во Вьетнаме советский пилот ничего не рассказал американцам под пытками о своем самолете, а когда обменяли его на сбитого американца, он в госпитале поучал, болезненный, друзей своих, пришедших проведать горемыку: «Ребята, учи матчасть, бьют в плену страшно!»

А разве попа заставишь учить матчасть? Он туп, потому и поп. Физика — от лукавого, химия — от беса, искусство — от горгоны медузийской, а сам поп — слуга божий, ему учиться незачем. Тупость — сила. Оттого умные обходят Церковь стороной. Все там покрыто мраком и неизвестностью. Вопросы есть, ответы — тс-с... Тайна, мол, не дорос еще. А всех тайн — пьяный загул сильного и умного князя Святослава. А по пьянке урод рождается. Двухголовый...

И стали величать Владимира Красным Солнышком. Русичей — гоями. И псу под хвост все подвиги Святослава и Олега, все их умение держать хамов в крепкой узде. Обидно? Чего уж там. Поболе теряли. Так Владимир, чтобы больнее

досадить ненавистным русичам, женился на дочери Константина Болгаробойца Анне. И болгары нас разлюбили. И кенйцы, и монголы, и кубинцы. Одни евреи любят, так и льнут к матушке России.

И затерялся след древних книг в кровавых сварах, в темени непроглядной, что доставлены были некогда через Болгарию на Русь. Разыскиали их только челядинцы Ивана Грозного, и по тайному велению государя приказано было хранить книги отдельно от прочих в укромном месте, пока не развиднеется над Россией.

— А поиски ни к чему не привели по сей день, — завершил долгий рассказ Смольников.

Выслушав его, Судских высказался откровенно:

— А существуют ли они теперь?

— Существуют, — уверенно ответил Смольников. — Время от времени зарубежная пресса выковыривает где-то занимательные факты, хотя наша почти охладела к поискам библиотеки. Они свидетельствуют о том, что поиски не затишают ни на день, кому-то не спится, пока книги не найдены. А цитаты? Будто некто сведущий выбирает из книг по строчке сведения, имеющие по нынешним временам важное значение. Я, к примеру, года три как собираю их, выуживая из газет, и получился приличный гроссбух с точными датами и числами. Сверяю с нынешними церковными книгами и диву даюсь! Создается мнение, что идет планомерная скрытая работа по разрушению православия, по искоренению славянской культуры. Но бить по уязвимым местам можно, если известны первоисточники, каковыми могут быть исчезнувшие книги.

— А как думаешь, кому это выгодно? — спросил Судских и внимательно взгляделся в лицо Смольникова. Что ему известно и до чего он доходит своим умом?

— На всякое действие существует противодействие. Не секрет, масоны ускорили разгром славянской культуры, исполняя в срок завещание Соломона. На мой взгляд, им противодействует антимасонская организация, тщательно законспирированная и могучая. Возможно, у нее исламские корни, возможно, опирается она на возрожденную религию. Но только это не случайности. В этом я уверен твердо.

«Умный мальчик», — похвалил про себя Судских.

— Только ты не распространяйся во всеуслышание о своих изысках, — сказал он.

— Я понимаю, Игорь Петрович, — серьезно сказал Смольников. — С такими штучками не шутят, тут нужен кто-то с настоящим ружьем, — намекнул он вполне прозрачно.

— Правильно, — поддержал Судских. — Продолжай поиски, а ко мне кликни Бехтеренко.

«Шила в мешке не утаишь», — усмехнулся Судских.

Вошедший Бехтеренко поздоровался и сел на предложенный стул, положив перед собой тонюсенькую папку с бумагами.

— Как там наши подопечные? — спросил Судских. — Завтра президенту докладывать, а чем хвастаться, в толк не возьму, Святослав Павлович. Облегчи задачу.

— Особо хвастаться нечем, трудноато двигаемся, — прямо ответил Бехтеренко. — Так, кое-что накопали. Позвольте ваш компьютер, Игорь Петрович?

Судских предложил жестом хозяйничать, и Бехтеренко привычно вставил принесенную дискету в персональный компьютер Судских. Упорный, как его именитый тезка, он освоил компьютерную грамоту на удивление умников из лаборатории Гриши Лаптева. С кем он практиковался, у кого брал уроки? Только однажды ошарашенный Лаптев стал свидетелем того, как Бехтеренко самостоятельно обрабатывал программу. Такое, не икнув, не осмыслишь.

— Вот, Игорь Петрович, взгляните. На закрытых счетах банков «Интерглобал», «Первый Российский» и «Кредитбанк» накапливаются внушительные валютные резервы. На сегодняшний день их двадцать восемь миллиардов долларов. Центробанк в этом году обязан перечислить в зарубежные банки по кредитам более двенадцати миллиардов долларов. Проценты по предоставленным прежним правительствам кредитам. У него пока нет и половины. Заставить коммерческие банки отдать валюту никто не может, свои обязательства и условия они выполняют, и неучтенная валюта утечет за кордон сама по себе. Тем не менее по проведенным банками операциям такие суммы не прослеживаются, а деньги с воздуха упасть не могли.

— Откуда же? — подбодрил Судских.

— Занижение показателей сделок. Круговая порука, еще от прежних временщиков осталась. Требуется детальная ревизия и арест счетов этих банков.

— Нагородили нам прежние царьки, — посетовал Судских. — А как ты, Святослав Павлович, забрался в тайные закрома этих банкиров? Такую фактуру в «Коммерсантъ дейли» не публикуют.

— Лишили меня удовольствия заниматься оперативной службой, я обзавелся группой пробивных хакеров. А банкиры настолько обнаглели еще при Ельцине, что особо не прячут секреты. Воруют и жиреют с прежним нахальством. Заметьте, у всех почти президентов и управляющих банками двойное гражданство. В любой момент их примет вторая родина. Если, конечно, наша не предоставит надежное убежище с зарешеченными окошками вовремя.

— Ясно, Святослав Павлович, — убедился в достоверности фактов Судских. — Готовь выкладки, завтра с утра буду с докладом у президента, давно торопит. А он скор на расправу.

— Палку не перегнет? — усомнился Бехтеренко.

— Этого многие ждут, — усмехнулся Судских. — Не так он прост, как его малевали...

1—3

Поскольку в мире число счастливых людей весьма ограничено, а в очереди стоять бесполезно, попасть в элиту можно только с божьей помощью.

Илюша Триф считал себя счастливым.

Умненький и способный еврейчик, в совковой действительности он не мог надеяться не только на счастье, но даже и на элементарный достаток. Он выбрал философский факультет, а философия кормит плохо, стало понятным Илье, едва он окончил первый курс. Это сколько же потребуется бессонных бдений над книгами, хронического недоедания и гастрита, чтобы к пятидесяти годам прорваться сквозь орду интеллигенции, буквально выползая на коленях кандидатскую, докторскую, умилая чиновников из приемной комиссии, из парткомов и райкомов, и на излете сил стать профессором, унижаясь дальше, наступая на горло собственной песне в угоду партийным вельможам, чтобы к семидесяти годам дотянуть до действительного члена Академии наук

и умереть прилично на деньги профкома. Увы, философия — наука богатых. Упрямый Илья хотел в богатые и счастливые, ради этого он почти возложил на себя тяжкое бремя развенчания Христа, чтобы хоть как-то вырваться из прозы жизни на оригинальности темы. Его заметили, его взяли на карандаш, но красный — из-за пятого пункта в паспорте, а Илюша, не обращая внимания на красный свет, рвался дальше. Его дядя пел кантором в синагоге, благодаря чему племянник уверенно разбирался в Торе и Библии. Дядя обучил его пифагорейскому счету, основам Каббалы, и племянник проник в тонкости потаенных знаний. И этот свой неприкосновенный запас Илья Триф решил бросить под ноги коммунистической партии, лишь бы посчитали за своего и дали жить по-человечески.

В один прекрасный день его поставили на место, давая понять, что рылом он в счастливики не вышел и сладких пряников на всех не хватает.

Но день был прекрасным, цвела сирень и мимо проходили красивые девушки, а в сквере Большого театра продавали эскимо, и рядом на скамейку подсел вихрастый первокурсник...

И развернул его жизнь на сто восемьдесят градусов.

По его совету Илья бросил МГУ, его действительно приняли в Плешку, хотя и там он задержался недолго. Удивительные качества, умение считать в уме и делать сложнейшие расчеты, которые убедили приемную комиссию взять Трифа вместе с пятой графой, легко позволили ему расстаться с престижным учебным заведением и познать наконец главное правило счастливиков: чтобы выбиться из толпы, не обязательно читать умные книжки, и наоборот, не читать их ради сохранения здоровья и потенции, а если появились научные познания, их следует превратить в удачные фокусы, которые нравятся людям денежным.

Подсказали главное правило Илье двое отсеянных с первого курса, они предложили ему отправиться с ними на Север и калымить бабки — умное занятие настоящих мужчин. Один чего-то там губами шлепал на трубе, второй брэнчал на гитарке, фонииста сманили из Гнесинки, а Илюху наскоро переучили в барабанщики: умеет считать в уме, на установке потянет.

Потянул. В принципе все дотянули до членов правительства и кресел в банках, но тогда Илья познал волшебное сло-

во «парнос», и жизнь приобрела цветность. Нефтяники не скупилась на музыку, и плешивые — группа называлась «Мы из Плешки» — умело потрошили волосатых под сурдинку, под слезу о скором поезде Воркута — Ленинград.

Чтобы выжить на Севере и вернуться в общество здоровым, одних денег маловато. Еще женщину надо: стирать, кормить, любить. Вынянчивать. Илюша обзавелся нянькой на семь лет старше его. Бежали годы, росли накопления, старела подруга в холоде диогеновой бочки, философской обители каждого нефтяника и северянина. А накоплений все-таки не хватало на приличную жизнь потом. Илюша переквалифицировался в бармены. Зазеленело. Иностранные напитки оплачиваются в твердой валюте.

Перестройка совпала с желанием Ильи перебраться в столицу. Желание откупить место в валютном баре улетучилось мгновенно. Какой тут бар, если шальные деньги вместо листьев падают к ногам! Закружилась голова от перспектив, и на северные накопления Илья открыл пирожковый кооператив. В рифму прямо, только в Москве своих плешивых хватало, выпотрошили ИЧП Трифа резво, еще и штраф вселели отработать коротко стриженные мальчишки, воистину не читавшие книжск. За продавца и подносчика товара Илья отрабатывал в ларьке долги, которых не делал. Но таковы дебри совковой коммерции, где птица счастья Илюши обломала себе крылья, а Илюше мечту.

«Илюша, где вы еврея видели, который сам таскает ящики с пивом, которое будут пить гои?» — спросил его старый знакомый по Северу официант Сема Балламоллер. Он вылез из «линкольна», а Илья из «каблучка» пиво таскал. «Вам хорошо, — вежливо и печально откликнулся Триф. — Вы свою жар-птицу поймали». — «А вы поймали гонорею, не участвуя в половом акте. Оглянитесь, Илюша, Россия создана для умных людей. С вашей светлой головой? Вы заставляете меня плакать и смеяться. Вы не созданы для оригинального жанра, вы обязаны стать президентом банка. Едем со мной, и сейчас же!» — «Только пиво разгружу», — не верил медоточивым посулам Илья. «Нет! Вы определенно поц! Я ему предлагаю стул президента, а он стульчак унитаза боится оставить! Вам это нужно?» — «Вы шутите, — угрюмо не сдавался Триф. — У меня нет высшего образования». — «Это вы шутите над собой! — начал горячиться Сема Балламо-

лер. — Вы думаете, я просто так ехаю в ваш вонючий переулочек на своей кишке? Вы ошибаетесь, Илюша, я специально к вам ехаю, мне умные нужны, а не образованные. Хотите я вам куплю грамоту потомственного дворянина? Гои нынче все продают. А хотите, куплю вам красный диплом и сделаю вас профессором экономических наук и академиком академии, которую открою специально для вас? Завтра вы станете писателем, у вас будут три книжки и ни одной сберегательной, потому что уже сегодня у вас появится собственный счет в швейцарском банке. Вы согласны наконец вернуться к родичам, вы согласны наконец бросить это несчастное дешевое пиво вместе с тарой несчастным гоям?»

Дважды молния в холм не бьет. Илья Триф бросил ключи коротко стриженному юноше с открытым ртом и полез в «линкольн», чтобы уехать навсегда в жизнь, которая чуть было не потерялась в этом вонючем переулке. От него действительно посмердывало всем его вонючим прежним существованием.

Как обещал Сема Балламоллер, так и произошло. Сам он, наладив процесс, укатил в землю обетованную, а Илья Натанович Триф — президент «Интерглобалбанка», академик, доктор экономических наук», как значилось на массивной медной табличке массивных дубовых дверей его кабинета, — остался и жил припеваючи с двойным гражданством. Из двенадцати комнат коммуналки в Постниковом переулке получилась сносная квартира, а из австрийского кирпича и голландской черепицы вышел трехэтажный особняк на Можайке.

Поначалу он стеснялся козырять профессорским званием и о красном дипломе Плешки помалкивал, но жизнь немудимо свела с прежними знакомыми, тюменскими барабанщиками, уренгойскими барменами, сургутскими официантами, которые все как один давно стали профессорами и академиками, занимались нефтяным бизнесом, возглавляли банки и финансовые компании, вместе с ним катались на лыжах в Альпах, полеживали на песке Майами и работали единым насосом, имея хороший гешефт и девочек.

Он не жалел, когда по настоянию родственников пришлось развестись с северной подругой и жениться на чистокровной аидке, потому что дал ей денег, одарил просторной квартирой и поздравил с Новым годом — пусть

останется она хранительницей страниц его печальной северной жизни и никому об этом не рассказывает. Он сам напишет мемуары, когда купит для этой цели приличного прозаика. Про заск напишет и про деда Мазая, который не дал в обиду длинноухих и открыл им землю обстовавшую прямо в России.

Порой ему снился «каблучок» из вонючего переулка. Как приснится, жди неприятностей. Не жалко его, но вдруг вонзится как жало, и заноеет укус...

На старый Новый год пригласили они с подругой к себе в диогенову бочку буровика-мастера со странным для этих мест именем Сэм Бурчагин. Хороший человек, понятливый и смешливый, сделали его начальником участка. Обещал переселить в дом со всеми удобствами, а они ему готовили утку с капустой. Начальник подзадержался, а кушать хотелось. Уговорил подругу утку съесть, а одну ножку оставить на всякий случай. Нарыли на свалке в снегу пустых бутылок от шампанского, выставили рядом. Гости, мол, свалились неожиданно, все съели-выпили...

Гость не обиделся, даже извинился за опоздание, шутил, понывая припесенное «Мускатное» и поглядывая на рядок пустых бутылок. Потом сердечно попрощался и уехал на «ниссан-патроле». Совсем уехал на следующий день из поселка.

«И чего он все время на пустые бутылки пялился?» — недоумевал Илья. Обнаружил, но с опозданием. Изморозь на бутылках сошла и кое-где проступила кака.

И преследовала она его в счастливой жизни самым неподходящим образом. Буровик Бурчагин вышел в большие нефтяные боссы, дверь в кабинет Светлофизиономского пинком открывал и свои перед негодными закрывал. В купленных дипломах толк имел и Трифа не замечал в упор. А тому очень хотелось...

Пока в стране с полудурком-царьком арапча хороводы водили, Илюше жилось спокойно. Под прикрытием Семы Балламоллера делал свой гешефт и на поклон к Бурчагину не рвался. Встречаясь, здоровались тепло, а посауниться вместе Бурчагин отказывал. С другими парился, а ему отказывал. С Зеленолозовским чаи гонял, а с Илюшей ни перье стаканчик не выпил, ни боржоми даже...

«Ну и не надо», — считал мудро Илья с краснокупленным дипломом. — Я себя не на помойке нашел».

А Сема из Иерусалима грозился выкинуть его на помойку, если он в кратчайшие сроки не наладит отношения с Бурчагиным. Деньги плыли мимо немалые, а дружба не вытанцовывалась до самых президентских выборов. Глава-то новый дружбу с Бурчагиным водил домами и капустку с уткой, видать, не забыл Илюше...

Чего, кажется, желать Илюше? Да бросить все и укатить к своей, а не к бениной матери. На юге Франции вилла, в Швейцарии вилла, в Австрии два особняка, на личных счетах в зарубежных банках столько денег, дураку не снилось — чего он забыл здесь? Пора, теперь можно и учиться пойти.

«Нет, Илюша, — отрубил Сема. — Шалить не надо. Я вас в хорошую жизнь не за этим привез. Вам еще отрабатывать и отрабатывать мое доверие. Ждите гостя, он вас научит, как с кузькиной мамой дела делать, тогда я вас сам отправлю к бениной маме».

Такой он, бесплатный сыр в мышеловке... Накануне приезда иностранного гостя на Можайку к Трифу приехал Боря Китайцев, старый приятель из плешивых. Его наладили уже из правительства метлой, и он маялся без дела, синекуры никто больше не предлагал. Приехал и Гуртовой. Этот с плешивыми дружбы не водил и от арапчат держался в стороне, приехал по сугубо конкретному делу на встречу с Мойзесом Дейлом, и как правильно он понимал, ему вменялось присматривать за всеми этими докторами наук, которые на полном серьезе считали себя таковыми. «Фрукты», — величал их Гуртовой и с полным основанием считал себя садовником. Его знания и возможности были настоящими. Он мог наплевать по заднице и настучать по голове, помочь обуть и раздеть, но без афиши, не нужной ему в сермяжной этой жизни.

Мойзес Дейл прибыл из другой жизни, где тепло, растут грейпфруты и за созреванием фруктов зорко следят Шин Бет, Бнай Брит и МОССАД.

— Почему так жестко взялись именно за ваш банк? — без долгих разговоров о цене на репу спросил Дейл у Трифа.

— Почему только за мой? Попались на зуб «Первый Российский», «Кредитбанк» и «Анусбанк». Почему я знаю? — хвастался Илья.

— Я знаю! Засветили всю цепочку! Кто виноват? Ваши телки секретарши, которые, как и вы, считают, будто бога за бороду поймали? Ошибаетесь!

— Господин Дейл, — счел возможным заступиться за Трифа Китайцев. — Илья Натанович неукоснительно соблюдал все инструкции Леонида Олеговича. Беда в другом. Новый президент развернул кампанию террора против коммерческих банков. Аудиторским проверкам подверглись все.

— Вы можете, конечно, считать меня круглым идиотом, но статистика не идиотская наука и данные таковы: коммерческие банки работают в нормальном режиме, и только ваша троица под неусыпным надзором УСИ. Как это понимать?

Пришлось вмешаться Гуртовому:

— Это вполне объяснимо. Основной поток уходил в наши зарубежные банки через это окно. Каналы выявить не трудно. Последний транш в двадцать восемь миллиардов долларов завис не без участия генерала Судских.

— Тогда, надо понимать, совсем скоро вами займутся люди Воливача в специально отведенных местах без права передачи. Это не чистюля Судских. И Дядя Сэм не поможет. Где вы, Илюша, перешли ему дорогу?

Со всей искренностью Триф выразил недоумение.

— Так и не знаете? А я знаю. «В больших делах не мелочатся. Бизнесмен не должен быть скрягой» — это высказывание Бурчагина на саммите в Брюсселе довольно странно оказалось рядом с именем Трифа, которого прочили в представители МВФ от России. Вам такая аналогия ничего не говорит?

Илья побледнел. Скажешь нет — кака, скажешь кака — совсем кака.

— Он невзлюбил меня с Севера...

— Дали повод, — неумолимо добивал его посланец земли обетованной. — Иудей, не разглядевший лучшего из гоев, не имеет права быть посвященным в тайны.

— Господин Дейл, — поспешил на выручку Китайцев. Не из святых чувств полкового товарищества плешивых — сгорит Триф, плакали и его денежки. — Я не стану утверждать, что это мелочи, но куда серьезней общая картина. Новый президент стремительно закручивает гайки, и надо спешно менять стратегию.

— Ой, не смешите меня! Большой стратег Китайцев имеет собственное мнение. Однажды вы его выразили, когда пытались госворишек пересадить с импортных тачек на отечественных клячек. С тех пор над вами смеются даже чукчи. О стратегии позаботился легендарный Соломон три тысячи лет назад, а ваше дело кричать «занято!» на стреме у нужника. Неужели я должен вам объяснять, зачем столько лет подкармливали спесивца Мастачного, неужели обязан напоминать, что у злейшего врага Судских двое детей, неужели выветрились из ваших голов правила, которым вы клялись следовать изо дня в день?

Он оглядел всех жестким испытывающим взглядом, и каждому из троицы послышались слова из небытия. Они приобрели жуткий реальный смысл, хотя некогда казались из детской игры:

«...Если я не сдержу этой клятвы, да сожгут и испепелят мне уста раскаленным железом, да отсекут мне руку, да вырвут у меня изо рта язык...»

А в голову Трифа лезла глупая и страшная фраза: «Да оторвут мои ятра». А чего? Игрушки кончились, жировать больше не дадут, вот куда завлек его Сема Балламоллер...

— Но я здесь не за этим, — вполне миролюбиво закончил Дейл, вернув троицу из воображаемой комнаты со светящимся черепом. — Текущие дела пусть останутся текущими, а появилось дело спешное. Стало известно, что патриарх упорно доискивается тайных книг ариев из библиотеки Ивана Грозного, о чем просил президент. Поиском занимается генерал Судских. Насторожитесь. Вполне определенно, книги по-прежнему в России. Вы обязаны разыскать их первыми. Это вожделенная мечта царя Соломона. Для нас ничего нового там нет, но отдать знания в руки врага — преступление. С этой минуты все вы облечены правом выполнить распоряжение великого магистра или умереть. Найдите их, — повторил он в конце тирады.

Богатейшие люди, сановные мужи стояли перед Мойзесом Дейлом скованно и приниженно. Со светлым челом невежд они вступали в почти детские игры, им нравилось менять машины и женщин, сорить деньгами, играть во взрослые игры и корчить из себя сильных мира сего. Сейчас им напомнили о сыре в мышеловке. А так не хотелось расставаться со штанишками на помочах. Они числились всего лишь ученика-

ми, стать мастерами не успеют. И так ли это важно сейчас — думать о несбыточном, когда теряют реальную силу деньги? Можно купить еще десяток дипломов, стать автором десятка поучительных книжек, а найти утерянные черты не под силу. И думать надо — чему не научились, считая это занятием клерков и секретарш.

Двое арапчат смотрели на умного Гуртового.

— Будем думать, — не спеша произнес он, и поздняя встреча завершилась неопределенной нотой.

Уставший от напряженного разговора, Илюша принял душ с намерением поспать перед дневными заботами. Молодая жена безмятежно спала, разметавшись во сне крупным ухоженным телом. Северная подруга была миниатюрной, ложе доставалось ему, ей хватало впадинки между стенкой и его спиной, а эту телку отодвигать надо, чтобы кое-как устроиться на трехметровой кровати. Любил ли он ее? Когда там любить, суета съедала свободную минутку — забрал попросту у своего зама, родословная без задоринки, женился. Молодая, сытая и ненасытная, защищенная брачным контрактом. Хоть разорись, хоть сдохни, а будущее обеспечить. Власть спится...

А ему — нет. На диване в гостиной он ворочался под пледом. Теснились перед глазами, мешая спать, непрочитанные книги, биржевые котировки, мешая жить, вспоминались древние заповеди: «Не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего...» Не убивал, не воровал, а праведником не стал. И не собирался. В праведники ведет другая тропа. И хорошо бы для начала иметь толстую маму и белую ванну. А его в люди вывел из вонючего переулочка мастер окольных путей Сема Балламоллер...

«Когда мудрость войдет в сердце твое, и знание будет приятно душе твоей, тогда рассудительность будет оберегать тебя, разум будет охранять тебя».

Эх, как же он здорово знал Соломоновы притчи! Когда встретился тот вихрастый первокурсник, он был полон раздумий над Библией.

«Дабы спасти тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает речи свои, которая оставила руководителя юности своей и забыла завет Бога своего, дом ее ведет к смерти, и стезя ее к мертвецам».

Это уж круто... А вообще зря он не написал «Миф о Христе». Худо-бедно, а имя свое увековечил бы...

«Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их путь к смерти».

Пугаете, товарищ Соломон. Поживем — увидим...

— Может быть, ты считаешь, что я несправедлив? — подал голос с державного кресла Соломон.

— Ты всегда будешь прав, ибо ты господин, а они — рабы твои. Однако Адонирам величайший мастер и поступить с ним надо иначе, нежели с остальными, — ответил царю Хирам честно.

Они с детства были связаны узами дружбы, с тех пор, когда отец Хирама оказывал помощь Давиду в трудные годы его. Отцы были дружны, дети остались верны дружбе отцов. Поэтому Хирам всегда говорил искренне и гостил у Соломона в Иерусалиме запросто. Но этот его приезд был особенным: Соломон просил совета друга. Заканчивалось строительство огромного храма для Бога Израилева, торжественный час открытия приближался, и все бы хорошо сделалось, но приехала царица Савская с делами и сердечными заботами к Соломону и влюбилась нечаянно в главного строителя храма Адонирама. А тут еще Соломон недоплатил мастерам и подмастерьям, и Адонирам обиделся. Не ведал Соломон, несмотря на многоизвестную мудрость, как совместить несовместимое, сохранить любовь и не обидеть Адонирама.

— Я отличаю сго, Хирам, и преклоняюсь пред неземным талантом. Мне ничего не жалко отдать ему, — молвил Соломон после раздумий, и Хирам ответил тотчас:

— Тогда закрой глаза на его шашни с царицей Савской!

— Извини, Хирам, дальше следует политика, — нахмурившись, возразил Соломон. Ссориться ему с царем Тирским нет нужды: он дал на постройку храма ливанский кедр, гранит, мрамор, снабжает медью и золотом, поставляет строителей и рабов, это он прислал величайшего зодчего Адонирама, но царица Савская — это ее земли, контроль над Красным морем, и, если он женится на царице Савской, неизмеримо расширятся владения Израиля, станет защищен он с юга.

— Я люблю тебя, Соломон, и восхищаюсь твоей мудростью, отчего прошу быть особенно мудрым с Адонирамом. Его имя вписано в храм божий, его руки и мысли живут в нем, и твоя с ним вражда ни к чему хорошему не приведет, в первую очередь пострадает храм. Ты не захочешь короткой

жизни лучшему из земных творений, храму Бога Израилева. Я отбываю в Тир и вернусь к освящению храма. Обещай мне мудро поступить с Адонирамом.

— Обещаю! — с порывом души ответил Соломон.

Проводив друга, он вызвал первосвященника Цадока, самого хитрого из всех своих старших левитов. Изошренный ум Цадока подсказывал Соломону самые причудливые ходы из затруднительных лабиринтов. Слава о мудрости Соломона покоилась на хитрости Цадока и разогревалась им, и распространялся свет этой мудрости далеко за пределами еврейского царства его стараниями. Не случайно царица Савская пожелала соединить свою судьбу с Соломоном, хотя слухи о нем были не только лучшие. Коварен, завистлив, похотлив. Желая убедиться в подлинной мудрости еврейского царя, вместе с богатыми дарами она привезла и три загадки. Цадок, готовивший встречу, заранее выкупил отгадки у савского священника-мудреца, и Соломон предстал перед южной царицей в блеске остроумия и обаяния. Сомнений не осталось. Земли Савские Соломон уже считал своими, и вдруг царица отдала сердце свое зодчему Адонираму, найдя его подлинно мудрым.

И, видать, не только о сердечных чувствах говорили влюбленные. При дворе Соломона заговорили о недоплатах ремесленникам, о поставках некачественных материалов еврейскими подрядчиками на стройку, а тут еще пожар в левом крыле храма, едва не разрушивший готовые работы. Надвигался скандал. Из-за этого примчался в Иерусалим Хирам.

— Скажи мне, Цадок, можно ли одним поступком соединить приятное с полезным? — приветствуя первосвященника, спросил Соломон.

— Задача глупца, — ответил Цадок, сверля Соломона злыми глазками. Этот баловень судьбы похотливостью своей и спесивостью создал государству Израилеву множество затруднений. Союз его с царицей Савской, увы, не состоится и когда-нибудь аукнется. Кругом Израиля враги, каждый норовит захватить богом данные ему земли. Их завоевал Иисус Навин хитростью и мечом, царь Давид укрепил мудростью и терпением, а сын его затеял свару с великим мастером, чем оттолкнул царицу Савскую, союзницу Израиля, и, кажется,

сильно обидел Хирама, царя Тирского. Бедный народ Израилев, числятся враги его...

Соломон ждал ответа и не торопил Цадока, который впал в глубокие раздумья. Пусть думает. Ничего, придумает...

— Царица Савская отбыла вслед за Хирамом, — изрек Цадок глубокомысленно.

Соломон ничего не ответил сразу. Смотрел на левита со смесью надменности и удивления. Не первосвященнику ли надо в первую очередь заботиться о постройке храма? Он возвеличил их, дал неограниченные права, и храм этот усилит власть левитов, хотя слава будет принадлежать ему, Соломону.

— У нее волосатые ноги, — сказал он с усмешкой.

— У нее пограничные земли! — повысил голос Цадок. — Она стережет вход в Черное море. Никто без ее разрешения не может войти в него. Если дом Израилев породнится с народом Савским, стоять ему прочно не одну тысячу лет!

Цадок не пенял Соломону за неосмотрительность. Злые глазки и стянутые узлом губы выражали полное презрение. Семьсот жен, триста наложниц у этого петуха, который получил престол лишь стараниями матери своей, умнейшей Вирсавии, а он полон чванства, занят самолюбованием. Волосатые ноги... Это он оттолкнул мудрого мужа Адонию, сына Аггиды и брата Авессалома, струсил, что и этот сын Вирсавии поднимет бунт в земле Израилевой. Не хотел народ Соломона. Вирсавия уговорила Цадока: если престол Давида займет Соломон, любимый сын ее, он построит во славу Господа Бога Израилева невиданный доселе храм за грехи сынов Давидовых и упрочит тем позиции Израиля.

Много грехов этих скопилось, отмщения вызывают вокруг чужие народы. Еще государство не окрепло, молодо, а род царский пребывает в блуде и похоти, погряз в братоубийстве. Если так продолжаться будет, не выстоять Израилю против коварных врагов. Быть храму Господа! — решили твердо левиты и клятву взяли с царя Соломона. Чтобы всегда помнил народ Израилев, кому обязан жизнью на землях тучных чужих, — о гневе Господа и не грешил пред ним, и славил всегда...

Но, видно, в самом роду царском червоточина, если слуги Господа сами царю славу поют, мудрость его восхваляют — не ради Израиля, а дабы сокрыть грехи рода царского, — а

Соломон восхваления эти считает истиной, за мелочным интересом своим государственные дела мелкими считает. Не должно быть так!

Превозмог отвращение свое первосвященник и молвил:

— Мудрый царь, нас, левитов, опять беспокоят тревожные дела веры нашей. Отец твой Давид уничтожил главную угрозу Израиля, победил ессеев-язычников, город их Ессей захватил и назвал Иерусалимом. Но не сдалась еще крепость есеев на горе Сион. Пока она стоит, смрад их богов оскверняет веру нашу. Ты должен уничтожить очаг язычества немедленно.

— Сначала я дострою храм, — ответил Соломон, мягко противясь словам Цадока. — Осталось недолго. А в месяце Хаслев разберусь с ессеями окончательно. Я уничтожу их крепость. Левиты будут довольны моими делами во славу Господа Бога Израилева?

— Нет, — с упорством ответил Цадок. — Арии владели всем миром от Египта до сумрачных земель Роша, а евреи были кочевниками, их оседлость исчисляется днями, им трудно представить, насколько велик мир, который предстоит завоевать, еще труднее будет управлять этим миром. Господь нам завещал эту землю центром воцелений наших, мы утвердились в домах, которые не возводили, собираем плоды в садах, которые не растили. Много зла пришло от нас к другим народам, его нам не простят во веки веков. Тысячелетия минут, а зло останется в памяти рабов народа Израилева. И чтобы оно не вернулось с проклятиями на головы наши, ты обязан, отбросив мелочные потуги о персоне своей, распространить десницу Господа Бога нашего на остальной мир. Мы будем вечно славить имя твое, будем тебе верными помощниками, но имя Бога Израилева ты обязан нести первым в помыслах и делах своих. Любыми путями, любыми мерами, а весь мир должен покориться богоизбранным. Завтра я приду к тебе с Меназием-книжечем, и ты выслушаешь нас.

— Что вы собираетесь сказать мне? — с сомнением и тревогой спросил Соломон, выслушав выпренную речь Цадока.

— Мы вручим тебе свиток, где записаны одна за другой цели наши. Они выверены по книгам древнейших мудрецов и рассчитаны на три тысячи лет вперед.

— Я ослышался? Ты говорил о малых годах, прожитых народом Израиля, о подстерегающих его бедах — и говоришь о тысячелетиях?

— Ты не ослышался. Нам некуда спешить. Большому делу нужно большое расстояние во времени. Великие трудности поджидают народ наш богоизбранный, но цель высока. Это наш мир, и три тысячи лет не так уж много для его завоевания. Огнем и мечом можно осуществлять малые цели, а для больших нужны терпение и долготерпение. Муравьи живут в муравейниках миллионы лет и остаются муравьями, а государства создаются и распадаются в прах за толики мироздания. Нам ненавистно вероучение ариев, но лучшее мы должны отнять у них, сделать своим оружием. Жди нас завтра, — поклонился Цадок, собираясь уйти, уверенный в должном уроке царю, но Соломон задержал его:

— Обожди. Ты обрисовал будущее, и твои слова не расходятся с моими размышлениями. Но сейчас мне важнее услышать, как поступить с Адонирамом? Он не из народа нашего, и если останется в живых, ему припишут заслуги, будут славить имя его, еще и храм Бога Израилева назовут именем Адонирама.

— Не допусти этого, — нажал словами Цадок, поняв Соломона, душу его завистливую. — Делай с ним что хочешь, а левиты употребят деяния твои на пользу народу Израилеву. Я дам тебе верных людей из строителей, они Адонирамом недовольны и помогут исполнить твой план. Верь мне, верь левитам, и будешь вечен...

Через три дня Адонирама убили.

Через год родилась легенда о нем.

ЛЕГЕНДА ОБ АДОНИРАМЕ*

Когда слух о мудрости и деяниях Шломо бен Давида распространился до пределов земли, Балкида, царица Савская, прибыла в Иерусалим на поклон к великому царю, чтобы подивиться его царственным чудесам. Одетый в золото, сидя на троне из позолоченного кедрового дерева, опираясь на

* Печатается по тексту В.Н. Емельянова.

золотое подножие ногами своими, — так принял царицу Савскую Шломо — Соломон.

Великолепные дары поднесла ему Балкида и загадала три загадки. Премудрый же — как повелел называть себя Соломон — успел заранее подкупить великого жреца царства Савского и, узнав за деньги ответы, приказал Цадоку приготовить их в нужном для народа Израилева виде. Он разгадал их без промедления и явил себя перед Балкидой мудрецом.

После торжества премудрости своей повел Соломон Балкиду по всему дворцу своему и показал все великолепие его. И повел ее к храму, который воздвигал в честь бога Яхве. И когда они пришли к основаниям святого храмена, тогда увидела царица на месте том корень лозы виноградной: и был тот корень вырван из земли с небрежением и отброшен в сторону... За царицей же, куда бы она ни шла, неотступно летала чудозная птичка угод, которую звали здесь Худ-Худ. Жалобно закричала птичка при виде вырванной виноградной лозы, и поняла Балкида, что должен знаменовать корень этот, какое свяшенное сокровище скрывается под той землею, которую осквернило Соломоново тщеславие ради постройки храма.

— Ты, — воскликнула Балкида, — воздвиг свою славу на могиле отцов твоих! Лоза эта...

Но перебил ее Соломон такими словами:

— Я велел вырвать ее, чтобы на этом месте воздвигнуть жертвенник из порфира и оливкового дерева. Я повелю украсить жертвенник четырьмя серафимами из чистого золота.

Но не приняла Балкида оправданий Соломона и так продолжала прерванную речь свою:

— Лоза эта священна, она посажена самим Ноем, отцом рода твоего. Только кошунство его потомка могло дерзнуть уничтожить свяшенное дерево это. Знай же, последний царь из рода твоего, как последний из злодеев, будет пригвожден к этому дереву, которое должно было быть для тебя священным.

И воспламенилось любовью сердце Соломона от слов ее искренних, и вспыхнуло оно под огнем очей царицы, и стал он пред нею, как слуга, как раб пред госпожой своей, от которой зависит и жизнь и смерть его. И тронулось сердце Балкиды любовью царя Соломона. И на мольбы его ответила

она согласиел своим стать ему супругой. А народу еврейско-му царицей мудрой.

Но куда бы ни ходила царица Савская: осматривала ли она царский дворец или же храм бога Яхве, любовалась ли чему-либо из чудес и диковин, так высоко превознесших славу Соломона, на все расспросы свои — кто задумал и исполнил эти дивные работы — от Соломона получала она один и тот же ответ:

— Творец всему этому некто Адонирам, существо не-людимое и странное. Его прислал мне добрый царь Хи-рам, владыка города Тира, что у гор Ливанских на Великом море заката.

И пожелала Балкида видеть Адонирама. Но не было ее желание по сердцу Соломону, и отвлек он ее мысли. И стал он показывать изумительные по красоте колонны храма, из-ваяния зверей разных, статуи херувимов; показал ей и престол из золота и слоновой кости, который он повелел воздвигнуть напротив жертвенника. Когда же он стал говорить ей о «медном море» — огромном медном противне для заклания жертв, — которое должно быть отлито по его повелению, то вновь спросила Балкида:

— Кто же воздвиг все эти колонны? Кто чеканил эти статуи? Кто воздвигнул престол и кто будет отливать «медное море»?

— Это дело рук Адонирама, — пришлось ответить Соломону. И нельзя уже было, не обижая Балкиды, не уступить ее нетерпеливому желанию видеть Адонирама. И повелел Соломон призвать зодчего...

Никто из смертных не ведаел ни отчества, ни рода таинственной и мрачной личности Адонирама, гений которого настолько выше людей Земли, насколько вершина высочайшей горы возвышается над камешком. Глубочайшим презрением ко всему роду человеческого дышит эта нечеловеческая личность и законно презрение это: не от рода человеческого тот, кто как чужеземец живет среди потомков Адама. Хотя Ева была матерью обоих первородных братьев — Каина и Авеля, но не Адам был отцом Каина, а Люцифер — огненный херувим и ангел Света не мог не зреть красоты первой женщины и не возжелать ее. И могла ли Ева устоять перед страстью высшего ангела? Получив от него запретное яблоко, она согрешила с ним и только потом, нося под сердцем

Каина, стала женой Адама. Сын дьявола, Каин все же был добр к Адаму, служил ему опорой в немощной старости и был благожелателен к Авелю, охраняя первые шаги ребенка. Только из ревности к гению, который дал Каину Люцифер, Яхве изгнал Адама и Еву из рая, наказал их и все потомство за любовь Евы к Люциферу. А как изгнали Адама и Еву из Эдема, возненавидели они, как следствие своего изгнания, первенца Каина, и всю любовь свою перенесла Ева на Авеля. И исполнилось сердце Авеля гордости и презрения к Каину. Так отплатил он за любовь брата.

У первородных братьев была сестра по имени Аклиния, и была она соединена узами нежности с Каином. Однако по жестокой воле ревнивого Адонаи (Яхве) должна была стать женой Авеля. Созданный из глины Адам был наделен душой раба, а душа Каина от искры Люцифера была свободной, чего не было у Авеля. И Бог убоился души Каина. Несправедливость Адонаи, неблагодарность Адама, Евы и Авеля переполнили чашу терпения Каина, и наказал он смертью брата за неблагодарность. Жестокий и несправедливый Адонаи, который замышлял уже погубить весь род свободных потомков Каина, смерть Авеля вменил Каину в преступление, недостойное прощения; но не смутил тем благородно рожденной души его и во искупление горя, причиненного Адаму смертью Авеля, сын Люцифера посвятил себя служению Адамовым детям, вложив в это служение всю свою возвышенную душу, которую унаследовал от Сатаны. Каин научил детей Адамовых земледелию, его сын Енох посвятил их в тайны общественной жизни, Мафусаил обучил письменности, Ламех — многоженству, Тувалкан, сын Ламеха, наставил их в искусстве плавить и ковать металлы; Ноэма, сестра Тувалкана, познавшая своего брата, обучила людей прясть пряжу и ткать одежды.

Все смешалось, все понятия, искра дьявола возжигала божью доброту, и не могло быть счастья роду человеческому от вмешательства Люцифера...

Адонирам — прямой потомок Каина, благороднейший отпрыск Вулкана, сына Тувалкана, рожденного сестрой Ноэмой, ковац металлов, углублявшийся в самые недра гор, он сохранил себя от потопа в расселине Этны, которым Адонаи хотел искоренить род Каина. Впоследствии Вулкан познал жену Хама, она родила ему Хуса, отца Нимврода, сильного

зверолова пред Богом — таков род Адонирама, таков и сам Адонирам, создатель плана и постройки храма в честь Господа Бога Израилева...

✓ Кто же тогда Бог еврейский, если принял он храм имени своего от потомка Люцифера?

И живет этот сын гениев Огня Адонирам, печальный и одинокий, среди детей Адамовых, никому не открывая тайны своего высочайшего происхождения. И все, а Соломон в особенности, испытывали перед Адонирамом страх, а Соломон, томимый еще и робостью пред таинственным величием Адонирама, ненавидел его со всей силой своего высокомерия.

✓ Когда Великий Мастер, создатель стольких чудес, предстал перед Балкидой и поднял на нее свой безбоязненный взгляд, исполненный огня, тогда все существо царицы Савской, ее душа были потрясены. Она едва могла вернуть себе самообладание. И стала она задавать ему вопросы о работах его дивного гения, зажигая тем в Соломоне чувства подлой зависти к Адонираму. И пожелала царица увидеть всех проводников гения Адонирама — каменщиков, плотников, плавильщиков, кузнецов, чеканщиков, мраморщиков и резчиков — всех. Но вмешался тут Соломон в речи Балкиды и сказал, что люди эти рассеяны на разных работах и нет возможности собрать их всех в одно место. Но Адонирам лишь усмехнулся на слова Соломона, взошел на близстоящую гранитную глыбу, стал на ней на виду отовсюду и, подняв правую руку, начертил в воздухе горизонтальную черту, а из середины ее опустил перпендикуляр, изобразив мистический знак «Тау» — египетский крест, каким был по форме посох легендарного Моисея, на котором он повесил медного змия...

И в мгновение ока со всех сторон стали сбегаться к Адонираму рабочие всех профессий, племен и наречий. И вся эта более чем стотысячная трудовая армия мгновенно построилась в ряды, как войско к бою: на правом крыле — все работающие по дереву, на левом — работающие по металлу, а центр заняли каменщики и все работающие по мрамору.

И властно протянул к ним руку свою Адонирам, и недвижимо замерла на месте его могучая армия.

И, видя эту власть, уразумела царица Савская, что Адонирам выше человека. И понял Соломон, что его могущество и власть — ничто, бессилие пред могуществом Адонирама.

Тогда и озарило Соломона создать тайное войско, подобное Адонирамову. Согласились с этим левиты...

И пожалела Балкида о поспешном обязательстве связать себя узами брака с Соломоном. Ревнивым оком уловил он ее вожделенный взгляд на Адонирама, и решила судьба Великого Мастера...

Как ни велики были могущество и власть Адонирама, приходилось и ему испытывать неудачи и горше всего, что одна произошла на глазах уже любимой им царицы. Она пожелала присутствовать на отливке «медного моря», когда это случилось.

Причиной неудачи явилось недовольство нескольких рабочих. Адонирам для удобства разделил всех на стройке по трем степеням мастерства, и каждой степени соответствовало слово-пароль: ученик — Иахин, подмастерье — Боаз, мастер — Яхве. По мере овладения ремеслом ученики переходили в подмастерья, а те — в мастеров. Так удобнее было выплачивать им зарплату: каждый, подходя за получкой, называл свое слово-пароль, и, сообразуясь с этим, Адонирам оплачивал труд.

Но вот трое подмастерьев выразили недовольство своим положением, возжелав большего. Сириец-каменщик Фанор, финикиец-плотник Амру и еврей-горнорабочий Мафусаил из колена Рувимова. Они потребовали от Адонирама повысить их в мастера и сообщить им слово-пароль степени. Адонирам отказал — они были недостойны еще степени мастера. Тогда недовольная троица решила отомстить Адонираму во время отливки «медного моря». Амру удлинил деревянные балки под формой отлива, из-за чего оказались они в зоне огня; Фанор подмешал извести к кирпичу, приготовленному для отливки противня, а Мафусаил набрал серы из Мертвого моря и подмешал ее к литью...

Узнал об этом предательстве молодой рабочий по имени Бен Они, страстно любящий Адонирама, кинулся к Соломону с просьбой немедленно остановить отливку. Но Соломон, узнав о злодействе от Бен Они, обрадовался случаю посрамить Адонирама в глазах Балкиды, мольбам Бен Они не внял и велел начинать литье. Открылись запоры, удерживающие расплавленную медь, и поток металла хлынул в огромный бассейн, и разорвалась под напором огненной лавы форма, и хлынула она в трещины. Тут впервые растерялся Адонирам и

направил столб воды на основания опор бассейна. Смешались огонь и вода, зашипел пар, закипел металл, брызжа во все стороны на людей, собравшихся поглазеть на невиданное зрелище — всюду ужас и смерть.

Посрамлен Великий Мастер. Ищет он вокруг себя верного Бен Они и не находит, его обвиняет Адонирам в катастрофе и не знает, что стал уже Бен Они жертвой, пытаюсь предотвратить беду...

Вдруг из глубины взволнованного до самого дна огненного моря слышит Адонирам страшный громовой голос, исходящий из темных глубин kloкочущего пламени. Трижды прозвучал он:

— Адонирам! Адонирам! Адонирам!

И видит Адонирам в глубине огня образ как бы человека, но исходит из него влекущая сила, безмерно превосходящая человеческую. Приблизился к Адонираму образ и так сказал:

— Подойди ко мне без боязни, сын мой! Я дунул на тебя, и пламя не властно прервать твоего дыхания.

И в смертельной для детей Адамовых стихии, объятый пламенем, обрел Адонирам неслыханное блаженство, увлекающее его в самую глубину огня, в преисподнюю отрешенного духа.

— Куда влечешь ты меня? — спросил Адонирам увлечшего его.

— К центру земли, в душу мира, в область владычества Каина, с которым неразрывно и неразлучно царствует свобода. Там предел тирании Адонаи-Яхве, завистливого бога, там смейся над бессильной яростью его. Там царство отцов твоих, там вкушаем мы от древа познания плоды. Я отец отцов твоих, я — Тувалкан!

Введя Адонирама в святилище Огня, Тувалкан открыл ему великую тайну Адонаи, врага своего создания, которое осудил он на смерть за знания, сообщенные ему духами огня. Открыл ему Тувалкан и все низменные страсти Яхве, его бессилие и конечную победу над ним высшего гения и владыки огня — Люцифера.

Он — источник Света и носитель его.

Здесь, в святилище огненного царства, предстал Адонирам лицом к лицу с начальником своего рода. И поведал потомку своему Каин всю тайну безмерных несчастий, которые Адоная обрушил на его добродетели. И показал он Адони-

раму всех из рода своего, и слышит тут Адонирам голос того, кто познал жену Хама, и пророчествует этот голос:

— Внимай, сын мой! Родится от тебя сын, которого ты не увидишь, и произведет он бесчисленное потомство от тебя, сыны твои — масоны, и будет род твой неизмеримо выше породы Адама, но порода эта покорит под ноги род твой. И многие века благородные потомки твои все мужество свое, весь гений будут отдавать на пользу бессмысленной Адамовой породе. Но настанет день, и лучшие станут сильнейшими и восстановят веру владыки Огня. Дети твои, объединившись под твоим именем, разобьют как глиняный сосуд власть царей земных, ибо они представители тирана Яхве на земле. Иди же по предназначению твоему, сын мой, и гений Огня да пребудет с тобою!

И возвращен был из святилища Огня Адонирам. На мгновение вернулся на землю Тувалкан и вручил ему на прощание для возбуждения в нем новой силы и мужества молот, которым сам ковал, которым прославился. И сказал ему такие слова при этом:

— Молотом этим, отверзшим кратер Этны, с помощью гениев Огня ты доведешь до конца задуманное тобой «медное море» и ослепишь изумленный взор свидетелей бесславия твоего.

Сказав это, исчез Тувалкан в бездне огненной стихии, а молотом его Адонирам мгновенно исправил здание, которое, как чудо чудес, осветилось блеском Адонирамова гения под первыми лучами утренней зари.

И весь народ Израилев содрогнулся от неописуемого восторга, и вспыхнуло сердце царицы Савской огнем торжествующей любви и радости. Но мрачным стало сердце Соломона и наполнилось ненавистью к Адонираму.

Ушла Балкида с женщинами за стены Иерусалима. Влекомый тайным чувством, туда же устремился Адонирам. Ненавистны ему почести от детей Адамовых, ищет одиночества его смятенная душа. И за стенами города встретились Адонирам и Балкида, там излили любовь друг к другу, а птичка Худ-Худ прилетела к ним и, покружившись над головой Адонирама, села ему на руку, когда он начертил в воздухе мистическое «Тау».

Тогда воскликнула Сарахиль, кормилица Балкиды:

— Исполнилось пророчество оракула! Худ-Худ узнала супруга, предназначенного Балкиде богами Огня! Его одного можешь познать ты, не преступив закона.

И без колебаний отдались друг другу Адонирам и Балкида.

Но как уйти от ревности Соломона? Как освободиться от слова, данного еврейскому царю? И рещили они: первым удалится из Иерусалима Адонирам, а за ним, обманув бдительность Соломона, уедет тайно Балкида, чтобы уж навсегда соединиться с возлюбленным в Аравии.

Но бодрствует предательская злоба и следует неусыпно за Адонирамом, чтобы отомстить ему за посрамление своих коварных замыслов: она подстерегла и тайну любви царицы Савской и Адонирама.

Прибежали к царю Соломону три завистника. И сказал царю финикиец Амру:

— Царь! Адонирам перестал ходить на стройку. Не видно его в мастерских и на заводах.

— Человек, — дополнил сириец Фанор, — прошел мимо меня в третьем часу ночи тайком к ставке царицы Савской. В нем узнал я Адонирама.

Не отстал от них и еврей Мафусаил:

— Царь, удали моих товарищей, ибо только ты один можешь слышать слово, которое я тебе скажу.

Соломон велел Амре и Фанору выйти. Мафусаил сказал ему:

— Я прикрылся темнотой и вмешался в толпу евнухов царицы Савской. И видел я, что к ней прокрался Адонирам в опочивальню. Был он там до восхода зари, и тогда я тайно удалился.

Тогда Соломон призвал к себе первосвященника Цадока и совещался с ним, как отомстить Адонираму. И поучал Цадок: не спеши сам, дай поспешить другим.

А утром сам Адонирам явился к Соломону и стал проситься отпустить его с миром. Соломон спросил, в какую страну он пойдет из Иерусалима.

— Хочу вернуться в Тир, — ответил Адонирам, — к доброму царю Хираму, который отпустил меня к тебе строить храм. Он окончен, теперь я вернусь к нему.

Объявил Соломон свое решение: Адонирам свободен. А отпуская его от себя, спросил:

— Кто у тебя такие: Амру, Фанор и Мафусаил?

— Это, — отвечал Адонирам, — бездарные подмастерья. Они домогались получить от меня степень и плату мастера, но я отверг их незаконное домогательство.

Отпустил Соломон Адонирама, торжественно уверив его в неизменной дружбе и привязанности. А трех подмастерьев призвал к себе и сказал им:

— Адонирам уходит и сегодня будет производить расчет с рабочими. Умерли несколько мастеров, им будет замена. Вечером после платежа подойдите к Адонираму и потребуйте от него посвящения в мастера. Если он даст вам степень мастера, то вы приобретете и мое доверие, а откажет вам, то явитесь завтра ко мне вместе, и я произведу суд свой, только бы Яхве не оставил его и не положил бы на него печати своего отвержения.

Трое подмастерьев поняли, что имел в виду Соломон: он разрешил им убить Адонирама.

А тем временем Адонирам прощался с царицей Савской перед разлукой и скорым воссоединением. Говорила царица супругу:

— Дважды счастлив будь, господин мой многолюбимый и владыка! Служанка твоя ждет не дождется навсегда соединиться с тобой. С ней вместе под небом Аравии обретишь ты и плод любви своей, который я, слуга твоя, уже ношу под сердцем.

И простились влюбленные, через силу разорвав прощальные объятия. А Соломон между тем, получив донос троих подмастерьев, спешил, торопил царицу Савскую скорее заключить обещанный брак с нею. И вот в тот вечер, когда Адонирам собирался произвести расчет рабочим, Соломон за ужином под действием неумеренных возлияний убеждал царицу немедленно уступить его страсти. И настал час, которого ждала Балкида. Она подбадривала Соломона пить еще, и Соломон пил без меры, надеясь в опьянении обрести силу и овладеть Балкидой. Видит он, что и царица Савская раз за разом осушает кубок, только не замечает, как она выплескивает вино на землю. Упился Соломон до потери сознания и впал в беспробудный сон. Тогда сняла Балкида с руки царя обручальный перстень, данный ему в залог верности, и вот уже быстрый арабский скакун мчит ее в Аравию, где она будет дожидаться своего возлюбленного.

Тем временем Адонирам рассчитался с рабочими и выходил из восточных ворот. Здесь встретил его злой Мафусаил, который потребовал сказать ему слово-пароль мастера. Адонирам отказался, и Мафусаил ударил его молотком. Адонирам поспешил к северным воротам, чтобы уйти быстрее из ставшего предательским города, но там поджидал его злобный Фанор. И он потребовал слово-пароль, и ему отказал Адонирам. Тогда Фанор ударил Великого Мастера киркой. Поспешил Адонирам к южным воротам, успев по дороге бросить в колодец священный золотой треугольник, дабы не попал он в руки непосвященных. У южного выхода караулил его Амру и на отказ выдать ему слово мастера заколол Адонирама циркулем. Так пал Великий Зодчий, но не выдал пароль в руки убийц-предателей, оказалась дороже клятва посвященных.

Овладел преступниками страх. Взяли они тело Адонирама и вынесли его за пределы Иерусалима, закопав тело на одиноком холме, уповая, что великий грех их не откроется.

Когда же рассеялись винные пары из головы Соломона и не застал он Балкиды, распалился он яростью на бога своего Яхве и первосвященника Цадока. Но предстал перед ним пророк Ажия, силомлянин, и укротил ярость еврейского царя:

— Знай, царь, тому, кто убил Каина, отомстилось всемеро, кто убил сына его Ламеха — семьдесят раз всемеро. Тот же, кто дерзнет пролить соединенную кровь Каина и Ламеха в лице Адонирама, наказан будет семьсот раз всемеро.

И, чтобы понести на себе последствия приговора, велел Соломон девяти мастерам отыскать труп Адонирама, чтобы изменить секретное слово мастеров «Яхве» на другое. Он догадался, что убили Великого Мастера три подмастерья, выпытывая пароль. Избранники пошли и по интуитивному предчувствию взошли на одинокий холм, где решили отдохнуть перед поиском. Легли на землю и почувствовали, что она рыхлая, и заподозрили, что здесь могила Адонирама, где воткнули ветку акации для памяти и вернулись к товарищам.

Так как мастера подозревали о том, что слово-пароль стало известным непосвященным, решили они на общем собрании заменить слово «Яхве» на любое другое, которое невольно произнесет один из них, когда выроют тело Адонирама. Соломон поручил найти и торжественно перенести тело Адо-

нирама двадцати семи мастерам. В полночь они поднялись на одинокий холм. Восемнадцать из них стояли у холма, шесть по пути вверх, а трое взялись рыть землю на холме. Убедившись, что не ошиблись, мастера позвали на помощь остальных девять и рыли дальше сообща. Так вдвзятером они дорылись до трупа. Один из мастеров поспешно схватил его за руку, и мясо сползло с костей. В испуге он воскликнул: «Мак бе нах!», что по-еврейски означает: «Плоть отделилась от костей». Эта первая сказанная фраза заменила прежнее слово «Яхве».

Труп своего несчастного руководителя они завернули в свои передники и снесли его в храм. Только Соломон и двадцать семь мастеров тайно, при троскратном возжжении огня, хоронили под алтарем храма Великого Мастера. Девять мастеров, откопавшие на холме труп, были особо отмечены Соломоном: он пожаловал каждому серебряный череп как знак отличия и доказательство невиновности. В полночь, в час нечистой силы, он повесил на шею каждого этот знак отличия на черной ленте с тремя белыми прожилками. Кроме того, он дал им право свободного доступа к своей особе, снабдив их колокольчиками. Это возбудило зависть остальных восемнадцати, и они потребовали уравниять их в почестях с девятью первыми. Соломон согласился, а втайне дал девятерым еще одни преимущества: дал по кинжалу на повязке через плечо и для отмищения за смерть Адонирама, и для собственной защиты.

Со дня похорон Адонирама Соломона преследовали ужас и страх. Он восседал на троне из золота и слоновой кости и заклинал силы «мировой души» оказать ему пощаду и милость. Но нет пощады ему и величию созданного трона, желание быть другом и врагом одновременно несовместимо. Гибель грозит ему и еврейскому государству от мельчайшего насекомого — древесного клеща, и клещ этот, терпеливый и упорный, в течение двухсот двадцати четырех лет с момента знака свыше будет точить трон еврейского государства, под которым, кажется, гнется вся земля, рухнет наконец с грохотом, наведя ужас и трепет на Вселенную.

С тех пор ползет из Иерусалима змий, совершая путь к мировому владычеству, совершая по земле полный круг. Проползая по горам, он превращает их в голую пустыню, выискивая клеща-древоточца. Через три тысячи лет он сделает

полный круг и возьмет кончик хвоста в свой рот, и круг замкнется.

Успеет ли он совершить этот круг, или знак свыше уже раздался, неся змию гибель...

Об этом сказано в древних книгах арисв, след которых потерян во времени...

1—4

Был сносный день без особых затруднений. Президент, выкроив десяток минут, дочитал подборку материалов, сделанных Судских, и выбрался в Ясенево. Едва кортеж президента миновал Спасские ворота, на столе Судских ревниво заверещал телефон. Именно — ревниво: прямая связь с председателем Управления разведок Воливачом.

— Друг ситный, что за игры за моей спиной?

— Какие игры, Виктор Вилорович? — выгадывал время Судских, хотя прекрасно понимал, чего вдруг суетится Воливач.

— Закулисные, Игорь, и ты дурочку не ломай, не люблю этого, ты меня знаешь, — пожестче отрезюмировал Воливач.

— Виктор Вилорович, вы сами одобрили мой план поиска, и если президент решил посетить ваше, — подчеркнул он, — подведомственное учреждение, это его личная прихоть. Вы его знаете, любит все щупать своими руками. При чем тут игры?

— Сказал бы сразу: президент едет, — буркнул Воливач.

— Только что от вас узнал, — рассмеялся Судских.

— Ладно, не лови на слове. Скажи лучше, чем ты его так приворожил? — с малой ехидцей в голосе спрашивал Воливач.

«Много знать хочешь! — хмыкнул про себя Судских. — Этого я тебе не открою. Сам учил: помалкивай, пока не пришло время», — выработал линию разговора Судских, и ответ был вполне разумный:

— Виктор Вилорович, вы, я думаю, не станете давать напрокат ключики от своей спальни даже президенту.

— Какие ключики? — выразил непонимание Воливач.

— Обычные. Ключи к дискетам, к сейфам и так далее. Именно это я объяснил президенту. А он порешил взглянуть, как это делается. Я бы поступил точно так же.

— Допустим, тут ты меня убедил. А за какие такие заслуги тебе генерал-лейтенанта дают?

— Вас спросить надо, — форменно удивился Судских. — Представления делаете вы.

— Уже нет, — открыто сожалел Воливач. — Твое Управление выделяется в самостоятельную структуру: Управление стратегических исследований при президенте Российской Федерации.

— Вот и ответ нашелся, Виктор Вилорович. Я не виноват.

— Не виню, — попытлся в трубку Воливач. — А контору твою жаль. Столько средств ухлопано, техника у тебя какая, штаты, мобильность! Ладно, царуй, — закончил он разговор. Разведка боем ничего не дала: Судских оставался достойным учеником.

Вовсю на пульте мелькали красные лампочки экстренных вызовов, всем было дело до визита главы страны. Судских связался только с дежурным:

— Игорь Петрович! Президент едет!

— Кто это? Гриша? Лаптев, ты чего натворил?

— Я?! — ужаснулся Лаптев. — Ни-и-чего...

— А чего тогда осиновым листом трясешься? Едет и едет. Возможно, тебя лицезреть захочет, так ты сразу заруби себе на носу: я суперспециалист, знаю в своей области побольше шефа и самого президента, вместе взятых. Привыкай уважать себя, коли ты уникальная личность.

Благодарности Лаптева он не стал выслушивать, сам поймет напутствие, а в комнату отдыха зашел, прикинул у зеркала, как смотреться будет на погонах вторая звезда...

Пока встреча, сдача-прием рапорта, торжественность момента сохранялась, зато в кабинете Судских президент держался просто. Хозяин заказал по стакану чаю, в холодильнике нашелся шмат сала, которое Судских не ленился солить сам со специями.

— О, уважаю, — оценил засол президент. — С чесночком... с укропчиком, — и мял его исправно. Там и о деле заговорил: — Прочитал я «Легенду об Адонираме», и появились вопросы. Насколько действительность продолжает легенду?

— В начале любого события лежит легенда. К примеру, никто не расстреливал рабочих в 1905 году. Солдаты стреляли по верх головы, а в давке кое-кого задавили. Большевики

воспользовались происшествием. Появилось «Кровавое воскресенье», и родился культ. Никто не влезал на ворота во время штурма Зимнего. Использован эпизод игрового фильма. Да и штурм как такового не было. А культ получился, целая плеяда лекторов, участников штурма, была. Церковь, к примеру, Александра Невского причислила к лику святых, хотя князь Александр был ярым представителем арийской всеры, как сго непокорные земляки. Бил шведов, бил немцев, отстаивал независимость Новгорода, а не ради христианской Руси, с которой Новгород тогда шибко не ладил. Но культ святых великомучеников сложился, в одноименном фильме ратники Александра Невского шли на захватчиков с хоругвями. Или — как представить военно-морской флот без Андреевского флага? В случае с Адонирамом левитам позарез нужен был культ, противопоставление реальности мифу. Вот, мол, откуда зачатие масонской организации, от самого дивола, от легендарного змия.

— Это я понимаю, — выслушал объяснения президент. — Но по легенде Соломона проклинаят. Зачем это понадобилось его священникам? По идее должны бы выгораживать.

За что президент нравился Судских, так это за умение не стыдись спрашивать о вещах незнакомых и непонятных, отчего публичные выступления президента опирались на проверенные факты, были логичны и просты. Он не размахивал руками из-за неумения сразу выстроить фразу, как Горбачев, не делал многозначительных пауз, прикрывая собственное невежество, как Ельцин, он опирался на выверенные факты, до чего дошел своим умом. Такому и тонкости объяснять приятно.

— Двойное дно. Мы и близко, мол, не состоим в родстве с масонами. Левиты сознавали, что маленький Израиль в плотном окружении чужих народов и чуждых религий не выстоит. Спору нет, иудейская религия — одна из древнейших, ее разработчики вложили в нее лучшие каноны других вероисповеданий, придав сугубо еврейский колорит. Но этого мало, понимали левиты: когда-то арийская вера преобладала в мире, многие последующие культы поднимались до высот и умирали. Тогда и потребовалась тайная организация, способная предотвращать нападения извне. Давая дорогу христианству, левиты не подозревали, сколь скоро она завоюет мир и станет угрозой иудаизму. Масоны, руководи-

мые левитами, раскололи христианство на католицизм и православие с множеством ответвлений и сект. То же самое они проделали с исламом, разделив монолитную веру на суннизм и шиизм. Само же масонство не претерпело качественных изменений со времени создания. Соломон под надзором священников-левитов создал многоступенчатую систему подчинения из двух пирамид. В первой из тридцати трех ступеней находились, так сказать, простые смертные, которые занимались практикой масонства — политические и террористические акты, бунты, смуты. Чаще всего этим занимались неевреи. Зато вторая пирамида из девяти ступеней занималась разработкой глобальных операций, и путь туда нееврею был заказан. После падения Израиля прежний египетский опыт подсказал евреям, каким способом легче всего управлять миром, не имея политического центра. Прирожденные менялы и ростовщики, они в короткий срок создали финансовую империю, опутали Европу сетью долговых обязательств, владыки и короли шли на поклон к фарисеям, идя соответственно на политические уступки, но не столько самим евреям, сколько боевому отряду иудаизма масонству. Так очень скоро масонские ордена тамплиеров, тевтонцев и некоторые другие набрали мощь в Европе и могли поспорить за передел мира.

— А не сами ли евреи придумали эту сказочку по принципу жабы? — спросил президент.

— Как это? — не понял Судских.

— Жаба дуется, чтобы ее боялись.

— Ах вот оно что, — улыбнулся Судских. — Только жабу в любом виде есть опасно: в ее теле ядовитый фермент. В данном случае исторически доказано руководство евреями масонских организаций, а после разгрома тевтонцев и тамплиеров масонская верхушка отказалась от вооруженной борьбы. В отличие от мафии это — идеологическая диверсионная организация. Власть над умами и поступками страшнее любой бомбы. По образу ее и подобию большевики создали свою партию. Тогда практически на всех руководящих постах находились либо евреи, либо масоны. Сталин постепенно вычленил всех, развивавших прямо или косвенно идею мирового масонства, но структура боевой организации, Ордена меченосцев, ему пришлась по сердцу. Вот тут-то и крылась свинья, которую подложили Сталину: непрочность

военизированных формирований ради достижения политических целей. В начале двадцатого века сионисты сменили стратегию. На своем Первом конгрессе в Базеле в 1897 году они отказались от построений по типу Ордена, что учли Троцкий и Ленин, но Сталин классовую борьбу видел через призму прицела, для него вялотекущая политическая борьба являлась оппортунизмом и предательством. После его смерти коммунистическая партия из боевой организации превратилась в обозное формирование и, оставшись без подлинных марксистов, приказала долго жить.

— Мавр сделал свое дело, мавр может уходить? — понимающе спросил президент.

— Абсолютно верно! — похвалил Судских. — Сама коммунистическая идея разработана масонами. Коммунистические лидеры превратили народ в расхлябанное, безвольное стадо, разуверившееся во всех идеях, чего и добивались масоны. Осталось прийти и победить.

— Какова же тогда обновленная стратегия масонов?

— Незачем тратить на содержание собственной дивизии, куда дешевле вносить разброд в чужую армию, обескровливая ее. Криминальные формирования постоянно бьются за сферы влияния, так и не добившись существенного порядка. Банды плодятся сами по себе, с оружием в руках отбивая место под солнцем. Воры в законе, опираясь на проверенный жизнью кодекс существования, пытаются наладить общее руководство в криминальном бизнесе, но безуспешно. Как ни странно, для масонов они представляют реальную угрозу своим планам, последнюю преграду на пути к полному закабалению России. Весь мировой капитал начался в подворотнях, на больших дорогах, с разбоя и грабежа. Сколотив состояние, любой убивец желает спокойной жизни, когда дочь осваивает рояль под руководством маститого профессора музыки, а сын постигает законы коммерции в Гарварде. И чтобы не прятаться за спины охранников и ходить босиком по траве. Для этого, осознают воры в законе, следует прекратить разборки и подчинить весь криминальный мир легальным нормам жизни. Именно легальности им недостает для полного счастья. Это то самое купечество, которое много раз вытаскивало Россию из грязи на столбовой путь развития. Масоны это понимают и всеми способами поддерживают брожение в криминальном мире.

— Как это выглядит в натуральном виде? — захотел конкретного ответа президент.

— Достаточно перевыборов мэра города и подкупа части избирателей, чтобы нарушилось равновесие в криминальной сфере. Новые разборки, убийства, отвлечение молодежи от насущных дел. Так уничтожается генофонд. Это частный пример. Объемный — в пропаганде чужеродной культуры. Кино, радио, телевидение, книги. При Ельцине безвкусица достигла высочайшего размаха. Все это видят, знают, но сделать ничего не могут. Помните открытие канала «Культура» на телевидении? В кратчайшие сроки из канала, пропагандирующего русскую культуру, он стал проводником идей сионизма. Этому способствуют недоучки типа Евтушенко. Вращенный на лизоблюдстве, он проповедует идеи тех, кто даст пайку сочнее, а меценатство давно под покровительством масонов.

— Так он масон? — полюбопытствовал президент.

— Ну кому такой нужен? — усмехнулся Судских. — Даже самые талантливые прислужники выше ливреи привратника не достаивались. Зачем его вводить в культурное общество? Куда проще намекнуть: давай старайся, а там видно будет. Этот метод действеннее, чем автомат, вложенный в чьи-то руки. Рвущихся наверх и обиженных властями очень много. Сначала в таких пробуждают ненависть к русской культуре, потом дают возможность проявить ее в деле. Помню, к нам на заметку попал молодой писатель-русофил из провинциалов. Парень талантливый, дали ему зеленую дорожку, он активно печатался, выступал в газетах и на телевидении и вдруг на международной встрече громогласно выступил в защиту создания международного молодежного центра, который был не чем иным, как проводником сионистских идей. Переполюх среди чекистов. Политическая безграмотность? Отчасти. Прочных убеждений у парня не было. У него завелся столичный дружок, прожженный русофоб, который сочно живописал ему о притеснении органами инакомыслящих и подбросил идейку выступить с подобным предложением. На парне поставили крест — было это в середине восьмидесятых, — а подстрекатель вполне открыто здравствует ныне шефом телеканала. Масоны загребают жар только чужими руками. Нет ни одного преступления, бросившего тень на масонскую организацию. Просьба масона не бывает обременительной, взры-

✓
вать мост он не заставит — он внушит идею взрыва. Действия масонов ощутимы, сами они невидимы. Это среда, в которой мы вынуждены существовать, поскольку готовилась она веками, заражалась и искусственно облагораживалась. Это как новый компьютер: подключаете его в сеть, а на файле уже сидит вирус.

— Вы можете назвать конкретные имена? — озабоченно спросил президент. Картину Судских нарисовал удручающую.

— И да и нет. Пока мы такими списками не обладаем. Но могу назвать тех, кто пособничает масонам.

Судских пригласил президента поближе к компьютеру и, после манипуляций на кей-борде, предложил взглянуть на дисплей.

— Не поверю! — отпрянул от экрана президент. — Чушь!

— Судите сами, — пожал плечами Судских. — В кодексе чести масонов сказано: «Знайте нас по делам нашим». Пожалуйста, выбирайте персону, и сопоставим линию его поступков, — предложил Судских. — Тайное станет явным.

— Допустим, Мастачный, — предложил президент.

— Допустим, — согласился Судских и пощелкал клавишами. — Вот перечень подвигов. Оказав ряд двусмысленных услуг прежнему президенту, стал нужным человеком. За один год защитил кандидатскую и докторскую диссертации в области права, продвигался по служебной лестнице. Это прелюдия, затем сами подвиги: чеченская война, бездарно загубленные подразделения и техника, угроблены миллиарды средств, так необходимых стране в те годы. Внутренняя политика: увольнение наиболее толковых работников аппарата, распыление бюджетных средств, нарушение законных норм, подрывающее доверие к органам внутренних дел.

— Какой он масон? — брезгливо скорчил гримасу президент. — Тупица и карьерист! Не сегодня-завтра уберу.

— Именно такие нужны масонам. Без особых затрат проведена дорогостоящая операция.

— Под суд пойдет. Явные покровители Мастачного мне известны, а кто тайный?

— Гуртовой, — указал Судских на экран компьютера. — Надеюсь, судить Мастачного будут не за принадлежность к масонам?

— За это срок не дают, — угрюмо пошутил глава страны. — Тут надо жизненную среду менять. Хочу на казаче-

ство опереться. У них свои понятия чести и достоинства, им за державу обидно.

— Только не забудьте о вирусе на файле, — намекнул Судских.

— Не забуду, — кивнул президент. — Сколько начальников ни меняй, толку не будет — микробы в крови. Дух, достоинство в людях надо пробуждать, остальное приложится. Уверен. Я прав, Игорь Петрович?

— И очень даже! — оживился Судских. — Цель масонов — растоптать духовность нации и взять крепость голыми руками. Так они Европу, Америку покорили, где укоренились навсегда и существуют почти легально благодаря терпимости тамошних демократий и усиленному лоббированию. В России все обстоит иначе не столько из-за естественного бездорожья, сколько из-за нравственного, чем и сильна российская глубинка. Все невзгоды подряд к проискам масонов не отнесешь.

— Вот и я так думаю, — поддержал президент. — Сначала долго ищем, кто виноват, а сил на что делать остается мало. Так и маемся по бездорожью. С одной стороны, сильны сусаниными, с другой — далеко не уйдешь. Уже и Церковь разволновалась, паства разбегается. Как там с поиском книг? — напомнил президент. — И что проку от них Церкви? Я пока не уяснил полностью.

— Церковь напугана засильем иноверия. Прежними догматами веру не укрепишь. Я думаю, остро встал вопрос о возрождении подлинно славянских корней, для чего прежде всего требуется восстановить нашу подлинную историю. События и даты истории Руси искажены до неузнаваемости, а в библиотеке Ивана Грозного были точные хронологии, которые с приходом Романовых частью уничтожены, частью переписаны под них.

— Какой в том прок Церкви? — сомневался президент.

— Большой. Любовь к отеческим гробам, как писал Пушкин, подобна вежливости: дается дешево, стоит дорого. Та самая духовность, оплот державы, а с иванами, родства не помнящими, крепкого государства не создашь. История — дама обидчивая, отомстит и в старости. Романовы, исказив русскую историю, свою позицию как древнего и значимого рода укрепили, зато подрубили сук, на котором сидели. К

примеру, как вы считаете, ради чего место Куликовской битвы перенесено за полторы сотни верст от Москвы?

— Кто ее переносил? Как была между Непрядвой и Доном, так и осталась, — заученно сказал президент.

— Увы, — развел руками Судских. — В те времена и Дон иначе назывался — река Танаис. А битва произошла на том месте, где сейчас находится Москва. Дмитрий Донской обосновался в районе Красной площади, и Куликово поле известно историографам Москвы, а Мамай держал ставку на Красном холме — нынешнее метро «Таганская». А вместо самой Москвы существовало небольшое поселение и литовская крепость. Лишь после битвы Дмитрий Донской взялся строить каменный Кремль. Романовы, утверждая древность своего рода, передернули даты и места. По их хронологии Москва была с 1147 года, стало быть, тогда была и Московская Русь. Для чего понадобилось саму битву перенести в Тульскую губернию?

— Да как же так? — возмутился президент. — А памятники, а братские могилы?

— То-то и оно, что братские могилы обнаружены на территории завода «Динамо», где там же, в Старосимоновом монастыре, похоронены Пересвет и Ослябя. Скажите, кому придет в голову за триста километров везти погибших?

— Спорить не стану, но подсчитать придется, — разумно решил президент. — Допустим, ваши доводы основательны. А не станет ли это поводом для нового хаоса?

— Законный вопрос, — подтвердил Судских. — Придется пережить. Искажённые штабные карты ни одному полководцу победы не принесли. Церковь решительно настроена раз и навсегда прояснить историю Руси, иначе брожение умов и неверие в людях неистребимо. Что глубже задумал высокий клир, сие неведомо, но поддержать в корне благой порыв надо. Силы противодействия будут поиску истины препятствовать. А она в том, что русский народ никогда не был второсортным, эдакой раболепной, униженной массой, готовой следовать за любым вождем, пообещавшим скорое избавление от напастей. Очищение организма от микроба придется начинать с искривленной хронологии.

— Добро, — кратко подвел итог беседе президент. — Дайте, Игорь Петрович, еще на картинку взглянуть, — кивнул он на монитор. — Посторонним сюда вход воспрещен?

— Однозначно. Реагирует только на тепло моего тела. Гриша Лаптев постарался создать защиту, — пояснил Судских.

Президент внимательно просмотрел весь список персон в компьютере Судских. Не удивлялся больше, не восклицал, его интересовала достоверность. Об этом он и спросил.

— Анализ, господин президент, — ответил Судских. — Факты и числовой обсчет. Математику обмануть невозможно. Управление создавалось изначально как аналитический центр. Позже занялись прогнозированием ситуаций, даже ясновидящих и парапсихологов привлекли. Толк от них был небольшой, зато они подсказали нам методы эзотерического поиска. Результаты оказались выше всяческих предположений, функции центра расширились, стали заниматься оперативной работой.

— А бронетехника зачем? — искоса поглядел президент. — Дивизия, развернутая по штатам военного времени.

— Прошлогодний путч предотвратила эта дивизия, — резонно напомнил Судских. — Демократические выборы охраняла она. Без демонстрации силы. Если нашему Управлению дано знать заранее ситуацию, нам удобней и предотвращать ее. Логично?

— Более чем, — сразу согласился президент. — Жаль, вас не было, когда выживший из ума засранец дал команду обстреливать Белый дом. — Он недолюбливал спившегося ма-разматика.

— А знаете, кто распорядился сделать Управление бое-способным? — спросил Судских не без умысла.

— Воливач, я полагаю? — ожидал подвоха президент.

— Нет. Совет безопасности. Как раз после событий у Белого дома. Воливач экипировал дивизию.

— Я поэтому и подчинил ее лично себе. Логично?

— Вполне, — понимающе переглянулись оба с улыбками.

— А на ваш взгляд, — сменил тему президент, — масоны смогут в двухтысячном году торжествовать победу?

— Ну, во-первых, Россию никому еще не удавалось поставить на колени. В глубинке вязнут любые расчеты. Во-вторых, масоны просчитались лет на триста. Всевышний нарушил их планы в России, Франции, Японии. Япония, кстати, по-прежнему недостижима для них. Дух Ямато, независимость японской финансовой системы от мировой, и на пути в Японию лежит Россия. Наш косвенный союзник. Непо-

нятно, почему до сих пор нас не связывают более тесные узы. Нам сам Бог велел...

Президент взглянул исподлобья. Некоторые высказывания Судских вызвали в нем оторопь. С тех пор, когда он имел слабые шансы стать президентом. Судских явился к нему в скромный офис и предложил поддержку. Партийцы считали себя вне конкуренции, и Зюганов все больше напоминал вожака шпаны, которая верховодит городом. Ельцинская команда напоминала заезжих гастролеров. Судских ничего особенного на первый взгляд не сделал. Посоветовал пригласить в штаб избирательной кампании Казанника, Оболенского, всех тех, за кем сохранилась репутация честных и неподкупных людей. А потом неожиданно к нему прибыл патриарх. Со свойственной ему прямоотой кандидат в президенты ответил владыке, что мало смыслит в таинствах веры, но уважает служителей Церкви, хотя многих не понимает из-за невразумительной чуши. Ближайшие сподвижники корили претендента за прямооту, ибо верующие, не вдаваясь в суть политических интриг, говорили: как батюшка скажет, так и проголосуем. А через день после визита владыки самая скандальная газета столицы опубликовала телефонный разговор двух бывших партократов высокого ранга из зюгановского окружения, где они поносили духовных пастырей последними словами. Знатный скандал получился. Синод потребовал привлечь газету к суду и взыскать сумму в сто тысяч долларов. Почему именно святые отцы оценивали моральный ущерб в твердой валюте, одному Богу известно, однако газета извинилась перед всеми верующими. Да, ответил главный редактор от лица коллектива, мы приносим извинения... за неполный материал. И опубликовала тайные планы партии на ближайший период. Вторым пунктом значилось: партии не по пути с Церковью, это противоречит марксистско-ленинскому учению. Церковь смолчала, а партия заговорила: мы такого не говорили. Что поделаешь: слово не воробей. Верующие оскорбились.

За день до выборов Судских назвал точную цифру голов, поданных за симпатичного ему кандидата. Точнейший прогноз! Став президентом, он хотел сделать Судских шефом Управления разведок, но тот мягко и непреклонно отказался. Сослался на то, что у него более серьезные задачи. С той встречи президент смотрел на Судских другими глаза-

ми. В мистику он не верил, а к непознанному относился уважительно. Мало ли что? Не заметишь ружье в первом акте, а оно пальнет прямо по зрительному залу в третьем. Спасибо тем, кто советует не увлекаться спектаклем.

«Не разобрался, что это он про тринадцатый век говорил? — прокручивал разговор президент, возвращаясь в Кремль. — Помеха масонам в России, Франции, Японии... И кто все это ворочает, кто определяет стратегию и тактику противодействия?»

Разговор между ними состоялся прелюбопытный, если не сказать, что в сознании президента веховые ориентиры были поставлены с ног на голову.

«Если я с такими фактами соглашусь, что тогда?» — По старой привычке взвешивать «за» и «против» внутренний голос запрашивал здравый смысл, и тот отвечивал: если доказательства сильны, но нелепы, значит, они непривычны, но разумны. Следует идти разумным путем, хотя и нехоженным.

А доказательства сильны...

«Простому смертному, — размышлял президент, — можно избрать любую симпатичную точку зрения, но глава государства права на симпатии не имеет, только на разумность. Считать Куликовскую битву свершившейся в устье Дона и Непрядвы? Чтобы не бередить белых и красных? Тогда как же память о погибших русичах, останки которых перетаскивают в пространстве и времени?»

Вдруг стало тесно на заднем сиденье лимузина. Президент повернул голову влево и увидел бородатого инок в кольчуге... Взгляд направо — его теснил ратник с прописным ликом святого. Холодило прикосновение кольчуг с обеих сторон. По пристальному взгляду. Ни слова...

Президент перевел дух и никого рядом не обнаружил.

Привиделось. С чего вдруг? Но неспроста...

«Кто же это мне привиделся? — злился на себя и перебирал в памяти знаменитые лица предшественников. Злился, что подобно ребенку размышляет над нереальным происшествием, а память пленилась виденными ликами и желанием дольше оставаться в волшебном мире. — Вроде бы один — Александр Невский... А другой? Другой... Вот ведь! Вылитый Судских! Точно — Судских был... Интересно, а с мечом совладать сможет?»

— Меч в руках держал? — сурово спросил князь Александр пришлого.

— Не случилось, — учтиво отвечал он. — Но не посрамлю чести ратника.

Стоял он в домотканой поддеве и онучах с перевязью до колен, овчинный полушубок держал за ворот в руке.

— А вот и посмотрим, — смерил его взглядом князь. — Тимоха! Неси воинские одежи с доспехами! — крикнул он в сени.

Пришлого увели одеваться, и князь остался наедине со своими невеселыми думами.

Два года как он разбил шведов на Неве, заступил им дорогу к богатым русским городам, а желанный мир не наступил. Немец прст! Охочий до чужого, наглый от попустительства литовцев. Помнил он, были среди шведов ливонцы, которых не столько ратные подвиги влекли, сколько вынюхивали дороги в глубь Руси. Расспрашивали поселян новских, как через болота на Тверь выйти, как к Новгороду пехом добраться... Одного такого в полон взяли. Надменный и спесивый, как попал в шведское войско, отказался отвечать, пока сам князь Александр не взялся суд чинить. При виде князя ливонец поутих, болес-менее складно объяснил, кто он и откуда. Назвался рыцарем Готтоном фон Ольденбургским. При шведском войске он в качестве советника... Ага, раз советует, стало быть, сам воин?

— А чего же ты так неумело помогал советами? Разбил я шведов начисто! — расхохотался князь Александр.

— Рано радуешься, князь, — заскрипел зубами ливонец. — Нам шведов не жалко, они нам неровня, полсилы нашей не стоят.

— Кому это — нам? — нахмурился Александр.

— Тевтонскому ордену! — надменно ответил ливонец. — Доведется встретиться с нашим войском, не сдобровать. Это я тебе говорю, рыцарь Готтон фон Ольденбургский!

Хотел со зла князь Александр выпороть кнутом спесивца, да не стал. Негоже рыцаря прилюдно наказывать, ему другая участь уготована. В назидание сказал:

— Рановато кичишься, рыцарь! Не ведаешь, с кем тягаться хочешь. Кто на нашу землю с мечом придет, тот от меча и погибнет. Передай своим. Не пугаю, а советую.

Расхохотался и отпустил восвояси.

Стал неспешно выведывать у пришлых людей про Орден. Знал: рано или поздно придется помериться силой с ним. Соседи-князья развалили прежний союз, клятву Трибогу не соблюдают. Многие как другим богам стали молиться, так и чураться стали друг друга. А много ли поодиночке возможно? Борислав, князь Смоленский, один решил с половцами разобраться, только выманили они его из города, там под стенами на кол и посадили... А были половцы не одни, пришли с ними ливонцы, конно и в тяжелых доспехах. Малым отрядом стояли, Борислав и клюнул на легкую победу, а как ударили они сомкнутым строем, посыпались от дружины Борислава пух и перья. Все полегли...

Рассказывали о тевтонцах много. Подчинили они себе западных русов, половцев своей верой прельстили, успешно продвигаются к Руси. Порядок в Ордене строгий, обряды чудные, богам молятся поганым и веру свою насаждают большой кровью.

Добралась вера эта и до святой Руси, отчего разлад в землях страшный пошел. Новгородцы отвергли посланцев киевского князя Владимира, тогда дядька его Добран с Путятой явились, убивали и вешали всех, кто от Трибога не отрекся, дома непреклонных сжигал со стариками и детьми малыми. Затаился Новгород на время, покорность изображал и тайно прежним богам молился, пока не призвал волхва Мелика и просил его освободить от чужебожества. Хитростью и коварством владимирский князь Глеб Мелика с ближними помощниками заманил на разговор, убил его и силой усадил на посад привезенного в обозе епископа. Опять не смирились новгородцы, живя в двоеверии, потом призвали на помощь ладожан и псковичей и основали отдельно от Владимира Новгородскую республику, учредив народное вече. Князь киевский Изяслав Мстиславович, познав несговорчивость Новгорода, пошел на попятный, добился обособления от веры византийской, а Юрий, князь владимирский, крест целовал прилюдно и просил новгородцев не чинить зла новой вере, тогда и он их древних богов не тронет. Тем новгородцев и умаслил. Пять лет минуло, а так и не наступил порядок в новгородской земле. То люб им князь Александр, то ненавистен, то в Пскове он княжит, то в Переяславле стол держит, то с Новгородом тяжбы разбирает.

Сейчас вот опять призвали его псковитяне защитить от чужеземного нашествия, сила движется немалая — Тевтонский орден. Давно грозились...

Понимал князь Александр, идут тевтонцы не просто добычей потешиться, а веру свою и порядки насаждать. От меча меч защита, от чужих богов свои оборонят, но как выстоять, если изнутри чужеродная ржа разъедает веру, свои же князья-русичи славят неведомого Христа? Его знак тевтонцы на своих плащах носят...

Отряды разведчиков встретили передовые порядки тевтонцев за Почаловским лесом и привезли тревожную весть: сила идет несметная, хорошо обученное войско движется грозно, и в одиночку псковитянам не выстоять, стало быть, и Новгороду не сдюжить, и Руси не стоять.

Кинул клич Александр, тверичей призвал, смоличан, рязанских, новгородцев — всех, кому следом грозного врага встречать: лепо ли отдельными посадками биться, а не всей Русью? Оставим раздоры, сойдемся в один кулак, поглядим, живы ли боги русичей, простили они чад своих глупых или нет уже удачи на святой земле? Поняли Александра, пришли под его руку. Тогда и появился в его стане пришлый человек с Волхова, волхвом назвался чудским и поучать стал... Чудной чудский.

Ввели пришлого. В воинском наряде он чудным не казался: справен и осанист.

— Силой со мной не хочешь помериться? — насмешливо спросил князь Александр.

— С кем угодно, княже, за этим и шел к тебе, только со своими нежелательно бы, — степенно ответил пришлый.

— А не в полную руку, докажи только, что делом силен, тогда словам поверю, — искрился взгляд князя.

— А не устыдишься, князь, если сильнее окажусь? И зачем тебе с волхвом тягаться?

«Щекотливо предлагает, — усомнился про себя Александр. — Вдруг и вправду помощь богов возьмет? Надо ли мне, князю, срамиться? С добрым словом пришел человек».

— Тогда покажи владение мечом. Волхву умение как никому другому нужно, ты ведь в сече рядом быть грозился? — мудро нашел выход Александр.

— Пусть челядинцы выйдут, — попросил пришлый. — А ты им опосля скажешь, могу рядом с князем быть или недостойн.

Быстро раздумывал князь.

— Оставьте нас...

Вышли все.

— Смотри, князь, — привлек внимание Александра волхв. — Вот шкура медвежья на полу, пасть оскалена. Я с полного маха самый кончик левого клыка ему снесу, а прочих зубов не трону.

— Покажи, — упер руки в бока Александр.

Внесенный меч остро свистнул и замер в руке волхва. Князь на меч глянул и подошел к шкуре. Верхушки клыка как не бывало.

— Можешь, — подобрел Александр. — Теперь и помощь от тебя приму. Садись к столу. — И первым шагнул к лавке.

— Храбр ты, княже, — сказал волхв, садясь напротив. — Так скольких нет с тобой, живших просто смелостью?

— Боги наши заставляют смелыми быть бесхитростно, — твердо ответил Александр.

— Так ты ведь меч уважаешь не тяжелый, а гибкий? Чтобы легок был и прочен. Враг идет на Русь коварный, поживиться хочет не золотом-серебром, а душами русичей. Обманом им чуждую веру навязывают, а теперь хотят в скотов превратить.

— Не бывать тому! — стукнул кулаком по дубовой столешнице князь, грозно сверкнул очами.

— Не бывать, — спокойно подтвердил волхв. — Но противопоставить псам-рыцарям не одну силу надо. А клыки отсечь. Без клыков им долго не прожить.

— И я так думаю, — совсем доверился гостю Александр. — Заманить хочу тевтонов в волховские болота, а там расправиться.

— Не пойдут они этим путем. Пока зима стоит, пойдут они через Ловать на Тверь, а от Могилева на Смоленск, где с полянами сойдутся, и тяжело будет русичам даже скопом отбиться. Потому и не заманивай тевтонцев за Волхов, а ломай ему клыки на Чудском озере. Там способней.

— Просторно там, — возразил Александр. — Наших числом менее будет, а Орден сечья умеет строем и тяжело вооружен.

— Так это в угоду, княже! — воскликнул волхв. — Легким вооружением и пользуй. Всевышний за тебя и всех русичей! Ломай Ордену клыки, где Он указывает!

— Была такая надежда — заманить на Чудское озеро. Спуск к нему открытый, пойдут тараном. Полены наделать и снегом присыпать. Верно, передние потонут, а задние тогда в обход пойдут. Как здесь с боков ударить? — спрашивал он совета.

— Постой, княже. Враг еще в двух днях пути, распорядись временем с толком. Как раз этот открытый спуск к озеру завали, слок свежерубленных навтыкай на пути, тогда войско не сунется этим путем, а пойдет, где полным строем пройти можно.

— Чудно, — раздумывал Александр. — А как разведчики их дознаются про обман?

— Всевышний завтра метель найдет и мороз крепкий, все огрехи присыплет, и тогда один путь останется...

— Так что с того? Биться все сдино на льду придется, а лед чудский крепок этой зимой.

— Так и ладно. Тебе по этому льду самое то войском маневры устраивать, под твоими легкими воинами он не провалится, а биться будешь вот где... — привлек он внимание князя к столешнице перед собой. — Вот Чудское озеро, — рисовал пальцем волхв. — Внизу Псковское, а меж ними Теплое. Смекаешь, куда клоню? — воззрился на князя волхв.

Князь вперился в глаза волхва. Чудное виденье, право слово, сам великий Перун глаголет словами гостя! Даже про метель упомянул — с нами Бог, русичи!

— Лед тоньше!

— Верно мыслишь, княже! Уменьем бить надо врага! Он нагл, а ты гибок, он силой красуется, клыками своими, а ты их одним махом и отсецешь, весь цвет Ордена в наших землях останется — богово это дело! Если бы ты знал, какую услугу всему божьему миру окажешь, какого беса клыков лишишь!

— Это ты про что? — не уловил смысла князь Александр.

— Это я к слову, — убрал долу глаза волхв. — Жить Руси долго, а потомкам уже сейчас твоя помощь надобна. Сдюжим, княже, на том стоим...

Александр помолчал, но хотелось много чего спросить.

— А где ты так мечом выучился владеть?

— Веришь ли, первый раз в руках держу, — честным оком посмотрел на князя волхв. — От истинного Бога и сила истинная идет, и легкость.

— Битву свершим, в свои края уйдешь? — спросил и то-мительно ждал ответа князь. Не хотелось отпускать от себя такого человека. — Любой надел проси, все дам, люб ты мне.

— Где ты видел оседлого волхва, князь? — мягко улыб-нулся волхв. — Лучше поведай мне, книги древние в святос-ти держишь?

— Как иначе? — искренне недоумевал Александр.

— Правильно, — одобрил волхв. — Ты их в сохранность волхву Желябе передай, его род долгим будет, пусть они со-храняют.

— Сделаю так, — твердо ответил князь, будто клятву давал.

1—5

Михаил Зверев вполне прилично изъяснялся на фран-цузском, и когда решался вопрос, кого отправить во Фран-цию, выбор пал на него. Довольно нсординарная командировка: в туристическую поездку отправлялся сын Судских Всеволод, и появились данные, что с первого дня в Москве за ним плотно доглядывают некие личности. Причи-на для Судских понятна: неискушенного Севку хотели ис-пользовать в своих целях для давления на отца. Кто? Не только УСИ проявило живой интерес к поиску библиотеки царя Грозного. Старый знакомый Мойзес Дейл, по данным Бех-теренко, нацелился туда же, и Севку без присмотра остав-лять нельзя.

— Езжай во Францию, Миша, — распорядился Суд-ских. — Будь рядом. Познакомишься с сыном, прикро-ешь, если потребуется. А чтобы не зря катался, побольше узнай о времени правления Филиппа Красивого и его борь-бе с тамплиерами. Нам об этом желательно знать из фран-цузских источников, а не по книжке Мориса Дрюона.

Так Миша Зверев отправился во Францию сочетать при-ятное с полезным.

В последний день посещения Парижа значилась экскур-сия по Сене с обзором достопримечательностей. Многие попросту ехать не захотели, прогуливались в переулках близ гостиницы, покупая на оставшиеся франки сувенирную ме-лочь, коротая время до отъезда тургруппы в аэропорт.

Севка растратился вчистую раньше и на экскурсию поехал. Будучи моряком, он достаточно перевидел чудес по всему шару, но в Париж океанские суда не заходят и Париж — это Париж.

С ним увязался и новый приятель Миша Зверев, коммерсант из Москвы, неглупый и разбитной парень. Севкины валютные резервы исчерпались быстро, а Михаил с приличными подкожными приглашал выпить фужер винца и кружку пива. Михаил не отказывал приятелю в компании. Моряки мужают быстро под присмотром старших товарищей, а Севке шел уже двадцать четвертый год и был он к тому же вторым помощником капитана.

Несмотря на разбитную натуру и профессию, Михаил неплохо разбирался во французской истории, литературе, имел твердые политические убеждения и мог достойно возразить их гидессе, если та выпячивала Францию пупком мира. В парижских музеях он не замирал с открытым ртом, гидессу не слушал, а пристраивался к группе французов. Там рассказывали подробности интереснее и на вопросы отвечали подробнее, чего не делала их гидесса, мадемуазель Сабина, самоуверенная девица из Бордо.

— Дикарями считает, — пояснял Михаил Севке. — И привирает изрядно. Но я ей ле конфуз устраиваю регулярно.

Особенно гидесса на Михаила не сердилась. Уже в первый день он подкрался к ее сердцу, подарив роскошный пеньюар, и, видимо, получил приглашение для осмотра этого пеньюара на обнаженном теле. Как жительница Парижа, она была доступной и уступчивой, а как уроженка Бордо, еще и болтушкой. От нее Миша Зверев узнал, что их группой интересовались подозрительные личности, а этими личностями — тайная полиция. Зверев Севку от себя не отпускал под любым предлогом.

— Мишель, это серьезно, — жаловалась Сабина. — Меня вызывали и расспрашивали, нет ли среди вас наркоманов или торговцев наркотиками. Я поэтому и с тобой быстро сошлась, я патриотка и с тобой так приятно, Мишель, ты настоящий мужчина, — смешно округляя глазки и ротик, тараторила Сабина.

— Головой ручаюсь, нет таких! — убеждал Миша. — И почему сначала подозрительные личности, а потом полиция?

— В этом все дело, — горячилась она. — Эти личности из Тель-Авива! А у вас в группе два кавказца!

— Глупости, — отрицал Зверев. — Они по мелочам не торгуют. Вагон «травки» хочешь?

— Дева Мария! — искренне пугалась Сабина.

Суть Михаил понял: Тель-Авив — это МОССАД, Бнай Брит и ничего хорошего, а Судских прав. Поехал он и по Сене кататься.

— Обратите внимание на остров впереди. Это Еврейский остров, — бойко щебетала Сабина. — Он знаменит не только тем, что там находится великолепное панно Дофине. Мировую известность он списал 18 марта 1314 года, когда здесь по приказу Филиппа Красивого был сожжен благородный человек, гроссмейстер Ордена тамплиеров Жак де Моле.

— Чё, чё? — топориком насторожил ухо Зверев, а Сабина, предугадав подковырку Михаила, бойко продолжала:

— Жадный король Филипп Красивый польстился на богатства Ордена и по ложному доносу казнил сто сорок тамплиеров. Именно Жак де Моле был истинным патриотом Франции, это ему принадлежит лозунг, начертанный на революционных знаменах Французской республики: «Свобода, равенство, братство!»

— Веселая каша, — хмыкнул Зверев. — Из козла ангела сделали.

Севка посмотрел на него с осуждением.

— Ты ошибаешься, — поправил Севка. — Морис Дрюон описал и Филиппа Красивого, и казнь тамплиеров, истинных патриотов, в серии «Проклятые короли».

— Юноша, да будет вам известно, — суховато пояснил Зверев, — что у короля Филиппа было прозвище не Жадный, а Железный. А это большая разница. Разницу осязаете?

Севка смолчал, продолжая слушать Сабину.

— Когда вспыхнул огонь и Жака де Моле охватило пламя, он закричал: «Папа Клемент, шевалье Гийом де Ногаре и ты, король Филипп! Года не пройдет, как я призову вас держать ответ пред Богом, и ждет вас праведная кара! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!»

— Слышишь? — указал на Сабину Севка.

— Это ты слушай пока, — хмыкнул Михаил.

— Так и случилось, — жалобно зачирикала Сабина. — Месяца не прошло, умер в страшных муках от неизвестной болезни папа Клемент, чуть больше прожил Филипп Красивый, заболев сразу после казни, а следом сошли в могилу доносчики: канцлер Гийом де Ногаре и казначей короля Ангеран де Мариньи.

— Все правильно, — рассудил Севка. — Божья кара.

— Дурак! — грубо ответил Зверев. — Извини, но повторять чужую преднамеренную гадость — еще большая дрянь.

Севка обиделся.

— Зря ты, — сказал ему Зверев. — Наблюдай, как Сабина сейчас сама выложит чистую правду. — И обратился к гидессе: — Мадемуазель, а чем занимались эти самые тамплиеры? Из ваших слов я понял, что благородные рыцари вызвали зависть короля. Они были бедные и гордые?

— Что вы, Мишель, — простодушно протестовала Сабина. — Орден тамплиеров был очень богат. Только во Франции тамплиерам принадлежало около восьми тысяч замков-крепостей. Тампль — по-французски «замок», отсюда и название Ордена. Они занимались вексельными обязательствами, кредитованием, развивали экономическую базу целой Европы. Именно из-за их богатства король осудил тамплиеров на смерть.

— Как-то все очень просто, — с видом недоуменного халды вопрошал Зверев. — Неужели с таким богатством они не откупились?

— Эпоха средневековья — самая мрачная пора в истории Франции, — уверенно отвечала Сабина. — Инквизиция, сумасбродство священников, ведьмы, оккультисты. Вам это известно из учебников истории?

— Еще как известно, — подтвердил Зверев. Их спор привлек внимание туристов. — Только ошибка у вас: инквизиция взялась за мракобесов на двести лет позже. Нет ли здесь других причин?

— Деньги! Как вы не понимаете? — возмутилась Сабина бестолковостью Михаила.

— А откуда им взяться? Рыцари, как известно, благородные люди и, как правило, бедные. Воевали с мельницами, а тамплиеры, выходит, с банками. Иначе откуда у них восемь тысяч крепостей взялось и наличка? У тамплиеров, как известно из учебников истории, даже короли брали кредиты под

высокие проценты. Известно также, что тамплиеры занимались кроме ростовщичества и работоторговлей. Это я вчера в Королевской библиотеке вычитал, Всеволод подтвердит, — показал он на Севку. Тому пришлось кивнуть. — А торговали они нашими парнями и девками, гнали их на юг из русских земель. Про мамлюков слышали? Вот... Из наших ребят были, из славян. В конце концов они напрочь разгромили крестоносцев и выбили из Палестины. И очень был прав ваш король Филипп Красивый, когда раздавил этих пауков-тамплиеров, сосавших кровь из всей Европы. Попутно замечу: случилось это через семьдесят лет после того, как наш Александр Невский утопил в Чудском озере таких же кровососов, собравших тамплиеров по разбою — тевтонцев. Поклон им обоим до земли, спасли от рабства многих. Такие дела, мадемуазель Сабина.

— О-о... — не нашлась с ответом гидесса. Вокруг посмеивались туристы, явно довольные отповедью Михаила.

«Лихой коммерсант! — восхитился Севка. — Отцу расскажу. Надо же! Винцо попивает, а головы не теряет...»

— Молодой человек, — вмешался в спор один из туристов, вполне респектабельный пожилой мужчина, — вы очень страстно защищали короля и осуждали тамплиеров, но ведь божья кара последовала? А она падает на голову подлецов. Как вы это объясните, если вы человек верующий?

— Уважаемый сожитель по России, — приложив руку к груди, обратился к нему Зверев, — если бы кара божья падала на головы подлецов обязательно, Ельцина и его окружение разнесло бы вдрызг после первого залпа в Чечне и еще раньше — когда из танков палили по Белому дому, а может быть, и того раньше, и не знали бы мы ни Ленина, ни Ельцина. Чудес не бывает, но их можно устроить за хорошие деньги. Там икона расплатится, там безногий пойдет, а в этом конкретном случае короля Филиппа просто-напросто отравили — урон масонам он нанес сокрушительный.

— Вы коммунист и атеист, — поморщился пожилой мужчина.

— Я за справедливость, — парировал Зверев. — Кстати, масоны поклоняются не Богу, а дьяволу, считают его своим Отцом.

— Это неправда! — заартачилась Сабина. — Какие могут быть масоны в свободной Франции? В наше время?

— Милая Сабина, именно в наше время козлы захватывают власть и жизненно важные позиции, — спокойно возразил Миша.

— При чем тут козлы? — возмутился благообразный верующий турист, заспоривший с Михаилом вначале.

— Самые что ни на есть, — подтвердил другой турист; дядька явно провинциал, но, видать, не последние деньги на Париж наскреб: одет с форсом, сигареты курит дорогие, держится уверенно. — Правильно вы сказали, Михаил. Масоны везде власть захватили, права качают и служат сатане, а сатану как изображают? С рожками и копытцами, борода для важности. И масоны так про своего батьку козла рассказывают: ангел он, умный и свободолюбивый, а его боженька на землю сбросил за неподчинение дисциплине. Кто поверит в эту фигню, расслабится и в момент слугой дьявола станет.

— Вы такую ахинею несете! — вовсе разобиделся благообразный господин. — Сами-то откуда будете?

— А костромской я, — беспечно ответил дядька.

— Оно и видно, — успокоился благообразный, будто Кострома была мерилom глупости.

— А я вас где-то видел, — прищурился костромской. — Часом, не из демократов будете?

— Я был депутатом Думы, — с весом произнес благообразный.

— Вот! — теперь и дядька удовлетворился. — Я вас по бородашке клинышком узнал. Не коммунист, не атеист, ни вашим, ни нашим, а в Париж катается.

— Это не ваше дело! — оскорбился благообразный и отошел к другому борту, не желая дискутировать.

— Господа, господа! — вмешалась наконец Сабина. — Давайте лучше любоваться Парижем.

— Верно, — поддержал Зверев. — Он стоит обедни.

Обычная в таких случаях склока не зародилась, и экскурсия закончилась вполне мирно. Севка своего нового товарища увидел другими глазами и зауважал.

Еще и в самолете они толковали о всякой всячине, проясняли свои жизненные позиции, и Севка осознавал, что в его голове мусора хватает, четких ориентиров мало, а Зверев стоит на земле гораздо прочнее, лучше разбирается в жизненных коллизиях, хоть и купчик, фанфарон современного

кроя, а когда объявили пристегнуть ремни, он совсем проникся к Звереву и сказал:

— Слушай, я тебя с отцом познакомлю, он меня встречать будет. Интересный ты мужик...

На большее не решился: отец строго-настрого запретил упоминать о его должности.

— Хорошо, — кивнул Зверев и уставился в иллюминатор.

Севка даже обиделся, и еще больше, когда Михаил потянулся в аэропорту. Познакомишься с нормальным человеком, а он исчезает...

— Как, говоришь, звали твоего дружка? — спросил Судских сына. — Михаил Зверев? Снова увидеть хочешь?

— Не откажусь! — обрадовался Севка. — Здорово будет!

— Тебе здорово, а ему нагоняй светит.

— Так это твой подчиненный? — изумился сын.

— Мой, — ответил Судских. — Говорун... — И больше не комментировал. Вглядывался в трассу, освещенную фонарями. Моросило, в поздний час кос-где светились окна.

Своим живым повествованием о Звереве, понимал Севка, он подставил товарища. Ощущая неловкость, он перевел разговор на другую тему:

— Пап, а как Филиппу Красивому удалось разрушить такую мощную организацию тамплиеров?

— Помалкивал, вот и удалось, — все еще злился на Зверева Судских, но сыну об этом знать не положено, и он развил предложенную тему: — Король признавал, что не сегодня-завтра масоны полностью поработят Европу, наведут свой порядок. Они были прекрасными конспираторами, а это говорит о многом. Ждать беды Филипп не стал. Он тайно уведомил соседей-королей, своих наместников и назначил точный срок ареста тамплиеров везде.

— А все же: не на богатство ли тамплиеров он польстил-ся? — уводил отца дальше от Зверева Севка.

— Понимаешь, проще владеть рынком, чем оплачивать место на рынке. Примерно так рассуждал Филипп. Как у нас раньше было? Поставщики везут товар на рынок из Рязани, Тамбова, а на базар пробиться не могут. Перекупщики сбивают цены, угрожают, мешают торговать, обкладывают поборами, лишь бы задавить конкурента. Российские помидоры гниют, а горожанам предлагают завезенные из-за границы.

Безвкусный дешевый товар. Новый президент заставил перекупщиков убраться, и сразу прибавилось в казне. Выручка от продажи товара стала оседать в стране, — пояснил Судских. — Примерно этого добивался железный король Филипп Красивый, ему не пришлось бы залезать в долги к масонам — он получал весь рынок вместе с конфискованным имуществом врагов.

— А не круто ли зариться на чужое? — усомнился сын.

— В зависимости от того, что считается чужим. Представь, в твоём доме живет квартирант, за жильё и стол не платит, а деньги тебе в долг даёт под проценты, — пояснил он. — Справедливы такие отношения?

— А чего ж хозяин сразу порядок не обговорил с квартирантом? — вопросом на вопрос ответил Севка.

— А родственником назвался, — загорелся Судских. — Приехал на денек, на край лавочки попросился, а хозяин глянул, ему уже и присесть некуда — весь дом приезжий занял. Уяснил?

— Теперь — да, — рассмеялся Севка. — Грамотный ты, батя. Как говорил отец Григория Мелехова, видишь проблему отшель, а не отседова.

— Я много что вижу с другой стороны, — хмуро ответил Судских. — И в некоторые вещи придется тебя посвящать. За тобой охотиться начали, Севка.

— Ну да? — не поверил сын. — Кому я понадобился?

— Поверь пока на слово. Нынче закончилось благополучно, Мишу Зверева я с тобой отправлял, пойми правильно и будь внимателен. Случиться может всякое.

— Но на кой ляд я нужен кому-то?

— Я нужен, — вздохнул Судских. — А ты — предмет торга. Бояться не стоит, но шибко доверчивым не будь.

— Не из пугливых и не простак, — обиделся Всеволод. — А Вику, сестренку, не достанут?

— Предупредили, — кивнул Судских. — Когда летишь во Владивосток? Погостишь недельку? Найдем чем заняться...

— Созвонюсь, скажут, — неохотно отвечал Севка. — А со Зверевым дружить можно или он по заданию дружит?

— Не говори чепухи. Миша Зверев отличный парень и специалист, а нагоняй получит за дело. Сам расскажет, повинную голову меч не сечет. Сделаю вид, будто ты ничего не

говорил мне, — нашел компромисс Судских, чтобы Севка не переживал.

Первая новость, едва отец с сыном переступили порог, была из Владивостока.

— Твой диспетчер звонил, я все записала, — протянула Севке листок с записью мать. — Велено немедленно возвращаться.

По времени во Владивостоке было чуть больше девяти утра, и Севка стал звонить в пароходство.

— Всеволод Игоревич, — обрадовался нужному звонку диспетчер, — у нас проблема. Сняли старпома с «Пересвета» в Марселе, аппендицит, а под рукой никого нет. Выручайте.

— Да у вас десяток старпомов бичует! — сопротивлялся Севка. Особым желанием снова посетить Францию он не горел. — А паспорт моряка, а виза?

— Учли, Всеволод Игоревич! — дожимал его диспетчер. — С оказией передали, сегодня будут в Москве.

— Считают копеечку, — пояснил Севка, присоединяясь к отцу с матерью. — Не то что раньше.

— Уезжаешь? — огорчилась мать.

— Туда, откуда вернулся, — ответил Севка.

Отец смолчал. Другая епархия, свои законы, помощь и советы сыну не нужны. Все же предложил:

— Машину прислать?

— Сам, батя, доберусь.

Судских засобирался на службу. Было неловко прощаться с сыном, который еще не уезжал. Потоптавшись немного, Судских сказал: «Ну...» — и развел руки для объятия.

Обнялись, прижались друг к другу, часть тепла передалась от одного к другому, не обогрев полно. Как-то куце они живут, подумали оба, каждый в своем измерении, отчего родственные чувства гаснут, не в силах преодолеть невидимую границу. Севка стоял перед Судских в одних плавках — взрослый человек и по-детски беспомощный, а отец одет, со всякими колкими штучками форменной одежды, сознающий, что, если они расстанутся отчужденно, обязательно случится непоправимое, какая-то беда...

Генерал принимал самые разные ответственные решения, а перешагнуть этот барьер было для него чудовищно сложно. Как? Да еще под караулящим взглядом жены, а она обяза-

тельно потом зудить станет: жестокий, черствый, с сыном толком попрощаться не может. «Выйди, мать!» — просилось с языка.

А не тут ли рождаются проблемы целой страны, над которой и он ломает голову? Кто же это забрался, как червячок, в маленькую ячейку и выгрызает оттуда самое ценное, разрушая ее?

И остается шелуха, оболочка.

Судских, уже отстранившись, сделал шаг к сыну и миновал барьер. Опять прижал его к себе, крепко охватив затылок Севки.

— Я всегда с тобой, сынок. Это ты для других взрослый.

Теперь тепла было много и хватило надолго. Для полетов и смягчения тревог. Мать, смахнув слезу, вышла.

Подарок отца дожидался у подъезда, когда Севка покинул дом. Миша Зверев вышел из генеральской «Волги» навстречу.

— Миша! — обрадовался Всеволод.

— Собственной персоной, — неловко улыбался Зверев. — Игорь Петрович просил сопроводить...

— Обожди, до отъезда еще кучу бумаг получить нужно. И в посольство, и за билетом...

— Не суется, — опять взял на себя старшинство Михаил. — Французская виза у тебя не закончилась. Моряцкие твои документы заберем в департаменте, самолет в 14.35, билет заказан. До самой стойки провожу. В Париже тебя встретит наш человек и сопроводит до Марселя. Все просто.

— Да уж, — оценил заботу Севка.

— Ты теперь виповская персона...

Действительно, без спешки и аврала спокойно уладили формальности, билет взяли без проблем, у таможенной стойки попрощались тепло и прочувствованно.

В Шереметьево, как всегда, было много народу, раздавались объявления о вылетах и прилетах, люди перемещались в большом зале, и Зверев удерживал все перемещения в поле зрения. Ничего заслуживающего внимания он не обнаружил и покинул аэропорт, когда Севка пристроился к пассажирам своего рейса у кабинки пограничников.

Интересное дело: ни в чем дурном не замешан, ничего дурного с собой и в мыслях, а под пристальным взглядом молоденького ефрейтора любой русский теряется. А вдруг?

Не любят на Руси шлагбаумы, а их понатыкано везде и надолго...

— У вас виза просрочена, — сообщил Севке ефрейтор, и тотчас рядом возник прапорщик:

— Пройдемте со мной.

— Самолет улетает! — схватился Севка за первый спасительный довод.

— Полетит без вас.

— А почему я должен идти с вами куда-то? — заартачился он.

— Давайте не обсуждать, — привычно нейтрально произнес прапорщик и указал вытянутой рукой направление.

Он привел Всеволода в кабинет, где восседал подполковник-пограничник, там же находились милицейский полковник и двое парней в серой форме внутренних войск.

— Доставили, товарищ подполковник, — козырнул прапорщик.

«Так, — сразу дошло до Севки, — ждали. Какой тут Париж, какие масоны — вот они, родные, дубовые и миленькие!»

Виду не подал, стал дожидаться объяснений. Западня безо всякого, готовились к встрече.

— Что же вы, Всеволод Игоревич, путешествуете с просроченным заграничным паспортом? — полковник милиции смотрел насмешливо.

— В посольстве сказали, паспорт годен до конца месяца, — хладнокровно ответил Севка.

— Может, и так, но сам паспорт фальшивый, — сообщил милицейский полковник.

— Почему фальшивый? Я с ним во Францию летал, выдали во Владике, в турбюро, — еле сдерживал возмущение Севка.

— Бланки паспортов выкрадены, что мы и хотим выяснить.

— А я при чем?

— При том, что требуется прояснить, как он попал к вам и зачем, едва вернувшись из Франции, вы снова летите туда, — добивал Севку милицейский полковник.

«Козлы!» — вскипел Севка, но сумел держать себя в руках. В конце концов, есть еще отец.

— А милиции делать нечего? На одних провокациях стоите?

— Не надо грубить. За мелкое хулиганство можно схлопотать пятнадцать суток, — как с дитяткой, играл с ним милицкий полковник.

— Я могу позвонить?

— Папе? Мы знаем, кто ваш отец, Всеволод Игоревич. Как раз у таких родителей детишки нарушают закон, балуются наркотиками, сами их распространяют...

Севка смолчал, намек прозрачен и понятен. Приученный с детства самостоятельно выбираться из трудностей, он продумывал, как связаться с отцом. Сразу понял, милиция этого не допустит. А отец будет считать, что он благополучно улетел в Париж...

Его провели коридором к закрытому выходу в сопровождении двух парней в серой форме. Прямо за дверьми стоял желтенький милицкий «газик» с водителем.

— Бандюг ловить слабо, а тут подготовились тщательно.

— Помалкивай, — одернул полковник, а парни довольно грубо втокнули Севку на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, как мышеловка, парни сели по бокам, «газик» тронулся.

Севка больше не говорил. В полном молчании выбрались на трассу, ни одной машины навстречу — государственного преступника везут! Парни по бокам с полным достоинством.

На повороте виадук их обогнала черная «ауди» с синим маячком на крыше и сразу же заверещала гадливым сигналом, загородив проезд. «Газик» стал. Никто ни звука. Через водительское зеркальце Севка успел заметить другую «ауди» сзади. Из обеих выскочили верзилы в масках, и заговорил микрофон из первой «ауди»:

— Всем выйти, руки на капот, не сопротивляться, стреляем без предупреждения!

«Вот суки! Хорошо от папани прикрылись!» — сразу понял нехитрую комбинацию Севка.

Сидящие в «газике» команду выполнили без промедления. Севку вытянули сопровождающие парни. Едва он коснулся ногами земли, его подхватили другие руки и потащили к задней «ауди». Держали некрепко, будто давали ему последний шанс. Он подумал:

«Если махнуть через ограждение, можно скатиться по склону и рискнуть, тормознув любую машину. Хотя бы крикнуть, чтобы отцу передали...»

Едва подумал, мышцы напряглись, а следом он получил удар по затылку, который совсем недавно прижимал к себе отец... Так толком и не поговорили...

Сознание отключилось начисто.

Скомканные провода были неслучайными. С вечера Гриша Лаптев сообщил о готовности его изобретения к практической работе. Применяв метод математического анализа и вариационного исчисления к истории, он грозился прояснить самые темные уголки и установить точность хронологических дат. Более того, любой желающий мог побывать непосредственно на месте событий. Судских, своему шефу, он не мог отказать быть первым путешественником во времени и пространстве.

— Куда отправимся, Игорь Петрович? — спросил Григорий.

Куда... Маршрутов хоть отбавляй, и каждый архиважный. С божьей помощью попадая в любые времена, он мог влиять на события, но не оценивать их пространство. Метод Лаптева такую возможность давал, но не делал участником. Сочетание обеих возможностей делало путешественника и зрителем широкоформатного фильма, и участником. Для здоровья опасно, наемкнул Гриша.

— Тогда давай-ка к последним дням Трои. Очень мне это интересно, даже с ущербом для здоровья, — попросил Судских, примериваясь к лепестку светлого материала с креслом внутри.

— Троя так Троя, — обыденно сказал Гриша, усаживая Судских внутрь лепестка. — Запоминайте, Игорь Петрович. Под левой рукой у вас ускорение виртуального времени. Справа — удаление или приближение к цели. Двигаясь по собственному желанию, растягивайте свои полчаса или сужайте. Давайте координаты.

— Между холмом Гиссарлык и портом Ильджа в Турции.

Григорий опутал Судских датчиками, проводами, осмотрел критически и только потом дал стартовые инструкции.

— Выбраться самостоятельно у вас возможности нет. Поэтому сами назначайте срок.

— Что от этого зависит?

— Возвращение произойдет в любой момент.

— Терпимо, — согласился Судских.

— И еще одна деталь, Игорь Петрович, — остановил его Лаптев. — Нельзя войти в одну и ту же воду дважды.

— Вот как? — обдумывал сказанное Судских. Решившись, сказал: — Начинай, Гриша. Я все понял.

Григорий подсел к многопрограммному компьютеру, дал Судских отмашку рукой, и мир для них разделился надвое: Судских достался прошлый, Григорию — будущий, и между ними ноль-пространство. Путешествие по ту сторону времени началось.

С орлиной высоты Судских увидел множество конных и пеших вооруженных людей, они взбирались на холм к стенам крепости и скатывались вниз. Судских приблизил картинку, увеличил скорость времени. Фигурки лихорадочно задвигались, пожары в крепости стали вспыхивать взрывами, окружающее больше и больше походило на сумасшествие. Впрочем, что, как не война, является помешательством... Метров с пяти над землей Судских видел разгоряченные лица, которые корежило в страшных гримасах, пот, кровь, а тела корчились в дьявольских плясках.

Он остановил сумасшедший бег времени, когда вооруженные массы заспешили в крепость через пролом в стенах. Троя пала. Догорал остов деревянного коня среди площади, меж трупов сновали мародеры и насильники. Судских захотелось ощутить в руках пулемет и остановить строчкой жуткую вакханалию.

Сыр-бор из-за чего? Не так мыслили троянцы, не тем богам поклонялись. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...» Последний оплот ариев на юге пал, чтобы возродиться спустя тысячелетия легендой в руках Шлимана. Троянцы останутся троянцами... Не греками, не македонянами, не финикийцами, никто и не вспомнит, какого роду-племени были троянцы.

Арии. Спасшиеся ушли от стен Трои на север, откуда вышли еще раньше. Мир им.

Внимание Судских привлекли два всадника, спешащие рысью к морю. Он убыстрил время, и кони помчались заводными игрушками. У причала затанцевало суденышко, рванулось вперед, унося двоих в своем чреве. Еще убыстрив время, Судских последовал за фелюгой и над ней. Искрилось море в лучах солнца, закат сменял рассвет, берега островов, вершины гор вставали из воды, фелюга мчалась мимо Кипра к

белым стенам Сидона Ханаанского, опять бешеная скачка среди цветущих садов, среди величественных кедров, потом через черствые песчаники к землям палестинским, через равнины Иерихона. Сменялись лошади, всадники не отдыхали.

Они достигли подножий горы Нево, где множество людей стояло лагерем подобно натянутой тетиве лука.

«Колчан его, как раскрытый гроб...» Судских снизился и сделал ход времени осязасмым.

— Иисус Навин! Иисус Навин! — вскричали оба всадника, соскочив с коней перед пышно одетым человеком у белого шатра. — Свершилось! Проклятая Троя пала! Мы видели это!

— Свершилось, — прошептал восначальник в пышных одеждах.

И пал на лице свое.

Воины, женщины, дети подошли ближе, сгрудились вокруг своего предводителя. Когда он встал, они приготовились внимать ему:

— Народ Израилев! Моисей, пророк наш, завещал по велению Господа Бога нашего: перейдите Иордан и всякое место, где ступят стопы ног ваших, я отдаю сынам Израилевым. От пустыни и Ливана до реки великой Евфрата. Всю землю хеттеев и до великого моря к закату солнца будут преданы вам с чужими домами и не вашими пашнями, с садами и виноградниками, оливковыми и масличными рощами. Всякий, кто воспротивится повелению божьему и не послушается слов его во всем, будет предан смерти. Только будь тверд и мужествен, народ Израилев. Не щади ни старого, ни малого, ни мужчин, ни женщин, ибо ты — народ избранный! Господь предал всю землю сию в руки наши, и все жители земли в страхе от нас. Готовьтесь! Через три дня мы перейдем Иордан и войдем в землю обетованную!

«Вот так оно и начиналось», — с грустью подумал Судских.

Проследив весь путь многочисленного люда через Иордан к Иерихону, он не вмешивался в события, но сдержаться не мог, чтобы не взглянуть в глаза воителя Навина: с каким сердцем ведет он племя свое через горе и кровь, сквозь чуждые муки?

Они сошлись у рухнувших стен иерихонских. Иисус Навин заметил его, оглядел свой меч в руке.

— Наш ты или из неприятелей наших? — спросил он, пряча глаза, будто вглядывался в меч свой, как в зеркало. Лицом черен от копоти пожаров, но исполнен мужества.

— Я судный ангел Всевышнего. Пришел увидеть тебя.

Навин пал лицом своим на землю, приподнялся и спросил:

— Что господин мой скажет рабу своему?

— Ты веришь словам Моисея, что земли эти принадлежат теперь народу Израилеву?

— Как мне не верить? Пророк наш Моисей предъявил нам знаки свыше и десять скрижалей заповедей.

— Он сам их выбивал! Ты видел заповеди от Господа?

— Я видел записанное пророком, — опустил глаза Навин.

— Значит, ты готов верить тому, что оправдывает твои намерения? Не делай этого.

— Не делай этого! — сурово повторил Судских и почти закричал в телефонную трубку. — Или, клянусь Богом, убью!

Сообщение потрясло его до помешательства. Сначала по прямому проводу позвонил некто, не представился и очень вежливо сказал:

— Игорь Петрович, ваш сын у нас. Если вы найдете книги и отдадите нам, сыну не причинят вреда.

Все звонки в УСИ засекались тотчас. Определили звонившего: один из телефонов Мастачного. Как только Судских набрал его номер, его поглотил прилив бешенства, какого с ним никогда не случалось:

— Не делай этого!

— Да шо вы, Игорь Петрович, е-мое! За шо нападки? Везли вашего хлопца к нам, разобраться с паспортом, бандиты напали средь бела дня, чего ж вы лааетесь?

— Слушай, Мастачный, окстись. Сутки даю тебе разобраться и вернуть сына целым и невредимым. Из твоей сучьей конторы был звонок. Не трогай меня, по-хорошему прошу! — зловеще пообещал Судских и неосмысленным взором посмотрел на Лаптева.

— Игорь Петрович, — позвал его Григорий. — Вы как?

— Я? — возвращался в брэнность Судских. — Нормально.

— А Троя? Как там было все?

— Пакостно. Как везде пакостно. Лжец Моисей...

До происшествия с сыном Судских президент оставался внешне спокойным, не поддавался эмоциям, хотя его возмущение росло. Происходила обычная русская метаморфоза. Сначала были восторги по поводу избрания нового вождя и «Многая лета» ему, потом без повода ожидание чуда и, наконец, возмущение всеобщим ничегонеделанием. Начальство — дерьмо, помощники — дерьмо, эх, бедный русский народ. Каким бы ни было упорным желание объехать колеи среди российского бездорожья, любой смельчак попадал в них обратно под общий хохот и насмешки зевак, пока телега не увязала по самые ступицы в грязи, а дальше кнут принимался за дело, и бедная лошаденка издыхала под матерщину возницы и возмущение тех же самых зевак.

На известную басню Крылова про лебедя, рака и щуку есть хороший татарский морал: нечего всякий нарядный хрен запрягать в повозка — лошадь надо. А лошаденка не тянула. Кармыть нада! А корма истощали. Тогда хороший дорога надо! Это другое дело. И лишних сздоков с лишними сдоками — прочь с телеги!

На первых порах президент разогнал тысячи контор по стране, жиреющих на посредничестве, нажил тысячи врагов, но характер выдержал. Началась эпоха ползучего саботажа. Уволенный неделю назад Мастачный не спешил покидать свою вотчину, его генералитет держался уверенно, а двадцать пять дивизий внутренних войск, развернутые по штатам военного времени, заняли исходные позиции. Армия не вмешивалась, поддерживала президента, да и топливо, как выяснилось, вышло все.

Вот тогда президент ввел в столицу казачий полк и блокировал Министерство внутренних дел. Ребятишки в сером камуфляже, приученные бить палками по головам возмущенных демонстрантов и кое-как обученные грамоте, но не конному строю, глазели на казацьи лампасы настороженно: шутка ли, столько генералов понаехало. Приказ по мегафону сиволицего усача сложить оружие и покинуть территорию они выполнили. Затем прибыл спецназ с Лубянки и без шума арестовал генералитет. Их было побольше, чем сопливых охранников: сто двадцать три генерала и четыреста с неболь-

шим полковников с подполковниками. Майоров не забирали. Маршала Мастачного на месте не нашли.

Дума первая выразила возмущение недемократическими методами. Как водится, думских распустили сразу, едва президент получил возмущенную петицию. Бесновался Жирик, плакал Рыжик, взывал к справедливости Вовик, лаял Бобик.

— Что дальше? — оглядел членов Совета безопасности президент. — Обстановка накаляется.

— Смутьянов под арест! — предложил Воливач.

— Не лучше ли для начала Мастачного найти? — спросил Судских. Воливач скосился на него с ехидцей: еще бы! За сынка переживает, а остальное — хоть трава не расти. Судских ехидство понял: — Прошу понять меня правильно. От Мастачного идут веревочки к тем, кто субсидировал ползучий переворот и разрушает страну изнутри.

— Почему же не ищите Мастачного?

— Нашли, — вмешался Воливач. — Отсидживается в посольстве Камеруна.

— Где? — удивился Судских. — Что он там забыл?

— Вес сбрасывает, — красовался Воливач, довольный тем, что опередил Судских. — Чтобы улизнуть без помех в дырочку.

— Довольно худеть, — сказал президент. — Сегодня же затребуем назад в Россию.

Но в посольстве Камеруна Мастачного не обнаружили, а нашли в Шереметьево-2, камуфлированного под раввина. Е-мое, ну и видик у маршала был! Два вежливых майора Воливача попросили беглеца проследовать за ними... И самое плачевное, что на том же самом месте, где перехватили сына Судских, выкрали Мастачного те же самые боевики в масках, на тех же самых «ауди». Майоры Воливача послушными не оказались: один убит на месте, другой тяжело ранен, водитель оглушен. В перестрелке погибли и двое нападавших. Их увезли на «ауди».

— Это что такое происходит? — дал волю чувствам президент, распекая Воливача с двумя замами. — Вы чекисты или тряпки? При всем честном народе террористы проводят акцию, а вы уши лопухами развесили?

Обидное обвинение, но Воливач жалиться не стал.

— Еще подобный прокол, Виктор Вилорович, сменю руководство на умных. Хоть на «яблочников», но думающих о России, а не о звездах на погонах.

— Дайте свободу действий! — настаивал Воливач. — Казаки вмешиваются, милиция артачится, как работать?

— Хреновому танцору всегда яйца мешают, — в своей манере отрезал президент. — Спорим, другими силами и средствами переловлю ваших террористов? За три дня!

Совет безопасности отмалчивался, понимая, какая свара начнется. Молчал и присутствующий Судских, но по другим причинам — не хотел выпячиваться перед Воливачом. А что задумал президент — не знал. Никто не знал.

— Свободны, — отпустил всех президент. — Игорь Петрович, задержитесь.

Судских остался, не встречаясь глазами с Воливачом.

— При таком развале системы госбезопасности трудно ловить террористов. Я их понимаю, — выговаривался президент. — Но беспредела не допущу. Есть у меня план...

Делиться не стал и перевел разговор на другую тему:

— Как с книгами?

— Проследили до семнадцатого века. Действительно, в библиотеке Грозного они значились. Однако главная из них — «Тишайший свод» — в списках отсутствует.

— Почему главная? — исподлбья спросил президент.

— В ней была точнейшая хронология событий, происшедших на Земле десять тысяч лет назад, даты правлений ариев, русичей и русских князей вплоть до воцарения самого Ивана Грозного. Дальнейший период известен по другим источникам, а с приходом Романовых даты сходятся.

— Игорь Петрович, а почему вы говорили ранее, что изучили путь книг до тринадцатого века, а сейчас — до семнадцатого? Новая метода поиска?

— Абсолютно верно, — кивнул Судских. — Мы можем до бесконечности копать землю или рушить стены в поисках книг, если не изучим мотивы их движения. Книги нам достались от ариев, которых вытеснили христиане, имея за спиной сильную масонскую организацию. Надо учесть, «Тишайший свод» дописывался вплоть до годов Смуты после правления Бориса Годунова, пока не пропал вместе с книгами Ивана Грозного. Прослеживая их путь, мы узнаем передвижение ариев с юга на север. Возможно, кто-то из последних сторонников древлего благочестия знает, где они хранятся, однако отдавать книги светской власти не станет.

Отрадно, что владыка заинтересован в их возврате из разумных побуждений. Церкви важно не потерять верующих, особенно молодежь, а привлечь ее можно, упорядочив каноны. Вести службы на русском языке, отсеять представителей иудаизма из сонма святых, у нас своих хватает на три пантеона, и главное — вернуть Православной церкви светлое начало и российских богов. Неструдно убедиться, что они были не языческими, какими их сделала христианская религия. Григорий Лаптев создал установку виртуальных путешествий, можно свободно передвигаться во всех направлениях по времени, увидеть и узнать все. Хотите убедиться?

— Нет, — твердо ответил президент. — У меня от сиюминутных проблем голова болит. Забывать ее лишним не хочу. Мне результат важен. Результат давайте.

Прощались. Президент ни слова не вымолвил о плане борьбы с преступностью.

Тайное стало явным через неделю, шокировав даже ближайшее окружение главы президента. Не оглядываясь на имидж, он вполне легально пригласил в Кремль воров в законе, пообещав неприкосновенность. Это не болтуны, с ними говорить можно. Журналистам отказал. Это болтуны, с ними говорить бесполезно. О чем шла беседа в Синей гостиной, где собралось более двухсот представителей воровской знати и первой древнейшей профессии без представителей второй древнейшей профессии, никто не знал.

Переговоры шли в строжайшей тайне. Конфиденциальность встречи блюли работники УСИ. От Судских президент тайн не держал.

Президент вошел в Синюю гостиную один, с хитрой улыбкой на губах оглядел присутствующих и без экивоков повел разговор:

— Я слышал, что воры в законе самые честные партнеры. Знаю, вы контролируете треть экономики и четвертую часть финансов. Почему так мало?

Вопрос прозвучал вполне серьезно, господа воры опешили. Рассчитывали на разговор в духе: «На свободу с чистой совестью», а услышали пахана — почему они так мало воруют? Или не так поняли, а следующую ночь проведут на шконках?

— Поясню, — видя недоуменные лица, продолжил президент. — Вы строите для себя шикарные особняки, носите

гоldовые цепи по килограмму весом, своих любовниц делаете звездами на эстраде, а детей отправляете учиться за бугор в престижные колледжи. Ничего зазорного в том нет, кроме главного — сокрытия доходов и уклонения от налогов. Предлагаю легализацию. Прегрешения прошлых дел амнистирую, кроме мокрых дел... — В гостинной недовольно зашикали: воры в законе считали мокруху недостойной их. — Понял, — остановил шум глава страны. — Это я к слову. Нечего в державе сырость разводить. Особняки оставляю, любовниц не отберу. Даю слово. Не убеждайте меня, что вы честно получили свои денежки, не поверю. Но все богатства создавались подобным путем. Так пусть главенствуют русские купцы и русский товар. Хватит, полагаю, отдавать добро за дерьмо, а свое добро превращать в дерьмо. Согласны?

В Синей гостинной тепло забились воровские сердца. Отпущение грехов — а президент не пустобрех — и свобода, бля, в натуре...

После прочувствованной паузы глава страны продолжил:

— Взамен хочу от вас получить четкую банковскую и финансовую систему, способную работать на пользу России. И второе: обуздание преступности. Контроль возлагаю на вас. Не сможете, откажитесь сразу, шуток не потерплю. Будете воровать, припомню каждый прошлый грешок. За год не утихомирите шушеру и беспредел, шеи поскручиваю. И в этом даю слово. Какие вопросы?

«Травкой» не пахло, но господа воры выглядели прибалдело. Наконец первым потянул руку вверх нижегородский Вагон:

— Своим мозги вправить — дело плевое, уговорить беспредел — много не надо. Подучим по правилу: не можешь — научим, не хочешь — заставим. А как быть с чужаками? Чеченами, корейцами?

— Закон для всех один. Мое слово на всех распространяется. Не хотят — заставим. Любыми средствами. И вы не церемоньтесь.

Зашумели одобрительно: пахан мазу держал красиво, дело с ним иметь можно. Россию не посраим.

— Тогда скажите мне, кто выкрал сына Судских и Мас-тачного?

Пошушукались меж кресел, и встал Костена из Приморья:

— Это не наши. Вообще ничьи.

— Шпионы-диверсанты — так понимать? — прищурился президент.

Поднялся уважаемый всеми авторитет Петрович.

— Уважаемый господин президент. Вы с нами честно, и мы темнить не станем. Обещать не будем — они нам не по зубам. Но наводку дадим лично в руки. Будет ваше соизволение с ними не чирикаться, поможем.

— Только не мокрыми разборками.

— Это уже будет ваша государственная забота, а наша — отслеживать дорожки и норки. Иначе не получится.

Сход закончился со взаимными уверениями в понимании целей.

Пресса изгалялась как могла по поводу зеленого винограда, который высоко висит и никому не нужен. Никакой информации из Кремля. Зато президент через три дня получил с нарочным три видсокассеты, карты Москвы и Подмосковья, отмеченные красными кружочками обиталищ таинственных террористов. Они теснились к Москве в зонах престижных особняков и, к удивлению президента, частью значились на территориях воинских гарнизонов.

— Откуда такие сведения? — полюбопытствовал он.

— В своем сыре мы все дырки знаем, — отвечал нарочный. — Жаль, весь его схватить не можем. На ломтики поделен. Про своих нам нечего сказать, сами утихомирим, а этих забирайте с потрохами. Не жалко, они хуже беспредельщиков...

Разработку операции «Куликовская битва» в строгой секретности поручили Бехтеренко, к полному его удовольствию.

— Святослав Павлович, — напутствовал Судских, — Севку в целости вернешь?

— Так ради чего корпеть буду? Пострелять их — не вопрос, чисто брать надо. И пока не прояснится, где они и как они, движение не начнется.

Аккуратная работа Бехтеренко выявила первую закономерность: по всем указанным точкам обитают личности абсолютно неизвестные. Буржуйская охрана — само собой, а эти жили на нелегальном положении, будто под землей, изредка появляясь на поверхности. Загородные виллы, как правило, принадлежали крутым банкирам и финансистам. Все как один активно сотрудничали с иностранными фирмами и банками. Они были известны всей России по частным выс-

туплениям на телевидении, в газетах, в программах «Спасители России», все занимали в свое время немалые государственные посты. Как правило, имели двойное гражданство, отдельные хозяева давно не посещали свои особняки, другие уже далече. Те, кто бил себя в грудь, клянясь в верности России, теперь били пятками песок на престижных заморских пляжах. Хозяев вилл нет, замашки у охраны остались, и не только замашки — ошестинившись враждебно, крепости выжидали, сломает шею новый президент или паковать манатки надо будет всерьез.

С приходом казаков в столицу как-то незаметно сами собой решились многие проблемы. Глупые полуголодные мальчишки из формирований общественного порядка исчезли, вместе с ними испарились заезжие хохлушки, молдаванки, белоруски, торгующие в переходах, с которых эти мальчишки взыскивали непонятно за что дань в собственный паек. На базарах прибавилось не столько продавцов, сколько товара. Вместо дохлых ананасов и заморской дряни появилось несусветное количество изобретенной россиянами снеди. Кто едал расстегай? Да вот он, голубчик, горяченький. А сбитень? Кто сбитень выпиват, постоянно здрав бывает. А похлебки из требухи не желаете прямо с лотка, совсем задаром? Головы щучьи верченые, почки заячьи толченые... Икра заморская осталась, хорошее дело. Макдональдс нес убытки, а народ здравствовал после биг-маковой отрыжки. Ничего так на похмело наваристой похлебки вкусить, вмиг пропадет желание соображать на троих. Да, пить меньше стали! Сытый не пьет, не митингует, сытый блаженствует.

И совсем не интересуется запахами потайной кухни, где круто заваривается очистительный бульончик. Даст Бог, цвет его не станет красным.

За неделю, отпущенную Бехтеренко на подготовку операции «Куликовская битва», были проработаны мельчайшие детали, а Судских не давал команды начинать операцию. Не лежало сердце, остерегал внутренний голос. Никто больше не звонил по поводу Севки, и следы его не обнаруживались. Судских питал надежду найти сына в одном из буржуйских особняков, ждал подтверждения чутью, поэтому медлил с началом всей операции.

Бехтеренко приложил максимум сноровки, чтобы выявить две «ауди», знакомые прежде. Посмотрели все списки,

подняли архивы ГАИ, ни одна из машин не внушала подозрений. Как сквозь землю... Тупик?

— Не тупик, Игорь Петрович, — возразил Бехтеренко. — Есть еще один учетный список, куда внесены престижные марки. В свое время Немцов брякнул, что пересадит чиновников на отечественные «Волги», а иномарки продаст с аукциона. Вскоре попутно, из-за нехватки средств, отменили у многих чиновников охрану. Тогда Китайцев дал команду создать тихой сапой резерв иномарок без регистрации в ГАИ, прикрепить к ним охранников, и то и другое оплачивалось из хитроватых гайдаровских фондов, не облагаемых налогами. Была такая кормушка у правительственных засранцев. Мастачный распоряжение выполнил. В его личном компьютере обнаружили этот список. 430 автомашин. «Юконы», «че-роки», «ниссаны», «ауди», «БМВ», «вольво».

— Первый раз от тебя слышу! — возмутился Судских.

— Ни одной машины не нашли, Игорь Петрович, — оправдывался Бехтеренко. — Регистрационные знаки отсутствуют, а вместо них восьмизначные номера. Лаптев расшифровывает, но пока результата нет. И другой информации нет.

— А проверять все «ауди» не пытались?

— Не стали. Можем спугнуть. Операция сверхсекретная, не с мальчиками собрались тягаться силами, стараемся лишнего шороха не создавать.

— Новых друзей президента не спрашивали?

— Как же не спрашивали? Они сразу ответили: мы с ними никак не сталкиваемся, на контакт они не идут.

— Инопланетяне прямо, — ворчал Судских.

— А вы в точку попали, — согласился Бехтеренко. — От наружных наблюдателей дважды сообщали, что с территории особняков на заметке слышали иностранную речь.

— Какой язык?

— Не поняли. Обычные фразы. Возможности попасть на территории нет пока, светиться нельзя. Под видом инспекторов Мосэнерго и Водоканала посылали ребят. С ними говорили по-русски, но недружелюбно, квитанции об оплате предъявляли сразу, дальше калитки не пускали. Частное владение.

— А машины с территории выезжают?

— Разумеется. Но ни одной иномарки. Выезжают за продуктами, примелькались постоянные личности, на учете и в розыске не состоят. Продуктов закупают много. Гнезда пока не шевелили. По моим подсчетам, согласно закупаемым продуктам, в каждой точке отсиживается человек по десять — пятнадцать.

— А точек? Около ста? Дивизия! — воскликнул Судских. — Но ты мне скажи, Святослав Павлович, как стало об этом известно ворами? Как они больше нашего знают?

— По воровским законам о сферах влияния. То есть посягать на чужой участок вор не может.

— Но кто установил эти разделения? — копал до истины Судских.

— Выяснили. Два года назад состоялось, как они говорят, толковище, на котором был представитель Китайцева. Он предложил ворами участие в нефтяном бизнесе, а взамен, среди прочих условий, просил не вторгаться на территорию престижных поселков. Воры — люди аккуратные, они эти точки поместили скрупулезно, отчего для нас не составило труда сделать карту и узнать, кто там обретается.

— Почему же тогда в открытую не назвали их?

— Закон молчания, Игорь Петрович. Зачем терять прибыль? Их не каждый день приглашают в Кремль. Будет власть стабильной, не останется воров, а до тех пор они блюдают договоренность. Спасибо, помочь решили. Но полной откровенности не обещали.

— Не за красивые слова поверили, — отметил Судских. — Китайцев им не меньше президента обещал, но не легальность. Бехтеренко смолчал. Суть сказанного ясна.

— Когда начинать будем? — невозмутимо спросил он.

— Не завтра. Ты лучше скажи, какое движение в особняке старого знакомого Трифа?

— Прежнее. Дейл за территорию не выходит, Триф выезжает, как обычно, в банк. Никто больше из гостей не показывался. А банк Трифа посещают многие. В том числе и Китайцев. Особой нервозности не ощущается, но тишина как перед бурей.

— А прослушивание?

— Обычные разговоры. Но группа Лаптева установила закономерность. Лаптев будет лично вам докладывать, как справится.

Судских переварил информацию и по интеркому вызвал Лаптева:

— Гриша, ничем не хочешь порадовать? Святослав Павлович рядом находится.

Григорий сразу понял, о чем речь:

— Еще с час возни, зато интересная уха получится, Игорь Петрович! Потерпите чуток.

— Посулил — жду, — согласился Судских. — Святослав Павлович, ты пока иди, а через час возвращайся. Гриша сулит пирог к чаю.

После ухода Бехтеренко Судских поразмышлял над информацией. Без лупы видно, что оппозиция из прежних правителей готовится дать бой новой власти. Обозленные неудачей на выборах коммунисты, новая русская олигархия и, само собой, люмпен-пролетариат, кому все едино, за кого горло драть за дармовую выпивку, — состав известен. Тетеньки, стучащие в кастрюли, не в счет. Своевременно распустив внутридельские дивизии, президент лишил оппозицию действенной силы. Остались эти неуловимые боевики. Переворота им не осуществить, но теракты могут оказаться почище переворота и спонтанного бунта. По информации Бехтеренко боевики — суперпрофессионалы. Иноверцы? Им чужды интересы тех групп, которые не связаны с ними, а обычные наемники работают в другой манере. Кто же они? Ответ напрашивался, но спешить Судских не хотел. Все они под контролем, и от малейшего движения Бехтеренко сразу сыграет аврал. Сына они не тронут до тех пор, пока не будут найдены книги. На божий плюс есть минус сатаны. По всем параметрам противник серьезный, шарахнет током крепко...

Может быть, не столь важно к текущему моменту, но Судских не упустил из виду несприметных на первый взгляд разрушительных действий в стране. Президент объявил кампанию за сохранность исторических памятников, издал соответствующий указ пресекать посягательства на российские древности, а виновных привлекать к суду. Потянули за ушко — и такие личности вытянули на солнышко! Расследованием занималось УСИ, вся подноготная виновных как на ладони! Одна оказия: письменных указаний по разрушению памятников никто не давал, только устные. Исполнители подтверждали, поручители отказывались. В серии очных ставок вину тех и других удалось доказать.

Что уничтожалось? Преимущественно памятники XII—XV вв. Книги ли, захоронения, могильные надгробия и плиты, древнейшая утварь — везде целенаправленная работа стереть с лица земли этот период Руси. Как сказал Лаптев в этой связи, по ковшичку из XV века с помощью спектрального анализа и виртуального обшета можно очень многое узнать о хозяине и тех временах.

Особенно возмутительной была история с захоронением героев Куликовской битвы. Историки стыдливо отмалчивались о месте самой битвы, но обойти молчанием братские могилы им не дали. Лаптев доказал: битва произошла на месте нынешней Москвы, а погибших воинов хоронили на территории нынешнего завода «Динамо». Старосимонов монастырь разобрали по кирпичикам в тридцатых годах, остались от него часть стены и три башни. В пору горбачевских глупостей завод активно перестраивался в коммерческую структуру, лишь бы выжить. Копались котлованы под какие-то мощности, и в них находили останки погибших. Их частью захоранивали заново сами рабочие, частью вывозили на свалку. Притом начальство только после возмущения рабочих дало команду изготовить ящики, куда и укладывали человеческие кости.

С той и другой стороны погибло более двухсот тысяч воинов.

Пересвета и Ослябю упокоили отдельно в церкви Рождества Богородицы, основанной в честь Куликовской битвы. В пору массовых субботников плиты с письменами на могилах знаменитых воинов уничтожали прямо на месте. Ветераны подтвердили: приказ об уничтожении отдавал лично Брежнев в 1960 году.

Судских вполне понятно удивился: почему именно Брежнев распорядился уничтожить надгробия с надписями на старославянском языке? Он был вполне веротерпим, и какое ему дело до каких-то плит, о которых он слыхом не слыхивал?

Но Брежнев в то время был Председателем Президиума Верховного Совета, и в его ведении находилось управление по делам вероисповеданий. Связь, хоть и косвенная, есть.

Кто подсказал будущему генсеку уничтожить захоронения?

С начала кампании по сохранению исторических памятников набралось преизрядно документов и писем от простых людей, кто, где, когда отдавал распоряжение уничтожить па-

мятники. Письма проверялись и перепроверялись. Вырисовывалась картина, что с конца пятидесятих методично и незаметно уничтожаются предметы российской старины, и в первую очередь те, которые подлинно освещают древнюю русскую историю.

Гриша Лаптев прокрутил множество документов и установил следующее: направление подловатеньких усилий сходилось к трем деятелям из комиссии по делам церквей. Один умер, второй эмигрировал в Австрию, где погиб при странных обстоятельствах, а третий...

— Старший брат вашего старого знакомого, — докладывал Смольников. — Моисей Натанович Триф. Шестидесяти четырех лет. Эмигрировал из страны с первой волной, живет ныне в Швейцарии. Заметный товарищ.

— Почему ты акцентируешь внимание именно на брате Трифа? — спросил Судских. Взгляд Смольникова таил усмешку с намеком.

— В Шереметьево его задержали с вылетом, когда обнаружили в его багаже рукописи и машинописные копии. По заявлению в таможенном департаменте значится, что багаж досмотрен тщательно. Ничего особенного не найдено. Скорее не искали, поскольку поступило распоряжение свыше пассажира не задерживать. Копии и рукописи исторической ценности не представляют.

— Отчего же на твоём лице такая загадочность? — с улыбкой спросил Судских.

— А тут, Игорь Петрович, начинается исторический кроссворд. Докопался до рукописей дежурный, младший инспектор шереметьевской таможни Гушин Сергей Александрович, он и поднял шумиху. В архиве таможни я нашел рапорт Гущина, что начальник смены проявил поспешность, разрешив выезд Моисея Трифа, и он берется доказать это. Месяца не прошло, и Гущина уволили за служебную халатность. Я заинтересовался фактом и нашел Гущина. Сейчас он вполне респектабельный господин. После увольнения из таможни помаялся лет пять, потом уехал на Урал, в Свердловске работал в обществе «Знание», читал лекции и в горбачевскую пору стал депутатом местной Думы. Уважением пользуется. И вот что он поведал о делах давно минувших дней. Когда взялись перетряхивать багаж Трифа, одна из рукописных папок разлетелась. Собирая листы, Гушин незаметно при-

прятал парочку. Сразу читать времени не было, а на другой день он подал рапорт...

Смольников, если он накопал что-то, говорил медленно, будто боясь спугнуть удачу, и Судских поторопил:

— Что он обнаружил? Где листки? Не тяни, Леонид!

— В тот день, когда его уволили со службы, случилось другое неприятное событие — сгорела его квартира.

— Так я и знал, — разочарованно произнес Судских. — Листки, разумеется, сгорели, и весь рассказ бывшего лектора так же интересен, как сообщение Руцкого об одиннадцати чемоданах компры.

— А Гущин сделал фотокопии листков и хранил их в папке, которая в день пожара была при нем вместе с рапортом, — довольно говорил Смольников, протягивая Судских две фотокопии.

Судских с усмешкой покачал головой. Смольников не исправим.

Он вчитался в текст. Был он очень плох, в некоторых местах не просматривался, к тому же первая фотокопия делалась с очень старого оригинала на древнеславянском языке:

«...И так он бысть знамя Великага князя Гюрги на византийского святого Георгия, какия места несть в самой Византии и безборода и копье в руце и Великий князь Василий Иванович гневаться мах велико и бороду велел рисовать и прозывать князя Гюрги быв Георгием Победоносцем. Тогда поспешали сниток делахи где бысть знамя на денгах где князь Великий на коне имеа меч в руце. Князь Иван Васильевич учини в руце копье и оттоле прозваша денги копейныя и сниток поднаша княгине Софье и бысть значима довольна и древлие буквицы исчезаха вовсе».

— Ты прочел это, Леонид? — оторвался от текста Судских. — Понял, о чем речь?

— Просветился, Игорь Петрович, — подтвердил Смольников. — Это докладная кому-то из правителей Руси о делах при дворе. Думаю, судя по стилю, от служащего церкви иерарху. Иван Третий повелел сделать оттиск для новой монеты с Георгием Победоносцем, заменив меч на копье, убрав славянский алфавит, и поднес оттиск жене своей Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI. Она была очень довольна искоренением ненавистных славянских письмен.

— Верно, Ленья, — кивнул Судских и задумался, припомнив Тишку-ангела: «Бойся красавиц, княже...». Софья была красива, умна и коварна, ненавидела все славянское, ревностно вытесняла русские обычаи и письменность.

Бойся красавиц, княже...

С ее приездом в 1472 году Русь провозглашалась преемницей павшей Византии, третьим Римом.

«Чего вдруг мы должны быть продолжателями рабовладельческого государства? — часто возмущался Судских. — Не по мне молоко капитолийской волчицы!»

— А князь — мудак, — заключил Судских. — Извини, Леонид, — спохватился Судских. — Мне всегда была противна мысль, что Русь наследница Рима...

Он стал вчитываться в другую фотокопию.

Эта была из времен не столь отдаленных, читалась легко и даже очень, головы ломать не пришлось:

«... Я уже докладывал вам, Лазарь Моиссевич, что Берия подозревает меня из-за случая с этим Кацманом, а он и пальцем не пошевелил, чтобы защитить меня от несправедливости. Как же тогда наше великое дело, как можем мы бороться за великую идею? Вы обещали, что Лаврентий Павлович закроет глаза на мой случай, а меня жестоко избили при первом же допросе. Очень прошу вас замолвить словечко, я еще пригожусь вам и Лаврентию Павловичу. Умоляю, помогите вырваться отсюда! Я не выдержу!!! Что будет со всеми нами, если под пытками я вынужден буду рассказать все о нашей организации? Умоляю!!! Заступитесь!!!»

Видимо, это был второй лист доноса. Внизу оставалось место, и наискосок была надпись толстым карандашом:

«Лазарь, ты какую суку пригрел? Л.».

— Итак, — отложил фотокопию Судских, — имеем два разных доноса из разных времен на одну тему. Я думаю, брат Трифа вывозил за кордон оригиналы и копии уникального архива. Возможно, все оригиналы еще в России. Копии подготовлены для желающих поторговаться в будущем. Архив специальный, такого нет даже на Лубянке. Скорее всего архив из канцелярии Политбюро. Со временем он становится очень ценным и для многих пугающим. Так, Леонид Матвеевич? И нет ли связи братьев друг с другом?

— Согласен полностью. Что касается старшего Трифа, он безвылазно проживает под Лозанной, в деревне Экаленж,

неподалеку от знаменитой виллы Агобэ, принадлежавшей Жоржу Сименону. Живет один. Раз в неделю экономка, может сожительница, выезжает в Лозанну за продуктами. Виллу охраняют пять ротвейлеров, тренированных на злобу.

— Слушай, что мне в голову пришло, — остановил его Судских. — Что здесь у нас, что за границей люди, связанные с политическим прошлым России, притаились и выжидают. Чего-то ждут или чего-то боятся. Как считаешь, Леонид?

— И ждут, и боятся. Перемен скорее всего.

— Тогда, Леонид, поищи, нет ли связи братьев более тесной, не соприкасается ли с ними Гуртовой.

— Понял, Игорь Пестрович, — согласился Смольников.

— Есть у меня уверенность, что вся троица в курсе наших планов поиска библиотеки Ивана Грозного.

2—7

Ватага бывшего президента наворотила таких делишек походя, какие фюреру не снились в самых цветных снах вместе с «тиграми» и «пантерами». Словно в одночасье сдуревший победитель от незаслуженной победы распорядился: друзья мои, заединщики! Тяните все, что плохо лежит, грабьте недограбленное!

Ленин коммунизм видел в советской власти плюс электрификация. Отпрыск великой глупости Хрущев уповал еще и на химизацию. Поскребыш Ельцин — на приватизацию. Итого: советская власть плюс электрификация, плюс химизация, плюс приватизация — получился ноль. Если отставить в сторону красоты вождей, жаждущих попасть в историю благими намерениями, а рассматривать сугубо их устремления, все равно получится ноль, но из истинных намерений: первый сказал — грабь награбленное, второй — дури голову еще думающим, поскребыш — доворовывай, нам еще хватит, а там гори оно синим пламенем коммунизма! Аплодисменты.

Новому президенту хозяйство досталось разваленное полностью. Концы нигде не сходились с концами, точных цифр, кроме астрономической суммы внешних долгов, не водилось. За туго свитый узел неразберихи он не стал браться, а взялся

сразу за самую ватагу арапчат. Те показали зубы, просчитавшись во времени, тогда президент, опираясь на казаков и авторитеты из криминального мира, принялся методично вышибать оскаленные клыки.

Дело с подпольным гаражом и таинственными боевиками получило дальнейшее развитие, когда на трассе Москва—Рязань в кромешном тумане столкнулись сразу десять автомашин. Среди них «ауди» под двумя синими маячками. Она была виновницей аварии, но водитель погиб при столкновении, и установить хозяина «ауди» гаишники не смогли. Документов при погибшем водителе не оказалось, даже захудалого удостоверения личности.

Опрос свидетелей аварии показал интересные детали. В момент столкновения рядом с водителем «ауди» сидел пассажир. Кто он, как выглядит — ничего вразумительного свидетели не сказали: туман, неразбериха, но пассажир был и скрылся в тумане.

Бехтеренко вылетел к месту происшествия на вертолете и через пятнадцать минут был у цели, а две группы захвата прибыли к точкам, отстоящим от места катастрофы вперед и назад на пятнадцать километров, блокировав шоссе. Рассуждал Бехтеренко просто: пассажир из «ауди» направлялся в Рязань либо далее, бесследно исчезнуть не мог. Стало быть, продолжит путь или вернется назад.

Гаишники мало удивились прибытию старшего офицера УСИ, всесильного ведомства нового президента. Растаскивали искореженные в аварии автомобили, составляли протоколы и на присевшую «стрекозу» поглядывали с ухмылкой: чего-то ищут, а чего — не видно. А другие вкалывают. А за что — не видно. Когда же рядом сел другой вертолет, скрывать удивления они не стали: из него вышел сам красавец Воливач с Лубянки и беспечно двинулся к другому красавцу из Ясенево.

— Привет, Святослав Павлович, — сказал он обыденно. — Подумаешь, встретились — разошлись...

— Здравствуйте, Виктор Вилорович, — озадаченно ответил Бехтеренко. Шефа Управления разведок он не ожидал увидеть. Сам он был в полевой форме, а Воливач в гражданском костюме с иголки.

— Пассажира с «ауди» шукаешь?

Тон вопроса настраивал на один ответ: не ищи, уже найден.

— На вас вся надежда, — ответил Бехтеренко. Шутка подразумевала истину. — Поможете?

— Уже помогли, — простенько похвастался Воливач. — Интересно мне очень, чем все-таки твой шеф занимается?

Бехтеренко покраснел, словно уличили его в nepотpeбcтвe.

— Не кручинься, Святослав Павлович. Игорь Петрович шибко замаскировался, от прежних товарищей отгородился, а мы с год как пасем и эту «ауди», и прочие бесхозные машинки. Эту именно вeли от Москвы. Хозяин почувствовал хвост, но усилий не рассчитал. Результат — авария. Видишь, как закладывается? Работали вместе, четкость была, а теперь всяк в свою дудку дует.

— Это не ко мне, Виктор Вилорович, — смотрел под ноги Бехтеренко. — Я выполняю приказ непосредственного начальства.

— Не обижайся сразу. Твоего шефа уважаю, но в оперативной работе он зеленый. Передай на словах: надо бы встретиться, чтобы дурной работы не делать. Заодно и на пассажира поглядит. Может, и одолжу его Игорю...

Воливач пожал руку Бехтеренко и пошел к своему вертолету, оставив того огорченным.

Весть о поимке пассажира с «Ауди» сразу достигла Судских, и он без промедления поехал к Воливачу. На радушный прием не надеялся, зная, как ревностно бывший шеф относится к своей вотчине, поделенной ныне на посадки. Приготовился сгладить обиды, однако застал Воливача в мирном присутствии духа: шеф разведок умильно поливал и удобрял плющи в своем кабинете, которых развел множество и гордился ими законно. Они густо увивали одну стену просторного кабинета, создавая иллюзию свежести и зеленого простора. Между плющами гнездились аквариумы с подсветками, неслышно компрессоры гнали пузырьки воздуха, экзотические рыбки лупили глаза через стекла. Порой Судских казалось, что Воливач вечен, как сам политический сыск, благодаря этой одомашненной обстановке, плющам и рыбкам, уюту кабинета, где во все времена разные хозяева решали не просто дела, а людские судьбы. Здесь правил бал Ежов, плел интриги Берия, властвовал Андропов. В пору Воливача история застыла, как Везувий на фото, но кто знает, какие невидимые глазу силы бурлят в недрах и когда вулкан проснется.

Знал ли об этом Воливач?

— Игорь Петрович, ты напрасно думаешь, что Воливач стар и подземных толчков не чувствует. Иначе не сидел бы я здесь среди своих плющей, — произнес он первую фразу, едва они приятно обменялись приветствиями.

— Я так не думаю, Виктор Вилорович, — вежливо отнекивался Судских. — Я делаю свое дело, вы заняты своим.

— Ошибаешься. Новый хозяин выделил твое ведомство в ударный отряд, но корни твои здесь, среди моих плющей. Хорошо, точно? — Жестом руки он пригласил полюбоваться на сочное буйство зелени. — И это не ошибка президента разукрупнить, так сказать, могущественное ведомство. Он на твое разумение полагается вполне, как и я. Возгордиться бы мне, что Воливачу довелось перехватить таинственного диверсанта, а он без шума решил передать его Судских Игорю Петровичу, которого считает своим учеником, и учеником достойным.

— Спасибо, Виктор Вилорович, — поблагодарил Судских, оценив по достоинству благородный прием Воливача: бывший шеф не желает устраниваться от активных дел. Ни прямо, ни косвенно. А они сейчас на острие поиска книг.

— И если президент поручил своему любимцу архиважное дело, — буквально читал мысли Судских Воливач, — не грех поинтересоваться, нет ли чего у бывшего шефа по этому вопросу?

— Нет ли чего у вас по этому вопросу, Виктор Вилорович? — послушно повторил с улыбкой Судских.

— Именно, — удовлетворенно кивнул Воливач и выложил на стол дискету. — Знаешь, Игорь, с каких времен ведется это дело?

Его встретил внимательный взгляд Судских.

— С 1924 года. Едва вслед за Ильичем стала удаляться на покой ленинская гвардия. А если быть предельно разумным, со времен воцарения Владимира Красное Солнышко.

— Даже так? — искренне удивился Судских, мысленно проследив цепочку причин от названной даты до времен древности. — Масонство на Руси и в России?

— Умничка, Игорь, — подтвердил Воливач. — Не стану расписывать всячески всячины, забирай пассажира с «ауди» и работай сам. В будущем не забывай навещать папашу Воливача. Плющи — растение своеобразное, они могут до уду-

шья довести. Забудешь про учителя, а он... того, — с веселым прищуром глаз говорил Воливач, хотя за шуткой скрывалась не познанная Судским правда: Воливач просто так, без умысла, ничего не говорил. Но лирическое отступление кончилось, и он закончил обычными словами: — Мы с тобой всегда ладили, надо бы и впредь не ходить разными путями, все они ведут к одному храму.

— Спасибо, — постарался сказать как можно прочувствованнее Судских. — Непременно учту.

— Тогда бери пассажира, эту дискету и еще один подарок, — сказал он, развернувшись к сейфу в стене. Достал папку с грифом «Для служебного пользования» и вручил ее Судских. — Это кос-какие сведения по библиотеке Ивана Грозного.

— Вам и это ведомо? — откровенно спросил Судских.

— Groш цена была бы мне, не знай я этого и многого другого, — слегка раздраженно произнес Воливач. — Сыск не разделяет события и людей на хорошие и плохие, ему до всего есть дело. И до праведного Фомы Неве­рующего, и до неожиданного отключения света в районе Таганки. След библиотеки потерялся после ухода Ивана Грозного из кремлевских палат. При втором Ильиче мне было поручено самим Андроповым курировать поиск. Пять самых древних книг путешествовали с места на место сначала с волхвами, которые оберегали их от киевского князя Владимира и увезли в Псков, потом в Великий Новгород через князя Александра Невского, и самое непонятное, попали они к Мамаю, а после его убийства в Сарас опять очутились у русичей в Костроме. И я не совсем уверен, что Мама­я устранили как главаря Орды. Тут, по-моему, книжки эти сыграли не последнюю роль.

— Почему непонятно? — поспешил Судских с разъяснениями. — В те времена Кострома была столицей княжества Дмитрия Донского, откуда он начинал поход на Куликовскую битву, а Куликово поле было на месте нынешней Москвы.

Несколько секунд Воливач выдержал паузу.

— Я эту версию слышал, — заговорил он. — Только согласиться с ней не могу. Выходит, тогда и татаро-монгольского ига не существовало? Не было и двухсот лет рабства?

— Придется согласиться. Не было рабства. Его навязали русским позже в служебном порядке. Суть в том, что раньше, до пятого-шестого веков, все пространство нынешней Украины, России и Белоруссии — от причерноморских степей и псковских болот до Байкала, до устья Ангары — принадлежало империи арисв. С возникновением Киевской Руси начался период обособления отдельных княжеств, хотя номинально они оставались данниками прежней империи. Обособились западные и южные русичи, возвеличился Новгород, отмежевался Псков, и только за нынешней Волгой оставалась часть прежней империи, которая именовалась Ордой. Ближние к ней княжества исправно платили ей дань, как говорится, за «крышу» и даже поставляли в Орду воинов, многие князья-русичи, отпрыски известных фамилий, проходили в Орде свособразную стажировку. Дальние княжества платить дань перестали, и в конце концов Чингисхан решил исправить оплошность «ближних», а следом внук его Батый исправил вольность «дальних». Эти события получили в дальнейшем освещении истории Руси название, «татаро-монгольское иго», хотя на самом деле татаро-монголов в природе не водилось, а было государство казаков-ариев.

— Как не водилось? — привстал Воливач с кресла. — Я, по-твоему, потомок татарина?

— Так и не водилось, — спокойно отвечал Судских. — И вы не татарин, и все мы — потомки ариев. Клянусь, я сам всего месяц назад узнал это от Смольникова, он убедил меня на фактах. И Москвы не водилось до Куликовской битвы. Лишь после стояния на Угре Дмитрий Донской приступил к закладке каменного Кремля году эдак в 1385-м.

— Так все же, ты хочешь сказать, что все мы от татаро-монголов? — настаивал Воливач как истый хохол, не терпящий посягательства на весь род с оселедцами.

— Я-то по этому поводу не переживаю, — усмехнулся Судских. — Были еще и скифы, от которых также прослеживаются наши корни, и мы не родились в галстуках и с водительскими правами. Были когда-то и мы дикарями. Монголия — крайний восточный остаток некогда великой казацкой империи Мегалион, великий то есть. Так сказано в архивных записях, не наших, подредактированных, а зарубежных, которые оказались более правдивыми и беспристрастными. Единственно справедливый вопрос: кому

надо было переиначивать российскую историю? Романовы. Чтобы трехсотлетнюю предыдущую историю объявить чужеземным игом, а себя — освободителями, божьими помазанниками на веки вечные.

— Это скабрзное утверждение, — серьезно сказал Воливач. — От него шибко папахивает панславизмом.

— Термин, введенный русофобами, — парировал Судских. — Когда мы пытаемся говорить о нашем былом величии, это вызывает раздражение тех, кому приятней видеть нас по сию пору в лаптях. И согласитесь, Виктор Вилорович, духовность дает народу не сказочка о новых листочках на нашем засыхающем древе истории, а корни этого древа.

— Тогда почему были великими, а стали нищими? Почему так отстали от глупых, но богатых? Ни гордости, ни денег. Почему? — настаивал Воливач.

— От широты собственной души, оставшейся в наследство. Едем быстро, запрягаем медленно. Всего вдоволь, богатства немерено, баранов неслитано.

— Тут ты прав, — поддержал Воливач. — Тут я согласен без оговорок. Сосали богатства из немереных недр, а как пригляделись конкретно, давно уже двадцать первый палец сосем. Ладно, разговор длинный, пусть твой Смольников и меня убедит. Я бы хотел изменить свои взгляды, тоже хочу быть гордым и богатым...

Судских интуитивно почувствовал, что Воливач хотел с ним поделиться какими-то сокровенными тайнами, от которых многое могло измениться в корне, но Воливач не пустил его к корням своей души и вернулся к линии прежнего разговора:

— Скажем, в пятницу к вечеру пусть подъедет с выкладками и подлинными фактами. А сейчас вернемся к Костроме. Определенно книги обнаружались в Москве в 1387 году и оставались после принадлежностью великих князей московских. Кроме, — уточнил Воливач, — пяти древнейших. А после ухода Ивана Грозного с трона в 1553 году исчезли совсем.

— Ага! — воскликнул Судских. — Так вы согласны, что Василий Блаженный и царь Иван Грозный одно и то же лицо?

— А зачем тут спорить? В нашем архиве от Берии сохранились прелюбопытные бумажки в особом отделе в папках с грифом «Вранье во благо». Сейчас многого не упомяну, но

кое-что осело в памяти. В честь какого события Иван Грозный отстроил храм? В честь взятия Казани. Зодчих Барму и Постника ослепил, чтобы нигде больше не возвели храма такой красоты. Тогда почему храм называли в честь юродивого? Был такой знаменитый на всю Русь. Не жирно ли, понимаешь, для самого речистого полусумасшедшего? А истина в том, что Иван Грозный попал под сильнейшее влияние священника Сильвестра с семнадцати лет. В 1553 году молодой царь Иван сильно захворал, и Сильвестр сказал ему: покаяйся, уверуй в прежних богов, уйди из мирской тщеты, тогда быть тебе здорову. Грозный так и поступил, после чего появился на Москве юродивый-правдолюбец по кличке Блаженный. С гирями на шее босиком по снегу ходил, от чугунного креста на груди гнулся, власть бояр и воевод обличал гневно. Мощи его хоронили при огромном стечении народа. Понимаешь?

Судских закивал часто, а про себя подумал: «Ведомо сие, Виктор Вилорович, славно, что и ты взялся за тайны подмен российской истории, где кроется наше возрождение. Вот тут мы вместе с тобой».

— А почему его Василием называли? — спросил, изображая интерес, Судских.

— Василевсами, базилевсами в Византии царей величали. Понял, да? — с удовольствием просвещал Судских Воливач, и тот искренне слушал.

— И обнаружились книги эти в доме воеводы Скопина-Шуйского.

— Кого? — не поверил своим ушам Судских.

— Скопина-Шуйского, — молвил Воливач, удивленный бурной реакцией Судских. — Воевода был такой. К слову сказать, его на трон прочили. Жена Шуйского отравила, родственница Захарьиных-Романовых. Эти дорожку в царские палаты давно торили, а Шуйские у них кусочничали, и молодой смелый воевода был у них бельмом на глазу, его в народе шибко любили.

— А за это огромное спасибо, Виктор Вилорович! — с подъемом поблагодарил Судских, и Воливач воззрился на него с недоумением: с чего вдруг расщедрился Судских?

«Бойся красавиц, княже», — опять всплыли слова Тишки-ангела.

Воливач и Судских поднялись со своих мест одновременно.

— Так действуй, Игорь Петрович, — напутствовал Воливач. — Я распоряжусь перевезти пассажира с «ауди» к тебе.

— Может, я сам повезу его? — спросил Судских.

— Не стоит рисковать, — ответил Воливач. — Давай все делать по инструкции.

По дороге в Ясенево Судских перебирал в памяти дела давно минувших дней, хотел даже закрыть глаза и нырнуть в те времена, но крепко держали дела настоящего, сбивая мысли в колею обывденного, из которой выбраться трудно.

Резкий тормоз заставил его забыть и прошлое, и настоящее. Сиюминутным чуть не оказался наезд на пешехода.

— Раззява! — ругнулся водитель.

— А ты? — понял ситуацию Судских: «Волга» тронулась на зеленый от пешеходной дорожки, а спешащий пешеход чуть не угодил под колеса. Водитель выскочил из машины, охранник оглянулся вопросительно на Судских.

Пешеходом оказалась девушка. Водитель отряхивал ей легкое пальто, попутно выговаривая за неосмотрительность. Судских вышел из машины.

— Как же вы так неаккуратно? — подхватил он девушку за локоть с другой стороны.

— А у вас глаз нет? — разозленно отвечала она. — Совсем разъездились...

Водитель ее не задел, она, испугавшись, споткнулась на пешеходной «зебре». Модное весеннее пальто цвета беж испачкалось. Зеваки собрались быстро, уже поплыли слухи, обрастая досужими подробностями, будто бы коммерческий босс даванул телку, и она теперь непременно получит с него стоящий сармак, тыщ пять зеленого — это уж непременно... За что? — спорили другие. Он ее даже не задел, машина в метре тормознула, на помаду давать не стоит. За что? — возмущались первые. Пусть не катается где ни попадая, морда буржуйская! А еще за то, что у него бабки водятся, а он телке охоту испортил на старых козлов!

Ситуация... Судских решил. Стоять здесь объясняться смысла нет. Девушка — вблизи она оказалась молодой женщиной лет тридцати, маленький рост делал ее почти подростком — была явно расстроена испорченным видом.

— Давайте я вас подвезу, стоит ли тут зевак дразнить. Куда вам?

— А пальто? В таком уже никуда не надо. — Она заплакала, и Судских увлек ее в машину. Расстроенные чувства сделали ее покорной.

— Так куда вам? — снова спросил Судских уже в салоне. Женщина всхлипывала.

— Отвезите, пожалуйста, домой, — сказала она удрученно.

— Тогда сначала в любой универмаг по вашему вкусу, где вы подберете себе достойную замену, — решил Судских.

Она разулыбалась сквозь слезы.

— Вы настоящий джентльмен.

— Положение обязывает, — хмыкнул Судских.

— Спасибо вам. Меня Любой зовут, а вас?

— Виктором Петровичем, — брякнул Судских. — Так в магазин?

— Я согласна, Виктор Петрович, — счастливо ответила она.

«Еще бы, — согласился и Судских, пересчитывая в уме наличность. — На пальто хватит, а на свои нужды нет».

— Останови, Аркадий, — сказал он водителю, доставая портмоне. — Отвезешь даму, желание исполнишь и возвращайся в контору.

Водитель кивнул понимающе, принимая портмоне.

— А вы? — испуганно округлила глаза Любаша.

— Мы почти приехали, у меня тут рядом деловая встреча, — приоткрыл дверцу Судских, собираясь выходить.

— Нет! — запротестовала она. — Я должна отблагодарить вас!

— Как-нибудь потом, — отбояривался Судских.

— И опять нет, — уцепилась за его рукав Любаша. — Я приличная женщина, но вы поставили меня в затруднительное положение своим рыцарством, в наши дни такое не часто встретишь. Вот вам моя визитка, обязательно позвоните. Прямо по домашнему телефону, — надписала она еще один номер на обороте визитной карточки. — Даете мне слово, что позвоните?

— Непременно! — заверил Судских.

Пересев в машину сопровождения, он прочитал: Насонова Любовь Борисовна, отдел референтов-переводчиков. И выше: Государственная Дума.

«Милая встреча, — опять хмыкнул Судских. — Недурна собой и недурно устроилась. Да, весна на дворе... И бес в ребро!»

Скрывать не хотелось от себя: Любаша ему понравилась. Он нахмурился фривольным мыслям и заставил себя выбросить из головы глупости. В Ясенево везут интересную птицу. Даст Бог, она доставит его к сыну...

«А Любаша очень даже мила...»

«Подарок» Воливача имел неприметную и вместе с тем запоминающуюся внешность. Одень его в рядовую одежонку — унылый мастер с конвейера АЗЛК, где зарплату не платят полгода, приодень в мундир — генерал в расцвете лет и сил. Рост средний, крутые залысины, думающие глаза, резко очерченный рот. Одежда — кожаная куртка, брюки, расширенные книзу от шлиц. Руки за спиной в наручниках.

«Боец, — понял Судских. — Чтобы ноги двигались для удара».

Тем не менее назвать его рядовым исполнителем Судских не решался. «Подарок» тянул лет на сорок. В таком возрасте бойцов списывают в тираж или они заводят собственное дело.

— Имя, фамилия, отчество?

— Хотел бы вначале освободиться от браслетов, — вполне ровным тоном сказал задержанный.

— Будем джентльменами, — согласился Судских и снял оковы.

Напряженность его мускулов он ощутил интуитивно.

— Джентльменами, — напомнил Судских.

— А если мне и здесь места для занятий хватит? — вопросом ответил задержанный. — Судских Игорь Петрович. Высокая птица.

«Тогда сначала подрежем тебе крылья», — смерил взглядом задержанного Судских. Прошел к столу и вперился в смельчака. Тот схватился за виски и опустил голову.

— Понял, все понял. Не надо, — сказал он поспешно. — Шмойлов Юрий Дмитриевич, 1953 года рождения, директор ресторана «Аркадия».

— А точнее? Зомби ресторанами не командуют.

— Не надо, генерал, — попросил Шмойлов тихо. — Вы прекрасно понимаете, кто я и что я. Раскручивать меня бесполезно. На мне информация заканчивается. Даже ваше уме-

ние воздействовать на психику не поможет. Вы верно сказали: я зомбирован. Моя жизнь закончится, едва развяжется мой язык.

Судских согласно кивнул.

— Где мой сын, Юрий Дмитриевич?

— Ищите, — пожал плечами Шмойлов.

— Договорились, — согласился Судских и вперил глаза в глаза Шмойлова. Он сопротивлялся, его лицо искажали гримасы боли, поединок взглядов напоминал схватку борцов армреслинга. Шмойлов закрыл глаза, и все равно искаженное лицо выдавало нестерпимую боль от пронизывающего, кинжального взгляда Судских.

— Сдаюсь, — хлопнул обеими ладонями по столу Шмойлов, выдохнул глубоко. — Это нечестно.

— Что вы говорите? — наигранно-удивленно спросил Судских. — Мальчишку держать в заложниках — это в порядке вещей, отца шантажировать — благородный прием, а забираться преступнику в подкорку — это негуманно. Не ожидали попасть ко мне на борцовский ковер?

— Я не имею права отвечать на ваши вопросы, — глухо промолвил Шмойлов.

— А я не имею права не знать правду, — жестко возразил Судских. — Психотропными препаратами я не пользуюсь, значит, гуманность соблюдена. А читать ваши потаенные мысли — тут вы мне не указчик. Если насилия избежать невозможно, расслабьтесь и получите удовольствие. Слышали совет для попавшихся?

— Но я же сразу погибну!

— А вы будьте пайнкой! Это во-первых. А во-вторых, по законам вашей организации расколовшихся списывают.

— Нет, не списывают, если я не поддамся, — настаивал Шмойлов. — Мы живы, пока молчим.

— Кстати, исповедоваться вы уже начали. А про молчание вы интересно трактуете. Молча всю страну подмяли и недоуменно вопрошаете: что же мы плохого сделали? Когда-то и я был сторонником интернациональной политики. Все мирно уживаются друг с другом, каждый верит своему Богу, везде божья благодать. Только не получается пока, Юрий Дмитриевич, слишком свежи раны самого Иисуса Христа и нанесенные его учением. Кажется, что плохого, если Россией руководит швед, китаец или житель солнечного Израиля?

— Русичи когда-то самостоятельно призвали Рюриковичей, — возразил Шмойлов.

— Старая сказочка, дающая право утверждать молву о второсортице русских, — жестко ответил Судских. — Рюрики были варягами, но никак не норвежцами. Варяги — от слова «варяжить», нападать. Позже подобным образом стали называть жителей Скандинавии. Это была в древности западная ветвь славян. И не спорьте со мной, мне доводилось бывать и тысячу лет назад на земле, и на много лет вперед. Белые пятна в истории в наше время стираются успешно благодаря виртуальным возможностям. Лучше ответьте мне на поставленный вопрос: что плохого, если вашей страной станет управлять китаец или Китайцев?

— Вам виднее, — уклонился от ответа Шмойлов.

— Верно, — кивнул Судских. — Потому что я — русский. А китаец этого не видит и всюду станет вживлять китайскую философию, свой образ жизни и мышления. Что плохого — спросите вы? А то, что думающих русских китаец постарается сделать духовными кастратами, а упрямцев, которым ближе изба, а не фанза, кастрируют натурально либо заставят пользоваться презервативами, чтобы не рассуждал и себе подобных не плодил. Хорошая мысль? Презерватив на голову — и все китайцы. В принципе любой завоеватель ничего плохого не желает побежденным. Одних вырезал, чтобы хлеба всем хватало по карточкам, других крова лишил, чтобы не размякали от лени, третьих солдатам на потеху отдал, чтобы солдаты повеселели, а в целом — поработил, сделал людьми второго сорта и лучшие земли заселил своими китайцами. Так вот, Юрий Дмитриевич, я не желаю быть второсортным, и никто из моих соплеменников не желает, кроме подобных вам зомби.

— Как вас понять? При чем тут наше правило кодировать каждого члена организации и червячная масса рядовых обитателей? — возмутился Шмойлов.

— Какой вы, право, непонятливый! — усмехнулся Судских. — Зомбируют и чужеродной культурой, которую культурой-то можно назвать с натяжкой. Как говорится в народе, если кого-то ежедневно называть свиньей, он обязательно захрюкает. Прекратим этот разговор, зомбированных не переубеждают. Вы меня хорошо понимаете. Сейчас я хочу знать

места ваших явок, баз и где находится мой сын. Буду суров, предупреждаю сразу.

— Вам его вернут целым и невредимым, — глухо ответил Шмойлов. Он не казался сломленным, он выжидал, и Судских понял нехитрую игру профессионала.

— Когда? — спросил он. — Только без перечня условий.

— Завтра.

— Так быстро вы образумились?

— Вы понимаете сами, я далеко не рядовой член. Могу самостоятельно принимать решения.

«Морочит голову и тянет время. Зачем?» — озадачился Судских.

— И вы можете дать мне честное слово? — спросил он, решив использовать свои возможности полностью. Первый вопрос предполагал искренность, пусть и наигранную. Но жесты, мимика...

— Да, я могу дать честное слово, — исподлобья смотрел Шмойлов на Судских, смотрел осторожно.

— Так дайте!

— Честное слово, — прямо глянул Шмойлов, и Судскиххватило мгновения, чтобы в короткую паузу искренности заглянуть внутрь Шмойлова. Короткого мига хватило надолго.

По едва освещенным коридорам Судских стремительно двигался к источнику света, душе Шмойлова. Пространство расширилось, и он очутился в помещении с двумя узкими окнами. Подвал. Нет электричества, только свет из зарешеченных окон. Кое-какой скarb у одной стены, у другой на полосатом матрасе лежал Севка. Спал. Руки скованы наручниками...

«Жив! Теперь наружу», — выбрался из подвала Судских.

Он очутился на аккуратно стриженном газоне перед трехэтажным особняком с вычурными башенками и эркерами, говорившими о привычке хозяина жить красиво, хотя и без знания стилей архитектуры, были бы деньги. А деньги были...

«Запоминай!» — сказал себе Судских.

Он повернул голову к высоким металлическим прутьям ограды, к будочке охранников у ворот, и в это время телефонный звонок стремительно вырвал его с закрытой территории, протащил полутемными коридорами и вернул в свой кабинет.

Скользнула презрительная усмешка по губам Шмойлова.

Судских взял трубку.

— Игорь Петрович, довольно шуток, — услышал он незнакомый голос. — Никаких соглашений не будет. Отпусти-те Шмойлова, и мы подумаем, как отблагодарить вас за рыцарский жест.

— Представьтесь, — нейтрально попросил Судских.

— Это вам ничего не даст, — услышал он уверенный и насмешливый голос. — Не стоит тягаться с нами даже с вашими сверхспособностями. Мы владем миром, вам...

Судских положил трубку и вызвал охрану. Дожидаясь, он разглядывал Шмойлова, который глаз не поднимал.

Все-таки он знает теперь, где его сын! Так что можно теперь дать хорошего щелчка по носу этому шибко уверенному дяде.

— Вы проиграли, Юрий Дмитриевич. Нахальство прикрытое и неприкрытое сослужило масонам уже дважды плохую службу, а про вас и речи нет. Вы теперь и мне не нужны больше. Я знаю, где мой сын.

Вошли двое охранников.

— В наручники по рукам и ногам!

— Да на цепь сразу — и к стене, — процедил Шмойлов.

— Мания величия, — обратился к охране Судских. — Арестованный способен на самые дикие поступки, может запросто разбить голову о стену. Она ему не принадлежит. Правда, Юрий Дмитриевич? — насмешливо спросил Судских. Он выиграл время, переиграл Шмойлова. — А звоночка вы ждали...

Шмойлов не ответил, головы не поднял. Его увели, и тотчас Судских вызвал Бехтеренко:

— Святослав Павлович, я не художник, не архитектор, но особнячок я тебе нарисую, а ты сличи его со своими фотографиями, какой именно я копирую.

Бехтеренко приготовился ждать.

Из-под карандаша выбегали прямые линии, полукруглые, пунктирные, группируясь в коттедж, виденный Судских.

— Примерно так. Есть похожее? — Он поднял глаза на Бехтеренко, внимательно разглядывающего рисунок.

— Похожих два. Один трифовский, другой ястржембсовский, оба аляповатые, помпезные.

— По мозгам и жилью, — бросил Судских. — Сличай, и начинаем «Куликовскую битву». Готовность через три часа.

— Давно пора, — взбодрился Бехтеренко.

Через минуту по этажам Управления загремели колокола громкого боя. Редкий сигнал для береговых стен и означает одно: весь персонал УСИ здесь и в пунктах дислокации дивизии переходит на нулевую боеготовность.

Переодеваясь в полевую форму, Судских обдумывал еще раз, правильно ли он расценил обстановку, расположил свои силы и возможности. Операция готовилась тщательно, однако есть господин Случай, а он приходит неожиданно, и тогда, подобно этим колоколам, затрещат звонки: не имеете права! беззаконие! сталинский террор!

По предварительным наметкам аресту подлежало около двух тысяч человек. А боевики, охрана? Не испугается ли президент?

«Волков бояться, в дураках остаться», — утвердился в принятом решении Судских, факты неопровержимые, за каждым из подлежащих аресту долгий список противозаконных или противоправных действий, каждому светит лет до ста отсидки...

По прямому проводу Судских доложил президенту:

— «Куликовскую битву» начинаем.

— И начинайте, — с некоторым удивлением отозвался он. — «Добро» я вам дал, а у меня тут дела поважнее. Тут министры образования, здравоохранения, потрудней задачу решаем. Потом расскажете. Удачи.

«Однако, — усмехнулся Судских. — С нашим атаманом не приходится тужить...»

2—8

Небо колыхалось от сполохов, воронье не унималось темно, а с наступлением ночи только стоны раненых указывали путь подборным людям отыскивать еще живых воинов.

Последний день Куликовской битвы был ужасающ. Засадный полк князя Владимира Андреевича ударил напряженной тетивой и смел ордынцев к реке. Уставшие от долгой брани, они валились на бегу, не достигнув спасительной воды; наметались кучи ордынцев, где раненому оставалось мало надежд выбраться наружу. Кони преследующих увязали в

скоплении тел, и жуткая сеча царила из конца в конец до самого кровавого заката.

Племяннику воеводы Боброка, Гургуте, досадливо не повезло. Дядя велел держаться у левого стремени, а конь Гургута сразу споткнулся о павшего ордынца, и безусый Гургута не совладал с поводьями, а когда осадил жеребца, Боброк уже рубился шагах в тридцати и пробиться к нему не было никакой возможности. Озлившийся Гургута рубил направо и налево, не помышляя боле о дядькином наказе. Запах крови, неведомый доселе, мутит, то бодря, то опьяняя, и лихо было крушить головы и полосовать спины убегających ордынцев, не заботясь о себе самом.

Касожья стрела настигла его, когда он намстил проход к вставшим кругом ордынцам. Они выставили копья и скрывали за ними вислоухого ханка — хороша добыча! Гургута рванулся к кругу и оглянулся недоуменно, кто же это его торкнул в правое плечо, и увидел шагах в пяти оседающее тело касога. Скатывалась отрубленная голова с касожьих плеч, валился предательский лук из руки, и непонятно было, с чего вдруг выпал меч из его длани, а конь вздыбился и небо меняется местом с землей.

Больше Гургута ни о чем не помышлял. Очнулся затемно, едва слышал голоса перекликающихся подборных людей. Помогай Бог — сейчас дойдут и до него. Хотел крикнуть, но боль ударила в правое плечо. Хотел шевельнуться и не смог: давили тела, наваленные в беспорядке сверху, дышалось трудно и мерзко от опорка прямо в нос. Стало обидно, и Гургута беззвучно заплакал. Никто его тут не отыщет, никто не спасет. Рана-то, может, и не опасна, только позу сменить невозможно: стрела обломилась, а у касожьих стрел длинные наконечники... Эта проникала глубже и глубже в тело под лопатку, причиняя муки медленной казни.

Собрав последние силы и закусив нижнюю губу, Гургута извернулся на бок. Полыхнуло огнем по телу от правого плеча в живот, сожгло сознание, но неодолимая жажда воздуха и простора не дала ему заново провалиться в пропасть небытия. На миг явилась маманя, горестно наблюдавшая, как он высвобождает тело из-под убиенных, исчезла, подъехал следом дядька Дмитрий. Он сказал что-то племяннику, и явно грубость, как всегда: «За сиськи девок цапаешь, меч держать сподобишься, а ну руби! Меч с потягом опускай!» Не соби-

рался он огорчать дядьку, так сеча, словно стремнина, закрутит, понесет, берегов не узнать, где левый, где правый.

Дышать стало чуток вольней, только жгло в правом предплечье и нестерпимо смердил под самым носом рязанский опорок того, видать, страдальца, который был из заслонной дружины, где все полегли к вечеру первого дня... Гургута смирился с вонью.

Он собрался заново, едва отпустило в предплечье, поднатужился, а неимоверная тяжесть над ним не сдвинулась и так пронзило остро до самого сердца, что сил на другие попытки не осталось совсем. Потацило коловоротом в воронку, и он не смог сопротивляться крутящей воде, только сжал кулаки, чтобы в нужный момент зацепиться за твердое.

Когда боль отступила, он легко, без усилий, выбрался наверх, сел прямо на мертвые тела, передохнул и стал оглядываться. По всему широкому полю мелькали светляки смоляных факелов, меж ними, бледные, летали души убиенных, тихо колебали ночной воздух всхлипывания свирелей.

— Эй! — позвал Гургута. — Эй!..

Никто не откликнулся. Видно, слаб еще его голос, не смогли легкие протолкнуть крика. Но кто-то узрел Гургута. Приглядевшись лучше, он заметил фигуру идущего к нему, и с каждым шагом светлело пространство вокруг Гургуты.

— Эй!

— Я не «эй», — откликнулась фигура. — Привыкай не тешиться звуками.

Стало совсем светло. Пред Гургутой стоял юноша в белой до пят рубахе, в какие обрядил заезжий богомаз новых святых на иконе для дядьки Дмитрия. Ноги босы, за плечами крылышки. Право, чудно, болтается по полю...

— Ангел, что ль? — спросил Гургута с недоверием. Он как-никак витязь, а витязю не пристало с кем ни попадая общаться.

— Ангел, — со степенством ответил тот. — Пойдем, что ли?

— Больно надо, — надул безусые губы Гургута. — Посижу ишо, глядь, кто путный придет, вызволит.

— Надо кому, — ответил ангел. — Пошли со мной, тебя судный ангел дожидается, надо быть.

— А чего я такого исделал? — засомневался Гургута. — Я на правое дело вышел, как дядька велел, так и надобно...

— И те за правое. Только каждому со своей стороны левое правым кажется. Была держава, стали уделы, двести тысяч душ, почитай, положили за правоту со своей стороны, кафтан делили, пока не разорвали.

— Так ордыны же имеют дань, — сопротивлялся Гургута. — Казаки, чай. Злые, как тогда?

— Не о том речь. Глупый ты еще. Куда поводишь, туда и молодежь. Пошли. Твоей вины нет. Судный ангел тебя спрашивать хочет. А толково ответишь, легко вознесешься.

— Если надо, — смирился Гургута, — пойдем...

Юноша с крылышками повел его через все Куличиково поле. Привольное до битвы, с сочными зелеными, оно побурело от пролитой крови, от взрыхленной копытами земли, словно припек август и сжег зелень в конце лета. Не та косьба навалилась. Вперемежку лежали в неестественных позах поляне и крымцы в кожаных доспехах, литовцы и беляне в медных наплечниках, сибирские татары в вывороченных шкурах, русичи в кольчугах, фряги в нарядных панцирях. Попадались сановитые с заносчивыми даже в смерти лицами, утомленные тысяцкие, суровые сотники, пешие без копий, конные без коней. Совсем недавно они ругались, понимая только ругань по звуку и не понимая обычных слов, хотя язык был доступный каждому, теперь дружно молчали, охраняя покоем ушедшее безумство.

Ангел вывел Гургуту к кряжистому дубу с краю рощи, где скрывался до срока засадный полк, откуда вылетел на своем жеребце Гургута навстречу пешему ангелу.

Под дубом стоял человек в воинском одеянии до того непонятного назначения и происхождения, что Гургута опешил. Судного ангела он уже нарисовал для себя с огромными крылами за спиной, чтоб летать по судам быстро, с пучком молний в руке, чтоб долго не разбираться и разить без промаха, как сам Перун, а тут и не понять, что за рогатка в руке, а ноги обуты в невероятные бахилы, словно лапти зашнурованные неумеха засновывал.

— Мир тебе, Гургута, — сказал судный.

— Мир вам, — откликнулся Гургута знакомым приветствием. Свой, получается, судный ангел, из русичей, из новгородских. Будет тогда дело, не обидит. — Что надобно, дядя? Отвечу, если смогу и боги позволят, — робко предложил он.

— Скажи, Гургута, в доме твоего дяди нет ли священных книг? Старинных и славных? Не бойся ответить посланцу Всевышнего.

— Так как же! — воспрянул духом Гургута. Это не вопрос, земляку такое сказать можно. — От деда оне! А дядька Дмитрий от самого князя Александра Невского род ведет, и я, стало быть. На Куличково поле как уходили, дядька их в холстину завернул и старцу Акиму велел доглядывать. Вернемся целы, поклон им, а не судьба коли, книги к волхву за Выксу переправят.

— Жив твой дядя остался, — сказал судный ангел. — А ты вот касожью стрелу проглядел.

— Так, — не нашелся с ответом Гургута, в глазах защемило от незаслуженной обиды. Был бы кто, а тут касогу поддался.

— Не кручинься, Гургута, — успокоил судный. — Сейчас ангел твой уведет тебя в светлое царство polegших воинов, а до того слетай с ним к мамане и вели ей книги передать князю Владимиру Андреевичу, — наказал судный, и Гургута возмутился:

— Почто так? Из рода в род передавали, сами можем сохранить, понимаем, чай, нова вера не любит древних писаний.

— Так надо, Гургута. От князя Владимира книги перейдут к сыну, их унаследует внук, а дальше попадут к первому Государю Всея Руси Василию Ивановичу. От жены его, пока не родившейся сестры твоей в третьем колене, минуя отца Василия Ивановича — Ивана Третьего. Так надо сделать.

— Вона, — удивился запутанный родственными цепочками Гургута и полюбопытствовал: — А так почто?

— Иначе опасно. Если книги останутся в вашем доме, тогда они перейдут к твоему двоюродному брату, потом к его сыну, а от него к племяннику, Ивану Шибанскому.

— Шибанские? — вовсе удивился юноша. — Я и есть Шибанский, Гургута Шибанский.

— Радуйся, — со спокойной улыбкой ответил судный ангел. — Иван Третий и есть Иван Шибанский, твой будущий потомок. Он смуту на Угре завершит.

— Ох, здорово! — возликовал Гургута. — В царские роды выйдем! — И осекся: — Так чего ж бояться-то? Оставь книги нам, княже, пособи славному роду, не ордынцы же!

— Все мы из ордынцев, — заметил судный. — Только потомок твой женится на византийке Софье, а она свою веру укреплять станет и книги священные сразу уничтожит. А сделаешь, как я наставляю, тогда они попадут к сыну его Василию, потом к великому царю Ивану Грозному.

— Вон чего... — закрутило мозги Гургуте такими долгими сложностями. — А что еще надобно для вящей пользы сделать? — решил он помочь ангелу с книгами.

— Тогда скажи мне, — согласно кивнул ангел, — книги эти видел? Знаешь их по приметам?

— Знамо дело, — уверенно ответил Гургута.

— А нет ли на них приметных деталей? Защелки, скажем, из особого металла, доски заморского дерева, бумага...

Гургута помыслил и сказал:

— Есть. Мне-то их в руки брать не велено было, а дядька Дмитрий при мне вынимал их из поставца. И как он в руки первую брал, тут я напужался. Ровно в лицо жар бросило, как от каменки в бане. А дядька посмеялся. Понял, грит, сила какая в этих писаниях? С неправой верой берясь, душу спалишь, с мякиной в голове — саму голову. Книжек пять у дядьки, и на каждой поверх знак стоит на досках, вот как посох монаший.

— Спасибо, Гургута, — похвалил судный ангел. — Тебе пора, и мне пора. Иди определяйся ко Всевышнему, а я просить его стану, пусть ниспошлет тебе другую жизнь в обличье воина. Хочешь лет эдак через пятьсот появиться заживо?

— Ох, княже! — возликовал Гургута.

— Не мне решать. А просить буду. Иди.

— Мир вам! — пожелал Гургута.

— Мир тебе, — вознес обе руки судный ангел и растворился перед глазами, ровно привиделся, в дымку ушел...

И закрутился фиолетовый смерчик, выгнулся в дугу на дальнем конце Куличкова поля, где сжало его каменными постройками; помчался он на юго-восток, слился с выхлопом джипа, спешащего к Можайке, к тому самому коттеджу с башенками и эркерами, куда спешил сейчас Судских.

Операция «Куликовская битва» началась. Ко всем точкам Подмоскovie и на городские квартиры заранее подведены группы захвата, учтены наиболее уязвимые подходы, внезапность. По земле и с воздуха блокировка. Вариант для блокированных один: сдаться. С хозяевами проще: большин-

ство на службе, за ленчем, на переговорах. Места схода известны: сауны, клубы, рестораны. Посторонних там не бывает. Респектабельная публика за ножи и пистолеты не хватается, уповая на защиту закона. Бехтеренко спросил, еще когда прорабатывали детали операции, не поднимется ли хай до небес? Вспомнят господа и тридцать седьмой, где их не было, и беззакония последних лет, какие они сами породили, и склонность нового президента рубить сплеча — как тут соблюсти законность?

— Не ломитесь в открытые двери, — поучал президент. — Хозяев надо забирать вежливо, с ордерами на арест до выяснения обстоятельств, а обстоятельства ищите сами в хозяйских загашниках. Мне ли вам объяснять, как керосин по проводам течет?

Бехтеренко стушевался. Тяга к подстраховке подвела. Глава страны отчитал его, как мальчишку, а он оперативник со стажем. И на кой она нужна, подстраховка? Рыжая команда арапчат творит беззаконие безбоязненно, наглость делает средством защиты, а чуть что, прощения просят: «Папа, папи, я босе не буду». А новый папа рассуждал иначе: ни за старые, ни за новые грешки прощения не предвидится.

Началась операция в два часа пополудни. Свои вступили в схватку со своими.

Особо тщательно разрабатывался план захвата трифовского гнезда. Там прятали заложника, по стечению обстоятельств — сына генерала Судских. Отец возглавлял группу захвата лично.

Со стороны это выглядело эффектно. С неба неожиданно свалился вертолет, штурмовая группа в пять секунд очутилась внутри здания, через десять прочесала его полностью. Классика.

Трое охранников внутри сопротивления не оказали.

— Игорь Петрович, — вышел наружу старший группы захвата Михаил Зверев, — никого нет.

— А подвал, что в подвале? — заволновался Судских. — Он был там, точно знаю!

— Вот я, здесь! — просунул руку сквозь решетку окна боец группы. — Чисто!

Без слов Судских прошел внутрь особняка, интуитивно нашел вход в подвальное помещение, спустился вниз. Несомненно, место знакомое. Знакомая утварь у стены, у дру-

гой полосатый матрас. Севки нст. При более тщательном осмотре нашлась пуговица, обыкновенная пуговица от рубашки сына. Не просто нашлась — обнаружилась за плинтусом. Не знак ли это?

— Что он хотел сказать? — вслух размышлял Судских, вертя пуговицу в пальцах. Фиаско пока не беспокоило. — Зачем Севка прятал пуговицу? Тщательно осмотреть каждый сантиметр. Без меня ничего в руки не брать, — сказал он, двигаясь вдоль стены.

Нашлась вторая пуговица за плинтусом, метрах в трех от первой. Это уже нечто. Через три метра еще одна. Отсчитав три метра, Судских достал четвертую. На последующих метрах ничего не нашли. Тогда по радиусу Судских обошел предполагаемый круг.

— Вот она, Игорь Петрович, — указал Зверев глазами на газовую колонку. — Под защитным листом у топки.

Под него Севка засунул пуговицу с якорем от форменной куртки. «Место якорной стоянки», — догадался Судских.

Отгибая лист, он сразу обнаружил щель. Лист прикрывал ее.

— Лаз, — тихо молвил Зверев.

— Ясно, лаз, — ответил Судских, разглядывая не пол, а колонку. Она была в рабочем состоянии, форсунки едва горели, погода стояла теплая. Сама колонка на прочном фундаменте была в рабочем состоянии, форсунки горели медленно в автоматическом режиме, трубы закреплены жестко, люфта нст.

— И как ты полагаешь, Михаил, этим ходом пользовались? — спросил Судских.

— Игорь Петрович, на щит гляньте! — отвлек их боец штурмовой группы, и Судских со Зверевым подошли к нему. — Видите, контактное реле и отдельный рубильник? Сейчас реле законтачено, а рубильник выключен. Включим?

— Включай, — велел Судских.

Рубильник включили, реле разомкнулось. И только.

— А теперь опять выключай, — догадался Судских. — По местам.

Едва пластины рубильника вошли в прорези, реле сработало, и послышался шум мотора. Колонка приподнялась на полметра вверх, плита под ней отошла в сторону.

— Выходить по одному! — скомандовал в лаз Зверев.

Ответа не последовало. Посветили в лаз фонариком. И в это время плита стала возвращаться на прежнее место.

— Рубильник! — крикнул бойцу у щита Судских, и тот быстро среагировал на команду. Шум мотора стих, плита остановилась на полпути.

— Ладно, так спустимся, — сказал Зверев и первым спустился на ступеньки из бетона.

Следом за Михаилом в лаз отправились еще двое из его команды, за ними Судских.

Лаз был отделан на века. Стены облицованы кирпичом, пол и потолок бетонные. По всей длине лаза ни единой души. Луч фонарика упирался в стену метрах в десяти от входа.

Здесь лаз поворачивал влево под прямым углом. Осторожно высветили его продолжение. Еще метров тридцать лаза, и опять ни звука, никого.

— Миша, передай наверх, пусть обследуют участок в этом направлении.

— Обследовали, — сразу ответил Зверев. — Точно в конце хода наверху стоит трансформаторная будка за границей участка.

— Живо туда! — резко скомандовал Судских.

Пустым коридором двинулись вперед.

Через шестьдесят метров уперлись в тупик. Ни единой щелочки, глухая бетонная стена, поверху бетонная плита.

— А пользовались недавно, — указал Зверев на ниточку бетонной пыли вдоль стены.

— Как же она открывалась? — размышлял Судских.

— Пожалуй, надо вспомнить полный цикл открывания заслонок хода. Скорее всего спускались в лаз, быстро проходили все расстояние, наверху плита закрывалась и открывалась здесь.

— Пробуй, — велел Судских.

Михаил побежал назад, а у Судских появилось время обдумать, почему провалилась тщательно спланированная операция. О ней знали он и Бехтеренко. Даже Воливач, даже президент деталей не знали. По телефону разговоры не велись... Кто же тогда вызнал?

Разматывая цепочку, он отметил единственный прокол: вчера поклялся жене, что завтра Севка будет дома в целости и сохранности. Открытие неприятно поразило его.

Прибежал Зверев, и через несколько секунд плита над головой стала съезжать в сторону. Отпрыгнули с автоматами на изготовку.

— Свой! — крикнули сверху. Два настороженных лица, два автоматных рыльца.

Им спустили лесенку. Внутри трансформаторной будки ничего не оказалось. Пустое пространство периметром три на три метра.

— Открыто было, — виновато доложили бойцы в будке.

— А раньше заперто на ключ, — пробормотал Зверев.

— А взгляните, товарищ генерал, — пригласил боец. — За дверью будки сразу начинается асфальтированная дорожка, на ней стояла машина. Место закрытое, со всех сторон неприметное. А уехала машина рано утром.

— Как узнали? — сам на себя злился Судских. Его облапошили.

— Часов с семи утра дождик пошел, к десяти кончился. Следы шин размыты...

Хотел похвалить, но только сжал зубы: они молодцы, а он, мудрый их начальник, лопух.

Кто же подвел?

Судских дал команду отъезжать. В джипе связался с Бехтеренко по мобильной рации, запросил сводку.

— Обслуга, охрана на всех точках, кое-где строительные рабочие. Оружия нет, боеприпасов нет. Рабочих взяли всех, все с паспортами, некоторые украинцы, молдаване. А у вас? — осведомился Бехтеренко.

— А у нас свет погас, — ответил Судских. — Тщательно проверь пришедших. Оперативку помнишь?

— Сделаем, Игорь Петрович, — ответил Бехтеренко. Намек шефа понятен: с месяц назад установлено просачивание в Россию боевиков-беспредельщиков с Украины. При осмотре у многих обнаружены выколотые под мышками малюсенькие трезубцы.

«Стекла повыбивали в особняках — это еще что, — уныло подводил итоги Судских. — А массовые задержания без предъявления вины — это да...»

— Есть, Игорь Петрович, — снова включился Бехтеренко. — У всех отметины. Мускулистые, кстати, хлопцы. Пробовали бузить, успокоили.

«Хоть что-то», — отметил Судских.

— Понятно, Святослав Павлович. Действуй по плану. — И дал команду двигаться в обратном порядке.

Когда съезжались, было тихо, дачные места пусты. На выезде Судских насчитал восемь джипов, три микроавтобуса. Вертолет в небе... Красиво практиковались! Душил стыд.

— Игорь Пестрович! — включилась рация.

— Здесь Судских.

— Поздравляем с классическими учениями.

— Кто это?

— Мышка из норки. Следующая тренировка обойдется вам раза в три дороже. Не пора ли за стол переговоров?

Он не успел сказать еще что-то, связь прервалась. Горела щека от трубки. Знатна оплеуха. Канал связи известен, план операции известен, расходов уйма, результатов ноль.

В. Более жгучего стыда Судских не ощущал за всю свою жизнь. Его макнули в дерьмо по самую макушку. Любимца Всевышнего. Его, судного посланника... Только теперь он вник в суть, сколь же глубоко проросли метастазы порока в структуру органов, а значит, во все сферы жизнедеятельности государства.

«Это же безнадежный раковый больной! Це эр четвертой степени!» — ужаснулся Судских.

Впервые он испугался, что возложил на себя непосильную ношу. И ни сбросить теперь, ни донести.

Оперативное совещание совместно с командирами оперативных и штурмовых групп мало радовало. Успехов практически никаких. Задержанных с трезубчиками пришлось отпустить — мало ли кому взбредет в голову украшаться наклками. Не пойман — не вор.

Осталось доложить президенту о печальном исходе операции.

Предстояло получить первую взбучку. Вообще первую.

— Игорь Петрович, — услышал он вполне миролюбивый голос в ответ. — Подготовьте записку, почему именно провалилась операция. Сделайте разумные выводы. Каяться не надо, не пойму.

Поразмыслив наедине, Судских сделал единственный вывод: УСИ столкнулось с грозным и опытным противником. Для него они — картонные солдатики. Даже не оловянные.

Просидев в кабинете до восьми вечера, Судских не дождался ни одного возмущенного звонка. К этому времени задержанных с извинениями отпустили, никто не вздумал жаловаться. Теперь надо бы самому звонить, сделать самый крутой шаг. Можно, конечно, прибыть самому и лично доложить: обстоятельства оказались выше. Только это еще труднее.

«А, будь что будет!» — решил он, набирая номер «страшного» абонента.

— Это я...

— Чем порадуешь, Судских? — услышал он ледяной голос. Таким ледяным он еще не был. — Нечем хвастать?

— Пока порадовать не могу, — сухо ответил Судских.

— Да чего ж так? — послышалась схицца. — По всем программам телевидения показывали, какие вы герои. И в особняки врываются, и стекла колотят, и кошек с собаками пугают. Со своими воюете? Так и скажи, я хоть кипятком ошпарю какого ни на есть смельчака. Хоть так вас привечать за налоги. Ты форменный мудака, Судских! — услышал он заключительный аккорд и рано успокоился. — Будь конкурс мудаков, ты бы и там занял второе место.

— Почему второе? — попался на удочку Судских.

— Да потому что ты полный мудака!

И отбой. И домой можно сегодня не возвращаться. Себе дороже.

Ну-с... Плохой результат — тоже результат.

Судских не стал добивать себя морально, а задумался над веселой мыслью: раздолбает непосредственный начальник — конфуз, нагоняй свыше — беда, а разнос собственной жены — это трагедия. Пожаловаться некому, снимают сразу со всех видов довольствия. И это там, где можно душу обогреть, — у домашнего очага.

Рука предательски потянулась к телефону, вторая услужливо достала визитную карточку. Была не была! Сейчас он позвонит знакомой с глазами козочки. Та, которая хотела бы заполучить старого бобра... Может, он еще не совсем козел? И бес в ребро.

Почему Всевышний создал женщину из мужского ребра?

Чего вдруг бес забирается именно в ребро?

«Господи, — взмолился Судских. — Минуй меня чаша сия! Никогда по бабам не ходил, сейчас не хочу, но тепла, борща домашнего хочется!»

Рука зависла над кнопками телефона.

И он зазвонил. Другой, оперативный. Спасительный.

— Игорь Петрович, — ненавязчиво звонил старый холо-
стяк Бехтеренко, понимая состояние шефа. — Боеготовность
продержим некоторое время?

Наваждение отступило перед долгом. Какие могут быть
утехи и зализывание моральных ран, если его сын не вы-
брался из цепких вонючих лап?

Бехтеренко терпеливо дожидался ответа.

«Севка, Севка... Что это он со смехом рассказывал?» —
припоминал Судских.

Вспомнил. Вез он его в Шереметьево, провожая во Фран-
цию, и сын травил морские байки. Как таможня мариманов
наказывает порой. Заведомо получают наводку от стукачей о
контрабанде на борту, делают досмотр честь по чести, ниче-
го, разумеется, существенного не находят и уходят. А часа
через два, когда ухмыляющиеся мариманы достают из тай-
ничков контрабанду, таможня появляется снова и шерстит
экипаж так, что летят пух и перья с потаенных очкуров. Од-
ним весело, у других веселье кончается в самый неподходя-
щий момент: когда подсчитана выгода.

— Святослав Павлович, — определился Судских, — в пять
утра начинаем операцию. Это была генеральная репетиция.

Бехтеренко молчал, и Судских подумал было, что он ото-
шел от телефона.

— Ты там еще? Святослав Павлович?

— Восхищаюсь про себя, — весело отвечал Бехтеренко.

Разведенные по местам дислокации штурмовые группы
отдыхали в полной боевой готовности.

«А вот теперь я позвоню-таки своей козочке!»

Неизвестно, чья рука водила им, только говорил Судски
складно. Да, и он вспоминал ее, и желание встретиться на
полняло его томлением. Млостно ему — она понимает? По-
нимает! Завтра суббота? Еврейская пасха? Ах да, суббота.
Тогда он поступит следующим образом: он поедет домой
приведет себя в порядок... Жена? Конечно, женат... А менед-
жер позвонит ему эдак часиков в шесть утра и вызовет
фирму. К чему так рано? Чтобы комар носу не подточил.
Какая и самая наихитрейшая жена додумается, что муж
шесть утра намылился на блуд? Он садист? Нет, он очен-
аккуратный. Что они будут делать в такую рань? А он в са-

мом деле поедет на службу и доспит в кабинете до двенадцати. Не надо? Лучше сразу, пока постель нагрета? Понял. Явится в шесть. Свежий, побритый и очень нежный...

Ну разве Всевышний сочинит такой дьявольский розыгрыш?

По законам внутренней инструкции УСИ любое знакомство его служащих с посторонними являлось предметом изучения, и Судских связался с Бехтеренко:

— Святослав Павлович, как там проверка той козочки, которая под колеса моей «Волги» чуть не попала?

— Коза и ножки рожками, — понял его Бехтеренко. — Очень интересная дамочка. Работала в аппарате Селезнева, а пришла к нему по протекции банкира Трифа. Хотите пощупать?

— Что значит — пощупать? — возмутился Судских. — Ох, извини, Святослав Павлович, ты же в переносном смысле... Или в прямом?

— Операция в пять... — дипломатично выкрутился Бехтеренко.

— Добро. Пару часиков сосну. Я у себя. Приходи чай погонять.

В столь ранний час их не ждали. Прежние гнезда были наполнены птенцами до отказа. Боевики сопротивления не оказывали, робкие попытки улизнуть пресекались на месте. На территориях особняков оказались иномарки, которые разыскивались тщетно прежде, хватало оружия, порой с лишком, и количество захваченных боевиков превышало норму обычной охраны. Дивизия набралась.

На даче Трифа захватили спящими целую дюжину. Никто не успел уйти подземным ходом, и на их лицах читалось скорее недоумение, нежели испуг или злость. Выбитые во время дневного рейда стекла не вставлены, а вся дюжина спала прямо в столовой цокольного этажа без удобств, словно остановилась на короткий привал. Оружия при них не оказалось. Зато в подвале выстроились штабеля ящиков с гранатометами, гранатами, автоматами, патронами.

Подобной удачи ни Судских, ни командиры штурмовых групп не ожидали, особенно захвата такого количества оружия. На предварительных допросах боевики отвечать отказывались о его происхождении, но в том, что неожиданные налеты помешали выполнению каких-то далеко идущих пла-

нов, сомнения не было. Наличие гранатометов говорило само за себя. Не для уличных разборок.

Заново тщательно осматривая подвал, Судских со Зверевым сделали вывод: оружие загружали не сверху, привезено по трассе и через трансформаторную будку перенесено в подвал не более пяти часов назад. Утомленный вид боевиков не случаен: перетаскали боезапас и легли спать.

— Сдается мне, Михаил, опередили мы противника, помешали встречной операции.

— Точно, — поддакнул Зверев, — стволов и гранат как хочешь наготовлено.

«Свяжусь-ка я с Воливачом», — пришла мысль Судских. Шел восьмой час утра.

Воливач оказался на месте. Впрочем, его рабочий день начинался в семь, ничего удивительного в том не было, и Судских не удивился. Удивило другое: на вопрос, не предвидело ли чего на мотив «Лебединого озера», Воливач ответил:

— Ты мне всю обедню испортил!

— Не понял? — не ожидал подобной вспышки Судских.

— На десять утра оппозиция намечала путч! Твой повтсмешал их планы, мой тоже!

— Предупредил бы...

— Собирался. В семь утра. А мне Святослав Павлов сказал, что УСИ с шести утра берет реванш. И как теперь доказать причастность многих виков к мятежу? Крупную рыбу спугнул, Игорь Петрович, — выговаривал Воливач. Сына, как понимаю, не нашел?

— Нет, Виктор Вилорович, — вздохнул Судских.

— Вот тебе первая незадача. А что теперь делать с законными боевичками? Их на месте надо было стрелять!

— Почему же стрелять?

— Потому что на бой можно списывать потери, а плных судят и кормить надо. В общем, докладывая президенту послушай его мнение.

Судских так и поступил.

— Всех боевиков, — сдержанно ответил президент, передайте Воливачу. И занимайтесь лучше, Игорь Петрович, книгами.

Да, еще раз отметил Судских, президент далеко не стой сапог. Испортил Судских многоходовую, тщательно

работанную операцию. Только теперь до Судских дошел ее хитрый смысл: одним махом президент расправляется с оппозицией, отстреливает всех боевиков, в доме восстанавливаются чистота и порядок. А победителей не судят.

«Две тысячи молодых русских парней!» — дошел до него ужасный смысл несостоявшейся операции. Две тысячи семей, красивых детишек, рабочих рук, в конце концов! Таких нужных России... Пиррова победа. «Нет, — зло подумал Судских, — очень я своевременно вмешался! Я — судный ангел! И пусть мне эти спасенные из дьявольской мясорубки не скажут спасибо, наказ Всевышнего я исполняю правильно».

По самым скромным выводам, Судских попадал в опалу, разрушив походя серьезный план, участником которого не являлся. Было все же обидно и пусто — его намеренно устраниют от таких дел.

Ничего не сказав Звереву, Судских вышел из особняка и, удалившись шагов на тридцать, разгуливал по газону. Сначала бесцельно, потом пытаюсь найти некий смысл в аляповатом сооружении, где спрессовались тщеславие, деньги, безвкусица и надежность. Вот именно: крепость была крепостью. Хозяин строил ее без оглядки на условности. Как хочу, так и ворочу. В этом крылся смысл. Свобода в смешении стилей, равенство между старым и новым, братство и прочность конструкции.

«А если я не прав, во всем пытаюсь утвердить классические формы, которые изжили себя? — усомнился Судских. Возможно, никому уже не нужны классические каноны морали и ничего полезного для потомков не найти в древних книгах?..»

— Игорь Петрович, — прервал его одиночество Зверев, — вас срочно по мобильному просят.

Судских взял мобильник.

— Папа, это я, — услышал он голос сына.

— Севка, родной мой, ты где?

— Мне сказали, в Люксембурге.

— Как ты попал туда?

— Не знаю, — вяло отвечал Всеволод. — Вроде спал. Чувствую себя нормально. Тут хорошо, папа. Приезжай.

Судских не успел собраться с мыслями, ошарашенный новой метаморфозой с сыном, как другой голос сказал:

— Игорь Петрович, мы все еще ждем. Кажется, вам пер-
вому надоедят кавалерийские атаки...

Связь окончилась. Щемило сердце. С сыном очень пло-
хо, и никакие размышления о выборе правильного реше-
ния не могли сейчас убрать из сердца боль отторженной
кровинки.

2—9

Минули сутки, банкиров и всех виповских, арестован-
ных накануне, выпустили с извинениями. Намечался скан-
дал, и, опережая его, обиженных пригласили в Кремль.
Принесли им извинения за поспешность органов, президен-
т собрался уходить.

— Как? И это все? — зашумели банкиры и важные пер-
соны. — Как можно?

— А что надо еще? — спросил президент, оборачиваясь
через плечо. — Не понял...

— Вы обязаны оградить нас от этой разнузданной опри-
чнины! — взвился от возмущения с остроносого лица гол-
✓ Горбулиса, патентованного, клейма нeгде ставить, мерзави-
на.

— Тогда по порядку, — согласился президент, вернулся
к столу и взял первую папку из рук помощника. — Все подв-
ги господина Горбулиса запротоколированы и занесены в де-
ло по порядку. Десяносто первый год: хищение драгоцен-
ных камней из Алмазного фонда — шестьсот тысяч долларов убы-
ток. Десяносто второй год: участие в афере с фальшивым
авизом — пять миллиардов рублей... Или вам сразу пере-
сказать в твердую валюту? — осведомился президент.

Горбулис длинного носа не поднял, запах дерьмеца бы-
л вполне осязаем.

— Тогда продолжим, — сказал президент.

Ватага великовозрастных арапчат смолкла: двое охра-
нников внесли в зал приема внушительные стопы одинаков-
ных черных папок, разложили на столе.

— Готовы слушать? — спросил президент, оглядев пр-
сутствующих приунывших виповцев.

— Мы в Георгиевском зале, господин президент, — по-
дал голос Гуртовой поспешно. — Здесь слава России, а
отделение жандармской охраны.

— Значит, не читать, — удовлетворенно произнес президент, — другие мнения есть?

Отмолчались виповцы, папок хватало на всех.

— Тогда попрошу не раздувать скандала в средствах массовой информации. Придумайте сами что-нибудь. Скажите, что проводились штабные учения, а вы согласились помочь стране, а потом все были приглашены в Георгиевский зал за наградами. Поговорили, кроме прочего, о бедственном положении России, и присутствующие согласились внести в казну для детей-сирот десять миллиардов рублей новыми...

— Новыми? — ахнул жадный Гайдар. Издевки президента уже не брали во внимание — свои надо выкладывать, вот трагедия!

— Можно для удобства в твердую валюту перевести, — невозмутимо предложил глава страны. — Не будем торговаться, господин Гайдар, как верно подметил ваш товарищ по бездарным делишкам, мы в Георгиевском зале, — ответил поклон президент и вышел. Помощники, ко всеобщему облегчению, унесли стопы черных папок. Представление окончилось.

Понимали виповцы хорошо: сегодня президент содрал с них хорошую откупную, завтра пижам в полосочку не избежать. Проглядели они шутика, серьезный оказался, и вообще его победы на выборах никто не ожидал. Какое наглое хулиганство!

Или победа президента была запланирована другой силой и в другой игре?

Какие там игры... Заигрались в поддавки.

«А эта встреча — не сознательно ли она планировалась? — размышлял Судских. — Лучше не придумаешь: залез без долгих угрызений совести в карманы к воришкам, забрал сколько надо на первый случай и предупредил: в милицию не ходить, орать: «Караул, грабят!» — не поможет, когда надо будет вывернуть вам карманы, позову. Спасибо за внимание».

День у Судских оказался чересчур насыщенным, только в седьмом часу вечера он засобирался домой. Находил дела самые неотложные, и все же к семи часам они кончились.

«Поеду», — вздохнул Судских.

Зазвонил городской телефон, и Судских взял трубку с облегчением. Глядишь, какая-то зацепка...

— Игорь Петрович, здравствуйте, это Люба.

Легкое удивление: ей он телефонов не давал.

— А у меня определитель. Я ждала, как вы обещали, рискнула позвонить. Это опрометчиво с моей стороны?

— Как вам сказать... — подыскивал повод выпутаться из щекотливого положения Судских. За язык никто не тянул. — День, Любаша, выдался дурацкий.

— Я вас понимаю, — участливо отвечала она. — Отложим встречу до лучших времен?

«Семь бед — один ответ», — решил он и сказал:

— Если вы простите мою оплошность, готов понести наказание.

— Что вы! — обрадовалась она. — Жду!

Она продиктовала адрес, и Судских спустился к машине. Взял водителя, охрану, намереваясь задержаться часа на три и уехать потом домой.

Его новая знакомая жила на проспекте Мира в одном из старых респектабельных домов и занимала двухкомнатную квартиру, просторную и вместе с тем уютную. Мужского присутствия не ощущалось, не было и следа альковного пристрастия. Высокие потолки, картины, копии, но мастерские, мебель без определенного стиля, однако собрана в одном месте гармонично. Одна комната — кабинет, другая — гостиная. Где спальня — не определить.

— Мне эта квартира от родителей досталась, — пояснила она. — Папа украинец, мама русская, десять лет назад уехали в Киев, когда папа ушел на пенсию.

— Он был важной персоной? Виповец? — спрашивал Судских мимоходом, разглядывая книжные стеллажи в просторном холле.

— Не столь важная, но персона. Внешторговский работник, — уточнила Люба.

Судских не любил разглядывать людей дотошно, тем более женщин. Отметил еще раз возраст — что-то около тридцати, походку, неторопливую и уверенную, складную и привлекательную фигурку — для первого знакомства достаточно. Отметил и желание понравиться. Для свидания она подобрала легкое платье, которое можно принять и за вечерний халатик с обилием пуговиц. Впрочем, чего можно ожидать от поздней встречи, если есть желание убажить благодетеля?

Она сразу подчеркнула это:

— Я ваша должница.

Мило улыбаясь, она провела его в столовую. Столик на две персоны, две розовые свечи, коньяк, шампанское в ведерке, бутылочка легкого вина.

— Прошу...

— Я вообще-то водку употребляю, — усаживая хозяйку, обмолвился Судских, хотя, если доводилось, пил именно коньяк. Чего он упомянул водку...

— Да, мой господин, — подхватила она и открыла дверцу холодильника. В дверце «Электролюкса» выстроилось десятка два бутылок. — Здесь водка, джин, текила...

— На все вкусы! — подхватил он и выбрал «гжелку». — Не обременительно ли для простой переводчицы?

— Во-первых, я не просто переводчица, а синхронист, во-вторых, кроме английского, я знаю японский и делаю литературные переводы. А за это хорошо платят, — ненавязчиво подчеркнула она.

— Нет вопросов, — сделал глубокий поклон Судских.

— Английский я учила сама по себе, а японский — в Японии. Мы там прожили десять лет. А в-третьих, я ждала вас и старалась не осрамиться, — закончила она, протягивая руку за его тарелкой. — Позвольте, я поухаживаю...

Закуски на столе не подкачали, а путь к сердцу мужчины, как всегда, лежал накатанной дорогой через стол.

Разговор напоминал легкое игристое вино. Вроде бы ни о чем, но хмелил и подзадоривал. Судских расслабился, тайных происков не видел, а в Любаше, кроме обаятельности, которая пьянила его, — тем более. Невыспавшийся, он скоро осоловел и попросил кофе покруче. Она сварила его немедленно, и Судских, выпив с удовольствием чашечку, взбодрился. Определенно, и опоить его не хотят.

Около половины двенадцатого они прощались.

«Останься, дурак!» — во все печенки толкал его внутренний голос. «Топай, топай, балбес!» — подгонял другой, которому он привык подчиняться. Оба нахлебника считали его недоумком и, судя по бурлению в желудке, собирались устроить меж собой скорую разборку.

— Так жаль отпускать вас, — вторила Любаша его внутреннему голосу, а другой ответил его словами:

— Увы, надо.

Она, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку, и Судских захотелось еще чашечку бодрящего кофе. Дома не балуют.

— Не забывайте меня, — шепнула она. — В следующий раз я расскажу вам японскую сказку.

— Хорошо, — пообещал он, поцеловав ей ладошки.

Водителю он велел схать обратно в Ясенево. Охранники молчаливо одобрили.

Родной по частым ночевкам диван вовсе одобрительно встретил его, обнял и убаюкал. В мертвом сне с улыбкой на губах явился Тишка-ангел.

— Бдишь, княже, наказ?

— Бдю, — вздохнул, переворачиваясь на другой бок, Судских. — Так вся жизнь и проходит. То мясного не ешь, то филейных частей не трогай...

Такой крепкий сон прервал телефонный звонок. Вскочил как ошпаренный. Кому надо в третьем часу ночи?

— Судских, ты прописался там, в своей гребаной конторе? — услышал он нетерпеливый от злости голос жены.

— Заработался, — сказал он, проснувшись окончательно. — Тебе впервые, что ли?

— Я-то думала, по бабам пошел, — успокоилась она.

— Дай поспать, — начал раздражаться Судских.

— Эх ты...

«Как это они все чувствуют?» — готовясь заново провалиться в сон, подумал Судских.

— Княже, — тормошил Тишка-ангел. — Ты японскую сказку обязательно послушай. Быль это.

— Ладно, ладно, — не хотел просыпаться Судских. — Передай нашим, что мы пашем. Иди. — И Тишка ушел огорченный.

Едва утром он привел себя в порядок, появился Смольников. На часах чуть больше восьми.

— Игорь Петрович, простите великодушно. Сказали, вы здесь, и я прямиком сюда.

— Неотложно? — с участливым юмором спросил Судских. — Чай пил?

— Не успел, — переминался у входа с ноги на ногу долговязый Смольников.

— Тогда присаживайся. За чаем и побалакаем, — указал он на столик и кресла в углу. Заказал завтрак на двоих.

Прожевав первый бутерброд, Смольников больше не утерпел от подпирающих сообщений:

— В архиве Мосводохозияства я натолкнулся на удивительный документ.

— Раз натолкнулся, значит, фарватер не чист. Ты как там оказался?

— Разыскивал старые карты Москвы. Дошел до восемнадцатого века, ничего нового не обнаружил. Собрался уходить, но архивариус указал на дверь в подвале и подсказал: там свален всякий писчий хлам, его собираются выбрасывать, едва завершится инвентаризация документов.

— Так-так, — намазывал хлеб маслом Судских. — Помойки — слабость органов. И там, конечно, обнаружилась неведомая доселе рукопись исторического значения?

— Рукопись не рукопись, но обнаружилась, — кивнул Смольников, давясь горячим чаем.

— Не торопись. Нашел, не отберут. Выпей прохладного апельсинового сока и веди меня в чудесную страну находок.

— Вот! — торжественно выложил на стол Смольников стопку пожелтевших листов.

— Но это не восемнадцатый век и даже не девятнадцатый, — перелистал стопку Судских. — Копии.

— Но тот, кто печатал это, видел оригинал шестнадцатого века! — убежденно говорил Смольников.

— Ох и легковверный, — покачал головой Судских, но листки снова взял в руки и стал вчитываться заинтересованно. — Явно на «Ундервудс» печаталось, где-то в начале века...

— Указан двадцать седьмой год. Печатал служащий Исторического музея, вот его послание, — не менее торжественно протянул Смольников еще один пожелтевший листок.

«Спешу закончить работу и боюсь не успеть. Завтра оригиналы передают в Лондон по приказу Троцкого, где будут проданы или уже проданы инкогнито. Нашим вождям история России ни к чему, бесценные документы меняют на презренный металл. Боюсь, весь штат музея с приходом Лепешинского ждут неприятности и разгон. У меня не осталось даже возможности вынести отпечатанные тексты: на выходе нас тщательно обыскивают. Оригинал сразу перевожу на общепринятый язык. Достаточно и этого. Повторяю: рукопись бесценна». Чуть ниже приписка от руки: «P.S. Уже

стало известно, что рукопись покупает американский миллионер Джозеф Триф».

— Постой, Леонид, — нахмурился Судских. — Это какой-то новый родственник Ильи Натановича?

— Точно, Игорь Петрович. Прямая родственная связь. Тщательно проверил. Практически все управляющие, президенты, учредители коммерческих банков начинали благодаря поддержке зарубежных финансовых магнатов. Став на ноги, они возвращали долги и работали в связке с инвесторами. В начале нуля никто не начинал. Правительство Гайдара устроило эти банки новым русским бездонную кормушку, цифры вымытых на счетах коплений астрономические. К 1996 году таких банков практически не осталось, приток дармовой валюты оскудевал. Держатся на плаву только банки с родственными связями. Система вымывки средств усложнилась, но приносит вполне приемлемые проценты.

— Знакомо, — кивнул Судских, ожидая продолжения. — Джозеф Триф купил рукопись?

— Нет, Игорь Петрович. Мне удалось выяснить, что пароход «Саломея» налетел в тумане на отмель острова Готланд. Вез он не только рукописи, а многие другие исторические ценности. Руководил отправкой некто Сунгоркин. Когда Сталин узнал о происшедшем с пароходом «Саломея», он в диком гневе приказал Менжинскому расстрелять Сунгоркина без суда и следствия, а прочих участников вывезли за границу по делу троцкистско-зиновьевского блока. Тут же попал и автор злополучной рукописи.

— Жаль, — сказал Судских. — Лучше бы купил кто-то.

— Не спешите, Игорь Петрович, — остановил его Смоленников. — Ценности на «Саломее» были очень велики, по нашим нынешним деньгам на шесть миллионов долларов, и Менжинский провел тщательное расследование гибели «Саломеи». Много не сошлось. В частности, жители южной оконечности Готланда уверяли, что возле них никакой катастрофы не было, зато на севере острова в ту ночь что-то случилось. Будто гудели в момент катастрофы два разных гудка. Может быть, с парохода на другой пароход перегружали груз, снимали людей. Уже опустошенную, «Саломею» сняли с отмели и отвели в ближайший порт на ремонт. Принадлежало оно финскому промышленнику, судно было застрахованным. Согласно форс-мажорным обстоятельствам, за груз он не отвечал.

— Что еще известно по этому делу? — дотошно выяснял Судских, полагая вполне определенно, что Смольников держит в руках ниточку, ведущую к библиотеке Ивана Грозного. Зря не примчался бы в такую рань.

— Известно, — усмехнулся Смольников. Такая усмешка всегда говорила о десерте, который он приберегал напоследок. — Во-первых, Сунгоркин расстрелян не был, а всего лишь отсидел на Соловках три года. В тридцать первом году он выехал на поселение в Сыктывкар и умер в 1956 году. Из его многочисленной семьи в живых ныне двое: дочь Юлия, она проживает сейчас на Украине, сын Иосиф эмигрировал в Израиль в 1972 году. Внук Сунгоркина Виталий Иосифович, сорока восьми лет, является ныне вице-президентом банка «Интерглобал». Правая рука Ильи Трифа.

— Вот это да! — порадовало Судских стечение имен. — Гора с горой не сходится!

— А им и расходиться не надо, — улыбнулся Смольников. — Все намного проще: Сунгоркины и Трифы родственники. Как писал Грибоедов: «У нас чужие очень редки: все больше сестрины, свояченицы детки». Вот еще интересная деталь: второй сын Иосифа Сунгоркина, Вениамин — полковник МВД. Офицер по личным поручениям у Мастачного. Правда, фамилию носит своей жены — Мамонтов.

— Лихо накопал, Леонид, — с удовольствием похвалил Смольникова Судских. — Ниточки, прямо скажем, драгоценные. — В его голове рождался встречный план.

Было уже девять утра, и Судских вызвал к себе Бурмистрова.

В последнее время он недолюбливал Ивана, однако именно сейчас в раскладе не хватало Бурмистрова.

— Ленечка, дорогой, — попросил он Смольникова, — сделай мне ксерокс с бумаг, сегодня же прочту, а сам срочно займись связями братьев подоскональней. Удачи! — отпустил он повеселевшего Смольникова. Много ли надо человеку?

Бурмистров столкнулся со Смольниковым в дверях. Поздоровались сухо: был Бурмистров любимчиком, стал Смольников. Хотя Судских вряд ли кого выделял среди подчиненных. За успехи поощрял и приближал к себе плотнее.

Судских внимательно оглядел Бурмистрова. Помятый какой-то Ваня, согбенный. Не сгорбатился, но внутренний стержень явно прогнулся.

— Ваня, почему плохо выбрит? — спросил Судских, тая улыбку. Последнее время Бурмистрова вызывали на разнос к Бехтеренко чаще других. Что-то расклеилось в парне.

— Электробритва подвела, Игорь Петрович. Не бреет, а скребет, — пробубнил Иван виновато.

— Больше спрашивать не буду. Забыл первую заповедь работника УСИ? «Офицер Управления должен быть готовым в любой момент очутиться в спальне королевы»? Смысл ясен?

— Зачем? — И с пониманием у Бурмистрова стало хуже.

— Вдруг пожелает приветить. А ты небрит, обувь плохо чищена. Еще спроси: в ботинках, что ли, в постель ложиться?

«А мне из него преуспевающего бизнесмена делать», — без энтузиазма думал Судских.

— Ваня, если не ошибаюсь, твоя жена шведским владеет?

— И норвежским, и английским, — бубнил Иван. Даже смсена темы не оживила его. — Только мы разводиться собираемся.

— Из-за чего такое решение?

— Не знаю, — вздохнул Бурмистров. — Наперекосья жизнь пошла последнее время.

— Это что за фокусы? Через мой труп!

Судских так резко вознегодовал, что Бурмистров испугался.

— Кому это надо? — буркнул он.

— Стать как положено! — прикрикнул Судских. — Развинтился! Завтра к десяти ноль-ноль быть у меня вместе с женой. А для тебя лично следующее: вам обоим предстоит покататься по Европе. Остров Готланд, Швеция, Франция, Бельгия. Дело государственной важности. Отнесись к поездке с полной серьезностью.

Подобного поворота Бурмистров не ожидал. Вопросительный и восклицательный знаки сплелись в его взоре, даже закачался парень. Вот тебе и поговорка: всегда будь готов очутиться в спальне королевы.

— Иди-иди, — весело одобрил Судских. — Прямо к Смольникову, он введет тебя в курс дела. Да побрейся сначала, литератор наш плохо реагирует на небритых.

С обычным докладом появился у Судских Бехтеренко. Как обычно, гладко выбритый, в жизни доволен всем.

— Новость слышали? — спросил он, усаживаясь. — Машинный попал в автокатастрофу.

— Каким образом? — оживился Судских. День начинался с сюрпризов. Приятных ли, нет, но с сюрпризов.

— Его «форд» столкнулся с «КамАЗом» на тридцать пятом километре Минки. Час назад. Так передал оперативный дежурный Воливача. Их следственная группа уже на месте.

— Жив?

— Игорь Петрович, позвоните Воливачу. Вам проще, и ответ исчерпывающий.

— Уговорил, — кивнул Судских и связался с Воливачом.

— Легко на помине, — со смехом говорил Воливач. — Поговаривают, это ты ему «автодафе» устроил.

— Какая глупость! — рассердился Судских.

— Может быть. Только кроме «КамАЗа» его «форд» обстреляли из проезжавшей мимо «девятки». Прямо еду на место аварии. Давай и ты присоединяйся.

— Виктор Вилорович, скажите главное: жив Мастачный?

— Увезли в реанимацию. Больше ничего не знаю, — категорично ответил Воливач. — Так едешь?

Через десять минут дежурный вертолет УСИ подлетал к месту аварии на Минском шоссе. Сверху открывалась картина полного обзора события. «КамАЗ» выскочил справа, и «форд» задел его левым боком, отчего развернулся на влажном шоссе, и следом идущий трейлер вытолкнул «форд» на обочину.

Столько милицейских чинов Судских не доводилось видеть вместе. И это после чистки? Одних генералов он насчитал десяток. Слов нет, случай неординарный. Судских и Воливача они встретили недружелюбно, именно их считая виновниками происшествия.

Брошенную «девятку» обнаружили километрах в трех по трассе. Нашелся очевидец, который утверждал, что трое пассажиров пересели в «Москвич» с номерами 21-31 МАЮ. Только рванул он с места не хуже гоночного автомобиля. Вместе с Мастачным ехали два офицера сопровождения. Оба погибли. В момент аварии один из офицеров, Мамонтов, был жив, его добила из проезжавшей «девятки». Мастачный, сидевший рядом с водителем, отделался переломами шейных позвонков, шейки правого бедра и обеих рук. Увезен в шоковом состоянии.

— Видишь, как оно все станцевалось? Тогда не арестовали, сейчас выглядит сведением счетов. Как оправдываться будешь? — спросил Воливач с усмешкой сведущего человека.

— Не собираюсь, — ответил Судских. Голова была занята Мамонтовым. В него всадили шесть пуль. — Скажите лучше, Виктор Вилорович, а Мамонтов попадал к вам на заметку?

— Шустрый ты, — раскусил вопрос Воливач. — Только это особая статья. Другие дела, другие люди.

— А о родстве с Сунгоркиным знаете? — словно невзначай спрашивал Судских.

— Знаю, — с прищуром смотрел на Судских Воливач.

— Не лучше ли нам объединить действия?

— Давно предлагаю, Игорь Петрович. Давай, как президент советовал: тебе книжки, мне остальное. Консультации и раскладки по обоим вопросам. И держу пари, завтра верну тебе сына.

— Принимается. На что? — протянул руку Судских.

— Отдай назад Шмойлова. Как понимаю, ты его выпотрошил, а я с ним найду общий язык по другим темам.

Пожали руки.

— Виктор Вилорович, — козырнул подошедший оперативник Воливача и замолчал.

— Говори, — ободрил Воливач, — Игорь Петрович мне как родной сын, роднее не бывает.

— Вот, — разжал ладонь оперативник. — Из такой «астры» был убит майор Зуев. Из нее же рязанский хлопец.

Воливач пояснил:

— Помнишь происшествие на Рязанке? Тогда мы считали, что водитель погиб при столкновении. При вскрытии оказалось — застрелил Шмойлов. А теперь я очень в этом не уверен. Не было ли в «ауди» третьего, а Шмойлов скрывает?

— Мало ли таких моделей? — усомнился Судских.

— В данном случае — одна и та же, — повернулся к Судских оперативник. — Патрон вскрывался для добавки пороха. Видите следы? — показал он гильзу. — Ее обжимали после вскрытия. Вот следы от пассатижей или тисков.

— Найдем стрелка? — спросил у него Воливач.

— С номерами? Нет проблем, постараемся, — уверенно ответил оперативник. По его тону угадывался знаток своего дела. В пору ельцинских глупостей Воливач умудрился сохранить опытных работников и костяк Лубянки.

Судских позавидовал. Его хлопцы работали ответственно, однако хватка у оперативников Воливача была жестче, без церемоний. Дать по зубам, если вежливый разговор не получается, считалось вполне приемлемым делом. От такого поворота собеседник становился податливее. Метод или пережитки бериевской практики? С одним уточнением: по зубам давали зубастым, ушастым перепонки не рвали, те слушали хорошо, а глазастые видели сразу, что церемониться с ними не станут.

Воливач поднес к губам мобильную рацию и запросил:

— «Лагуна», как там землячок поживает?

«Москвич», — догадался Судских.

— Ведем миленького! — живо откликнулась рация. — Засекли с воздуха, передали наземной службе. Двигается к Тверской.

— Где перехватывать надумали?

— На светофоре у «Белорусской». Ждут уже.

— Не братъ, — передал оперативнику Воливач. — Пусть до точки ведут.

«Лагуна» приказ приняла.

— Видишь, как у нас? — поддел Воливач Судских. — Я полагаю, это наезженная дорожка. Третий раз этот маршрут засекаем. По коням, Игорь, тут нам больше делать нечего, — оглядел он скупое краснолампасных виповцев из милиции, цыкнул языком и пошел к своему вертолету. Милицейские чины рассаживались с завистью по служебным машинам.

И Воливач, и Судских поняли сразу: охотились не столько за Мастачным, он стал отработанным материалом, его не трогали, поскольку не было распоряжения президента, его хотели припугнуть, и не больше, а помощники его были на особом счету, от них шли какие-то нити, теперь они обрывались. Кто именно охотился — не обсуждали. Понятно без слов. Оба еще лучше поняли.

Когда Судских вернулся в Ясенево, на столе его ждала ксерокопия от Смольникова.

— Шмойлова передать офицерам Воливача, — распорядился Судских. — Меня на полчаса нет. — И углубился в рукопись.

Она начиналась совершенно неожиданно. Скорее всего перепечатчик сэкономил время, отобрал важный, по его мнению, кусок текста.

«... В лета 6769 (1261) года в ставке хана Золотой Орды была учреждена епархия Православной церкви с епископом и митрополит Кирилл присутствовал при открытии в Сарае. Событие это глубоко возмутило ордынцев, которые вопрошали тогда к хану: «Как же быть нам, если мы защищаем нашу веру от византийских врагов, а теперь враги наши стали здесь своим храмом?» На что хан ответил им: «Вера дедов и отцов наших сильна издревле и негоже свободным казакам бояться чужого Бога. Зато дань Белая Орда и Синяя обязались платить исправно. Что вам чужой Бог, власти над вами не имеющий?»

И случилась тогда в Волжском царстве (в Золотой Орде) смута великая, не желали казаки и ордынцы делить небо и землю с пришлыми иноверцами и богом их Иисусом. Неохотно служили они в Орде, а многие прислушивались к проповедям монахов, которые в большом множестве ходили по караванным путям. И не хотели служивые люди отправляться далеко из Золотой Орды, а в западных и южных землях подати собирались плохо, и данники уклонялись от податей, если не приезжали за ней сборщики.

Длилось так долго, и правители Золотой Орды сменялись часто, пока не дошли слухи от половцев, что поп костромской Иоанн собирает под свою руку соседние княжества и запрещает им носить дань в Орду, а передавать ее в Кострому на содержание общей дружины. Случилось это в лето 6836 (1328), когда великий князь Иван Данилович Калита сел княжить на владимирский престол.

Человек он был хитрый и расчетливый, зря время не тратил, попусту не суетился. Поспешая, он отправил посольство к хану Золотой Орды Хулагу с богатыми дарами и грамотой передал, что он, Иван Калита, «не помышляет дань платить неисправно, а токмо собирается ее сбор среди князей окрестных упорядочить, воевод посадских заставить, чтобы жизнь своего собрата и защитника, хана Хулагу, облегчить.

Воцарился недолгий покой. Говорил Иван Калита красиво, а дань в Орду не отсылал. По смерти Ивана Калиты сел княжить сын его Дмитрий, который вознамерился владения свои продлить и захватил земли рязанские и литовские. Князь Олег и Ольгерд возмутились, били челом в Золотую Орду прося хана Мамай о помощи. «Мы, — писали они, — ис-

правно платили тебе дань на содержание охранных дружин, а ты, великий хан, защищать нас обязан по договоренности, иначе зачем же мы даем тебе деньги и вынуждены страдать?»

Заручившись поддержкой Мамай, литовский и рязанский князья просили еще половцев, касогов и ферязей отогнать Дмитрия. «Либо назад в Великий Новгород, либо на Белозеро, чтобы неповадно было распоряжаться чужими землями, аки своими».

Обида эта исходила от распоряжения князя Дмитрия посадским воеводам в Коломне, Муроме, Владимире, в литовской крепости, в Москве и в Рязани «людей прислать, лес рубить, камень тесать и свозить к Москве, чтобы город каменный строить на зависть и восхищение и княжить там». Олег, рязанский князь, оскорбился тому: «Никогда рязанские не исполняли самодовольства Новгорода и не тебе приказывать нам, а великому хану Орды, которой и ты и мы присягали на верность».

Взял Олег и пожег заготовленный лес, поселения лесорубов и каменотесов разогнал, а Москву жечь отдал Ольгерду. Случилось то в осень 6887 (1379) года, когда дожди лили нещадно и оскорбленный Дмитрий воевать Москву не пошел, а Рязань разрушил, с чем и ушел в Кострому, где держал стал княжеский престол.

До самой следующей осени Мамай собирал войско, чтобы проучить непокорного Дмитрия. Насобирав он под свою длань рязанских и литовских дружин, волжских и крымских казаков, татар и устюрцев, ясов и касогов, полян, древлян и ферязей, которые помогали Мамаю деньгами тож.

Дмитрий дожидаться нашествия не стал и собирал в Коломне волжских и сибирских казаков, способных воевать в конном строю, своим воеводам велел спешно готовить дружины.

С обеих сторон рати собрались немалые — до четырехсот тысяч конных и пеших. С такими ратями удобным полем для встречи были окрестности Москвы. Мамай двинул свое войско туда, где разбил ставку на Красном холме, а Дмитрий из Коломны пришел на Кузьминкину гать, сделал привал и утром отправился через Дон-реку и вышел на поле Куличково, где и стал, чтобы надежно иметь простор для конных, а пешим где способней военного ворога встречать.

Князь рязанский Олег, чтивший древних богов, перебежал к Дмитрию и просил соратников его не воевать с Мамаем: «Что же мы, русичи на русичей пойдем? Казак он или ордынец, вера наша одна, что же смутила нас вера Христова, раздор и разор принесли?» Дмитрий при всех князьях и воеводах отвечал ему: «Завещал мне отец мой Иван Данилович избавиться от ордынцев, не платить им дани, а строить Русь великую, Рим третий, а какие боги защищать ее станут, завтра знать будем. Помогут нам Перун и сам Сварог, а если Христос, аки ты с нами, быть победе и Руси строиться заново. Нет у нас, как прежде, земель на западе и юге, славяне отделились, точат мечи на Русь, забыв обет подчинения Трибогу. Были мы Мегалион, великая держава, а теперь нет и величием кичиться былым не пристало. Усобицы князей и зависимость от Золотой Орды — плохое подспорье. Так не лучше ли, князь, новому объединению Руси послужить, а богам это понравится, новым и старым».

Бил челом Олег Дмитрию, клялся служить верно, но веру исповедовал прежнюю.

А когда случилась великая сеча и убитых было множество, повелел Дмитрий восемь дней на поле Куличковом стоять, убиенных воинов хоронить в братские могилы и заложил церковь христову Рождества Богородицы, поскольку свершилась сеча в такой день, и церковь всех святых на Куличках ставить. Велел князь отделять своих от нечестивых, а иноков Пересвета и Ослябю, павших в первый день сечи, в Троицкую обитель не везти, а схоронить у стен этой церкви. Тогда спросил его князь рязанский Олег: «Как же ты, великий князь, крещеных предал земле, а прочих бросаешь волкам на съедение? Ты обманул меня!» — «Ничего не перечь мне, — отвечал Дмитрий. — Служители христовой церкви помогали мне, ратников благословляли на подвиги, а волхвы и не подумали явиться». Совсем оскорбился Олег и так ответил: «А потому не пришли, что славяне побивали славян ради гордыни твоей». И отбыл гордо со своей дружиной в Рязань и не простил обиды Дмитрию, враждовал с ним целых пять лет, когда заболел крепко, принял крещение и замирился с Дмитрием.

А через два года занялся Дмитрий строительством каменного Кремля в Москве, и захватил ее литовский князь

Остей. Тогда великий князь Дмитрий позвал на подмогу суздальских князей, сам пришел из Костромы, где стол княжеский сохранил, и опять бились дружины за гордыню Дмитрия, хотя Москва им не нужна, и свершилась сеча великая, и множество народу билось с обеих сторон, и полегло много. Дмитрий победил, и хоронили воинов на месте, где зачинался Кремль и площадь перед ним, и повелел Дмитрий назвать ее Красной. С той поры по московскому взятию перенес он престол великий в Москву и на пролитой крови основал новую столицу Государства Российского и христову веру поощрял повсеместно, ибо считал Иисуса Христа подлинным заступником его. Многие князья обиделись на распоряжение великого князя Дмитрия ставить христовы храмы в своих землях, но спорить не стали и позволяли посадским своим веру соблюдать любую, к какой душа лежит больше. Так надеялись они смуту не подымать и с Дмитрием в ссоры не вступать.

Передавал Дмитрий московский престол сыну своему, Василию Первому, свободным от поборов Золотой Орды. Не осталось в ней нужных конников, ушли они ниже по Волге и руку нового хана-ордынца принимать отказались. Не приняло казачество новых уложений в Орде и богов христианских, не питало к ним уважения».

Отложив недочитанную рукопись, Судских задумался. Летописцу он верил. Получалось, империю развалили, поддавшись чужеродным веяниям, потом на ее развалинах строили новую, убеждая всех, что именно такая Русь нужна русским. Думая о свежей листве, рубили безоглядно корни.

Стоит ли?

Зуммер прямого телефона с Воливачом оторвал его от тягостного анализа. Трубку он снимал автоматически.

— Игорь Петрович, Мастачный желает сделать заявление в твоём присутствии. Он в твоём госпитале.

— Как в моем? — не дошло сразу до Судских.

— Именно в твоём. Так он сказал. Чувствует себя очень плохо.

— Еду, — не раздумывая больше, ответил Судских.

— Встречаемся в холле госпиталя.

Былая спесь отлетела от лица Мастачного в больничной палате. Сейчас, в жестком гипсовом скафандре с высоким глухим ошейником, он напоминал космонавта, которому не суждено вернуться на Землю. Поглядишь, так и кажется, запоем сейчас: «Зеленая, зеле-е-о-ная трава!» Трагизм усугублялся окружающей белизной стен и наряда. Совсем недавно он распоряжался судьбами, если не сказать жизнями, дивизиями, состоящими из молодых жизней, а теперь сам остался один на один с приговором судьи.

«Или не так все мрачно? — думал Судских, вглядываясь в изможденное лицо Мастачного. — Такие выкарабкиваются из любых щелей, еще и безвинного утянут».

— Здравствуй, Василий, — тихо сказал Воливач, едва глаза Мастачного открылись. — Привез я Игоря Петровича, как просил. Беседуй с ним. Мне уйти?

Вопрос повис в воздухе. О состоянии здоровья важного пациента главный врач госпиталя высказался однозначно: в любой момент он готов предстать перед Богом. Утешать, бодрить его смысла мало. А может, пред сатаной? Кто, как не Мастачный, превратил стражей порядка в сопливую разнузданную ватагу?

— Покаяться хочу, — с хрипящим свистом продавил трудные слова Мастачный.

— Кайся, — великодушно разрешил Воливач. Кроме Судских, в палате никого не было.

— Перед Игорем Петровичем, — дополнил Мастачный.

— Как пред Господом нашим, — от души злорадствовал Воливач.

— Сына его захватили по моему распоряжению.

— Это не тайна, — неторопливо отвечал Воливач. — Я об этом знаю. Кто приказал?

— Гуртовой.

Пока Воливач обсасывал признание, Судских вмешался:

— Где сейчас мой сын?

— На квартире Сунгоркина, — хрипло просвистел Мастачный.

— Ничего там не обнаружено, — в некотором замешательстве ответил Судских. — Севка утверждал, что звонит из-за рубежа, Люксембург или другая страна, только не у нас.

— Ищите лучше, — с усилием выдавил Мастачный.

Воливача беспокоило другое. Мастачный на последнем издыхании, а вызнать у него хотелось бы побольше. Опережая Судских, он спросил:

— Так ты масон? Хохол до мозга костей!

— Бес попутал. Но не масон, — прохрипел Мастачный. — В моем кабинете...

Он силился закончить фразу, а из горла вылетал свист, он нарастал, и угрожающие хрипы строились в ритм.

— Что в кабинете? — торопил Воливач.

Судских повернул голову к окну, прислушался.

— В моем кабинете...

— Да продави же! — не утерпел Воливач.

— Виктор Вилорович! — крикнул Судских и потащил его из палаты: прямо в окно напозла тупая морда вертолета, нарастал стрекот лопастей. Воливач открыл рот от неожиданности и рванулся из палаты следом за Судских. Пробежав в коридоре несколько шагов, они разом упали на пол. Следом ахнул взрыв и посыпался град штукатурки, обломки дерева.

Потом, казалось, непривычно долго сыпались осколки стекла и режуще звучали высокие голоса. Слышались крики о помощи, топотали ноги.

Судских вскочил первым и помог Воливачу выбраться из-под штукатурки и обломков.

В палату заглядывать не пришлось — она открывалась прямо перед ними.

— К нам залетела граната, — мрачно пошутил Воливач, отряхиваясь и одновременно оценивая убытки от взрыва. Граната разворотила палату Мастачного и соседние с обеих сторон. Искореженная кровать, разбитые и расшвырянные всюду остатки приборов, марля висела паутиной, зацепившись за острые выступы, и всюду красные полосы свежей крови. От Мастачного ничего не осталось.

— А мы в рубашке родились с тобой, — тянуло на мрачный юмор Воливача. Он по-своему переживал шок от взрыва. Наконец он кончил отряхиваться. — Распоясались, дешевки поганые! — зло процедил он и вслед за Судских стал выбираться из коридора, заваленного обломками. — Ну, дешевки, держись. На террор я отвечу фурором.

Из рук вон выходящее происшествие взбесило не только Воливача. Президент выступил по телевидению с обращением к народу и сдержанно, без угроз и патриотического скептицизма назвал вещи своими именами, назвал виновников трагедии в госпитале.

Впервые открыто прозвучало — масоны. Ответственность возлагалась на боевиков масонской организации «Вечное братство».

— Они думают, все дозволено, можно творить беззаконие, а Россия стоит на коленях. Свершилось то, что должно было случиться от безответственной политики прежних режимов. Террор, который готовился последние десять лет, развязан. А я считаю, что терпение россиян лопнуло!

Пора! — понимающе выдохнула Россия. На степашек-барабашек, знакомых давным-давно по неуклюжим попыткам выдать черное за белое, смотрели очень косо. Надвигался тот самый период, когда разумность уступает место разнузданности. Президент не позволил: усиленные наряды казаков разъезжали по столице, нагайки пускались в ход при малейшем проявлении жаждущих мести превратить святое чувство в элементарный мордобой, с битьем стекол, погромами и возможностью разжиться чем можно, когда такая возможность появляется. Грабь награбленное! — с начала века до конца его сопровождали помыслы малоимущих. Нас-де ободрали, теперь ваша очередь. Нагайки казачков очереди разгоняли. Одним словом, не вышло у «Вечного братства» очередной раз предстать перед всем миром обездоленными и гонимыми за правое дело свободы. Похмелье в чужом пиру не состоялось, да и пировать было не с чего.

Воливач не перечил Судских, когда он попросил разобраться с Сунгоркиным лично. Дело мести — дело понятное, но не таков Судских, чтобы ради мести закрыть глаза на все остальное.

«В нашей конторе зубы не выбивают и лежачего ножками не придерживают», — вполне откровенно сказал он Воливачу, и тот отдал ему с легким сердцем Сунгоркина с потрохами.

Хозяина доставили из банка с ордером на арест и обыск квартиры. При задержании он возмущался по инерции, считая себя чуть ли не женой Цезаря, пытался звонить в Брюссель. Почему в Брюссель? Никто не спрашивал. Хватит играть

в вивовца. Вор должен сидеть. Трубку из рук забрали, надели наручники и увезли без долгих объяснений. Банк закрыли. Закрома опечатали.

Квартира походила больше на представительный офис, чем на жилье. Потолки пять метров, двенадцать комнат, дорогая мебель, антиквариат. По меркам цивилизованных стран — ничего особенного, живут и во дворцах и в анфиладах комнат не путаются, но по совковым, когда квадратные метры размеряют жизнь человека от восьми положенных в начале и до двух в конце, — это дикость, вопиющее скотство, квадратура круга. Ладно бы Сунгоркин заработал свои блага неустанным трудом в сфере бизнеса или выиграл кубок Стэнли с ракеткой в руках. Ничего он нигде не выиграл, ничем не блистал, еще десять лет назад подшивал штанины «молниями» и вымучивал материалы о демократизации и доблестной перестройке в районную газету «Путь к коммунизму». Штаны обтерхались за десять лет, появились смокинг и апартаменты княжеского пошиба, а где Сунгоркин разменял свою душу на квадратные метры, Судских предстояло выяснить.

— Виталий Иосифович, — обратился к нему Судских. — Сами чистосердечно расскажете о закулисной стороне ваших доходов или доверите мне?

Оперативники Судских ожидали в столовой, разговор происходил в гостиной под оригиналом картины Айвазовского «Шторм надвигается», известной только по каталогам, а тут висит, целая и невредимая, у вороватого клерка.

— Я отвечать на ваши вопросы и вообще говорить без адвоката не собираюсь, — высокомерно заявил Сунгоркин. Был он среднего росточка, но заквадрател от сытой жизни, и Судских распинаться перед ним не стал. Похожий на мяч регби в лежачем положении, Сунгоркин поймет только увесистый пинок.

Для начала Судских приглубил его:

— Да вы присаживайтесь, в ногах правды нет.

Сунгоркин степенно сел и поджал губы.

— Где мой сын? — спросил Судских. Поза нувориша надоела.

— Найдете, ваш будет, — нагло ответил Сунгоркин.

— Скажите, а если вам элементарно дать по морде лица, вы станете сговорчивей?

— На морду есть хозяин, — светился наглостью Сунгоркин. Похожий на скандально известного премьера Кириенко, такой же бывший комсомолец, он ничего не боялся в силу своей глупости. Говорить научился. Все рыжие арапча-та говорить научились.

— Так дать или как? — повторил свой тезис в сжатой форме Судских. Сунгоркин раздражал.

— Или как, — сострил Сунгоркин. — Мне этот разговор неприятен.

— Мне тоже. Я только выясняю степень вашей вседозволенной наглости. Даже ваш кумир Чубайс наглед меньше, потому что знал о шестке, на котором сидел, а вы лицемер, Виталий Иосифович, взяли за норму вытирать ноги о Россию, запасшись другим гражданством. Я доподлинно знаю, что о местонахождении моего сына вам известно. Я найду его, и тогда горе вам. И не уповайте на юридические услов-ности. Для вас они больше не существуют, вы перешагнули черту дозволенного.

В голосе Судских сквозила угроза. Лицо Сунгоркина по-серело, как бывает от удушья. Он смолчал.

— Зверев, начинайте! — крикнул в столовую Судских, продолжая разглядывать Сунгоркина.

«Неужели из таких слизняков состоит организация, вну-шая ныне молчаливый страх? — думал он. — Не верю. Из таких делают бездушные винтики, закручивают в головы ду-мающих, пробуждая панику. Если начнет думать он, страх переселится в него, страх неминуемой расправы и скорого суда тайной пирамиды».

— Братика вашего не случайно пристрелили, — в лад сво-им мыслям сказал Судских. — Вашим вождям он показался опасным.

Кончиком языка Сунгоркин облизал пересохшие губы.

— Теперь и вы им не нужны, — дополнил Судских.

Ни звука. Сунгоркин осторожно выдохнул.

— Игорь Петрович, — заглянул в гостиную оперативник. — Зверев просит на пару минут.

— Останься здесь, — велел Судских и вышел.

Зверев с помощниками стоял у стены просторного холла. В руках он держал развернутый чертеж.

— План прежней коммуналки. Перед «Куликовской бит-вой» запаслись, — пояснил он. — За этой стеной пустота.

— Простучали?

— Да, конечно, — подтвердил Зверев. — Двери не обнаружили. Разрешите взломать стену?

— Обожди. Кто живет этажом выше и ниже?

— Ниже — бывший председатель нижней палаты Госдумы, а выше квартира Китайцева. Квартира его, а проживает любовница Гуртового, — без запинки ответил Зверев.

— Пошли, — направился к выходу Судских.

— Ордер, — напомнил Зверев.

— Что-нибудь придумаем, — ответил Судских на ходу.

На звонок в дверь открыла юная особа в леггинсах и легкой свободной кофточке. По виду особы читалось, что давать и брать она умест. Внешних данных у нее было вполне достаточно.

— Мадемуазель позволит нам войти? — вежливо осведомился Судских. — Мы от хозяина.

— О да, входите! — весело откликнулась она. — Вы рановато сегодня. И другие...

— Так получилось, — вошли в квартиру Судских и Зверев. Дальше предстояло ориентироваться самим.

Квартира почти в точности напоминала нижнюю. Такой же холл, двери по обе стороны. Выгадывая время, Судских неторопливо оглаживал виски перед зеркалом.

— Я пошла к себе, — как старым знакомым, сказала особа. — Станете уходить, крикните.

Она ушла по длинному холлу в дальнюю комнату, играя бедрами.

— В точку попали, Игорь Петрович, — шепнул Зверев. — Есть тут нечто...

— Приступим к осмотру, — кивнул Судских.

На первый взгляд гостиная квартиры Китайцева была шире. В правом углу нижней квартиры мебель не стояла, здесь беззвучно шла какая-то программа в цвете на экране шикарного телевизора диагональю все сто шестьдесят сантиметров.

— Отодвигаем, — после небольшого осмотра сказал Судских.

Телевизор свободно откатился на колесиках. Зверев задрал от угла ковер.

— Вот он, Миша, лаз, — указал Судских на квадрат паркета с утопленной ручкой. — Как крысы, всюду подземные ходы...

Зверев приподнял крышку. Пахнуло лекарствами и застоявшимися запахами. Темно. Поискав глазами выключатель на стене, Судских нашел его много ниже стандартного. Включил. Осветился трап, ведущий вниз.

Посредине узкого помещения стояла кровать с тумбочкой в изголовье. На кровати лежал голый человек, руки и ноги его были привязаны к ней...

— Севка! — кинулся к нему Судских.

Сын не ответил. Смотрел внимательно, будто раздумывал, как именно реагировать на вторжение.

— Миша, дежурку с врачом немедленно! Двоих сюда!

Он торопливо распутывал узлы ремней, удерживающих сына, и боялся смотреть в его глаза, неожиданно серьезные и пугающие внимательностью.

Судских справился с последним узлом и помог Севке сесть.

— Ну что ты... Это я.

— Мы сегодня уезжаем в Альпы? — спросил задумчиво Севка.

— Куда хочешь, сынок.

— Только без фамильярностей, — строго сказал Севка.

«Боже мой, что они с ним сделали! — с ужасом разглядывал сына Судских. Следы укусов на руках сливались в бурые наросты. Фиолетовые подглазья, выбритая голова. — Суки! Суки!»

— Пойдем наверх, — горестно вздохнул Судских, помогая сыну встать. Одежды не было, он закутал его в простыню.

Оперативники помогли Севке взобраться по ступеням трапа, усадили на диван.

— Я на лыжах покатаюсь? — спросил он ничего не выражающим голосом, ни на кого не глядя.

Судских кивнул.

Время размазалось напрочь.

Прибыли санитары и врач, который распоряжался деятельно, ни на кого не обращая внимания. Сделал укол, после чего Севку закутали в одеяло и унесли.

— Отравление наркотиками? — спросил Судских врача.

— Психотропы, — уточнил тот. — Психику парню сломали начисто.

— Это мой сын, — едва вымолвил Судских.

— Какая разница? — махнул ожесточенно рукой врач. — Эти падлы никого не щадят. Шестой случай за неделю.

— Дай закурить, — попросил Судских у Зверева. Затянулся несколько раз, повертел в руках сигарету и швырнул в массивную хрустальную пепельницу, стоявшую на инкрустированном столе.

— Пошли, Миша...

Ниже этажом как будто ничего не изменилось. Оперативники закончили обыск. На столике у входа Судских увидел пару дискет и какие-то бумаги. Сейчас он не придавал им значения и прошел прямо в гостиную.

По его лицу читалось, что он готовится к самому страшному. Взгляд Судских ничего доброго не обещал.

— Вы знали, что здесь прятали заложника?

— Я?... Боже мой...

— Кратко: да или нет? — едва разжал стиснутые зубы Судских. Вид Сунгоркина отвращал его.

— Да, — выдавил Сунгоркин.

— А кто он, знали?

— Да.

— А в кого его превратили?

— Да, — сжималась в размерах голова Сунгоркина.

Судских смотрел невидящим взглядом, проникая туда, в его пустую сущность, серую, с неприятным запахом.

— Я на лыжах покатаюсь? — молвил Сунгоркин бесцветным голосом. — Очень хочется. В Альпах сейчас приятно. Снег, солнце, девушки. Я люблю, когда лежишь, а они...

— Покатаешься, — оборвал его Судских и вышел прочь.

Его настойчиво требовал на связь Воливач. Судских не реагировал. Зверев как мог выручал шефа: он очень занят.

«Волга» двигалась в сторону Ясенево, и Судских меланхолично отмечал знакомый путь. Неожиданно водитель перестроился в крайний правый ряд, готовясь к съезду на боковую дорожку.

— Ты куда? — нарушил молчание Судских.

— Вы сказали, ехать в наш госпиталь, — недоуменно ответил водитель, повернувшись к нему.

— Я сказал?

— Так точно, — уверенно отвечал водитель. Охрана подтвердила.

«Вот ведь, — огорченно подумал Судских. — Я уже рас-
поряжаюсь методом телепатии. Включились аварийные цен-
тры? Правильно: ведь я должен обязательно заехать к сыну».

— Езжай. Извини.

«Если я смог отправить Сунгоркина к чертовой бабушке
в Альпы, вернуть сына в Россию обязан».

Уверенность вытеснила удрученность.

Его провели в палату Севки. Лежал он под капельницей,
глаза открыты и сосредоточенно смотрят в потолок.

— Каким-то препаратом ему не давали уснуть больше
недели, — шепнул лечащий врач. — Коллапса боимся, Игорь
Петрович.

— Уберите капельницу, — попросил тихо Судских. Врач
повиновался в замешательстве.

— Всеволод, — отчетливо сказал Судских и сосредото-
чился. Севка перевел взгляд на отца. Осталось возжечь ис-
кру. — Со швартовых сниматься!

— Зачем? — не понял Севка. В глазах появилась осмыс-
ленность.

— Ты старший помощник капитана или нет? — раздель-
но спрашивал Судских.

— Ты чего, батя? — заулыбался Всеволод. — Какая от-
швартовка? Разыгрываешь?

— Разыгрываю! — двинулся к нему, раскрыв объятия, Суд-
ских. — Чертяка ты мой!

Сына колотило в его руках. Теперь не божья искра буше-
вала в его теле, тепло отцовской груди переливалось во Все-
волода.

— Игорь Петрович, — засуетился лечащий врач. — Тут
нам надо пошевелиться. Сестра! Аминазин быстро! — И Суд-
ских: — Вы идите теперь, идите, все в порядке, тут не Гос-
подь Бог нужен, тут обычный теперь процесс, сейчас
выворачивать будет, но это нормально, так и надо...

Судских не стал смущать врача. Еще раз стиснув сына
за плечи, вздохнул облегченно и вышел. Теперь управятся
без него.

Перемену в нем Зверев встретил настороженно. Чудес не
бывает, но...

— Слушай, Миша, а девицу Гуртового допросили?

— Она что-то про Альпы несет, явно не в себе. Там сей-
час Бехтеренко. Девица пытается раздеться и...

— И?..

— Дать ему хочет. Святослав Павлович плюется, а она его умоляет, — рассказывал Зверев.

«Уподобиться призванию своему и неразумности поступков, обнажая помыслы свои», как сказано в трактате «Письмена сошедших с ума», который родился у братьев-францисканцев.

— Передай, пусть заканчивает. Толку не будет.

— А что произошло, Игорь Петрович? — недоумевал Зверев.

— Перекал свинцового зубила. Понимашь?

— Сложно.

— Обычный энергетический персбор, — отвернулся Судских.

— А где Гуртовой, Китайцев?

— Доставлены в Ясенево, как вы распорядились, — ответил Зверев, боязливо поглядывая на шефа. — Воливач дал команду перевезти к нам для допроса и отправить потом назад.

— Пусть ждут, — согласно кивнул Судских.

«Гуртовой знает многое, если не все, а Китайцев...»

У бывшего царя-батюшки набралась целая группа арапчат. Грешили направо и налево, каялись сугубо царю и втихомолку набивали собственные карманы. Они умело подпевали «во здравие», но пришло время спеть «за упокой», а они заигрались, посчитав себя взрослыми громилами. Им припомнили обиды, и арапчата поспешили исчезнуть. Не успели. Границы перекрыты, а дотошные журналисты умело травили раны обиженных арапчатами. Чиновники поспешно стучали на арапчат, подрагивая от скрипа дверей. За ними не шли из органов, и это пугало еще больше. Они спешили выговориться о радении дел Отечества под скупую мужскую слезу. По ним никто не плакал, разве что веревка.

«Так и быть, — мрачно усмехнулся Судских. — Одного Гуртового хватит, порасскажет многое».

За Китайцевым с Лубянки вышла машина, и тут выяснилось, что Китайцев распустил кальсоны, с которыми не расставался даже в июле, опасаясь геморроя, сплел из ниток жгут и повесился в камере, едва узнал, что его везут обратно к Воливачу.

На другой день все газеты поместили материал о самоубийстве Китайцева. Надо же! — изумлялись обыватели. Набрался-таки смелости! Хоть один добрый поступок.

Никто не собирался обвинять органы в преднамеренной расправе — кому нужен трепач, взлестевший до Кремля благодаря умению батюшки подбирать удивительных бездарей на государеву службу, чтобы царская семья оставалась неприкасаемой. Надсадив смолоду печень возлияниями, а сердце — прыжками в воду, он считал свои болезни царскими, всех дураками, а себя самого несменяемым венценосцем. Размечтался и помер. За гробом шли одни проститутки, у которых с кончиной царя-батюшки отбирали публичный дом напротив гостиницы «Москва». Горе для них было великим, но зарабатывать на жизнь приходилось, и они прямо на поминках присягнули на верность претенденту. А он их присягу не принял и снял со всех видов довольствия. Может, от горя повесился и Китайцев. Может, и кара божья. В России она быстра, только тяжеловато, медленно зреет.

«...И случилось так по смерти царя Бориса, что измельчали ранее престольные роды на Руси, а худые возвысились. Романовы и Захарьины, Юрьевы и Шуйские, невесть откуда пришедшие, тихой сапой богатели, меж собой затевали браки, лелея надежду великую захватить московский престол всеми правдами и неправдами. Правда была в смуте, которую они раздували в народе, неправды было много, отчего смута не кончалась. Уже никто не соблюдал царских законов и замахивался на законы божьи.

От брошенной искры пожар раздувался, влекомый сумятицей беспредела, и лишь славный воевода, молодой боярин Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, удалью своей и божьим заступничеством вознамерился унять пожар в земле Московской...»

«Стоп! — полистал рукопись к началу Судских. — Я остановился на Василии Первом...»

Он нашел это место и, пока выдавалась свободная минута в ожидании Гуртового, решил дочитать рукопись.

«...Батюшке своему князь Василий Дмитриевич поклялся сплотить державу вкруг Москвы, чтобы неповадно было казакам и ханам Золотой Орды не токмо требовать дань, но извести и семя казацкой вольности. Он подчинил себе Нижний Новгород, Муром, Вологду, и князя этих земель

присягнули ему в верности, крест целовали и руку великого князя Московского слушать во всем и вере христианской не изменять.

Галицкий и костромской князя, Псков и Великий Новгород наказа Василия Дмитриевича не приняли, отчего случился раздор, а когда сын Василия Первого, прозванный Вторым, венчался на великокняжеский престол, договорились меж собою первенства Москвы не принимать и волюницу свою защищать совместно. Казацкая орда к тому времени развалилась совсем, казаки ушли на юг в свободные земли, и подмоги от них Великий Новгород получить не мог, и Василий Второй стал навязывать свою власть тяжелой рукой, и лишились Псков и Великий Новгород свободного промысла.

Пошел Василий Второй на земли галичан с большой дружиной, и князь галицкий Дмитрий Шемяка договорился с костромичами, у которых князь был молод и неопытен, общей дружиной выступить против Василия Васильевича. В лета 6957 (1446) года Дмитрий Шемяка заманил войско Василия Второго в болото у Муромы, его самого захватил в плен, а войско бесчестил избием. В Галиче он возил московского князя скованным в цепях вокруг Кремля и потешался над ним очень. «Зачем ты позоришь меня, князь? — спросил Василий Второй. — Ужель тебе нет радости в том, что ты дружину мою хитростью одолел, а меня в полон захватил?» На это Дмитрий Шемяка ответил: «Ты хотел лишить нас воли самим избирать, с кем водиться и кому служить, каким богам разумением поклоняться? Так нет же тебе! Пусть орлами недолго проживем, зато не отбросами твоими кормиться станем в неволе московской! Лучше с казаками свободу малую делить, чем у тебя вечную темницу! А какова эта темница — познай сам!»

Так сказавши, он велел князю Василию глаза выколоть и отпустить восвояси.

На обратном пути в Москву у реки Болярки повстречался его печальному отряду волхв Знахарий, который облегчил страдания князя и обещал научить его видеть во тьме не хуже зрячего. Князь поверил и захватил с собой волхва и близких его. Только старая женщина, жившая в лесу, отказалась ехать. Князю доложили, и спросил он ее о своем решении, почему не хочет она землянку лесную сменить на град Московский?

«Хочу толковать с тобой наедине, — ответила она. — Я сама умею волхвовать и многое тебе готова поведать. Очень скоро возвысится тьма над светом, и ты причиной тому станешь, а тот, кто увлек тебя в тенета тьмы, будет властвовать во тьме и не пускать свет».

Князь Василий, которому полегчало от снадобий знахарских, подивился тому и спросил: «Не сын ли твой волхв, который обещал научить меня видеть во тьме? Зачем ты на него напраслину наводишь и чем он тебе не мил?» Она ответила: «Нет, он пришлый человек из далекой страны, силой взял мою дочь, у меня выведал тайны волхвования жизни земной и лечение хвори, а меня ослепил. Он княжеских кровей, но княжение его — зло, и быть твоему княжеству во тьме и крови 555 лет, пока не придет истинный поводырь. Будут победы и напрасные, будет горе и ненужное».

Так сказала она, и князь Василий рассмеялся: «Долгую жизнь сулишь ты моему роду, а горе мы переживем!»

По прибытии в Москву научил Знахарий князя свободно передвигаться незрячим, а князь крестил его, дав имя Сергия, племянницу свою за него отдал, держал при себе, возвысив до первых помощников. Тогда возмутились другие, благородных кровей, и повелел Василий, прозванный Темным, чинить верным людям сан особый по наущению Сергия — боярский, коли встренулись они на речке Болярке, сулившей, как говорил Сергей, удачу немалую.

За один поход Василий Темный сломил гордыню Великого Новгорода, казнил обидчика Шемяку и повелел после того называть себя Великим князем Всея Руси.

Перед казнью он ослепил Дмитрия Шемяку и спросил: «И как тебе теперь в темноте?» Ответил Шемяка гордо: «Плохо, но не от тьмы, только боль слепит. Так и вотчина, тобой созданная, будет корчиться в слепоте, отчего не пробиться ей к свету. И будь ты проклят во веки вечные за то, что спокойную тьму возвысил над яростным светом!»

После такого проклятия Василий Темный правил еще шестнадцать лет, а в княжестве налаживалось успокоение.

И сын его, Иван Васильевич Третий, правил тихо и смиренно, даже битва великая, как предвещалось, не была: в лета 6988 (1480) дружины Василия Третьего подошли к Угре, встретились там с казацкой Ордой, простояли друг против друга до белых мух и разошлись восвояси, долгим оказалось сто-

яние, только не отважились ордынцы нападать первыми, а князь Иван сказал: «Лучше худой мир, чем добрая ссора». Покорились ему безропотно ближние ордынцы, Тверь и Вятка, Пермь и Новгород. В землях этих князья не почитали более воеводские привилегии, а боярские, когда отвечать не за что, а судить от имени Великого князя сподручно по «Судебнику», который издал отец Ивана Василий Третий. От княжения такого простому люду становилось горше и горше, да еще поповская власть стакнулась с боярской и давила народ двойным спудом. Одной рукой запугивали попы властью великого князя Московского, другой — властью божьей на небе, и негде стало искать им защиты...

Было затишье на Руси, и казалось, оно пришло перед великой бурей. Нскогда славные роды русичей затмевались, а бывшие холопы Шуйские (бояре Хуйские) возвеличивались. Нарастало теснение между русичами истинными и пришлыми, который был народом с далей, нагл, пронырлив и безжалостен к русским святыням.

Когда Иван Васильевич был венчан на великое княжество уже не князем, а Государем в лета 7055 (1547) года, при малолетстве его управляла державой Рада, где сплошь занимали посты государевы Захарьины, Романовы и Шуйские. От имени «Государя Всея Руси» издавались указы, и сами они чрез многочисленную родню свою те указы чинили. Народ роптал сильно и много бежал в казацкую Орду, укрепляя ненавистью своей казацкую вольницу. В лета 7060 (1552) года уговорили Государя раз навсегда покорить Казань, последнюю столицу казацкую, чтобы навсегда лишить казаков оседлости, чтобы распылились они по весям, а городов не имели, чтобы не прельщались холопы их свободой.

И был тогда при Государе монах, который прилепился к царю неведомо, а попы его не задевали, потому что силу он имел внутреннюю, необычную. Звали его Пармен. Не задевали его — Захарьины и Шуйские благоволили монаху, но окрестили, дав имя при крещении Сильвестр. Был он великоучен, верно толковал христово учение, и разговоры шли, будто принес Пармен веру эту из Византии, сильней той, что укрепилась на Руси. Только подслушал тесть царя Ивана Роман Захарьин чудные слова монаха Сильвестра: «Надо ли уничтожать корни священной лозы, если плодами насыщаться можно, а на земле той вырастут тернии?» Царь Иван отвечал:

«Казаки мешают воле моей, тшятся вернуть прежний уклад и порядки». Видно, почуял Сильвестр присутствие подслушника и так ответил государю: «Когда бы род отца твоего пошел своим путем без ложных знахарей, быть тебе в дружбе с Творцом и в царствие божье вхожим». Как они говорили дальше, Роман Захарьин не услышал, спугнула сенная девка, которая несла им испить квасу, и он убрался. Только после того случая начались гонения на Сильвестра, перестали доверять ему Захарьины, Шуйские и Романовы, пошла о нем молва как о вольнодумце.

Покорилась Казань без большой крови, а через полгода воевода Федор Захарьин учинил в Казани побоище и около тридцати тысяч казаков с малыми детишками, женками и стариками перевешал, спалил в лесных завалах вместе с волхвом их Курагой. Перед смертью призвал волхв на голову Государя и приспешников его беды неисчислимы, где слова Сильвестра повторились: «Быть тому, кто корни священной лозы вырвал, несчастным в бытие, и ягоды лозы той вопьются в него, и род его и царствие прекратится за полчаса небесных до суда Божьего!»

Когда дошли слова проклятия до царя Ивана, огонь побрал его безжалостный, как тот, в котором горел несчастный Курага. И понял царь, что проклятие настигло его. Он метался в жару, гнал прочь ближних своих, принимал за демонов и только просил привести к нему Сильвестра. Увидев такое дело, Захарьины, Романовы, Шуйские стали присягать на верность сыну Ивана — малолетнему Дмитрию от Анастасии Романовой. Сильвестра же к Государю не допускали: у самой спальни караулил денно и ночью тесть Роман Захарьин.

Под утро дня царской седмицы Сильвестр сам пришел к опочивальне Государя и так сказал Роману Захарьину: «Не сторожи меня, смерд поганый, не тебе сдерживать меня, и не тобой я послан — волей Господа самого! Быть пророчеству Кураги, святого человека. Править роду твоему полчаса небесных, а на полный час и не замахивайся, а на жизнь Государя — тем более». Захарьин испугался крепко и пропустил Сильвестра. Что он сказал царю, он не услышал, но Иван Васильевич поутру выздоровел. Узнал он о том, что бояре присягнули сыну его Дмитрию. «Такова воля Всевышнего. Не противься. Уйди в мир, познай, каково

лозу корчевать», — сказал царю Ивану Сильвестр. Прознали о том бояре и не трогали Сильвестра.

Ушел царь Иван Васильевич из кремлевских палат, бродить по Москве начал бос и юродствовал о бедах неисчислимых, грядущих на Руси, ставшей великой снова после корчевания священной лозы. Блаженного царя не трогали, самые страшные обличения прощали ему бояре, как в царстве Израилевом прощали юродивых: сам дольше жить будет, дольше род Романовых проживет. Но поборы и власть свою Захарьины и Романовы ужесточили через опекунский совет, откуда иных изгнали и правили узким кругом.

Когда блаженный царь умер, не решились бояре упокоить его тайно и предать забвению: схоронили его у стен нового, освященного по византийским обычаям при стечении множества люда и назвали храм этот Покрова, после смерти блаженного царя — храмом Базилевса Блаженного, хотя строился он в честь взятия Казани. В народе перешептывались, что смерть Блаженного есть знак Божий о пришествии дьявола.

Волнение охватило всю Русь, потому что Захарьины, Романовы, Юрьевы и Шуйские, совсем отстранив законного царя Дмитрия от власти, для пресечения смуты учредили конную стражу, которая денно и ночью разъезжала по Москве и разрешалось ей по любому поводу хватать суесловных и убивать на месте. Прозывались те люди опричниками, а набирались они из родственников дальних родов Романовых и Захарьиных.

С кончиной царя Ивана Васильевича смута великая началась и страдания великие с нею».

Рукопись привела Судских в недоумение. Как же так, если верить ей, то не было и Грозного, прозванного так за жестокость, не было его гнусной опричнины? Что же тогда было на самом деле, кому верить?

Без Смольникова не обойтись — мудро рассудил Судских и позвал его к себе. Смольникова на месте не оказалось. Мобильный телефон не работал. Дежурный о его местонахождении ничего не знал. Полнейшее нарушение инструкций. Судских поморщился: исполнительный Смольников потерялся.

— Святослав Павлович, — связался он с Бехтеренко. — Куда подевался Смольников?

— Вы были в замоте, Игорь Петрович. Я отпустил его под мою ответственность к чертям.

— Куда отпустили? — переспросил Судских.

— К диггерам. К самым опытным. Он с ними договорился, и те обещали провести его подземельями Москвы. Они библиотеку Ивана Грозного давно ищут. Простите уж.

Судских оттаял.

— Прогулка на контроле?

— Можете не сомневаться. Люди надежные, а Воливач разрешил проход по запретным коридорам.

— Добро. Я почему звоню, Святослав Павлович: в некоей рукописи я вычитал, что царь Грозный и Василий Блаженный — это одно лицо. Как считаешь?

Голос Бехтеренко был смешлив, но уверен:

— Думаю, не глупости. Меня тут Смольников перед походом с диггерами обрабатывал довольно убедительно. Опричнину в самом деле ввели Захарьины и Романовы и царя они называли Грозным, чтобы последующие грязные делишки списывать на него. С первым царем из рода Романовых они велели переписать летопись Руси под себя, безжалостно уничтожили старые разрядные книги, где переписывались княжеские роды, чтобы возвеличить свой худой род.

— Экий ты легионерный! — усмехнулся Судских. — Может, и полчаса небесных трактуешь в интерпретации Смольникова?

— Убедил он. Прежде всего, изменив хронологию, и срок правления изменили. Запутали, так сказать, дьявола и получили божий глас. Якобы срок правления Ивана Грозного окончился в 1584 году плюс сюда половина дьявольского числа, в итоге — 1917 год. И само собой, под грозных правителей легче легкого списывать свои проделки. К примеру, Горбачев, а затем Ельцин по собственной бездарности натворили массу глупостей. Ельцин вообще беспредельщик, нарушил Конституцию расстрелом Белого дома. Думских он позже держал за шавок и делал что хотел. А списать эти грехи, как на опричнину, проще на Лебеда. Верить будут. Потому что бездари и ельцины в истории не задерживаются. Разве один Герострат только...

— Подтасовщик ты! — рассмеялся Судских. — Не лихо ли загреб?

— На то есть неоконченная рукопись Ивана Висковатого. В 1551 году царь Иван лично и тайно велел ему составить полную летопись и хранить после смерти своей с древними книгами. Вот откуда пошла легенда о библиотеке Ивана Грозного.

— И где она? — поскребла Судских ревность тонким коготком.

— Игорь Петрович, извините ради Бога. День вашего рождения завтра, хотели завтра и сделать подарок.

И порадовало, и защемило сердце от такой удачи.

— Откуда? — спросил он тихо, не веря удаче.

— У Гуртового обнаружили при обыске. Уже готовую к отправке с диппочтой израильского посольства. Обошли на полчаса.

— Спасибо за бесценный подарок, — от души сказал Судских.

В приподнятом настроении он решил позвонить домой. О сыне жена уже знает, но засвидетельствовать почтение надо.

Приготовленные ласковые слова утонули в ушате обвинений: какой он, к черту, отец, если сына чудо спасло, и не пора ли им вообще расстаться?

«И что бабам надо? — унимал испорченное настроение Судских. — Или мне одному такая злыдня досталась? Да и хрен с тобой!» — ругнулся Судских и набрал номер Любаши.

И под самый занавес насыпал соль на рану Воливач: брали Илью Трифа, а он улизнул непонятным образом.

Как можно улизнуть из опечатанной норки?

3—11

Алексей Первушин, командир диггеров, был самым выносливым в группе, но самым опытным, без сомнения, считался его тезка Алексей Перваков, отчего последний не стеснялся выговаривать Первушину за избранный маршрут движения. Хождение под Москвой — путешествие не просто опасное, оно неожиданное. Под бывшей Манежной площа-

дью Перваков отказался идти трубой Неглинки, и Первушин согласился.

Валерка, самый младший в группе, приставленный к Смольникову, шепотом пояснял ему:

— По Неглинке если, там неприятностей хватает.

— Каких? — тихо вопрошал Смольников.

— Можно за кабель оголенный ухватиться невзначай или в капкан угодить.

— А кто их ставит?

— Антидиггеры. Мы с ними воюем.

— Разговорчики в строю! — окрикнул Первушин и осветил в их сторону фонариком.

Третий час пути группа шла маршрутом, известным только Первушину и Первакову. Под ногами текла вода, если не выпадало идти участком по колено. Сверху постоянно капало, по стенам сочилось, влага буквально плавала в воздухе. Ржавые крепления не казались прочными, грозили рухнуть, и Смольников только удивлялся, как до сих пор не завалило все эти коридоры, переходы, тоннели, как вообще центр Москвы не провалился в преисподнюю.

Смольников по всем параметрам в диггеры не попадал, не будь просьбы органов и не снабди их сам Воливач картой, какую раньше диггеры в глаза не видели. Был он не приспособлен к утомительным переходам, обряда посвящения не проходил и клятвы не давал. Откуда у Смольникова такой опыт? Он привык корпеть над книгами в тиши кабинета, а не месить в однообразии жижу под ногами, дышать сырой взвесью. А так ли уж интересно упереться лбом в замурованный проход на пути, а шагок в сторону макнет в протекающие погадки по самую грудь. Но взялся за гуж... Опыт был у Первушина, у Первакова, группа равнялась на них, они без особых затруднений выводили подопечных в нужную точку и безошибочно называли место над ними.

Так-то оно так, но выходить к искомой точке приходилось чаще всего обходными путями, такими тесными и узкими лазами, что Смольников удивлялся, когда проход оставался позади.

— Кто это все понарыл? — ворчливо спрашивал он, и охранитель его жизни Валерка быстрым шепотом отвечал охотно:

— Этим ходам, Леонид Матвеевич, лет по триста, а другим и ста нет, зато страшные тайны за ними кроются. Мы вот идем известным ходом, а где-то тут неизвестная дверца скрывается...

— Опять болтовня? — окрикивал Первушин, чаще Перваков, и Валерка испуганно умолкал. Вылететь из группы диггеров проще простого, достаточно упрека старшего, и никто не заступится: есть клятва, она соблюдается неукоснительно.

Первушин объявил привал. Зажгли свечку и сели кружком.

Смольникова больше интересовали не конечные точки маршрута, а именно эти разговоры на отдыхе, когда Валерка с молчаливого согласия вожаков мог пояснять безбоязненно, о чем намеками общались на привале. Случалось, сами вожаки обсказывали непонятные вещи и тайны, от которых несло сыростью и жутью. Приходилось Смольникову самостоятельно разбираться, легенда или чистейший это факт.

Пожалуй, он понравился вожакам своей тактичностью и неприхотливостью, что у диггеров ценится особо. Ходить неспешно, говорить мало — основное правило. Даже когда Перваков спорил с Первушиным, это выглядело так: «Правей, Первак!» — «Взад! Верхом ходи!» — вот и весь диалог, весь уточненный маршрут.

— Ты чего там наплел чекисту? — без обиняков спросил Перваков у Валерки. — Пугал?

— Зачем пугал? — ответил за него Смольников. — Многие непонятно. Кто такие, например, антидиггеры?

Искушенные хмыкнули. За всех ответил Перваков:

— Тут шпана московская обосновалась, почитай, с прошлого века, а то и с позапрошлого. Многие ходы они прорыли, чтобы способней из одного места в другое добираться на свои малины. Многие лазы только к ним и вели, охранялись тщательно. Потом в первую революцию ходами завладели боевики, изгнав наверх фартовую мелочь. Боевики, как правило, были из эсеров, они чаще всего масонам присягали в верности. После второй революции ни шпаны, ни боевиков в подземельях не осталось, и чекисты поделили с масонами всю территорию. Не совались туда масоны, где чекисты сохраняли контроль, и чекисты к масонам в гости не ходили. На пулю нарваться могли с той и с другой стороны. А когда товарищ Сталин навел порядок на земле, он велел Берии

разобраться раз навсегда и со всем подземным миром. Это дело Берия поручил Кагановичу в тридцать третьем году, когда Лазарь Моисеевич возглавлял МГК партии. В тридцать четвертом Каганович отчитался перед Берией, а тот доложил Сталину, что под Москвой все спокойно. Лазаря Моисеевича повысили до Председателя КПК ЦК партии, а под Москвой появились антидиггеры.

— Когда еще диггеров не водилось, — хмыкнул Первушин.

— Как это? — не понял Смольников.

— Так Лазарь Моисеевич был первым масоном страны! — воскликнул Валерка.

— Помолчи, малой, — придержал Перваков и обратился к Смольникову. — Разве у вас не известно об этом?

— Я лично первый раз слышу, — улыбался Смольников, не зная, верить или принимать за шутку.

— Даже Берия, тоже масон, по ступеням иерархии подчинялся Кагановичу, — молвил Первушин.

— Зато Берия имел власть при Сталине большую и аккуратно пересунул Кагановича в наркомат путей сообщения, нашептав Сталину, что Каганович очень нужен с его талантами организатора на самом важном маршруте пятилетки — на железной дороге, — пошире объяснил Перваков. — Берии не хотелось делить подземку со своим шефом по масонской команде. Став полноправным хозяином подземелья, он контролировал организацию независимо от Кагановича.

— Ну и ну! — продолжал удивляться Смольников. — Как это все надо понимать?

— Очень просто, — пояснил Перваков. — На поверхности от глаз чекистов и родных советских стукачей ничего не спрячешь, а вот под землей все, что угодно. Пусть у вас там считают, — говорил он независимо, — будто вы держите под контролем каждый проход и переход, а на самом деле только третью часть. Если только третью. Спросите Воливача, почему он к нам за помощью обратился, когда Лужковский центр на Манеже строили?

— Понятия не имею! — старался сохранить шутливый тон беседы Смольников.

— А потому, что срезались два главных прохода к Кремлю, — довольно ответил Перваков. — А мы ему два других

показали. А еще спросите, почему он секрет вертушки так и не смог разгадать. И так и эдак к нам подбирался...

— Не задирайся, Первак, — осадил Первушин.

— Заикнулись, чего там, — ободрил Смольников. — Хотите, можно спросить.

— Вертушка под Неглинку уходит. Наших трое ушло, и никто не вернулся, — кратко ответил Первушин.

— А чекистов с десятком, — завершил веско Перваков.

— Но почему? — не успокоился Смольников.

— Газ там, — влез Валерка, рискуя получить подзатыльник, и боязливо посмотрел на Первакова.

— Нет там никакого газа, — отмахнулся Первушин. — Ходили в защитных костюмах, дышали через «идушки», а больше ста шагов не сделали. Возвращались в страхе и в жутких корчах умирали, ничего не успев сказать. Паралич речи, — объяснил Первушин.

— И никакой библиотеки Ивана Грозного здесь нет, — опять самодовольно подытожил Перваков.

— А по нашей карте? — не потерял надежды Смольников. Перваков с Первушиным переглянулись.

— Попробуем, — сказал Первушин. — Книг мы там не найдем, это верно, а интерес есть. Хорошая карта, — позолотил он пилюлю для Смольникова.

— Пошли, — скомандовал Перваков, и группа дружно поднялась. Свечу задули, включили фонарики.

Вышли к трубе Неглинки, и Валерка шепнул Смольникову:

— Там этот страшный ход...

— Но Первушин не повел группу прямо, а свернул в боковое ответвление? — на свой страх и риск спросил у Валерки Смольников.

— Тихо! — шикнул Валерка.

— Смотреть! — напомнил Первушин, и движение замедлилось.

У перегораживающей ход решетки оно остановилось.

Замок, запирающий решетку, был несложным висячим амбарником, чистым и покрытым слоем технического сала. Перваков запросто отпер его отмычкой. Внушительная связка ключей и отмычек на его поясе говорила о многом: и о дверях, которые попадают часто, и о дверях, которые отпирались часто...

Все вошли. Перваков запер решетку с обратной стороны.

Путь был сух. Здесь словно поменялся климат — и суше, и теплее, и, особенно что отметил Смольников, тише.

— Над головой центральное отопление Кремля идет низко, — шепнул Валерий. Он вел Смольникова за руку и указательный палец держал наготове.

Через десять метров остановился Первушин, и остановились все. Узкий лучик его фонарика шупал проход. Разложив карту на коленях, Перваков водил пальцем по сети ходов. Когда он упирался им в определенную точку, Первушин соглашался и кивал. Ни единого слова не произносилось.

— Мы у Кремля? — в самое ухо Валерки шепнул Смольников.

— В обратной стороне, — так же в ухо ему отшептал Валерка. — Здесь в старину Приказ Висковатого находился...

Сложив карту, Первушин махнул рукой. Диггеры двинулись за ним. Прошли не более пяти метров.

— Здесь, — сдавленно сказал Перваков.

Группа скучковалась поодаль, а Перваков с Первушиным стали ощупывать стену.

— Вот она, — тихо сказал Перваков. — Веришь ли, Аляха, я так и думал. Заветная дверца...

Он выбрал нужную отмычку, тщательно примерился и вставил ее в неприметную щель. Щелкнуло раз, другой... Ничего не произошло, стена осталась стеной.

— Запор сверху, — подсказал Первушин. — Как на Стромынке, наклонный профиль.

Посветив фонариком выше, Перваков кивнул:

— Есть...

Подошла та же отмычка.

— Держать всем! — сдавленно произнес он, и группа диггеров, разделившись, припала с боков от Первакова.

— Отпускай, — скомандовал он и отошел в сторону.

Дверь отделилась верхней кромкой и медленно стала опускаться подобно висячему мосту. За ней Смольников различил натянутые цепи, смазанные и явно новые, на противовесах.

— Ваше тут хозяйство, — бросил Смольникову Первушин и первым шагнул внутрь.

За дверью метра на два вниз уходили каменные ступени. Оттуда пахнуло сухим спертым воздухом. Опустившись, Первушин махнул остальным. Свет фонарика на каске Первушина сразу не дал Смольникову увидеть, куда он ведет, а когда все

лучи на касках направились в одну сторону, перед ними открылся ход в человеческий рост, наклонный и тесный.

Смольников шел почти вплотную к стенам. Кургузая диггерская роба шаркала по камню. Что там впереди, что сзади, за спинами диггеров, он не различал. Дышать становилось труднее с каждым шагом. Ощущения не из приятных.

Неожиданно пространство расширилось. Диггеры очутились в кубической формы помещении. Первушин, пришедший первым, сидел на корточках у стены.

— Пришли, — констатировал он.

Смольников огляделся.

— А по карте?

— По карте тут синкоп, смещение пути, — пояснил Перваков, — а сам путь над нами.

В свете фонариков все увидели отчетливый квадрат на потолке помещения.

— А открывается он с той стороны, — добавил Первушин. — Мы уже попадали в такие штучки.

— Как же быть? — озабоченно спросил Смольников.

— Пирамиду строить, — хмыкнул Перваков. — Выносили вниз, кто каши мало сл, наверх. Валерка теперь главный. Сможем открыть, попадем на верхний горизонт. Вот там наша нога еще не ступала.

— А куда он выводит? — расспрашивал, пока была возможность, Смольников.

— Одним концом в метро «Маяковская», а другим прямо к Боровицким воротам. Так на вашей карте значится, — ответил Перваков. — Давай, громодяне, строиться...

Смольникову отвели место внизу пирамиды вместе с Первушиным, на их спины взгромоздились другие, и на самом верху сопел Валерка. По его пыхтению Смольников догадывался о сложном процессе вскрывания крышки. Прошло минут пять, конечности затекли, пока все не услышали:

— Так она на «веслах».

— Кто она? — сдавленно ответил Первушин.

— Да крышка!

— Так подымай.

— Подымаю...

При этих словах вся пирамида заколебалась, каждому обязательно хотелось увидеть сам процесс попадания в неизвестный проход, но Первушин беззлобно скомандовал:

— Стоять. Лезь, Валерка...

Пахнуло сверху сладким и противным одновременно. Охранитель Смольникова выбрался наверх, и только потом Первушин разрешил разобрать пирамиду. Все ожидали веревку с узлами, как уже слышал Смольников ее название — шкентель с мусингами, а Валерка не появлялся.

— Валерка! Заснул? — окликнул Первушин.

Лучи лампочек уперлись в квадратную дыру. Наконец оттуда свесилась его голова.

— Тут покойничек. Свежий...

— Ого! — невольно воскликнул Смольников.

— Тут и скелеты водятся, — без эмоций пояснил Перваков. — Давай шкентель и спускайся, обсудим.

Ему помогли спуститься. Глаза горели, из груди перла тайна.

— Там чудак лежит, пушка в кобуре! — выпалил он.

— Ты лучше про горизонт расскажи, — осадил его Первушин. — Это каждый день в газетах есть.

— Нормальный ход, прямой. Чистый в оба конца, сколько фонарик достает.

— Тогда подались, — определился Перваков. — Алеха, лезь первым, товарищ чекист передо мной, я замыкаю.

По шкентелю дигтеры выбрались сноровисто. Смольников постарался не упасть в их глазах и ждать себя не заставил. Когда выбрался последним Перваков, все уже сгрудились перед лежащим покойником. Труп перевернули лицом вверх. Приличный костюм, в каких по подземельям не бродят, белая рубашка, галстук, дорогие туфли. Слева под пиджаком открытая полукобура. «Стечкин». Лицо гладко выбрито, спокойное, модельная стрижка. Дырочка без крови в левом виске.

«Как его сюда занесло? — соображал Смольников. — Не в уличный же люк свалился...»

— Чей-то охранник, — резюмировал всезнающий Перваков, принимаясь обшаривать карманы покойника. Во внутреннем кармане пиджака оказались портмоне и электронная записная книжка. С ней Перваков возиться не стал, а портмоне обшарил основательно.

— Пятьсот баксов, триста рублей, — перебирал он содержимое, — мастер-карточка с золотым обрезом... Все как будто.

— Нет, не все, — вмешался Смольников и сначала вынул авторучку из небольшого внутреннего карманчика, прочитал

золоченую надпись: «Интерглобалбанк». Самое нужное. Это охранник Ильи Трифа. Я знаю его.

— Как его сюда занесло? — недоумсвал Первушин. — А не банкир ли ваш драпанул?

— Выясним на поверхности, — односложно ответил Смольников. О фактах, известных ему, распространяться не стал. Никто не возразил: в данном случае чекист знал, что говорил. — Пошли дальше? Этот пусть здесь дожидается...

Около тридцати метров тоннель шел прямо и затем почти под прямым углом сворачивал влево. Сырость на кладке стен отсутствовала.

— Где мы приблизительно? — спросил Смольников.

— В районе Звездинского переулка, — ответил Перваков. Авторитет Смольникова заметно повысился. — Если библиотека Ивана Грозного существовала, где-то здесь размещалось ее потайное хранилище. Тут размещался Архивный приказ Ивана Висковатого. Мы под ним.

Продвигались по тоннелю очень медленно, внимательно осматривая стены. Перваков, Первушин, двое диггеров группы, только Валерка держался рядом со Смольниковым, памятуя наказ командира.

Про эпоху царя Ивана Смольников сам мог порассказать преизрядно, знал любопытные тонкости, но предпочитал скрывать свои знания. Зачем красоваться? Пусть они поведают ему неизвестные детали, тогда можно соединить сведения в одно целое. Для него не было секретом, что история времен Ивана Грозного переписана начисто в угоду Романовым. Из-за истины казнили Висковатого. Если он сохранил летопись, Романовым мало не покажется. Хотя... Подтасовками полна вся мировая история. Всем хотелось быть удивительно благообразными, хоть в наше, хоть в былое время.

Во-первых, царь Иван Васильевич никогда не был грозным, грозной была эпоха передела Руси, когда династию Рюриков и Орды сменили Романовы. На Ивана Васильевича списали все потрясения, казаков объявили беглыми холопами. Простенько? А правила Романовы со вкусом, со всеми европейскими королями породнились. Вот, мол, какие мы древние.

Жизнь Ивана Васильевича закончилась религиозными смутами, потрясением от рассказов Сильвестра и уходом в народ. Жена у него была единственной и трое сыновей от нее. Кстати,

Церковь запрещала венценосцам жениться в четвертый раз, подобные браки считались незаконными. Получалось, Романовы, выдавая себя за ближайших родственников, могли претендовать на царский престол, списывая ими развязанную кровавую смуту на Грозного. Поэтому три последних царя объявлялись ими незаконными. Возмущенная самоуправством Романовых боярская знать не желала смириться и ставила на родственников матери царя Ивана, Глинских. Они создали свою раду управленцев, поставив над ней Адашева.

И не случайно именно Висковатому царь Иван поручил писать подлинную летопись и схоронить ее от алчных родственников его жены Анастасии Романовой: у Ивана Висковатого были свои счеты к Романовым и Захарьиным — убийство двух братьев Висковатого. А в том, что Висковатый будет правдив, Иван Васильевич не сомневался: Висковатый не принял крещения и оставался приверженцем древнего благочестия...

За поворотом они сразу уперлись в массивную решетку, — Руками не трогать! — предупредил Первушин, надевая резиновые перчатки.

Решетка перекрывала ступени лестницы, ведущей наверх. Замок состоял из трех сложных запоров. Повозившись с ними, Перваков распахнул решетку.

Лестница выводила к люку над головой. Крышка легко поддалась нажиму плеча. На диггеров пахнуло свежим воздухом. И не важно, что им предстояло еще идти и идти по коридорам подземелья, хотелось все же выбраться прямо на улицу.

— А метро? — недоуменно огляделся Смольников. Они попали в помещение, напоминавшее покинутое до этого.

— Без окон без дверей, полна горница людей. Это и есть метро, — сострил Перваков.

— Ход в метро замурован, — пояснил шутку товарища Первушин. — Смекаете, гражданин начальник? — указал он Смольникову на люк в потолке. — Выход перенесен сюда.

Немного подумав, Первушин скомандовал:

— В пирамиду стройсь!

На этот раз верхним взгромоздился он сам, опытным глазом прикинув, что крышка просто так не поддастся. Так оно и вышло. Минуты три он возился с запором, потом нажал плечом, и крышка сдвинулась с места.

— Напряглись, громодяне! — предупредил он диггеров и сильнее нажал плечом на крышку, и та отъехала наконец в сторону. Не мешкая Перваков выскочил наверх, как пробка шампанского. — Вылезайте... Ох, мать твою...

— Выходить по одному, стреляю без предупреждения! — услышал Смольников знакомый голос. Находясь в нижнем ярусе пирамиды, он ничего не видел, но голос мог принадлежать только одному человеку в мире.

— Миша! Зверев! Здесь Смольников! — натужно прокричал он снизу. — Смольников здесь!

Когда его вытянули наверх, он зажмурился от яркого дневного света. Открыв глаза, Смольников увидел просторную, шикарно обставленную комнату, диггеров и Зверева с оперативниками. Ковер был повернут в сторону.

— Вот так метро... — протянул он удивленно. — Куда это мы попали? — оглядывался он.

— Квартира Ильи Трифа, — обнимал его Зверев. — Привет путешественникам.

При таком раскладе диггеры взбодрились, заговорили, заспорили, оглядываясь на Смольникова. Он поднял руку, призывая к тишине. Умолкли все.

— Миша, там внизу убитый охранник Трифа. Сам не иначе как драпанул.

— Драпанул, — подтвердил Зверев. — Мы и не подозревали, что в этой его квартире есть подземный ход. Стерегли птичку, а уполз червячок. Охранник скорее всего пришел низом. Велось только наружное наблюдение.

— Теперь ищи-свищи, — поддакнул Перваков. Ему авторитет не позволил остаться в стороне. — Ушел он в обратную сторону и выбрался у Библиотеки Ленина. А искать библиотеку Ивана Васильевича, по-моему, бесполезно, — заключил он.

— Не все потеряно, столько еще мест надо обследовать, — не сдавался Смольников.

— Нет, Леонид Матвеевич, — твердо возразил Первшин. — Она если и находится где-то в переходах, то замурована тщательно. Опять же: ход этот рыли при Иване Грозном с одной целью — уносить ценные вещи, а в Приказе Висковатого хранились всякие интересные документы, а может, и золотишко. Особый этот Приказ был. Опричники Романовых особенно охотились за этими бумагами. Читал, знаю.

— Проблематично согласиться, — вмешался Перваков. — По новой хронологии сын Грозного Дмитрий умер в 1563 году. На царство пришел второй сын Грозного, малолетний Иван, воспитанный под присмотром Романовых. Новый опекунский совет оттеснил Адашева и Глинских, правил узким кругом. Тогда же Романовы и учредили опричнину, развязав террор против боярских родов. Висковатого казнили в 1570-м. Захарьин-Юрьев казнил, он командовал опричниками. Но не расправа с боярами была причиной террора: в 1563 году до Москвы добралось решение Вселенского собора, подтвердившего право московских правителей на царский титул. Именно этого дожидались Романовы. Оно развязало им руки, тут они ждать дольше не стали.

— Верно, — подтвердил Смольников. — Адашевых, Милославских, Глинских вешали и четвертовали без числа с согласия Церкви, в этих домах не хотели принимать христианство.

— Собор о белом клобуке! — перехватил инициативу Перваков. — До этого собора клобук имел право носить только митрополит Новгородский, а с 1567-го и Московский, роль Новгорода принижалась. А в 1567 году непокорный Новгород разорили начисто. И опять с благословения московской церковной верхушки — митрополит-то был их, из Шуйских! В том же году убили последнего претендента на власть по прямой линии князя Владимира Старицкого из Золотой Орды, а Захарьин-Юрьев казнил прилюдно митрополита Новгородского Филиппа и Казанского архиепископа Германа. Вот какие делишки водились за Романовыми, к власти по трупам шли, при них на простой люд хомут надели.

— Я что-то обалдел от всего этого, — подал голос Зверев, — не знаю, но нам со школьной скамьи твердили, что опричнину учредил Иван Грозный. Малюта Скуратов, Грязной...

— Годы другие! — опередил всех с ответом Перваков. — Тут самая вонючая собака зарыта, именно она на совести Романовых. Для чего бойня затеялась? Изводили под корень ордынскую династию, убивали соперников! Разорив Новгород, они разворошили ордынский улей — те союзниками всегда были у новгородцев. С востока началось сопротивление московской власти. В 1571 году казанцы, крымцы и астраханцы вошли в Москву, и царь Иван дал деру. В Лондоне хранится его письмо с просьбой предоставить ему полити-

ческое, как говорится, убежище. Царь Иван, но не Грозный подписался. А как навалились казачки, началось известное «Московское дело». Пришла другая опричнина, ребята из древних уважаемых родов, ее и возглавили Скуратов и Грязной. Тогда и покатились головы ненавистных Романовых и иже с ними. А когда Романовы дорвались наконец до власти, они переписали русскую историю, взвалив свои грешки и мерзкие делишки на опричников Ивана Грозного. Понял, малой? — потрепал он по затылку внимательно слушающего Валерку.

— Ничего не понял! — покрутил тот головой. — Кто тогда правил страной?

— Симеон Бекбулатович! — в три голоса ответили Перваков, Смольников и Первушин. — Еще один царь, который правил в годы, приписанные правлению Ивана Грозного.

— Татарин? — осведомился Зверев.

— Какой там татарин! — возразил Перваков. — Казак! Все мы татары, коли так считать. Был Симеон главой Земской думы и царского происхождения. Романовы трактуют историю, будто Иван Грозный впал в шизофрению и правила за него Рада. Симеону, которого выдают за Грозного, было тогда семьдесят лет, и на портрете якобы Ивана Грозного старый мужик изображен, а Грозный-то был тогда молодой! Так и пишут, будто бы он одряхлел в одночасье, ему врачей специально подыскивали в заморских странах.

— И царевича Иван Грозный не убивал, — дополнил Смольников. — Документы тех лет доказывают.

— Ой, ребята, всю историю вы с ног на голову поставили, — ухмылялся Зверев.

— А думаешь, Борька-алкаш, став царем, не переписывал бы историю? Ради Лени Брежнева весь путь 18-й армии переписали. Цари любят из себя героев и праведников корчить, а на самом деле засранцы не приведи господи! — вмешался острый язык Первакова.

— Тогда кем был Борис Годунов? — спросил Валерка.

— Царем был, — ответил Смольников. — Понимаешь ли, были две правящие династии: одна велась от Ивана Четвертого, другая — старая ордынская от Симеона. Его сын Федор правил и внук Борис Федорович с фамилией по матери Годунов. Вполне законный царь, которого Романовы тужились выдать за пришлого человека.

— Чем это доказано? — не верил запутавшийся от потока противоречивой информации Зверев. — Существуют подлинные документы, которые незаконность его правления доказывают.

— Очень просто, Миша, — объяснял Смольников. — Историю и документы эти составили Романовы, чтобы доказать законность своего пиратства. Однако существуют и другие документы, которые переписать они не могли. Иностранные. По донесениям послов из Москвы, купцов, путешественников, Борис Годунов продолжил преследование Романовых, обвинил их в государственной измене, разгромил партию Романовых — Захарьиных в Думе. Вот всех собак они и повесили на Годунова, а себя изобразили борцами за свободу и справедливость, мучениками за святую Русь. Вراки!

— А как же Пушкин со своим «Борисом Годуновым»? — не терпелось Валерке.

— Он, дорогой мой юный друг, жил в эпоху Романовых, а против ветра не плюют, — пояснил Перваков, а Смольников добавил:

— Пушкин переписал трагедию заново по личному и тайному распоряжению государя императора. Будучи большим хулиганом во всем, Пушкин противиться не стал. Но между строк читается очень многое, не высказанное открыто. С царями не забалуешь.

От заинтересованной беседы всех оторвал писк мобильной рации в кармане Зверева. Умолкли. По лицу Михаила читалось: он получил разнос от начальства. Отвечал односложно.

— Кто? — дождался окончания разговора Смольников.

— Святослав, — уныло ответил Михаил. — За Трифа разнос... Так, ребята, закончим. Двоим забрать труп в подземном ходе, и к себе. Вы с нами уходите? — обратился он к дигерам.

— Нет, прежним путем, — ответил Первушин. — А вы, Леонид Матвеевич?

— Я с ребятами, — не хотелось Смольникову снова блуждать в сырости подземелья. — Да и время к ночи идет, — оправдывался он, хотя было около семи часов вечера...

«День кончался трудно. Тягостный от неведения и суматошный от смеси многих событий. В слюдяном оконце сеной полоскались отблески московских пожаров...» —

литературной фразой думал Смольников, выстраивая впечатления от подземного похода в рассказ. Он обязательно хотел написать о далеких временах, подлинно и серьезно.

Действительно, день был трудным и Москва горела. Жгли усадьбы Глинских, Годуновых, Милославских, тех, кто был оплотом царя Ивана Васильевича. Недавно отстроенным, им не довелось надолго пережить своих хозяев.

Иван Висковатый дожидаться не стал, когда в двери Приказа вломятся опричники. Его не пощадят. Велел двум дякам готовить книги и рукописи в дорогу, спускаться в подземелье. При себе оставил незаконченную рукопись, засунул ее под нижнюю рубаху, крепче затянув пояс.

Спускался последним. Покряхтывали под тяжестью сундука дяки, пламя свечи плавало восковыми слезами в руке Висковатого, фитилек валялся на сторону.

Тимоня и Векша дожидались его, пока он опустит крышку лаза. Пропустили вперед. Молчали.

Этот лаз начинали тайно рыть по приказу Ивана Васильевича, закончили с год назад, тотчас отправив копателей в Родню под Псковом, подальше от глаз Шуйских.

«Вот и пригодился ход, — невесело думал Висковатый, тяжело ступая по мощенному камнем полу. — И сколько еще надобиться будет...»

Он присягал царю Ивану спасти в худой час древнейшие книги, летописи Рюриковичей, разрядные книги. Скоро пришел неровный час. Всего нехватишь, а унесенное еще донести надо...

— Стой, Тимоня, — сказал, тяжело дыша, грузный Висковатый. — Стой здесь.

Когда копали ход, измыслил он тайники закошелить. Перед одним остановились сейчас.

— Подымай камень, — носком узорочьего сапога указал боярин. — Нож возьми, я присвечу...

Тимоня, орудуя казачьим широким ножом, выдрал камень из гнезда. Векша помогал. В нишу под ним уложили половину груза из сундука. Самое ценное понесли дальше.

За поворотом хода остановились снова. Почему ровный ход завернули — камень небесный лежал здесь испокон веку, черный и зловещий, каленый топор от него тупился с первого удара...

— Здесь, — сказал он, дождавшись дяков. — Вот она...

Ниша покоилась в стене, и камень, закрывающий нишу, добыли сразу. Пожалел Висковатый, не вошли все книги. И о другом пожалел, неладно стал камень на место, щель видится.

У выходного лаза он подсвечивал себе долго, искал одному ему ведомое. Передал свечу Векше и нагнулся низко.

— Подсвети сюда. Кольцо тут...

Он нашарил кольцо, потянул с кряхтением... Ойкнул Тимоня, свеча выпала из рук Векши, свалился Висковатый — так быстро случилась неожиданная встреча: из боковых ниш выступили четверо в сутанах, с капюшонами на головах, хрястнули дубины, ломая шейные позвонки пришедших.

— Здешь-таки, — донеслось злорадное из-под одного капюшона. — Висковатого наверх, дьяков добить и замуровать в ниши. А что до этого упрятали, мне доставить.

Каменная плита медленно опустилась под тяжестью противовеса, пахнуло сыростью снаружи...

Смольников прибыл в Ясенево, а его друзья-дигтеры только-только добрались до каменной двери с противовесом.

— Выходим, — скомандовал Первушин. — Завтра вернемся. Валерка, пометь кладку. Нелепая она какая-то, надо будет присмотреться завтра.

Валерка послушно присел у чуть задранного камня, помечая в блокноте с маршрутом нужное место, остальные ушли вперед, когда дробно замолотили несколько автоматных стволов. Вскрикнул Перваков, застонал Первушин. Валерка сорвал с каски фонарик и сжал его на груди. Ему показалось, что он уже никогда не поднимется с корточек.

— Выходи, сучонок! Застрял? — услышал он зычный окрик и рванулся, выпрямляясь на бегу, в обратную сторону.

Пули вжикали по камням стен, сердце рвалось, опережая ноги. Подняться сил не хватало, но надо, надо! Собравшись для рывка, подтянул ноги, как в низком старте. Спасительный поворот рядом...

Кривая пуля рикошетом от каменной кладки ужалила в шею, он снова упал, зажимая перебитую вену, дико сохло во рту, надвигались потемки.

— Добей, — сказал кто-то над ним.

Расширенными глазами видел Валерка черный капюшон, который склонился к нему, и блеснувший нож.

На вороном жеребце, картинно подбочнясь, в Москву въезжал тушинский победитель, восвода Михаил Васильевич Скопин-Шуйский. Скоморохи дудели в дудки, трещали पिщальники, визжали рогожные девки, шумели хлопцы, отпущенные поглазеть на рязанскую дружину по случаю праздника. Дружина входила под изукрашенную арку на тверском спуске.

Было с чего праздновать: князь Скопин-Шуйский изгнал из Тушина «невсамodelьного царя» Дмитрия, тем кончалась смута, изнуравшая народ. Бояре на радостях выкатили на улицу пиво и меды в бочках, щедро поили водкой и вином — разливанное море пенилось и бурлило, гуляй, народ, не поминай лихом, вот они, победители наглого самозванца! Михаил Васильевич, молодой и пригожий, ощущал на себе ликование, словно в солнечных лучах купался, отчего и молодец.

Полюбили его москвиты!

Разухабистая девка кинулась к нему сквозь заслон рынд с распахнутыми руками, кокошник набок свалился.

— Люб ты, князюшко! — возопила она.

Жеребец всхрапнул, князь свесился с седла, сгреб одной рукой девку и поцеловал в засос. Только и успел заметить выгнутые, крашенные сурьмой брови и ошалевшие от привалившего счастья глаза.

— И ты ништо, — опустил ее на землю Скопин-Шуйский.

Опустил и забыл разом. Соболью шапку набок сбил, опять картинно подбоченился и перехватил злой взгляд сидящего прямо на земле нищего в веригах.

— Чего осмуренный? — подмигнул ему князь улыбочиво и по-доброму. — Радуйся, дедка!

— Дуракам праздник, — ощерился нищий и, толкнувшись руками, быстро убрался за спины гомонящей толпы. Рынды не заметили старика, крамольных слов не услышали, а они довольного князя по сердцу не корябнули. Вороной жеребец перебирал заученно красивыми ногами по проходу к Боровицким воротам.

— Ишь какой картинный! Красавец у тебя племяш, — скопился на стоящего рядом боярина Федора Шуйского дум-

ный Михаил Романов. Встречающие бояре полукругом стояли на въезде.

— Ништо, — польстило Шуйскому. Бороду огладил и голову задрал повыше.

— А в Кремль прет, — подтолкнул его в бок думный.

— Ку-у-да ему, — процедил Шуйский, но подначка заела.

Призвал он своего племянника с Рязанщины два года как. Считал деревенщиной неумытой, а тот обтесался быстро, в ратном деле толк поймел и в воеводы вышел за полгода. Бабам нравился, на пиру не хмелел. Теперь вот славу за хвост поймал, возгордится теперь...

Сам он, боярин Федор Шуйский, дальней родне выделил уезд Скопин, откуда черпал себе помощников верных и дружинников. Чего уж там. А обидно.

Коварный хитрец Михаил Романов поглядывал на Шуйского с прищуром и считывал утасненные мысли с лица Шуйского.

— Куды ему, — зло процедил Шуйский, изготовившись к парадной встрече дружины.

Романов тож недолго упивался расстроенным видом боярина, больше заноза беспокоила своя — как бы дружинники пришлые не учинили разор в сердцах москвитов, как случилось то, когда повесили на Спасских воротах «воренка», сына ненавистного Лжедмитрия. Не поверил тогда люд Романовым: заезжие новгородцы смуту подняли, законного, мол, наследника убили и незаконно потому избрание боярина Михаила Романова на трон. Поляки по всей Европе рассылали «прелестные письма», где называли царя Михаила Федоровича вождем Федоровичем, великим князем — и только. Ненастоящим то есть. Пришлось уступить Шуйским, венчать на царство Василия из Шуйских, зато патриарший сан достался Федору Романову. Пока еще разжуют Шуйские, в какую фигу выйдет им патриаршая митра на голове Романова... Не видать им оттого царского престола во веки веков.

Дорогим и желанным гостем встречали воеводу Скопина-Шуйского, а многим виделось — хозяин едет. Умен и весел, силен и ласков — такого бы царя! — перешептывались меж собой Глинские, Морозовы, обиженные Захарьиными, Шуйскими, Романовыми. Неладно с нынешним царем и с изгнанным неладно. А — ладно! Слава победителю!

Москва веселилась на славу.

Дубовые столы в царских палатах уставлены снедью густо, вином обносят постоянно, ковши и кубки в руках гостей, воевода Михаил Васильевич рядом с государем, который ласково принимает его и шепчет на ухо веселые слова.

Заерзал на своей скамье боярин Михаил Романов: очень близко подпустили к трону молодца, негоже Шуйских с Шуйскими усаживать, иначе псу под хвост такая долгая и кропотливая работа, уплывет царство из рук...

Качнулся к соседу, боярину Федору Шуйскому, и спросил сладчайшим голосом:

— А что, Федор свет Васильевич, кронсцкие земли отпишут-то к монастырям? Государь так решил.

Хлестко получилось. Запыхтел обиженно Шуйский, занозил его Романов. Земли эти почти как ему принадлежат, а патриарх Филарет глаз на них положил.

Переборол себя Шуйский, со вздохом ответил, лица не поворотив к Романову:

— Что ж делать-то? Значит, отпишут, — пробубнил он, замочив бороду в мальвазии, до которой шибко охоч был.

— А вот как нет? — намекал Романов.

— Нет так нет, — соображал Шуйский. — Говори, коль нет.

— А сдюжишь?

— Крест кладу.

— А как вот, ежели племянничек твой глаз на твою женку положил?

— Не замай! — сверкнул глазом Шуйский. Еще одну занозу всадил в него Федор Романов.

Год назад укрывал он от поляков Дмитрия в деревеньке своей Морщихино и этого Романова приютил с домочадцами, а сам он, как перст, сенных девок в Морщихино не захватил и маялся по мужскому делу и женат не был. Подглядел в бане постельничную Ирину Романову и стомился. Будто зуд в голову ударил, только овладел Ириной прямо в баньке и зад о раскаленный камень ожег. И не разговелся толком. Но смутила его постельничная крепко: телом сбитна, распущенная коса до полу, бедра с наплывом и груди розовые. Снова решил пристроиться где, как зад заживет. Туда-сюда, с месяц прошло, Михаил Романов ответа с него потребовал — забрюхателя девка. Вот те на! — одурел Федор, девка-то сродственница самого Филарета! На Раменья окрутили. А тогда и выяснилось: ничего он не порушил тогда в баньке, стало быть,

никакой беременности нет. Только стал он у Романовых вроде потешного, бесприданницу за боярина выдали. Ели, пили, отсиживались в смуту, еще и негожий товар сплавил. Впрочем... девка хороша, слов нет, но кочевряжится: то голова болит, то от него чесночищем несет. Складно породнился с Романовыми на их потеху. Сразу норов Ирина в замужестве показала... А слухи ходят, будто с воеводой Никитой Захарьиным до него путалась и с братом его, вроде и нынешний победитель уже побывал... Ох, Господи...

Обидно боярину.

— Да не сердчай, сродственник! — толкнул в бок Романов. — К делу я говорю, — придвинулся ближе.

— Какое такое дело? — насторожился Шуйский. В застольном гомоне ухо наострил, чтобы заветного не упустить.

— Шепну я Филарету, чтоб не забивал тебя, чтоб кронецкие земли тебе отошли. Смекасешь?

И пополз через скамью на свежий воздух выйти.

— Постой! — задержал его Шуйский. — Что надобно тебе?

— Да ничего! — отмахнулся Романов. — К ночи пошли Ирину изголовь победителю поправить. Только и всего.

Романов ушел, а Шуйский затылок почесал. Вон как с племяшом складывается, близко к государю сел. Может, в девках он толку не нашол, а сильную птицу в полете узнает.

И пополз через лавку следом за Романовым, чтобы наказ челядинцу дать незамедлительный.

Романов оказался прытче, самолично в хоромы Шуйских отправился Ирину уговорить...

К концу пира думный Федор Романов вернулся, на воеводу глазом победителя поблескивает, а тому и дела нет до сидящих за нижним столом. С государем одесную сидит, пьян и весел, молод и до утех охоч.

От стольного пира через Спасские ворота разъезжались, но государь воеводу не отпустил, велел стелить ему в Красном тереме и всякие заботы победителю соблюдать.

До терема воеводу сопровождали царские рынды, на крыльчике поклонились и выжидали воеводского слова.

— Дыхнуть надо, — молвил Скопин-Шуйский и отпустил охранников. Сам за терем свернул по малой нужде. На ногах держался ровно, будто и не пил наравне с любым подносящим.

— Оборотись, княже, — услышал он за спиной. Голову поворотил и за меч схватился.

— Не надо, княже, я с миром. Мир тебе.

— Кто будешь? — не отпускал рукоять меча воевода.

Стоял перед ним прежний нищий, что на въезде встрепенулся. Только не ушиблен, как показалось тогда, а справен телом и ликом умен, что различил воевода в свете полной луны.

— Странник я. Пармен. Слово принес тебе. Позволь молвить. Только не здесь.

— Тут говори, — настаивал воевода и голос возвысил.

— Ушей много. Давай в нижнюю светелку зайдем, там и молвить буду, — не испугавшись воеводского гнева, сказал пришелец и пошел вперед, закутавшись в монаший плащ до бровей.

За ним воевода вошел в нижнюю боковушку. Сенные девки им отворяли, согнулись в поклоне, так ничего и не понявши.

В оконце луна, за столом странник, напротив воевода присел. Необычный гость и взор трезвит напрочь.

— Сказывай...

— Тогда слушай и ответствуй, — молвил странник, и воевода безропотно подчинился.

— Ведомо ли тебе, что из Тушина ты законного царя изгнал?

— Ведомо, — не спуская глаз со странника, ответил воевода.

— Зачем же понужал его?

— А он смуту новую начнет сеять и Шуйских под корень изведет, не помилует.

— Кто сказал тебе это?

— Сам понимаю. На русской земле давно пора наводить порядок. Хватит смут. Недород, бескормица, бабы детей без кожи рожают, болезни тож.

— А с Романовыми и Шуйскими они враз выздоровят?

— Истинно! За Рюриковичами корня не осталось, весь сошел на нет, а Романовы, Захарьины и Шуйские в гору идут, — умно складывал разговор воевода Скопин-Шуйский.

— И это у нынешнего царя корень?

— Временный он, моя очередь, — с надменной уверенностью отвечал воевода Михаил.

Странник помрачнел.

W — Эх, княже! Таких к власти не подпускают.
— Сам выйду! И кто ты таков будешь, поучать меня?
— Ужель не понял? — хмуро усмехнулся странник. — Знать, не случайно. Что новым родом царуют, здесь ты прав. Токмо у тебя, окромя меча, ничего нет. Я оборонить хочу, такая у меня корысть. Неладная ночь эта, полнолуние, темные силы вышли. Переживешь эту ночь, быть тебе царем, а поддашься искусу — смерть. И не о себе думай, княже: Русь может другой дорогой пойти, на многие годы по бездорожью, и под чужой рукой, и по чужим знакам. Об этом думай, о потомках.

На миг призадумался воевода, взвешивая слова странника. Есть в них зерно, волхвы похожее предсказывали, да кто его сейчас сломить может?

— Учту, дядя, — ответил он размеренно. — А знак покажи, твоих слов праведность.

— Мир тебе, — молвил странник, поднялся и ушел сквозь стену, будто дым испарился.

Воевода подождал с минуту, протер глаза. Привиделось?

Нет, не привиделось: слова запали в душу. Ночь пережить — много ли ума надо?

Пред ним, выходящим из светелки, сенные девки согнулись в поклоне. Под сарафанами округлились справные, литые задницы, хмыкнул воевода и пошел наверх в опочивальню.

Застать наверху особую соблазнительницу он не чаял. Выпрямилась та, и обомлел воевода.

— Зазнобушка моя!

— Будь здрав, княже, любимый мой! — сияла Ирина одним лицом. — Вырвалась вот от постылого, к тебе прибежала.

И так она поспешно сказала это, что засомневался воевода, слова Пармена вспомнились отчетливо — ночь пережить, искусу не поддаться. Подобрался он. От хитроватого дядьки его Ирине на ночь не сбежать, не то здесь... Зашевелились Романовы, смекнули, чем его достать. Неравнодушен он к прелестям Ирины, да не того он замеса. А что Ирина отвергала его долго, сейчас прямо должок ей и отдаст...

— Любить собралась жарко? — сделал свой голос податливым Михаил.

— И крепко. Дай обувь сниму...

Он позволил ей стянуть сапоги. В прорезь рубашки видел ее сочные груди. Хороша, стерва, желанна до боли!

— Ложись, любимый, ненькать стану...
— И мужа своего, боярина, не испугалась?
— Что ж ты такое спрашиваешь? Только ты свет в окошке!
— Ну так... — прикинулся соловым Михаил. — А кликни сюда девок, смотр вам устрою.

— Как пожелаешь, княже! — словно обрадовалась Ирина и крикнула вниз санным подняться.

Шестеро девок заскакали наверх по ступеням, в опочивальню вплыли лебедушками, стали вдоль стены и ждут.

— Сарафаны долой, князь смотр чинить будет. И ты с ними...

— И я с ними, — чувственно прошептала Ирина и первой сбросила сарафан, через голову стянула ночную рубаху. Косу расплела в мгновение, стоит горделиво, глаза сияют — хороша! Кто другой сравнится?

Воевода оглядел всех смешливым прищуром. Без изъяна девки, в царских палатах ущербных не держат, каждая по-своему заманчива, а одна сбоку — талия осиная, а бедра круты и взгляд неземной свежести...

— Вот ты и останешься, — персборол себя воевода. — Остальные прочь.

Ирина виду не подала. Шустрее других наготу прикрыла.

— Рада твоему выбору, княже. Не осрамил мужнюю жену, спасибо. Марфуша, поднеси морсику князю из лафитничка, чтоб так притомил тебя, будто я сама с ним...

«Ох, стерва, — усмехнулся воевода, принимая от избранницы кубок. — И здесь первая, и здесь хороша! Вот кого в царицы возьму, отниму и не пожалею!»

Тишина обступала его постепенно, свет лампадки источался, он обмякал среди блаженной спелости ласковой ночи.

«Бойся красавиц, княже...»

— Тишка! — встрепенулся Судских, вскочил на постели. Ирина подле, высокий стакан в руке...

«Не уберется князь Михаил, не уберегли...»

— Что с тобой, Игорек? Привиделось? — спросила Ирина, придерживая полы халата свободной рукой. Только не Ирина — Любаша перед ним. — Еще рано, успокойся, поспи.

— А ты почему не спишь? — осязал реальность и сон Судских, увязывая воедино.

— Попить встала. Хочешь морсу? Сама варила.

Заломило в висках. Стерва...

— Нет, пей сама, — деланно зевнул Судских, но в под-
корку к ней проник: пей, пей, пей...

— Ну и ладно, — сказала она и отпила полстакана. Решительно сбросила халат. — Только шестой час... — И прижалась к нему.

Превозмогая желание, Судских аккуратно отстранился. Чтобы не обидеть Любашу, сказал, поднося часы к глазам:

— Увы, милая, вставать пора. Мне сегодня ни свет ни заря.

Уже в машине он размышлял сосредоточенно — что это было? «Волга» неслась по пустынным в этот ранний час улицам, сердце билось неуравновешенно, словно за него, за во-
воду Скопина-Шуйского, а Тишка-ангел отсутствовал. А до чего погано на душе за воровскую отлучку из дому!

«Не казись! — велел он себе. — Невелико преступление».

В столь ранний час его в Ясенево не ждали, хотя водитель сообщил с трассы о маршруте.

Первыми от дежурного посыпались неприятные сообщения: группу диггеров, с кем совершал путешествие Смольников, расстреляли в подземелье неизвестные; нападение на квартиру Ильи Трифа — жертв нет, только перестрелка, машину, увезшую боевиков, задержали, но никого не взяли.

— Растворились? — насупился Судских.

— Ушли через подземный стояк.

Подземные передраги активно выходили наружу, все чаще о них поминали газеты, и события к подземельям притягивались нешуточные. Получалось, будто оттуда контролировалась жизнь наружная, там находили трупы известных стране людей. Даже Сталину не удалось навести в нижнем городе порядок, и явно не криминальные личности орудовали там, а вторая, тайная власть. Но кто это? Какие силы вновь развязывали смуту?

— Бехтеренко в курсе? — спросил Судских.

— Да. Он ночует в Управлении. По его просьбе, Игорь Петрович, вас беспокоить не стали.

Корябнули угрызения совести.

— Плохие новости все?

— От Бурмистрова сообщение: знакомство состоялось.

«Хоть какой-то просвет», — подумал Судских и сказал:

— Проснется Бехтеренко, дайте ему знать, что я на месте.

— И я на месте, — входя в кабинет Судских, сказал Бехтеренко. — Доброе утро.

В одной руке он держал полиэтиленовую папку с бумагами, в другой две дискеты.

— Доброе, — ответил Судских и показал на папку в руках Бехтеренко. — С чем пожаловал?

— Трофеи с квартиры Сунгоркина. Гриша Лаптев изрядно попотел и нашел массу любопытных штучек. Вызвать его?

Судских кивнул, а Бехтеренко подсел к монитору.

— Без Лаптева? — не понял действий Бехтеренко Судских.

— А мы с ним через Интернет свяжемся. Что надо, он подскажет, — ответил Бехтеренко и, как заправский оператор, зашелкал клавишами.

«Надо же, — позавидовал Судских. — С год назад компьютера боялся как черт лаdana...»

— Вот, Игорь Петрович, — кивнул на экран Бехтеренко. — Схема построения организации «Вечные братья».

Справа в углу экрана мерцал голубой треугольник, соединенный линиями от вершин с маленьким в левом углу. Возле каждой вершины стояла строчка пятизначных цифр.

— А здесь подтекст. — Бехтеренко нажал клавишу, и картинку заменили густые ряды шестизначных цифр по три в строчке. — Списки рядовых членов.

— И какие лица за цифрами?

— Лаптев обещал к обеду дать полную расшифровку. Среди уже расшифрованных большие люди, неизвестных практически нет. Со всеми адресами и досье.

— Так просто? — засомневался Судских.

— Лаптев грозился, — пожал плечами Бехтеренко.

— Не верится, — в задумчивости поджал губы Судских. — У какого-то Сунгоркина в доме хранятся важные документы.

— С тройной защитой, — напомнил Бехтеренко.

— Все равно не верю.

— Подождем, Игорь Петрович. Нам не впервой ходить в обход.

— Так и есть, — закивал Судских. — Боевики без зазрения совести орудут на земле и под землей, а сверхважные документы падают к нам с неба. Где логика? Сунгоркин — глава организации? Этот засранец-недоучка?

— Игорь Петрович, — собрался возражать объективно Бехтеренко. — У масонов на первом месте не умственные способности и заслуги, а происхождение. Вполне возможно, у Сунгоркина род прослеживается до двенадцатого колена.

— Проверяли, — отмахнулся Судских. — Чистоты рода никакой. Есть русские, англосаксы, даже один араб затесался, и ни одного чистокровного еврея. Попомни мое слово, блажь это, нам дезу подбрасывают для раскрутки очередной смуты.

— Посмотрим, — упрямо стоял на своем Бехтеренко.

— Чем еще богат?

— С вами желает встретиться тет-а-тет японский сейсмолог Хироси Тамура. В Японии он очень известная личность, а в мире, благодаря капиталам папаши, тоже.

— Он здесь?

— Будет, как только место встречи и время согласуем.

— А почему он пожелал встретиться именно со мной? — Новая нестыковка с логикой удивляла Судских.

— Он принимал участие в экспедиции на Курилы после землетрясения на Итуруп два года назад. Тогда появился первый сигнал о желании Тамуры встретиться с первым лицом УСИ. Когда наш нынешний президент посетил Японию, Тамура умудрился пробиться к нему и повторил просьбу. От помощника президента просьбу передали нам. Это Веремеев, наш бывший работник.

— А Воливач об этом знает?

— В курсе. Молчит, но досье японского ученого пришло ко мне от первого зама Воливача Лемтюгова. Известность Тамуры общепризнанна, ничего особенного за ним не водилось. Единственная деталь, на что не обращали внимания, — он сын известного магната. Его компания в числе первых мировых заправил финансами. Такие работают неприметно и почти независимо от потрясений на биржах. Они сами прогнозируют их и устраивают.

— Будем встречаться, — заинтересовался Судских. — Как, скажем, на той неделе в субботу?

— Дадим знать, — кивнул Бехтеренко.

— Японец японцем, а как там наш Гуртовой? — переключился Судских на другую интересную тему.

— Без предъявления обвинений можем продержат еще сутки. Его причастность к «Вечным братьям» не установлена, — отвечал Бехтеренко. — Обработку прошел спокойно. Пугачеву выдержал, Горбачева снес, Крылова-Остапа смотрел вообще внимательно. Документальный фильм о масонах

смотрел с повышенным интересом. Только фильмы о тараканах и крысах ему были противны.

— Ладно, — усмехнулся Судских. — Сегодня я пообщаюсь с ним. А крутите ему... — на секунду задумался он, — про Александра Невского. В десять утра я с ним пообщаюсь.

«Расколется Гуртовой, — размышлял Судских, — дело наполовину решенное. Только чего вдруг он станет давать показания? Независим, нигде не наследил, у прежних властей был в чести, а что сплошь и рядом обвиняют Гуртового в тяжких грехах, доказательств нет. Вор, а не пойман, значит, пахан. Спецы в таких передрягах выводят на мелкую сошку, на том и кончается ниточка».

— Игорь Петрович, — напомнил о себе Бехтеренко. — Есть одна зацепка на Гуртового, вчера получили. Крепенькая.

— Выкладывай, — оживился Судских.

— В юности он уклонялся от лечения сифилиса.

— Святослав Павлович, — развел руками Судских, — мы не вендиспансер. И не милиция.

— Однако по заявлению гражданки Свирской он привлекался к судебной ответственности. С тех пор прошло двадцать лет, дело не закрыто.

— Нам это ровным счетом ничего не даст и с моральной точки зрения не пристало заниматься такими делишками.

— А моральный фактор? — не сдавался Бехтеренко. — Гуртовой явно скрывает этот факт своей биографии и явно не хочет, чтобы о нем узнали.

«А ведь он прав, — смотрел на Бехтеренко Судских. — В случае с Гуртовым все средства хороши. Главное — выманить его из безопасной норки».

— А он-то вылечился? — уже по-другому спрашивал Судских, факт раскручивался в долгую линию.

— Залечился, — поправил Бехтеренко. — Заработал импотенцию от самодеятельности и хронический диабет в тяжелой форме.

— Послушаю тебя, Святослав Павлович, — согласился Судских. — Не крутите ему «Александра Невского». Сейчас освежусь и прямо к нему пойду. Давай справки, посмотрю...

Через полчаса он предстал перед Гуртовым на пороге его одиночки.

— Доброе утро, Леонид Олегович, — сказал он приветливо. — Как самочувствие? Уколы вам вовремя делают?

— Вовремя, спасибо, — ответил Гуртовой сдержанно. — Через сутки заканчивается срок моего превентивного задержания, тогда и поговорим о моем самочувствии. Из другой страны. И все, что о вас и новой власти думаю.

— Тогда будем прощаться, — беспечно ответил Судских. — Дебет-кредит подобьем, и до свидания.

— Чего вы добиваетесь, Игорь Петрович? — с явным презрением спросил Гуртовой. — Да, в стране действует крупная масонская организация. Да, я один из ее иерархов, но это ровным счетом ничего не значит и ничего вам не даст. Я под защитой других законов, и любое беззаконие по отношению ко мне вызовет крупный мировой скандал. Хотите своих звездочек лишиться? Доводилось и не таких тузов убирать с пути.

«А нервничает, однако», — пропустил последнее замечание мимо ушей Судских.

— Хотите расскажу, где вы провели эту ночь?

«Это выходит за рамки моветона», — подумал Судских, но ничем не выдал волнения.

— Леонид Олегович, я позволил оставить вам приемник, но где я ночую, это мое личное дело. Не стану же я сейчас вам выговаривать, где в свое время ночевали вы?

«Попал в точку!» — отметил Судских по глазам Гуртового.

— А наглеть вам не советую, — продолжал он. — Я поставил целью жизни искоренение масонов в России, а потом и везде, и помешать мне никто не сможет. Я тоже другим законам подчиняюсь, и в большей степени неприкасаемым, чем вы. Слуга сатаны и божий наместник — разница есть?

— Есть, Игорь Петрович, — без тени замешательства согласился Гуртовой. — И каждый из нас готов идти до конца. Вы потому, что вас нет, я потому, что обречен.

«А это он мне всадил увесистую порцию дробы», — отметил попадание Судских.

— Вы не учли, — ответил Судских, — что за нами обоими стоят и силы, и люди. Наша тайная война не такая уж тайная. Вы — тараканы, и здесь вас будут травить безжалостно.

— Не разбрасывайте хлеб, не будет и тараканов, — резонно возразил Гуртовой. — Вы антисемит, Игорь Петрович.

— Никогда не был, — поморщился Судских. — Россия велика, места всем хватает, а заразу разносить под видом блага никто вам не позволит. Иммунитет у россиян после стольких лет крепостного права.

— А не вы ли ошибаетесь, принимая благо за зло? Вы думаете, ваш президент, — подчеркнул он, — лучше нашего. Наш собрал вокруг себя санитаров, тех, кто Россию раз и навсегда освободит от догм, кто выведет из ее организма вредный микроб панславизма, и станет она здоровой, нормальной сестрой других стран без мании величия. Ну скажите, не шизофрения ли дать ворами царствовать, а честным и порядочным людям сузить мир до тюремной решетки?

— А что же вы в сочетании честные и порядочные не поставили — банкиры? Ухо режет? Согласны со мной, не бывает честных банкиров? Вот вы и подменили добро на зло. Вся финансовая верхушка ходит проторенными дорожками, живет заложниками масонской пирамиды, выколачивает для нее средства, ничего не давая взамен, кроме иллюзий. Наш президент сделал неожиданный шаг, но не опрометчивый, привлекая воров в закон к легальной работе. Прежние российские банкиры в экономику не вкладывали, а, оплачивая ходовой товар — лес, металл, нефть, — получали на той стороне свою долю в твердой валюте, там же ее оставляя. Воры остаются ворами, их связи с преступным миром ничуть не слабее масонских. Только масон неподсуден за свои делишки, а вор еще как. Надо пересажать, всегда повод найдется. Ворами в законе было заявлено открыто: прибыль вкладывать в производство, и монополии вывели из-под контроля ваших собратьев. Воровать честным банкирам стало нечего, а бесчестным ворами пришлось жить честно. Масонам прежние грешки — заслуга, для вора — беда. Поэтому лучше не затевать разговор о добре и зле, мы ничего друг другу не докажем, у нас воззрения разные и не тот ранг. Лучше расскажите о дискетах Сунгоркина.

— Список масонской организации в России, — честно ответил Гуртовой. Он не был напуган тирадой Судских. Он был обычно разумен: Судских все равно докопается. — Тридцать тысяч посвященных, не считая рядовых членов и боевиков. Я не боюсь открывать вам тайны, а вам пора бы ужаснуться. Вы считаете, Ельцин не хотел добра России?

Хотел, но ужаснулся, когда узнал, кто его окружает. Едва вы обнародуете сведения, страна останется без руля и без ветрил. Начнете репрессии, сотворите новый Октябрьский переворот. Убытки ощутимы для вас: коммуняки по-прежнему вирус России.

«Красиво убеждает, — оценил Судских. — Кто б послушал...»

— На них есть противоядие, Леонид Олегович. Мы не коммуняк искореняли, а корни их гнусного дела, не масонов, а зловредную пирамиду. Во-первых, восстановим хронологию русской истории. Во-вторых, даем возможность подняться казакам, и наконец, наша выживаемость крепче вашей. Это вас и бесит.

— Бесит, Игорь Петрович. Особенно казаки, — опять откровенно ответил Гуртовой. — Но другого пути нет. Вы тараканов уничтожаете, мы стригунков. Вы правы, нам терять нечего, вам тоже. Мы были обречены с самого начала, но как нам отступать, если мы проросли в организм, искоренить нас можно только с живым телом. А это смерть организма. У вас есть рецепт безболезненной операции?

— Есть, — улыбнулся Судских. — Ваш же способ выживания. Знаете, как мой товарищ по другой жизни лечил раковых больных? Он не резал по живому, не облучал радиацией, он дал организму иммунитет. В древних книгах это средство описано. Вы не случайно так стараетесь, чтобы эти книги не попали в наши руки.

— Вам никогда их не найти. В подземельях их нет, они исчезли оттуда в семнадцатом веке, — глухо сказал Гуртовой.

— Время есть, — без трагедии произнес Судских. — Их можно восстановить. При нынешней возможности проникать в виртуальные миры труд не тяжкий. И вы знаете, что в начале нового века эта задача будет решена. Поэтому вам так хотелось завершить ее к началу третьего тысячелетия. Не получилось ведь с операцией «Отрасль»?

— Знаю, Игорь Петрович. — И Гуртовой ответил без трагедии: — Вы побеждаете. Но несмотря на патетику, мы все живем ближними чувствами, и меня лично дальние горизонты не манят.

— А хотите, Леонид Олегович, излечиться от недуга? Я серьезно спрашиваю о вашей телесной хвори.

— Это невозможно, — вздохнул Гуртовой. — Денег — вагон, власти — эшелон, а здоровья не купишь.

— Я поклянусь вам, — испытующе смотрел на него Судских.

— Слишком дорогая цена.

— За жизнь? Не противоречьте себе. Я на примере хочу вам показать, что добро сильнее зла. Хотите?

— Хочу, — после долгой паузы ответил Гуртовой.

— Но ваши тайны зла станут моим трофеем.

— Согласен, — выдохнул Гуртовой.

Судских смерил его долгим взглядом и сказал:

— Я освобождаю вас от клятвы. Излечение ваше состоит в следующее полное безлуние. Из-под стражи освобождаю тоже. Оставьте лишь залог вашей будущей исповеди...

Через полчаса дежурный сообщил:

— Гуртовой покинул управление. Оставил записку.

— Записку? Принесите.

Когда он развернул клочок бумаги, ничего там не обнаружил. Повертел, хотел выбросить, но стали проступать буквы текста:

«Игорь Петрович, возьмите послание в камере под ножкой стола. Л.Г.»

Сходил вниз. Разве есть другой вариант?

Под ножкой стола еще один клочок бумаги с проявившейся фразой. Симпатические чернила:

«Игорь Петрович, извините за предусмотрительность. В щели крышки стола послание. Опустите бумагу в чай. Надеюсь на вашу мудрость. Л.Г.»

«Тройная степень защиты, — понял Судских. — Ох, мурдер бобер».

Достав записку из стакана с чаем, Судских отказался верить единственному слову на ней.

3—13

Судских не успел осмыслить послание Гуртового, решить для себя, правда это или тактический ход, как появился Смольников. Он влетел в кабинет. Как принято говорить — влетел на крыльях удачи или окрыленный удачей.

Бесспорно, работал последнее время Смольников с творческим подъемом, вопреки логике оперативного сыска умуд-

рялся найти результат там, где его никто не ожидал увидеть. Элементарно, как в анекдоте: человек умножал возраст преступника на номер его дома, делил на цифру года и заявлял, что преступника следует искать по улице Красных кавалеристов, дом три, квартира четыре. Ехали и забирали одуревшего от неожиданности дядю. Правда, по другому делу. Одним словом, майор Смольников работал по световой системе. От фонаря. Но успешно. Случай вполне обычный: творческие личности мыслили вне рамок правил.

И это бы ладно, к его манере привыкли и любили по-своему, как маманя любит свое дитя, косенькое от рождения, которое становится прекрасным окулистом, но Смольников в служебном рвении забывал о субординации и спешил поделиться своей удачей не с непосредственным начальником, а обязательно с шефом. Вот и сейчас он затормозил самолет своей находки сразу за порогом кабинета Судских. Запах перегретого двигателя и бензина достиг стола Судских. Визг тормозов повис в воздухе.

— Игорь Петрович, я такое выкопал!

Книжку в руках его Судских заметил.

— Немедленно закопай!

— Как — закопай?

— Немедленно. Мой товарищ купил садовый участок, прекрасный, только маленький камешек торчал посередине. Решил выкопать. Докопался до скалы весом тонн под сто. Теперь трудится каменотесом. Усек?

— Так тут такое, — обескураженно промямлил Смольников, выкладывая перед Судских принесенную книгу.

— «Тайные монахи», — прочитал Судских название. — Явно расхожий детектив. Вымысел. Если тебя что-то подвигнуло на расследование версии, сначала выясни, а потом лети. Но сначала к Бехтеренко. Я должен оперировать проверенными фактами, а не версиями. Ясно, товарищ майор?

— Есть...

— Книжку оставь.

Смольников удалился бескрылым, хотя Судских напутствовал его мягко, чтобы не убить рвения к службе. Так случилось с Бурмистровым. Стоило больших трудов оживить его и послать в серьезную командировку.

«А чего я взъелся на Ваню? — восстанавливал в памяти он процесс отчуждения Бурмистрова и листал книжку

Смольникова. — Знал его в прежней жизни? Узнал и то, куда его занесла гордыня и самоуверенность. Но ведь в каждом человеке заложены самые разнообразные качества. Одни раскрываются при определенных обстоятельствах, другие затухают. В Иване и Момоте пробудилась спесивость, о чем я заведомо знаю. Только вот ополчаться на косенькое дитя не следует, лучше помочь ему лечить глаза у других...

— «Георгий Момот», — прочитал он имя автора. — Вот это фокус! Властелин мира в новой жизни поднялся всего лишь до писателя-фантаста. Вон как судьба играет человеком, пока он выдувает себе дифирамбы на трубе...»

Судских выбрал привлекший его отрывок и принялся читать. Не будь этой книжки, он взялся бы за документы, ради отвлечения от записки Гуртового.

«...Ватага спустилась в лаз. Темно. Воздух — не продохнуть и тесно. Кислый запах мокрой овчины забивал ноздри, теснота усилила его.

— И где-то здесь проход, — глухо сказал Сивый, вожак ватаги. — Ишши, малой.

— Вот нашел, — ответил из темноты Захарка. — Поддается.

— Засвети огарок, Петруха, — потребовал Сивый.

Затлел трут от кресала, зажгли свечу. В полуотворенную дверь воздух жадно втягивал огонь свечи и кислые запахи.

— Ага, — смекнул Сивый, — сквозной ход. Вишь, как тянет? Не обманул казак, верно обсказывал.

Этот ход был спасением ватаги. Наверху их караулили соглядатаи и людишки из Сысского приказа. Разбойничью шайку не помилуют, забьют до смерти на месте, разбираться не станут, убивцы они или просто беглые. Про ход этот рассказал им бывший старшой, казак Тихон, иначе бы никуда им не деться с Арбатской слободы, где обложили их по доносу. Тихон наказывал идти строго по ходу, в боковины не сворачивать под страхом смерти. Огня не возжигать. Сивый рискнул, чтобы освоиться попервости.

— Пошли. И тихо. Дверь затворить, — скомандовал Сивый. Прикрывая огарок, он первым шагнул за дверь.

Когда ватага втянулась за вожакom, он остановился, прислушиваясь. Мертвая тишина, капля воды не сорвется со свода, не пискнет мышка. С сожалением Сивый задул огарок: казак Тихон зря не подскажет.

— Рука в руку пойдем, — громким шепотом сказал Сивый, и ватага двинулась вперед. — Стены ощупывать!

Хорошо ли плохо, но несчастья ватаги начались с приходом в нее Тихона. Попервах фартило. В Муроме славно пограбили бояр, отсиживались в Выксе под защитой женского монастыря. Исполняли по указанию игуменьи всяческую работу, где нужна мужская сила, по высмотру бановали в ближних градах и отсыпались потом за стенами святой обители в полной безопасности. Крещеных в ватаге только кривой Аким, а защиту пришлого Христа принимали все. Под бабским ли подолом отсиживались, но Тихон дело знал туго, сладил порядок в ватаге, общак рос, вселяя уверенность в завтрашнем дне.

Свыклись монашки с работными мужиками, стали откровеннее с ними, разбредили себя прелестными разговорами, и пала монастырская крепость. Сначала давали позудить в укромных местах, а там и раздвинулись срамные воротца. Игуменья заподозрила неладное и устроила монашкам смотр в бане... И-хи-хих... В общем, пришлось дать теку, увел их Тихон в Московию. Сулил хороший навар, а Москва оказалась не та. Царь Алексей Михайлович тишайшей, но жесткой рукой наводил порядок в стольном граде и окрестностях. Беглых холопов, неработных бродяг ловили и казнили на месте в устрашение другим. Искали в первую очередь недобитков из ордынского воинства царя Степана Разина, а Тихон был из таковских, притом из окружения астраханского воеводы Федора Шелудяка. Таких не миловали вовсе, из-за них честным разбойничкам фarta и доли не оставалось вообще. Но Тихон был удачлив. Любой набег приносил доход в общак, себя не обижали. Оно и понятно: при царе Степане Тимофеевиче дурных не водилось, и сам Разин осилил бы самозванных Романовых, да патриарх Московский проклял ордынского царя со всем воинством, древнюю веру запретил под страхом смерти. А московские холопы по-холопы и думают: свой царь или пришлый, свой Бог или заемный, свою бы шкуру сберечь от батоков. Ох и сучары безмозглые обосновались в Московии! С попами, с думскими и записным алкоголиком Борькой, который валился в престольные праздники с амвона от перепитой сивухи, но вещал. Вещал о благодати новой веры, а московские ротозеи слушали, выдавали властям беглых.

Их ватагу сдал кабацкий забулдыга. Тихона ранили стрельцы из засады, а остальные едва ноги унесли. Спасибо Тихону, путь к спасению указал, иначе бы смертушка на месте.

Знавал он этот подземный путь давно, до того как с ватагой сошелся. Был-де план у Степана Тимофеевича казаков теми подземельями прямо в Кремль вывести. Тут и полная победа, обратно казацкие порядки восторжествуют.

А им этого не надо, ватага своими законами живет: отграбить назад награбленное боярами, и дело с концом. Завести хозяйство потом, двор крепкий, бабу дородную и жить себе тихо.

— Тихо! — сдавленным шепотом произнес Сивый. — Чую...

Ватага затаилась, старшой слушал. Неясные шорохи усилились в трубе хода. Где-то впереди шебаршенье, на миг вроде и свет взблеснул. Пожатие руки Сивого передали по цепочке: нишкни, беда идет, вожак опасность слушает.

Навстречу кто-то двигался. Осторожные, но уверенные шаги. Много шагов. Не один человек идет. И не пришлый...

Свет приближался. Сивый высвободил руку, стал ощупывать стены, искал спасительный поворот, о котором обсказывал Тихон, куда он не велел входить под страхом смерти, а тут смерть навстречу, не до заповедей...

— Есть! — сдавленно прошептал Сивый. — Сюда! — И поволок первого в ватаге за собой.

Далеко не пошли. Сгрудились сразу за выступом, достали ножи. Сивый выглядывал в проход, поджидая.

Свет приближался, какой-то потаенный, неяркий. Фонарь не фонарь, какие из аглицкой страны попали на Русь.

«Эх, голова два уха! — смекнул Сивый. — Из другого хода в энтот светят!» И вправду: пламя смоляного факела брызнуло вдруг ярко, и Сивый спрятался за выступ. Разбойничья сметка не подвела, в короткий момент увидел он, что двигаются к ним двое с факелами, на головах островерхие шапки, лиц не увидел.

«То ли стрельцы с бердышами, — соображал он, — то ли вообще заморская нечисть...»

Кто бы ни шел, радости от такой встречи им мало. Выходило одно: их шестеро, идут двое, мочить следует без раздумий, иначе не разойтись...

— Слухать сюда! — сдавленно приказал Сивый. — Идут двое. Ножи изготовить и, как сравняются с нами, навались по трое, кто бы ни был. Не щадить!

Ждали, затаив дыхание. Яркий свет наполнил, уже и капля сопли засветилась на носу кривого Акима, дрожит, вот-вот сорвется, грохоту наделает. Совсем близко идущие, слышно, как факелы потрескивают...

Пришельцы появились неожиданно, как раз сворачивали в проход, где затаилась ватага. Она, привыкшая к неожиданным передрягам, навалилась скопом, замелькали ножи, слышались вскрики вперемежку с сопением нападавших. В пылу схватки затоптали оба факела.

— Будя! — сипло выдохнул вожак. — Огня!

Запалили факел, осветили все еще стонавших пришельцев.

На головах капюшоны с прорезями для глаз, сутаны до пят. На одном незнакомце она задралась, под ней тяжелый нож в кожаных ножнах, у другого в руке зажаты ударные шарики на прочном шнурке.

— Вишь ты, бя! — разглядывал обоих Сивый. — Заморские засранцы в наших подвалах! А нам так и не ходи...

Убиенных перевернули на спины, разодрали сутаны. На них массивные кресты в форме заостренного меча, рукоять венчало сердце. Не мог знать Сивый, кому принадлежит этот знак, а носили такие кресты монахи Ордена Святого Иакова, ревностные сберегатели своих и чужих тайн. Они первыми проникли на Русь, выискивали ее святыни, изучали потом в далеских своих обителях, в суровых монастырях, которые меньше чем крепости не назовешь. Жили тайные монахи скрытно...»

Судских отложил книгу.

«Как я понял, Георгий Момот достаточно подкован в масонских тайнах и определенные детали прояснить хочет. Есть нюх у Лени Смольникова. Напрасно я его мягко, но побрил».

А книжка Момота тянула к себе.

«...Один из монахов, исколотый ножами весь, еще подавал признаки жизни. Полуоткрытые глаза смотрели на убийцу с мукой, губы шевелились в молитве.

— Живой ишо, — подал голос кривой Аким. — Добить? — поворотился он к Сивому.

— Погодь, — отстранил его вожак. — Поспросать надо. Кто таков будешь, из каких земель сюда попал?

— Монахи мы из Ордена Святого Иакова. Предайте нас земле и будете прощены пред Господом нашим, слад-

чайшим Иисусом Христом, — перемежая речь стонами, ответил монах.

— Вишь ты, какой речистый, — цокнул языком Сивый. — Может, тебе ишо кол в жопу забить во славу твоего Иисуса? Чего вы крадучись шастаете тут, наша это земля! Понял, бля? Чего блукаете тут? Разбойничаете? Фарт отбиваете?

— Книги... Книги мы брали древние. Вам от них проку нет.

— Много понимаешь, — ощерился Сивый, пытая умирающего. — Застежки, чай, золотые на книжках-то?

— Мудрые книги, не уничтожайте.

— А и где?

— Тутось они, Сивый, — откликнулся Захарка-малой. — Упали они, как мы наскочили. Два узла, вот...

Подсвечивая факелом, развязали узлы.

— Чудно, — разглядывал книги Сивый. — Сдалека шли, а ничего не понятно писано, — водил он пальцем по открытой странице, останавливая его у киноварных заглавных букв. — Заморские, что ль? Ну-ка, Захарка, пни его, почто замолчал?

— Помер, — ответил Аким.

— Твою мать, — ругнулся Сивый. — Дожить не смог.

— Хорони теперь, — молвил верующий Аким.

— Дак с книгами что делать-то? Смекай, робя, — обратился к ватаге вожак. — Нести или как?

— Дак, — подал голос здоровяк Оршан, — давай снесем матушке игуменье в Выксу. Авось простит. Зима на носу, отсидеться в тепле надобно. Дорогое, статься, подношенье.

Он также был верующим в Христа, крест нательный носил и ошупывал его сейчас.

— А монахов схороним, — встрял крещеный Аким. — И Бог простит, и матушка-игуменья схочает.

— Спробуем, — сплюнул Сивый. — Где наша не пропадала. А вот сердцем чую, гнилые это люди, вражди умыслы...

«Занятно, — отвел глаза в потолок Судских. — На самом ли деле знает Момот, что книги унесены в Выксу разбойниками? Уж больно охватывающ авторский стиль».

Он полистал книжку в конец, ненадолго вчитываясь в текст. Выкса поминалась часто. Сибирь, а концовка книги была неожиданной:

«Ничего не ответил генерал. Его и не спрашивали о книгах. Тогда их судьбой в России не интересовались».

«Но все же?» — не согласился Судских и набрал номер мобильного телефона Смольникова.

— Леони-ид? — позвал он. — Ты где?

— Подхожу к дому Момота, — грустно ответил Смольников.

— Умничка, Леонид, — похвалил Судских. — В правильном направлении двигаешься. Давай...

Георгий Момот жил в этой жизни в однокомнатной квартире на первом этаже панельной многоэтажки. Говоря языком обывателей, дальше некуда. В рабочей слободе у «Фрезера». Весело? Без того тесная комнатка перегорожена. В одной скорлупке что-то похожее на кабинет, забитый книгами до потолка, в другой — лежак. И ничего больше. Не белено, не стирано, не крашено. Деньгами не пахнет. Вопиющая бедность из каждого угла, сам хозяин строчит на пишущей машинке. Глаза горят, непокоренный гордец заново собирается к трону властителя мира, властителя умов. Печатает не деньги — очередной роман для заплаток на дыры бюджета. Сесть некуда, лечь — оборони Господь.

— А вот я вам уголок разгребу, — подсуетился Момот, очистив стул от книг и рукописей для Смольникова. Он даже не полюбопытствовал, кто пришел и зачем. В бедной хибаре любому пришельцу рады. Красть нечего, а дать на пропитание могут.

«А несметно богат!» — оглядывал книжные полки Смольников. Понимающий толк в книгах, он млел перед таким богатством. Ему мог позавидовать и книгочей, и библиофил, и искатель раритетов: история, мистика, религия, метафизика, российские древности, уникальные словари прошлых лет, когда главы не переписывались, имена не изымались.

— Видите, как живет русский писатель? — спросил Момот с явным насхоком, после чего начиналось клеймение властей предержащих.

— Вижу, — улыбнулся Смольников. — А вашим последним романом я восхищен. Нисколько не льщу.

— Копейки заплатили, — сетовал Момот. — А издательство сейчас лопатой деньги гребет. Триста тысяч тиража разошлось! Я им договор подмахнул не глядя и отдал копирайт, — пояснил Момот. — Но этот роман задарма не отдам, — пригрозил он. — Я сейчас такое творю, чертям тошно покажется! «Пылающие скрижали» — продолжение «Таин-

ственных монахов». Про то, как наши прапредки создали антимасонскую организацию, а в наше время, найдя древние книги, воссоздали ее.

«Вона куда занесло! — отметил Смольников. — Интересно, опубликуют такой роман? Не слышал я, чтобы о масонстве во весь голос говорили».

— Георгий Георгиевич, — спросил он. — А откуда у вас такие потрясающие сведения о библиотеке Ивана Грозного?

— Вычислил, — самодовольно ответил Момот. — Я, знаете ли, владею тайнами многих культов, астролог и колдун, самостоятельно выучил древнейший еврейский язык и влез иудеям в самое подреберье, а эти ребята наворовали секретов со всего мира и оформили в свод правил Каббалы и вообще оккультизма. Немного заработаю на беллетристике, разживусь компьютером, тогда посмотрим, кто у нас собака.

Он умело развивал тему, говорил грамотно, козырял именами и фактами истории, не торопился. Смольников слушал внимательно и с большим интересом: Момот, без сомнений, владеет предметом и проделал большую работу. Только на первом месте у него желание продать свой труд, и подороже. Оно и понятно: владея уникальной темой, в такой нищете долго не протянешь, а заказчика нет. Противники подобного сорта исследований подняться Момоту не дадут.

Из длинной двадцатиминутной тирады Смольников уяснил главное для себя: Момот добросовестно проследил путь книг Ивана Грозного по известным ему документам до Выксы, а дальше шла одна фантазия, приукрашенная умением мастера оформлять голые факты в мишуру слова. Осталось красиво ретироваться, так же просто, как он сюда попал.

— Трудновато вам, — умудрился наконец Смольников сбить Момота на другую тему. — Холостякуете?

— Не совсем так, — сразу же перестроился Момот. Видать, не часто удавалось ему найти собеседника, и он выговаривался от души. И эту тему он оформил, интереснейший увлекательный рассказ. — Расплачиваюсь за глупость. Жил я безбедно при ЮНЕСКО, получал зарплату, катался в Швейцарию и прирабатывал на публикациях научно-популярного чтения. Холостяк, с денежкой, отбоя не было от прекрасного пола. И попался на удочку одной щебетухе. Все уши прожужжала о любви, письма по два-три в день получал, как она меня любит. И стишки мне посвящала! И, надо сказать, одно

было весьма удачным. Вот на него я и купился. Байстрюков по белу свету настрогал, пора, думаю, своего завести. А она свистит: только о том и думает, чтобы родить мне хорошенькую дочку. У самой семнадцатилетний балбес. Учиться не хочет, работать не желает, но жить красиво стремится. За какие шиши, паря? — спрашиваю его. Случай нужен — говорит он. Нашел такой... Грабанули они с приятелем ларек и попались. К тому времени я, правда, уже на Нинуське, мамке его, женился. И выяснилось, что возлюбленная моя элементарная поблядушка, вышла в тираж и, чтобы кормить своего обормота, решила меня охомутать. А тут перестройка, цены скачут, работы нет. И красавец ее вернулся из мест заключения, еще и девку в дом приволок. Мне моя подруга никого не родила, а сынок чадо себе сотворил сразу. Уговорили меня мою квартиру продать и купить балбесу с потомством однокомнатную, пусть сам оперяется. Как уж они совместно промотали денежки на квартиру, не знаю, только вернулся он назад, и в конце концов плюнул я на это дело, устроился дворником и живу вот, — обвел он рукой свою комнатенку. — Зато счастлив. Небогат, но свободен. Еще воспряну...

— Может, помириться? — посочувствовал Смольников.

— Под страхом смерти не вернусь! Эта сучка у меня даже ремни для своего уroda из брюк повытаскивала! Еле книги увез! Не забрала только потому, что эти ей показались ненужными. Эх, если бы эта дура знала, какие деньги могли дать за них, тут раритетов на миллион! — радовался Момот, впервые с удовольствием.

— Не спорю, — подтвердил Смольников. Книги у Момота были стоящие. Неприметные, в неброских переплетах, но под ними крылось богатство.

Однако не толстые тома привлекли его внимание, а скромная брошюрка с занятным названием: «Япония — щит арианской веры». Сам он неплохо ориентировался в специальной литературе, эта книжка притягивала к себе смелостью названия.

— Георгий Георгиевич, — успел он остановить новый монолог Момота. — Мы хотели бы пригласить вас на выступление. Ваших «Таинственных монахов» мы прочитали с удовольствием, но повидаться с автором очень хочется, послушать живую.

— Кто — мы? — осознал цель визита Момот.

— Компания «Русские витязи», — на ходу придумал Леонид.

— Ясное дело, — кивнул Момот. — Я так вас и вычислил. Ко мне только бедствующие русофилы и заглядывают. А вы — бывший чекист, у вас на лице написано. Костюмчик приличный, сидит отменно. Кто ж еще может быть? «Русские витязи». Организовали частное сыскное бюро, поставляете сведения жидам-банкирам об их нахуйницах. Куда пошла, кому дала... Без аванса не поеду, — изрек он неожиданно.

— О чем речь? — разулыбался Смольников.

— Двести вперед, само выступление — еще триста. Я ведь профессионал, уважать надо.

«На двести я разорюсь, — полез за портмоне Смольников, — лишь бы книжонку выпросить».

— Нет проблем, — держал в руках портмоне Смольников. — А до встречи с вами могу я прочесть эту брошюрку? — указал он на книжный стеллаж.

Только когда Момот протянул ему книжку, Смольников выпустил из рук купюры.

Расстались довольные друг другом.

На улице Смольников связался с Судских:

— Игорь Петрович, мне сейчас появиться или завтра?

— Надо понимать, ничего путного ты у писателя не выудил, если готов отложить встречу?

— Отчасти вы правы, — не стал лукавить Леонид. — Но кое-что есть.

— Как тебе Момот? — поинтересовался Судских.

— Грамотный мужик, мыслит неординарно, мог бы нам пригодиться в работе. Колдуном себя называет, но в такой бедности живет, врагу не пожелаешь. Новый роман штурчит.

«Знал бы ты его в прежней жизни, — хмыкнул Судских, кладя трубку. — Вот куда гордыня Жору завела, наказал Всевышний, низринул с высот. Властелином мира хотел стать...»

Он посидел, задумавшись, пристукивая пальцами по столу. Мысли о Момоте всегда вызывали у него усмешку, но грустную. Пример того, как человек целенаправленно шел к власти, используя свой ум для отмщения обидчикам. История полна примеров, но легион не убывает. Месть! Опасная штука и сладкая одновременно.

«Но вторую щеку подставляют те, кому больше подставить нечего. Вообще христианство создано для стада», — пришел к странному выводу Судских. Спohватившись, переключился: «Позвоню-ка я Воливачу, что он там вытряс из Шмойлова...»

— Клянусь, только собрался тебе звонить! — радостно отвечал Воливач. — Шмойлов много интересного поведал.

— Как вам удалось? — удивился Судских.

— Ты не знаешь, что в нашей конторе даже заяц станет слоном на допросе?

— Только не бейте больше ногами, — закончил за него Судских, и Воливач громко захохотал.

— Бить не бьем, — уже серьезно отвечал он, — но дожимаем клиентов тщательно. Шмойлов, как выяснили, оказался правой рукой Гуртового в оперативной работе, ему подчинялись все боевики. Теперь чистку по всей России сделаем. Каково?

— Впечатляет, — согласился Судских. — Виктор Вилорович, а что с ними после чистки делать? С оставшимися в живых?

— Это пусть прокуратура думает, — снисходительно ответил Воливач. — Наше дело взять и отдать служителям Закона.

— А не стоит ли перевоспитывать их другим путем? Русские ведь, молодые парни, им жить да жить, а не в колониях маяться, оттуда калеками возвращаются, обозленными.

— Подскажи, каким?

— Допустим, тем, какой использовал президент, собрав воров в закон и подрядив их работать на благо России.

— Да? — послышалась ирония в голосе Воливача. — Отпустили щуку в море. Гарантии давал президент, расхлебывать мы с тобой будем. В такие методы перевоспитания не верю.

— Но инородную банковскую мафию он вытеснил? — возразил Судских. — Законники слово держать умеют. И в стране стало спокойнее.

— Это заслуга казаков

— Совместная.

— Чего мы спорим? — прекратил полемику Воливач. — Боевиков уговорами в лоно закона не вернуть. Это недочеловеки, Игорь. Шмойлов показал: боевики поголовно зом-

бированы, — пояснил Воливач. — Они выполняют любой приказ старшего, самый бесчеловечный, и не ойкнут. Дорогу назад к людям у них отняли навсегда. А твой любимый президент намекнул, что не удивится, если при задержании процент убитых боевиков будет высоким. Доволен? Истребление класса!

Возразить Судских было трудно. О записке Гуртового он сознательно умолчал.

— И все же, Виктор Вилорович, не торопись повышать процент. Я связывался с Луцевичем как раз по поводу зомби. Возможно, для этих бедняг не все потеряно. Это наши мальчишки, других нет. Обманутых жалко.

— Оптимист, — с чуть заметной иронией похвалил Воливач. — За это тебя уважаю. Торопиться не будем, обещаю. Дай тебе с Луцевичем Бог удачи. Я думаю, Его канцелярия людские души, как ты, считает. Мстят сознательным.

Все основные дела дня Судских закончил, но кабинет свой покидать не спешил.

«Интересно, — задумался он, — позвонит подруга жизни? Пора бы и повиниться...»

Слишком они отделились друг от друга.

Звонок последовал:

— Судских, домой думаешь ехать?

— Думаю, — ответил он холодно. — Но не поеду.

— Бабу небось завел?

— Бабу? Бабу не заводят — бабу лепят.

— Какой грамотный, — нараспев ответила жена. Раньше таким тоном муж с ней не разговаривал. Прорезались угрызения совести в ней пополам с ощущением ускользающей собственности. — Ты хоть о сыне подумай. Севка послезавтра улетает к себе во Владивосток. Простись хоть по-человечески.

— Сегодня дел полно, а завтра приеду пораньше.

Отговорка принята, прощались без ругани.

«А с Любашей надо разобраться. Страстями тут не пахнет, меня, старого козла, вряд ли уже кто полюбит. А интерес к моей персоне выяснить необходимо».

Он позвонил Любаше, и она с радостью ждала его приезда. Еще бы: крупную рыбу не торопясь берут.

Любаша умела быть приятным собеседником. Судских пришлось оживить свои знания в искусстве, литературе, жи-

вописи, а она, тонко понимая их ограниченность, не заостряла внимания на его провалах. Милая болтовня. Внешне выглядит красиво, а внутренне Судских был недоволен собой. Его жена, выпускница иныа, в молодости была завзятой театралкой, прилично рисовала и даже выставлялась, в рассуждениях об искусстве давала ему сто очков вперед. Постепенно это стало причиной их отчуждения. За годы совместной жизни он поднаторел, многое узнал, вычитал, чему способствовали Григорий Лаптев и книгочей Смольников. Сейчас, в разговоре с Любашей, ему нельзя проигрывать, упустить приоритет. Иначе, понимал он, упустив поводья беседы, соперник станет навязывать свою точку зрения, станет исподволь помыкать им.

«А куда это я наладился? — осадил себя Судских. — Желиться на Любаше я не собираюсь, любовницу заводить не хочу, а выяснить у нее необходимое смогу без тонких знаний. Так ради чего огород городить?»

Свое присутствие здесь он понимал однозначно: у Любаши к нему интерес шкурный. Знает она, кто он, или нет, принимая за преуспевающего бизнесмена, он ей нужен самцом. Шкурка с отливом — еще лучше. А он здесь не ради тела выше колена...

До него уже добрались. В интеллектуальном бою он проигрывал по очкам, в драчке, где сражаются без перчаток, вообще голяком, женщины не спешат выкладывать опыт, если хотят заполучить спутника жизни надолго. Этакого спарринг-партнера. И мужички выкладываются вовсю. Вот, мол, я царь и лев и самый-самый на земле.

— А ты еще очень ничего, славный воин, — сказала она, приподнявшись на локте и разглядывая его. — Очень даже...

Взгляд ее был пристальным, так она еще не смотрела на него. Прежде она глаза прикрывала, изображая овечку или восхищенную козу. Теперь Судских встретил взгляд львицы. Он воспользовался сиюминутной слабостью Любаши и проник в ее подкорку.

В полумраке по наклонному коридору он спускался глубже и глубже. Замедленный стук сердца утомленного человека, расслабленность, полное насыщение, все открыто.

За первым же поворотом он увидел свою жену. Та грозила пальцем, но не ему, а хозяйке этих полутемных ходов. Судских прошел мимо, как нашкодивший кот, только обра-

тил внимание, что жена одета в платье, какое было на ней в день их первого знакомства. Молодая, красавица, с пышной косой... В косу он влюбился сразу. Едва он минул свою молоденькую жену, нос к носу столкнулся с мужчиной средних лет и явно иностранцем. Еще дальше он заметил пожилого человека, лысого, в очках, с беспомощно разведенными руками. Рядом с ним — чем-то сразу настораживающий человек с непонятным предметом в руке. Пистолет не пистолет... Темнота напознала, и проход стал вдруг стремительно сузиться: Любаша обнаружила его, надо быстро выходить.

Их взгляды опять встретились, только сейчас у обоих они стали виноватыми, как бывает, когда оба узнают постыдную тайну, которую знать не очень хотелось.

— Ты хочешь уйти? — опередила она его вопросом.

— Да, — ответил Судских и отвел глаза. — Мне надо доделать дела в офисе. Я выкроил для тебя время.

— И больше не вернешься, — без тени вопроса сказала она.

— Давай не зарекаться? Не накручивай себя.

— Я знаю. Во мне только что сломалось что-то. Буквально в доли секунды.

Часы показывали половину первого ночи.

Через час он был дома.

Его ждали. Сын с радостью, жена с немим вопросом. Жены чувствуют приход и предчувствуют уход. Особенно те, кто старше своих мужей, а она и была старше на три года. Он успокоил ее взглядом невинного младенца, а она угадала в нем особый к ней интерес. И выразил желание поесть чего-нибудь. Сын составил компанию, и они дружно отужинали все вместе в поздний час.

В спальне светлое небо над семейным очагом стала быстро затягивать ревнивая туча. Не дожидаясь громовых разрядов, Судских поспешил с вопросом:

— Слушай, ты откуда знаешь Любовь Сладковскую?

От изумления она забыла слова упрека.

— Любку? Сладковскую? А почему ты спрашиваешь? — тотчас насторожилась она: крадется вор...

— Решается вопрос, — приготовленно отвечал он, — с приемом Сладковской к нам на службу.

— Гос-с-поди! Вы там с ума посходили! Любку Сладковскую в органы? Как при Ельцине: одних бездарей и прости-

туток берут. На этой сучке клейма негде ставить. С ранних лет блядством занималась!

— Дело не в ее моральных качествах, а в знании языка.

— Кто тебе сказал? — зашлась нервным смехом жена. — Да она по три захода один зачет сдавала! А на экзаменах только этим делом выезжала. Господи, кто ее только не пользовал!

— Обожди, — нахмурился Судских. — Ты не про ту говоришь.

— Любка? Маленького росточка? Козочка? Родинка на шее? Пришлось подтвердить.

— Господи! Да мы вместе иняз окончили, один курс! Она сейчас в группе переводчиков Думы?

«Но возраст!» — чуть не ляпнул Судских. Тогда историю с приемом на службу в УСИ пришлось бы повторить в ином ключе.

— Все сходится, — подтвердил Судских.

— И такую аферистку брать в органы? Она кое-как иняз окончила, выскочила замуж за иностранца, за шведа. Я, между прочим, познакомила. Уехала Любка в Швецию и через год вернулась. Девчонки с нашего курса говорили, он ее со своим другом застукал. Тут уж не обессудь, девонька, — развод и девичья фамилия. И где она потом только не работала — отовсюду гнали. Тупица еще та. Но аферистка высшей пробы, устраиваться умела. То в одно министерство, то в другое, а потерялась она лет пять назад и объявилась сразу в Думе. В первом созыве депутатом была, потом пристроилась в группу переводчиков. В Думе все проститутки, — уточнила она. — Девчонки наши рассказывали: пластику сделала, подтянула кожу везде, встретишь, не узнаешь. Под пятьдесят, а козочку изображает.

«Так, Игорь Петрович, — выговаривал сам себе Судских. — Это еще уметь надо пятидесятилетнюю бабу за девушку принять. Вы не просто козел, а суперкозел! На силиконовых сиськах резвился! Вот это отмочил так отмочил...»

Из мрачных мыслей его вывел задумчивый голос жены:

— А не рассердись я на него, быть бы мне фрау Густавсон и жила бы я сейчас безбедно и счастливо.

— Можешь заново попробовать, — оскорбился он.

— Я однолюбка, Судских, — не оскорбилась она. — Не думала, что из талантливого философа получится бездарный генерал.

— Почему это я бездарный? — нахмурился Судских.

— Такую аферистку проглядел! Не бездарность ли? — хохотала она с явным удовольствием.

Срочно требовался уводящий в сторону вопрос, иначе грозы не миновать. Еще и Любаша тут...

— А почему с такими скромными возможностями она неплохо устраивалась? По благу?

Жена принялась сразу осваивать новую тему:

— Папины друзья тянули наверняка. Папаня у нее был какой-то мутный. Никто не знал, чем он занимается, а Любка не делилась. Я его всего раз видела. На пятом курсе он пригласил нас с Любкой на вечер в шведское посольство. Маленький, плешивый, незavidный мужичонка. Подъехал на кремлевской «Чайке» с женой. Жена — писаная красавица, а он рядом с ней квазимодо какой-то. Отчество у него, помню, дурацкое было — Менделеевич. И глаза хорошо запомнила: острые, как у шизиков. Вот на том вечере я с Улафом и познакомилась... А Любка отбила, — созналась она.

Утром Судских затребовал ориентировку на Сладковского Михаила Менделеевича. Ответ пришел краткий: «Сладковский Михаил Менделеевич. 1917 года рождения. С 1937 года работал в аппарате Совнаркома. С 1950-го в аппарате Президиума Верховного Совета». Ни где работал, ни с кем работал, где крестился, женился — ничего нет. Умер два года назад. А ведь запрос Судских подавал в архив КГБ, где все про всех. С чего вдруг нет сведений?

3—14

Судских не напоминал Гуртовому о себе недели две. Луна пошла на убыль, и он разыскал его.

— Я держу слово, Леонид Олегович. Пора.

— А я думал, это была шутка, — удивился звонку Гуртовой. — Всего лишь обмен моей свободы на некую услугу. Меня ведь невозможно излечить, я консультировался.

— Вот как? Когда я давал вам слово, я был уверен в обратном. Собирайтесь, завтра едем.

При всей запущенности его болезни уверенность Судских была твердой. Примеры отсутствовали, но Судских ви-

дел Гуртового другими глазами — он видел его молекулярный портрет, и та часть молекул, которая отказалась служить организму, требовала восстановления. Только и всего. Чудес не бывает, но бывают чудачки с иным зрением.

Судских привез Гуртового на Сорокапятку под надзор Аркаши Левицкого, к целебному родничку.

— Морковный сок, свекольный, родниковая вода, массаж, прогулки на свежем воздухе. Все, — выложил Судских.

— Вы шутите, Игорь Петрович, — не поверил Гуртовой, считая, что его попросту заманили в ловушку. — Зачем?

— Хотите пари? Через месяц ни один врач ничего не обнаружит!

— Полцарства! — поддался его уверенности Гуртовой. — Но на чем строится ваша уверенность? Вы знахарь?

— На простоте лечения. У вас идет распад костного мозга. Средств регенерации ткани современной медицине не известно, а древней — да. Слушайтесь Аркадия беспрекословно. И верьте мне.

Морковь морковью, но Левицкий владел искусством китайского массажа древней философской школы, когда весь процесс лечения сводится к будированию кровеносных путей. В этом Судских доверял Левицкому, а в целебные качества родничка верил свято.

Перед отъездом он спросил Гуртового:

— Вам не доводилось слышать фамилию Сладковский? Михаил Менделеевич?

Гуртовой вопросу не удивился, вилить не стал.

— Отчего же? Вполне. Если вас интересует его дочь — это другое дело. Протеже в группу переводчиков составил ей я. Ей вменялось познакомиться с вами во что бы то ни стало.

— И все же отец интересует больше, — настаивал Судских.

— Кремлевский астролог, — сжато ответил Гуртовой. — Личность малоизвестная. Знаю только, он умер в один день с Кагановичем.

— Есть определенная связь?

— Возможно, — поджал губы Гуртовой. — Подробнее давайте поговорим об этом через месяц. Я хочу соблюсти условия нашего договора. Пока не время.

Ответ исчерпывающий. Раскрываться раньше времени Гуртовой не хотел, в исход лечения верил мало, торопиться незачем.

Но теперь было с чего начинать!

Выяснение личности Сладковского Судских возложил на Бехтеренко, себе же отвел участок более интимный — через Любашу. Может быть, она не знает, чем занимался ее отец, но веки жизни знала вполне.

Они созвонились. Любаша страшно обрадовалась ему.

— Я совсем не надеялась больше увидеть тебя!

— Почему? Я вроде на юного ловеласа не похож, — возразил Судских с усмешкой.

— Влюбленную женщину не обманешь. Тебе искренне хочется видеть меня? Или...

— Очень, Любаша, — остановил ее Судских. — Как, скажем, сегодня? Ты располагаешь временем?

— Давай завтра? Я сегодня не совсем здорова. А завтра я тебя такими вкусными штучками накормлю! — промурлыкала она, и Судских не стал настораживать Любашу настойчивостью.

Что некоторое время занимало его мысли, так это разность оценок личности Любашы. Жена считала ее потаскушкой, аферисткой и в грош не ставила. Женская логика при оценке соперниц. Он же знал ее как человека, понимающего искусство, начитанную, умеющую создать уют и найти путь к сердцу мужчины. Так-то оно так, но его сударыня зрила в корень: не связывайся — сучка, и делиться тобою с ней не собираюсь — все мое.

К его удивлению, позвонил Бехтеренко и сообщил, что по Сладковскому он отработал. Часа не прошло!

— Как ты так быстро умудрился, а, Святослав Павлович? — не скрывал удивления Судских.

— Сам удивляюсь. Из двух разных половинок один зипун сшил. Сладковский непосредственно участвовал в поиске библиотеки царя Грозного по личному распоряжению Берии. Кстати, Смольников подтвердил: в семнадцатом веке книги находились в Выксунском женском монастыре.

— Выксинском, может? — поправил Судских.

— Именно Выксунский, — настаивал Бехтеренко. — Хотя грамотнее говорить, как вы сказали. Это от Петра Первого пошло. Он затеял в Выксе металлургический завод ставить, и «выксинский» ему не понравилось. Выксить на старом жаргоне — врать без оглядки. И в точку. Более бессовестных вралей, чем в Выксе, по всей Руси нет. Видно, определенные

факторы местности сказываются. Водичка там с большим содержанием железа, на психику давит, так Гриша Лаптев сказал. Вот так царь Петр хотел хоть чуточку изменить характер ее жителей, — со смехом рассказывал Бехтеренко. — Заводчик Першин клялся Петру поставить завод к следующей осени и обманул. Еще раз клятву дал на кресте и опять обманул. Третьей клятвы Петр не дождался. Умер. Но женский монастырь частично разгромил, отдавая его земли заводу. Дело в том, что в этот монастырь Романовы заключили мать царевича Дмитрия, а Петр, как и все Романовы, люто ненавидел все, связанное с их восхождением к власти. Богатый монастырь захирел, монашек большей частью развезли по другим обителям, тогда и книги исчезли. Смольников установил дальнейшую судьбу игуменьи монастыря. Она скончалась в тоске на Рязанщине.

— Почему в тоске? — зацепился за нсординарное сравнение Судских. Хотелось расшифровки.

— А на это есть подлинный синодальный документ. За хранение непотребных книг игуменью Параскеву от Церкви отлучить, пытать нещадно, куда эти книги делись. Параскева тайны не открывала. Их дальнейший след обнаружился случайно, тут нам Виктор Вилорович помог. В архивных документах нашли донесение уполномоченного ОГПУ по Рязанской области о том, что дом купца первой гильдии Боголепова в Сарас, где умерла Параскева, снесен в 1878 году и при сносе обнаружен тайник с древними книгами, которые отдали на изучение некоему Петухову Л.Д. Видимо, ему грамотешки не хватало, и он повез книги в Москву. Так писали «Губернские ведомости». В Москве Петухов остановился в доме госпожи Тумовой, а дом этот сгорел в одночасье на второй день по приезде Петухова — так похихикивала газета, намекая на невезенье Петухова. Скорей всего Петухова в Рязани недолюбливали за гонор. Но книги он спас. На пожаре простудился и вскоре умер. Госпожа Тумова обвинила в пожаре Петухова — курил в комнатах — и книги забрала себе в качестве компенсации за ущерб и продала за сто рублей шведу Эрику Густавссону.

— Кому? — резануло слух Судских.

— Густавссону. Знакомое имя?

— Очень знакомое. Продолжай, Святослав Павлович, — навоострил уши Судских.

— Эрик Густавссон постоянно проживал в Москве и слыл знатоком российских древностей, даже не польстился на высокую должность в Петербурге. Умер он накануне первой русской революции. Его сын, Свен Густавссон, собирался выехать в Швецию сразу после смерти отца, но по каким-то причинам дотянул до Октябрьского переворота. Есть даже документ о разногласиях с российской таможней: часть багажа, предназначенного к вывозу в Швецию, запрещена в 1905 году. В том числе книги.

— Ты думаешь, те самые? — спросил Судских.

— На сто процентов. Свен Густавссон, умирая в 1923 году, завещал эти книги, которые оставались в Москве, своему сыну Адольфу. Об этом в ГПУ знали и, когда Адольф Густавссон прибыл в Россию в качестве инженера фирмы «Сименс—Шукерт», за ним установили плотное наблюдение, но безрезультатно. Никаких книг он не разыскивал и уехал обратно в Швецию после крупного процесса по делу «Метро-Викерс», а в 1959 году появился его сын Якоб. Вот он-то интерес к книгам проявил и попал в поле зрения КГБ.

— А дети у него были?

— Двое. Сын Улаф, который работал при посольстве Швеции, и дочь. Она в Россию не выезжала. Что интересно, Михаил Сладковский работником МГБ и КГБ никогда не числился, но результатами поиска книг интересовался в первую очередь. Отчеты попадали ему в Президиум Верховного Совета. Есть расписки в получении документов, — завершил рассказ Бехтеренко.

— Обожди-ка, Святослав Павлович, — попросил Судских. — По другим сведениям в отправке книг на «Саломее» в 1928 году участвовал Сунгоркин. Адольф Густавссон выехал назад в Швецию в том же году и книг не вывозил, а сын его возобновил поиск в 1959 году, и это были те самые книги, которые интересуют нас. Его сын Улаф, судя по некоторым данным, поиск продолжил. Он познакомился с дочерью Сладковского, женился на ней, увез в Швецию, но через год развелся с ней. Видать, Любовь Сладковская о книгах ничего не знала. Давай подведем итог. А: книги могли вывезти на «Саломее». Б: возможно, вывезли не те книги.

— Подождем сообщений от Бурмистрова, — мудро рассудил Бехтеренко. — Ждем сообщений со дня на день. О самом Сладковском интересно узнать?

— Еще как. Слушаю внимательно, — ответил Судских, отметив про себя, что Бехтеренко ни одним словом не упомянул о его знакомстве с дочерью Сладковского.

— Прежде всего это родственник Лазаря Кагановича.

— Для начала весело, — усмехнулся Судских.

— Точно так, Игорь Петрович. Их было несколько, таких родичей, кого он просил сменить фамилию. Писатель Пистер — Пинхос Менделеевич Каганович. Моисей Менделеевич, ставший Сомовым. Пистер и Сомов были репрессированы в 1949 году и умерли на Колыме, оба в 1950 году, а Моисей Менделеевич, он же Михаил Сладковский, благополучно пережил родственников. В аппарате Совнаркома он работал протоколистом до 1931 года, а в 1938 году возглавил специальный архив. Знаете, кто протезировал ему? Кто высоко взлетел в том году?

— Берия? — догадался Судских.

— Именно! Он же поспособствовал его переводу в аппарат Президиума Верховного Совета и готовился сменить Георгадзе. Однако в это время его отношения со Сталиным разладились, и Сладковскому пришлось довольствоваться местом референта-архивариуса. Но все равно и тут много интересных деталей. Оклад Сладковского был выше оклада любого министра, он разъезжал на «Чайке», имел правительственную дачу. Сладковский был единственным из мелкой сошки, кто раз в три месяца посещал кабинет и дачу Сталина. А если Сталин уезжал отдыхать на юг, туда обязательно выезжал Сладковский.

— Тут я немного приподниму завесу тайны, — сказал Судских. — Сладковский считался астрологом Кремля. В те времена это не афишировали, но прогнозы учитывались. Только скажи мне, каким боком он касался розыска книг?

— Никаким. Видимо, распоряжение Берии было устным.

— А в масонской ложе он состоял?

— Сложный вопрос, — затруднился Бехтеренко. — Мы почти ничего не знаем о масонах тех лет. Спецархив КГБ исчез по личному приказу Берии в 1953 году. Известно, в частности, что Берия предлагал Хрущеву этот архив в обмен на жизнь. Никиту он не заинтересовал, его масонские тайны не пугали, боялся он другого архива. Уж он точно в масонах не состоял.

«Теперь дело за Любашей, — отчетливо решил Судских. — Она обязательно устранил просветы в биографии папаша».

Двумя днями позже ему пришлось спешно выезжать на Сорокапятку: Любаша Сладковская отравилась газом в своей квартире, как раз в день их намеченного свидания, и Гуртового пора было побеспокоить по причине смертей, с тех пор как УСИ занялось поиском книг Ивана Грозного. Вежливо нечего ждать.

Гуртового он нашел в прекрасном расположении духа. Лечение Судских ему нравилось. Кожа на лице посвежела, тусклый взгляд посветлел, даже кадык уменьшился, и он заметно поправился.

— Я рад за вас, — выслушал его восторженный отчет Судских. — Но приехал с плохими вестями. Любовь Сладковскую нашли в собственной квартире мертвой. Уверен, смерть насильственная.

— Игорь Петрович, даю честное слово, что не имею к этому никакого отношения! — рьяно защищался Гуртовой.

— Кто же тогда мог быть причастным?

— Указанный в записке, — спокойно выдержал пристальный взгляд Судских Гуртовой. — Но мы с вами условились затевать все разговоры спустя месяц. Будьте джентльменом, Игорь Петрович. Даже смерть близкого вам человека не может его расстроить.

Последнее покорило Судских, но Гуртовой был прав. Он сразу обозначил имя главного масона, чему Судских не хотел верить...

Президент не досаждал ему в первый год. Ненастойчиво интересовался поиском книг, деятельность УСИ контролировал в обычном порядке на рядовых совещаниях. За год он преуспел на своем посту, положение в стране менялось к лучшему, и все это без надрывных заявлений типа: «...Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме!» Или оголтелого вранья, каким славились предыдущие власти. Чересчур скучно шла его перестройка. Без скандальных разоблачений отдельных лиц, без заказных убийств, уличных разборок криминальных группировок. Россия, привыкшая к сумятице, скучала, и не особенно ее растормошили «Куликовская битва» или неожиданные смерти людей малоизвестных. Разве что президент пообещал вести беспощадную борьбу с наркотиками и что-то там вскользь о выпячивании секс-

меньшинств, порнографии... Сказал и сказал. А скандалов нет. И как-то незаметно поменялся журналистский корпус. Крикливые разоблачители ушли. Или их ушли? Никто не заметил. Среди управляющих банков появились Ивановы. Без взрывов и взрывов началась в обратном порядке национализация крупных объектов промышленности. Ну и что? Ах как ожидали от нового президента топорной работы! Чтоб кровавые щепки по сторонам! И ничего. Скука. Оставались только дороги и дураки, а в остальном скука и неизвестность.

С чем не мог согласиться Судских, так это с кажущейся тишиной. За чертой взгляда обывателя кипело и клокотало, шла тайная война со сторонниками прежних порядков, когда можно рвать Россию на части, высасывать последние соки и ни за что не отвечать. Война была безжалостной, чьи-то руки рвали нити, которые связывали прошлое и настоящее, без чего нет будущего.

После таинственной смерти Любаши произошли не приметные, но интересные события: согласованы сроки приезда Хироси Тамуры и выдворен из России как персона нон грата Мойзес Дейл. Ему инкриминировали участие в наркоторговле.

Судских удивился. Мойзес Дейл работал аккуратно и никак не мог скомпрометировать себя и свою организацию. Брали его люди Воливача, и деталей задержания Судских не знал.

— Виктор Вилорович, — связался он с Воливачом. — Ничего не понимаю, Мойзес Дейл опытный разведчик, как это произошло?

— Дейл тоже ничего не понимает, но факты изобличающие.

— Нахаловка?

— Она самая, — подтвердил Воливач. — Хватит с ним чикаться. Можно доказать его причастность к нашим мафонам, но этого к делу не пришьешь, публике неинтересно. А наркотики оживляют интерес обывателей. Достойная огласка.

— Не совсем приличная.

— Не до приличий, Игорь. Готовилось покушение на президента, тебя, меня, а это не туфта, — нажал голосом Воливач. — Это доказано. Руководил операцией Мойзес Дейл. Ниточки он дергал, хотя прямых улики нет. Попутно

убирались те, к кому мы подбирали ключики. Кстати, Гуртовой исчез.

— Он не исчез, — возразил Судских. — Он у меня.

— А почему я не знаю? — повысил голос Воливач.

— Поймите меня правильно, Виктор Вилорович, но ставка высока. До поры до времени решил о Гуртовом не говорить вам.

— С огнем играешь, Игорь. Гуртовой живет без принципов.

— Пока живет, — весело сказал Судских, и Воливач промолчал.

— Ладно, — сказал он после паузы. — Гляди, чтоб не переиграл тебя. Небось посулил ему долгую жизнь, — умудрился вычислить Судских Воливач.

— Посулил, — не стал отнекиваться Судских.

— А с книжками прогресс есть? Встречался недавно с президентом, его патриарх теревит. В Церкви скандал назревает, хотят владыку сместить и жить по старинке, а дедка против.

— Двигаемся, — уклончиво ответил Судских и вернулся к Дейлу: — Вы правы, кто-то рвет веревочки.

— Осознал? — посмеялся Воливач. — А теперь посмотрим, есть другой резидент или нет. Игорь Петрович, — переключился и он, — к тебе, слышал, японский сейсмолог едет?

— Едет. Сегодня встречаем, — кратко ответил Судских.

— А с чем едет? Он года два добивался встречи именно с тобой. Я, грешным делом, даже позавидовал.

— Не стоит, Виктор Вилорович. Причины пока и мне не известны. Выложит, поделюсь, — пообещал Судских.

Судских лично выехал встречать Тамуру. Сразу договорились, японец будет жить в одном из загородных особняков УСИ. Тамура с радостью согласился.

— Очень хорошо, — ответил он. — Мой визит очень и очень особый.

По пути из аэропорта о серьезном не говорили. Судских предложил Тамуре отдохнуть с дороги, а с утра встретаться.

— Нет, нет! — энергично запротестовал японец. — Сразу!

— Почему такая спешка, Тамура-сан?

— Едва я начну, вы сразу поймете. Это очень важно. Много времени упущено зря, и в вашей стране ситуация вышла из-под контроля.

— Так мрачно, Тамура-сан? — спросил Судских, внимательно глядя на японца.

— Еще мрачнее, чем вы думаете, — с тоской ответил японец. — У вас есть ас-программист? Я бы не хотел, чтобы некоторые сведения ушли дальше вас, — подчеркнул он.

— Есть, — подтвердил Судских. — И очень опытный. Скажите, а почему именно мне вы решили довериться?

Японец, прежде чем вымолвить слово, поклонился глубоко.

— Я не мистик, но, будучи на Тибете, спросил у Далай-ламы, кому я могу довериться. Он ответил: человеку, кто пережил две смерти — физическую и духовную. Составленный гороскоп показал, что таких людей на земле только двое. Один из них вы. Линии энергетических полей привели к вам. Два года я потратил, чтобы найти вас и не вызвать подозрений у могущественных сил зла. Думаю, мне удалось это. И давайте не откладывать разговор. Я бодр и готов выполнить мою миссию.

Судских раздумывал над словами Тамуры и вовсе не о тщательной секретности визита: какой катаклизм выпал из его внимания? Японец по-своему истолковал его молчание.

— Господин Судских, — решил он чуть шире пояснить спешность своего визита. — Катаклизмы, чтобы максимально точно определить эпицентры, надо обсчитывать тщательно. Я разработал собственную систему обсчетов и пошел дальше обычных подземных извержений. Тогда мне открылось неведомое прежде.

Он замолчал, и Судских не задавал вопросов.

— В Ясенево, — велел Судских. Он посмотрел на часы. Почти шесть. И взял в руки мобильный телефон. — Григорий, на месте?

— Собираюсь уходить, Игорь Петрович, — откликнулся Лаптев. — Есть проблемы?

— Задержись, Гриша. К нам едет ревизор.

— Не пугайте, Игорь Петрович, — засмеялся Лаптев.

— Шучу, — успокоил Судских. — Жди меня.

В Ясенево он предложил Тамуре освежиться, привести себя в порядок и перекусить с дороги.

— Десять минут, и я готов, — заверил Тамура с поклоном.

Судских вызвал Лаптева и ввел его в курс дела. Григорий удивления не выказал и дожидался Тамуру вполне спокойно.

Японец вышел из комнаты отдыха Судских раньше отпущенного срока. Выбритый, посвежевший, с вороненым блеском сырых волос. От еды он отказался.

— Я готов работать.

— Пойдемте, — пригласил его Судских в лабораторию Лаптева.

Знакомство состоялось. Как водится, каждый старался найти в другом точки соприкосновения уровней знаний. Ягоды одного поля быстро находят их. Первым делом Тамура придирчиво оглядел технику и остался ею доволен.

— Не ожидал, — восхитился он, и Гриша зарделся от похвалы. Сама лаборатория была предметом его гордости.

— А я вообще задачи пятого уровня сложности обсчитываю на 286-х счетах, — отвечал он небрежно, и Тамура правильно понял: перед ним настоящий специалист, если не суперас.

— Сначала немного теории, — не стал зря тратить время Тамура. — Более двадцати веков назад Пифагор сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар». Перевод искажен, люди тогда мыслили абстрактными величинами. Смысл слов иной: «Мне нужна абсолютная величина, и я смогу составить точную картину развития планеты». Его сподвижники-пифагорейцы создали прекрасную математическую школу, где математику увязали с философией. Язык чисел самый точный, язык философии подвижен во времени. И задача Пифагора в поисках абсолютной точки отсчета стала походить на стрельбу по движущейся мишени. Сам Пифагор свою главную задачу не успел решить, его убили, но теорию высоких чисел он заложил. Согласно этой теории можно соединить время и пространство. Рассчитать точный гороскоп каждого человека, прогноз погоды и события. Но до сих пор абсолютной точки отсчета нет. Это похоже на постройку корабля. Его корпус собирают отдельными частями на плазе в полную величину. Тому, кому удастся составить единую формулу постройки судна, человечество обязано поставить памятник из золота в полную величину. Увы, ее пока нет.

Судских слушал внимательно. Гриша только делал вид. Ему вполне доступны и не такие вещи. Пока Тамура его не привлекал, Гриша не находил сути рассуждений.

— Одним словом, абсолютности пока нет ни в физике, ни в философии, ни в прочих науках, которые мы называем

точными. Почему? Изменена точка отсчета времени. Мы привыкли считать даты от Рождества Христова, фиктивный нуль изменил наши представления о времени, хотя, например, христианская церковь соблюдает хронологию с древнейших времен. Путаница есть и тут. По церковным календарям 2000 год равен 7508 году, а по тибетским сейчас 9227-й. Путаницу создали христиане. Якобы. Но подсказали ее левиты царя Соломона, о чем сказано в книге толкования Талмуда «Мидрашим». Казалось бы, что особенного? Оказалось — очень. Изменилась философия — движитель жизни, прекратилось гармоничное развитие человечества, появились избранные народы, что в корне дико и нелепо, и самое главное — нарушилась музыка человеческой души. Не случайно музыкальный строй, благозвучие, называется пифагорейским строем, а Пифагор, согласно математическим расчетам, доказал возможность переселения человеческих душ. Церковь во все времена жестоко преследовала подобные рассуждения. Человечество превращали в скотов, чтобы управлять им было удобнее избранным.

Теперь уже и Гриша слушал Тамуру внимательно.

— К таким выводам Пифагор пришел не сам. Задолго до него древние обладали исключительными знаниями в математике. Сейчас только осколки знаний напоминают об исчезнувшей цивилизации. Кто, например, построил египетские пирамиды, кто рассчитал висячие сады Семирамиды или кто подсказал Сталину ставить мавзолей в точке золотого сечения, где он и его приближенные могли без усталости выстаивать часами?

Я пришел к выводу, что абсолютная точка отсчета существует и некоторым людям известна. Самое удивительное, что рассчитывается она не цифрами, а словами, поскольку материю трудно просчитать с точностью. Когда мы говорим единица чего-то, все равно эта цифра приближенная, а буква, если ее зашифровать цифрой, числом, она всегда точна — один есть один. Это и есть абсолютная точность. А теперь давайте перейдем к практике...

Тамура достал из карманчика легкой рубашки-апах дискету и вручил ее Судских. Он передал ее Лаптеву, а тот равнодушно зарядил блестящий диск в компьютер и приготовился к дальнейшему. Что-то ему не нравилось, но что,

он скрывал за равнодушием. Судских взглянул на него неодобрительно. Ревнует...

— Прошу вас, — с поклоном попросил Тамура, указывая на кресло перед монитором. Справедливость была восстановлена, и Гриша Лаптев удовлетворенно занял кресло.

На экране возникли три линии, которые сходились в центре, но были разновеликими.

— Это золотое сечение в моей интерпретации, — пояснил Тамура. — Центр и есть абсолютная точка отсчета. Одна линия — душа, другая — разум, третья — инстинкт. Вы, наверное, слышаны об икебанае? Так вот школа составления цветов в композиции основана на трех линиях. Пожалуйста, дальше, — попросил Тамура Лаптева, и на экране возник треугольник, забитый внутри цифрами.

— Это магический треугольник, — пояснил Тамура, — изобретение сатаны. Составлен он на основе правила золотого сечения. Каждое бедро треугольника в сумме чисел имеет 666, общая сумма составляет 25 920. Смею утверждать, что сумма эта одухотворена, и вот почему. Как говорил Кант, органические тела — природные машины. Одушевленные органические тела — источники уже не просто движения, а выборочного движения, благодаря чему человек входит в единую биоэнергетическую систему планеты. Согласно этому утверждению берем библейское число 666, знак сатаны, и умножаем на 144, число меры ангела, то есть одухотворяем зверя. Получаем точное число времени астрономического года, период обращения Солнца по кругу двенадцати знаков Зодиака, вводим, таким образом, человека в общую энергетическую систему Галактики.

666 — число зверя, число антихриста. Но где же тогда мудрость, о которой говорил Иоанн Богослов? И где же тогда приход антихриста, которого ждут, кто с нетерпением, кто со страхом? Давайте вспомним: дьявол, искушая Христа, говорил ему: «Если, пав, поклонись мне, отдам тебе все царства мира и славу их». Но Всевышний требовал того же от человека, не обещая самих царств и славы, а только царства божия в иной жизни. Так, согласно Библии, поучал Христос. Но другие, более древние учения, высказывались искреннее: сын человеческий совершает путь к сыну божьему, — это и есть истина, смысл жизни — уход от пороков, что в целом и есть гармония.

Кому надо было исказить учение Христа до уродливости, подменить познание истины до раболепного поклонения? Кто исказил Библию?

В настоящее время каноническая Библия состоит из 39 канонических книг и 11 неканонических. Например, «Соломоновы притчи» или «Песнь песней». Из нынешнего текста Библии исчезли книги апокрифические, то есть тайные. Например, безжалостно выброшены книги Еноха, где говорилось о делении человечества на расы и связи их с космосом. Нет и книги Ноя, где даны навигационные исчисления, согласно которым ковчег достиг Арарата. Получается, Церковь сознательно лишила людей мудрости и превозносит Библию как Книгу книг. Ради собственной власти над умами людей, ради превращения их в послушных скотов.

Людей ввести в заблуждение можно, математику — никогда. Давайте посмотрим. Присвоим буквам вместо алфавита числовое значение и вынесем в магический треугольник...

Григорий кивнул и проделал ряд манипуляций.

— Возьмем теперь имя Иисуса Христа и запишем его тремя способами для вящей убедительности: порядковыми номерами самих букв; числами, полученными в результате перевода буквенной записи порядковых номеров букв; и по принципу комплиментарности к исходной записи. Прошу вас, — обратился к Лаптеву Тамура.

Григорий выполнил все три комбинации.

— Теперь смотрите, Судских-сан, — указал он на монитор.

На имя Иисуса Христа выпали три шестерки.

— Вы согласны с моими расчетами? — наклонился к Лаптеву Тамура. — Ошибки нет?

Григорий уже не выглядел ленивым слушателем.

— Не ожидал. В самом деле, язык чисел — точен...

— Вот что может случиться, если пренебрегать законами математики, — назидательно сказал Тамура. — Давая нам в руки Библию, левиты дали нам изуродованную лоцию.

«А не потому ли так взволновался владыка? — вспомнил Судских. — У него наверняка есть свои расчетчики, сейчас Церковь вооружается не только свечками и церковным вином, не только выпускает требники и молитвенники — покупают компьютеры, и самые точные. Не предрекли ли ему кончину Церкви, согласно математическим расчетам? И настоящая просьба разыскать книги Ивана Грозного неспроста...»

Тамура заговорил, и Судских оставил размышления.

— Давайте, согласно учению Пифагора о числах, разложим любую строчку из Библии.

Он достал карманную Библию и передал ее Лаптеву.

— Выбирайте сами. Хотите из Апокалипсиса? Возьмем, например, знаменитую фразу из тринадцатой главы: «...Здесь мудрость: число 666...» — и так далее.

— Один момент, — сказал Лаптев и занялся текстом. С одной стороны, его веселило занятие, с другой — нравилось. Тамура нашел неадекватный подход к Библии, сам он уже занимался этим по своим расчетам. Теперь Библия открывалась ему в ином свете. — Готово, — ответил он, указывая на монитор.

— Прекрасно, — убедился Тамура. — Теперь пересчитайте числовой текст без учета числа ангела 144.

Григорий хмыкнул и занялся пересчетом. Пока он возился, Судских спросил у Тамуры:

— У вас английский текст. А если Библия на русском языке?

— Одинаково, — заверил Тамура. — Я проделывал подобные операции с любым текстом, даже на японском и китайском. Результат один. Мы ведь обрабатываем эмоции точным методом. Математика выводит всех и вся на чистую воду.

— Читайте, — пригласил Лаптев. — Ну и дела...

Судских и Тамура вперились в экран.

«Иисус помощник. Где будет он, уже легче найти приют, так там можно расслабиться; помни эту заповедь Соломонова круга».

— Вот какую лоцию получили в наследство христиане благодаря ненависти к ариям киевского князя Владимира. Теперь вы сами можете прочесть зашифрованный текст наставлений для тех, кто желает завладеть Россией. Указаны и сроки.

— Дурят нашего брата, — прокомментировал по-русски Лаптев. — И дурить еще будут долго.

— Не бойся, Гриша, — ответил Судских. — Нас без хрена не возьмешь, а такого количества хрена, чтобы съесть нас, на всей планете не найдешь. — И обратился к Тамуре: — Интересно мне, а как Япония избежала тесных объятий хрис-

тианства? Ведь миссионеры проникали в глубь Японии, а результат их деятельности оказался невысоким?

— О, — разувлябался Тамура, — это действительно интересно. Я сегодня же расскажу вам об этом.

— Господин Тамура, а в японском переводе вам по-падалась эта книжка? — спросил Судских, протягивая брошюру. — «Япония — щит арианства».

Тамура повертел ее в руках, чему-то улыбаясь. Судских ждал.

— Господин Судских, перед вами автор этой книжицы. Я написал ее лет двадцать назад, когда увлекся арийской культурой...

3—15

Токугава Иэмицу явно выражал неудовольствие по поводу сообщения из Нагасаки: простолюдины в Симабаре избили и выгнали сборщиков податей. Такого еще не случалось с тех пор, как глава рода великий Иэясу Токугава повелел перенести столицу в Эдо. И вообще со времен его блистательной победы при Сэкигахаре, когда Иэясу железной рукой обуздал своенравных князей-дайме и покончил тем вековые распри, не случалось такого в провинциях Японии. И не так уж тяжело живут в Симабаре, рисовый налог там не отягощает. Или опять взбунтовался негодяй Маэда?

— Скажи мне, — обратился сегун к гонцу, самураю из рода сэндайского князя Датэ Масамунэ, — кто первым создал беспорядки?

— Староста рыбацкой общины в Аони, — быстро ответил гонец и, опершись костяшками пальцев о циновку, стукнул бритым лбом о порожек пред грозным сегуном.

Ему правитель мог доверять: князь Датэ свою преданность доказал роду Токугава, в решительный час он оказался рядом.

— Чем была недовольна община?

— Э, — набирался духа гонец. — Они хотели всей общиной перейти в иную веру. Построить пагоду в честь бога Киристо и не работать в субботу. Сборщик податей, господин Нория Симадзу, запретил им отдыхать в шестой день недели — община

не рассчиталась за подушные и водные льготы — и вызвал надсмотрщиков, тогда община взбунтовалась.

— Как это — отдыхать в субботу? — закипал гневом сегун. — Чем они лучше других крестьян?

— Староста общины заявил господину сборщику налогов в провинции, что это великий грех...

Иэмицу вскочил и, не в силах подавить в себе великий гнев, почти забежал по залу приемов.

— Что я слышу? Жалкий староста смеет выбирать праздники! Казнить на месте с сыновьями! Общину поголовно бить бамбуковыми палками, по сто ударов каждому; кто осмелится роптать, забить на месте, имущество общины описать в казну!

Ненадолго задержавшись у склоненного гонца, он выдохнул с жаром полного гнева:

— Кто внушил им непослушание? Говори!

— Иноземные монахи из Нагасаки, — промямлил гонец.

— Опять монахи! — зашелся новым припадком гнева правитель. — Опять они вольничают! Пересечь всех!

Сегун затоптался на месте, закрутился вокруг себя, сводя и разводя кулаки. В такие минуты он был особенно страшен, напоминая своего упрямого отца Иэясу. А кому нравятся вольности иноземцев? Его отец, великий полководец рода Токугава, с детства познал лишения в доме князей Имагава, где его держали заложником, сдерживался всеми силами и не позволял себе воспротивиться чужой воле — так это самурайский кодекс! Лишь после смерти могущественного Такэды Сингена отпала нужда покоряться ненавистным Имагава. Иэясу восстал, извел род Имагава под корень и занял место правителя Суруги — так это по праву победителя! Через десять лет он добил прочих приспешников Такэды при Сэкигахаре. Да, Иэясу Токугава восстал против законов, но он забирая назад принадлежащее ему по праву наследника и как награду за смелость присоединил земли покоренных, стал первым в Японии, никому больше не подчинялся, даже императору, будучи военным правителем-сегуном, но что позволяют себе жалкие простолюдины! Это какой порядок будет в стране, где толпа диктует условия и с умыслом подрывает устои державы, которая едва оправи-лась от междуусобиц?

Нервно расхаживая по залу, он заметил у входа меж занавесей своего наставника Сего Мацудайру. Остановился напротив. Мацудайра поклонился правителю.

— Что надобно тебе? — спросил Иэмицу.

— Отпусти гонца на время, нам надо поговорить.

Иэмицу слушался наставника. В свои тридцать три года он мог обходиться без няньки, но Мацудайра был хитер и умен, родственник, и сумел сохранить привилегии наставника при давно возмужавшем правителе. Иэясу доверял Мацудайре.

Гонца как ветром сдуло. Сегун хлопнул в ладоши и велел начальнику стражи не беспокоить их.

Друг против друга, в одних позах говорящих самураев, в одинаковых рэйфку с одинаковыми гербами, они сидели на возвышении, готовые к продолжительной беседе.

— Ты не забыл, великий ссгун, что отец велел пожертвовать малым за не сравнимую ни с чем помощь?

— Нет, — угрюмо ответил Иэмицу.

Как не помнить о помощи голландских купцов в решительный час битвы при Сэкигахаре? Те сняли пушки со своих кораблей и приволокли в лагерь Иэясу. Таких его противник Исида Мацунари в глаза еще не видел. Объединенные войска Исиды дрогнули и побежали. За эту помощь Иэясу Токугава разрешил голландцам основать факторию на острове Амакуса.

— Но отец не давал им права завозить в Японию монахов, — помолчал, унимая раздражение, и добавил Иэмицу.

— И не запрещал, — уточнил Мацудайра. — Религия европейцев запутанна и страшна. У нас на Востоке достаточно улыбки Будды или светлого лика богини Каммон, чтобы снять усталость души, суровый бог войны Хатиман не позволит воину струсить, а европейцы придумали себе бога Киристо, чтобы запугивать своих и чужих. Как ты намерен поступить, великий правитель? — поклонился Мацудайра, показывая, что в любом случае сегун прав.

— Я жестоко накажу простолудинов, а монахов изгоню вон из Японии. Они чужеземцы.

— Ты рассудил мудро. Только узнай сначала больше о Киристо. Зная меру опасности, тебе легче будет избрать и меру защиты. Правильную и обоснованную против чужеземцев.

— Как узнать? Свои станут говорить глупости, славословя Киристо, чужие монахи особенно, китайцы льстиво обманут. Кто поведает мне правду?

— Я знаю такого. Князь Датэ Масамунэ, сподвижник твоего отца. Он отправлял своего хатамото* Хасэкуру Цунэнага в Европу. Тот вернулся лет десять назад, но его воспоминания свежи. Неспроста князь Датэ отказался торговать с европейцами. Они лживы и надменны со своим Киристо. Узнай сам. Датэ умер год назад, а его самурай Хасэкура, я думаю, еще жив. Пошли за ним гонца в Сэндай.

Хмурый Иэмицу согласился.

Войска под командованием его дяди Иэнобу отправились на Кюсю умирять восставших, гонец ускакал на восток.

Весть о мятежниках в Симабаре еще не достигла Эдо, а постаревший хатамото князя Датэ Масамунэ появился в новом замке Токугава. Помня заслуги его сюзерена, Иэмицу принял Хасэкуру с почетом. Редко кому выпадала честь быть принятым в южном крыле замка, куда допускались самые именитые гости и приближенные сегуна. Усадив его рядом, Иэмицу повел разговор.

— Ты знаком с последователями Киристо?

— Да, мой правитель, — с особым почтением поклонился самурай. — Я был принят самым главным монахом в Риме. Его зовут папа, отец всех верующих в Киристо.

— Что ты можешь сказать о нем?

— Что это старый человек, которого избирают на папство из ближайших помощников, как делают это буддийские монахи. Говорил он неумно и неинтересно, во всем ссылаясь на своего Киристо, будто это не придуманный дайме с неба, а грозный земной князь. Все обязаны восхвалять Киристо и бояться его. Простолюдины и князья, кланяясь Киристо, убивают и обманывают друг друга, убивают подло, живут грязно с его именем, понятие чести у них отсутствует.

— Почему ты так зол на них? — удивился Иэмицу. — Одна желчь в твоём рассказе.

* Хатамото — знаменосец. Так называли самых преданных вассалов князя, которым вменялось, идя на битву, надевать на спину подобие знамен-крыльев. Как правило, эти самураи пользовались особым почетом и привилегиями сюзерена.

— Мне было неприятно видеть нахальство тамошних монахов, чего не скажешь о наших. Одеты они мрачно, и мысли их мрачны. За мельчайшую провинность они вызывают солдат и безжалостно сжигают в огне бедных людей. Они могут оклеветать даже князя и отобрать его земли в пользу Церкви именем Киристо. Для них правил не существует, и никому из земных князей они не подчиняются. Мне они казались жирными черными червями, на которых даже рыба не клюет. Однажды в харчевне я расплачивался за ужин и ночлег золотыми монетами. В углу дремали два монаха в черных сутанах с капюшонами. Услышав звон золота, они сразу ожили и, подскочив ко мне, стали требовать деньги, иначе меня назовут шпионом. Спасибо заступничеству судьи и моим верительным письмам от папы, когда меня приволокли в суд. Я показал их, и меня отпустили, но десять золотых присудили отдать монахам во славу святого Франциска, а пять судье за разбирательство. Больше денег у меня не осталось. Если такие грязные законы и люди, бог их не чище.

Иэмицу долго и с удовольствием смеялся. Потом спросил насмешливо:

— А ты хотел бы вновь побывать в Европе?

— Твое желание, великий правитель, — низко поклонился Хасэкура. — Но по своей воле я бы туда не поехал. Клянусь Буддой Амида. Честному человеку там делать нечего.

— Не тревожься, — успокоил Иэмицу. — Я не стану делать этого. Скажи, а в Сэндае ты не встречал монахов?

— Как же! Они добираются до Аомори, Ниигата, попадают оттуда в Сэндай и всюду нахваливают своего Киристо. Самураи их слушают со смехом, а простолюдины глупы, верят монахам.

— На каком языке они говорят?

— На японском, великий правитель. И очень бойко. Они успевают выучить наш язык еще на корабле по пути из Китая, а блуждая в восточных провинциях, быстро осваиваются.

— И местные дайме смотрят на их передвижения спокойно? — почувствовал тревогу сегун.

— Великий правитель, — поклонился Хасэкура. — Как можно запретить сверчку петь и таракану ползать, если хозяин не следит за чистотой в доме? — спросил он и испугался смелости. Он приник головой к полу и не смел поднять ее

без разрешения сегуна, а Иэмицу расхохотался вдруг и приказал весело:

— Ну-ка подними голову, я хочу видеть твое честное лицо. Я не обижен. Ты подсказал мне хорошую мысль. Иди отдыхай.

Он хлопнул в ладоши и велел начальнику стражи:

— Передай дворецкому, чтобы хатамото Хасэкура Цунэнага ни в чем не имел стеснений. Когда он отдохнет, сопроводить его в Сэндай с достойными подарками. Он заслужил это.

Опустив голову и пятась задом, Хасэкура достиг выхода из зала. Голос сегуна остановил его:

— Эй, хатамото! Ты сказал, надо заботиться о чистоте?

— Прости, великий правитель, но я так сказал...

— Ты правильно сказал. Не бойся. А встретишь монаха-чужеземца, всыпь ему бамбуковых палок! Он знает за что.

Покидал замок Хасэкура в недоумении. Ему говорили о жестокости сегуна и скорой расправе за проступок, а с ним обошелся милостиво, принял и проводил с почестями...

О поездке в Европу Хасэкура вспоминать не любил.

Иэмицу же беседу с Хасэкурой не забыл. Когда пришел Мацудайра, он пересказал ему слышанное от хатамото и велел доставить в замок монаха-францисканца или вообще любого, какая разница — черви и черви, мало ли какого цвета их сущность.

— Только вели доставить его в нижний фехтовальный зал.

— Я понял тебя, великий правитель, — поклонился Мацудайра. — Но ты будешь милостив? Не обижай чужих богов.

— Я буду справедлив, — отрезал Иэмицу.

Монах в фиолетовой рясе встретил его посреди зала блудливыми глазами. Не поклонился, ладоней из рукавов не вынул. Только отбеленная веревка, перехватывающая сутану монаха, привлекала взгляд сегуна. Ну и рожа...

«Разве можно славить чистого Бога в таких одеждах? — подумал Иэмицу, представив синтоистских и буддийских служек в одеждах светлых тонов. — Темные одежды, темные мысли, темные дела...»

— Ты почему не поклонился мне? — сразу пришло раздражение к сегуну. Выходит, он пришел на поклон к монаху! — На колени!

— Это запрещено верой моей в Иисуса нашего Христа. Только пред ним я преклонюсь, — без испуга ответил монах.

— Чем же так велик твой Исо Киристо? — с насмешкой спросил Иэмицу, уняв раздражение. Оно сейчас не помощник и не судья.

— Поверь в него, тогда познаешь его величие, заступничество. Он добр к иноверцам, прощает их заблуждения.

— Э, да ты никак убеждать меня собрался? — уселся в кресло сегун, разглядывая монаха брезгливо. Прав Хасэкура: эти люди одержимы и, кажется, больны головой. Или придуриваются?

«Сейчас проверим...»

Хлопнув в ладоши, он велел вошедшим стражникам принести его любимый меч, который служил еще отцу, Иэясу из рода Токугава.

— Не делай этого, правитель! — взволновался монах. — Иначе кары небесные падут на твою голову, небо обрушится на тебя!

— Вот как? — изобразил удивление сегун. — А как ты сообщишь своему Киристо, если я отрублю твою голову?

— Я попаду в райские кущи невредимым, он выслушает меня, и архангелы его отомстят за меня.

Внесли меч на поставце, маленькую кадку с водой, полотенце. Служители замерли у входа.

— Я тебе не верю. Ты нагл, как твои собратья, и лжешь. Нет никаких райских кущей, твой бог придуман людьми, хитрыми и лживыми, ради низменных целей.

— Именем Иисуса сладчайшего заклинаю тебя, оставь мне жизнь! В чем я виноват? — завопил монах, заворуженно наблюдая, как сегун обнажает сияющий меч. — Я поклонюсь тебе! Я поцелую твои ноги!

— Как ты быстро изменился! — поцокал языком Иэмицу. — А где обет твоему Киристо кланяться только ему?

— Моя жизнь нужна Иисусу, она дороже заповедей!

— Встань, — потребовал сегун. Монах, крихтя, поднялся, по привычке сунув руки в широкие рукава сутаны. — Связать ему руки!

Приказ выполнили, монаха поставили на колени.

— Чем я провинился пред тобой? — жалобно спросил монах.

— Ты высокомерно говорил о своем боге и обесчестил его и себя в миг опасности. На самом деле ты обычный червь.

В монахе от неминуемой расправы что-то внутренне изменилось. Он решил спастись прежним способом, дикари невежественны. Его надтреснутый, глухой голос сулил отмщение за убийство слуги божьего и всем дикарям, отвергающим величие Иисуса Христа.

На миг правитель вспомнил угрюмое лицо Хасэкуры во время рассказа о самоуправстве монахов. А вдруг этот Киристо и вправду всемогущ? Ночью все кошки черны, а монах сулит ночь...

— Ты будешь проклят, если казнишь меня, — угрожал монах.

— Ты расскажешь это на небе? — осведомился Иэмицу.

— В тот же миг!

— А как ты сделаешь это? Как дашь мне знать о силе твоих духов зла? Убеди меня. Напугай! — насмехался сегун.

— Узнаешь, — принялся нашептывать молитвы монах.

— Хорошо. Допустим, я поверил тебе. Но хочу убедиться в том, пока ты жив. Ты намекал на чудеса. А сможешь ли укусить эту кадку, когда твоя голова покатится отрубленной?

— Господи Иисусе! — завопил монах. — Дай мне силы посрамить этого дикаря, который счастья своего не видит! Спаси меня и его! — Монах взвыл болес дико и завопил: — Я укушу эту кадку!

Сегун взял меч обеими руками, примерился, сверкнула молния прочнейшей стали, голова монаха сползла с его шеи, отвалилась и, убыстряя бег, покатила к кадке. Глаза, расширенные в орбитах, налились кровью, рот оскален, оскал шире стал и зубы впелись в край кадки. Прошло мгновение, будто вечность. Глаза закрылись, обессиленная голова откатилась в сторону.

Сегун спокойно полил меч водой, ковшичком из кадки, не обращая внимания на отрубленную голову, а слуги с ужасом наблюдали за ним. Дьявол, нарушивший законы возмездия! А сегун медленно обтирал меч полотенцем.

Неожиданно для всех Мацудайра сделал шаг к правителю. Он следил за казнью незамеченным за дверью фехтовального зала.

— Тебе понравился мой удар «дзимпо» наискосок? — спросил он наставника, будто не истекало кровью обезглавленное тело у ног.

— Удар красивый, — с поклоном отвечал Мацудайра. — Но ты убил беспомощного. Теперь его духи будут мстить тебе.

— А во дворце начнут шептаться о грозящей каре, будут уговаривать сходить на моление в храм Ясукуни, — закончил за него сегун насмешливо.

— Ты зря так беззаботен, ты обещал быть милосердным. А чужие или свои боги наказывают за казнь чужого слуги без их разрешения, если он не виноват пред тобой.

— Я не собирался казнить его ни с разрешением, ни без такового, — разыгрывал удивление Иэмицу. — Мы только поспорили с ним. Ты, мой наставник, слышал наш спор и не можешь обвинить меня. Он мне обещал, что укусит кадку после того, как его душа отлетит из тела, а с неба он подаст мне знак. Я выполнил свою часть условий, ему предстоит еще выполнить свою. В чем ты обвиняешь меня? Я был честен с ним и остался чистоплотным без него. И ты упустил главное в разговоре, нашем с тобой, — подчеркнул сегун. — Почему ты не спросил о храме Ясукуни, где обитают души убитых воинов?

Мацудайра прикусил язык. На это он не обратил внимания.

— Смотри. — Иэмицу задрал подол сутаны кончиком меча и разрезал ее доверху. На поясе монаха с одного боку был нож внушительных размеров, с другого — метательные шары на прочном шнурке. — Видишь, какие слуги божьи приходят к нам? Сначала слово, потом дело...

— Ты прав, великий правитель, — сказал Мацудайра с поклоном.

— Такова легенда, — засмеялся Тамура, окончив рассказ. Судских и Бехтеренко выслушали ее со вниманием.

— Но такова ли истина? — спросил Судских. — Не спорю, фантазия японца облекла притчу в свойственную им форму, но третий сегун из рода Токугава жестоко подавил бунт охристианенных японцев и выдворил всех миссионеров из Японии, под страхом немедленной смерти запретив им ступать на ее берега, и вообще каждому чужеземцу. Такой

указ был обнародован в 1638 году. Так и было на протяжении двух с лишним веков.

— Было именно так, — согласился Тамура. — Нация пережила времена отчуждения, дух ее укрепился внутренне, хотя внешне Япония обносилась. Зато с прекращением власти военных правителей-сегунов быстро устремилась вдогонку за развитыми странами, догнала и перегнала их. Но силы для этого японцам дала их духовность, уверенность в своей уникальности. Маленькие размеры страны не сделали японцев карликами. Как у вас говорят, в своем доме и стены помогают. Нас не разрушили религиозные войны, смятения в души не посеяли чужеземцы рассказами о могущественном Христе. Мы веротерпимы, веропослушны и снисходительны к другим, любая вера у нас разрешена, и поэтому у японцев нет желания менять одну веру на другую. Вы согласны?

Бехтеренко хотелось возразить, и Судских подождал со своим ответом.

— В какой-то мере я согласен с вами, но секта Аум разносит свое учение по земле, и учение злос, — возразил Бехтеренко.

— Но мы не даем секте распоясываться, — не принял довода Тамура. — Расправа с нарушителями законности не рассматривается как притеснение верующих. У нас не прижилось масонство, и любой иностранец под присмотром всех японцев. Это не стукачество, так прижившееся в России, это разумная мера, поскольку каждый японец понимает: если чужеземец укрепляется в Японии, он станет пусть исподволь, но проводить в общество свои убеждения и смотреть на коренных жителей с высоты своих нравов. Русские убедились в том, слишком близко подпустив к власти иноверцев, как до этого американцы. У вашего великого Петра больше разворовали через прорубленное окно, чем он втащил. Лучше все же сначала делать двери. Это по-людски везде.

— Поэтому вы не делаете окон? — насмешливо уколол Судских.

— Кто знает, — уклончиво ответил Тамура. — Здесь начинается философия духа. Но в одном я уверен полностью: христианство насаждалось далеко не чистоплотно. Осуществись глобальный замысел христовых патриархов, неминуемо началась бы эпоха войн, куда более разрушительных, чем

Первая и Вторая мировые войны. Чеченский синдром страшнее бесчеловечной политики фюрера к другим народам.

— Ну, тут мы можем поспорить, — вставил слово Бехтеренко.

— Не надо, — остановил Тамура. — Я согласен с генералом Грачевым, что один десантный полк способен боевую задачу выполнить. Но что потом? Вы рассуждаете о физике войны, о ее техническом оснащении, а я о философии войны. И даже не о том, что чечены дрались фанатично, защищая свою землю, — ненавистен чужак по заветам Корана, где с превосходством говорится о глупой христианской вере, на примерах раскладывается ошибочность учения Христа, и никакой мусульманин не подвергнет сомнению Коран, ему достаточно уверенности в том, что его обделили неверные, и, подобно нацистам, мусульманам достаточно для убийств двух слов на пряжке ремня: «С нами Аллах».

— Но фюрер-то убивал единоверцев! — вмешался Бехтеренко.

— Выполнял соцзаказ, — парировал Тамура. — Германию обманули территориально. Что касается евреев, он выполнял другой спецзаказ на деньги еврейских банкиров, а заказ этот идет от пророка Моисея — евреи заелись и забыли своего Бога, поклоняются идолам, пора отсекал засохшую ветвь Давидову, что с удовольствием и выполнял фюрер. Зато теперь евреи смакуют истребление единоверцев, весь мир окружен стеной еврейского плача и все бедствия Второй мировой войны сводятся ими к холокосту. Стригут, так сказать, купоны. Но фюрер не конфликтовал с мусульманами. Почему? — посмотрел на обоих Тамура.

— Слишком многое связывает мусульманство и арийскую философию, — ответил Судских. — Арийская культура переродилась позже в магометанство.

— Правильно, Судских-сан! — воскликнул Тамура. — Гитлер исповедовал учение Грааля. Нацизм — калька с антропософии. И с арийскими убеждениями он бы далеко не ушел по мусульманским землям, что удалось в Европе. Китайский император и полководец Цинь Шихуанди, построивший Великую Китайскую стену, говорил: «Воин идет по чужой земле, спать ложится на своей. Противник, уснувший на своей, просыпается под чужим небом». Вам ясен смысл?

— По-моему, вполне, — кивнул Судских. — Боги отворачиваются от беспечных, допустивших врага в свой дом.

— Именно так, — удовлетворился Тамура. — Иэмицу Токугава не оказался беспечным и угрозу нашествия чужеродной религии осознал мгновенно. Опоздай он, христианство переросло бы в раковую опухоль; Япония, подобно губке, напилась бы чужеродным влиянием и могла стать неповоротливой и потопляемой.

— Он был такой умный, ваш Иэмицу Токугава? — исподлобья посмотрел на Тамура Бехтеренко. Чем-то он на японца обиделся.

— Нет, особых качеств за ним не водилось, — постарался очень вежливо сгладить обиду Тамура. — Но были другие, наставлявшие сегуна избрать лучший путь меж двух зол. Таким был его наставник Мацудаира. Он привел к правителю буддийских монахов с Тибета, которым дела не было ни до Европы, ни до Японии, но рассудили они верно: если христианство укрепится на Японских островах, буддийский мир окажется в ловушке без окон. Иэмицу предпочел закрыть двери, тем самым остановив продвижение христианства на Восток. Наступило равновесие, оно сохраняется и сейчас. Едва нарушится, быть новому переделу мира. Задумайтесь над этим.

— Я понял вас, Тамура-сан, — поклонился ему Судских. — И очень благодарен вам за приезд в Россию. Должен ли я сообщить президенту об истинной цели вашего визита?

— Я затрудняюсь ответить, — сказал Тамура серьезно. — Полагаюсь на вашу мудрость. На дискете вы найдете много интересного из области мировых катаклизмов и полярности философий. Зная планы противника, можно избежать ненужных потерь.

— Если бы мы были однородны, — горько усмехнулся Судских. — Россию считают матерью и кормилицей многих, связывая это понятие со словом «дай!». А когда ей трудно, никто не торопится сказать «возьми!». Притом безвозмездно. И все же, господин Тамура, большое вам спасибо. Ответьте мне, пожалуйста, — решился на особый вопрос Судских. — Чем обоснован ваш бескорыстный поступок, сопряженный с определенными трудностями?

— Как раз корыстный, — лукаво улыбнулся Тамура. — Япония обречена. Таковы данные моих сейсмологических

расчетов. Я хочу заручиться поддержкой России, когда наступит черная полоса в жизни моих соплеменников...

Бехтеренко ушел, и разговор полагал полную откровенность. Судских отчетливо понял главную причину визита Тамуры.

— Такие вопросы решает президент. Почему именно мне вы отвели роль арбитра? — спросил он.

— Президенты, господин Судских, приходят и уходят, а арбитров в мире всего двое. Один из них вы, другой молод.

— Можно узнать имя второго?

— Можно, — кивнул Тамура. — Его зовут Кронид, мессия. Он разрушит христианство, докажет его несостоятельность. Так либо иначе ваши пути пересекутся.

Они понимающе улыбнулись друг другу. Судских противился, но что-то заставило его заглянуть внутрь японцу. Увиденное там встревожило его.

— Когда вы собираетесь покинуть нас? — спросил он. — Не посчитайте мой вопрос хамским, меня интересуют меры безопасности ваших передвижений.

Тамура верно понял Судских и ответил:

— Утренним рейсом в Париж. У меня есть там неотложные дела. Потом я вернусь в Японию.

— Я буду провожать вас, — заверил Судских, и японец учтиво поклонился ему.

Утром Тамуру доставили в международный аэропорт к началу регистрации. Еще раньше туда прибыла специальная оперативная группа УСИ, которая спокойно растворилась среди пассажиров.

У стойки таможенного досмотра Судских придержал Тамуру.

— Послушайте меня, господин Тамура, — очень тихо говорил ему на ухо Судских. — Пройдите досмотр и опоздайте на рейс. Затеряйтесь в здании. Так надо.

Тамура нахмурился и тихим голосом спросил:

— Вы чем-то озабочены?

— Да. Не хочу неприятностей. Следующий рейс будет через час, и вы много не потеряете. Сделайте, как я прошу, — сжал он локоть японца. — Так надо.

— О'кей! — сдержал тревогу Тамура, улыбнулся напоследок, пожимая руку Судских. Со стороны выглядело обычным прощанием двух друзей. Один улетал, второй оставался.

Судских проводил гостя взглядом. Вот Тамура прошел таможенный досмотр, вот миновал контроль проверки в аэропорту и оставил пограничную зону... Судских посмотрел на часы и поднялся на верхнюю галерею.

Когда убрали гармошку посадочного коридора и тягач потащил самолет на рулежку, Судских не стал медлить и направился в нижний ярус к начальнику пограничной службы. С его документами Судских пропустили беспрепятственно. Сомнений у пограничников относительно осведомленности шефа УСИ не было:

— Я Судских. По нашим сведениям, на борту парижского рейса находится бомба. Распорядитесь остановить взлет.

— Есть, товарищ генерал-лейтенант, — козырнул пограничный полковник. Шеф УСИ знает, что говорит...

— Моя миссия закончена, — ответно козырнул он и ушел.

Два часа спустя из сводки «Новостей» он узнал, что не ошибся. Бомбу обнаружили скоро, заодно приняли на борт опоздавшего пассажира. Его опоздание никак не связывалось с возможным террористическим актом.

«Счастливого полета», — мысленно пожелал Судских Тамуре.

Кто? — задался он вопросом. Теракты продолжались в стране с прежней наглостью и безнаказанностью. Он сумел предотвратить трагедию, но кто дает сведения, кто?

Позвонил Воливач:

— Игорь Петрович, поздравляю. Ты герой дня.

Судских учтиво поблагодарил и ответил:

— Но мне было бы куда приятней найти исполнителя.

— Нашли, — как само собой разумеющееся, ответил Воливач. — Помнишь, с места нападения на Мастачного «москвичок» удирал?

— Помню, — насторожился Судских, соображая, блефует Воливач или имеет подлинные улики.

— И привел нас в стойло. Выжидали долго, хотя многие следы вели туда. При обыске там обнаружили взрывчатку, копию той, какую нашли в самолете. Взяли пятерых и вагон оружия. Доволен?

— Спасибо, Виктор Вилорович, — с полным удовлетворением ответил Судских. — Они у вас?

— А где же им еще быть? Пока милиция не чухается, отдуваться нам с тобой. Хочешь взглянуть? Они тебя за изувера

считают, одного имени пугаются, — захихикал Воливач. — Не впервой слышу о тебе такое. Приедешь?

— Выезжаю, — сухо ответил Судских.

На Лубянке его встретил помощник Воливача и повел прямо в помещение предзака.

— Виктор Вилорович дожидается вас там, — пояснил помощник.

Воливач дожидался Судских в приподнятом настроении.

— Пока особо не допрашивали. Едва назвали твое имя, пообещали передать в УСИ, стали колотиться, как спелые орехи. Чем ты их так напугал? — прищурился Воливач, а лукавую усмешку не стер.

— Не знаю, — дернул плечами Судских. Он в самом деле не подозревал, что у него репутация изверга. — Что показали?

— Будто бы представляют молодежную патриотическую организацию, действуют самостоятельно.

— А вы как считаете?

— Не верю, друг мой. Больно взрывчатка хороша, такой во всем мире ограниченное количество, а у них есть. Это особый вид, обнаружению не подлежит, изобретен совсем недавно. Слушай, скажи честно, как ты ее высветил?

— Интуиция, — кратко ответил Судских. — Тамура улетал этим рейсом, вот я и подстраховался. Показывайте героев.

— Скопом или по одному? — не изменил прищура глаз Воливач.

— Один на один.

— Как знаешь, — разобиделся Воливач. Хозяин все же он... Но напряжение внутри Судских отметил.

В комнатку следователя, где ничего не было, кроме стола, двух стульев, привинченных к полу, телефона и настольной лампы, ввели в наручниках парня лет двадцати пяти. Лицо настороженное, что он пытался скрыть под маской безразличия. Интересным Судских он не показался.

— Чикаться с тобой не будем, — сразу молвил Судских. — Скажешь правду, останешься жить. Я — Судских.

Приведенный быстро облизнул губы.

— Это незаконно, — с хрипотцой произнес он.

— Забудь о законности. Каков привет, таков ответ. Начинай.

— Я уже показал: мы — члены молодежной патриотической группы «Русский порядок».

— Откуда взрывчатка?
— Купили у кавказцев.
— Вранье. Нет у них такой. Последний раз прошу, лучше правду выкладывай, поблажек не будет.

— Ничего другого сказать не могу.

Судских смерил его уничтожающим взглядом. Позволил разбежаться и удариться о стену. Удар получился страшным.

«Зомби! Черт бы его побрал...» — скользнула запоздавшая мысль. Судских нажал кнопку звонка.

Охранник без любопытства оглядел боевика с разбитой напрочь головой и посмотрел потом на Судских.

— Этого убрать, и давайте следующего.

Через пару минут в комнатке навели порядок и ввели второго боевика. Не считая некоторых отличий, он был копией первого. Как оловянные солдатики, они отличались мелочами отливки, но оставались солдатами одного набора.

— Твой товарищ предпочел разбить себе голову о стену вместо правды. Такой же? — вперился в него Судских взглядом.

— Я могу сказать то же самое. Поверьте, это правда.

— Смотреть в глаза! — прикрикнул Судских.

Боевику было мучительно трудно остановить свой взгляд на уровне глаз Судских, о котором рассказывали страшные вещи. Судских воспользовался мигом и проник в его подкорку.

Темный коридор, в который он попал, закончился бетонной стенкой. «Взорвать!» — приказал Судских, и ослепительно белая вспышка расчистила проход. Множество людей толпились там, будто пленники, они тянули руки к освободителю.

— О-ох, мама! — простонал боевик, кривясь от боли и сползая на пол. — Голова разрывается...

— Пройдет, — жестко ответил Судских. — Вставай.

Боевик поднялся. Вместо прежней пленки безразличия на глазах стал различим их свет. Голубой и глуповатый.

— Вспомнил! — выдохнул боевик. — Я не хочу умирать, скажу, — торопился он. — Приказы отдавал офицер из вашего управления по имени Святослав Павлович, я видел его только раз. Тот, кто себе голову разбил, старший группы.

— Ты ничего не путаешь? — сузил глаза Судских. Сказанное было невероятной чушью.

— Матерью клянусь! — открыто, с мольбой смотрел он на него.

Пришлось еще раз войти в темный коридор. Среди толпящихся людей Бехтеренко не оказалось. Боевик описывал человека, отдавшего приказ заложить бомбу, и Судских увидел его, скромно стоящего у взорванного прохода. Другие выходили на свободу, а этот жался поодаль.

«Мать честная!» — воскликнул про себя Судских. Он узнал его.

4—16

Остров Готланд не вызывал желания у туристов посетить его из-за постоянной сырости в воздухе и на земле. По-райски зелено и адски сыро. Если и наезжала сюда шальная парочка, чаще всего это были не туристы, а люди, убегающие от неприятностей. Поэтому богатую шведку с мужем — то ли турком, то ли турком в квадрате — приняли в Форесунде сдержанно и настороженно. Потом недоверие рассеялось: семейная пара сняла комнату у говорливого Квале на две недели, оплатила ему сразу, жила открыто и приехала ради одной цели — разыскать, не осталось ли какой памяти о любимом дядюшке Питере Бьернсоне. Был здесь такой — подтверждали окрест, — служил маячником, жил на острове давно и скрытно, о родичах его никто здесь не слышал, и все выражали сочувствие племяннице, которая не посчитала за труд навестить могилу любимого дядюшки.

— Здесь ее нет, — уверенно заявил говорливый Квале. — Лет тридцать назад его перевели на Форе, там он и скончался.

Он сразу же выразил желание помочь съездить на соседний островок. Позвонил своему родственнику на Форе, снарядил катер и доставил семейную пару, не замочив солеными брызгами.

Там их встретили вежливо, нисколько не сомневаясь в честных намерениях, иначе за каким чертом попрутся сюда люди, живущие в светлом мире? Да, Питер-отшельник жил на маяке и похоронен там же, отвечал родственник Квале Мэнэ-козоед. Он проводит их к могиле, едва управится с дойкой коз.

Коз у Мэнэ водилось пять, и управлялся он с ними в одиночку. Дочь наезжала раз в неделю, привозила продукты и необходимые вещи, ворчала на старческую прихоть и отбывала на Готланд.

— Оно так, — охотно соглашался старик, мало похожий на истинного шведа, — только мой козий сыр известен даже в столице. Каждую неделю дочь сначала забирает пять прекрасных головок и только потом ворчит на коз.

У старика Мэнэ было широкое лицо, на котором утвердился маленький уверенный нос с сизыми подпалинами. Он сразу заявил семейной паре, что спиртным не увлекается — это от климата, — но выпить не откажется, почему рекомендует им заночевать. Бутылку «Абсолюта» он сразу приметил в одном из пакетов.

— Я правильно себя веду? — спросила у Бурмистрова жена, когда старик отправился к козам.

— Прирожденный разведчик, — подтвердил Иван. — Молодец, Дарьюшка. Только чего вдруг меня за турка считают и даже хуже?

— Другого мерил у них нет, а за Финляндией для них сразу начинается Турция. Не переживай. Я лично всю бы жизнь шпионом работала, впервые муж хвалит!

Через час, отведав знаменитого сыра с парным молоком, вся троица отправилась к маяку. Сыр безо всякой рекламы был вкусен и необычен, будто в него добавили перчику и свежего ветра.

Улучив момент, Иван напомнил жене:

— Выжимай старика полностью, на Готланде нам нельзя оставаться на всю жизнь. Шевелись, фру Андерсен.

— Вот тут он и отшельничал, — указал Мэнэ на башню маяка, похожего на каменный острог. — В Форесунде поговаривали, что Питер сюда забрался не случайно. Видите ли, на Готланде стало тесно от людей, а он любит тишину и покой.

— Я так мало знала его, — пояснила Дарья. — Моя мать говорила, что брат был замкнут с детства, не женился и уехал на Готланд в неполные двадцать пять лет.

— Вот-вот, — подтвердил старик. — Человек без изъёнов, а ни с кем не дружил, ни к кому не заходил. Уполномоченный маячной службы наезжал из Висбю, любил денек-другой попить водочки у зрителей, а у него долго

не задерживался. Отдаст зарплату и отваливает. В ту пору я возил ему маячные припасы, так он меня даже в башню не пускал. Он в самом маяке жил, — охотно пояснял Мэнэ. — А когда он служил на Готланде, убиралась у него моя жена-покойница. Пышная была, красавица из Аллинге на Борнхольме, так он никогда ее не ушипнул за бочок. Она приходит, а он уходит из дому. Писал что-то, писал...

— Ах, как жалко! — всплеснула руками Дарья. — Не осталось, видать, записей?

— Не знаю, фру Андерсен, спросим у маячника, — отвечал старик. — Если осталось что, вам обязательно отдадут. Люди у нас честные, чужого им не надо, но хранят все на всякий случай, — с гордостью заявил Мэнэ. — Сейчас именно тот случай...

У самого маяка к ним вышел смотритель, худой и высокий, полная противоположность их провожатому. На местном диалекте они обменялись приветствиями и в трех словах поделились новостями. Указав на пару, Мэнэ в двух словах объяснил цель визита.

Маячник выслушал и молча удалился в башню.

— Он не захотел с нами говорить? — насторожилась Дарья.

— Нет, фру Андерсен. Все маячники — молчаливники. Он понял правильно и сейчас вернется.

Действительно, смотритель вернулся через пять минут. В руке нес плотный узелок.

— Это вещи Питера, — сказал он, выставив перед ними узелок, молча воззрившись на гостей. Мэнэ поблагодарил от имени всех и указал Ивану на узелок. Визит закончился, едва начавшись.

— Не сердитесь на него, — понял обескураженность четы провожатый. — На Форе разговаривать ни с кем не принято. Ваш дядя попал куда хотел. Я без людей не могу, а ему в самый раз. Из молчаливников получаются праведники.

— Спроси его, — подтолкнул жену Бурмистров, — часто ли тут бывают приезжие.

— Потом, — кратко ответила Дарья и заговорила на шведском. Иван терпеливо дожидался, чтобы услышать потом перевод на английском и осмыслить по-русски. — Он сказал, что корабли идут далеко в море, их видно только в погожий день, и то редко, а в тумане слышны только гудки. Вечером расспрошу его.

Вечером, в ожидании ужина, который готовил исключительно хозяин, наотрез отвергнув помощь фру Андерсен, они перебрали вещи Питера и сразу наткнулись на исписанные листки, перевязанные крест-накрест бечевкой. Едва взглянув на первые строчки, Дарья сказала, ойкнув:

— Ванюша, тут копать и копать...

— Эй, фру Андерсен, приглашайте супруга к столу! — крикнул из столовой Мэнэ. Английского он не знал и общался с Иваном через Дарью. Как-то она пояснила: шведский на Готланде похож на западэнский хохлацкий в Сибири.

«Абсолют» выставлен, хозяин с удовольствием свинтил крышку и потер ладони. С ужином он постарался: гости завтра уезжают с Готланда совсем, задаток у Квале назад не потребуют, и он должен получить его половину — тако-вы правила у родственников. Гости и ему приплатили за помощь!

— Это хорошо, что вы наведались, — философствовал Мэнэ. — Питера помянули, о себе хорошую память оставили, светлых дней на Готланде прибавится. Мир вам, — приподнял он стаканчик и с удовольствием выпил мелкими глоточками. Шутка ли, в кои-то веки чистейший «Абсолют» пить...

Разговор о маяках и пароходах начался исподволь, а после третьего стаканчика хозяина потянуло на разные истории. Так же исподволь Дарья подтолкнула его к злосчастному рейсу «Саломеи».

— Так-так, — соглашался Мэнэ. — Суда проходят далеко от острова, миль за тридцать, в тумане и того дальше, снижают ход. На моей жизни всего раз был случай катастрофы с норвежской посудинкой. Как помню, среди ночи разгуделся пароход, позже к нему присоединился другой гудок. Было мне лет десять, и поутру отец снарядил шлюпку, чтобы выяснить, какие там дела, посмотреть, что осталось. Вернулся он к вечеру, шлюпка доверху набита судовым скарбом. Кресло, на котором сидит ваш муж, с норвежца, и медная сковорода с него, и кружки эти небьющиеся, морские... А в трюмах «Саломеи» было голо. Видать, балластом шла или груза всего ничего. Пароход остался на плаву, только нос разворотил себе на банке у Форе. И к нему подходил другой пароход, — стукнул для убедительности Мэнэ по столу. — Вашему дядюшке повезло больше, он первым добрался до «Саломеи»,

рядом был и забрал в капитанской каюте какой-то ящик, высокий, в перевязи проволоки. Так разве Питер сказал, что внутри было? Только недолго он добыче радовался. Приехали на маяк люди в прорезиненных плащах и уехали с ящиком, который Питеру достался. Бывает... Когда Питер ящик брал, лицо его порозовело, а как отняли ящик, белым стало. И синяк был заметен...

После пятого стаканчика Мэнэ повело, и супруги пожелали ему спокойной ночи. Он мигом отрезвел, но оставленная бутылка на столе вернула ему благодущие. Он не поленился даже проводить чету до их комнаты.

— Дашутка, давай, — скомандовал Иван сразу за дверью. — Твой мифический дядя слыл писателем и этот случай обязан описать. Кофе и питание буду подавать незамедлительно.

С полчасца Дарья кропотливо разбирала каракули, перерачивала листки туда-сюда, и наконец, добравшись до нужного места, воскликнула:

— Есть! Слушай...

«...Его забыли впопыхах при перегрузке. Вид этого ящика сразу вдохновил меня. Ничего другого брать не хочу: здесь тайна. Так тщательно перевозят в каюте капитана вещи необычные. Сердце пело, и руки спешили. Только бы не наехали жители острова, лишь бы успеть увести ящик...

Я опоздал. Прибыли другие искатели счастья и меня увидели.

Только сняв пятидесятикилограммовый ящик со спины в маяке, я успокоился. Передохнув, я сорвал обвязывающую проволоку и дощечки верха. Я перед тайной.

Что же я нашел внутри? Старинные книги на непонятном языке. Это разочаровало и вдохновило одновременно: я увидел золотые застежки на книгах и драгоценные камни. Я понял: они дороже ящика, набитого деньгами. Книги я припрятал и решил искать достойного покупателя.

И как же в очередной раз я был обижен судьбой, когда через десять дней ко мне пожаловали гости из криминальной полиции. Они вели себя грубо, старший ударил меня больно по лицу несколько раз, и я посчитал за лучшее отдать свою добычу. Нигде нет правды, прощай мечта, прощай недосыгаемая Элеонора, судьбе неужгодно, чтобы мы соединились. Ты красива, я беден, горький отшельник, кому даровано обладать тобой!»

— Бедный дядя Питер, — искренне пожалела Дарья. — С таким почерком трудно покорить красавицу Элеонору.

— Читай дальше, — торопил Иван.

— Дай передохнуть, — потянулась Дарья. — И кофе в постель!

Вернувшись из столовой с кофейником и теми самыми штормовыми кружками, Бурмистров застал жену со сверкающими глазами.

— Ванька, шубу обещаешь?

— Считаю, она твоя, — понял пролог Иван.

— Слушай, какие события свершились далее.

Дарья отхлебнула кофе и продолжила чтение:

— «...Я перестал оплакивать свое несостоявшееся счастье, как вдруг мне напомнили о «Саломее». Как-то я соби-
рался высаживать сельдерей и шпинат на единственной
грядочке, и день выпал на удивление солнечный. Все вокруг
радовалось живительному теплу. И тут я увидел катер в усах
пены, спешащий к острову. С него сошел представительный
мужчина и вежливо представился чиновником таможенной
службы. Он интересовался, нет ли здесь контрабандистов,
расспрашивал о моей жизни и вскоре уехал. Ночью пал гус-
той туман, какой случается в начале мая, мне пришлось вклю-
чить ревун среди ночи, и сон не шел больше. Поэтому в
паузах ревуна я расслышал стук мотора с моря, а потом стук
в двери. Пришлось вставать и спускаться вниз.

Я обомлел: за дверью стояли трое угрюмых мужчин, они
без спроса вошли внутрь. Один из них успокоил меня:

— Мы не причиним вам вреда, господин Андерсен, если
вы будете откровенны. Вы побывали на «Саломее»?

От страха я икнул, и они посчитали это знаком согласия.

— Вы нашли в каюте капитана ящик, который позже за-
брала у вас криминальная полиция? Какая именно?

— Полиция города Висбю.

— Подумайте лучше, — посоветовал он, и я сжал в ком
нервы:

— Старший был явно из Стокгольма. Подручные звали его
господин Бергман, а подручных я видел раньше на Готланде.

— Прекрасно. Вы ничего не забыли сказать? Или от-
дать нам?

Я посчитал за лучшее для себя быстрее расстаться с тем
понравившимся мне пергаментом, удивительно красочным

и манящим к себе. От него исходила какая-то тайна, она заставляла меня часами любоваться манускриптом с загадочными фигурками. Я молча достал пергамент и отдал пришельцам. Они тотчас сгрудились над ним, кто-то достал фотографию и сличил с пергаментом, говоря при этом на варварском языке. Такими грубыми могли быть только русские. Ни слова благодарности! Более того, старший сказал:

— Больше ничего не скрываете? Ответьте честно!

— Нет, — сказал я твердо, и гости сразу покинули маяк.

Несколько дней с тоской и страхом ждал я продолжения событий, но ничего больше не случилось. Воцарился мир. В скорости созрел шпинат, распушился дружно сельдерей, радуя меня тихим счастьем».

— Дальше лирика, — пояснила Дарья. — Каково?

— Шуба у тебя есть, — обнял жену Иван, поддался ее настроению, и до утра оба не смыкали глаз.

— Ты уже не хочешь разводиться со мной? — напомнила она.

— От добра добра не ищут, — лаконично ответил Иван.

Утром они покидали Готланд. Рейсовый пароходик доставил их в Стокгольм, откуда Иван звонил во Францию, как велел Бехтеренко, эзоповым языком сообщил о результатах.

— Прекрасно! — ответил голос на том конце провода. — Радует, что контракт подписан. Дождитесь в Швеции нашего референта и вылетайте в Бельгию.

— Шубу у тебя не отняли! — щелкнул жену по носу Иван.

— А зачем теперь в Бельгию? — спросила она, не понимая.

— Прозрачные границы. Бенилюкс, — пояснил Иван. — Европа.

Связной прибыл на следующий день. Отправив Дарью побродить по Стокгольму, Иван рассказал ему о поездке на Готланд, передал рукопись мифического дяди.

— Так мы и предполагали, — комментировал его рассказ связной, сослуживец Ивана по УСИ. — Подразделение Берии невероятным образом разыскало все книги из ящика. Предположительно часть библиотеки Ивана Грозного. Сохранилась любопытная записка Берии: «Хватит дрочить понятные вещи! Немедленно все книги ко мне!» Помечена записка шестым марта 1953 года. Понятна дата? — спросил он, и Бурмистров кивнул. — Дальше никаких следов.

— А я Дарье шубу обещал, — вздохнул Бурмистров.

— Раскошеливайтесь, товарищ подполковник! Она честно заработала. Кстати, энную сумму я вам подвез, — рассмеялся связной. — Вылетайте в Антверпен. Для вас в «Принц-отеле» заказан номер и «СААБ-8000» напрокат. Из Бельгии прокатитесь в Люксембург. Сейчас туда перебрался старший Триф, кто-то его крепко напугал, поторопитесь. У него за Гревенмахером коттедж. Вот карта, все помечено, — протянул Бурмистрову кальку связной. — Не знаю, как вам удастся познакомиться со старой лисой, но задание не отменяется.

— Только на жену и уповаю, — усмехнулся Бурмистров.

— Тогда вторая шуба ей обеспечена. Удачи, — пожелал связной.

Вернувшаяся Дарья была осчастливлена обещанием второй шубы и деятельно взялась готовиться к отъезду. Она мыслила женскими категориями видения проблемы, ее не пугали подходы к Трифу.

— Чего вокруг да около ходить? Если мужик напуган и охраны нет, он сам потянется к хорошим людям. Изображать телку около проколотой шины я не стану, а устроить на его глазах тебе скандал — это нас сблизит. А дальше разберемся.

— И сорвать операцию, которую тщательно прорабатывали в Москве, — возразил Иван. — Даша, поменьше самостоятельности.

— Ой, помолчи, — осекла Дарья. — Все вы там мужики в УСИ, и разработки ваши рассчитаны на мужланов. Нет у вас женского подхода к людям. На Готланде сошло? И в Люксембурге я придумаю ход. За две шубы есть смысл порадовать родным органам.

Иван, усмехаясь, согласился.

Часа в три ночи Дарья растормошила мужа:

— Ванечка, есть ход.

— Молодец, — не хотел просыпаться Иван, но слово «ход» оказалось магическим. — Что придумала? Рассказывай.

— Есть в России человек, чей авторитет для старшего Трифа обязателен? — спросила она, включая ночник.

— В России? — повторил Иван, окончательно расставаясь со сном. — Подумать надо... С Ильей они поддерживали связь, он знает Гуртового... Точно, Гуртовой! Он сейчас на Сорокапятке!

— Вот и передай ему привет, якобы мы тайно добрались к нему.

— Афера, — почесал затылок Иван.

— Смелость города берет! — возразила Дарья. — Для начала вблизи осядем, молодожены-туристы, а еще лучше — моим охранником будешь, — заявила она.

— Назначения отложим до утра, — попросил Иван, полагая, что идея до утра отлежится. Засыпая, молвил: — Есть зерно, есть...

В Антверпене по взаимному согласию они решили в гостинице не останавливаться и ехать сразу в Люксембург. В ближайшем спортивном магазине приобрели одежду, рюкзаки, палатку — гулять так гулять — и переоделись сразу. Оседлали ходкий «саабчик» и устремились по трассе. Иван вел машину с удовольствием, Дарья подремывала, изредка спрыснок спрашивая, где они.

— Это еще Бельгия? — спросила она в очередной раз.

— Нет, уже Люксембург, — ответил Иван.

— Я проспала границу? — сразу взбодрилась Дарья.

— Здесь таможен нету, люди отвыкли бояться.

За Гревенмахером они отыскивали нужный съезд и двинулись дальше по узкой, в одну машину, асфальтовой ленте, которая привела их к маленькому шале с ресторанчиком и широкой открытой террасой, откуда открывался великолепный вид на склон, поросший соснами.

— Перехватим чего-нибудь? — предложил Иван.

— Только хотела то же самое сказать! — засмеялась Дарья. — Заодно и осмотримся. Есть зерно, есть... — передразнила она.

Едва они вошли в широкие распахнутые двери, официант, одетый словно для светского приема, поспешил к ним, жестом руки предлагая выбрать место. Внутри пусто, прохладно, однако решили все же расположиться на террасе. Дарья — что ей в голову взбрело — обратилась к официанту по-шведски, и эффект был потрясающим.

— Фру шведка? Я миллион лет не обслуживал шведов! Откуда вы?

— Какая прелесть! — в быстром потоке слов ориентировалась Дарья и упоенно врила: — Мы долго жили в Японии, только вернулись в Европу и посетили первым делом Готланд.

— О, — повысилась в глазах официанта шведка. — Ваш муж японец?

— Он настоящий русский медведь, — сделала страшные глаза Дарья. — Нашла его в Японии и украла с русского теплохода в Иокогаме. Теперь он имеет прекрасное дело в Гонконге. Очень богатый и умный. Вам нравится мой избранник?

— Выше всяческих похвал! — всем видом выражал восхищение официант. Однако же спросил настороженно: — Он ест нашу пищу?

— Он ест все, — успокоила Дарья, двигаясь к столику.

— Если позволите, я предложу вам наш фирменный набор, — сказал официант, предусмотрительно разворачивая над столиком зонт. — Здесь вам будет прекрасно.

Мельком покосившись на Ивана, он с поклоном удалился.

— Ты что ему плела обо мне? — дождался Иван. — Чего он?

— Имидж тебе сделала. Ты сбежавший русский, у тебя куча денег и дело в Гонконге, — между прочим сообщила Дарья.

— Ладно, — согласился Иван. Жена шустро зарабатывала втую шубу. — Гонконг так Гонконг.

Официант принес легкое вино и красиво оформленные закуски.

— Это наш фирменный салат, тортільетки-криоле и паштет. Им хозяин угощает вас бесплатно, — пояснил он. — И вино из его коллекции, такого нет во всей Европе. Вы очень ему понравились...

Они отдыхали, попивая вино и обозревая сосновый склон.

— Ты дела не забывай.

— Не учи ученого, — заверила она. Дарья вжилась в образ.

И в самом деле. Едва появился официант с судками, она забросала его вопросами, и он обстоятельно отвечал на все: по склону десять коттеджей, пустуют три, в шести живут постоянно, в седьмой только что въехал хозяин, которого здесь никогда не видели, — нелюдим и неразговорчив, как житель Готланда, сострил официант. Он приходит обедать в ресторан, молоко и хлеб ему доставляет рассылный из ресторана. Так поступают все окрестные жители, и торговля процветает.

— Он правда с Готланда? — живо заинтересовалась Дарья.

— Шучу, — улыбнулся официант. — Он даже не швед, скорее израильтянин. Примерно через полчаса сами увидите его.

— Ванька, — наклонилась через стол Дарья, — если еще раз заговоришь о разводе, зарежу в последнюю ночь любви.

— Ты чего? — выпучил глаза Иван.

— А то, что на ловца и зверь бежит. Через полчаса максимум увидишь Трифа. Ходит сюда обедать. Понял?

— Актриса! — восхищенно сказал Иван.

Через некоторое время к ним подошел официант с мороженым и заговорщически сообщил:

— Этот господин расположился в зале.

— Да-да! — кивнула Дарья. — Мы не собирались его разглядывать, и нам пора. Нам понравилось у вас, но надо подумать о жилье, где нам установить палатку и переночевать неподалеку.

— Зачем? — удивился официант. — Видите ли, можно снять хоть на несколько дней один из пустующих коттеджей. Чтобы не платить большие деньги, отсутствующие хозяева передают их в ренту агентству по недвижимости, и оно предлагает их туристам. Это удобно и выгодно. Хотите, я вызову агента прямо сюда?

— О, прекрасно! — откликнулась Дарья. — Мы пойдем в бар.

— Коктейли за счет ресторана, — уверил официант. Ему от сделки перепадали хорошие проценты, и он старался с новой силой.

— Нам сейчас ключик от коттеджа принесут, — небрежно сказала Дарья мужу. — И очень дешево.

«Кажется, плакала вторая шуба», — уяснил Иван.

В затемненном зале степенно обедал пожилой человек лет шестидесяти. Выходящих с террасы он проводил скучающим взглядом, хотя цепкие лягушачьи глаза не упустили ни одной детали, и официант, видимо, уже сообщил ему, что на террасе обедает богатая парочка, шведка с беглым русским, которые собираются денек-другой отдохнуть поблизости.

Восседающая с Иваном в баре, Дарья весело болтала с официантом, и довольно громко, пока не появился агент фирмы. В два счета они оформили документы, уплатили ренту, и агент предложил немедленно осмотреть свободные коттеджи.

— Если вам не понравится, — пояснил он, — деньги возвращаются сразу и в течение трех часов фирма обязана подыскать вам другое жилище в округе. Таковы наши правила, — с достоинством сказал он.

— Приятно познакомиться с будущими соседями, — незаметно сам Триф подошел к стойке бара, обратившись к ним по-русски.

— О! — обрадовался Иван. — Наконец-то я поговорю на родном языке, который опух от английского. Иван, — протянул он руку Трифу, — а это моя супруга...

— Госпожа?.. — обратился Триф на английском к Дарье.

— Андерсен, — подсказала она.

Триф приложился к ее руке.

— Джозеф Гольдштейн, — назвал себя он. — Выходец из России. Не согласитесь ли после осмотра жилища заглянуть ко мне?

— Охотно, — ответил Иван. — Я лет сто не говорил по-русски.

— Тогда до встречи, — отвесил старомодный поклон Триф и дал понять официанту, что можно увозить чету.

Дом понравился сразу, плата небольшая. Две спальни, гостиная, столовая с камином, стены выложены тесаным камнем, шкуры на полу — роскошество для бездомных туристов. Агент вручил им ключ, объяснил, как разыскать его, и пожелал счастливого отдыха.

— Ой, Ванька! — кинулась на него и повалила на пол Дарья. — Как по ледяной горке промчалась! Жуть!

Иван приложил палец к губам, выкарабкался из-под нее и написал на салфетке: «Только по-английски! Помни о “жучках”».

— О, иес! — воскликнула Дарья и опять стянула Ивана на пол.

— Иес! — ответил он. И — тишина.

Через пару часов, освежившись, они отправились к Трифу. Его коттедж находился метрах в ста ниже.

Хозяин предложил им аперитив на веранде, завязался разговор об оставленной России, говорили то на русском, то на английском, и хозяин, как бы забывшись, нет-нет да и обращался к Дарье на русском. Та свою партию вела блестяще.

Разговор как будто ни о чем, но Иван сознавал, что хозяин, хваткий и очень внимательный, щупает их, ради неизвестных им целей. Без сомнений, это был Триф, с фотографией сличили заранее, но расспросы его уводили еще дальше, чем проверка их легенды.

Около одиннадцати вечера они распрощались.

Вверх по тропинке идти труднее, они не обменялись ни одной фразой. Отперев дверь, Иван внимательно осмотрел порожек.

«У нас побывали гости», — написал он Дарье на салфетке.
— Я так устала, — понимающе сказала она по-английски. — Приму ванну — и спать. Милый старичок, да?

— Я думаю, — отвечал Иван, — у нас с ним получится бизнес. Что-то ему от меня надо. Я понял это, едва заговорил о том, что я занимаюсь буксировкой судов в Гонконге.

— Скажет еще. Не забудь, завтра мы пригласили его к себе...

Иван не ошибся. Старшему Трифу была крайне нужна помощь Бурмистрова. Живя длительное время вне России, он оборвал с ней устойчивые связи, которые сейчас ему остро понадобились. Из-за этого Трифу пришлось нарушить свое затворничество и пойти на контакт с незнакомыми людьми. Бойкий язычок Дарьи, добродушный вид Ивана убедили его в непогрешимости слепленных образов. Она — богатая шведка, он — обычный русский недотепа, которому повезло с приданым. Выбирать не из чего, придется посвятить чужаков в свои затруднения и по возможности не платить дорого.

Иван согласился с женой: ее дилетантство и напористость привели к цели. Вряд ли шеф любой разведки позволил бы себе действовать столь опрометчиво. Ограниченность в средствах заставила Судских прикрывать глаза на самодеятельность и уповать на чудо.

Чудо состоялось. И только пристальное внимание невидимой стороны тревожило Бурмистрова. Кто-то выжидает момента для действий, и причина одна — знакомство с Трифом. Едва он откроется, жди развязки.

Дарья ушла варить кофе, и Триф промолвил:

— Нам желательно поговорить тет-а-тет. Это очень важный разговор. Вы не против?

Иван дурашливо выпучил глаза.

— Держу пари: наркотики. Угадал?

Триф помедлил с ответом. Бывшие соотечественники глупы как для Октябрьского переворота, так и для новых сказок.

— В какой-то мере, — проговорил членораздельно Триф.

— Усек, — понимающе закивал головой Иван. Взял салфетку и написал: «Тогда лучше укрыться в ванной?»

Старшему Трифу пришлось оставить бокал с коньяком, подняться и тащиться за хозяином в ванную. И только там он горячо и обиженно заметил:

— Вы явно дурачитесь, а я воспринимаю вас серьезно. Мне есть чего опасаться. Вы думаете, очень интересно старому еврею ходить в гости и пить коньяк, хотя у него большая печень? — под шум воды выговаривал он Ивану.

Хозяин дурашливости с лица не стер и ждал после обычных еврейских манцев конкретики. Гость не заставил себя ждать:

— Как вы смотрите на хорошо оплачиваемую услугу для меня?

— Я достаточно обеспечен, чтобы принимать подобного рода предложения, — холодно ответил Иван. — Не хотите ли освежить голову? Помогает.

Старший Триф тотчас запротестовал:

— Вы неправильно меня поняли. Это бизнес, а не глупости!

— Обратитесь к другим, — стоял на своем Иван.

— Да нет же! Это невозможно. Слишком пристальное ко мне внимание, и я не знаю, с какой стороны ждать беды. Речь идет о переправке из Швеции в Японию бесценного груза...

Иван сделал гневное лицо и потянулся выключить воду. Триф уцепился за его руку, зашептал горячо и настойчиво:

— Умоляю, прекратите валять ваньку, это не наркотики, не дурацкая контрабанда! Речь идет об уникальных предметах, которые по праву принадлежат нашей семье. Это древние книги, — выпалил наконец Триф. — Я мог бы законным путем перевезти их, но как раз контрабандистов и боюсь. Это страшные люди, из кагэбэйки...

— Так отдайте им, — возразил Иван. — Подумаешь, книги. Покой дороже, мне мой особенно. С чекистами связываться не хочу. Дураков ищите в зеркале.

— Пойдите, — начал новый круг уговоров Триф. — Я плачу вам полмиллиона долларов наличными. Я патриот!

— О каких книгах идет речь? — холодно спросил Иван.

— Древние книги еврейского народа, — с надломом в голосе сказал Триф.

— Нет, я хохол, — с легким сердцем отмахнулся от предложения Иван. — Это ваше дело.

— Вам платят, — наставительно сказал Триф. — Что вы знаете про «Тишайший свод»? Бесценный свиток! И я не хочу отдавать такие ценности в руки органов. Вы ведь знаете, российское правительство продаст с молотка стрелки с Кремля, лишь бы удержаться на плаву и еще больше закаба-

лить свой народ. А мои бедные соплеменники, которым уже дышать нечем в России?

— Надо подумать, — будто изменил свое мнение Иван. — Сумма вроде приличная.

— Посмотрите на него! Он собрался думать за полмиллиона зеленых наличными! — пучил лягушачьи глаза Триф. — Не так долго! Паровоз ухнет и не вернется. Я дам вам адрес, ваша умная жена переправит груз в порт, а вам останется перевезти его под любым соусом в Японию. Я убедил вас?

— Это нереально, — нахмурился Иван. — Груз должен проследовать из Швеции до Питера, транзитом до Находки и только потом в Японию. А где гарантия, что чека не перевхатит его?

— За хороший транзит я и плачу полмиллиона в валюте, — веско возразил Триф. — Доставьте груз — деньги ваши.

— Только предоплата! — не соглашался Иван и выдвинул свои условия: — Давайте так: половина в Швеции, половина в Японии. Согласны?

— Не согласен. Я дам вам денег одну треть в Швеции и остальное по доставке. Такой расклад устраивает?

— Почти. Я не понимаю одного: если я получаю кешем в Швеции, почему же ваши люди там не займутся отправкой самостоятельно? Зачем вам платить лишние деньги? Свяжитесь с ними отсюда.

— Вот этого я себе позволить не могу, — печально ответил Триф. — Мой телефон прослушивается, а вы человек новый, и вы пока вне поля чужого внимания. Я рискую, я плачу. Я даю вам адрес и номер телефона в Стокгольме. Очень просто и грамотно, — убеждал Триф. — Беритесь!

— Как раз безграмотно. Я знаю чекистов по прежним временам. Вы общаетесь со мной, я под колпаком.

— Да нет же! — горячился Триф. — Вы уехали, и концы оборвались, стокгольмский адрес чека не знает. Вы вольны отправить туда своего доверенного. Это же так просто!

— Согласен, — сказал наконец Иван. — Евреи умеют делать бизнес и других не обижают. Они знают, как жить.

— Пока одни писали книги, как жить, евреи учились жить, — самодовольно заметил Триф, чем порадовал Ивана: речь шла о книгах из библиотеки Ивана Грозного, о русских книгах. Триф проговорился.

Ударили по рукам.

Вернувшись в столовую, к полному удивлению Дарьи, Триф стал писать на салфетке, а Иван ответил на недоумение жены:

— Я показал соседу наш подвал. Он предложил нам хороший бизнес: оплачивает ренту за нас и хранит здесь кое-какие штучки. Это его дело, мы скоро уедем.

— О да! — оживилась Дарья, не зная, дурит Иван кому-то голову или говорит правду. — Только не наркотики!

Триф показал обоим большой палец, а вслух сказал оскорбленно:

— Как можно, фру Андерсен! Я честный старый еврей! Утром они уезжали в Антверпен и дальше в Стокгольм. Всю дорогу за ними следовал синий «пежо».

4—17

В низах зашущукались: за два дня в одной Москве арестованы три тысячи человек, имена которых на слуху. Артисты, коммерсанты, чиновники высоких рангов, как плотвы, набилось юмористов. Депутаты проходили отдельной статьей и внушительным отрядом. Просочились сведения, что президент поставил вопрос ребром: либо вы лишаете депутатской неприкосновенности пятьсот с хвостиком человек и занимаются ими прокуратура, либо разгону всю Думу, и мало не покажется, все равно в ней никого не останется. Оба предводителя белой и черной косточек попали в тупик: отдашь — не простят свои, не отдашь — так чужие. Думские же решили стоять твердо: своих мерзавцев не отдавать, распространяли бюллетень, где истошно доказывали, как они недоедают, недопивают, бдя интересы народа, а им грозят репрессиями.

Президент появился на экране и сделал разъяснение для особо тупых: за каждым из поименованных депутатов делишек накопилось под двадцать миллиардов долларов. Факты неопровержимые. Если хотите и дальше кормить вороватых бездельников, оставим все как есть.

А если не хотим?

Тогда поддержите меня.

А если это опять тридцать седьмой год?

— История повторяется дважды, — ответил президент. — Как трагедия один раз и как фарс — другой. Что Сталин был клоуном — язык не повернется сказать, но когда с вашего соизволения на сцену выпустили настоящего скомороха, который что-то там вякал глупое с помощью суфлеров, вас не выпускали из зала, а в раздевалке потрошили ваши карманы, и вы до сих пор крепко расплачиваетесь за, казалось бы, дешевый спектакль. Жалко?

— Жалко, батюшка-царь, — ответили ему из низов. — Только пообещай, что денежки, ворами нажитые, нам вернут. Вернут?

— Обещать не буду, — честно ответил президент, — но выпотрошу до копчика. Конфискации подлежат все имущество.

Ах, этот сочный язык президента! Так и срывается с него лишнее словечко — выпотрошу! Нет, люди добрые, заверещали с горящими шапками на голове, не верьте аспиду, верьте нам: грядет расправа над честными сынами отечества!

Ни тем, ни другим честной народ не верил, как повелось исстари на Руси, занял выжидательную позицию в смутное время.

Тут-то президент и разогнал Думу, а взамен назначил Законодательное собрание и просил народ самому выбирать достойных. Каждый мог опустить записочку в ящик Спортлото, и по числу голосов определялись лучшие.

А само Спортлото?

А что Спортлото? Как любые выборы: у кого мешочек с бочатами, тот и выиграл. Как всегда, свои избранные не понравились, но потеху приняли и под музыку марша «Гром победы, раздавайся!» отправили на тюремные нары всех поименованных.

Зато воры в законе стали набожными и честными. Сколотили общак и взялись ладить дороги.

Остались дураки. Но хоть что-то должно остаться неприкосновенным!

То-то.

Профессор Луцевич прибыл из Швейцарии в Москву по первому зову Судских. Проблема зомбированных выпирала крупно. Около пяти тысяч бреликов томились в заключении, дожидаясь решения властей, только в одной Москве. Заса-

живать их в лагеря — глупо, отпустить с повинной — опасно. К каждому нужен индивидуальный подход.

— Не спорю, — рассуждал Судских. — По стране до ста тысяч здоровых, крепких парней, обученных лучшим видам боя, — это, считай, готовые сержанты, помощники командиров взводов. В случае опасности можно отобилизовать население на величину до ста тысяч взводов, за три месяца вырастут новые сержанты, и разговоры о профессиональной армии можно закрыть.

— И я не спорю, — вздохнул Луцевич. — А гарантировать успех не могу. Дайте время.

— Без вопросов, Олег Викентьевич, — обрадовался Судских. — И очень хочу показать вам своего пациента.

— Вы врачуете? — удивился Луцевич.

— Некоторым образом, — усмехнулся Судских. — От его здоровья зависит здоровье России.

— Даже так? — заинтересовался Луцевич, и поездка на Сорокапятку состоялась.

Судских не общался с Гуртовым почти месяц и смотрел на него с любопытством. Простым глазом было видно, как изменился Гуртовой. Уплотнился, появилась статность, тонкая шея будто стала короче, налилась соком, крупный кадык почти исчез. Движения стали уверенными и размеренными.

— Игорь Петрович, — восхищенно приветствовал он Судских, — смотрите, что со мной случилось!

— Чрезвычайно удивлен, — ответил Судских, сам не веря результатам. — Знакомьтесь: профессор Луцевич, российский врач из Швейцарии. Ему решать, здоровы ли вы или иллюзия это.

Опытному Луцевичу было вполне достаточно взглянуть на язык, на глаза, на мочки ушей, чтобы поставить диагноз: никакого диабета нет в помине.

— Да я и сам вижу! — настаивал Гуртовой.

— Для полной уверенности сделаем анализы в клинике Игоря Петровича, — предложил Луцевич.

Гуртовой воззрился на Судских.

— Олег Викентьевич, — понял его Судских, — а нельзя ли сделать анализы здесь? Что надо для этого?

— Обычная походная лаборатория, — подсказал Луцевич.

— Распорядись, Аркадий, — велел Судских Левицкому и обратился к Луцевичу: — Лабораторию доставят часа че-

рез два. Не попариться ли нам пока и не отужинать ли? Баня у нас особая, а шашлыки ребята готовят еще те. Как, друзья мои?

— Нет возражений, — ответил Луцевич. Присоединился и Гуртовой к предложению, не боясь за свое здоровье.

Баню истопили заранее, едва дежурный сообщил о выехавшем начальстве. Здесь было единственное место, где Судских расслаблялся полностью. Парился, позволял себе добрый ужин, а стакан воды из родничка — закон. И он не привирал, когда нахваливал баню: осиновая, она хорошо держала сухость пара, топились дровами, веники и целебные травы готовились всегда, и дух в парилке стоял удивительно вкусный, поэтому два захода в парилку сделали в полном молчании, наслаждаясь запахом трав. Лишь перед паркой с вениками разговорились, попивая душистый чаек. О пиве никто не заикнулся, хотелось простоты.

Получилось как-то так, что разговор завертелся об этих местах, о шарашке, которую организовал тут Берия, и о производстве бинаров, но возразил Гуртовой:

— Простите, уважаемый Игорь Петрович, Берия производил здесь кое-что похлеще бинаров. Хотите послушать? — Судских и Луцевич с любопытством кивнули, и Гуртовой стал рассказывать: — Здесь по заданию Берии Абакумов создал лабораторию психотропных препаратов. Было это не в военное время, а несколько позже, буквально после дня его рождения. По такому поводу в Москву наехало множество гостей, руководители стран социалистического лагеря, и самым дорогим гостем был Мао Цзедун. Только что провозгласили создание КНР, и вождя всех народов и времен прельщало существенное пополнение. Тогда между ними произошел любопытный разговор: с глазу на глаз Сталин посвятил Мао Цзедуну в свой план глобальной концепции передела. Технику предоставляет Сталин, а людей — Мао Цзедун. Идея пришла по душе китайскому лидеру: китайские солдаты переправляются в Штаты на самолетах. Одни в качестве десантников и штурмовых групп, другие в роли камикадзе. Ради последних и была создана эта лаборатория. Тогда уже прозвучала знаменитая речь Черчилля в Фултоне, идеологическую часть плана Сталин как всегда мастерски подготовил, еще и обвинив Запад в разжигании «холодной войны», и можно было готовить техническую часть. Срыва плана, как по-

лучилось с Гитлером, Сталин не хотел: Гитлер своим вероломством смешал Сталину планы мирового господства, в этот раз Сталин не рискнул довериться патриотизму китайских солдат — эта роль отводилась психотропным препаратам.

— Откуда у вас такие познания? — вызывал Гуртового на большую откровенность Судских.

— Отчеты о работе лаборатории попали от Абакумова к Берии, а от Берии к Кагановичу. Высшее руководство масонской ложи в России знало про опыты довольно досконально. И оно же первым забило тревогу. Штаты к началу пятидесятых имели мощную армию, отличное вооружение и оборонную промышленность, контролировали три четверти мировых финансов. Масоны стояли выше правительств и подвергать себя риску не хотели. Сталин опережал их, и вовлечение в тандем китайского лидера грозило большими потрясениями для остального мира.

— Надо понимать, основания для тревоги были вескими? — спросил Луцевич.

— Очень. В районах Крайнего Севера строили взлетные полосы, перегонялась бомбардировочная авиация, ждать далее не приходилось. Что касается психотропов, я полагаю, Берия переусердствовал, их отношения со Сталиным разладились. Эта страница сотрудничества Сталина и Берии была самой темной. Развязанная в стране кампания нового террора имела целью искоренение масонов в России. Берия всегда действовал по принципу: бей своих, чтоб чужие боялись. Лес рубят, щепки летят. Настоящих масонов его топор миловал, евреев рубили в щепки. Интуитивно Сталин догадывался, что Берия стал проводить свою игру, неизвестную ему, и отдал Берии, но об истинных планах своего соратника он узнал в феврале 53-го года, а в начале марта его не стало. Берия был главным претендентом на власть и готовился взять ее. Хитромудрый Хрущев разгадал намерения Берии и опередил его, уговорив генералитет помочь ему. Все понимали: при Берии им несдобровать.

— Пойду-ка я освою веничек, — сказал Луцевич. Подобных откровенностей он старался привычно избегать.

— Грейте баньку, Олег Викентьевич, мы следом, — одобрил Судских.

— Кто уведомил Сталина о масонах? — с нетерпением спросил Судских, едва тактичный Луцевич скрылся в парной.

— Отец Воливача. В то время он возглавлял особый отдел, который подчинялся непосредственно Берии. Занимался он оккультистами, астрологами, гадалками всех мастей и масонами. Он же курировал поиск библиотеки Ивана Грозного. Сладковский числился за этим отделом.

— Выходит, он прыгнул через голову шефа?

— Выходит. Открывалась цепочка лиц в министерстве Кагановича и МГБ. Воливач дружил с Поскребышевым и тайно встретился со Сталиным. Тот поверил ему и велел скрытно готовить ликвидацию большого круга лиц на апрель. Лиса Каганович почуял облаву загодя и нажал на Берию. С вечера на ближней даче Сталина была рядовая пьянка. Хозяин как всегда не пил, но других спаивал. Перепилась вся компания в мат, на следующий день вождь помер. Непроста?

Из парилки доносились шлепки веника и довольное побряхтывание Луцевича.

— Присоединимся? — спросил Судских.

— Я не любитель острых ощущений, Игорь Петрович. Сауну люблю, — отнекивался Гуртовой, и Судских ушел в парилку.

— Держитесь, Игорь Петрович! — встретил его Луцевич. — Парок высший класс!

Луцевич оказался истым парильщиком, выдержал еще десять минут, притом отхлестал Судских веником от души. Из парной оба выскочили и пролетели мимо скушающего Гуртового прямо в бассейн.

— А водичка-то! — отфыркиваясь, восклицал Луцевич.

— Из родничка закачиваем, — пояснил Судских. — Этой водой я излечивал Гуртового. Целебная.

Вернулись в предбанник, но прежняя беседа не возобновилась: дежурный доложил о прибытии лаборатории. Судских хотел было отложить анализы, но Гуртовой запротестовал:

— Нет, нет! Хочу быть ровней. Еще вчера я дохликом был.

— Уговорили, — согласился Судских. — Кровь на анализ сдадим, тогда и отпразднуем.

Анализы показали младенческую чистоту и здоровье. Повод для праздника пришел сам собой, напраздновались всласть и заночевали поздно. Утром за Луцевичем пришла машина — президент назначил ему встречу, и разговор намечался важный: как обуздать наркоманию и вообще как нала-

дить здравоохранение. Президент по обыкновению тревоги не бил, но выделял наиболее важные проблемы в масштабные кампании.

— А как мою проблему будете решать? — спросил Гуртовой, когда они остались одни.

— Как бы вам хотелось? — грустный вид Гуртового сбивал Судских с толку.

— Хотеть поздно. Давайте не загадывать. Если можно, я бы пожил здесь, а там видно будет.

— Принимается без возражений, — кивнул Судских. — Тогда я поеду в Москву. Понадоблюсь, звоните. Один вопрос напоследок. Какова дальнейшая судьба утеранных книг?

— Вы не там ищите, Игорь Петрович, — ответил Гуртовой. — Я знаю точно, за границей их нет. Может быть, малая часть, и не самых ценных. Они где-то здесь. У меня из головы не идет записка Берии. Попробуйте еще покопаться в спецархивах.

— Воливач, думаю, уже перевернул их полностью.

— Я не о тех архивах, Игорь Петрович. Те и мы перерыли сверху донизу. Партийный смотрите. Есть один сверхсекретный архив. Он исчез при гзачепистах, мы нашли его. Архив перевезли к старшему Трифу, позже заинтересованные лица потребовали его назад, но Триф отдал самую туфту, копии в основном. Постарайтесь опередить тамошнюю организацию. Она прикладывает максимум усилий, чтобы вынудить Трифа расстаться с архивом. Руководит поисками братец, младший Триф. Этот архив стоит многого.

«Прикладываем усилия», — отметил про себя Судских, но делиться этим не стал.

В Ясенево его ждало сообщение об успехе Вани Бурмистрова. В чужом пиру похмелье. Ящик благополучно перекочевал на русский контейнеровоз, как раз сегодня он снимался на Питер. Однако рукописи и машинописные копии в донесении не значились.

«А не приложил ли к ним руку Сладковский? — размышлял Судских. Тихий и по-бормановски скрытный, Сладковский делал свое дело неприметно, а результатами его работы мог гордиться разведчик экстра-класса. — Придется Ванечке вновь прокатиться к братцу кролику Трифу, пока контейнер едет в Находку. Есть резон...»

— Представляешь, — сказал Бурмистров жене, — мы срочно возвращаемся в Люксембург.

— Ой, Ванятка, дважды молния в холм не бьет, — округлила глаза Дарья.

— К тому же связник забрал все деньги.

— Двести пятьдесят тысяч? — ужаснулась она. — А шубы?

— Какие, к черту, шубы? — разозлился Иван. — До шуб ли тут?

— Нет, извините, — заартачилась Дарья. — Я не дура-патриотка, за просто так не работаю.

— Чего ты разблажилась? — утрясал назревающую перепалку Иван. — Будет тебе гонорар, Судских мне лично обещал. Давай попробуем? Попытка не пытка...

На этот раз никто не заказывал для них машин и номеров в престижном отеле. Сами взяли напрокат скромненькую «вольвочку» и поехали в Люксембург в далеко не лучшем настроении. Подходящее объяснение для Трифа занимало обоих всю дорогу, но ехали молча.

— Я так рад новой встрече с вами! — обрадовал их радушием прежний официант. — Вы убедились, что лучшего места для отдыха нет? — тараторил он, стараясь расшевелить невеселую Дарью. — Коттедж ждет вас, а соседа уже нет.

— Нет? — в один голос сказали оба.

— Уехал среди ночи скоростно. Рассыльный принес ему молоко, думал, он спит, а обедать он не пришел... Желаете перекусить с дороги?

— Сначала мы отдохнем, — ответила Дарья. — Мы не прощаемся.

— Что будем делать? — спросил Иван Дарью по пути в коттедж. — В такую лужу сели. Но «жучки» надо осмотреть.

— Какие «жучки», Ванька? Мы никому уже не нужны.

Упрямый Бурмистров тем не менее обследовал все углы. В подвале коттеджа картина неуловимо изменилась, постояв, припоминая, что именно насторожило его, Иван понял: громадный шкаф для припасов сдвинут в сторону. Что ему до чужих вещей? — была первая мысль, но дотошность, к которой приучала служба, заставила докопаться до причин. В нижнем отделе ничего интересного, пусто. Для верности Иван постучал по задней фанерной стенке шкафа. Она двигалась! Достав перочинный нож, Иван поддел фанеру, и она легко поддалась.

— Мать честная! — заглянул за стенку шкафа Иван. Там оказалась пустота. Сбегав наверх за фонариком, Иван ничего не ответил на недоумение жены.

За шкафом подвал продолжился, он перекрывал нишу в человеческий рост. На полу перед Иваном стояли два раскрытых ящика, по размерам в точности такие, как переправленный в Санкт-Петербург, даже боковая рейка набита по диагонали. Ивана это не обрадовало, даже насторожило.

Ящики были пусты, упаковочная бумага скомкана, многое говорило о поспешности, с какой опустошали ящики. Вне сомнений, за время их отсутствия отсюда забрали содержимое ящиков. Не торопясь Иван обследовал ящики, вынул упаковочную бумагу, потряс ее. Выпал лист писчей бумаги величиной с лист записной книжки.

«Товарищ Сомов! — читал Иван беглые строчки выцветших чернил. — Хозяин недоволен: если решено убрать Штейнберка, нет смысла противиться. Вам будет хуже». Неразборчивая подпись, а по верху листа шапка: «Комитет партийного контроля при ЦК ВКП(б)».

С листком бумаги в руках Иван поднялся в столовую. Шел медленно, будто постарел.

— И знаешь, что хранилось внизу? — спросил он у Дарьи.

— Что было внизу? — недовольно переспросила она.

— Тот самый архив, ради которого мы вернулись.

— Господи! Как он туда попал?

— Хитрый Триф хранил архив в пустующем доме. Что же тут неладного? — пытался разобраться в ситуации Иван, но Дарья раскипятилась:

— Думай не думай, а сидеть здесь нечего. Денег у нас осталось тысяч тридцать франков. А кушать что? А бензин? Ты зачем все деньги передал связнику?

— Он сказал, в Бельгии даст другой связник, — раздраженно отвечал Иван. — Поехали!

Едва они тронулись, путь им преградил «опель-кадет» агента по недвижимости, и сам он бодро выскочил наружу.

— Вы на прогулку? Очень хорошо, что застал вас. Вам надо уплатить ренту за новое проживание.

— Мы уезжаем совсем, — холодно ответила Дарья.

— Сожалею, но тогда надо уплатить обе ренты, — вежливо и настойчиво настаивал агент. — Двенадцать тысяч франков.

«Это еще почему?» — хотела взорваться Дарья, но Иван процедил ей сквозь зубы:

— Плати.

Плакали денежки. Агент принял их, получил подписи, вежливо попрощался и задним ходом стремительно скрылся за деревьями. На щеку Дарьи выкатилась немая слезинка.

«Вот так и начинался разговор о разводе», — уныло подумал Иван. Корябнуло под ложечкой.

В Брюсселе по данному агентом Трифа номеру телефона никто не отвечал. Автоответчик что-то вежливо предлагал на фламандском. Иван повесил трубку. Поразмыслив, набрал стокгольмский номер. И там никто не снимал трубку. Автоответчик тоже вежливо предлагал что-то, но на шведском. Выждав полчаса, Иван повторил набор, и вновь безрезультатно.

— Что-то тут не то, — усиленно искал выход из раздумий Иван, усаживаясь в машину рядом с женой. Говорил, чтобы растопить ледяное молчание. Дарья не разжимала рта.

Решившись, Иван вылез из «вольвушки» и вновь пошел к автомату. Звонил он дежурному УСИ.

Звонку удивились, но Бурмистрову было не до живописного рассказа: надо укладываться в минуту.

— Передай шефу, перезвоню ровно через полчаса.

Выждав отпущенный срок, с диким нежеланием Иван звонил снова. Голос Бехтеренко он узнал тотчас:

— Слушай: обратись в брюссельское отделение Аэрофлота к заведующему за ваучером для госпожи Андерсен. Там помогут. Все, — был краток Бехтеренко.

— Поехали, — сказал Иван жене, запуская двигатель.

— Назад в Люксембург? — язвительно спросила Дарья.

— Назад в Москву, — сдержался Иван.

Через шесть часов самолет приземлился в Шереметьево-2. Его встречала дежурная машина УСИ, а Дарье предложили сесть в другую машину и спокойно ехать домой. Ни слова.

«Оно и понятно, — уныло размышлял Иван. — Уезжать приятно, возвращаться, когда не с чем, погано».

— Бехтеренко в конторе? — спросил он водителя.

— И Судских тоже, — ответил тот. — Вас ждут.

Дежурный велел идти прямо в кабинет Судских. Время — второй час ночи.

— Здравия желаю! — изо всех сил постарался быть бодрым Иван.

Судских и Бехтеренко сидели с выжидающими лицами.

«Ой, что будет!» — ужаснулся Иван.

Тем не менее оба руководителя поднялись и поздоровались с ним за руку.

— Присаживайся, — кивнул на стул Бехтеренко. — Докладывай, и основательно. Каждая деталь важна.

Бурмистров не упустил мелочей.

— Видать, впопыхах вывозили архив, — заканчивая рассказ, выложил он записку для некоего Сомова.

— Нет, Ваня, — подал голос Судских. — Заранее планировалась операция. Тебя постарались быстренько выдворить из коттеджа, а для этого спланировали в Швецию.

— Да, но книги? А двести пятьдесят тысяч долларов? — все еще верил в нормальный исход дела Иван.

— Прибыл в Питер ящик, набитый старыми газетами, — сказал Бехтеренко. — А деньги как пришли, так и ушли. Тебе строго-настрого было приказано иметь связь только с одним человеком, а ты значения не придавал моим словам, спокойно встретил незнакомца.

— Помощник Сергея Сергеевича!

— Нет больше Сергея Сергеевича, — негромко сказал Судских. — На встречу пришел разведчик МОССАДа.

Бурмистрову в этой ситуации почему-то припомнились злополучные шубы. Развод теперь — дело определенное.

— Итого, — дошел до него голос Бехтеренко, — твоя поездка обошлась нам в семьдесят тысяч долларов, результатов ноль.

— Не страшай, Святослав Павлович, — заступился Судских. — Отрицательный результат — тоже результат. Лопухнулся ты классно от зарубежных картинок, но главное у тебя получилось. Теперь мы точно знаем, что спецархив у старшего Трифа, и он ведет с нами игру в поддавки. Интересно одно: архив перевезен во Львов. И знаешь почему? Такие вещи стало удобней хранить поближе к прежнему дому, где искать не станут. Так что, Ваня, готовься брать реванш за поражение в первом раунде.

— Спасибо, Игорь Петрович, — понурился, ответил Бурмистров. — Я ему еще кишки вымотаю.

— Ну зачем же мотать кишки? — усмехнулся Судских. — Трифа переиграй, что приятнее для ума и пищеварения. Он сейчас во Львове, готовься.

— А не Илья ли предоставил убежище брату? — посмотрел на Судских Бехтеренко. — География сходится.

— Есть такое предположение. Но загадывать не будем. Выясняем. Он думает, что обвел нас вокруг пальца, пусть думает. До самой Находки мы свободны и думать и делать все. Езжай, Ваня, домой. Твоя поездка прошла вполне нормально. Я бы сказал, удачно. Привет супруге и вот это...

Судских выставил перед Бурмистровым коробку, перевязанную красной лентой, которая в деловой обстановке выглядела легкомысленно и даже вызывающе. Иван недоуменно воззрился на коробку. Судских и Бехтеренко улыбались заговорщически.

— Подарок от нас, — нарушил молчание Бехтеренко. — Шуба.

— О-ой... — схватился за лоб Бурмистров.

— Езжай, — напутствовал Судских. — Смело езжай.

Через три дня Судских получил сообщение по телефаксу: «Штраф за просрочку платежей вырос вдвойне. Немедленно вывозите контейнер. Есть подозрение, груз подпорчен».

Открытым текстом сообщение читалось иначе: «Оба Трифа во Львове, появились люди МОССАДа. Операцию следует проводить немедленно».

Бурмистров и Зверев с группой прикрытия тотчас убыли на Украину обычным поездом. Во Львов добирались поодиночке. Оружия с собой не брали, оно дожидалось их в самом Львове. Группу предупредили: дом тщательно охраняется, запросто не подойти, оба брата из особняка не показываются, лишь гуляют в парке, и днем и ночью за ними тщательно наблюдают.

— Так и форт Нокс не оберегают, — заметил встретивший группу связной. — И свои и чужие.

— Еще бы, — не удивился Зверев. — За этот спецархив бывшие партайгеноссе все партийное золото вывалят, лишь бы он исчез. Как лучше подобраться к особняку?

— Сложно. Днем парк и особняк просматриваются, ночью парк освещен. Это блюдет милиция, хохлацкий спецназ. Рядом с особняком костел, на звоннице постоянно человек с прибором ночного видения. Другой охраняет подходы к костелу. При нем мобильная связь. Это МОССАД. Милицкий наряд у ворот парка просматривается с костела.

— А если под ментов сработать? — спросил Бурмистров.

— Не задевай самостийность, продадут все. Куплены. Здесь охотно продадут все, кроме чести. Ее попросту нет.

— А когда у них пересменка? — спрашивал и отмечал что-то на бумажке Зверев.

— Правильно мыслишь, командир, — поддержал Зверева связной. — В пять утра. Когда уже светло, а прохожих еще нет. Единственное уязвимое место в обороне. Но тут не подобраться. Как у мавзолея: менты меняются с разводящим и МОССАД с разводящим. Здесь он сам поднимается на звоницу, один вниз.

— К МОССАДу претензий и просьб нет, — остановил его Зверев. — А если перехватить смену на подъезде?

— Под охраной ментов, — усмехнулся связной. — Зато саму охрану убедить можно и договориться с нарядом на подъезде. Они меняются в восемь утра, двенадцать ночи и четыре дня.

— Зная местные обычаи, вам и договориться проще? — спросил Бурмистров.

— Так и я о том же! — воскликнул связной. — Зеленые водятся? За штуку вам еще гопака спляшут и в помощники набиваться станут. Предлагаю легенду: ниже поста есть ресторанчик, где собирается местная коммерческая знать, и мы якобы хотим выпотрошить кое-кого, а с поста хороший обзор. Вы незаметно пропускаете нас в будку поста, мы наблюдаем часа два в ваших кепочках и сваливаем. Чтобы не связываться с вами, менты еще и связать себя попросят.

— А не тесно в будке станет? Наших четверо и их двое? — засомневался Зверев.

— А всем и не надо. Сколько вас? Семеро? Вот. Один ментов охраняет от глупых поступков, другие накапливаются у ограды парка. Каменное ограждение высокое, не видно, подход к будке есть незаметный. Дальше самое интересное: на пять секунд во всем районе будет отключен свет. За это время группе надо перемахнуть освещенную территорию парка под защиту особняка, чтобы не засек моссадовец с костела. Надо заметить еще, один мент прогуливается в парке, другой в будке, меняются по желанию. Перед началом звать мента из парка в будку. Один комплект ментовской формы у меня есть. Один из вас в нее переоденется и заменит потом хлопца в парке. Дальше: в особняк можно пройти через подвал. Он заперт на висячий замок. Перекусыватель приготовлен. Из подвала лестница ведет на первый этаж, туда вам не надо. А справа стальная дверь, за которой весь архив, два ящика,

полтора на метр каждый, по пятьдесят кило весом, с ручками для удобства. Дверь запирается на внутренний замок. Открывать утомительно и не обязательно. Приготовлена газовая горелка, срезать петли.

— Ну, голова! — восхищался Зверев. — Сам бы тогда и работал. Откуда такие познания?

— А мы по наводке в аэропорту киевский рейс встречали. Младший Триф встречал старшего, он же нанимал грузчиков в аэропорту, те выгрузили багаж, перевезли в особняк, и один из них с удовольствием рассказал, как это было. Не безвозмездно, разумеется, но рассказ достоин премии Пулитцера, — весело объяснил связной, такой же, как Зверев, работник УСИ.

— В доме охрана есть?

— Нет, — твердо ответил он. — Братья посторонних в дом не пускают. Младший Триф купил особняк с полгода назад, а жить стал с месяц, не более. Как МОССАД пронюхал, удивляемся. Ждем, что они в любой момент начнут операцию по изъятию архива, возможно, подкрепления ждут. Наблюдая за костелом, определили, что в городе сейчас минимум тридцать боевиков. Отсюда вывод: драчки не избежать. Теперь подумаем, как наладить вывоз. Электричество отключаем в ноль тридцать. Просачивание и вскрытие дверей пять минут плюс минута на вынос добра. В ноль тридцать пять подходят «газик» и микроавтобус, там мои ребята для вашего прикрытия. Наблюдатель со звонницы поднимает тревогу. Быстро грузитесь и быстро отбываете. Через тысячу метров увидите джип, следуйте за ним. Один садится в кабину микроавтобуса, двое в салон, четверо в «газик». Если уходим чисто, проблем нет. Если начнется перехват, самое уязвимое место — выезд на киевскую трассу. Для этого подготовлен аэродром подскока, так сказать. Сверяем часы? — предложил связной. — Двадцать два пятьдесят. Начинаем?

— Лады, — согласился Зверев.

Как и предсказывал связной, менты не отказались заработать по сто баксов на нос. На Украине продукты дешевле. В наручниках они вполне мирно полеживали на полу будки, тихо беседуя на ридной мове. Ни одно окно в особняке не светилось, кроме того, где свет проникал из другой комнаты.

Группа сосредоточилась вовремя, и ровно в означенный срок свет в округе погас. Когда он включился снова, Бурми-

стров, наблюдающий из будки охранников, обнаружил всех у подвальной двери, хлопец в ментовской форме беспечно прогуливался в парке на освещенном квадрате, но уже москаль. Ни одно окно в особняке так и не осветилось, только всколыхнулась тюлевая штора на темном окне. Группа успела исчезнуть в подвале, но кто знает, не оттого ли всколыхнулась она, от тревоги, поднятой в доме? Секундная стрелка перед глазами Бурмистрова очень обстоятельно проходила каждый круг.

Свет в глубине особняка зажегся, и сразу три окна, выходящие в парк, погасли через пять секунд. Особняк затаился.

— Миша, внимательно, — связался со Зверевым Бурмистров. Менты почуяли неладное, но шума не поднимали.

0.33.

— Понял, уходим.

Из-под куртки Бурмистров добыл короткоствольный автомат и передернул затвор. Снизу на него смотрели испуганные глаза.

— Не бойсь... Кумовьев не обижаем.

Из подвала показались двое с ящиком, побежали к калитке, другая пара следом, еще двое прикрывали отход. В освещенном пространстве они двигались ужасно медленно, как показалось Ивану.

— Быстрее, други, — шептал он. — Быстрее!

Окно по центру особняка распахнулось, дернулась штора. Ждать мирной развязки нечего, и не мешкая Иван выскочил из будки и полоснул по окну очередью. Наконец-то бег ребят с ящиками воспринимался им ощутимо, и все равно медленно бегут. Зверев сзади развернулся на бегу и добавил очередью по окну.

0.35.30.

Автомат в руках Бурмистрова плясал без остановки. Зверев помогал отрывистыми очередями.

Подъехал микроавтобус, следом подскочил «газик». Первые двое проскочили наконец с ящиком в калитку, когда протарахтела ответная очередь со второго этажа.

— Быстрее, хлопцы! — поторопил Бурмистров, перезаряжая рожок. — Быстрее!

0.36.

Вторая пара одолела пространство, Зверев замыкал отход и, поглядывая, как грузились обе пары, успевал строчить по окну.

Наконец за калитку выскочил парень в ментовской форме из группы связного. Почти по графику.

— Миша, веселей!

Бурмистров увидел, как из-за шторы высунулось рыльце гранатомета, когда Зверев поравнялся с калиткой.

— Мишка, ложись!

Хлопок и следом взрыв, рванувший где-то сверху, и взрывная волна придавила к земле. Подняв голову, Иван вскочил на ноги. Ребята уже управились с погрузкой, занимали места, заряд разворотил каменное основание ограды со стороны парка — хорошо хоть банкиров не обучают стрельбе из гранатомета, — Зверев недвижимо лежит за калиткой, пытаясь подняться.

— Мишка! — кинулся к нему Бурмистров.

Зверев потряс головой и почти без помощи поднялся, как чумовой двинулся к машинам. Иван перехватил его у талии, буквально впихнул в задок микроавтобуса, прямо в объятия ребят из группы.

— Давай! — махнул он водителю «газика», быстро посмотрев на особняк. Здесь машины не высвечивались.

— Миша, как ты? — связался он со Зверевым.

— Как от дуста.

Впереди замаячил в лучах фар джип стоп-сигналами. Он сразу двинулся вперед по дороге. Водитель рядом с Иваном сохранял невозмутимость. Как будто первая часть станцевалась.

До съезда на киевскую трассу двигались спокойно и развилку проскочили на скорости. На посту ГАИ даже ухом не повели. Кто ж знал, что москали проехали...

За первым указателем джип уклонился вправо и нырнул с обочины вниз. Туда же ухнули микроавтобус и «газик». Там была грунтовая узкая дорога, вся в лужах и промоинах, вела к распахнутым воротам с аркой наверх. За воротами стоял трейлер с распахнутой задней дверью.

Вполне оживший Зверев выскочил из микроавтобуса, махнув остальным. Двумя рывками покидали ящики внутрь трейлера, прыгнули следом, кроме Зверева и Бурмистрова.

— Устраивайтесь! — распахнул перед ними дверцу водитель.

Руку связному жали впопыхах.

— Еще поручаемся, — напутствовал связной. — Валяйте, свет по трассе зеленый!

Трейлер медленно, как слон, выбрался на трассу и, убыстряя ход, заторопился к Москве.

Перевели дух. Зверев отер лицо.

— Глянь-ка, Ваня, что там у меня?

Справа на голове была внушительная шишка. Крови не было.

— Каменюкой тюкнуло, не иначе, — поставил диагноз Иван.

— А будто бы скалой, — разочарованно молвил Михаил. — В этой жизни пронесло...

Сзади нарастал вой сирен, в зеркале обзора вертелись синие и красные огоньки.

— Едут, родненькие, — осмотрел автомат Зверев, перезарядил рожок. — Простите, если что...

Кавалькада из трех милицеских джипов обошла их трейлер по осевой и, не сбавляя скорости, понеслась дальше.

Пронесло.

— Вот так и держи за ними, — посоветовал водителю Зверев. Тот посмотрел снисходительно: кого учишь?

— Из «тройки», что ль? — признал коллегу Михаил.

— Оттуда, вестимо, — усмехнулся водитель. — Думал, за вами из Бельгии посылают трейлер? — Дистанцию за джипами он держал стабильно. Спросил между прочим: — Улов стоящий?

— Как тебе сказать, — призадумался Зверев. — Кому оно дороже злата, а для кого форменное дерьмо. Даже не фирменное.

Навстречу с воем и мигалками по другой стороне мчались две спецмашины милиции.

— Эх, — потянулся Зверев. — Люблю братьев-хохлов. Быстро запрягают и едут быстро. Не чета нам. Правда, Ваня?

Бурмистров хмыкнул без ответа.

4—18

Быть верным цербером дано не каждому. Это отречение от роскоши и сытости, отчуждение от общества и друзей, от покоя и собственного мнения.

Образцом цепного пса был Поскребышев. Как таковой сам по себе он не существовал, была тень вождя, даже когда

солнце стояло в зените. Сейчас полностью утрачен секрет воспроизводства этой удивительной породы, и в наше время появляется всего лишь помесь, твякающие шавки ястржембской породы, скорее выродки, чем масть.

Потому что нет вождей. И не будет. Потому что выродилась масть вождей. Червоная ли, пиковая — остались джокеры, каждый хотел бы участвовать в игре, его мало интересуют комбинации, главное, чтобы он был выше всех, остальное приложится. И закрадывается страх — а вдруг его туз выше? Тогда остается стать джокером, а им туза можно заменить. Но джокер — скоморох. Такая вот участь. Будь ты хоть всех тузов выше, а дурачком от такого за версту несет.

Вождь не посягал на Поскребышева — на тень наступить невозможно — и относился к нему, как относятся к своей руке, ноге, части тела, и гневаться на руку, которая сохнет, зря и бесполезно. Сталин доверял Поскребышеву, поверял ему многое, поэтому заручиться доверием Поскребышева — значило заручиться доверием вождя.

Чем Сладковский заслужил его — дело темное. Бывают такие, похожие на чемодан без ручки. И нести трудно, и выбросить жалко. Сказать проще, джокер Сладковский был неуязвим. На него не упала тень вождя, он обходился без сияния его ореола, но милости на него падали.

— Поскребышев, почему мы давно не видели товарища Сладковского? — спросил вождь однажды в конце скучного дня. Сталин собирался на дальнюю дачу в конце недели. Была суббота, июль нес духоту.

— Говорил неделю назад, что готовит вам астрологический прогноз конференции в Сан-Франциско, — всегда готовый к любому ответу, сказал Поскребышев.

— Такие, как товарищ Сладковский, всегда мечтают взлететь, когда им забывают подрезать крылья, — недовольно проворчал Сталин. — Кто его просил? Я не просил. Вы просили?

— Зачем, Иосиф Виссарионович? Приказа не поступало, — тихо ответил Поскребышев.

— Тогда пусть появится у нас в понедельник вечером. У меня найдется о чем спросить товарища Сладковского. И совсем не о Сан-Франциско. Он стал думать слишком много для своей короткой шеи, поэтому стал многое забывать.

Казалось бы, после таких слов своевольника ждет неминуемая плаха, но даже сам вождь внутренне поражался, по-

чему он до сих пор не растоптал эту рептилию, ~~противную~~, как все ползучее и скользкое. Вызывая Сладковского, он заранее был готов излить на него гнев, и пусть дальше разбираются с ним заплочных дел мастера Берии, а тот бы и рад, но, расставаясь с ним, решал иначе: пусть поживет.

Почему? У Сталина ответ всегда был: ползучее, но не пресмыкающееся. Гад с неожиданным жалом, но не червь.

В понедельник около девяти вечера Поскребышев провёл в кабинет Сталина Сладковского.

— Садитесь, товарищ Сладковский, — опережая приветствие, сказал Сталин. Он набивал трубку, искоса поглядывая на визитера. Тот поспешно сел и открытым ртом хватал воздух, как-то по-рыбьи мучился, вскидывая голову.

— Вам трудно дышать?

— Боюсь, — честно ответил Сладковский. — Я всегда боюсь, когда вижу вас, товарищ Сталин.

— Если вы честный человек, чего вам бояться? Это удел нечистоплотных людей.

— Вы очень большой, Иосиф Виссарионович. Мне поэтому не хватает воздуха.

— Фигляр! — разозлился Сталин. — В присутствии товарища Сталина он боится, а без него пророка из себя корчит! Это что? — подсунул он Сладковскому листочек бумаги с шапкой КПК. — Кто это написал?

— Я написал, товарищ Сталин, — задержал веками без ресниц Сладковский.

— А почему у вас почерк очень похож на почерк товарища Сталина? — вкрадчиво спросил вождь. — «Товарищ Сомов...»

Сладковский узнал записку. Он ее писал, надеясь, что ненавистного Штейнберка уберут, но сволочь Сомов подло передал ее Сталину. Попытка уйти от смертельного капкана не шла на ум, он не был готов к такому повороту событий, голос вождя, гневный и грохочущий, валил на него потолок, и ему в самом деле нечем стало дышать и стало безразлично, как именно умирают, сместились понятия жизни и смерти.

Как ни странно, наступал тот самый случай, когда ему сходили с рук штучки, от которых у другого мороз драл по коже от одной мысли содейть подобное. Сталин все же не до конца прознал натуру Сладковского, не записывая его в червяки, а он был им: на то и червяк, которого раздави пополам, а он живет каждой половинкой.

— Я получу наконец ответ? — гаркнул Сталин. Это означало пик гнева вождя.

Сладковский с неимоверным усилием перевел дух и встал, удерживая голову в прямом положении.

— Да, Иосиф Виссарионович. Как только вы разрешите мне ответить. Я готов.

— Сядьте! И отвечайте, — умерил пыл Сталин. В таком виде Сладковский ему не нужен. Надо будет, на то есть Берия.

— По вопросу о Штейнберке вас не было смысла беспокоить. Вам не пристало пачкать руки о мразь.

Движение рук вождя стало замедляться, это говорило о нарастании новой волны гнева, и Сладковский заторопился:

— Люди, подобные Штейнберку, — самая мразь, своими руками они заговоров и бунтов не устраивают, но готовят почву для таких. Еврейская интеллигенция. Их невозможно поймать за руку, а пойманные стенают о бедной своей участи с самых давних времен. Они поддерживают легенду о вечно гонимых жидах.

Настроение Сталина менялось от гнева к удивлению и назад, и будь сейчас прибор колебания его души, стрелка металась бы от нуля к красному делению. В таких случаях Сталин старался издевками сбить уверенность говорящего:

— А почему еврей Сладковский так ненавидит свой народ?

— Евреи бывают всякие, товарищ Сталин. Одни годны для блеющего стада, из других получаются ненавидящие стадные инстинкты. Впрочем, как у всех.

— Вы, конечно, причисляете себя к гордым, — язвительно говорил Сталин, — только от вашего поступка не веет благородством. Вы обычный подлый еврейчик, готовый ради корыстных помыслов навредить соплеменнику. — Сталин раскуривал трубку, и паузы для затяжек подчеркивали смысл сказанного. — Почему среди вашего народа так много подлецов? А, товарищ Сладковский?

— Оттого, что мы вечно гонимы, — покорно склонил голову тот.

— Вы запели ту же песню. А говорят, что русский русскому подлость сделает в трудную минуту, а еврей еврею руку протянет. Не вижу я этого.

— Товарищ Сталин, я настолько связал свою судьбу с вашей, что родственные узы меня не сдерживают, если это нужно для вашего бессмертного дела.

Сталин закашлялся от негодования, и Сладковский немедленно поспешил налить стакан воды. Вождь принял от него воду с тяжелым взглядом умирающего на глазах врага.

— Сделайте глоточек, Иосиф Виссарионович, полегчает...

Сталин отдышался. Гневаться не осталось сил.

«Так и не заметишь, как этот мозгляк станет величать меня Кобой...» — подумал Сталин с неприязнью.

— И сколько евреев подобным методом вы отправили к Берии? — спросил он. Если врага приходится оставлять в живых, надо узнать у него секрет выживаемости.

— Многих, товарищ Сталин. Можете меня казнить, но пользы от моих поступков неизмеримо больше.

— А вы не подумали, что винить за вашу разнузданность будут товарища Сталина? — опять шло раздражение к вождю. А перед Сладковским возникал барьер, перешагнув который он получал индульгенцию на совершение куда более тяжких грехов. Такую в свое время получили Каганович, Берия, Молотов, Микоян, Хрущев, и Сладковский к ее получению был готов заранее: любой и даже самый страшный зверь любит, когда его почесывают, важно знать это место. В одно время это брюхо, а в другое — переносица, а Сталин еще не определился, подписывать Сан-Францисский договор или нет. Какие будут позже последствия от его решения, вождя интересовало постольку поскольку. Он — вождь, принимайте таким, какой он есть, главное — поступок, который останется навсегда, а это жизнь, бессмертие великих.

Сладковскому выпадала честь стать джокером. Он не стал упускать шанс.

— Именно так и будет, Иосиф Виссарионович. Но когда остальной мир, возмущенный засильем евреев, восстанет, как было это в Египте во времена оны, тогда имя товарища Сталина засияет новыми яркими красками.

Расчет оказался верным. Сладковский попал в переносицу, откуда начинался ум вождя. Сталин претендовал на вечность. Лести не выносил. Лесть — сладкое лекарство, а лекарства нужны больным. Другое дело — профилактическое средство, предупреждающее болезнь. И совсем не горькое.

— А евреев надо убирать руками евреев. Поэтому я отказался на подобный поступок, — закончил восхождение в джокеры Сладковский.

— Вас-то уж обязательно проклянут, — усмехнулся Сталин и, стерев усмешку, спросил: — Поскребышев доклады-

вал, что вы приготовили гороскоп о Сан-Францисской мирной конференции. Что вам поведал гороскоп?

— Не следует подписывать договор. Худой мир лучше доброй ссоры, но ни мира, ни войны — еще лучше. У товарища Сталина появятся возможности для широкого маневра. Акт капитуляции — это дверь в Европу, а отказ от мирного договора с Японией — окно. Всегда можно им воспользоваться, если заклинит дверь. Это прекрасный подарок потомкам, если найдется ум, хотя бы отдаленно похожий на ум товарища Сталина.

Скажи Сладковский «ваш» — картина испорчена. «Ум товарища Сталина» — это громадное полотно. Сладковский повадки зверя знал, а Сталин знал повадки Сладковского, иметь такого в советниках не хотел. Держать такого под рукой в качестве джокера — можно. Пусть этот мозгляк ухмыляется про себя, что он ровня козырному тузу, сдавать не ему...

— Я подумаю, — не спеша ответил Сталин, не поднимая глаз. Это означало конец визита, но Сладковский не уходил. — Что вам еще, товарищ Сладковский? Малолетних девочек вам найдет товарищ Берия, — уколот он его за совет. Зверь переродиться не может, и даже умный.

— Простите, товарищ Сталин, — стоя говорил Сладковский. — К товарищу Берии мне обращаться не хотелось бы по любым вопросам. Я раскладывал таро, и карты сказали, что он служит злым силам, противодействует товарищу Сталину.

— Вы думаете, это секрет для товарища Сталина? Не принято срывать паутину в подземелье, где выдерживается драгоценное вино, товарищ Сладковский. Иначе заводятся вредители. Идите. Пока, — проводил он спину Сладковского насмешливым взглядом.

Оставшись в одиночестве, Сталин не спешил уходить. Заботливо выключил верхний свет, оставив только лампу под зеленым абажуром. Ему нравился свет этой лампы, он навел покой после утомительного дня, в котором оставались сладковские и кагановичи, жуковы и курчатовы, а на грани дня и ночи только он.

«Несчастный демон, дух изгнания, летал над грешною землей...»

Он не станет подписывать Сан-Францисский мирный договор. Это ставит его вровень с Трумэном, япошками, Черчиллем. Он выше. Договор урезал его свободу, а без него он

сохраняет обиду, ею можно воспользоваться, обратив в ответный ход, когда потребуется. В Европу американцы уже вкатили троянского коня, свой план Маршалла, и стена, которую он создал, простоит недолго, от силы лет двадцать, до первой трещины. Он строил ее как линию дальней обороны для планомерного накопления сил. Сейчас нужнее переформировать силы для дальнего броска. Гитлер сделал верный ход, когда тайно отправил в Англию своего верного Гесса. Эту тайну «Третьего рейха» Сталин разгадал в конце войны и не поддался на уговоры Жукова выбить американцев с захваченных европейских территорий. Выбили — а потом? Остаться один на один с гнилым европейским духом, которым надышались его генералы? Свобода, равенство, братство! Красиво звучит, прекрасно, однако чистый кислород быстро сжигает легкие. Гитлер хотел руками верного цербера Гесса сложить вместе нацистские кубики и масонские треугольники. Перехитрить масонов пока никому не удавалось, чужаков они не подпускали к себе, участвовать в своих исторических переделах никому не разрешали, а невежда Гитлер посчитал себя равным с магистрами золотой пирамиды и просчитался: всего лишь стал подрезальщиком сухих ветвей, который возомнил себя садовником. Рукою левитов написано, а Соломону предписано: смело отрубай отсохшие ветки, и древо твоего сада останется вечнозеленым. Такую работу поручили Гитлеру в субботний день, когда евреи предпочитают отдыхать.

Не откажешь Сладковскому в смелом разуме, вожди всегда держали при себе шутов с острым языком, размышлял Сталин, в своей обычной манере медленно расхаживая по кабинету, — незачем бороться с плесенью наскаками, проще выжечь ее потом. Сразу и навсегда.

Он остановился у окна, глядя в него из полумрака своей обители. Дельную мысль подсказал ему Сладковский: восточное окно важнее прорубленного в Европу. Как ни велик царь Петр, жиды его обманули. Русь кичится Петром, а они потешаются.

Круто развернувшись от окна, Сталин вызвал Поскребышева.

— Поеду на ближнюю дачу, — отменил он прежнее решение. — А завтра пусть меня навесят Каганович, Берия и Хрущев обязательно. Климент Ефремович пусть отдохнет.

Ему нравилось, когда он стравливал этих двоих с Хрущевым, только когда нет глупенького Ворошилова. А два еврея с хохлом — веселый спектакль получался. Хрущев, подобно растревоженному медведю, пьяненький и задиристый, отбивался от наскоков двух бульдогов, Кагановича и Берии, а они его постепенно загоняли мягкими лапами в угол. А лапы с острыми когтями, глаза Хрущева наливались кровью, тогда он терял чувство меры, и оставалось только соглашаться: дурак Хрущ, хохлу руководство доверять нельзя. А если извернется и получит его, евреям там делать нечего. Верно сказано: где прошел хохол, еврею делать нечего.

Пора обзаводиться наследником, а он так и не решил, кому доверить державу. Берия — сволочь, Каганович — пакостная лиса, Хрущев — амбициозный дурак, остальные на полную личность не тянут. Каганович разворует, Хрущев опустошит, Берия... надо подумать. Этот так измарался, что, получив страну, станет изо всех сил отмываться. И план такой уже явно обдумал. Надо отсечь от него Кагановича, и будет толк.

На ближнюю дачу его сопровождал Абакумов. С этим можно разговоры говорить. Когда секретничают с помощниками, это льстит им, они выговариваются.

— Скажи, Абакумов, у тебя лично есть что на Лазаря?

— Нет, Иосиф Виссарионович. Гибкий. Как лоза снег, так и он любой компромат сбрасывает.

— А ведь ты его не любишь...

— Что он, баба, что ли? — прямолинейно ответил Абакумов.

— А тебе пора взрослеть, — с косой усмешкой смотрел на него Сталин, и Абакумов понял намек, — если твоему начальнику поручить «тонкое» дело, он напутает узлов, — в другом ключе продолжал Сталин. — У нас в Грузии менгрелы всегда были хуже евреев, а в тонком деле нужен лучше евреев. Мордвин, например, — намекнул Сталин на Судоплатова.

— А чем он лучше? — не уяснил Абакумов.

— Потому что мокша хуже эрзы, совсем плохой! — с чувством расхохотался Сталин. Абакумов не обиделся, не та порода. — Понял, Абакумов? — сказал Сталин, подчеркнув, что ошибаться тому нельзя.

Так начиналось знаменитое еврейское дело. От внешней разведки к внутренним репрессиям, мелкую рыбешку от-

брасывали подальше, за Магадан, Воркуту, а шук отпускали назад в море. И никто бы не догадался, что вождь планомерно отсекает сухие ветки руками своих заплечных дел мастеров, оголяя ствол. Много такой ствол простоит, когда отсекаются и не успевшие распуститься ветви? Подобным отвлекающим методом он спровоцировал хитрюгу Черчилля на знаменитую речь в Фултоне. Опустился «железный занавес», застучали за сценой железные топорики, с тупой силой мочали все подряд ветки. Стволы дрожали за кулисами. Это совсем не беспокоило послушный зал: у постановщика спектакля к тому времени появилась атомная дубинка, способная утихомирить любого вопящего извне, и появился новый актер с Востока. «Алеет Восток» — так называлось второе действие спектакля. Чуткое ухо умных мира сего уловило разностилье и диссонанс, хотя продолжение спектакля только начиналось.

— Скажите, Мойша, — спрашивал Абрам, — если вы хотите при всех червях и одном джокере сыграть большой шлем, вы станете делать его тузом?

— Зачем? Пусть он останется червем!

Так начиналась корейская война, и Мао Цзедуну не удалось сыграть даже малый шлем, спасая своего корейского джокера. Вот тот особенно хотел быть тузом, хотя в играх ничего не смыслил, и сколько бы ни гневался вождь всех времен и народов, тонкую игру ему испортили напрочь.

После него стоящих игроков не появилось. Кроме как в подкидного, они ни во что больше играть не умели. К столу пробился Никита. В дурака играли с удовольствием до самого кубинского кризиса. А тогда потребовалось вновь играть длинной колодой в пятьдесят два листа, оказалось, что тридцать шесть из них потрепаны, засалены, одни молодки сияли девственной чистотой.

Пришлось принять условия, играть чужой, но свежей колодой.

Судских хорошо запомнил усмешку Сталина в другой, нереальной жизни.

Вождь сидел сгорбившись, перед ним были начерчены круг, треугольник и квадрат. Видно, Сталин не решил этой задачи в жизни. Это его мучило.

Воин, убивший Пифагора, застал мыслителя перед такими же символами геометрии.

«А нет ли за ними иного смысла? — спрашивал себя Судских. — Неспроста вождь подсказывает мне эти знаки...»

Тогда Судских обратился к Лаптеву.

— О, Игорь Петрович! — воскликнул Григорий с повышенным интересом. — Вас стали интересовать запредельные символы? Охотно растолкую. Окультисты считают их подлинно магическими символами, в каждом по порядку увеличение степени магии. Круг определяют тридцать шесть чисел, треугольник — пятьдесят два, а квадрат — шестьдесят четыре. Разницу находите?

— Допредельный делитель круга два, четыре и шесть, треугольника — два и четыре, квадрата — два, четыре и восемь. Полный логический ряд.

— Вы очень верно заметили, — с еще большим восхищением посмотрел на Судских Лаптев. Шеф успешно оперировал логическими символами. — Зная магию круга, можно выигрывать в очко или «блекджек», треугольника — в покер, бридж, даже в рулетку, а квадрат — это магия шахматной доски, здесь можно стать чемпионом, зная логический ряд и двоичное счисление. Компьютерный язык строится на двоичных числах, язык ускоренной мудрости. У оккультистов в этой магии заложен иной смысл: круг для обывателей, треугольник для посвященных, квадрат — избранным. Его называют еще царским квадратом, никто из нам известных правителей его тайны не познал. Но что интересно: детишки шустро освоили кубик Рубика, быстрее взрослых, и стали ближе к космосу мышления, нам за ними не угнаться. Кстати, — загадочно посмотрел на Судских Лаптев, — с магией квадрата дружат йоги и ламы, а исключительное знание дает возможность перевоплощаться и проходить сквозь предметы...

«Я же могу это!» — чуть не воскликнул Судских.

— Научиться этому невозможно, Игорь Петрович. Это божий дар, — закончил Гриша.

— Тогда объясни, — не спешил заканчивать разговор Судских, — при чем тут цифирь, магия и возможности человека?

— Где появляется математика, там начинается наука, Игорь Петрович, — веско заметил Григорий. — В начале пятидесятых Уотсон и Крик предложили миру модель ДНК и выдвинули гипотезу о механизмах воспроизведения молекул ДНК. Биологи рьяно взялись за опыты и выяснили, что человеческий организм способен изменяться самостоятельно, что функциями влияния на органы тела, все без исключения, обладает только спинной мозг, который в принципе

ни за что не отвечает. На Думу нашу похож, точно? Зато он влияет на трудягу мозг, наше правительство, точно? Из пятидесяти двух кодонов ДНК тридцать шесть отвечают за состояние организма и только шестнадцать — за преобразования в нем. Это генетический код. У большинства людей эти шестнадцать кодонов бездействуют. Тогда наступает регрессия организма — старость, забывчивость, но еще раньше, при нарушении последовательности кодонов в цепях, начинается мутация. Принцип зомби строится на этом. Но если человек максимально все кодоны использует, он становится гармоничной личностью, как мы говорим. Шибко грамотный, спортсмен, настоящий индивидуум. И тут в организме происходят удивительные вещи: к пятидесяти двум кодонам прибавляется целая дополнительная цепь из двенадцати кодонов. Наука пока не уяснила их происхождение, к тому же это редчайшее исключение. Спортсмены чаще всего умственно ограничены, умные чаще всего развиты физически плохо, артисты, кого принято считать гармонически развитыми личностями, еще тупее спортсменов, умны за счет чужих мыслей, писатели чванливы, их умственные способности не могут одолеть собственное «я» — так кому тогда Всевышний вручит все шестьдесят четыре кодона? Е-ди-ни-цам. На миллиарды жителей планеты. Однако профессор Луцевич по принципу шахматной доски рассчитал способ излечения зомби, наркоманов, спидоносцев. Это я ему готовил обсчет, — похвастал Григорий.

— Гриша, ты всегда был умничкой, — похвалил и Судских. — Как я понял, треугольник победим квадратом. И пятьдесят два кодона, работающие всегда, дают человеку возможность пройти в другое измерение. Так?

— Так, Игорь Петрович, — подтвердил Лаптев. — А вся чехарда, которая закрутилась вокруг поиска древних книг, это возможность нашедшему первому обладать секретами, которыми владели древние, а мы утеряли. В свою очередь знание магических тайн дает возможность первенства на планете.

— Мне ли этого не знать, — задумчиво произнес Судских.

— Игорь Петрович, а ведь мы могли бы прямо в УСИ создать программу оздоровления общества. Это не зомбирование, не клонирование, это всего лишь переориентация природных инстинктов.

— И явно насильственная? — спросил Судских.

— Добровольная.

— Нет, Гриша. Добровольно мало кто рискнет передаться, даже если ему пообещают рай. Человек жив тем, что ему дано от природы, насилия он органически не переваривает. Как говорится, насильно мил не будешь. К тому же результаты эксперимента будут известны значительно позже, когда ничего исправить уже будет нельзя.

— Как нельзя? — запротестовал Лаптев. — А математические расчеты, моделирование с точностью до тысячных долей?

— Вот тут я не согласен с тобой. Я сужу по другим критериям: если человек придумал математику, значит, он сложнее всех математических моделей. Будь я Господом Богом, я бы разрешения на эксперимент не дал.

Неожиданный звонок прервал их беседу. Лаптев снял трубку и протянул Судских.

— Вас, Игорь Петрович.

Звонили с Сорокапятки, нашли Судских в лаборатории Гриши.

— Игорь Петрович, у нас ЧП, — взволнованно докладывал Левицкий. — Гуртовой застрелился.

— Откуда у него оружие? — недоуменно спросил Судских, считая сообщение невероятным розыгрышем.

— Загипнотизировал охранника.

— Черт побери! — положил трубку Судских. — А ты говорил — моделирование. У человека жизнь появилась, а он расстался с ней просто так!

Через полчаса вертолет УСИ приземлился на Сорокапятке. Судских сразу провели в комнату, где жил Гуртовой. Он стрелял себе в рот, выстрелом ему разворотило затылок. Зрелище отвратное. Охранник присутствовал здесь же, напуганный и удрученный.

— Не понимаю, как я отдал ему пистолет... Как во сне... попросил зайти к нему, помочь отодвинуть стол... Я помог. А за это он мне стал фокусы показывать. Один фокус, другой...

— По инструкции вам запрещено заходить в помещение, где находятся посторонние люди, только наружный осмотр! — выговаривал ему Судских. Охранник тяжело переживал случай. Вроде по-людски: один человек помог другому...

— Он записку оставил, Игорь Петрович, — протянул ему лист бумаги, сложенный вчетверо.

«Вскрыть только генералу Судских» — значилось на листке. Судских развернул записку:

«Уважаемый Игорь Петрович! Я взвалил на себя бремя, куда более трудное, чем поддаться вам и начать лечение. Жить в постоянном видоизмененном страхе я не могу, а вы пока не так сильны, чтобы оберечь меня ото всех напастей. Уходя из жизни, я хочу выполнить свой долг перед Россией и перед вами потому, что причастен ко многим ее бедам. На моей даче есть скрытый сейф под паркетом в моем кабинете. Двадцать первая дощечка от стола и шестая от окна. Код: 2-4-3-6-4-2. Там вы найдете подлинные документы, которые искупят толику моей вины перед Родиной. Не судите строго мои слабости. Гуртовой».

— Зверев! Немедленно группу из пяти человек! — отдал распоряжение Судских и первым заспешил к вертолету.

В дачном коттедже Гуртового пахло запустением. Без людей дома ветшают быстро, а хозяин не появлялся здесь более пяти месяцев. Охрана уборкой не занималась, уют не поддерживала.

Под ковром, отсчитав паркетины, вскрыли указанный квадрат и обнаружили внизу маленький сейф с ручкой цифрового набора. Судских набрал код.

Внутри лежали три прозрачные пластиковые папки. В одной из них Судских нашел уже известные списки организации, в другой — шифрованные таблицы, а в третьей была карта на кальке. Развернув ее, Судских присвистнул: «Карта минирования Москвы». Было чему изумиться.

Во все стороны от Кремля до Садового кольца Судских насчитал более пятидесяти точек с зарядами. Они не были строго привязаны к определенным зданиям и местам. Но на обратной стороне была другая карта — подземных коммуникаций Москвы. Судских развернул кальку на свет и сразу понял: подземное минирование. Выходы на поверхность указаны, точки зарядов помечены буквами А, Б, В.

— Быстро в машину! — скомандовал Судских, сворачивая карту, и вслед за группой побежал к вертолету.

В воздухе он запросил посадку в летней резиденции президента, где глава страны проводил трехдневный отпуск. Охрана из людей Воливача разрешения не давала. Тогда Судских вышел на связь с его помощником и получил доступ к президенту.

— Что за спешка, Игорь Петрович? — спокойно спросил тот.

— Приходится. Прошу немедленно принять меня.

— Никак книжки?

— И книжки тоже.

— Давайте. Если не терпится.

Вертолет сел в центре посадочного круга, его тотчас окружила президентская охрана.

— Всем оставаться на месте, — сказал своим Судских и прыгнул на землю. Легкие папки еще в воздухе он сунул за пазуху. Один из охранников, обыскивая Судских, наткнулся на край папки и взглянул на генерала вопросительно. Под сверлящим взглядом Судских он отвел глаза и закончил обыск.

Его провели в легкий павильон, где президент играл на бильярде со своим старым товарищем, нынешним министром обороны. Опершись на кий, президент с легкой усмешкой ожидал Судских. Читалось на его лице и недоумение.

«Сейчас, господин президент, вам станет не до смеха».

— Надо бы поговорить наедине, — поздоровавшись, сказал Судских.

— У меня нет секретов от министра обороны, — перестал улыбаться президент.

— И все же посекретничать надо, — настаивал Судских.

На лице президента появилось недовольство, и, разрешая конфликт, министр обороны пришел на выручку Судских:

— Говорите, а я пока прогуляюсь.

— Давайте пройдем в ваш кабинет, — последовало новое предложение от Судских. — Это сверхважно. Павильон может прослушиваться на расстоянии, а кабинет не пропускает сигналов. Он в ведении внутренней охраны, моих людей.

— Пошли, — на сей раз серьезно сказал президент.

Только в кабинете Судских развернул карту Гуртового. Президент внимательно изучил ее, водя пальцем по отмеченным точкам. Без наводящего совета развернул ее на свет.

— И даже атомные заряды? Откуда карта?

— Застрелился Гуртовой. В предсмертной записке передал документы.

— А если это липа? — прямо смотрел на Судских президент.

— Это проверяется просто, — убедительно отвечал Судских. — Вот карта. Подземные коммуникации давно стали вотчиной боевиков-беспредельщиков. И раньше были подозрения на возможность террористического акта. Милиция и

не пыталась входить туда, органы контролируют сугубо свои участки, даже все выходы на поверхность не были им известны. Теперь мы знаем их.

— Кто собирается осуществлять взрыв и когда?

— Это неизвестно. Я полагаю, следует немедленно разминировать подземелье и впредь контролировать полностью.

— Но ведь должен быть глава заговора? — настаивал президент.

Имя, известное ему от Гуртового, Судских не решился назвать. Пока он не имеет такого права.

— Возможно, сам Гуртовой.

Президент не поверил. Чутье подсказывало другое.

— Ладно, оставим, — сказал он. — Ваши действия?

— Перекрываю точки выхода на поверхность группами моего спецназа и блокирую передвижение внутри. Операция будет проходить в строжайшей секретности, иначе нас опередят. О карте Гуртового, кроме нас двоих, никто не знает.

— Считаю, вы правы, — задумчиво ответил президент. — Но почему вы отвергаете участие Воливача в этой акции?

Поколебавшись, Судских ответил:

— Огласка больше. Его люди профессионалы, но мне провести операцию проще по некоторым причинам. Уверяю вас.

— Можете держать меня в курсе?

— Разумеется. Пусть рядом с вами постоянно будет находиться мой связной. Меньше ушей, выше успех.

— Тогда действуйте, — нехотя разрешил президент. — Я чуть позже возвращаюсь в Москву. Так вернее. А вы уверены в успехе?

Этого Судских еще не знал. Как человек действия, он предпочитал действовать. Есть обстоятельства, которые вмешиваются в ход событий и непредсказуемы, предотвратить не может их сам Всевышний: взвешивая взрывчатое вещество на весах справедливости, Всевышний отворачивает лицо, дабы не обжечься ненароком. Не потому ли Он не открывает его живущим на Земле?

Составляя с Бехтеренко план операции, Судских заявил:

— В подземелье пойду один. Не спорить. Всех, кто будет выходить на поверхность, брать сразу. Без шума и стрельбы, осечки исключены. Двое суток не искать меня. Выйду сам. Сверим часы...

Мало отличаясь от диггеров своим нарядом, Судских не взял с собой даже оружия. Фонарик, свечка, нож, запас харчей и воды, карта. Спустившись вниз через канализационный люк у здания «Инкомбанка», он двинулся к первой минированной точке и, к своему недоумению, ничего там не обнаружил. Сверился с картой, осмотрел с фонариком каждый сантиметр — и ничего.

«Как это понимать? — недоумевал Судских. — Гуртовой напоследок устроил розыгрыш? Не хочется верить и не верится. И нелогично, и кошунственно».

Либо заряды убрали до его прихода, либо они тщательно замаскированы — так будет вернее.

Этот коридор имел узкие тротуарчики вдоль стен, посередине текла вода. Неопределенного цвета водоросли стелились по направлению течения воды, скользкие, противные. Такие он видел в нижних ярусах Всевышнего, где обретались самые мерзавцы рода человеческого, и здесь запах от воды и стен исходил нереальный, мягкий и цепкий, заставляющий прятать нос от гнилостного дыхания мерзости.

Принюхался, привык. Колыхнулись водоросли, и что-то блеснуло в свете фонарика. Судских пригляделся и сунул руку в поток. Достал из него у самой стенки цилиндр из нержавеющей металла. Без сомнений, в руках была мина. Только корпус ее, без проводов и детонатора, опять поставил его в тупик. Мина развинчивалась на две полусферы. Внутри покоились детонатор и заряд пластиковой взрывчатки. Той самой, новейшего изобретения. Жажнет, и в «Инкомбанке» не успеют спеть молитву «Де профундис».

Но как поступает сигнал, Судских не мог сообразить. Он вертел заряд в руках, пытаясь установить это. Контакт был припаян прямо к корпусу... И его осенило: разряд тока поступает по воде, она становилась проводником. Если все мины идентичны, одновременно взлетит все Садовое кольцо.

Открытие заставило Судских поспешить дальше. Мина значилась под индексом В. Разрядив ее, он уложил первый запал в отдельный карманчик рюкзака, быстрым шагом двинулся дальше, полагая идти по радиусу к центру, через промежуточный заряд Б к центральному А.

Через полчаса, также в воде, он обнаружил еще одну мину. С ней Судских управился быстро и уже увереннее зашагал дальше, подсвечивая себе фонариком.

Коридор уперся в кладку из камня, где на карте значился проход. Не ломая голову, он прошел сквозь кладку и очутился в каземате без единой двери. Посредине возвышалось сооружение, похожее на сферу морского гирокомпаса. Осмотрев его, Судских признал в устройстве мину с таймером. Ядерного заряда он не обнаружил. Проинструментированный Зверевым по основным типам взрывчатки и взрывателей, он последовательно перекусил три проводка, идущих к таймеру. Возясь с ними, он увидел ниже сферы небольшого размера шар из нержавейки. К нему и крепились три проводка. Не задумываясь Судских перекусил и эти. Только потом на лбу выступила испарина и руки стали дрожать. Он понял: в этом маленьком яичке таился атомный динозавр, тихий и спокойный до поры, но его одного хватило бы прогуляться по всей Москве, оставляя за собой доисторический пейзаж...

Очень осторожно он вынул шарик, подержал его на ладони и отправил в карман рюкзака.

Он почувствовал неувовимо, как коснулась его волна усталости и прокатилась мимо, оставив испарину на лбу.

И все же — как сюда попадают естественным путем? Не похоже, что, установив заряд, проход замуровали. Кладка везде была одинаковой, старой. Он сверился с картой, убедился: находится как раз под зданием Думы. Наугад шагнул в противоположную стену и столкнулся с потоком воды. Инстинктивно отпрянул назад. Вода не задержалась на нем.

Прохода не было ни слева, ни справа. Судских осветил фонариком потолок и разглядел лаз. Нечего было думать, чтобы попасть туда снизу, пирамиду составлять не из кого.

Пометив на карте это место, он вернулся сквозь стену в коридор, откуда пришел в каземат.

Теперь путь пролегал к Лужковскому центру. На карте он заканчивался тупиком, но чуть раньше соединялся с другим, идущим по радиальному лучу до Садового кольца, с тремя минами, помеченными буквами А, Б и В.

Металлическая ржавая решетка преграждала путь. Судских просочился сквозь нее и двинулся дальше сухим коридором, соображая, какой привод к детонатору он обнаружит на этот раз.

Свежая кладка указывала на боковой проход. Судских сделал шаг и почти наскочил на штабель ящиков. «Динамит» — прочитал он надпись наискосок по боковой стенке одного из ящиков. Им не один десяток лет от роду, понял он. Штамп ниже подтвердил это: «Дата изготовления: 13.05.41 года».

Детонатор был старого образца, из гремучей ртути. Кусок бикфордова шнура торчал изнутри.

«Ясно. Должен сработать от соседнего заряда. А где он?»

У самой стены был желобок, где покоилась в воде иско-мая мина Б. Обезвредив ее, Судских вынул и детонатор из ящиков с динамитом. Так оно вернее. Разницу между зарядами Б и В он уяснил: В имели двести граммов пластиковой взрывчатки, Б — все триста. Не считая атомных, Апокалипсис получался убедительный, наверху останутся все признаки землетрясения по высшей шкале, от центра останутся одни развалины...

Соблазн сократить путь заставил его свернуть в коридор, помеченный на карте пунктирной линией. Не то чтобы очень торопился, пока он укладывался в график: его изредка стало подташнивать, непонятно почему. Раньше такого с ним не случалось, и Судских хотел этим коридором выйти к поверхности и глотнуть свежего воздуха.

Едва он ступил в коридор, понял, что заставило пометить его пунктиром: весь в завалах земли и гнилых подпорках. Он пробирался по проходу, боясь зацепить неосторожно трухлявое бревно или доску. Ход рыли явно лет триста назад и вряд ли им пользовались с тех пор. Наконец под лучом фонарика высветилась каменная кладка, и Судских вздохнул с облегчением. Не хотелось бы, несмотря на уникальные способности, быть погребенным под землей. Он еще раз облегченно вздохнул.

Проход вывел его в сухой коридор, и сразу Судских увидел штабель уже знакомых ящиков сорок первого года рождения. Коридор перегораживала каменная кладка, за ней ход вел к вертикальному лазу у самой стены Кремля.

Обезвредив штабель, Судских не нашел мины, от которой динамит мог бы сдетонировать, и где бы ей быть в такой сухости? Пришлось осмотреть штабель тщательнее.

Недалеко от детонатора он нашел таймер. Беспечно взял его в руки, и тотчас зашепили цифры к уже готовым двум нолям впереди. Пять, четыре, три... Он дернул прибор по-сильнее и оборвал провода, уходящие внутрь штабеля.

Этот подарок оказался с ехидцей. В нем сначала от соседнего взрыва срабатывал таймер, приводил в движение свой детонатор, а не старый, с куском бикфордова шнура.

По-прежнему хотелось дохнуть свежего воздуха. Об этом напоминала невеста откуда пришедшая одышка. Неприятно было не от нее, а от непонятности ее появления: с чего вдруг?

Поразмышляв над картой, он снова шагнул в коридор с завалами: там значился верхний лаз. В самом деле, мельком он видел тогда массивный овальный свод из камня.

У этого свода он нашел прочную дубовую дверь, изъеденную древоточцами. Толкнув дверь ногой, он убедился, что она не заперта. Навалившись плечом, он расширил проход, сделал шаг, и тотчас сверху на него ухнула земля, вытолкнув за дверь.

«Ну не идиот ли! — клял себя Судских. — Всевышний снабдил даром ходить сквозь стены, а мне надо ломиться в открытую дверь. Интеллигент хренов!»

Прежним путем уйти не удастся.

Осветив фонариком довольно вместительное помещение, он увидел в самом углу каменные ступеньки наверх к дубовой двери, похожей на первую. Запиралась она на три громоздких запора. На всякий случай он осветил все углы и вздрогнул от неожиданности: в противоположном углу, прикованный цепями к стене, болтался скелет. Пыточная. Сухой воздух сохранил одежду на нем, поддеву, расшитую шелковой нитью, исподники.

Как же выйти из пиковой ситуации? Назад хода нет, дверь заперта... Оставалось воспользоваться лазом наверх. Собирался только вздохнуть, а приходится и явиться на белый свет. Ладно, там свои хлопцы стерегут, но люди Воливача — глупенькие, что ли?

Решил схитрить и шагнул сквозь дубовую дверь. Как-то неприятно было входить через дерево. Стало подташнивать...

За дверью ступени уводили выше, в одну из кремлевских башен. Но очень хочется подышать.

Ступеньки заканчивались перед дверью из свежего железа. Через него Судских проходил с ощущением тесноты.

Гомон молодых голосов доносился с территории Кремля: курсанты или бойцы полка охраны занимались хозяйственными работами. Матерились для связки слов. Элитарно и незлобно. Оставаться здесь долго Судских не приходилось, могут увидеть невзначай. А за стеной был люк, где караули-

ли его ребята. Глубоко вздохнув, Судских двинулся сквозь башенную стену, где кирпича всего в три кладки.

Противно. Как сквозь плотную взвесь пыли.

Перед липами, окружающими Кремлевскую стену с этой стороны, расположились четверо его парней у самого канализационного люка. Вроде бы как собирались кабель паять. Рядом парковался «рафик». Появление Судских произвело на них неизгладимое впечатление: в подобном состоянии карманника не поймать.

— Чего вылупились? — обыденно спросил Судских и протрусил к люку. — Открывайте. — Оттуда, стоя на скобе трапа, добавил: — Звереву передать: на точках 7,13,19,6 и 14 убрать заряды. И вот вам еще, — выложил он на крышку люка запалы.

До вечера он расправился еще с десятью минами.

«А работы хватает...» — заторопился он, хотя усталость ощутимо повисла на руках и опутывала ноги.

3,23,41,2,15,27,51.

В нише сухого коридора буквально свалился на пол и уснул под утро. Свинец, наливший тело, так и остался в нем.

Проснулся он от осторожных шагов. Фонарик освещал маленький кружок под ногами идущего. Вот и первая встреча. Впрочем, такая ненужная... Судских вжался в нишу и неожиданно для себя очутился в квадратном помещении, которое на карте не значилось. Здесь стоял стол, массивный, канцелярский, родом из тридцатых годов, стул, диван с высоченной спинкой, казалось, на полочке спинки недостает только слоников, всех двенадцати для полного счастья. Каменные ступеньки вели к двери. Сквозь эту дверь он вышел в другое помещение, уровнем выше. Оно целиком было разлинеено стеллажами, на них продолговатые ящики с автоматами, патронами, гранатами, ранцевыми и подствольными гранатометами, и много чего другого покоилось на стеллажах до самого потолка.

«Это кто же так упаковался? — с неприятным ощущением, будто попал в сточную канаву, думал Судских, разглядывая карту. — Оружие новехонькое, последних образцов, лежит здесь не так давно...»

Он перебирал в уме ориентировки последних месяцев. Что особенно беспокоило? Активизировалась партия молодых реформаторов, не снижали активности и коммунисты,

все те, кому новый президент стоял поперек горла, как против течения. В последнее время и те и другие лишились своих боевиков, коммуняки не имели их вообще, полагаясь на бабушек-старушек, а те на митингах лезли вперед — разве обидишь чью-то мать? Третья сила? Нет, третьей силы не водилось. Разве что молодые дилетанты? Кто же им отдаст это хранилище под Старой площадью и вообще власть? Остаются неуловимые масоны.

Молодые реформаторы столь же молодо мыслили в экономике. Они нарушали законы развития без оглядки на последствия. Так уже было в прежней жизни Судских, когда Гречаный доверил Россию Вове Цыглесву. Добра он скопил много, и все равно цыглесвской команде не довелось выжить. И ни при чем здесь потоп. Вспомнить хотя бы мальчика Кириенко — такому хоть самый быстрый катер дай, все едино не знает, куда ехать, не знает зачем. Можно ли из бывшего комсомольского трепача получить хозяйственника? Вроде как из проститутки получить девственницу. Велись такие опыты, да дорого обошлись...

Таких подбирали масоны.

После «Куликовской битвы» и смерти Гуртового масонский каган потрепали изрядно, лишили его мобильной оперативности, но плесень, сколько ее ни отскребывай, плодится снова, и только убрав сырость, можно лишить ее среды. Зависть, обида, тщеславие, недомыслие — и мало ли соблазнов, из чего растет плесень, перечеркивая десять заповедей.

Разглядывая на стеллажах стреляющее и взрывающее, Судских философски пришел к выводу, что человеку ближе автомат, чем книжка, автомат перед стрельбой разбирать не надо. И будет ли прок, когда найдутся древние книги. Лидерам они — руководство к действию, а надо ли это остальным? Мужiku в телогрейке, привыкшему подставлять голую шею холоду и ярму, научные достижения свободы не дают, а вот топор в руках — это свобода. Там можно о равенстве поговорить, о братстве... Не поверит он в прогресс. Бесплатный сыр только в мышеловке, и много проще сунуть шею в хомут. Хоть кормить станут.

«Оружие готовил Воливач, — пришел к заключению Судских. — Пока власть нового президента не окрепла окончательно, самое время использовать недовольство отстраненных от кормушки. Иначе планомерное уничтожение его боевиков обескровит среду для плесени».

Прежним путем он покинул помещение и вышел в прежний коридор. Выходил осторожно, чтобы не столкнуться с нечаянным гостем. Или он здесь гость, а тот хозяин?

Когда он проходил сквозь стену, ему почудился скрип, какой исходит от соприкосновения минрепа с бортом подводной лодки. Поганный скрип, сулящий беду в чужом царстве... До того ли: впереди больше половины необезвреженных зарядов.

Визитера в проходе он не обнаружил и пошел в прежнем направлении. По карте здесь располагалась мина А.

Судских высветил фонариком неприметную дверцу справа. Не заперта. Толкнул ручку и вошел внутрь. Комнатушка два на два метра. Посередине знакомая сфера с таймером. В глаза сразу просилось мелькание чисел: 23 часа, 13 минут и суета секунд.

Из зарядов с индексом А он отключил пока только три, всего их шесть. Если он рассуждает верно, нечаянный пришелец идет по подземелью и включает таймеры. Задача усложнялась. Притом тот, кто включает таймеры, скоро обнаружит отключенные, и здесь не лучше: Зверев не инструктировал, как быть с запущенным таймером.

Закрыв глаза, он мысленно повторил, в каком порядке надо перекусывать проводки. Красный, белый, черный... Он перекусил их, но таймер продолжал выщелкивать секунды.

«Помогай, Всевышний», — попросил Судских, и перед закрытыми глазами показалось нутро заряда, тонкая трубочка уходила вниз к шарiku из нержавеющей стали. Рука с кусачками едва протиснулась внутрь, перекусить трубочку никак не удавалось.

«Да что я вожусь с этим дерьмом!» — возмутился Судских и, зажав трубочку плотнее, вырвал ее с корнем. Таймер закончил частить, шарик перекочевал в карманчик рюкзака.

Зато время убыстрилось для Судских. Он развернул карту и под лучом фонарика тщательно изучил маршрут. Выйти на перехват таинственного пришельца он мог у Варварки, туда ведет кратчайший путь через два хода на разных уровнях.

Первый он прошел без приключений, всего два раза просочившись сквозь железные ржавые решетки. И дважды слышал звук, который издает минреп о корпус подводной лодки. И опять было не до размышлений над этим.

На второй уровень он поднялся с трудом: толстенную кладку пришлось пробивать с усилием, будто кожа сдиралась с него напрочь, обнажая незащищенные сосуды и жилы. Тошнота подступила плотно, пришлось с минуту отдышаться, и только потом он двинулся к мине А.

Фонарик идущего он обнаружил издалека. Ход был прямым и сухим, не журчала вода, человек двигался неторопливо. До заряда ему оставалось от силы двадцать шагов, идущему навстречу — шагов сорок. Очутившись первым в нужной точке, Судских ошупал стены. Они были ровными, без углублений. Где именно располагался заряд, он не нашел и приготовился ждать пришельца.

Он подошел почти вплотную к Судских, фонариком осветил бумагу в руке, видимо, такую же карт. Судских увидел его лицо, оно показалось знакомым: не иначе из ближайшего окружения Воливача. Сверившись с картой, человек двинулся дальше.

Судских соображал, как ему поступить. Оружия он с собой не брал. Не полезешь же душить голыми руками! Не полезешь так не полезешь. Можно подойти, высказать о нем все, что думаю, и дать по морде.

Не к случаю в голову лезли игривые мысли.

Человек осветил фонариком стену, нашел дверь и скрылся за ней. Там бомба, тут и решение проблемы. Пройдя осторожно к приоткрытой двери, он наблюдал, как человек неторопливо включает сферу, потом степенно и с любовью оглаживает ее, словно головку любимого дитяти. Или Страдивари прямо, создавший новую скрипку на радость людям...

«Лемтюгов!!! — разглядел человека Судских. — Ах ты, старая плесень...» — затаился Судских, дожидаясь, когда Лемтюгов выйдет за дверь.

«А чего мне дожидаться его?» — разозлился Судских и, едва Лемтюгов отворил дверь пошире, ошарашил его обратным ударом. Лемтюгов охнул и свалился на месте.

Первое желание было взять шнурок из рюкзака и передать шею Лемтюгова, пока он дух не испустит. Никогда такого не делал. А кто делал? В таком положении только и просыпается ненависть. Остановился. Втащил Лемтюгова внутрь, его брючным ремнем связал ему ноги, а шнурком рюкзака — руки, усадив у стены. Потом как заведенный перекусил три проводка к таймеру, вырвал трубку и извлек шарик.

Вот прошли пять смертей, идет последняя.

— Гад! Ты что делаешь? — услышал он голос Лемтюгова, будто он гробил дело его жизни. — Ты как сюда попал?

— С божьим духом, — кратко ответил Судских, не тратя времени на досужие разговоры. — Помалкивай, я с тобой позже разбираться буду.

Обшарив наряд Лемтюгова, он обнаружил у него внушительную связку ключей, проверил на нем узлы и вышел, заперев дверь на ключ. Пусть пока отсиживается. Пока...

После встречи с Лемтюговым у него выработался план новых действий. Прежде всего он уничтожит заряд А, обезвредит все типа В и только потом займется остальными. Часы показывали восьмой час утра. Почти сутки он на ногах. Воливач хватится Лемтюгова часа через три, забудет тревогу, и таймер его планов станет отсчитывать секунды, время уплотнится, он приведет в действие заряды Б и В.

«Пора поднимать Бехтеренко», — решил он.

Добравшись до ближайшего люка наверх, он по мобильнику связался с ним.

— Святослав Павлович, срочно встречаемся на шестой позиции. Срочно! — И отключился.

За отпущенное до встречи время он добрался до последнего заряда А, управился с ним, по пути прошел через стену, и опять скрип минрепа сопровождал его. Теперь это был скрежет. Сказывалась усталость, тошнило, но время не ждало, и он торопил себя через силу.

В точку встречи на Моховой он добрался первым. Вылез из люка и задышал, как загнанная собака. Канализационный люк выходил во двор заброшенного дома под снос, арочный проход соединял двор с улицей.

Джип УСИ въехал во двор танком. Высыпалась вся группа.

— Так, ребята, — накоротко вел разговор Судских. — Ситуация осложнилась, пора действовать с опережением.

Он указал точки, где остались необезвреженные мины, объяснил, как они выглядят и как обезвреживаются, отдал ключи Лемтюгова и закончил столь же кратко:

— Начинайте все разом ровно в девять тридцать. Будьте готовы к сопротивлению. — И собирался снова нырнуть в люк, но придержал Бехтеренко.

— Игорь Петрович, плоховато выглядишь, — посочувствовал он. — Серый весь... Да ты и поседел разом!

— Потом о болячках, сейчас времени нету. С Богом! — И исчез в люке.

Так уж нужна была она? В спешке он просчитался и обнаружил седьмой заряд А на свету, когда показывал Бехтеренко маршруты и остальные заряды. Вот он божий посланник, а несколько не отличается от своих собратьев —

забывчив, стыдлив, устает, блудит... А не привиделось ли ему все во сне и только особые обстоятельства включили в нем аварийные механизмы, заставили пойти на экстремальные шаги? Тогда как же способность проходить сквозь стены?

Об этом он подумал с болью, ощущая на коже мучительный зуд. Превозмогая себя, он уложился во времени и в девять двадцать перекусывал последние три проводка.

Шарик вырывал с наслаждением.

Ход, где он покончил с последним А-зарядом, был отличен от всех предыдущих. Вообще все ходы с такими зарядами были сухими, без следов запустения, выглядели так, будто пользовались ими регулярно. Однако он никого больше не встретил в этих ходах, но чуяло его сердце, что скрытые помещения обитаемы. В одном месте он наткнулся на заурядную казарму с двухъярусными койками. Получалось, она принимала 54 человека, почти три взвода...

Последнего хода на карте не было. Через каждые сто метров его перегораживали металлические решетки. Без ключей Лемтюгова ему пришлось туго, казалось, тело изодрано в клочья, и перед каждой решеткой он заставлял себя одолеть ее.

Все. Конец мучениям, пора выходить на поверхность, так обрыдло хождение в клоаке, а способность проходить сквозь стены уже не привлекала больше, будто снимал с себя слой за слоем своего естества.

Что заставило его вернуться?

В том месте, где он расправился с последним зарядом, его внимание привлекла старая дубовая дверь с выжженным знаком ариев. Его влекло за эту дверь, но он так чертовски устал, оставил на потом этот ход. Как-нибудь потом, когда улягутся толкотня и разборки за право диктовать условия России. И все же ноги привели его к этой двери. Он стоял перед ней, собираясь с духом преодолеть ее. Чисто случайно он потянул кольцо на двери, и та открылась, притом без всяких затруднений.

Сразу за дверью начинался спуск по каменным ступеням. Судских насчитал тридцать шесть довольно крутых ступеней. В свете фонарика он различил впереди лаз, где идти можно было согнувшись. Метров через тридцать лаз кончился, упираясь в каменную стену, направо и налево вели двери, а на стене приклеена бумажка с задорным текстом: «Направо пойдешь — смерть найдешь, налево пойдешь — совсем пропа-

дешь, прямо пойдешь — совсем не придешь. Давай, если ты такой крутой». Записке от силы год, писал ее человек современный, дыхание веков явно не ощущалось. Судских открыл левую металлическую дверь и прямо перед собой увидел электрощит. Судя по обилию проводов, идущих на щит сверху, он питал внушительный энергообъект. Ясно: объект Волива-ча, его почерк.

Правая дверь также начиналась и заканчивалась электро- щитом. Ничего интересного. А вот стена была свежей кладки.

Набрав побольше воздуха в легкие, Судских миновал кладку. Минреп буквально задел его кости.

Наклонный ход уводил его еще ниже, откуда шел неяс- ный шум. Судских двигался осторожно, подсвечивая себе под ноги. Чем ближе был шум, тем свежее становился воздух, словно он шел не вниз, а к поверхности.

Ход закончился как-то сразу. Стены расширились и про- пали, Судских окружила зияющая темнота, свет фонарика терялся шагах в пятидесяти, так ни за что и не зацепившись, и только под ногами нашлась для него твердь — овальная кладка тесаного камня и вода вровень с ней. На карте это место отсутствовало вообще. Широченная чаша, наполнен- ная водой. Он двинулся по кругу, шел более двадцати минут и вернулся на прежнее место. Судских нагнулся к чаше. Вода оказалась очень вкусной и прохладной, напоминая родни- чок Сорокапятки. Судских мог поклясться, что сил прибави- лось, сонливость сменилась бодростью. Ну а как иначе, если на утомительном пути встречается глоток холодной воды?

Круговая панорама стены не имела ни одной двери, кро- ме хода, приведшего его сюда. Судских взялся тщательно изучать стену: кому-то понадобилось отделать ложе и возве- сти свод из тесаного камня. Пригнанные плотно, они выгля- дели монолитом. Ювелирная работа, и лет ей довольно много.

«Если есть вода, где-то должны быть припасы и хранили- ща, — размышлял Судских, продолжая неторопливо ощупы- вать кладку. — Резервуар с водой не отмечен, а стенка наверху из свежей кладки больше просит сломать ее, нежели отойти подальше».

Убив целый час, Судских ничего не обнаружил. Вздох- нув, он отправился наверх.

И до того было мучительно проходить сквозь кладку, что на миг он потерял сознание. Догадался: его особенные каче- ства тают... Все, наверх!

На всякий случай он открыл правую щитовую. От электрошита исходило тепло, обычное для высокого напряжения. Зато, приглядевшись внимательно к левому щиту, он определил, что щит не запитан. Закоротил две клеммы кусачками и убедился в этом: короткого замыкания не последовало. На задней стенке среди плотного потока проводов он нашел искомое: с помощью фомки, которую брал с собой, он раздвинул провода и увидел замочную скважину. Ключей не было, но появился азарт и замок не показался сложным. Повозившись, он открыл заднюю стенку. Щит отошел в сторону. За ним оказалась другая дверь из тонкого металла. С запором он справился с помощью фомки. Эти две двери говорили не о беспечности хозяина, а скорее о его уверенности. Попробуй, если ты такой крутой...

Каменные узкие ступени уводили вниз, тридцать шесть ступеней. Привели они в тоннель с кладкой, точь-в-точь схожей с той, какая была вокруг чаши. Ориентировочно он был где-то рядом с ней, с таким же свежим воздухом, здесь даже были подфакельники на стенах, а через пятьдесят шагов тоннель свернул налево почти под прямым углом и через десять шагов закончился двумя нишами справа и слева.

В левой Судских обнаружил едва приметные следы двери.

«Чую, есть дверь, открывается, тщательно замаскирована только», — убеждал он себя.

Судских перешуupal все места с малейшими признаками выступов. Ну нет открывалочки, нет!

И так не хотелось нырять в неизвестность, идти сквозь эту последнюю стену, ощущая, как рвутся в нем незримые связи, терзая его до безумия, возможно, тканей не телесных, а тех, которые делают тело телом, из плоти и крови.

Он долго переводил дух, как перед прыжком, и, набычившись, пошел на стену.

Проход оказался невероятно трудным, словно путь по дну в густых водорослях и не вода, а соляная кислота разъедала его. Рвались уже не ткани, а сами нервы.

За стеной он упал и минут пять лежал, приходя в себя. Когда поднялся на ноги, понял, что ему невероятно плохо, тело едва повиновалось.

Осветив фонариком кладку, он увидел факел в подставке, и почему-то эта находка придала ему силы. Спичкой Судских запалил его, факел разгорелся стремительно и ярко.

Большое низкосводчатое помещение озарилось мягким светом. Вдоль стен, плотно один к другому, стояли высокие лари с полукруглыми крышками из меди, а в середине хранилища внушительных размеров короба и лишь в дальнем углу выпирал из общей гармонии сундуков стол-бюро, какие привились в эпоху царя Ивана Грозного.

Судских открыл ближайший к нему ларь, и волшебством повеяло на него изнутри: до краев наполненный золотыми монетами, он казался пришедшим из детских сказок, но эти монеты брались в руки и ссыпались вниз, как неведомые маленькие существа, сытые, сильные и уверенные в своем чудедействии.

И третий, и десятый, и двадцатый лари ничем не отличались друг от друга ни снаружи, ни изнутри, а короба в середине сияли драгоценными камнями, игрой чистой музыки.

«Мама моя, — кос-как осмыслил увиденное Судских. — Да здесь добра миллиардов на триста долларов по самым скромнейшим подсчетам! Да нет же! Такое количество в долларах не считают! Все долги России, все возможности здесь... Женщины рожать будут, дети учиться будут, мужики пить бросят...»

Он обошел сокровищницу, зажег все факелы, похохатывая от незнакомого прежде чувства, от непонятого состояния духа, облапившего его, как хмель, как дурман.

Он взял себя в руки, но сам себе казался нереальным.

На столе он увидел гусиное перо, стояли чернильница из обычного камня и такая же песочница, толстенная распухшая книга покоилась в самой середине. Гроссбух — решил он. Взгляд скользнул ниже, и он увидел тощеватый и удлинненный мешок из грубой домотканины. Нагнувшись, он отдернул его и отпрянул: под мешком лежал скелет без одежды. Как током дернуло. Бр-р-р... Пересилив себя, он снова наклонился к скелету и вынул из сцепленных суставов клоч бумаги, плотный, как лоскут кожи, исписанный древнеславянской вязью.

«Брат мой, если ты пришел сюда, тебе открылись неведомые глубины и несметные сокровища и ты обладатель всего этого. Великий царь собрал их, спрятал от соблазна и жадных глаз, завещал их сильному и правому. Так повелел ему монах Сильвестр, неземной силой обладающий.

Когда над Русью развиднеется, быть им найденными.

А в одном сундуке дожидаются тебя книги, которые подскажут, как с умом распорядиться этими богатствами.

Ты искал, ты нашел.

Лета 8777 года от прихода ариев в эту землю.

Мир тебе. Храни тебя Бог истинный».

4—20

Москва просыпалась под истерическое завывание сирен. Такое случалось и раньше, но раньше было другое время: вой сирен означал проезд какого-то крупного чиновника, с синими фонариками и обязательной охраной, и обязательно вороватого. Теперь это означало вывоз вороватого чиновника под стражей. Если раньше, при Ельцине, москвичи говорили, поглядывая лениво из своих окон на проезжую часть, — какая-то сука проехала, теперь с интересом — какую-то суку повезли. При новом президенте министры и чиновники первого эшелона слетали в основном без шума, как осенние листья, но в «Матросскую тишину» их везли с последним почетом. В вечерней программе новостей президент выступал обязательно. В присущей ему манере говорил образно и кратко, сообщал: тут некоторые много на себя взяли, очередного из них от забот освободили. Спите спокойно. Опять масонские разборки — махнет рукой обыватель и переключится на другую программу. В политику наигрались прежде — с коммунистами, с демократией, с глуповатым Горбачевым и придурковатым Ельциным. С нынешним президентом решили передохнуть от собственных волнений, благо он не загружал их глупостями.

Нынешний вой сирен рано утром случился по другому поводу, хотя мало кого озадачил. А было бы с чего, знай москвичи, на какой гремучей смеси они сидели и спали в последнее время.

К семи часам утра спецгруппы Бехтеренко закончили полностью разминирование. Оперативники Воливача окружили их у каждого выхода на поверхность и держали под прицелом. Молчание с обеих сторон. За это напряженное время стало абсолютно ясно: генерал Судских исчез неведомо куда. Обшарили каждый закоулок подземелья, все ходы и

переходы и даже намека не нашли. Тогда по приказу президента спецотряды УСИ разоружили, опечатали штаб-квартиру в Ясенево, руководство посадили под домашний арест. Случилось это вполне тихо для проснувшейся Москвы.

А привлекло внимание москвичей другое событие. Больше комическое, чем трагическое: звонарь колокольни Ивана Великого ударил в большой колокол, откуда сняли его мертвецки пьяным. Мало кто расслышал этот неурочный набат, о котором раззвонили радио и телевидение сразу. И вовсе осталось неизвестным, что патриарх лег после обеда и крепко расхворался.

Никто ничего не понял. Кроме тех, кто умел понимать как надо. Как надо сейчас, завтра, через год, из чего складывается история. А история родилась не вчера, и если холоп Ванька научился носить бабочку, это говорит о том, что Ванька ломает дурочку и напялил бабочку. И только. И только свои станут потешаться.

Ломать дурака — дело чрезвычайно умное. Бехтеренко, несмотря на внешность рубахи-парня и прямолинейного во-яки, обладал этим умением вполне. Оно часто выводило его из затруднительных положений. Именно он первым определил, что его шеф, генерал Судских, чересчур честен для современной российской жизни. Он явно родился в рубашке, но и самая прочная изнашивается постепенно, а голяком пройти через стену подлости и корысти, пожалуй, сам Господь Бог не сможет. Не однажды случалось Бехтеренко закруглять прямые поступки своего начальника, о чем сам Судских не догадывался.

Сейчас, осознал Бехтеренко, событие произошло из рук вон выходящее, а тут и ему связали руки. Говоря проще, боевики Воливача взяли его прямо в подземелье. Могли и расстрелять без суда и следствия. Операция, которую он провел по указанию Судских, могла многим стоить места и жизни. Судских не уведомил его обо всем, и только долгая совместная работа подсказывала Бехтеренко, что цель-максимум ее не разминирование и не смещение Воливача — это битва, дай Бог, последняя, не на живот, а на смерть, в ход пошли другие измерения.

Но какие? Допустим, Судских расколупал тайник с книгами и хотел лично удостовериться в принадлежности книг к самым сокровенным. Возможно. Однако Судских первым

делом дал бы отбой и только потом мог заняться книгами. Не его манера.

О том, что с его любимым генералом расправились в подземелье, он и мысли не допускал. Не на того напали.

Вторым пунктом размышлений Бехтеренко занимал спецархив партии. Бесследно его умыкание не пройдет, и тысячи пожилых, обездоленных бонз бьют тревогу. Скромные бумажки выросли в цене неизмеримо, любой из упомянутых там респектабельных ныне господ за бумажку с его именем готов отдать все богатства мира. Они чужие, а жизнь своя. Или это полнейшее окостенение души, когда вольно отмахнуться от каких-то бумажек? Старикам — вряд ли. Вот арапчата Ельцина показали образец отороженности, у них запас времени есть. Им все роса, хоть... Хоть вели им Всевышний надевать по два презерватива: один на голову, другой на голову. Один — чтобы таких больше не видели, другой — чтобы таких больше не делали.

«Нет, — отметал подозрения Бехтеренко. — Здесь случай иной. И уж точно — случай».

Оставалось одно: Судских попал в ловушку. Обычную, природную. Если пока никто не объявил о принадлежности Судских к некоей террористической организации, стало быть, никто не знает, где он. Воливач не упустит случая доложить президенту о задержании Судских и даст понять, что из мятежного генерала выпотрошили все о готовящемся перевороте. Пока президент подыграл Воливачу с арестами персонала УСИ до выяснения обстоятельств, спрятал от расправы в самом видном месте.

«Иначе бы я сейчас парился в подземном каземате на Лубянке», — пришел к определенному выводу Бехтеренко.

Хуже другое: территория УСИ охраняется усиленными нарядами боевиков Воливача и милиции с казаками, попасть в здание нет никакой возможности, а в сейфе Бехтеренко лежит запечатанный пакет. «Если от меня в течение суток не будет известий, вскрыешь» — так велел Судских. Сутки минули. Судских нет, пакет не вскрыт, его самого усиленно охраняют на квартире.

Всю ночь Бехтеренко провел без сна. Под утро подремал не раздеваясь, а выглянул в окно — топтунов с Лубянки не обнаружил. Это удивило и ободрило. Бехтеренко надел куртку, взял пакет и демонстративно спустился вниз. За моло-

ком, мол. Остановят — вернется, пропустят — купит молока, сварит кашу. Старый холостяк решил привычек не менять.

В вестибюле его встретила домовая охрана из милиции. Трое вытянулись перед ним в струнку, прогнулись лебедем и отдали ему честь так классно, так слаженно, что Бехтеренко обиделся: менты насмехаться стали...

— Вольно, — бросил он, проходя мимо.

— Разрешите вопрос, Станислав Павлович? — обратился к нему старший наряда, сержант.

Бехтеренко остановился в ожидании вопроса. Вроде бы хамить не собираются, на лицах нарисовано большое почтение, да и стражей с Лубянки не видно.

— Вы теперь переедете из нашего дома? — спросил сержант и, видя, как постепенно звереет лицо Бехтеренко, поспешил дополнить вопрос информацией: — Указ президента вышел, вы теперь назначены вместо Воливача.

Бехтеренко опешил. Подарки разные бывают, тюк цветов, например, но зачем же тюком по голове? Взяв себя в руки, спросил:

— Как это милиция знает больше других?

— Радио слушаем, — подал голос второй милиционер. — В шесть утра ничего не было, а в семь сообщили.

— Поздрав-ля-ем! — гаркнула тройца слаженно.

Прогулка за молоком отпала.

В квартире трещали все телефоны, отключенные сутки назад. Всяк на свой голос, но явно с одной вестью. Бехтеренко взял трубку в прихожей.

— Святослав Павлович? — услышал он низкий баритон после спешной просьбы не класть трубочку. — С вами будет говорить президент.

— Слушаю вас, — привычно подобрался Бехтеренко.

— Я вот тут осмыслил предложение Игоря Петровича и решил сделать рокировку на королевском фланге. С нуля часов вы председатель Федеральной службы разведок, а Виктор Вилорович принимает МИД. Поздравляю. За назначением — в Кремль на двенадцать ноль-ноль. Принимайте пост и... — Он замолчал, а Бехтеренко хотел было поблагодарить, пообещать рвение, старание и... — Поменьше глупостей, Святослав Павлович, поменьше войн с ветряными мельницами.

— Благодарю, господин президент, учту.

Он не успел спросить о Судских. Дали отбой.

Телефон тотчас затрезвонил. Подняв трубку, Бехтеренко услышал игривый голос Воливача:

— С тебя магарыч, Святослав Павлович! Это я рекомендовал тебя на свое место.

— Спасибо. Не рано ли хороним Игоря Петровича? — решил не миндальничать с ним Бехтеренко.

— Увы, Слава, — с дружеским участием говорил Воливач. — Игоря не вернуть. После вас мы обошли с собаками все ходы, даже самые секретные, и никаких следов. Нет его там.

— Но я-то знаю точно, он был там! — не сдержался Бехтеренко.

— Охолонь, Слава. Бери любых ищеек и разыскивай. Мне самому не даст покоя его исчезновение. Не делай всех врагами, не на кого опереться будет.

Такой откровенности Бехтеренко не ожидал. Хохлацкое упрямство потеснила хитроватость, хотелось прямо сейчас мчаться на Лубянку, одной рукой принимать дела, другой карать причастных, но победила третья натура — умение работать под дурачка. Он поблагодарил сдержанно Воливача и решил ближайших выводов не делать — не воевать с ветрыными мельницами.

«Русский, — припомнилась шутливая истина «литератора» Смольникова, — даже в самые худшие времена удерживался в состоянии покоя за счет перемешанных в нем кровей. Когда кавказская бьет в голову, сибирская остужает ноги, еврейская вливается в музыку, немецкая в пиво; когда северная рассудочно экономит, южная дом продаст, но праздник по случаю закатит. Вот и вся тайна загадочной русской души. Спроси нас Всевышний, чего мы хотим, — сами не знаем. Даст кусок золота, мы им орехи колотим, урожай пошлет невиданный, плачем, хранить негде, недород найдет — молчим, Бога не проклиная, скрипим, надеясь на лучшее. Ради этого живем, выживаем и жить будем долго».

Загадочная ухмылка держалась на лице Бехтеренко до самого Ясенево. По какому поводу — сам не знал.

В Управлении, справившись с потоком поздравлений, он прошел в свой кабинет и открыл сейф. Вот он, пакет Судских, завешание...

Посидел за столом, подумал, выложив перед собой запечатанный пакет под сургучной печатью. Вскрывал его неторопливо, собрав осыпавшийся сургуч в пепельницу.

Развернул единственный лист. Узнал почерк Судских.

«Слава, не спеши делать выводы по поводу Икса. Он враг, но не спеши. Есть мудрая пословица: «Врага не отпускай от себя на расстояние». Пока даже я не могу определить степень его вины. И если со мной случится что-то, все равно не спеши. Ситуация может измениться в корне в любой момент». Под Иксом по уговору у них значился Воливач.

«Но откуда он мог предвидеть точно последствия? — недоумевал Бехтеренко. — Заведомо знал о своем исчезновении, знал, выходит, и о перемещении Воливача... А не та ли это высокая политика, из-за которой исчезают люди неведомо куда и неизвестно откуда появляются? Сам президент напрямую сказал — не воевать с мельницами и не спешить. А о Судских даже не спросил... Ну, ходы-ходики!»

Поджигая послание Судских, он определил для себя:

«Поищу-ка я генерала сам и тихой сапой, а там видно будет».

Через час он появился на Лубянке. Перед отъездом он накоротко собрал старших офицеров и объявил им: никаких перемен в УСИ не будет, Управление сохраняется в своем обычном виде. Кто останется за хозяина?

— Пока Зверев, — закончил Бехтеренко и распустил офицеров.

Само собой, Зверев задержался.

— Так, Михаил... Ключи, коды, шифры, дешифраторы, таблицы, допуски передам тебе вечером, а сейчас готовь усиленные спецгруппы по числу выходов из подземки на поверхность. Со всей амуницией, — подчеркнул он. — Полагаю, встречи там могут быть самые жаркие. Всех, кто побывал уже там, включая. Готовность на четырнадцать ноль-ноль.

Зверев вопросов не задал, кроме одного:

— А львовский архив?

— Пока забудь о нем. Пусть лежит где лежит. Его судьбу пока определяет Игорь Петрович. И только он.

На Лубянке его встретил сам Воливач.

— Растешь, Святослав Павлович, — сказал он, прижимая ладони к его плечам. — Заметно растешь.

Скромная улыбка сменщика ничего не сказала Воливачу, а Бехтеренко хорошо владел собой. Поднявшись наверх, они могли говорить в доверительном ключе, который сразу предложил Воливач. Он неприметно дал понять, что благополу-

чие УСИ целиком зависело от него, а быстрый взлет Бехтеренко — тем более.

Памятуя записку Судских, Бехтеренко сдержанно реагировал, дожидаясь, когда его якобы проймет от благодарности и Воливач скажет, сколько это стоит.

И не дождался. Даже когда разбирались с делами, ни малейшего намека Воливач не сделал. А Судских поминал часто... Но было прощание с родным кабинетом, плющами, последнее рукопожатие у двери и остановка перед дверью, и рука, вскинутая вдруг ко лбу, в мастерски продуманной мизансцене:

— Да! Чуть не забыл. Совсем закрутился. Позавчера были у меня коллеги из Интерпола и просили помочь с розыском нашего же партийного спецархива. Для нас он особой ценности не имеет, кроме исторической, а они хотели бы сделать кое-какие копии с нашего позволения. Что скажешь? — Остро вонзились в Бехтеренко умные глаза Воливача.

— Я пока не освоился, дела от Судских не принимал, — изобразил «товарища дерево» Бехтеренко. — Просьбу учту. О каком архиве идет речь?

— Не комитетском, — не открыл карт Воливач. — История вкратце такова: группа неопознанных боевиков напала на особняк братьев Триф во Львове и выкрала этот самый спецархив. Группа ушла на российскую территорию. Архив, кстати, братьям не принадлежал. Вор у вора дубинку украл. Покопайся, Святослав Павлович, теперь у тебя все бразды правления.

— Понял, Виктор Вилорович, — учтиво ответил Бехтеренко.

При обычном арифметическом подсчете с элементарными счетами в руках, без компьютерных раскладок и вообще считая в уме, Бехтеренко траекторию Воливача вычислил без затруднений: когда первое лицо разведки в стране переводят с повышением — это добрый знак. Если страна зарубежная. В нашей — убирают от важных кнопок. Подобные Воливачу так просто с властью не расстаются, и путь для них один — к креслу главы страны. Такого надо сразу обуздывать, потом обойдется дорого для самой страны. И сначала найти Судских.

Оставшись один, Бехтеренко по мобильному связался со Зверевым. Спросил о готовности. Готовность была.

— Начинайте, Миша. Я на постоянной связи.

Едва переговоры закончились, вошел прежний адъютант Воливача, моложавый, симпатичный полковник.

— Святослав Павлович, извините, но если вам хочется вести конфиденциальные переговоры, воспользуйтесь этим, — сказал он и выложил перед Бехтеренко список телефонов на прослушивание.

— Спасибо, — сухо кивнул Бехтеренко и подсадовал. Сам предупреждал оперативников: любые переговоры УСИ под колпаком Воливача, не болтайте лишнего! — Пригласите ко мне слухача.

Адъютант вышел и вскоре пропустил в кабинет генерала, на лице которого не отразилось никаких эмоций. Небольшого роста, с гладко выбритой головой, он напоминал медный тяжелый пестик, полезный и устрашающий одновременно.

— Вергун Виктор Борисович, — представился он. — Я и есть главный слухач, Святослав Павлович.

— Отмените прослушивание всех телефонов и волн УСИ.

— Будет исполнено тотчас, — беспристрастно ответил Вергун.

— По чьему приказанию велось прослушивание?

— По личному президента. Исходящий документ номер А два ноля четырнадцать от первого февраля нынешнего года, — отвечал Вергун четко. — Не прослушивались только аппараты генерала Судских и прямой с президентом.

«Осторожный, — подумал Бехтеренко о президенте. — Спасибо Лаптеву, — позлорадствовал он, — что установил на мобильных старших офицеров и руководителей спецгрупп шифраторы речи».

— Но если канал прослушивается с другой стороны, разговор фиксируется полностью, — закончил Вергун.

— Спасибо, вы свободны.

Злорадствовать особо было не с чего.

— Пригласите ко мне генерала Лемтюгова, — попросил он адъютанта по интеркому.

— Генерал Лемтюгов со вчерашнего дня в отпуске, Святослав Павлович, — ответил тот с удивлением в голосе.

— Не в космос же он отправился? Разыскать и немедленно доставить ко мне.

— Святослав Павлович, у нас это немного по-другому делается. Разрешите зайти?

— Зайдите, — недовольно буркнул Бехтеренко.

Адъютант появился немедленно.

— Главные заместители председателя и начальники управлений, находясь в отпуске или поездке, обязаны немедленно прибыть в штаб-квартиру по сигналу «два» голосом или факсом. Любая необоснованная задержка наказывается в должностном порядке, вплоть до военного трибунала. Так установил Воливич. Простите, но этот порядок не отменен. Сигнал даст ваш помощник генерал Скупин. В его ведении сопровождение и охрана важных персон.

— Где он? — не считал нужным пениться Бехтеренко.

— В своем кабинете, рядом, ждет вашего вызова.

Теперь значение именованных кнопок на интеркоме стало понятным. С кого-то надо начинать.

Скупин явился мгновенно.

— Знакомиться детально будем потом, — поднялся ему навстречу Бехтеренко, пожал руку. — А сейчас доставьте Лемтюгова. Где он?

— В Москве, — уверенно ответил Скупин. — Через полчаса будет.

— Вы так уверены? — Скупин подтвердил. — Тогда жду, — недоверчиво поглядел на генеральские погоны Скупина Бехтеренко.

По мобильнику он вызвал Зверева. Связь бездействовала. Значит, Михаил уже внизу. Бехтеренко связался с оперативным штабом спецгрупп. Вопрос один: что нового?

— Не гладко, Святослав Павлович. В трех точках вооруженное сопротивление. В точках 3,7,9.

«Черт возьми! Точки серии А!»

— Усилить группы поддержкой, применяйте газ, огнеметы, гранатометы ни в коем случае!

Все разминирование спецгруппы УСИ закончили до вмешательства людей Воливача, но главные взял на себя Судских. Успел ли он? Теперь его исчезновение напрямую связывалось с первой буквой алфавита, и первый день появления Бехтеренко на Олимпе разведок государства мог оказаться последним на вулкане. Исчез Судских скоропалительно, сменился шеф разведок неожиданно, в этом здании у него союзников нет и даже личного оружия нет.

«Черт возьми! — снова чертыхнулся Бехтеренко. — Да я обычный заложник!»

Не изменившись в лице, он нажал кнопку с надписью «Скупин»:

— Как там Лемтюгов?

— Все в порядке, Святослав Павлович. Его машина вышла десять минут назад, езды по коридору пятнадцать, через двадцать будет на Лубянке, — доложил Скупин.

Бехтеренко разобрался с арифметикой Скупина:

— Это не тридцать, а тридцать пять минут.

— Пять минут на вызов, Святослав Павлович. Генерал Лемтюгов рыбачил, — терпеливо ответил Скупин чужаку — из-за пяти минут шум поднимает, новая метла начала мести по-новому.

Бехтеренко раскладывал задержку по-своему: со мной можно быть снисходительным, пока не знаешь, что в любую минуту есть шанс взлететь на воздух, прямо в атомный гриб. В снисходительном тоне он спросил Скупина:

— Артур Владиленович, а вам не хочется закончить жизнь под раскаленными обломками?

— В каком смысле? — естественно спросил Скупин.

— В прямом. Лемтюгов здесь не появился, а центр Москвы в любой момент может взлететь. Даю гарантию на сто процентов. Зайдите.

— Вы так неожиданно, — стушевался Скупин. — Иду...

— Я новый здесь человек, Артур Владиленович, — продолжал Бехтеренко. — На это было рассчитано. И если вы здравомыслящий человек, примите сообщение к действию. Сейчас в подземных ходах Москвы идет бой с возможным выходом в метро. Подземелье минировано атомными зарядами, обычные мы обезвредили. Поэтому отзовите свои группы. Лемтюгова арестовать, задержать Воливача, где бы он ни находился. Действуйте.

— Немедленно! — осознал опасность Скупин.

Бехтеренко нашел первого союзника, и тот расстарался. Жизнь закипела, и Бехтеренко оказался в центре событий.

Первым перешагнул полосу отчуждения зам Воливача по оперативной работе генерал Вощанов. Он пришел со своими картами и сразу заверил, что их людей в подземелье нет. У него было на две звезды больше, чем у Бехтеренко, и Вощанов разложил карты на столе Бехтеренко по-свойски:

— Вот, Святослав Павлович, наши закрома, о которых сам президент не ведает. Прошу незамедлительно дать распоряжение нашим спецгруппам сразу включиться в операцию. Ваши всех ходов-выходов не знают. Лишние потери не нужны.

— Согласен. Но как они узнают друг друга в темноте?

— Очень просто, — спокойно уверил Вошанов. — Мы будем работать в своих ходах, не соприкасаясь с вашими ребятами.

Сличили карты. Действительно, некоторые ходы не значились на карте Гуртового. Кто же кого опережал?

— В личном подчинении Лемтюгова находилось особое подразделение до двухсот человек. Уверен, это они орудуют внизу. Мы меж собой называли его «волчьей когортой», — пояснил Вошанов.

— Действуйте немедленно! — отпустил генерала Бехтеренко.

Его не упрекнули в изначальной отчужденности: там, где подсчитываются секунды, отдых на море не планируют.

— Генерал Скупин, — услышал Бехтеренко, едва он ответил на зуммер интеркома. — Вы оказались правы, Лемтюгова арестовали совсем в другом месте, везут сюда. Требуется немедленного разговора с вами прямо из машины.

— Пусть говорит, — разрешил Бехтеренко.

Началась словесная дуэль, от которой зависела судьба страны.

— Чего вы добиваетесь, Святослав Павлович? — миролюбиво спросил Лемтюгов. — Ваши карты биты.

— Посмотрим. А сейчас я требую прекратить бойню под Москвой, а позже суда трибунала над вами по законам военного времени.

— Зря тягаетесь, вам нашей силы не одолеть. Я от Судских ушел и от вас запросто уйду.

Первая осечка: Судских жив.

— Уповаете на Воливача?

— При чем тут Воливач? Ширма.

— При встрече поговорим. На А-заряды не рассчитывайте.

— Обойдемся без них, — помолчав, ответил Лемтюгов.

Вторая осечка больше всего обрадовала Бехтеренко: Судских успел разобраться со всеми А-бомбами. Остальное — бравада Лемтюгова. С другими силами можно разобраться позже.

Без вызова вошел генерал Вошанов.

— Святослав Павлович, в подземельях есть каменные мешки, доступа к ним мы не знаем, но прослушивали их. Возможно, в такой и угодил Игорь Петрович. Есть надежда.

— Хочу верить, — пожал ему руку Бехтеренко.

Через десять минут на Лубянку доставили Лемтюгова.

Еще через двадцать внизу прекратили сопротивление боевики.

Через полчаса пришло неожиданное сообщение: по пути со Смоленской площади принял яд арестованный Воливач.

Москва жила своей обыденной жизнью.

Там, где вдоль проезжей части росли яблони, мальчишки рвали зеленые яблочки и грызли их с воодушевлением.

Никто их не гонял.

4—21

Как бы ни текла жизнь по каналам людских промыслов, Творец орошает поле своих помыслов, известных только Ему. Он иссушает земное поле по воле своей и затопляет влагой. Он разбрасывает зерна и собирает камни, насыляет глад и мор, град и бурю, гнев и милость, и никому не дано остановить длани Небесного Сеятеля.

«...Послал Он судного ангела, когда от бремени страстей и алчности не могли освободиться люди без Его вмешательства, ибо Ариман искусно расставил силки, заманил в них очень многих и совсем не осталось живущих по разумению. Превращались люди в животных и видели в том истину и благо для рода человеческого. Одни были рады пресмыкаться подобно червям подземным, другие вольно на них гадили и поедали подобно пернатым, и те и другие мало внимали гласу Всевышнего, ибо Ариман рядился в Его одежды, вещал Его голосом. Перестали живущие на Земле верить, забыли свое предназначение и не хотели замечать, как сама Земля утрачивает способность оберегать каналы людские от ила и плесени.

Тогда и направил Всевышний судного ангела остановить падение рода человеческого.

Случилось ему остановиться во времени третьего прихода Аримана. Пресекал он его происки до того, но с самим дьяволом не по плечу ему было справиться. Был хитрей Ариман прямодушного ангела и заманил его в подземелья города, где сошлись в противоборстве божьи силы и слуги сатаны, и в тех подземельях готовил над ним расправу: в каменный мешок заманил и удушал там.

И не мог судный ангел просить защиты у Всевышнего, ибо в подземельях всегда властвовал Ариман.

Городом этим правил тогда посадский воевода, служитель дьявола. Был он предприимчив и хитер, личину свою прятал и умело выдавал мерзкие дела свои за благодеяния. Одной рукой он возводил Храм, другой богомерзкое заведение. Судный ангел по велению Всевышнего готовился покарать его, но слуги дьявола завлекли ангела в подземелье и заперли там. Обрадовался воевода и решил обрушить подземный свод на ангела.

Только не мог Всевышний позволить надругаться над своим посланцем и прежде всего покарал воеводу его же уловкой: когда тот проезжал улицей города, неподалеку от замурованного ангела, Он обрушил мощение под ним, и земля поглотила воеводу. Осела почва в округе, осел Храм, который возвел посадский наместник в угоду своей корысти. Увидели все покосившийся Храм, и началось брожение в людях, будто дьявол подает знак и близится конец света. Вознегодовал Всевышний и потребовал от Аримана освободить ангела, или Он разрушит сам город этот до основания, и все храмы его станут для слуг Аримана последним прибежищем и надгробием.

Город тот многие годы был средоточием угроз для мира, и Ариман измыслил управлять из него Вселенной, но праведный гнев Творца возымел действие. Хорошо, ответил Ариман, я отпущу твоего посланца, только забудет он дорогу к сокровищам, которыми я искусил его. Не будет так, сказал Творец, землю эту со всеми угодами и сокровищами я отдал живущим там во благо, а ты хочешь употребить их во зло. Судный ангел выполнял мое предначертание, и не тебе решать судьбу сокровищ. Они пойдут на укрепление Храма моего, а воспротивишься ты, постройки твои разрушу повсеместно и до седьмого колена изведу слуг твоих. Выбирай!

Не хотел Ариман навлекать гнев Творца на слуг своих из-за посланца божьего и отдавать несметные сокровища врагам их не хотел. И не столько богатства эти жалел он, сколько хранящиеся в той же каменной кладовой книги-поводыри. Отдать их Ариман не мог, иначе узнают люди о происках сатаны.

Тогда измыслил он обмануть Творца и жизнями слуг своих расплатиться с Ним за обман.

Государством этим правил тогда человек прямой, не лишенный хитрости полководца. Сказано было ему судным ангелом, что слуги дьявола обитают в подземельях и надобно известить их скопом, иначе смуты и растления душ не прекратятся. Тут-то Ариман и нашептал правителю, как это сделать: раскопай, мол, место, какое укажу, там скрываются слуги дьявола.

И было оно там, где провалился посадский воевода, где слева томился ангел божий, а посередине возвышался наклоненный Храм.

Стали раскапывать то место, а Храм того больше покоился.

Пошел ропот. Вот, мол, правитель наш безбожник и накажет нас Всевышний за богохульство. И мешали раскопкам живущие в том городе, из дальних провинций пришли даже богобоязненные, и не было сладу с ними. Тогда разгневался правитель и повелел призвать ратников и не допускать туда бунтующих, пока не закончатся раскопки.

Один камень полетел в ратников, другой смутьян за палку взялся, ветер безумия подул и породил кровавую бурю. И такой она была ужасной, что оправдания ни тем, ни другим нет. Старики упокоились рядом с юношами, а матери бесчисленно полегли замертво.

И упал тогда Храм, как тяжелая слеза Творца, и рассыпался осколками Его алмазного гнева, раздавив и богобоязненных, и безбожников, и судного ангела в каменном подземелье.

Так случилось в год третьего пришествия Аримана, и опять погрузилась земля эта в потемки и смуту».

Губы Судских побелели и продолжали шевелиться, повторяя прочитанные строки.

«Вот такая мне доля выпала, — нашел он прямую связь с текстом «Книги Судеб». — Так получается, если я сделаю опережающие шаги, все равно ничего изменить не смогу?»

У него оставалось несколько запалов от разминирования. Можно попробовать рвануть стену и вырваться в коридор, где его найдут. Руки просились к рюкзаку. Надо попробовать, чем черт не шутит?

То-то и оно — черт... Рванешь, случится по писаному.

Внимательно осмотрев кладку, Судских уразумел, что взрыв тотчас обрушит свод. Камни ее, как икринки, цеплялись один за другой, овал свода держался за счет общей крепости.

Толчок, будто качели двинулись туда-сюда, он ощутил, и колебания почвы его встревожили. Исполняются предсказания...

Много раз в жизни он бездумно жертвовал собой, но теперь, когда все предначертано, хотелось быть рассудочным, опередить ход событий. В «Книге Судеб» начиналась новая глава, и читать ее желания не осталось, настолько не разум, а плоть рвалась выйти из безвыходного положения.

«Именно так начинается сумасшествие», — назидательно подсказал разум, и Судских подавил соблазн нервозности.

Пошли третьи сутки заточения. Толчок мог означать одно: на поверхности или в самом подземелье началось исполнение предначертаний. Как именно — роли не играет.

Горел один факел. Остальные, экономя, он загасил.

«А куда уходит чад? Первый день я жег все факелы, а гари не ощущал, и сейчас свежий воздух...»

Он внимательно оглядел свод и стены у верха, заметил теперь очень узкие щели по краю свода. Прежде не было нужды выискивать эти жабы, проводить тщательный осмотр. Сначала приворожили сокровища, потом овладели им еще большие богатства — книги. Теперь, когда все драгоценности и ценности разумно не сравнимы с его жизнью, богатства могут оставаться не востребованными, а за жизнь еще можно побороться.

«Судный ангел, наделенный всеми полномочиями Бога, как последний раб ищет спасения! Вот ведь...» — иронически восклицал он, громоздя стул на стол, стол на сундук, чтобы добраться до щели у края свода.

Через нее действительно поступал свежий воздух.

Близлежащие у щели камни крепились друг с другом «замком», другие на расстоянии были пригнаны один к другому так, что казались сплошным монолитом. Искусные руки мастерили свод.

«А если рискнуть, можно камешек-то и расшатать», — обозначилась для Судских первоочередная задача.

Спустившись на пол, он поискал нужный для такой операции предмет. Искать пришлось долго, ничего путного не попало. Для верности он заглянул в сундуки и лари, там золото, драгоценности, дорогая утварь — тот самый случай, когда можно отдать за обычный лом полцарства. А против лома...

Есть! В крайнем ларе под уложенными аккуратно шубами и бархатными с росшивью поддевами, пересыпанными истлевшей лавандой, он вытянул со дна увесистый посох.

«Не самого ли батюшки Ивана Грозного?» — разглядывал посох с массивным набалдашником Судских. Набалдашник был из прочного неизвестного металла, рукоять осыпана драгоценными камнями, ладонь между ними ложилась прочно, и весил посох все десять килограммов. Стал посох сейчас самым вожаделенным богатством.

Передвинув заново все сооружение плотно к стене, Судских взобрался наверх и принялся методично стучать набалдашником по крайнему у щели камню.

Минут за пять методичных постукиваний камень расшатался в замке, осыпалась крошка граней.

«Ходит!» — обрадовался Судских, когда попробовал шатать камень, увеличивая зазор, потом ударил сильнее. Расколовшись надвое, камень выпал из гнезда, и полетели вниз его половинки.

Рука просовывалась в расширенное отверстие, он даже посветил фонариком в дыру, увидел там свод другого хода и с приливом новых сил взялся выстукивать соседний камень.

Этот выскочил быстро, лишенный помощи соседа. Теперь можно было высунуть голову в проем. Но пришлось надстраивать сооружение, и Судских с веселым энтузиазмом нарастил его и опять взгромоздился наверх.

Сомнений не осталось, над ним проходил каменный тоннель.

«Еще пару драгоценных камешков, и можно покинуть царскую сокровищницу. Свобода!»

И следующий камень поддался легко, только неудобно было орудовать согнувшись. Зато Судских, поднатужившись, протолкнул плечи в отверстие и вздохнул облегченно: где прошла голова, туловище проскочит. Он проделал операцию заново — сначала сунул в отверстие посох, потом руки, напрыгся — и вот уже по пояс там, на свободе. От толчка ногами упал стул, съехал стол.

«Э, милый, теперь так просто назад ты не попадешь», — пожурил он себя, но особо не огорчился. Всему свое время. Он выбрался в ход, осмотрелся.

Эти камни у щели были основанием желоба вдоль стены хода, остальные, более массивные и высокие, выстилали пол хода еще и в два ряда. Отряхнув одежду, Судских двинулся направо, где разглядел металлическую решетку в конце хода.

На цепи висел громоздкий замок, за решеткой виднелись ступени, уходящие вверх. Судских побренчал цепью и не стал сворачивать замок посохом. Жалко его. Пошел в обратную сторону.

Возле спасительного отверстия он заглянул в помещение, бывшее ему только что темницей. С чувством расставания оглядел сундуки и лари. Догорал факел, и сокровищница казалась фантастическим видением, уходящим обратно в не-реальность.

Он ощутил еще один толчок и неприятное движение качелей под ногами. Что это? Лучи фонарика осветили решетку в конце тоннеля. С ней происходили странные превращения: она будто таяла, и сам ход сплющивался. Судских протер глаза, бросил посох и зайцем рванулся в обратную сторону. Свет фонарика на каске лихорадочно выхватывал из тьмы стены, потолок, который разъедала неумолимая сила; сыпались крошки камня, камешки, струилась сквозь щели земля и перехватывало дыхание.

С разбега Судских врезался в препятствие, искры сыпались из глаз, фонарик потух. Тогда он услышал сдержанный гул, будто надвигалась издали танковая колонна, и становилось тесно в груди от сдавливающего монолита. Руки искали чего-нибудь, лишь бы найти спасительный ход и уйти от тесноты. Судских нащупал металлическую балясину, выше другую и, схватившись за третью, поспешил вверх. Что там — неизвестно, только бы подальше от неизвестности. Качалась земля, дрожала плоть.

Каска уперлась в преграду. Ощупал рукой. Канализационный люк. Пригнув голову, Судских уперся спиной в крышку и величайшим усилием сдвинул ее. Лавиной устремилась земля, пытаясь увлечь его за собой. Он превозмог этот плотный ливень, удержался. Земля перестала осыпаться, и Судских отодвинул крышку еще дальше, высунулся по пояс.

Новая оказия, все против него: прямо на Судских надвигался высоченный вал земли под злостный рокот то ли барабанов, то ли обычного мотора. Не раздумывая он резко отскочил в сторону.

Так и есть: массивным ножом бульдозер греб землю, ровняя площадку. Только теперь Судских почувствовал облегчение и слабость до дрожи в коленях. Он огляделся, ища местечко для отдыха.

Справа от него возвышался Храм, стоя ровно, слева колготились рабочие в оранжевых жилетах и касках, оттуда доносился запах разогретого асфальта. Территорию площадки огораживали красные флажки, за ними толпились люди, праздные и гомонящие, будто признали в нем мессию.

Впрочем, никто не обратил на Судских внимания. Одет расхоже, обычный работяга-строитель. Бульдозерист из кабины лишь скосился на него пренебрежительно: ходят тут всякие...

Осталось пересечь огороженное пространство и скрыться за флажками. И не подземные богатства волновали, не обрушившиеся своды подземелья, а эти несколько метров до свободной земли.

Нагнулся под флажки, пролез, милицейский сержант отодвинул его дальше в толпу, а все людские взоры неотрывно уставились на Храм, просветленные лица казались озаренными благодатью.

Судских выбрался из толпы, присел там на бетонный блок. Снял каску, подставив голову ветерку и солнцу. Хорошо...

Рядом остановилась бабуля. Опираясь на посох, смотрела долго и изучающе. Он на нее — с улыбкой заново рожденного.

— Что, маманя? — первым подал голос Судских.

— Дед Пихто, — ответила она с укоризной. — Не верите в Бога, а он есть, всегда будет во веки веков.

— Конечно, есть и будет во веки веков, — миролюбиво согласился Судских, только согласие его старушку не убедило.

— Надсмешки строишь? — возмутилась она. — Все безбожники, ни во что не верите. Вам по земле ходить — не ходить, а вот оно, божье провиденье! — воскликнула она, указывая на Храм. — Стоит ровнехонько! Приехал владыка, какой ни хворый, помолился, и знак был Господень, и стал Храм как перст, божье прибежище. Вот оно чудо! Веришь? — скосилась она остро и угрожающе. Не поверит он, посохом опояшет по спине.

— Верю, маманя, еще как верю, — улыбался Судских, не боясь наказания.

— Эх ты, — махнула на него рукой старушка. — Аника-воин...

И зашагала неторопливо прочь, оглядываясь на Храм и крестясь.

Судских смотрел на золоченые купола, шурился и улыбался.

Видно, так и приходит чудо к людям, неожиданно и без страха.

И стоять теперь Храму ровно и долго, на сокровищах и мудрости.

Так надо?

Выходит, надо.

Такова воля Творца.

Судских посмотрел на свою руку, по ней неторопливо пробирался муравей, постриг усиками, не понимая, в какой лес забрался. Судских усмехнулся и стряхнул муравьишку у самой земли.

«Ползи дальше, божья тварь. Все мы в неизведанных лесах пробираемся. Даст Бог, крылья обретешь... А куда полетишь?»

Все равно, летать — это прекрасно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

**НОВАЯ СЕРИЯ
СОВРЕМЕННЫХ СУПЕРБОЕВИКОВ
«ГОСПОДИН АДВОКАТ»**

«Господин адвокат» — это новая серия романов Фридриха Незнанского, герой которой — коллега и соратник хорошо знакомого читателям Александра Турецкого, бывший следователь при Генеральном прокуроре России, а ныне член Коллегии адвокатов Юрий Гордеев.

Закулисные интриги и коррупция в судебной системе, «алиби правосудия», ложные обвинения и оправдательные приговоры преступникам, подкуп, шантаж, угрозы и заказные убийства — такова скрытая от постороннего глаза сторона обычных на первый взгляд процессов. Именно та сторона, с которой имеет дело «господин адвокат»...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте».

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения**

Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Карлленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжнигрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрена.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел.: 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Луганская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Гера Александр Иванович

Набат-2

Художественный редактор О. Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: Ю. Ю. Миронова

Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 03.09.99.

Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 31,08.

Тираж 5000 экз. Заказ № 766.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции

ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ»»

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Пасифик Гера»

Москва ВВЦ

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

